СОЧИНЕНІЯ

ПЛАТОНА,

ПЕРЕВЕДЕННЫЯ СЪ ГРЕЧЕСКАГО

И

ОБЪЯСНЕННЫЯ

Профессоромъ Карповымъ.

Часть II.

КРИТОНЪ. — ФЕДОНЪ. — МЕНОНЪ. — ГОРГІАСЪ. —
АЛКИВІАДЪ ПЕРВЫЙ. — АЛКИВІАДЪ ВТОРОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1863.

СОЧИНЕНІЯ

ПЛАТОНА.

СОЧИНЕНІЯ
ПЛАТОНА,

ПЕРЕВЕДЕННЫЯ СЪ ГРЕЧЕСКАГО

И

ОБЪЯСНЕННЫЯ

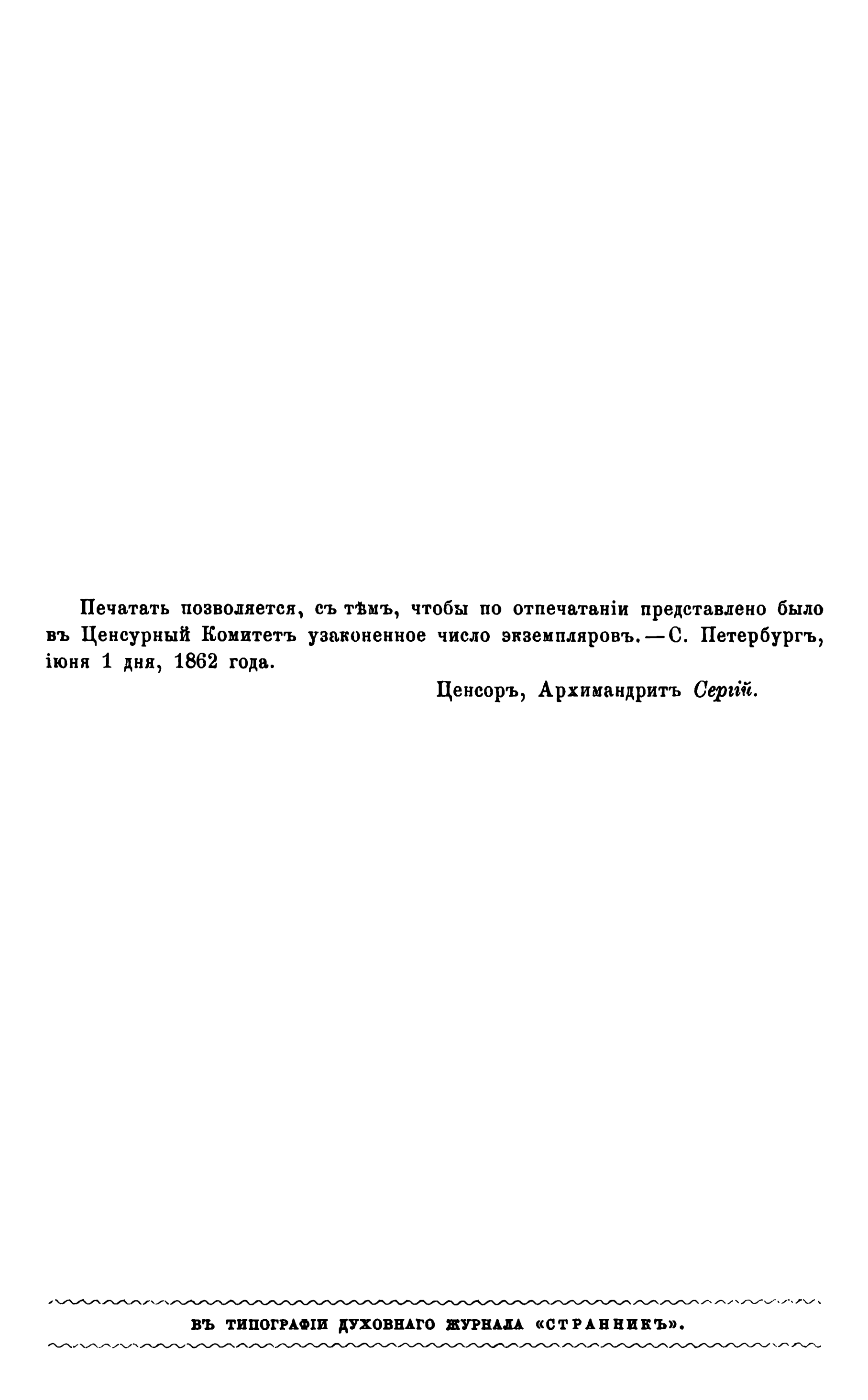
Профессоромъ Карповымъ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ.

Часть II.

КРИТОНЪ. — ФЕДОНЪ. — МЕНОНЪ. — ГОРГІАСЪ. — АЛКИВІАДЪ ПЕРВЫЙ. — АЛКИВІАДЪ ВТОРОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1863.

Печатать позволяется, съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.—С. Петербургъ, іюня 1 дня, 1862 года.

Ценсоръ, Архимандритъ *Сергій.*

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДУХОВНАГО ЖУРНАЛА «СТРАННИКЪ».

КРИТОНЪ.

КРИТОНЪ.

ВВЕДЕНІЕ.

Въ Платоновомъ Критонѣ Сократъ изслѣдываетъ, *чѣмъ обязанъ руководствоваться гражданинъ, живя въ нѣдрѣ общества, и каковы должны быть его отношенія къ отечественнымъ законамъ.* Эта тема мѣтитъ на два совершенно противуположныхъ понятія о *гражданскомъ договорѣ.*

Извѣстно, что греческіе софисты, слѣдуя мнѣнію Протагора [1], почитали законы изобрѣтеніемъ правителей, независимо отъ нуждъ и внутренней природы лицъ, составляющихъ государство; а потому учили, что люди соединяются въ общество только внѣшними условіями, то-есть частными выгодами, стремленіемъ къ безопасности, желаніемъ удовольствій и т. п. Представленіе общаго блага въ ихъ школахъ почитаемо было мечтою; понятіе отечества, счастія, любви и дружбы опредѣлялось у нихъ матеріальными пользами [2]. Что такое отечество? Это игорный домъ, отвѣчали они, въ которомъ всякій имѣетъ право стараться обыграть ближняго, въ которомъ все должно измѣряться внѣшнею свободою, не исключая и закона политическаго.

---

[1] *Plat.* Protag. 326. D. 337. D.

[2] Чувства любви и дружбы, къ сожалѣнію, и въ наше время не рѣдко вводятся въ разрядъ органическихъ связей и утилитарныхъ расчетовъ. Вотъ тутъ-то и нуженъ взглядъ философскій, который бы соображалъ начала съ слѣдствіями, соглашалъ дѣйствія съ причинами и прозиралъ въ соотношенія вещей. Если нравственная любовь—мечта, то всѣ доблестныя чувства—также мечта; потому что послѣднія могутъ являться только подъ формою первой; другой формы для нихъ существо разумное не имѣетъ; а въ неразумномъ нѣтъ и чувства, достойнаго имени «любовь».

къ столь ужасной мысли, погубившей древнюю Элладу, наводнившей кровію Францію и всю западную Европу, приводилъ софистовъ, очевидно, эгоистическій взглядъ на жизнь. Эгоизмъ, по своему существу, есть врагъ общественныхъ связей, основывающихся на взаимной любви, довѣренности и общеніи гражданъ, то-есть, на единствѣ ихъ природы, на тожествѣ ихъ законовъ и святости ихъ цѣлей въ нѣдрѣ религіи. Онъ стремится расторгнуть эту нравственную цѣпь, въ которой одно кольцо держится другимъ, и само служитъ опорою для другаго; потому что здѣсь нужно сердечное самопожертвованіе членовъ общества; а эгоизмъ и жертва — вещи совершенно противуположныя.

Совсѣмъ иначе смотрѣлъ на общество сынъ Софрониска. Разумѣя политическіе законы, какъ выраженія потребностей, таящихся въ душѣ каждаго гражданина, какъ опредѣленія, произносимыя всѣми совѣстями и оправдываемыя всѣми умами, онъ представлялъ себѣ государство собраніемъ лицъ, внутренно и охотно соединившихся для удобнѣйшаго достиженія тѣхъ согласныхъ съ назначеніемъ человѣка цѣлей, которыхъ никто, взятый отдѣльно, достигнуть не можетъ. Значитъ, отечество, по его разумѣнію, есть колоссъ, поднимаемый дружно милліонами рукъ; истина, осуществляемая сочетаніемъ безчисленныхъ понятій; прекрасное, воплощаемое гармоническимъ сліяніемъ различныхъ звуковъ, цвѣтовъ, или красокъ; добро, выражаемое стройными усиліями многообразныхъ дѣятельностей. Тутъ не можетъ быть ни общаго благоденствія безъ частныхъ трудовъ, ни частной пользы безъ общаго блага. Тутъ граждане, если можно сказать, не разъединяются силою центробѣжною, а собираются центростремительно; слѣдовательно тутъ поприще не эгоизма, идущаго отъ центра къ периферіи, а непрестанной жертвы, стремящейся отъ периферіи къ центру. Значитъ, Сократъ, по своимъ началамъ, могъ бы назвать общество политическою планетою, на которой все—и въ высшихъ и въ низшихъ слояхъ ея, тяго-

тѣетъ къ одному средоточію, чтобы вмѣстѣ съ нимъ вращаться вокругъ вѣчнаго солнца, сообщающаго бытіе, жизнь и движеніе царствамъ и народамъ.

Такое-то понятіе объ обществѣ великій нравоучитель Греціи прежде развивалъ всему юношеству, а теперь, за три дня до смерти, внушаетъ одному изъ своихъ друзей, Критону!

Критонъ приходитъ къ Сократу въ темницу,—послѣднее жилище его на землѣ, съ извѣстіемъ, что корабль, отправленный въ Делосъ, уже на возвратномъ пути и не далеко отъ Аѳинъ; слѣдовательно сынъ Софрониска долженъ завтра умереть, р. 43—44. В. Мысль о такой близости его смерти заставляетъ Критона предложить ему бѣгство изъ темницы и доказывать:

1) Что Критонъ будетъ обвиненъ мнѣніемъ толпы, если не убѣдитъ Сократа уйти отъ преслѣдованія закона.

2) Что Сократъ не долженъ удерживаться отъ этого ни соображеніемъ издержекъ, на которыя рѣшаются друзья его, ни представленіемъ личной ихъ опасности, ни мыслію о томъ, гдѣ онъ будетъ жить и что дѣлать.

3) Что ему нужно еще сберечь себя для дѣтей, чтобы дать имъ посильное воспитаніе. 44, р. С.—46. А.

Но сынъ Софрониска сперва отвѣчаетъ вообще, что надобно дѣлать одно справедливое, а потомъ разсматриваетъ частный вопросъ, должно ли слѣдовать мнѣнію толпы и рѣшаетъ его такъ, что только мнѣнія людей, знающихъ справедливое и несправедливое, достойны уваженія, и что надобно цѣнить не просто жизнь, а жизнь хорошую. Признавъ же это заключеніе вѣрнымъ, Сократъ идетъ далѣе и полагаетъ два основанія для послѣдующей бесѣды: 1) что несправедливость ни въ какомъ случаѣ непозволительна, хотя бы она была возмездіемъ за несправедливость; 2) что справедливость требуетъ исполненія условій заключеннаго съ кѣмъ-нибудь законнаго договора. 44, р. С.—50.

Имѣя въ виду эти основанія, Сократъ излагаетъ знаме-

нитую свою просопопею, то-есть олицетворяетъ законы и заставляетъ ихъ изъяснять гражданину-узнику истинныя его отношенія къ отечеству. Вотъ въ чемъ состоятъ онѣ:

1) Гражданинъ долженъ повиноваться законамъ государства; потому что нарушеніе ихъ есть стремленіе погубить законы и государство, p. 50. B. C.

2) Договоръ законовъ съ гражданиномъ состоитъ не въ томъ, что бы первые оказали справедливость послѣднему,— это необходимо вытекаетъ изъ самаго понятія о законѣ,— а въ томъ, чтобы послѣдній повиновался первымъ. Слѣдовательно права ихъ не равны: права законовъ безусловны, а—гражданина — условны; такъ что обязанности въ отношеніи къ законамъ отечества священнѣе обязанностей въ отношеніи къ отцу и матери, p. 50. D.—51. C.

3) Не смотря на безусловныя права свои, аѳинскіе законы еще такъ снисходительны, что позволяютъ гражданину испытать себя и, если не понравятся, даютъ ему полную свободу удалиться, куда угодно. За то, когда гражданинъ призналъ ихъ хорошими и однакожь не повинуется имъ,—они уже почитаютъ его виновнымъ въ отношеніи къ себѣ—и какъ родители, и какъ воспитатели, и какъ управляющая государствомъ, обязательная сила, p. 51. D.—52. A.

4) Но Сократъ постояннымъ пребываніемъ, долголѣтнею жизнію и рожденіемъ дѣтей въ Аѳинахъ, даже тѣмъ, что во время судопроизводства не обрекъ себя на изгнаніе,—выразилъ свою любовь къ законамъ отечества, и если теперь рѣшается нарушить ихъ, то становится предъ ними безотвѣтенъ, p. 52. B.—53. A.

5) Да и какое благо пріобрѣтетъ онъ, ушедши изъ отечества? Въ обществахъ благоустроенныхъ онъ будетъ предметомъ презрѣнія, какъ нарушитель законовъ; а въ неустроенныхъ встрѣтятъ его насмѣшки людей развратныхъ, какъ старика, подвергавшагося такимъ опасностямъ для сбереженія немногихъ лѣтъ дряхлой жизни. Что же касается до дѣтей, то онѣ могли бы быть воспитаны друзьями Сократа

столь же хорошо послѣ его смерти, какъ и въ его отсутствіе. Вообще—нарушивъ законы отечества, Сократъ не только не найдетъ покровителей на землѣ, но встрѣтитъ мстителей и въ преисподней; потому что и тамъ подвергнется суду тѣхъ же самыхъ законовъ, p. 53. B.—54. C.

Итакъ, Сократъ, не вѣрь Критону болѣе, чѣмъ намъ, заключаютъ законы, и не дѣлай того, что онъ говоритъ, p. 54. D. E.

Изъ этого содержанія Сократовой бесѣды съ Критономъ видно, что цѣль ея—апологетическая; то-есть, сынъ Софрониска, и приговоренный къ смерти, и заключенный въ темницу, и доживавшій послѣдніе дни, и уже не ожидавшій ничего отъ земныхъ своихъ судей, тѣмъ не менѣе остается точнымъ исполнителемъ отечественныхъ законовъ и истиннымъ чтителемъ ихъ предписаній; а потому приговоръ, произнесенный надъ нимъ, какъ надъ человѣкомъ гибельнымъ для общества, есть приговоръ неправосудія,—оскорбленіе, нанесенное тѣмъ самымъ законамъ, которые онъ всегда защищалъ, и именемъ которыхъ потомъ присужденъ былъ къ смертной казни. Представленію этой цѣли не препятствуетъ то обстоятельство, что бѣжать изъ темницы убѣждаетъ Сократа не какой-нибудь политикъ или софистъ, а одинъ изъ его друзей, долженствовавшихъ знать строгія правила своего учителя и слѣдовать имъ. Критонъ и Сократъ изображаютъ намъ борьбу человѣка съ самимъ собою въ рѣшительныя минуты его жизни и вмѣстѣ показываютъ, что одна теорія добродѣтели не сдѣлаетъ никого добродѣтельнымъ, что вѣрное знаніе обязанностей гражданина должно быть оправдываемо законною дѣятельностію, что справедливость какъ въ словахъ, такъ и въ поступкахъ, необходимо равна сама себѣ. На эту то конечно мысль мѣтитъ слѣдующая иронія Сократа: «можетъ быть это и хорошо было говорено, пока мнѣ не приходилось умереть; а теперь видно обнаружилось, что я говорилъ такъ, для вида, что слова мои на самомъ дѣлѣ были ребячество и болтанье». p. 46. D.

Впрочемъ, касательно подлинности лица Критонова въ этомъ разговорѣ, критики еще не согласны между собою. Діогенъ Лаерцій приводитъ преданіе (II. 20. 53. 60), что бѣжать изъ темницы предлагалъ Сократу не Критонъ, а Эсхинъ, и что Эсхина Платонъ замѣнилъ Критономъ, въ угодность Аристиппу.

Если этому преданію мы припишемъ нѣкоторое правдоподобіе; то придемъ къ слѣдующему вопросу: разсматриваемый разговоръ, есть ли свободное произведеніе ума Платонова, или изложеніе бесѣды дѣйствительно Сократовой? Очень вѣроятно, что ученики Сократа старались спасти своего учителя отъ смерти и убѣждали его воспользоваться ихъ усердіемъ. Значитъ, историческая сторона Платонова Критона можетъ быть почитаема почти несомнѣнною. Если же такъ; то Сократу по видимому не иначе надлежало и отвѣчать на представленія своихъ учениковъ, какъ онъ въ самомъ дѣлѣ отвѣчаетъ въ Критонѣ. Здѣсь частный оттѣнокъ Платонова генія виденъ только въ идеализаціи закона. Слѣдовательно Платонъ, въ отношеніи къ Сократу, бесѣдовавшему въ темницѣ, былъ не болѣе какъ мимикъ. Но въ такомъ случаѣ, что заставило его замѣнить Эсхина Критономъ? Хотя Аѳиняне, умертвивъ Сократа, раскаялись въ своемъ поступкѣ и память умершаго почтили всенародными почестями; однакожъ это не могло случиться скоро. Напротивъ, гораздо вѣроятнѣе, что тотчасъ послѣ его смерти, ненависть Аѳинянъ обратилась и на друзей его: — потому-то безъ сомнѣнія почти всѣ они вскорѣ разъѣхались изъ Аѳинъ. Соображая эти обстоятельства, можно догадываться, что тогда, какъ Платонъ издавалъ разсматриваемый разговоръ, Эсхинъ, другъ Аристиппа, человѣкъ молодой,—былъ еще живъ, а Критонъ, по лѣтамъ сверстникъ Сократа, уже умеръ, и что слѣдовательно перемѣна говорящаго лица въ Платоновомъ Критонѣ могла произойти изъ опасенія возбудить противъ Эсхина народную ненависть. Этимъ отчасти мо-

жетъ опредѣляться и время изданія Критона: то-есть, онъ долженствовалъ быть написанъ послѣ смерти Сократа, но прежде нежели народъ воздвигъ ему статую на площади Аѳинской [1].

[1] *Theoph. Adami* diss. de statua Socratis, Atheniensium poenitentiæ monumento publico. Lips. 1745. 4.

ЛИЦА РАЗГОВАРИВАЮЩІЯ:

СОКРАТЪ И КРИТОНЪ.

48. *Сокр.* Что такъ рано пришелъ ты, Критонъ? Или уже не рано?

Крит. Нѣтъ, очень рано.

Сокр. А сколько времени?

Крит. Глубокое утро [1].

Сокр. Удивительно, какъ темничный сторожъ захотѣлъ услышать и впустить тебя.

Крит. Онъ уже расположенъ ко мнѣ, Сократъ; потому что я часто хожу сюда; да и нѣсколько облагодѣтельствованъ мною.

Сокр. Но ты пришелъ сей часъ, или давно?

Крит. Довольно давно.

B. *Сокр.* Такъ для чего тогда же не разбудилъ меня, а сидѣлъ молча?

Крит. О, клянусь Зевсомъ, Сократъ, что и самъ я не желалъ бы проводить время въ такомъ бодрствованіи и страданіи, и вотъ давно уже удивляюсь, смотря, какъ сладко спишь ты. Мнѣ нарочно не хотѣлось будить тебя, чтобы твое время текло, сколько можно, пріятнѣе. Правда, я и прежде не рѣдко почиталъ счастливымъ нравъ твой, обнаруживав-

---

[1] *ὄρθρος βαθύς*. Этимъ выраженіемъ Критонъ точнѣе опредѣляетъ значеніе предыдущаго *πρῴ*, рано; ибо послѣднее можетъ относительно указывать на всякое время, а *ὄρθρος*, по Фриниху, есть *τὸ πρὸ ἀρχομένης ἡμέρας, ἐν ᾧ ἔτι λύχνῳ δύναταί τις χρῆσθαι* Далѣе: глаголы *услышать* и *впустить* соотвѣтствуютъ одному греческому *ὑπακούειν*, подобно тому, какъ Protag. 314. А *встать* и *выйти*—одному *ἐξαναστᾶν*. См. примѣчаніе къ этому мѣсту.

шійся во всей жизни; а теперь при настоящемъ бѣдствіи— тѣмъ болѣе: какъ легко и кротко переносишь ты это бѣдствіе.

Сокр. Но странно было бы, Критонъ, если бы такой старикъ, какъ я, безпокоился, что ему надобно умереть.

Крит. Однакожъ другіе старики, Сократъ, подвергаясь C.
подобнымъ бѣдствіямъ, не находятъ въ своемъ возрастѣ защиты отъ безпокойствъ относительно настоящей опасности.

Сокр. Правда; но съ чѣмъ же ты пришелъ такъ рано?

Крит. Я съ горестнымъ извѣстіемъ, Сократъ,—не для тебя, какъ мнѣ кажется, а для меня и всѣхъ твоихъ ближнихъ, — съ извѣстіемъ горестнымъ и убійственнымъ, которое перенесть мнѣ было бы, по видимому, тяжелѣе всего [1].

Сокр. Съ какимъ же это? Вѣрно возвратился изъ Делоса тотъ корабль, по возвращеніи котораго мнѣ должно умереть [2].

Крит. Не то что бы возвратился, но кажется прибудетъ D.
нынѣ, судя по словамъ тѣхъ, которые пріѣхали сюда съ Сунійскаго мыса и оставили его тамъ. Да, эти извѣстія показываютъ, что онъ возвратится нынѣ, и что слѣдовательно завтра, Сократъ, тебѣ необходимо будетъ окончить свою жизнь.

---

[1] Ib. C. *Которое перенесть мнѣ было бы, по видимому, тяжелѣе всего*, *ἣν ἐγώ, ὡς ἐμοὶ δοκῶ, ἐν τοῖς βαρύτατ᾽ ἂν ἐνέγκαιμι*. Переводчика можетъ затруднять здѣсь *ἄν*; потому что Критонъ уже получилъ извѣстіе и долженъ былъ говорить положительно о своей скорби. Но *ἂν ἐνέγκαιμι* указываетъ не на возвращеніе корабля, а на имѣющую послѣдовать за тѣмъ смерть Сократа. При томъ Критонъ пришелъ съ надеждою уговорить своего друга къ бѣгству изъ темницы, и представляетъ, что если бы надежда его не сбылась, то ему было бы тяжелѣе всего перенести наступающее бѣдствіе.

[2] Аѳиняне ежегодно праздновали день благополучнаго возвращенія Тезея съ острова Крита. Праздникъ состоялъ въ томъ, что въ этотъ день увѣнчиваемъ былъ корабль и на немъ послы, *θεωροί* (отъ глаг. *ὦρεῖν* т. е. *φροντίζειν*, *θεραπεύειν*, и *θεός* т. е. Аполлонъ), отправлялись на Делосъ, для принесенія жертвы Аполлону. Ихъ плаваніе, смотря по погодѣ, иногда продолжалось около мѣсяца, и во все это время въ Аѳинахъ не позволялось исполнять приговоровъ надъ преступниками, присужденными къ смерти (*Xenoph.* Mem. IV. 8. 2.). Окончательный судъ надъ Сократомъ случился на другой день по отплытіи увѣнчаннаго корабля; а по тому Сократъ содержался въ темницѣ до его возвращенія, и именно тридцать дней. Phaed. init.

Сокр. Счастливаго ему возвращенія [1], Критонъ! Пусть будетъ, если это угодно богамъ. Но я не думаю, чтобы онъ прибылъ сегодня.

44. *Крит.* Изъ чего же ты заключаешь?

Сокр. Я скажу тебѣ. Вѣдь мнѣ должно умереть на другой день по возвращеніи корабля?

Крит. Господа этого дѣла [2] говорятъ именно такъ.

Сокр. Значитъ, онъ прибудитъ не въ наступающій день, а завтра: — заключаю изъ сна, который я видѣлъ незадолго [3] въ эту ночь. Потому-то ты, должно быть, и кстати не разбудилъ меня.

Крит. Какой же это сонъ?

Сокр. Мнѣ приснилось, что какая-то красивая и благовидная женщина, одѣтая въ бѣлое платье, подошедши, кликнула меня и сказала: Сократъ! на третій день ты вѣрно
B. прибудешь въ холмистую Фтію [4].

Крит. Какой странный сонъ, Сократъ!

Сокр. Да ясенъ-таки, какъ мнѣ по крайней мѣрѣ кажется, Критонъ.

Крит. По видимому, ужь слишкомъ. Но, почтеннѣйшій Сократъ! хоть теперь послушайся меня [5] и спасись. Вѣдь я,

---

[1] *τύχῃ ἀγαθῇ*,—извѣстная формула привѣтствія, которою Греки выражали свое благожеланіе отъѣзжающимъ, или пріѣзжающимъ. У Римлянъ соотвѣтствовала ей: quod bene vertat, quod felix faustumque sit. Symp. p. 177. E.

[2] То-есть одиннадцать архонтовъ, на которыхъ лежала обязанность исполнять судейскіе приговоры надъ преступниками. См. Apol. Sogr. 39. C.

[3] Слово «незадолго» *ὀλίγον πρότερον*, поставлено здѣсь, кажется, не безъ причины. Древніе полагали, что сны послѣ полуночи бываютъ вѣрны. *Hom.* Odyss. IV. v. 842. XX. v. 82 — 91. *Horat.* Satir. 1. 10. 33. Quirinus post mediam noctem visus, quum somnia vera.

[4] *ἤματί κεν τριτάτῳ Φθίην ἐρίβωλον ἵκοιω*. Это предсказаніе есть стихъ Иліады IX. 363, произнесенный Ахиллесомъ, который, разгнѣвавшись на Агамемнона, приходитъ къ Улиссу и объявляетъ, что чрезъ три дня онъ будетъ въ холмистой Фтіи, то-есть въ своемъ отечествѣ. По этому у Омира читается *ἱκοίμην*. Само собою разумѣется, что Сократъ указываетъ этимъ на будущую жизнь.

[5] Это выраженіе показываетъ, что Критонъ и прежде упрашивалъ Сократа бѣжать изъ темницы; но всѣ прозьбы его были отвергаемы.

когда ты умрешь, подвергнусь не одному несчастію: кромѣ
того, что лишусь друга, какого мнѣ никогда не найти, я
покажусь толпѣ, недовольно знающей меня и тебя, человѣ-
комъ безпечнымъ, который могъ бы спасти тебя, если бы
захотѣлъ употребить деньги. А какая молва можетъ быть C.
постыднѣе той, которая приписываетъ кому-нибудь бóль-
шую любовь къ деньгамъ, чѣмъ къ друзьямъ! Вѣдь толпа
не повѣритъ, что не смотря на сильное наше убѣжденіе,
ты самъ не захотѣлъ выдти отсюда.

Сокр. Но что намъ такъ заботиться о народной молвѣ, добрый Критонъ! Люди честнѣйшіе, которыхъ мнѣніемъ надобно особенно дорожить, будутъ думать, что дѣлу надлежало сдѣлаться такъ, какъ оно сдѣлается.

Крит. Но вотъ ты видишь, Сократъ, что необходимо
заботиться и о народномъ мнѣніи: настоящее именно собы-
тіе показываетъ [1], что толпа можетъ производить не малень- D.
кое, а дѣйствительно величайшее зло, когда кто-нибудь бы-
ваетъ оклеветанъ предъ нею.

Сокр. Да и надобно, Критонъ, чтобъ она могла производить величайшее зло: тогда она имѣла бы силу и для произведенія величайшаго добра, — тогда было бы хорошо. Но теперь она не въ состояніи сдѣлать ни того ни другаго,—ни умнаго ни глупаго, а дѣлаетъ, что случится.

Крит. Пусть ужъ это такъ; но скажи мнѣ вотъ что, E.
Сократъ: не бережешь ли ты меня и прочихъ друзей сво-
ихъ, думая, что если выдешь отсюда, то ябедники запу-
таютъ насъ въ бѣду, будто мы похитили тебя, и что намъ
необходимо будетъ или бросить здѣсь все свое имущество,
а не то, — много денегъ, или сверхъ того потерпѣть и что
нибудь иное? Если ты въ самомъ дѣлѣ боишься подобныхъ
вещей; то оставь свой страхъ. Для спасенія тебя, мы обя- 45.

---

[1] *αὐτὰ δὲ δῆλα τὰ παρόντα νυνί*. Должно замѣтить, что *δῆλον* иногда имѣетъ значеніе дѣйствія и выражаетъ то же, что *δηλοῖ* или *δηλοτικόν*. Поэтому нѣтъ надобности, вмѣстѣ съ Стефаномъ, замѣнять его глаголомъ *δηλοῖ*.

заны подвергнуться такой, а если бы понадобилось, и большей опасности. Послушайся же меня и не иначе сдѣлай.

Сокр. И это берегу я Критонъ, и многое другое.

Крит. Не бойся же этого. Вѣдь и платы-то немного,
за которую берутся спасти тебя и вывесть отсюда. Такъ не
видишь ли самъ ты [1], какъ дешевы эти ябедники и какъ мало
B. для нихъ нужно? Для тебя, думаю, довольно будетъ и моихъ
денегъ: если же, заботясь обо мнѣ, ты скажешь, что моихъ
употреблять не должно; то живущіе здѣсь иностранцы [2] готовы употребить свои. Одинъ Симміасъ ѳивскій принесъ нарочно для этого достаточную сумму; а принесутъ и Кевисъ
и другіе очень многіе. Итакъ, спасаясь, не бойся, говорю, будто затруднишь кого нибудь. Не затрудняйся и тѣми словами, которыя сказалъ ты въ судѣ [3], что, то-есть, вышедши
отсюда, не найдешь чѣмъ заняться. Вѣдь и въ другихъ мѣс-
C. тахъ, куда бы ты ни пришелъ, вездѣ полюбятъ тебя: а если
хочешь отправиться въ Ѳессалію; то у меня тамъ есть знакомые, которые будутъ тебѣ очень рады и доставятъ безопасное убѣжище, такъ что въ Ѳессаліи ты ни отъ кого не получишь неудовольствія. При томъ, мнѣ кажется, Сократъ, что предавая самъ себя, когда могъ бы спастись, ты рѣшаешься даже на дѣло несправедливое: ты стремишься причинить себѣ то самое, къ чему стремились бы и стремятся враги твои, желающіе тебѣ погибели. Сверхъ того, ты повидимому предаешь и сыновей своихъ, когда такъ поспѣшно оставляешь
D. ихъ, имѣя возможность дать имъ воспитаніе и образованіе.

---

[1] *ἔπειτα οὐχ ὁρᾷς.* Слова *εἶτα* и *ἔπειτα* въ вопросительной рѣчи ставятся предъ заключеніемъ и выражаютъ негодованіе или презрѣніе. Напримѣръ: *Aristoph.* Nubb. v. 226 *ἔπειτ' ἀπὸ ταῤῥοῦ τοὺς θεοὺς ὑπερφρονεῖς*; такъ сидя въ корзинѣ, ты презираешь боговъ? Versp. v. 1128. *ἔπειτα παῖδας χρὴ φυτεύειν καὶ τρέφειν*; такъ послѣ этого, думаешь, надобно рождать и воспитывать дѣтей?

[2] Преимущественно Симіасъ и Кевисъ, Ѳивейцы, короткіе друзья Сократа. Жизнеописанія и мнѣнія ихъ изложены Діогеномъ Лаерц. 11. 124. 125. Оба они писали въ философскомъ родѣ. До насъ дошла *Картина Кевиса*, если только она дѣйствительно Кевисова.

[3] Указывается на Апол. Сокр. p. 37. C. D.

Твоя вина, если они будутъ жить, какъ случится; а случится
вѣроятно то, что обыкновенно бываетъ съ сиротами во время
сиротства ихъ. Или уже не надобно раждать дѣтей, или надоб-
ню принимать участіе въ вырощеніи и воспитаніи ихъ. Ты
кажется избираешь, что полегче; а избрать слѣдовало бы то,
что избралъ бы человѣкъ мудрый и мужественный, по сло-
вамъ котораго, вся жизнь должна быть посвящена добродѣ-
тели. И такъ, я стыжусь за тебя и за насъ, друзей твоихъ, E.
представляя, что все твое дѣло будетъ свидѣтельствовать о
какомъ-то нашемъ малодушіи: и внесеніе доноса въ судъ,
какъ онъ внесенъ [1], и самый процессъ, какъ онъ произве-
денъ, и этотъ конецъ, какъ смѣшная развязка драммы,—все
это, будто по какому нерадѣнію и малодушію, ускользнуло
отъ насъ, такъ какъ ни мы не спасли тебя, ни ты не заботил- 46.
ся о своемъ спасеніи, хотя могли и имѣли силу, если бы съ
нашей стороны была и не большая услуга. Итакъ смотри,
Сократъ, что бы вмѣстѣ съ зломъ не навлечь на себя и на
насъ еще стыда. Подумай:—да и думать-то нѣкогда; остает-
ся принять совѣтъ. А совѣтъ одинъ: все должно совершиться
въ слѣдующую ночь; если же нѣсколько промедлимъ, то уже
не будетъ ни силъ, ни возможности. Непремѣнно послушайся
меня, Сократъ, и отнюдь не дѣлай иначе.

Сокр. Любезный Критонъ! ревность твоя драгоцѣнна, если B.
бы можно было соединить ее съ справедливостію: а когда не-
льзя; то чѣмъ она болѣе, тѣмъ преступнѣе. Мы должны из-
слѣдовать, надобно ли это дѣлать, или нѣтъ. Вѣдь я нетоль-
ко нынѣ, но и всегда былъ таковъ, что изъ всего моего, вѣ-
рилъ единственно тому основанію, которое въ моихъ умоза-

---

[1] ὡς εἰςῆλθες. По всей вѣроятности надобно читать: ὡς εἰςῆλθεν. Этого чтенія держится и Вольфъ, слѣдуя лучшимъ спискамъ Платоновыхъ сочиненій. Но дальнѣйшія слова: ἐξὸν μὴ εἰςελθεῖν суть или глоссема, или неполная фраза. Предположивъ послѣднее, надлежало бы читать: ἦν δ᾽ ἐξὸν μὴ εἰςελθεῖν. Этою мыслію тогда, можетъ быть, указывалось бы или на законъ, упоминаемый Лизіасомъ (p. 354 ed. Reisk.), что δεδιότι δίκης ἕνεκα δρασκάζειν, то-есть обвиняемому, не надѣющемуся оправдаться, позволяется бѣжать, — или на расположеніе Анита помириться съ Сократомъ, послѣ того какъ онъ представилъ въ судъ свой доносъ. *Liban*. T. 1. p. 644.

ключеніяхъ казалось мнѣ самымъ лучшимъ. А прежде высказанныя мною основанія отвергать я не могу — теперь, когда участь моя довела меня до такого состоянія: напротивъ онѣ представляются мнѣ почти сходными; я и нынѣ уважаю и по-
C. читаю тѣже, какія прежде. И такъ, если въ настоящее время мы не найдемъ лучшихъ; то знай, что я никакъ не соглашусь съ тобою, хотя бы сила толпы еще болѣе, чѣмъ теперь, пугала насъ, будто дѣтей, оковами, смертями и отнятіемъ имущества. Но какъ бы намъ изслѣдовать это сообразнѣе съ дѣломъ [1]? Не пересмотрѣть ли напередъ ту причину, которую находишь ты въ мнѣніяхъ? Хорошо ли то-есть мы всякій разъ говорили, или не хорошо, что на однѣ изъ нихъ надоб-
D. но обращать вниманіе, а на другія — не надобно? Впрочемъ, можетъ быть, это и хорошо было говорено, пока мнѣ не приходилось умереть; а теперь, видно, обнаружилось, что я говорилъ такъ, лишь бы сказать, что слова мои на самомъ дѣлѣ были ребячество и болтанье? Да, Критонъ, я хочу вмѣстѣ съ тобою разсмотрѣть, иною ли представляется мнѣ та причина — теперь, когда я нахожусь въ этомъ состояніи, или тою же, и надобно ли оставить ее, или слѣдовать ей. А говорено людьми, увѣренными въ дѣльности своихъ словъ, всегда было, по видимому, то самое, что я и теперь сказалъ, то-
E. есть: изъ мнѣній, распространяемыхъ въ свѣтѣ, однѣ достойны уваженія, а другія — нѣтъ. Ради боговъ, Критонъ, не
47. кажется ли тебѣ, что эти слова хороши? Ты вѣдь, судя почеловѣчески, не завтра умрешь; тебя не отталкиваетъ отъ истины настоящее бѣдствіе. Смотри же, не дѣльно ли, по твоему мнѣнію, говорится, что не всѣ человѣческія мнѣнія надобно уважать, но однѣ — такъ, а другія — нѣтъ? и не

---

[1] *μετριώτατα σκοποίμεθα αὐτά*; *Μετρίως σκοπεῖσθαι* значитъ изслѣдовать надлежащимъ образомъ, какъ должно, по существу дѣла. Въ этомъ смыслѣ *μετρίως λέγειν* употребляется Theaet. p. 180. C. de Rep. IV. p. 421. C. VI. p. 484. B. al. Ниже D. выраженіе: *въ дѣльности своихъ словъ*, *τι λέγεις*, противуполагается словамъ: *ребячество и болтанье*, *ληρεῖν καὶ ληρεῖν*; изъ этого видно, въ какомъ смыслѣ надобно всегда разумѣть его. *Vigerus*. p.731.

всѣхъ людей мнѣнія, но однихъ—такъ, а другихъ — нѣтъ? Что скажешь? не хорошо ли это положено?

Крит. Хорошо.

Сокр. Значитъ, мнѣнія добрыя надобно уважать, а худыя — нѣтъ?

Крит. Да.

Сокр. Но мнѣнія добрыя не суть ли мнѣнія людей благоразумныхъ, а худыя — безумныхъ?

Крит. Какъ же иначе?

Сокр. Вспомни же, что было сказано: кто занимается гимнастикою и дѣлаетъ это; тотъ обращаетъ вниманіе на по- B.
хвалу, охужденіе и отзывъ каждаго ли человѣка, или только того, кто случится тутъ изъ врачей, либо палестристовъ?

Крит. Только того.

Сокр. Значитъ, надобно бояться охужденій и наслаждаться похвалами его одного, а не толпы?

Крит. Очевидно.

Сокр. По этому и дѣйствовать, и заниматься гимнастическими упражненіями, и ѣсть и пить — такъ, какъ нравится одному знатоку и хвалителю, чѣмъ такъ, какъ хочется всѣмъ другимъ.

Крит. Правда.

Сокр. Хорошо. Но кто не слѣдуетъ этому одному и уни- E.
чижаетъ его мнѣніе, его похвалы, а напротивъ уважаетъ мнѣнія толпы и невѣжества; тотъ неужели не потерпитъ никакого зла?

Крит. Какъ не потерпѣть?

Сокр. Въ чемъ же состоитъ это зло? куда оно направляется, и къ чему приражается въ человѣкѣ непослушномъ?

Крит. Очевидно къ тѣлу; потому что разрушаетъ его.

Сокр. Ты хорошо говоришь. Значитъ, и другое такимъ же образомъ, Критонъ, чтобы не перечислять всего. То-есть, и въ справедливомъ и несправедливомъ, и въ постыдномъ и похвальномъ, и въ добромъ и зломъ, о чемъ теперь разсуждаемъ, должны ли мы сообразоваться съ мнѣніями толпы и

бояться ихъ, или съ мнѣніемъ одного, который знаетъ это и котораго надобно стыдиться и опасаться болѣе, чѣмъ всѣхъ другихъ,—такъ какъ, не слѣдуя ему, испортимъ и обезобразимъ то, что отъ справедливости улучшалось, а отъ несправедливости погибало [1]? Или это ничего?

Крит. Я думаю, Сократъ.

Сокр. А ну-ка такъ: если, не слѣдуя мнѣнію людей знающихъ, мы разстроили то, что отъ здоровья дѣлается лучшимъ, а отъ болѣзни разрушается; то, по разрушеніи этой
E. вещи — разумѣю хоть тѣло, — живется намъ или нѣтъ?

Крит. Да.

Сокр. То есть, живется съ дряхлымъ и разрушеннымъ тѣломъ?

Крит. О, нѣтъ.

Сокр. А живется ли, когда испорчено то, что повреждается несправедливостію и исцѣляется справедливостію? Или
48. это — что ни разумѣли бы мы въ себѣ подъ именемъ вещи, въ разсужденіи которой возможна несправедливость и справедливость,—по нашему мнѣнію, хуже тѣла?

Крит. Отнюдь нѣтъ.

Сокр. Значитъ дороже?

Крит. И гораздо.

Сокр. Слѣдовательно намъ должно, почтеннѣйшій, имѣть столь великую заботливость — не о томъ, что скажетъ о насъ толпа, а о томъ, что скажетъ знающій справедливое и несправедливое: этотъ одинъ и есть истина. Такъ вотъ первый твой совѣтъ и не годится, что то-есть въ справедливомъ, похвальномъ, добромъ и противномъ тому, мы обязаны заботиться о мнѣніи толпы. Но вѣдь толпа-то, возразитъ кто-нибудь, въ состояніи лишить насъ жизни?

Крит. Да и то очевидно; конечно возразятъ, Сократъ.

---

[1] *ὃ τῷ μεν δικαίῳ βέλτιον ἐγίγνετο, τῷ δὲ ἀδίκῳ ἀπώλλυτο.* Этими прошедшими временами указывается на мнѣнія Сократа въ прежней его жизни, какъ онъ разсуждалъ о томъ съ своими учениками. Сократъ хотѣлъ сказать: *ὃ τῷ μὴν δικαίῳ βέλτιον γίγνεσθαι, τῷ δὲ ἀδίκῳ ἀπόλλυσθαι ἐλέγετο ἑκάστοτε ὑφ' ἡμῶν περὶ τῶν τοιούτων διαλεγομένων.*

Сокр. Ты правду говоришь. Но та-то самая мысль, чудный человѣкъ, которую мы теперь раскрывали, мнѣ кажется и походитъ на прежнюю [1]. Смотри, вотъ и другая: стойка ли она у насъ или нѣтъ? — То-есть, надобно дорожить не тѣмъ, что бы жить, а тѣмъ, что бы хорошо жить.

Крит. Да, стойка.

Сокр. И то стойко,—или нѣтъ, что добродѣтельно, хорошо и справедливо — одно и тоже?

Крит. Стойко.

Сокр. Давай же, на основаніи принимаемыхъ нами истинъ, изслѣдуемъ, справедливо ли мнѣ пытаться выйти отсюда, противъ воли Аѳинянъ, или несправедливо. Если от- C.
кроется, что справедливо, попытаемся; а когда нѣтъ,—оставимъ это. Что же касается до твоихъ разсужденій о потерѣ денегъ, о мнѣніи, о воспитаніи дѣтей; то онѣ, Критонъ, вовсе не таковы у толпы, которая легкомысленно умерщвляетъ и безъ ума оживляла бы, если бы могла. Нѣтъ; намъ, поколику мы водимся разумомъ, надобно разсмотрѣть то, о чемъ сейчасъ говорили, справедливо ли то-есть поступимъ мы, когда заплатимъ деньги и возблагодаримъ тѣхъ, которые выведутъ меня отсюда? справедливы ли будемъ — и выводящіе и вы- D.
водимые, или, дѣлая все это, оскорбимъ истину? Если такіе поступки окажутся несправедливыми; то-чтобы не защищаться и быть готовыми лучше умереть, или потерпѣть что-нибудь подобное, оставаясь здѣсь и ничего не предпринимая, чѣмъ умышлять неправду.

Крит. Ты, кажется, очень хорошо говоришь, Сократъ; изслѣдуй же, что намъ дѣлать.

Сокр. Постараемся изслѣдовать общими силами, добрый другъ мой,—и если ты будешь въ состояніи сказать что-нибудь противъ словъ моихъ, говори; я готовъ послушаться тебя: а когда нѣтъ, — оставь уже, любезнѣйшій, непрестанно E.
повторять одно и тоже,—что надобно выйти отсюда противъ

---

[1] То-есть, мы и прежде говорили, что не должно слѣдовать мнѣніямъ толпы, хотя бы она покушалась на нашу жизнь.

воли Аѳинянъ. Для меня дорого быть убѣжденнымъ тобою, что это нужно сдѣлать; лишь бы не сдѣлать мнѣ нехотя [1]. Смотри же, вотъ начало изслѣдованія: удовлетворитъ ли оно тебя? По-
49. старайся отвѣчать на вопросы, какъ думаешь лучше.

Крит. Хорошо, постараюсь [2].

Сокр. Скажемъ ли мы, что по охотѣ никакимъ образомъ не должно дѣлать несправедливость, или допустимъ, что однимъ образомъ должно, а другимъ нѣтъ? Согласимся ли, — какъ часто и въ прежнее время соглашались, и сей-часъ говорили, — что оказываніе несправедливости отнюдь не есть ни доброе ни похвальное дѣло, или всѣ тѣ прежнія наши положенія въ теченіе этихъ немногихъ дней уплыли, — и мы, Критонъ, разсуждавшіе нѣкогда другъ съ другомъ серьёзно, какъ люди, дожившіе до та-
B. кой старости, нынѣ забываемся и ничѣмъ неотличны отъ дѣтей? А можетъ быть, напротивъ, не то ли совершенно справедливо, что говорили мы тогда? —То-есть, подтверждаетъ ли толпа или не подтверждаетъ, надобно ли намъ перенесть что нибудь еще тяжелѣйшее или легчайшее, — но дѣлать несправедливость несправедливому, какимъ бы-то ни было обра-

---

[1] *ἐγὼ περὶ πολλοῦ ποιοῦμαι πεῖσαί σε ταῦτα πράττειν, ἀλλὰ μὴ ἄκοντος.* Это выраженіе можетъ быть переведено двоякимъ образомъ: 1) я дорого цѣню, что ты убѣждаешь меня сдѣлать это,—но только бы не противъ моей воли; 2) я дорого цѣню убѣдить тебя сдѣлать это, лишь бы не противъ твоей воли. Двузнаменательность этой фразы зависитъ отъ неокончат. *πεῖσαί σε*, котораго подлежащимъ можетъ быть и Критонъ и Сократъ. По моему мнѣнію, подлежащее здѣсь Критонъ, такъ что къ слову *μὴ ἄκοντος* надобно умственно присоединить *μοῦ*; потому что въ противномъ случаѣ Сократу было бы дорого убѣдить Критона только въ томъ, чтобы онъ не повторялъ одного и того же; а этому смыслу противорѣчитъ значеніе глагола *πράττειν*, которое всегда ставится въ связи съ предикатомъ положительнымъ. При томъ должно замѣтить, что *μὴ ἄκοντος* относится не къ *πεῖσαι*, а къ *πράττειν*; ибо иначе стояло бы *μὴ ἄκοντα*. Впрочемъ, вмѣсто того, чтобы сказать: мнѣ дорого, что ты убѣждаешь меня, я перевожу: для меня дорого быть убѣжденнымъ тобою; такого оборота рѣчи требуетъ аористъ *πεῖσαι*.

[2] *ἀλλὰ πειράσομαι.* Такъ употребляется *ἀλλὰ* въ смыслѣ одобренія, или, какъ говорятъ грамматики, *ἀποστατικῶς*. Подобное употребленіе этого союза см. de Rep. IV. p. 421. *ἀλλὰ καλῶς μοι δοκεῖς λέγειν.* ***Hoogven***. doctrina particularum ling. gr. 13. VI.

зомъ, и преступно и постыдно [1]. Скажемъ ли это, или нѣтъ?

Крит. Скажемъ. C.

Сокр. Слѣдовательно дѣлать несправедливость никакъ недолжно.

Крит. Никакъ [2].

Сокр. А если ни какъ не должно; то, вопреки мнѣнію толпы, не должно также и платить несправедливостію за несправедливость?

Крит. Кажется.

Сокр. Что же теперь [3]? дѣлать зло, Критонъ, должно или нѣтъ?

---

[1] Протагоръ, Горгіасъ и другіе софисты учили, что надобно доброхотствовать друзьямъ и вредить врагамъ (Apolog. Socr. p. 28. C. Archiloch. ap. *Theophil.* ad Autolyc. L. II. 37. Ἐν δ' ἐπίσταμαι μέγα, τὸ κακῶς τι δρῶντα δεινοῖς ἀνταμείβεσθαι κακοῖς. Solon. in *Brunckii* Poët. gnom. p. 73. Εἶναι δὲ γλυκὺν ὧδε φίλοις, ἐχθροῖσι δὲ πικρόν· τοῖσι μὲν αἰδοῖον, τοῖσι δὲ δεινὸν ἰδεῖν. Fragm. ap. *Valcken.* p. 157. Ἐχθρὸν κακῶς δρᾶν ἀνδρὸς ἡγοῦμαι μέρος). Напротивъ Сократъ доказывалъ, что за несправедливость не должно платить несправедливостію, то-есть, враждебныя отношенія человѣка еще никому не даютъ права дѣлать ему зло. Однажды спросили Сократа (Gorg. p. 469): «неужели согласился бы онъ лучше быть обиженнымъ, нежели обидѣть»? Сынъ Софрониска отвѣчалъ: «я не хотѣлъ бы ни того ни другаго: но еслибы встрѣтилась необходимость либо обидѣть, либо быть обиженнымъ, то скорѣе избралъ бы послѣднее, чѣмъ первое». Сколь ни высока эта нравственность въ сравненіи съ софистическою; но что значитъ она предъ нравственностію христіанскою, которая повелѣваетъ не только не обижать враговъ, но еще любить ихъ и благотворить имъ!

[2] οὐ δῆτα. Частица δῆτα въ отвѣтахъ обыкновенно соединяется либо съ μή, либо съ οὐ. Μὴ δῆτα выражаетъ страстное движеніе чувства, отвращающагося отъ чего-нибудь; напр. *Eurip.* Orest. v. 1329. θανεῖν Ὀρέστην κἄμ' ἔδοξε τῇδε γῇ.—Μὴ δῆτα, Оресту и мнѣ суждено въ этой землѣ умереть. — Да не будетъ. Напротивъ οὐ δῆτα только усиливаетъ отрицаніе, напр. *Aristoph.* Acharn. v. 619. ὦ δημοκρατία, ταῦτα δῆτ' ἀνασχετά; — οὐ δῆτα. О демократія! это ли можно стерпѣть?—Никакъ.

[3] τί δὲ δή; Эта формула употребляется въ смыслѣ заключительномъ: 1) при увѣщаніяхъ, и соотвѣтствуетъ русской: *такъ что же?* Напр. *Plat.* Protag. p. 358. τί δὲ δή, ὦ ἄνδρες, τὸ τοιόνδε αἱ ἐπὶ τούτου πράξεις ἅπασαι κ.τ.λ. Такъ что же это, почтеннѣйшіе? Всѣ наши дѣйствія и проч.; 2) При возвращеніи къ главному предмету рѣчи, какъ русское *ну, а ....;* напр. *Euthyphr.* p. 14 Τί δὲ δή; τῶν πολλῶν καὶ καλῶν κ. τ. λ. Ну, а изъ многихъ прекрасныхъ дѣлъ, производимыхъ богами, и проч. 3) При выведеніи результата послѣ изслѣдованія; порусски: *что же теперь?* Напр. въ Hipp. p. 575 послѣ многократнаго повторенія τί δέ, наконецъ говорится: τί δὲ δή, ἀνθρώπου ψυχὴν κεκτῆσθαι κ. τ.λ. Въ этомъ послѣднемъ значеніи она употреблена и здѣсь.

Крит. Думаю, не должно, Сократъ.

Сокр. Что еще? Терпя, платить зломъ за зло справедливо ли, какъ говоритъ толпа, или несправедливо?

Крит. Вовсе несправедливо.

Сокр. Конечно по тому, что между дѣланіемъ зла и несправедливостію нѣтъ никакого различія.

Крит. Твоя правда.

Сокр. И такъ никто не долженъ ни воздавать несправедливостію за несправедливость, ни дѣлать людямъ зло, хотя бы самъ и терпѣлъ отъ нихъ что-нибудь подобное. Но смотри, Критонъ: соглашаясь съ этимъ, какъ бы не противорѣ-
D. чить мнѣнію [1]. Я вѣдь знаю, что такія мысли нравятся и будутъ нравиться немногимъ. Слѣдовательно тѣ, которымъ онѣ нравятся, и тѣ, которымъ не нравятся, не имѣютъ общаго убѣжденія, но одни необходимо презираютъ другихъ, потому что видятъ, какія другъ у друга помыслы. Всмотрись же хорошенько, точно ли ты согласенъ со мною и одобряешь это: тогда мы примемъ за начало нашего совѣта, что и дѣлать несправедливость, и платить несправедливостію, и, страдая, угрожать зломъ за зло—всегда беззаконно. Или ты отступаешься и не принимаешь вмѣстѣ со мною этого начала?
E. Вѣдь мнѣ, что прежде казалось, то и теперь еще кажется; а тебѣ если показалось нѣчто иное — говори и научи: когда же остаешься при прежнихъ мысляхъ,—слушай, что слѣдуетъ далѣе.

Крит. Да, я остаюсь при прежнихъ мысляхъ и согласенъ съ тобою: поэтому говори.

Сокр. Вотъ и говорю, что слѣдуетъ далѣе, или лучше спрашиваю: кто сдѣлалъ съ другимъ договоръ касательно

---

[1] *ὅπως μὴ παρὰ δόξαν ὁμολογῇς* Здѣсь говорится о мнѣніи въ томъ же смыслѣ, въ какомъ выше принималъ его Критонъ, то-есть объективно, въ смыслѣ народной молвы, которая, какъ ему казалось, должна побудить Сократа уйти изъ темницы. Астъ и Шлейермахеръ неправильно понимаютъ и переводятъ это выраженіе; по Асту: at vide, Crito, ne hoc concedens, *praeter tuam ipse sententiam* cedas; по Шлейермахеру: und siehe wohl zu, Kriton, wenn du dies eingestehest, dass du es nicht *gegen deine Meinung* eingestehest.

чего-нибудь справедливаго; тотъ долженъ ли выполнить его;
или обмануть?

Крит. Выполнить.

Сокр. Сообрази же. Выходя отсюда безъ согласія города,
дѣлаемъ ли мы кому-нибудь зло, и притомъ людямъ всего 50.
менѣе заслужившимъ это, или не дѣлаемъ? и остаемся ли
вѣрными законнымъ условіямъ, или нѣтъ?

Крит. Я не могу отвѣчать на твой вопросъ, Сократъ;
потому что не понимаю его.

Сокр. Но разсмотри вотъ какъ: Пусть мы вознамѣрились
бы бѣжать,—или какъ иначе назвать это,—вдругъ приходятъ
законы и, вступаясь за общее дѣло республики, говорятъ:
скажи намъ, Сократъ, что ты это задумалъ? Видно предпри-
нимаемымъ поступкомъ умышляешь, сколько отъ тебя зави-
ситъ, причинить погибель и намъ—законамъ, и цѣлому го- B.
роду? Развѣ, по твоему мнѣнію, тотъ городъ можетъ еще
существовать и не разрушиться, въ которомъ судейскія опре-
дѣленія не имѣютъ никакой силы, въ которомъ онѣ теряютъ
свою важность и искажаются людьми частными? Что скажемъ
на это и на другое тому подобное, Критонъ? А въ защиту-то
попраннаго закона, повелѣвающаго уважать произнесенныя
имъ опредѣленія, кто-нибудь, особенно риторъ, могъ бы ска-
зать многое. Впрочемъ, не дадимъ ли такой отвѣтъ, что городъ C.
сдѣлалъ намъ несправедливость и не вѣрно обмыслилъ свое
рѣшеніе? Это, или что будемъ отвѣчать?

Крит. Это, клянусь Зевсомъ, Сократъ.

Сокр. Но что сказали бы законы? Сократъ! развѣ мы и
въ этомъ условливались съ тобою, или только въ томъ, чтобы
ты былъ вѣренъ опредѣленіямъ, которыя произноситъ городъ?
А если бы мы, слыша слова ихъ, изъявили удивленіе; то
они можетъ быть примолвили бы: Сократъ! не удивляйся
нашимъ рѣчамъ, но отвѣчай:—ты вѣдь привыкъ предлагать
вопросы и давать отвѣты. Скажи-ка, за какую вину нашу D.
и общественную хочешь погубить насъ? Во-первыхъ, не мы
ли родили тебя? Не чрезъ насъ ли твой отецъ женился на

твоей матери и далъ тебѣ жизнь? Говори же, порицаешь ли ты за какіе-нибудь недостатки тѣ изъ насъ—законовъ, которыми скрѣпляются брачныя узы?—Не порицаю, сказалъ бы я.—А тѣ, которые завѣдываютъ воспитаніемъ и образованіемъ рожденнаго, и подъ управленіемъ которыхъ образованъ самъ ты? Развѣ законы, завѣдывающіе этими дѣлами, нехорошо предписали, чтобы твой отецъ научилъ тебя музыкѣ и гимнастикѣ?—Хорошо, отвѣчалъ бы я. — Конечно; но получивъ бытіе, воспитаніе, можно ли тебѣ вопервыхъ сказать, что ты и не потомокъ нашъ и не рабъ? Можешь ли сказать это и за себя и за своихъ предковъ? А если такъ, то думаешь ли, что твои и наши права равны? Думаешь ли, что когда мы рѣшаемся предписать тебѣ какое-нибудь дѣло, —ты имѣешь право противодѣйствовать нашимъ предписаніямъ? Да твое право не равнялось и праву твоего отца, и праву господина, если онъ былъ у тебя; потому что, страдая, тебѣ непозволительно было подвергать страданію, слушая брань, противорѣчить, принимая побои, бить,—и многое тому подобное. Ужели же позволительно тебѣ дѣлать это въ отношеніи къ отечеству и законамъ, такъ что, когда мы, опираясь на свое право, намѣреваемся погубить тебя, ты рѣшаешься, сколько отъ тебя зависитъ, погубить насъ—законы и отечество, и говоришь, что твой поступокъ справедливъ, —говоришь ты, истинный ревнитель добродѣтели? Такова-то твоя мудрость! Ты забылъ, что отечество почтеннѣе и матери, и отца, и всѣхъ предковъ; что оно досточтимѣе, священнѣе, выше ихъ и предъ богами, и предъ людьми умными; что предъ нимъ должно благоговѣть и, когда оно гнѣвается, покорствовать и угождать ему болѣе, чѣмъ отцу; что повелѣваетъ ли оно дѣлать,—надобно или уговорить его, или дѣлать, предписываетъ ли страдать, — надобно страдать, притомъ молча. Пусть оно бьетъ, налагаетъ оковы, ведетъ на войну для ранъ и смерти, надобно исполнять.—И вотъ справедливость: не уклоняться, не оставлять своего мѣста, но и на войнѣ, и въ судѣ, и вездѣ дѣлать то, что повелѣваютъ

городъ и отечество; или ужъ показать ему, въ чемъ состоитъ существо справедливости. Насиліе же и въ отношеніи къ отцу и матери нечестиво; а въ отношеніи къ отечеству оно еще хуже. Что скажемъ на это, Критонъ? Правду ли говорятъ законы, или нѣтъ?

Крит. Да, кажется.

Сокр. Смотри же Сократъ, продолжали бы вѣроятно законы, истинны ли слова наши, что, намѣреваясь совершить противъ насъ настоящій поступокъ, ты не правъ. Родивъ, воспитавъ, образовавъ тебя и давъ тебѣ, какъ и прочимъ гражданамъ, все зависѣвшее отъ насъ прекрасное, мы однакожъ публично предоставили на волю каждаго Аѳинянина D.
выдержать испытаніе [1], узнать дѣла города и насъ—законы, и, если кому не нравимся, взять свое имущество и удалиться, куда угодно. Въ этомъ случаѣ ни который изъ насъ—законовъ не препятствуетъ и не запрещаетъ вамъ, если хотите, переселиться въ колонію [2], какъ скоро ни мы, ни городъ—не по мыслямъ, а оттуда переѣхать въ какое угодно иное мѣсто со всѣмъ своимъ имуществомъ. Но кто изъ васъ, видя, какъ мы разсматриваемъ судебныя дѣла и управляемъ горо-

---

[1] *δοκιμασθῇ*. Такъ читается во всѣхъ спискахъ, кромѣ одного венеціанскаго Ξ, въ которомъ стоитъ *δοκιμάσῃ*. Не смотря на то, что послѣдняго чтенія держатся почти всѣ переводчики, я, вмѣстѣ съ Штальбомомъ, не нахожу причины предпочитать его первому; потому что страдательнымъ *δοκιμασθῇ* указывается на древній законъ, которымъ предписывалось вводить юношу въ званіе человѣка совершеннолѣтняго посредствомъ испытанія, *δοκιμασία εἰς ἄνδρας*. Это испытаніе, долженствовавшее дать юношѣ право на общественную службу и почести, состояло въ показаніи его происхожденія и законности его генеалогіи, также въ изслѣдованіи его понятій о государственныхъ постановленіяхъ и вообще о добрѣ и злѣ. Юноши, выдержавшіе испытаніе, вносимы были въ особую книгу, *ληξιαρχικὸν γραμματεῖον*, или *βιβλίον*.. ***Aeschin.*** adv. Timarch. p. 26. ed. Bremi. *Ἐπειδὰν δὲ ἐγγραφῇ τις εἰς τὸ ληξιαρχικὸν γραμματεῖον, καὶ τοὺς νόμους εἰδῇ τοὺς τῆς πόλεως καὶ ἤδη δύνηται διαλογίζεσθαι τὰ καλὰ καὶ τὰ μή, οὐκ ἔτι ἑτέρῳ διαλέγεσθαι (ὁ νομοθέτης)*. ***Demosth.*** in Midiam. C. 43. ***Boeckh.*** de ephebia Attica, въ книгѣ: Neues Archiv für Philologie etc. v. Seebode P. III. p. 18 sqq.

[2] *εἰς ἀποικίαν ἰέναι*. Выраженіе *εἰς ἀποικίαν ἰέναι*, значитъ, переселиться *въ греческую* и именно аѳинскую колонію, а *μετοικεῖν* переѣхать въ другое, греческое или варварское государство.

E. домъ во всѣхъ отношеніяхъ, остался; тотъ у насъ почитается
уже такимъ человѣкомъ, который далъ намъ согласіе на са-
момъ дѣлѣ — исполнять все, что бы ни было приказано, и
если онъ не послушенъ, то мы признаемъ его втройнѣ вино-
ватымъ: — и потому, что не повинуется намъ, какъ родите-
лямъ, и потому, что оскорбляетъ насъ, какъ воспитателей,
и потому, что согласившись слушаться насъ, и не слу-
шается и не показываетъ намъ, что мы въ чемъ-нибудь по-
52. ступаемъ худо. Между тѣмъ какъ съ нашей стороны только
предлагается, а не предписывается строго исполнять то, что
приказываемъ, только позволяется одно изъ двухъ — или до-
казать намъ, или исполнить, — онъ не дѣлаетъ ни того ни
другаго. Этимъ же обвиненіямъ подвергнешься и ты, Сократъ,
какъ скоро совершишь то, что замышляешь, — подвергнешь-
ся и ты не только не менѣе прочихъ Аѳинянъ, но еще болѣе,
чѣмъ они. А если бы я спросилъ ихъ: почему это такъ? — то
они, можетъ быть, справедливо укорили бы меня и сказали:
потому, что ты далъ намъ это согласіе предпочтительно
B. предъ другими Аѳинянами. Они сказали бы: Сократъ! у насъ
есть важныя доказательства, что и мы, и городъ — тебѣ нра-
вились; потому что ты, вѣроятно, не жилъ бы здѣсь отлич-
но отъ всѣхъ Аѳинянъ, если бы не имѣлъ столь же отличнаго
расположенія къ мѣсту своего жительства. Ты никогда не
оставлялъ города даже и для общественныхъ праздниковъ [1],
разъ только ходилъ на Истмъ; никогда не отправлялся и въ
другія мѣста, развѣ сражаться; никогда не предпринималъ и
путешествій, какъ дѣлаютъ многіе. У тебя не было охоты

---

[1] *καὶ οὔτ' ἐπὶ θεωρίαν*. Разумѣются олимпійскія, немейскія, истмійскія и пиѳійскія игры, на которыя стекалась вся Греція. Слѣдующее: *разъ только*, *ὅτι μὴ ἅπαξ*, не должно быть смѣшиваемо съ *εἰ μή*. *Εἰ μὴ* есть формула просто исключительная, а *ὅτι μὴ* исключаетъ только послѣ предшествующей отрицательной мысли. Напр. не хорошо было бы сказано: *ἀπώλοντο πάντες, ὅτι μὴ ὀλίγοι τῇ φυγῇ σεσωσμένοι*. Надобно сказать: *οὐδεὶς ἐσώθη ὅτι μὴ ὀλίγοι τῇ φυγῇ*. *Thucyd*. L. IV. C. 94. *οὐ παρεγένοντο, ὅτι μὴ ὀλίγοι*. Впрочемъ должно замѣтить, что *ὅτι μὴ* часто употребляется вмѣсто *εἰ μή*, но *εἰ μὴ* — никогда вмѣсто *ὅτι μή*, если не предшествуетъ отрицаніе.

познакомиться съ иными городами и иными законами [1]: мы и
нашъ городъ удовлетворяли тебя. Вотъ какъ ты предпочи- C.
талъ насъ и соглашался управляться нами! Да и дѣтей ро-
дилъ здѣсь, потому что здѣшнее тебѣ нравилось. При томъ,
во время самаго судопроизводства, если бы тебѣ хотѣлось,
въ твоей власти было обречь себя на изгнаніе; — и тогда ты
сдѣлалъ бы тоже самое съ согласія города, что теперь пред-
принимаешь противъ его воли. Между тѣмъ, тогда ты пока-
зывалъ видъ, будто не оскорбляешься, если тебѣ надобно
умереть, и говорилъ, что смерть предпочитаешь ссылкѣ: а
теперь и тѣхъ словъ своихъ не стыдишься, и насъ—законовъ
не совѣстишься, но умышляешь намъ погибель; теперь ты D.
дѣлаешь то, что сдѣлалъ бы самый негодный рабъ, потому
что рѣшаешься бѣжать, вопреки условіямъ и согласію управ-
ляться нами. Итакъ, сперва отвѣчай: правду ли мы гово-
римъ, утверждая, что ты обѣщался слѣдовать намъ, если не
словомъ, то дѣломъ, или не правду? Что скажемъ на это,
Критонъ? Не приходится ли согласиться?

Крит. Необходимо, Сократъ.

Сокр. Значитъ, ты нарушаешь заключенныя съ нами
условія, сказали бы они, и забываешь о своемъ согласіи, E.
которое далъ и не по необходимости, и не по дѣйствію обма-
на, и не потому, что имѣлъ мало времени для размышленія.
Въ продолженіе семидесяти лѣтъ, тебѣ можно было бы уда-
литься, если бы мы не нравились, или, если бы твое согласіе
казалось несправедливымъ. Такъ нѣтъ, ты не предпочелъ
ни Лакедемона, ни Крита, которые всякій разъ признавалъ
благоустроенными [2], и никакого инаго эллинскаго или вар- 53.
варскаго города: ты рѣже оставлялъ свое отечество, чѣмъ
хромые, слѣпые и другіе калѣки. Очевидно, что тебѣ болѣе,
нежели прочимъ Аѳинянамъ, нравились — нашъ городъ и мы

---

[1] По свидѣтельству Сенеки, Лаерція, Ливанія и др., Сократъ отказался отъ многихъ иноземныхъ приглашеній, и между прочимъ отъ приглашенія Архелая, который звалъ его въ Македонію.

[2] Эти отзывы Сократа см. de Republ. VIII. p. 544. C. Legg. I. p. 634. sqq. Protag. p. 342. C. D. Alcib. 1. p. 121.

законы; ибо кому понравился бы городъ безъ законовъ? И вотъ теперь однакожъ ты не стоишь въ своихъ обѣщаніяхъ. — Нѣтъ, Сократъ, насъ-то ты послушаешься и не уйдешь изъ города, что бы сдѣлаться предметомъ смѣха. Разсмотри-ка хорошенько: совершивъ свое преступленіе и уклонившись отъ своего долга, какое благо доставишь ты себѣ, или друзь-
B. ямъ своимъ? Что друзья твои подвергнутся также необходимости бѣжать и лишиться отечества, или потерять имущество, — это почти вѣрно. А самъ ты? — положимъ сперва придешь въ который-нибудь изъ ближайшихъ городовъ, — въ Ѳивы или Мегару, потому что оба они отличаются благоустройствомъ: но туда явишься ты, Сократъ, какъ врагъ ихъ учрежденій; и тѣ, на которыхъ возложено попеченіе объ этихъ городахъ, будутъ смотрѣть на тебя съ недовѣрчи-
C. востію, какъ на разрушителя законовъ. Значитъ, твой поступокъ только подтвердитъ мнѣніе судей, что ихъ приговоръ надъ тобою, должно быть, справедливъ; ибо кто нарушаетъ законы, тотъ безъ сомнѣнія можетъ показаться развратителемъ юношей и безумцевъ. Положимъ опять, что ты постараешься избѣгать городовъ благоустроенныхъ и людей порядочныхъ: но дѣлая это, стоитъ ли тебѣ жить на свѣтѣ? Приближаясь къ нимъ, развѣ тебѣ не стыдно будетъ собственныхъ своихъ словъ? — и какихъ словъ, Сократъ! — тѣхъ, которыя ты говорилъ здѣсь, что добродѣтель и справедливость, политическія учрежденія и законы — для людей
D. весьма важны. Не ужели не думаешь, что тогда Сократъ явится человѣкомъ презрѣннымъ [1]? И вѣдомо. Положимъ также, что, вырвавшись изъ этихъ мѣстъ, ты придешь въ Ѳессалію, къ Критоновымъ знакомымъ: тамъ-то уже величайшее неустройство и своеволіе; тамъ, можетъ быть, не безъ удовольствія будутъ слушать, какъ забавно бѣжалъ ты изъ темницы, завернувшись въ какой-нибудь плащъ, или одѣвшись въ шубу, либо во что другое, по обычаю бѣглецовъ, и

[1] *καὶ οὐκ οἴει—τὸ τοῦ Σωκράτης πρᾶγμα.* См. къ Протаг. р. 312 C.

такимъ образомъ измѣнивши свою наружность. Но и тамъ
ужели никто не скажетъ, что ты, въ старыхъ лѣтахъ, дожи-
вая, по всей вѣроятности, небольшой остатокъ своего време- E.
ни, дерзнулъ такою скользкою дорогою усильно искать жиз-
ни и преступить великіе законы? Можетъ быть,—если нико-
го не оскорбишь: а не то, — услышишь, Сократъ, много и
такого, что не достойно тебя. Ты будешь жить, принаровля-
ясь ко всѣмъ людямъ и служа имъ. Да и что тебѣ дѣлать въ
Θессаліи, если не пировать, пріѣхавъ туда, будто на балъ? А
тѣ рѣчи о справедливости и другихъ добродѣтеляхъ — куда
дѣнутся у насъ? Но представимъ, что ты хочешь жить для 54.
дѣтей — съ цѣлію воспитать и образовать ихъ. Такъ чтожь?
лучше ли воспитаются и образуются они, перешедши въ
Θессалію и сдѣлавшись иностранцами, чтобы и этимъ быть
обязанными тебѣ? или воспитаніе и образованіе ихъ при те-
бѣ пойдетъ нехорошо, но будетъ успѣшнѣе безъ твоего учас-
тія [1], когда то-есть позаботятся о нихъ друзья твои? Но
если твои друзья примутъ ихъ на свое попеченіе, по отше-
ствіи твоемъ въ Θессалію; то неужели не попекутся о
нихъ, по отшествіи твоемъ въ преисподнюю? И вѣдомо, что
попекутся, лишь бы, называясь твоими друзьями, искренно B.
хотѣли услужить тебѣ. Такъ, Сократъ; повинуясь намъ—
твоимъ воспитателямъ, не ставь выше справедливости ни
дѣтей, ни жизни и ни чего другаго, чтобы, сошедши въ пре-
исподнюю, мочь въ свое оправданіе сказать все это властямъ
ея. Твой поступокъ, видишь, и здѣсь не обѣщаетъ и те-
бѣ и твоимъ ничего хорошаго, справедливаго и святаго;
да и по пришествіи туда не обрадуетъ тебя ничѣмъ луч-
шимъ. Если ты теперь отойдешь; то отойдешь обиженнымъ—
не отъ насъ законовъ, а отъ людей: напротивъ, если убѣ-
жишь, и такъ постыдно воздашь обидою за обиду, зломъ за

[1] Греческій текстъ въ этомъ мѣстѣ видимо перепутанъ. Онъ читается такъ: *ἢ τοῦτο μὲν οὔ, αὐτοῦ δὲ τρεφόμενοι σοῦ ζῶντος βέλτιον θρέψονται καὶ παιδεύσονται, μὴ ξυνόντος σοῦ αὐτοῖς?*. Кажется, слѣдовало бы читать: *ἢ τοῦτο μεν οὔ, αὐτοῦ σοῦ ζῶντος, τρεφόμενοι δὲ βέλτιον θρέψοται καὶ παιδεύσονται μὴ ξυνόντος σοῦ αυτοῖς.*

зло, нарушивъ свои обѣщанія и договоръ съ нами и сдѣлавъ зло тѣмъ, которые менѣе всего виноваты, то-есть, себѣ, друзьямъ, отечеству и намъ; то во время твоей жизни будемъ гнѣваться на тебя мы, а послѣ неблагосклонно примутъ тебя и наши братья — законы преисподней, зная, что ты, сколько отъ тебя зависѣло, умышлялъ на нашу погибель. Не вѣрь же Критону болѣе, чѣмъ намъ, и не дѣлай того, что онъ говоритъ.

Вотъ слова, любезнѣйшій другъ, Критонъ, которыя я, кажется, слышу, какъ кориванты слышатъ флейту [1]! Звуки этихъ словъ такъ поражаютъ меня, что я не могу внимать ничему другому. Знай же, что ты напрасно бы говорилъ, если бы сталъ утверждать что-нибудь противъ настоящаго моего мнѣнія. Впрочемъ, если можешь сказать болѣе, говори.

Крит. Нѣтъ, Сократъ, не могу.

Сокр. Такъ перестань, Критонъ; сдѣлаемъ то, къ чему ведетъ Богъ.

---

[1] *ὥςπερ οἱ κορυβαντιῶντες τῶν αὐλῶν δοκοῦσιν ἀκούειν*. Кориванты, служители великой матери боговъ въ Фригіи. По свидѣтельству Страбона, они выражали присутствіе въ себѣ бога изступленною пляскою. *Strabo* X. p. 726. Отсюда *κορυβαντιᾶν*—страдать воображаемою болѣзнію,называвшеюся въ древности *κορυβαντιασμός*.

ФЕДОНЪ.

ФЕДОНЪ

ВВЕДЕНІЕ.

Предлагаемый здѣсь разговоръ Платона озаглавливается именемъ одного Сократова ученика, который, по свидѣтельству Цицерона [1], находился въ дружеской связи съ Платономъ и, какъ извѣстно, послѣ смерти своего учителя основалъ особую философскую школу въ пелопоннесскомъ городѣ Элидѣ.

Платоновъ Федонъ во всѣ времена почитаемъ былъ драгоцѣннымъ литературнымъ произведеніемъ древняго міра. Интересность его поддерживалась особенно тѣмъ, что въ немъ, какъ и во многихъ другихъ сочиненіяхъ Платона, предметъ философскаго изслѣдованія обрамленъ поразительнымъ историческимъ событіемъ, и что самое это событіе, служа практическимъ доказательствомъ раскрываемой въ немъ истины, значительно возвышаетъ свѣтъ ея и сообщаетъ ей теплоту убѣдительности. Сократъ, прославившійся своею мудростію, нравственно доброю жизнію и ревностію къ истиннымъ пользамъ общества, по навѣту враговъ, приговоренъ къ смерти и содержится въ аѳинской темницѣ. Чрезъ нѣсколько часовъ, согласно съ опредѣленіемъ судей, онъ долженъ выпить ядъ и умереть. Друзья и ученики пришли проститься съ нимъ и видѣть его кончину; они со слезами окружаютъ темничный одръ своего учителя и готовы ловить каждое предсмертное его слово. Начинается бесѣда. Проникнутый разумною вѣрою въ бытіе жизни загробной, Сократъ обнаруживаетъ не страхъ смерти, а надежду на безсмертіе, не возмущеніе души, а спокойное ожиданіе лучшаго, и свое убѣжденіе старается

---

[1] *Cicer.* de Nat. D. 1, 33.

перелить въ скорбныя души друзей цѣлымъ рядомъ философскихъ размышленій о томъ, что за этою жизнію непремѣнно должна слѣдовать жизнь другая — лучшая и блаженнѣйшая. Такимъ образомъ въ Платоновомъ Федонѣ философскій предметъ оживляется соотвѣтствующимъ ему дѣйствіемъ, созерцательная истина получаетъ развитіе въ осязательной области чувства, отвлеченное изслѣдованіе идетъ въ связи съ судьбою изслѣдователя и направляется къ тому, чтобы въ олицетворенной Сократомъ человѣческой природѣ указать возможно твердую точку опоры для борьбы съ опасеніями и суемудріемъ скептицизма, обрекающаго разумную душу на смерть и уничтоженіе. Кратко: въ Платоновомъ Федонѣ выдержаны почти всѣ условія трагедіи. Мы видимъ здѣсь и драматическій узелъ—въ представленіи близкой Сократовой кончины, которая, не смотря на тожество своего значенія для всѣхъ, въ ученикахъ поддерживаетъ чувство скорби и сомнѣнія, а учителю обѣщаетъ отрадную будущность. Мы видимъ здѣсь и развязку—въ торжествѣ философской надежды на безсмертіе, снимающей съ животнаго страха мрачные покровы скорби, которыми слабая, порабощенная плоти и невѣжественная душа облекается предъ образомъ смерти.

Эту прекрасную *идею* философской своей драмы Платонъ развилъ съ такимъ искусствомъ и такъ мастерски раскинулъ сѣть главныхъ ея мыслей, долженствовавшихъ постепенно и незамѣтно направлять читателя къ убѣжденію въ безсмертіи, что не знаешь, чему болѣе удивляться, вѣрности ли содержанія, или художественности плана.

Разговоръ начинается вопросомъ о смерти Сократа и о предсмертномъ собесѣдованіи его съ учениками. Желая удовлетворить любопытству своего друга, Эхекрата, Федонъ разсказываетъ ему о причинѣ, замедлившей исполненіе казни надъ Сократомъ, потомъ перечисляетъ тѣ лица, которыя въ послѣдній день находились у своего учителя, и наконецъ говоритъ, какимъ образомъ они были впущены въ темницу, какъ нашли тамъ Ксантиппу, испускавшую вопли и рыданія,

и какъ Сократъ попросилъ Критона отослать ее домой. Это отдѣленіе діалога можно назвать *историческимъ вступленіемъ* въ бесѣду. Р 57—60 А.

Когда такимъ образомъ сцена дѣйствія была приготовлена, слѣдовало установить и показать предметъ его. Это начинается тѣмъ, что Сократъ, сейчасъ только освобожденный отъ оковъ, потираетъ себѣ ногу и говоритъ: «Какъ страннымъ кажется мнѣ тó, чтó люди называютъ пріятнымъ! Въ какой удивительной связи находится оно съ скорбію, хотя послѣдняя по видимому противуположна первому! Вотъ и самъ я отъ оковъ прежде чувствовалъ въ своей ногѣ боль, а теперь за болью, кажется, слѣдуетъ что-то пріятное. Если бы моя мысль представилась Езопу, онъ сложилъ бы изъ нея басню.» — Услышавъ о Езопѣ, Кевисъ вдругъ припоминаетъ порученіе поэта Эвина — спросить у Сократа, чтó заставило его въ темницѣ перелагать въ стихи Езоповы басни. На вопросъ объ этомъ Сократъ отвѣчаетъ: «Такое дѣло внушено было мнѣ неоднократнымъ сновидѣніемъ, которое повелѣвало заниматься музыкою. И я занимался; потому что безопаснѣе умереть, когда успокоена совѣсть послушаніемъ. Скажи же Эвину, чтобы и онъ потомъ бѣжалъ за мною.» — Это выраженіе Сократа: «ἐμὲ διώκειν ὡς τάχιστα» Симміасъ понялъ буквально и говоритъ, что Эвинъ не такой человѣкъ, — не послушается. — А развѣ онъ не философъ, спросилъ Сократъ? Если философъ, то послушается, хотя и не наложитъ на себя рукъ. — Изъ этихъ словъ Сократа естественно вытекаетъ вопросъ: какимъ образомъ можно слѣдовать за умирающимъ философомъ, не налагая на себя рукъ? — Сократъ отвѣчаетъ на него такъ: боги—наши попечители, а мы—одно изъ ихъ стяжаній. Но еслибы какое нибудь изъ твоихъ стяжаній, Кевисъ, захотѣло умертвить само себя, независимо отъ твоего соизволенія на эту смерть, то не прогнѣвался ли бы ты на него и не подвергъ ли бы его наказанію? Значитъ, благоразуміе требуетъ не умерщвлять себя прежде, пока Богъ не пошлетъ такой необходимости, въ какую теперь поставлены

мы. — Явно, что этимъ отвѣтомъ рѣшена только половина предложеннаго вопроса, то-есть — не должно налагать на себя рукъ; а другая остается еще безъ отвѣта. Поэтому Кевисъ снова спрашиваетъ: за чѣмъ же однако философамъ желать смерти, особенно когда Богъ есть нашъ попечитель? За чѣмъ ты такъ равнодушно оставляешь и насъ и боговъ, которыхъ самъ же почитаешь добрыми властителями? — Для защиты себя противъ такого обвиненія Сократъ обѣщается доказать, что по смерти онъ, можетъ-быть, увидится съ добрыми людьми и непремѣнно предстанетъ предъ добрыхъ владыкъ — боговъ, что умершіе существуютъ, и что добрымъ изъ нихъ гораздо лучше, нежели злымъ. Всю эту систему предварительныхъ мыслей, направленную къ установленію бесѣды, надобно почитать *прологомъ* Платонова Федона. Р. 60. В—64. А.

Установивъ тему разговора, Сократъ далѣе предлагаетъ цѣлый рядъ доказательствъ, что наша душа, по отрѣшеніи отъ тѣла, вступитъ въ новый періодъ жизни и будетъ существовать вѣчно. Обозрѣвая эти доказательства, нельзя не замѣтить обширной сообразительности, которая связываетъ ихъ однѣ съ другими. Это не есть простое, численное показаніе, основаній, на которыхъ утверждается убѣжденіе въ безсмертіи: это—одна нераздѣльная ткань основныхъ идей, органически соединенныхъ въ цѣлое *философское изслѣдованіе*; такъ что каждая изъ нихъ, взятая сама по себѣ, можетъ казаться либо произвольною, либо одностороннею, либо неясною, а разсматриваемыя всѣ вмѣстѣ и въ связи одна съ другой, онѣ постепенно растутъ, укрѣпляются, круглѣютъ и всестороннимъ своимъ развитіемъ мало по малу разсѣеваютъ недоумѣнія, относящіяся къ изслѣдываемому предмету.

Сократъ прежде всего опредѣляетъ, что́ такое смерть, и согласно со всеобщимъ убѣжденіемъ, почитаетъ ее отрѣшеніемъ души отъ тѣла. Потомъ онъ изслѣдываетъ отличительныя черты истиннаго философа и находитъ, что достойный своего имени мудрецъ во всю жизнь болѣе и болѣе отрѣшается отъ тѣла, потому что тѣло своими чувствами закры-

ваетъ отъ него истину и, требуя заботливости о себѣ и о своемъ, отвлекаетъ его отъ разумѣнія; безъ истины же и разумѣнія невозможно ни справедливое, ни доброе, поколику то и другое въ своей сущности созерцается душею,—невозможны ни мужество, ни разсудительность, поколику первое не должно связываться страхомъ смерти, а послѣдняя удовольствіями тѣлесными,—вообще невозможна никакая добродѣтель. Сократъ умозаключаетъ слѣдующимъ образомъ: «Не это ли, не отрѣшеніе ли души отъ тѣла называется смертію? Отрѣшить же душу всегда стараются преимущественно тѣ, которые истинно философствуютъ, поколику занятіе философа въ томъ и состоитъ, чтобы отрѣшать душу отъ тѣла. Слѣдовательно, не смѣшно ли было бы, если бы человѣкъ, своею жизнію приготовляясь стать сколько можно ближе къ смерти, началъ скорбѣть, когда смерть пришла къ нему? Итакъ я справедливо не жалуюсь и не скорблю, оставляя васъ, ибо надѣюсь, что и тамъ не менѣе, чѣмъ здѣсь, встрѣчусь съ добрыми друзьями.» P. 64. B—69. B.

Понятно, что это доказательство вполнѣ оправдываетъ Сократа въ безтрепетномъ ожиданіи смерти, такъ какъ онъ во всю жизнь умиралъ, то есть, постепенно отрѣшался отъ всего тѣлеснаго. Но отсюда еще непосредственно не вытекаетъ истина о загробномъ существованіи души. Поэтому Кевисъ возражаетъ: душа, по отрѣшеніи отъ тѣла, не разсѣется ли какъ воздухъ или паръ? Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, Сократу надлежало доказать, что искомое философомъ разумѣніе, для котораго онъ старается очищать душу отъ всего чувственнаго, скрывается въ ней самой и не подлежитъ закону переворотовъ, называемыхъ жизнію и смертію. Доказательство его къ этой цѣли идетъ слѣдующимъ образомъ. Есть старинное преданіе, говоритъ онъ, что души, живущія на землѣ, перешли сюда изъ умершихъ. Преданіе это можно подтвердить наблюденіемъ надъ всѣми вещами природы. Въ природѣ все бываетъ такъ, что противное происходитъ изъ противнаго, напримѣръ большее изъ меньшаго, лучшее изъ

худшаго и на оборотъ. Притомъ, между противуположностями всегда есть состоянія среднія или точки перехожденія одной противоположности въ другую; таковы напримѣръ между сномъ и бодрствованіемъ — засыпаніе и пробужденіе. Предположивъ это, какъ посылку, Сократъ напоминаетъ о взаимной противуположности жизни и смерти и о среднихъ или переходныхъ состояніяхъ первой и послѣдней, то есть, объ оживаніи и умираніи, и наконецъ заключаетъ: слѣдовательно изъ умершаго происходитъ живущее, а изъ живущаго умершее, и наши души съ одной стороны существовали до рожденія, съ другой — будутъ существовать и по смерти. Притомъ замѣть, продолжалъ Сократъ, что допущенныя нами противуположности непремѣнно должны совершать кругъ, то есть, имѣть происхожденіе обоесторъннее: въ противномъ случаѣ все перейдетъ въ одинъ и тотъ же видъ, и движеніе прекратится. P. 69. C—72. D.

Этотъ развитый Сократомъ силлогизмъ составляетъ однакожъ только первую половину предположеннаго имъ доказательства. Изъ него еще не видно, точно ли душа, переходя изъ смерти въ жизнь и изъ жизни въ смерть, сохраняетъ тожество своего разумѣнія и въ существѣ своемъ не зависитъ отъ переворотовъ тѣлеснаго бытія. Поэтому Сократъ далѣе старается доказать, что, не смотря на послѣдовательную противуположность состояній, душа постоянно носитъ въ себѣ однѣ и тѣ же идеи. Ученіе, говоритъ онъ, есть не иное что, какъ припоминаніе. Но припоминать значитъ воскрешать въ памяти то, что мы когда-то знали, только забыли. Остановившись на этой мысли, Сократъ подробно развиваетъ теорію такъ называемаго содружества идей и полагаетъ, что эта теорія основывается на предварительно полученномъ знаніи ихъ; положеніе свое подтверждаетъ онъ особенно тѣмъ, что для насъ не было бы вещей равныхъ и неравныхъ, подобныхъ и неподобныхъ, если бы въ нашей душѣ не обрѣталось готоваго знанія о равномъ и неравномъ, подобномъ и неподобномъ самомъ въ себѣ. И это

знаніе, говоритъ онъ, имѣемъ мы вовсе не отъ чувствъ, потому что всѣ чувственныя равенства и подобія далеко недостаточнѣе его. Дѣятельностію чувствъ только возбуждаются забытыя нами истины. Если же идеи, какъ знанія сами въ себѣ, получены нами не чрезъ чувства и предшествуютъ дѣятельности чувствъ; то мы должны были получить ихъ до рожденія. Слѣдовательно душа не только существовала въ мірѣ прежнемъ, но еще существовала съ тѣми самыми идеями, которыя пробуждаются въ ней теперь. P. 72. E—77. A.

Къ этому разсужденію о предсуществованіи душъ подалъ поводъ Симміасъ. Но прежнее возраженіе Кевиса: — душа, по отрѣшеніи отъ тѣла, не разсѣется ли, какъ паръ? — все еще остается безъ отвѣта. Поэтому, успокоивъ перваго, Сократъ переходитъ теперь къ разрѣшенію недоумѣнія, возникшаго и въ послѣднемъ; то есть, доказавъ, что души существовали до рожденія, онъ намѣревается доказать и то, что онѣ равнымъ образомъ будутъ существовать и по смерти. Если вамъ угодно два послѣдовательно составленныя нами умозаключенія соединить въ одно, говоритъ онъ: то загробное существованіе душъ уже доказано. Вы согласились, что душа, по закону всѣхъ вещей, изъ одного состоянія переходитъ въ другое противуположное и совершаетъ свое перехожденіе кругообразно; потомъ вы приняли и другое положеніе, что души изъ прежней жизни чрезъ смерть перешли въ жизнь настоящую. Слѣдовательно необходимо уже допустить, что изъ настоящей жизни онѣ чрезъ смерть опять перейдутъ въ жизнь будущую. Не смотря однакожъ на это, Сократъ излагаетъ особое доказательство посмертнаго существованія души и говоритъ: Разрушиться свойственно тому, что́ сложно; а что́ не состоитъ изъ частей, то не можетъ быть подвержено разрушенію. Это dictum de omni есть основаніе новаго Сократова силлогизма. Для выведенія изъ него заключенія въ пользу безсмертія души и смертности тѣла слѣдовало только доказать, что душа не состоитъ изъ частей, а тѣло сложно. Важнѣйшую мысль, на которой должно опираться

это положеніе, философъ видитъ въ допущенномъ прежде тожествѣ хранящихся въ душѣ идей и нетожествѣ подлежащихъ чувству предметовъ. Равное само по себѣ, прекрасное само по себѣ, сущее само по себѣ, говоритъ онъ, — всегда то же и неизмѣнно: напротивъ вещи, подлежащія чувствамъ, ни какимъ образомъ не остаются тѣми же и измѣняются. Но тожественное есть нѣчто безвидное или безформенное, (ἀειδές), а нетожественное видимо. Къ предметамъ безвиднымъ относится душа, къ видимымъ — тѣло. Слѣдовательно тѣло по природѣ нетожественно и измѣнчиво, а душа — тожественна и неизмѣнна. Увлекаясь тѣломъ, она конечно возмущается и бываетъ какъ опьянѣлая; но, направляясь къ истинно сущему, остается тѣмъ, что она есть, — существомъ тожественнымъ. Притомъ душѣ свойственно управлять и господствовать, а тѣлу—управляться и служить. Но управляющее и господствующее уподобляется божественному, а управляемое и служащее — смертному. Итакъ тѣлу, какъ природѣ смертной, надлежитъ скоро разрушиться; а душа, какъ существо божественное, должна или остаться вовсе неразрушимою, или быть къ тому близкою. P. 77. B—80. A.

Это заключеніе, выведенное въ формѣ сужденія раздѣлительнаго, или съ нѣкоторою нерѣшительностію, находится въ близкой зависимости между прочимъ отъ вставленной Сократомъ мысли, что душа, увлекаясь чувствами тѣла, можетъ и сама какъ бы отѣлеситься, слѣдовательно въ извѣстной степени терять свою тожественность и свойственную существу божественному разумность. Такое представленіе разностепенной тожественности душъ въ мірѣ загробномъ должно было возбуждать вопросъ о различныхъ — низшихъ и высшихъ — формахъ существованія души, по отрѣшеніи ея отъ тѣла. Этого вопроса, хотя онъ и не имѣетъ прямаго отношенія къ главной темѣ разсужденія, Сократъ не могъ упустить изъ вида и оставить безъ рѣшенія, потому что рѣшеніе его должно было ученію о безсмертіи сообщить нравственную силу, а слушателей бесѣды о жизни загробной

утвердить на поприщѣ истинной философіи. Итакъ онъ въ общихъ чертахъ описываетъ формы посмертной жизни, и въ его діалогѣ является интересный *эпизодъ* о переселеніи душъ и о высокой судьбѣ души философствующей. Если душа, говоритъ Сократъ, при отрѣшеніи отъ тѣла не увлекаетъ за собою ничего тѣлеснаго, потому что во всю жизнь размышляла только о томъ, какъ бы легче умереть; то съ этими свойствами отойдетъ она въ подобное себѣ безвидное мѣсто и будетъ наслаждаться блаженствомъ, проводя всю послѣдующую жизнь дѣйствительно съ богами. Напротивъ, если она отрѣшается грязною и неочищенною отъ тѣлесности, поколику предавалась страстямъ и пожеланіямъ; то, переложенная тѣлособразными свойствами, окажется тяжелою и видимою, а потому, тяготѣя опять къ видимому, облечется, пожалуй, снова въ такое тѣло, котораго природа ближе согласуется съ направленіемъ господствующей ея страсти, напримѣръ въ породу осла, волка, ястреба, либо въ образъ муравья, даже человѣка, если она привязана была къ политическимъ обычаямъ человѣческой жизни. Вотъ почему истинные философы воздерживаются отъ всѣхъ тѣлесныхъ пожеланій, не боятся никакихъ внѣшнихъ лишеній и свою душу, принужденную смотрѣть на все сквозь чувства, будто сквозь рѣшетку темницы, утѣшаютъ самостоятельностію и свободою мышленія, зная, что у всякаго удовольствія и у всякой скорби какъ будто есть гвоздь, которымъ онѣ пригвождаютъ душу къ тѣлу. Кто живетъ по внушеніямъ такой философіи, тому удивительно ли не страшиться смерти и думать, что его душа не разсѣется, какъ паръ, и не прекратитъ своего существованія? P. 80. B—84. B.

Этимъ разсужденіемъ разговоръ по видимому долженъ былъ окончиться; ибо тверже того, что́ сказано, казалось, ничего нельзя было придумать. Не смотря однакожь на то, Симміасъ и Кевисъ о чемъ-то вполголоса говорятъ между собою и какъ будто высказываютъ другъ другу какія-то недоумѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, бывъ вызваны Сократомъ къ

объясненію, они, одинъ послѣ другаго, объявляютъ своему учителю, чѣмъ именно колеблется ихъ увѣренность. Въ изложенномъ доказательствѣ безсмертія Сократъ къ тожеству и неизмѣнности души заключилъ отъ тожества и неизмѣнности находящихся въ душѣ идей. Но Симміасъ по видимому идетъ далѣе и спрашиваетъ: откуда же происходитъ тожественность и неизмѣнность самыхъ идей? Не суть ли онѣ выраженіе благонастроеннаго организма, какъ гармонія есть сліяніе звуковъ благонастроенной лиры? И потому не слѣдуетъ ли душу почитать просто гармоніею тѣла и заключать, что какъ скоро тѣлесный инструментъ разрушается или перерѣзываются струны,—душа, въ значеніи происходящей изъ него гармоніи, должна тотчасъ же исчезнуть, гораздо прежде, чѣмъ исчезаетъ тѣло? Выслушавъ это недоумѣніе Симміаса, Сократъ потомъ выслушиваетъ и возраженіе Кевиса. Между тѣмъ какъ первый душу поставлялъ въ зависимость отъ тѣла, будто гармонію отъ лиры, и заключалъ къ ея разрушимости, послѣдній напротивъ почитаетъ зависимымъ тѣло отъ души и при всемъ томъ говоритъ, что нельзя быть увѣреннымъ въ ея безсмертіи. Душу представляетъ онъ, какъ ткача, соткавшаго и износившаго много платьевъ, хотя ткачь умеръ прежде того, имъ же сотканнаго платья, въ которое одѣли его по смерти. То есть, душа могла развить и износить много тѣлъ: однакожь нельзя еще полагать, что она не умретъ прежде послѣдняго, развитаго ею тѣла. Нельзя думать, чтобы многократныя рожденія не изнуряли ея, и чтобы наконецъ при которой нибудь изъ смертей она и сама не уничтожилась. P. 84. C—88. B.

Когда возраженія Симміаса и Кевиса были высказаны, души всѣхъ присутствовавшихъ возмутились крайнимъ сомнѣніемъ: теперь всѣ заключили, что либо они—плохіе судьи, либо предметъ надобно почитать неразрѣшимымъ, и повидимому возненавидѣли вообще философскія разсужденія. Замѣтивъ это, Сократъ начинаетъ бесѣдовать съ Федономъ и нечувствительно вводитъ въ діалогъ новый *эпизодъ* противъ

ненависти къ умственнымъ изслѣдованіямъ. Намъ непремѣнно надобно побѣдить Симміаса и Кевиса, говоритъ онъ; только смотри, чтобъ не сдѣлаться разсужденіе–ненавидцами, какъ дѣлаются человѣконенавидцами. Ненависть къ людямъ вообще раждается вслѣдствіе неблагоразумной и излишней довѣренности къ одному или нѣсколькимъ человѣкамъ, которые обманули насъ. Точно такъ же и ненависть къ изслѣдованіямъ вообще происходитъ отъ неблагоразумнаго и слѣпаго увлеченія рѣчами нѣкоторыхъ людей, тогда какъ впослѣдствіи онѣ оказались ложными. А кто въ этомъ случаѣ виноватъ? Гораздо больше тотъ, кто безусловно вѣритъ лжи. Поэтому ненавистникъ разсужденій не долженъ сваливать своей вины на разсужденія, но скорѣе долженъ ненавидѣть собственное увлеченіе и порицать себя. Итакъ прежде всего будемъ осторожны, говоритъ Сократъ; не пустимъ въ свою душу той мысли, что будто въ разсужденіяхъ нѣтъ ничего здраваго: напротивъ сознаемся, что мы-то еще не здравы, и постараемся пріобрѣсть нужное намъ здоровье.—Сказавъ это, Сократъ приступаетъ къ рѣшенію предложенныхъ возраженій. P. 88. C—91. C.

Сперва онъ опредѣляетъ statum quaestionis, то есть, кратко повторяетъ возраженіе Симміаса, что душа, не смотря на свое превосходство предъ тѣломъ, исчезнетъ первая, какъ нѣкоторый родъ гармоніи; — потомъ приступаетъ къ опроверженію мнѣнія Симміасова и опровергаетъ его на такомъ основаніи, которое уже прежде допущено, какъ несомнѣнное, то есть, на положеніи, что ученіе есть припоминаніе, или что душа существовала до рожденія. Напомнивъ объ этомъ положеніи, Сократъ показываетъ, что понятіе о душѣ, какъ о гармоніи тѣла, вовсе не гармонируетъ съ нимъ; потому что гармонія, будучи результатомъ тѣлеснаго настроенія, не могла и не можетъ существовать прежде тѣла или до его рожденія. Если же она существовала прежде тѣла и была гармоніею: то должна была состоять изъ такихъ частей, которыхъ еще не было. Поло-

жимъ однакожъ, что она въ самомъ дѣлѣ состоитъ изъ частей. Явно, что каково бы ни было настроеніе ихъ, — высоко или низко, хорошо или худо, — душа, какъ гармонія тѣла, во всякомъ случаѣ должна быть гармоніею. Но предположивъ это, мы не откроемъ различія между одною душею и другою, равно какъ между добромъ и зломъ; потому что въ такомъ случаѣ всякая душа, какъ гармонія, будетъ добро, а дисгармонія или зло не найдетъ въ ней себѣ мѣста. Да и то опять: само собою разумѣется, что душа, какъ гармонія тѣла, не можетъ разногласить съ тѣлесными частями, которыхъ напряженіе выражается этою самою гармоніею. Между тѣмъ мы видимъ, что она часто противится органическимъ дѣятелямъ — то строгими обузданіями ихъ, то скорбями, то врачебными средствами и тому подобнымъ. Слѣдовательно она есть нѣчто божественнѣе гармоніи, есть начало господствующее надъ самыми тѣлесными частями, настроеніе которыхъ, по мнѣнію Симміаса, должно выражаться гармоніею. P. 91. D—95. B.

Побѣдивъ сомнѣніе Симміаса и показавъ неосновательность его возраженія, Сократъ намѣревается потомъ разсмотрѣть мнѣніе Кевиса, чтобы и его также привести къ убѣжденію въ безсмертіи. Прежде всего онъ подробно раскрываетъ смыслъ Кевисова недоумѣнія, что хотя душа долговременнѣе тѣла, но не погибнетъ ли она, износивъ много тѣлъ и оставляя послѣднее, съ рожденіемъ котораго могло развиться и усилиться въ ней сѣмя собственнаго ея разрушенія. Потомъ за опредѣленіемъ вопроса слѣдуетъ рѣшеніе его, и это дѣлаетъ Сократъ, какъ и прежде противъ Симміаса, посредствомъ обстоятельнаго и полнаго анализа такой мысли, которая давно уже принята была Кевисомъ, то есть, чрезъ разсматриваніе природы допущенныхъ въ душѣ идей. Надобно, говоритъ онъ, изслѣдовать первое основаніе, на которомъ утверждается жизнь души, коренной источникъ, изъ коего она проистекаетъ, и смотрѣть, — эмпирически ли — началами видимой природы, можно объяс-

нить это, или дуалистически—поставляя дѣятельность началъ природы подъ управленіе ума, или идеально—находя въ самой душѣ залогъ вѣчнаго ея существованія. Но коснувшись способа эмпирическаго, Сократъ замѣчаетъ, что этимъ путемъ философъ не доходитъ до первыхъ началъ и блуждаетъ въ лабиринтѣ противорѣчій. Правда, говоритъ онъ, слѣдуя руководству опыта, я какъ будто знаю что-то, знаю, напримѣръ, что тѣло увеличивается отъ принятія пищи, что одинъ человѣкъ выше другаго головою, что единица, сложенная съ единицею, даетъ два, и т. п. Но такъ какъ это причины не первыя; то, остановившись на нихъ, я тотчасъ же начинаю противорѣчить самъ себѣ и полагаю, что между пищею и величиною нѣтъ ничего общаго, что голова не можетъ быть причиною высоты, что въ понятіи единицъ, сколько бы ихъ ни слагалось, не видно понятія двухъ. Такимъ образомъ оказывается, что я, пока держусь опыта,—вовсе ничего не знаю. Не успѣшнѣе доходимъ мы до кореннаго источника жизни, опираясь и на началахъ дуалистическихъ. Дуалисты, какъ представляется на первый взглядъ, все хотятъ изъяснить изъ разумной и высшей причины вещей. Такъ Анаксагоръ намѣревался все изъяснить изъ ума. Это было бы и хорошо, потому-что тогда я зналъ бы мѣсто и значеніе каждой вещи, слѣдовательно зналъ бы, что́ хорошо и что́ худо: но на дѣлѣ оказывается совсѣмъ не то. Въ системѣ Анаксагора умъ только полагается, какъ начало устрояющее, а дѣйствительными строителями почитаются дѣятели матеріальные, слѣдовательно опять опытные, которыхъ зависимость отъ ума нисколько не опредѣлена, и которые даже сродства съ нимъ не имѣютъ, подобно тому, какъ жилы и кости—условія моего сидѣнія въ темницѣ—далеко не сродны съ опредѣленіемъ судей, предписавшихъ мнѣ сидѣть здѣсь. Итакъ истинная причина жизни души ни для эмпиризма, ни для дуализма недоступна; чувствами видѣть ее нельзя, не подвергаясь опасности ослѣпнуть. Остается третій способъ—идеальный.

Но и тутъ опять затрудненіе: сущее само по себѣ, какъ послѣдняя причина жизни, не можетъ быть предметомъ непосредственнаго созерцанія. Чтобы созерцать его, необходимы образы мышленія (τα εἴδη), то-есть, идеи, которыми она отображается въ разсудкѣ. И если ты допустишь въ немъ бытіе этихъ образовъ или идей, напримѣръ, прекрасное само въ себѣ, доброе само въ себѣ и проч.; то я, говоритъ Сократъ, твердо докажу тебѣ истину безсмертія. p. 95 C—102 A.

На указываемомъ основаніи доказательство осуществляется слѣдующимъ порядкомъ мыслей. Все, чтò признается за прекрасное, надобно почитать прекраснымъ не отъ какихъ нибудь частныхъ свойствъ, а отъ прекраснаго самого въ себѣ, поколику первое принимаетъ участіе въ послѣднемъ. То же должно сказать и о всемъ прочемъ: великое велико отъ величины, малое мало отъ малости, высокое высоко отъ высокости, а не отъ чего другаго; равно какъ два суть два отъ двоицы, а не отъ сложенія или дѣленія единицъ. Однимъ словомъ: истинная причина того, что прекрасное прекрасно, великое велико, малое мало, двойственное двойственно и проч., есть прекрасное само въ себѣ, великое само въ себѣ, двоица сама въ себѣ и т. д., поколику, то-есть, что нибудь первое причастно соотвѣтствующему себѣ послѣднему, или поколику извѣстною дѣятельностію мы, какъ говорится, приближаемся къ идеѣ предмета и выражаемъ ее. При этомъ Сократъ намекаетъ на возможность хода какъ отъ предположенія къ слѣдствіямъ, такъ и отъ предположенія къ непредполагаемому или самодовольному (къ началу), то есть, намекаетъ на возможность методы аналитической и синтетической и говоритъ, что не должно хвататься то за ту, то за другую и смѣшивать ихъ между собою. Утвердивъ положеніе, что причина каждой вещи есть ея идея, поколику извѣстная вещь идеализуется, Сократъ далѣе переходитъ къ другому положенію, что идеѣ, какъ идеѣ, несвойственно принимать

въ себя что нибудь противуположное, либо самой переходить въ идею противуположную, но что, по приближеніи къ ней противуположнаго, она или удаляется, или исчезаетъ. Напримѣръ, черное само въ себѣ не можетъ перейти въ бѣлое само въ себѣ и на оборотъ; но когда къ бѣлому подошло черное, первое убѣгаетъ, не уничтожаясь: а иначе бѣлое сдѣлалось бы чернымъ и черное бѣлымъ, какъ Симміасъ, въ сравненіи съ Федономъ и Сократомъ, становится и низокъ и высокъ. При этомъ Сократъ замѣчаетъ, что вещь сама въ себѣ (идея) не должна быть смѣшиваема съ вещію въ явленіи: какъ явленіе, она можетъ переходить изъ одного состоянія въ другое противуположное; а сама въ себѣ не сдѣлается вещію или идеею противною. По раскрытіи этого втораго положенія въ ученіи о природѣ идей, идеологъ простирается далѣе, и въ идеяхъ находитъ еще одну отличительную черту, что онѣ не только сами по себѣ не превращаются—противная въ противную, но и не допускаютъ, чтобы даже какая нибудь частная вещь, получивъ общій характеръ извѣстной идеи, принимала въ себя нѣчто другое, хотя и не противное, однакожъ характеризующееся идеею противною. Мало того, напримѣръ, что четъ и нечетъ, какъ идеи взаимно противныя, не принимаютъ въ себя одинъ другаго: они не позволяютъ и того, чтобы два переходили въ три, либо три—въ два, хотя два и три не противуположны между собою, а только охарактеризованы противуположностями, то-есть, четомъ и нечетомъ. Однимъ словомъ: идея нетолько не принимаетъ въ себя идеи противной, но и всего непротивнаго, что приноситъ съ собою черты, принадлежащія противному. Изложивъ эти мысли, Сократъ вдругъ незамѣтнымъ для слушателей образомъ является на точкѣ заключенія и говоритъ: тѣлу, поколику оно становится живымъ, всегда сообщается душа, такъ что душа всегда приноситъ жизнь. Но жизни противуположна смерть, и смерти, какъ идеи противуположной, жизнь принять въ себя не можетъ. Слѣдо-

вательно душа, всегда приносящая жизнь, которая никогда не принимаетъ въ себя смерти, есть существо безсмертное. То-есть, душѣ хотя и не противуположна смерть, какъ тремъ не противуположенъ четъ, но принося съ собою жизнь, которой противуположна смерть, какъ три приносятъ съ собою нечетъ, которому противуположенъ четъ, она не приметъ смерти, а только устранится отъ нея, не переставая существовать въ собственномъ своемъ образѣ. Потому, когда тѣло принимаетъ образъ смерти, душа, приносящая съ собою жизнь, отрѣшается отъ тѣла и продолжаетъ сохранять свойственный себѣ образъ—жизнь. p. 102 B—107 A.

Этимъ важнѣйшимъ доказательствомъ безсмертія души Платонъ заключаетъ свое ученіе о философическихъ основаніяхъ, на которыхъ утверждаются надежды, что человѣкъ будетъ наслаждаться жизнію и по смерти. Теперь повидимому слѣдовало бы ожидать эпилога, или заключительныхъ мыслей Сократовой бесѣды. Но мы видѣли, что Платонъ первую половину своего діалога окончилъ эпизодомъ о переселеніи душъ по отрѣшеніи ихъ отъ тѣла. Соотвѣтственно этому, и вторая половина его заключается также *эпизодомъ* о посмертныхъ наградахъ и наказаніяхъ. Тамъ Сократъ пришелъ къ мысли, что формы существованія душъ, по отрѣшеніи ихъ отъ тѣла, будутъ не однѣ и тѣ же; а здѣсь онъ начертываетъ картину этихъ формъ примѣнительно къ религіознымъ вѣрованіямъ своихъ соотечественниковъ и сказаніямъ греческой миѳологіи. Душа, отрѣшившись отъ тѣла, говоритъ онъ, въ сопровожденіи приставленнаго къ ней духа, идетъ въ мѣсто, назначенное для произведенія надъ нею суда, а изъ этого мѣста, смотря по тому, какою оказалась она, начинается либо ея блужданіе и борьба съ оставшеюся въ ней плотяностію, пока она не вселится въ сообразное себѣ тѣло, либо ея переходъ въ убѣжище покоя и блаженства. Но гдѣ такія мѣста и пристанища душъ?— Здѣсь Платонъ, повидимому, спускается до уровня народ-

ныхъ понятій и свою географію, согласно съ цѣлію эпизода, излагаетъ такъ: Земля стоитъ неподвижно въ центрѣ небесной сферы и окружена эѳиромъ. Она очень велика и низменности ея служатъ мѣстомъ осадковъ всего нечистаго и грязнаго, а возвышенности чисты и увѣнчаны звѣздами неба. Мы, люди, живемъ въ глубокихъ впадинахъ, и воздухъ называемъ небомъ, тогда какъ истинное небо и истинная земля — выше осадка, именуемаго воздухомъ. Въ мѣстахъ нашего жительства все повреждено и изъѣдено: напротивъ на высотахъ, выникающихъ изъ воздуха, все прекрасно и совершенно. На той высокой землѣ есть также животныя и люди, пользующіеся воздухомъ, какъ мы водою, и дышущіе эѳиромъ, какъ мы — воздухомъ. Болѣзней они чужды, жизнь ихъ долговременна, въ храмахъ ихъ существенно обитаютъ боги. Та земля прорѣзана узкими или широкими прокопами, по которымъ льются обильныя воды. Подъ землею же есть множество вѣчно текущихъ рѣкъ воды теплой и холодной, есть даже рѣки огня и грязи. Одно изъ ущелій земли, прокопанное сквозь всю ее, называется тартаромъ, въ который сливаются и изъ котораго вытекаютъ всѣ рѣки. Тартаръ есть ущеліе бездонное, гдѣ воды находятся въ непрестанномъ колебаніи или движутся то къ одной поверхности, то къ другой. Отсюда необоримые вѣтры, разливы рѣкъ, образованіе озеръ и морей. Главныхъ водныхъ потоковъ четыре: Океанъ, окружающій землю снаружи, Ахеронъ, изливающійся въ озеро Ахерусію, Пирифлегетонъ, текущій огнемъ и грязью, и Стиксъ или Коцитъ, обладающій чрезвычайною силою. Описавъ такимъ образомъ будущее жилище отшедшихъ душъ, Сократъ говоритъ, что души прежде всего приводятся къ Ахерону и, сѣвъ на колесницы, какія у которой есть, тоесть, опираясь на свои добродѣтели и пороки, отправляются къ Ахерусіи. Здѣсь онѣ подвергаются суду, очищаются и потомъ пользуются свободою, либо получаютъ награды; а неисцѣлимыя повергаются въ тартаръ, откуда однѣ

изъ нихъ никогда не выходятъ, другія же волнами выбрасываются въ Коцитъ, либо въ Пирифлегетонъ и, достигнувъ Ахерусіи, умоляютъ обиженныхъ или убитыхъ ими, чтобы они вошли въ озеро и взяли ихъ. Напротивъ люди, по святости жизни оказавшіеся отличными, освобождаются отъ этихъ подземныхъ мѣстъ и стремятся въ жилище чистое; очистившіеся же философіею переселяются въ мѣста, еще превосходнѣйшія тѣхъ, которыя описаны выше. Такъ вотъ побужденіе употреблять всѣ способы, чтобы быть въ жизни добродѣтельнымъ и разумнымъ. Теперь, прибавилъ Сократъ, пора приступить къ омовенію и потомъ выпить ядъ P. 107 B—115 A.

Когда Сократъ окончилъ свои разсужденія, Критонъ спрашиваетъ его: не сдѣлаетъ ли онъ имъ какихъ нибудь порученій?—Отвѣтъ Сократа на этотъ вопросъ составляетъ *эпилогъ* Платонова Федона. Критону хотѣлось знать, что̀ завѣщаетъ имъ Сократъ касательно своихъ дѣтей и касательно его погребенія. Но на первую половину вопроса философъ отвѣчаетъ, что заботящійся о своей душѣ, то-есть, приготовляющій ее къ блаженной жизни за гробомъ, и безъ порученія сдѣлаетъ все и для всѣхъ; а не заботящійся объ этомъ, хотя бы и поручали ему, не сдѣлаетъ ничего и ни для кого. По отношенію же къ погребенію себя, Сократъ шутливо укоряетъ Критона, что бесѣда о безсмертіи души не убѣдила его въ умершемъ учителѣ видѣть не Сократа, а только тѣло Сократово; потомъ обращается къ другимъ ученикамъ и говоритъ имъ: Критонъ поручился судьямъ, что я не уйду изъ темницы; поручитесь теперь вы ему, что я уйду изъ этого бреннаго тѣла P. 115 B.—116 A.

За этимъ эпилогомъ слѣдуетъ *историческое заключеніе* Федона. Сократъ удаляется въ другую комнату для омовенія. Когда оно было кончено, приводятъ къ нему дѣтей; онъ говоритъ съ ними и дѣлаетъ имъ наставленія. Потомъ, отпустивъ ихъ, возвращается къ ученикамъ и, не смотря на увѣреніе Критона, что солнце еще не совсѣмъ зашло,

приказываетъ подать себѣ ядъ, спокойно выпиваетъ его и самъ наблюдаетъ постепенное омертвѣніе своего тѣла. Р. 116 А—118 А.

Разсмотрѣвъ ходъ, послѣдовательность и связь мыслей въ Платоновомъ Федонѣ, мы должны еще обратить вниманіе на философскій характеръ ихъ и показать отношеніе этого діалога къ другимъ сочиненіямъ Платона.

Съ перваго взгляда представляется, что большая часть этого разговора состоитъ изъ положеній философіи пиѳагорейской, сродненныхъ съ иѳикою Сократа. Ученіе о переселеніи душъ, понятіе о философіи, какъ о музыкѣ, мысль объ очищеніи (κάθαρσις) или постоянномъ отрѣшеніи отъ тѣла, взглядъ на тѣло, какъ на темницу души, все это— положенія пиѳагорейскія; даже и бесѣдующія лица: Эхекратъ, Симміасъ и Кевисъ, были нѣкогда слушателями Пиѳагорейцевъ. Но въ Платоновомъ Федонѣ философемы Пиѳагора направляются къ нравственной цѣли, къ возвышенію души подвигами добродѣтели, къ приготовленію ея для жизни блаженной. Замѣтно также намѣреніе Платона показать, что пиѳагореизмъ въ его время потерялъ древній идеально-религіозный характеръ. Извѣстно, что и Пиѳагоръ почиталъ душу гармоніею; но подъ этимъ словомъ онъ разумѣлъ внутреннюю, математически опредѣляемую дѣятельность ся силъ. Напротивъ позднѣйшіе его ученики, потерявъ изъ виду идеальное начало своего учителя, уклонились къ эмпиризму и, не переставая понимать душу, какъ гармонію, производили ее уже, подобно Аристоксену (*Cicer.* Tuscul. quaest. 1, 10), изъ напряженія или смѣшенія стихій организма, а чрезъ то лишали ее самостоятельности. Такимъ образомъ душа, существенная или реальная гармонія Пиѳагорова, обратилась у нихъ въ формальную и стала въ аналогію съ гармоніею лиры.

Сравнивая Федона съ другими діалогами Платона и, при сравненіи, обращая вниманіе на главнѣйшія и существенныя его мысли, мы скорѣе всего останавливаемся на Федрѣ.

Федонъ и первая половина Федра заключаютъ въ своемъ содержанiи столько общаго, что кажутся двумя варiацiями одной и той же музыкальной темы; только въ Федрѣ больше лиризма, а Федонъ есть истинная философская драма: тамъ лиризмъ чрезвычайно веселъ и сопровождается почти непрерывною иронiею, а здѣсь иронiя замѣняется ровнымъ и спокойнымъ движенiемъ развиваемаго предмета. По Федру, души въ надмiрныхъ пространствахъ сопровождаютъ сонмъ боговъ и вмѣстѣ съ ними созерцаютъ истинное, доброе и прекрасное; но не умѣя управлять непослушными своими конями, падаютъ на землю, ломаютъ себѣ крылья и въ наказанiе поселяются въ смертныя тѣла. По Федону, онѣ жили гдѣ-то до рожденiя и, оттуда принесши съ собою идеи истиннаго, добраго и прекраснаго, здѣсь на землѣ забыли небесныя свои стяжанiя. Въ Федрѣ Сократъ говоритъ, что падшiя души могутъ мало-по-малу выращать свои крылья и возноситься надъ всѣмъ тлѣннымъ; въ Федонѣ,—что онѣ въ состоянiи мало по малу припоминать домiрныя свои идеи и оставлять все земное. Но первый разговоръ для выращенiя крыльевъ почитаетъ полезною любовь къ прекрасному въ образахъ чувственныхъ; а последнiй для припоминанiя идей требуетъ постепеннаго отрѣшенiя души отъ тѣла посредствомъ истинной философiи. Тамъ и здѣсь душа опредѣляется, какъ существо, заключающее въ себѣ самомъ источникъ непреходящей жизни; потому что въ существѣ ея сокрыты простыя и неизмѣняемыя истины, а въ простотѣ и неизмѣняемости этихъ истинъ лежитъ залогъ безсмертiя. Такимъ образомъ и тамъ, и здѣсь человѣкъ есть фениксъ, возрождающiйся изъ собственнаго праха и, среди безконечнаго ряда превращенiй, по своей душѣ, существующiй тожественно и неизмѣнно.

Теперь оставалось бы разсмотрѣть, въ какое время своей жизни Платонъ написалъ Федона. Но прямыхъ, историческихъ указанiй на это нѣтъ ни въ самомъ дiалогѣ, ни въ сочиненiяхъ другихъ древнихъ писателей. Изслѣдованiя же

новѣйшихъ критиковъ не представляютъ въ этомъ отношеніи заключеній вполнѣ удовлетворительныхъ. Астъ (de vita et script. Plat. p. 157 sq.) полагаетъ, что Федонъ написанъ вскорѣ послѣ Протагора, Федра и Горгіаса: но разстояніе между временами появленія этихъ трехъ разговоровъ слишкомъ велико; по этому показаніе Аста ничего не опредѣляетъ. По Зохеру (въ книгѣ того же содержанія), выходъ Федона въ свѣтъ долженъ былъ относиться ко времени, слѣдовавшемъ вскорѣ за смертію Сократа: но принимая въ соображеніе господствующій характеръ ученія въ этомъ діалогѣ, художественную отдѣлку его и особенности нѣкоторыхъ, введенныхъ въ разговоръ лицъ, нельзя согласиться и съ мнѣніемъ Зохера. Вскорѣ послѣ Сократовой смерти появились, по всей вѣроятности, Критонъ и Апологія, такъ какъ эти сочиненія имѣютъ ближайшее отношеніе къ послѣднимъ днямъ аѳинскаго моралиста и какъ бы запечатлѣваютъ исторію его жизни. Но предметъ Федона — уже не жизнь земная, а надежды загробныя: здѣсь рѣшается вопросъ общій, касающійся не лично Сократа, а всего человѣчества; притомъ здѣсь и самое ученіе характеризуется чертами философіи больше Платоновой, чѣмъ Сократовой. По этому нѣтъ никакой положительной причины думать, что Федонъ есть раннее произведеніе Платона, посвященное просто памяти Сократа и служащее къ сохраненію его мыслей о безсмертіи души. Можно догадываться, что этотъ діалогъ написанъ Платономъ уже послѣ перваго путешеттвія его въ Италію и Сицилію, потому что, читая Федона, невольно замѣчаешь свѣжіе слѣды обстоятельнаго знакомства Платонова съ тогдашнимъ пиѳагореизмомъ. Правда, не неизвѣстно было ему ученіе Пиѳагора и до того времени, какъ это ясно видно изъ его Федра; знаемъ также, что пиѳагорейскую догму о безмертіи души высказалъ онъ уже въ Менонѣ (p. 81 A sqq. 86 A): но ни въ которомъ изъ этихъ разговоровъ философемы Пиѳагорейцевъ не сроднены такъ съ теоріею идей, какъ сроднены онѣ въ Федонѣ. Мое мнѣніе о времени выхода въ свѣтъ Фе-

дона подтверждается и тѣмъ, что замѣчаемые въ этомъ діалогѣ слѣды пиѳагорейскаго ученія, подстроеннаго подъ взглядъ древней Академіи, могли быть выработаны чрезъ чтеніе сочиненій Филолая, который еще прежде смерти Сократа жилъ и училъ въ Ѳивахъ, и котораго сочиненія куплены были Платономъ въ Нижней Италіи (*Boeckh*. Philol. p. 18 sqq. p. 22). Поэтому-то, вѣроятно, главными собесѣдниками Сократа въ день его смерти являются Симміасъ и Кевисъ — ученики Филолая, долженствовавшіе лично убѣдиться, что ученіе ѳивскаго ихъ учителя не можетъ быть оправдано, если не найдетъ опоры въ основаніяхъ мудреца аѳинскаго. Съ тою же конечно цѣлію вводится въ разговоръ и Эхекратъ, по свидѣтельству Ямблиха, тоже Пиѳагореецъ. Вообще, если въ Федонѣ много пиѳагорейскаго, а Аѳины не видѣли въ своихъ стѣнахъ ни Филолая, ни другихъ Пиѳагорейцевъ, кромѣ Симміаса и Кевиса, то пиѳагорейское ученіе, по всей вѣроятности, принесено въ Аттику Платономъ; а это ясно уже указываетъ на время, когда написанъ Федонъ.

ЛИЦА РАЗГОВАРИВАЮЩІЯ

Сократъ.
Эхекратъ изъ Фліунта, Пиѳагореецъ.
Федонъ изъ Элиды.
Аполлодоръ.
Кевисъ, Симміасъ — Ѳивяне, ученики пиѳагорейца Филолая.
Критонъ Аѳинянинъ, другъ и ученикъ Сократа.
Приставъ одиннадцати судей.

Эхекр. Самъ ты, Федонъ, былъ у Сократа въ тотъ день, 57.
когда онъ въ темницѣ выпилъ ядъ, или слышалъ отъ кого другаго?

Фед. Я самъ былъ, Эхекратъ.

Эхекр. Что же говорилъ этотъ человѣкъ предъ смертію? и какъ скончался? Съ удовольствіемъ послушалъ бы. Вотъ
уже давно и никто изъ Фліунтянъ не отправлялся [1] пожить B.
въ Аѳинахъ, и ни одинъ гость во все время не пріѣзжалъ изъ Аѳинъ, который могъ бы намъ разсказать объ этомъ ясно,—по крайней мѣрѣ болѣе того, что Сократъ выпилъ ядъ и умеръ; о прочемъ ничего не говорятъ.

Фед. Такъ вы не знаете и о томъ, какъ происходилъ надъ 58.
нимъ судъ?

Эхекр. Да, намъ кто-то сказывалъ, и мы еще удивлялись, что онъ умеръ, кажется, спустя много времени по окончаніи суда. Отчего это было, Федонъ?

---

[1] ἐπιχωριάζει. Глаголъ ἐπιχωριάζειν значитъ не просто переѣзжать куда нибудь, а переселяться, или перемѣнить мѣсто жительства. *Valckenar*. ad Herod. 1. 24, 4,

Фед. Это зависѣло отъ случая, Эхекратъ. Случилось, что наканунѣ осужденія увѣнчана была корма корабля, который Аѳиняне отправляютъ въ Делосъ.

Эхекр. А что это за корабль?

Фед. Это, по словамъ Аѳинянъ, тотъ корабль, на кото-
ромъ Тезей, привезши нѣкогда въ Критъ тѣхъ извѣстныхъ
четырнадцать человѣкъ, и ихъ спасъ, и самъ спасся. Раз-
сказываютъ, будто Аѳиняне въ то время дали обѣтъ Аполло-
B. ну, что они будутъ ежегодно отправлять въ Делосъ священ-
ное посольство, если спутники Тезея спасутся [1]. Такое-то
посольство они всегда и отправляли, да и нынѣ еще ежегод-
но отправляютъ. Когда же наступитъ этотъ праздникъ, по
ихъ закону, городъ соблюдается чистымъ, и публичныхъ
смертныхъ казней не бываетъ, пока корабль не достигнетъ
Делоса и не приплыветъ обратно. Иногда, если путешествен-
никовъ задерживаютъ вѣтры, это плаваніе совершается въ
довольно долгое время. Праздникъ начинается, какъ скоро
C. жрецъ Аполлона увѣнчаетъ корму корабля, что случилось,
какъ я сказалъ, наканунѣ осужденія. Поэтому для Сократа
въ темницѣ промежутокъ между осужденіемъ и смертію былъ
продолжителенъ.

Эхекр. Такъ что же скажешь ты о самой смерти его, Федонъ? Что было говорено и дѣлано? Кто изъ приближенныхъ находился при этомъ человѣкѣ? или архонты не позволяли приходить къ нему, и онъ умеръ, не видя друзей?

---

[1] Обычай Аѳинянъ ежегодно отправлять въ Делосъ священное посольство основывался на слѣдующемъ миѳѣ: Критскій царь Миносъ, въ отмщеніе за смерть своего сына Андрогея, осадилъ Аѳины. Доведенные этою осадою до крайности, Аѳиняне вступили съ нимъ въ условія и, по его требованію, обѣщались чрезъ каждые восемь лѣтъ присылать на островъ Критъ по семи дѣвочекъ и по стольку же мальчиковъ, для принесенія ихъ въ жертву Минотавру, который и пожиралъ ихъ въ лабиринтѣ. Это обѣщаніе два осьмилѣтія исполнялось вѣрно. Но въ третье обреченныхъ аѳинскихъ жертвъ положено было отправить съ Тезеемъ, чтобы онъ убилъ Минотавра и избавилъ Аѳинянъ отъ платежа этой кровавой дани. Посылая Тезея съ такою цѣлію, Аѳиняне дали обѣтъ ежегодно отправлять торжественное посольство въ дельфійскій храмъ Аполлона, если Тезей и самъ спасется, и его спутники. Plut. vit. Thesei p. 6 sq. Pausan. 1, 27. p. 67.

Фед. О, нѣтъ, съ нимъ были нѣкоторые, даже многіе. D.

Эхекр. Постарайся же расказать намъ обо всемъ съ возможною подробностію, если ничто не отвлекаетъ тебя.

Фед. Я теперь свободенъ и раскажу вамъ тѣмъ охотнѣе, что и для меня нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ вспоминать о Сократѣ, самъ ли говорю о немъ, или слушаю другаго.

Эхекр. Да и въ слушателяхъ своихъ, Федонъ, ты найдешь людей, подобныхъ тебѣ: такъ постарайся объяснить намъ все, сколько можешь, обстоятельнѣе.

Фед. Находясь у Сократа, я испыталъ что-то удивитель- E.
ное. Во мнѣ даже не возбуждалось и сожалѣнія о другѣ, тогда какъ онъ былъ столь близокъ къ смерти. Онъ казался мнѣ, Эхекратъ, блаженнымъ—и по состоянію его духа, и по словамъ: онъ умиралъ столь безтрепетно и великодушно, что и самое отшествіе его въ преисподнюю, думалъ я, совершается не безъ божественнаго жребія, что онъ и тамъ будетъ счастливѣе, нежели кто другой. Потому-то во мнѣ не возбуж- 59.
далось ни особеннаго сожалѣнія, какому слѣдовало бы быть при тогдашнемъ бѣдствіи, ни удовольствія—отъ того, что мы по обыковенію, философствовали: а разговоръ былъ въ самомъ дѣлѣ философскій. Напротивъ, живо представляя, что Сократъ долженъ скоро умереть, я питалъ какое-то странное чувство, какую-то необыкновенную смѣсь удовольствія и скорби. Да и всѣ присутствовавшіе были почти въ такомъ же расположеніи духа: то смѣялись, то плакали,—особенно одинъ изъ насъ, Аполлодоръ [1]. Ты знаешь, можетъ быть, этого человѣка и нравъ его.

Эхекр. Какъ не знать. B.

---

[1] И Платонъ, и его современники описываютъ Аполлодора, какъ человѣка, сильно преданнаго Сократу и отличавшагося особенною живостію и чувствительностію. Поэтому онъ быстро переходилъ отъ радости къ печали и обратно, и нисколько не показывалъ мужескаго хладнокровія, за что въ одномъ мѣстѣ Платонова Симпосіона (p. 173 D.) получилъ прозваніе *τοῦ μανικοῦ*. Характеръ его и сердце хорошо описываетъ *Wolfius* (Praefat. ad Symp. p. 41). А *Эліанъ* (V. H. 1. 16) забавно разсказываетъ, что Аполлодоръ принесъ въ темницу прекрасное платье, чтобы Сократъ умеръ не иначе, какъ въ красивой одеждѣ.

Фед. Такъ вотъ онъ находился точно въ такомъ состояніи духа; да и самъ я былъ возмущенъ, и другіе.

Эхекр. А кто тогда случился у него, Федонъ?

Фед. Изъ соотечественниковъ пришли: этотъ Аполлодоръ, Критовулъ и отецъ его Критонъ [1], также Гермогенъ, Эпигенъ, Эсхинъ [2] и Антисѳенъ [3]; пришли еще: Ктизиппъ [4] пеанскій, Менексенъ [5] и другіе соотечественники; а Платонъ, кажется, былъ нездоровъ.

Эхекр. Были и какіе нибудь иностранцы?

C. *Фед.* Да; Симміасъ Ѳивянинъ, Кевисъ [6] и Федондъ, также Эвклидъ [7] изъ Мегары и Терпсіонъ.

Эхекр. А были ли Аристиппъ [8] и Клеомвротъ?

Фед. Ну нѣтъ; сказывали, что они находились въ Эгинѣ.

Эхекр. Кто же еще былъ?

Фед. Кажется, почти только эти.

---

[1] Критонъ, именемъ котораго названъ одинъ изъ діалоговъ Платона, имѣлъ четырехъ сыновей: Критовула, Гермогена, Эпигена и Ктизиппа. См. *D. Laert.* 11. 121. Но упоминаемый здѣсь Гермогенъ, кажется, былъ сынъ Иппоника, братъ Калліаса, о которомъ *Heindorf.* ad Cratyl. § 3. И присутствовавшій тутъ Эпигенъ былъ не сынъ Критона, а безъ сомнѣнія тотъ, о которомъ упомянуто въ Апологіи Сократа (p. 33 E. et *Xenoph.* memor. III. 12. 2), и котораго отецъ былъ Антифонъ.

[2] Объ Эсхинѣ сократическомъ см. D. Laert. II, 60—64.

[3] Основатель философской школы Киниковъ, подражатель Сократа въ его воздержаніи и презрѣніи удовольствій. *Diog. Laert.* VI, 1 — 19. *Aelian.* L. H. 17. 35 al.

[4] Ктизиппъ пэанійскій, т. е. ἐκ Παιανίᾳ δήμῳ τῆς Πανδιονίδος φυλῆς см. Euthyd. p. 273 A. et Lysid. p. 206 B.

[5] Именемъ этого самаго Менексена названъ извѣстный діалогъ Платона. Онъ происходилъ изъ благороднаго дома (см. Lysid. p. 207. C.), рано сталъ заниматься философіею и слѣдовалъ какъ другимъ софистамъ, такъ особенно Ктизиппу. Lys. p. 206.

[6] Симміасъ и Кевисъ—ученики Филолая, были преданнѣйшими друзьями Сократа (см. Criton. p. 45 B.).

[7] Это тотъ самый Эвклидъ, который впослѣдствіи основалъ Мегарскую школу, называвшуюся также эристическою или діалектическою. *D. Laert.* 11, 106—11. Онъ Терпсіону читаетъ разговоръ Сократа съ Теэтетомъ въ томъ діалогѣ, который надписанъ именемъ Теэтета.

[8] Извѣстный основатель киринейской школы. А о Клеомвротѣ говорятъ, что прочитавъ Платонова Федона, онъ бросился въ море. Отсюда эпиграмма *Каллимаха* p. 24.

Эхекр. Такъ чтожъ? о чемъ говорили?

Фед. Я постараюсь пересказать тебѣ все сначала. Мы D.
всегда, и въ прежніе дни, имѣли обыкновеніе приходить къ Сократу, предварительно собравшись въ то судилище, въ которомъ происходилъ судъ, такъ какъ оно было близъ темницы. Здѣсь, разговаривая между собою, мы каждый разъ ожидали, пока отопрутъ темницу; ибо отпирали ее не рано: когда же она была отперта, входили къ Сократу и по большей части проводили съ нимъ цѣлый день. Но въ послѣдній разъ собрались мы гораздо ранѣе; потому что, выходя изъ темницы вечеромъ наканунѣ того дня, узнали, что корабль
уже возвратился изъ Делоса, и дали другъ другу обѣщаніе E.
сойтись въ извѣстномъ мѣстѣ какъ можно ранѣе. Пришли; но сторожъ, обыкновенно отворявшій намъ дверь, вышелъ и сказалъ, чтобы мы подождали и не входили, пока Сократъ самъ не позоветъ насъ; потому что теперь, прибавилъ онъ, одиннадцать судей снимаютъ съ него оковы и объявляютъ, какою смертію въ этотъ день онъ долженъ умереть. Спустя немного послѣ того, сторожъ опять вышелъ и приказалъ намъ
войти. Входимъ и видимъ Сократа только что освобожден- 60.
нымъ отъ оковъ; подлѣ него сидитъ Ксантиппа (ты, конечно, знаешь ее) и держитъ дитя. Какъ скоро она увидѣла насъ, тотчасъ подняла вопль и начала говорить все, что говорятъ женщины, напримѣръ: о Сократъ! вотъ друзья твои съ тобою и ты съ друзьями — бесѣдуете уже въ послѣдній разъ. Но Сократъ, взглянувъ на Критона, сказалъ: Критонъ! пусть кто нибудь отведетъ ее домой. Тогда нѣкоторые изъ Критоновыхъ слугъ повели ее, а она кричала и ударяла себя въ грудь.

Между тѣмъ Сократъ, приподнявшись на скамьѣ, подо- B.
гнулъ ногу, сталъ потирать ее рукою и, потирая, сказалъ: Друзья! какъ страннымъ кажется мнѣ то, что люди называютъ пріятнымъ! Въ какой удивительной связи находится оно съ скорбію, хотя послѣдняя, повидимому, противуположна первому! Взятыя вмѣстѣ, они не уживаются въ человѣкѣ: но кто ищетъ и достигаетъ одного, тотъ почти

вынуждается всегда получать и другое, какъ будто эти
двѣ крайности соединены въ одной вершинѣ [1]. Если бы
C. такая мысль, продолжалъ Сократъ, представилась Езопу,
то онъ, кажется, сложилъ бы басню, что Богъ, желая
примирить столь враждебныя противуположности, но не
могши это сдѣлать, сростилъ ихъ вершины: слѣдовательно,
кому досталась одна изъ нихъ, тотъ за нею получаетъ и
другую. Вотъ такъ и самъ я—отъ оковъ прежде чувство-
валъ въ своей ногѣ боль; а теперь за болью, кажется,
слѣдуетъ что-то пріятное.—Клянусь Зевсомъ, Сократъ, под-
хватилъ Кевисъ, ты хорошо сдѣлалъ, что напомнилъ мнѣ.
Меня уже спрашивали и другіе, а недавно и Эвинъ, о тѣхъ
D. стихотвореніяхъ, которыя ты написалъ, перелагая разсказы
Езопа, и о прологѣ Аполлону: что́ это вздумалось тебѣ
писать стихи, пришедши сюда, между тѣмъ какъ прежде
ты никогда и ничего не писывалъ? Если, по твоему мнѣнію,
мнѣ надобно отвѣчать Эвину, когда онъ опять спроситъ
меня (а я вѣрно знаю, что спроситъ); то скажи, каковъ
долженъ быть мой отвѣтъ.—Отвѣчай ему правду, Кевисъ,
что я написалъ это, не думая быть соперникомъ ни ему,
E. ни его твореніямъ,—ибо зналъ, что такое соперничество
не легко,—но желая испытать значеніе нѣкоторыхъ сновъ
и успокоить совѣсть,—не этою ли часто повелѣвалось мнѣ
заниматься музыкою [2]. Дѣло вотъ въ чемъ. Въ протек-
шей моей жизни не рѣдко повторялся у меня сонъ, который,

---

[1] Точка зрѣнія Сократа здѣсь очевидно феноменальная, а заключеніе дѣлается къ началу ноуменальному Съ этой точки зрѣнія человѣкъ—всегда въ противуположностяхъ, доказывающихъ ограниченность его природы самой въ себѣ, или то, что чувственное въ немъ ограничено духовнымъ, и наоборотъ. Это-то и есть срощеніе противуположностей въ вершинѣ. Отсюда Сократъ могъ бы также заключить, что чѣмъ живѣе чувствовалось удовольствіе, тѣмъ сильнѣйшее приготовляется чувство скорби.

[2] Помню, что когда вышло первое изданіе моего перевода Платоновыхъ сочиненій, нѣкоторымъ читателямъ не понравилось употребленное здѣсь слово *Мусикія* (*μουσική*): Теперь я замѣняю его словомъ *музыка*, но прошу замѣтить, что подъ именемъ музыки у Платона разумѣются всѣ занятія и искуства, относившіяся къ области Музъ, и что высшимъ изъ этихъ занятій—высшею музыкою онъ почиталъ философію: о гармоніи же звуковъ тутъ и рѣчи нѣтъ.

представляясь въ разныхъ видахъ, говорилъ всегда одно и то же: Сократъ! производи и преподавай музыку. И я въ прежнее время всѣмъ занимался въ той мысли, что къ этому располагаетъ и возбуждаетъ меня сновидѣніе, что какъ на 61.
скороходовъ имѣютъ вліяніе возбудатели, такъ на меня, въ моей работѣ,—оно, повелѣвавшее заниматься музыкою; ибо философія, думалъ я, есть величайшая музыка, и ею долженъ я заниматься. Но потомъ, когда судъ былъ конченъ, а божій праздникъ препятствовалъ мнѣ умереть,—я подумалъ: ну что, если сонъ многократно возбуждалъ меня трудиться надъ народною музыкою? вѣдь надобно трудиться, а не отвергать внушенія; потому что безопаснѣе умереть, когда, повинуясь сновидѣнію, успокоишь совѣсть чрезъ сочиненіе B.
стихотвореній. Поэтому сначала я написалъ гимнъ богу, которому тогда приносима была жертва; а послѣ бога, разсудивъ, что поэту, если онъ хочетъ быть поэтомъ, надобно излагать не разсказы, а вымыслы, и не находя въ себѣ способности вымышлять, я переложилъ въ стихи первыя попавшіяся мнѣ изъ тѣхъ басень Езопа, которыя были у меня подъ рукою и въ памяти. Такъ вотъ что отвѣчай Эвину, Кевисъ: да пусть онъ будетъ здоровъ и, если разсуждаетъ здраво, пусть скорѣе бѣжитъ за мною. Я, какъ видно, отхожу сегодня: такова воля Аѳинянъ.— C.
Но Симміасъ сказалъ: что ты это, Сократъ, совѣтуешь Эвину? Вѣдь я уже много разъ разговаривалъ съ нимъ и, сколько понимаю, онъ охотно никакъ не послушаетъ тебя.—Почему же, возразилъ Сократъ? развѣ Эвинъ не философъ [1]?—Кажется, философъ, отвѣчалъ Симміасъ. — Слѣдовательно захочетъ и Эвинъ, и всякій, достойно принимающій участіе въ этомъ дѣлѣ. Конечно, онъ, можетъ быть, не наложитъ на себя рукъ; ибо это, говорятъ, беззаконно.—Тутъ Сократъ

[1] Эвинъ, — по роду своихъ сочиненій, поэтъ, тѣмъ не менѣе объявлялъ себя софистомъ и за уроки бралъ съ учениковъ по пяти минъ. Apolog. *Xenoph.* c. IV. Такъ какъ софистовъ называли и философами, то Сократъ, примѣняясь къ народному понятію, не безъ ироніи, конечно, даетъ ему это имя.

D. спустилъ ноги со скамьи на полъ и, сидя въ такомъ положеніи, продолжалъ бесѣдовать.

Кевисъ спросилъ его: ты говоришь, Сократъ, что наложить на себя руки беззаконно, а между тѣмъ философу можно хотѣть слѣдовать за умирающимъ? — Такъ что же, Кевисъ? развѣ ты и Симміасъ не слышали объ этомъ отъ Филолая [1], когда обращались съ нимъ?—По крайней мѣрѣ ничего яснаго, Сократъ. — Впрочемъ и я знаю только по слуху; однакожъ, чтò слышалъ, того не скрою. Да человѣку, собирающемуся перейти въ другую жизнь, и весьма прилично, можетъ быть, разсуждать [2] и толковать о ней и о томъ,
E. какова она будетъ. Кто бы и сталъ дѣлать что-нибудь иное нынѣ до захожденія солнца? — Такъ почему же говорятъ, Сократъ, что лишать жизни самого себя беззаконно? Теперешнее твое сужденіе я уже слышалъ и отъ Филолая, когда онъ жилъ у насъ; знаю и отъ другихъ, что дѣлать этого не надобно: но ясно ни отъ кого и никогда не слыхивалъ.
62. —Должно сильнѣе желать, сказалъ Сократъ; такъ авось услышишь. Можетъ быть, для тебя покажется удивительнымъ, что это одно изъ всего безусловно справедливо, и что не случается, какъ въ прочихъ дѣлахъ, чтобы только инымъ людямъ и только иногда было лучше умереть, нежели жить, а другимъ другое. Если же человѣку лучше [3] умереть; то ты, вѣроятно, удивишься, почему бы онъ поступилъ нечестиво, благодѣтельствуя самому себѣ, и зачѣмъ бы ему ожидать дру-

---

[1] Филолай, родомъ Кротонецъ, ученикъ Архита, знаменитый философъ пиѳагорейской школы, жилъ нѣсколько времени въ Ѳивахъ и преподавалъ свое ученіе. Здѣсь между прочими его слушателями были Симміасъ и Кевисъ, прежде чѣмъ стали они слушать Сократа.

[2] Μυθολογεῖν въ этомъ контекстѣ значитъ не баснословить, а разсуждать о предметахъ темныхъ, сокровенныхъ или метафизическихъ. Сравн. Legg. 1. p. 632 E. Apolog. p. 39 E. Phaedr. p. 279 E. Въ этомъ же смыслѣ и выше (61. B) слово μῦθος противуполагается τῷ λόγῳ.

[3] Скрывающаяся въ этихъ словахъ мысль Сократа можетъ быть выражена слѣдующимъ силлогизмомъ: всѣ люди желаютъ себѣ самаго лучшаго (эта посылка Сократомъ опущена); но самое лучшее для людей есть посмертная жизнь; слѣдовательно всѣмъ людямъ лучше желать умереть.

гаго благодѣтеля.—Тутъ Кевисъ, слегка улыбнувшись, сказалъ: Зевсъ знаетъ, что̀ говоритъ онъ!—Конечно, съ перваго взгляда это можетъ показаться безсмыслицей, замѣтилъ B.
Сократъ; однакожъ въ моихъ словахъ есть нѣкоторый смыслъ. Изреченіе, находящееся въ тайномъ ученіи, что мы, люди, живемъ въ какой-то темницѣ, а потому сами собою не должны освобождаться изъ нея и уходить, мнѣ представляется слишкомъ высокимъ и неудобо-разсмотримымъ: но то, Кевисъ, по моему мнѣнію, хорошо сказано, что боги суть наши попечители, а мы—одно изъ ихъ стяжаній. Или ты не такъ думаешь, Кевисъ?—Такъ, отвѣчалъ онъ.—Но если- C.
бы которое-нибудь изъ твоихъ стяжаній, продолжалъ Сократъ, захотѣло умертвить само себя, независимо отъ твоего соизволенія на эту смерть; то не прогнѣвался ли бы ты на него и не подвергъ ли бы его наказанію, какому можешь? — Конечно, отвѣчалъ онъ. — Значитъ, благоразуміе требуетъ умерщвлять себя не прежде, какъ тогда, когда богъ пошлетъ необходимость, въ какую теперь поставлены мы. —Правда, что такъ, сказалъ Кевисъ; но то твое положеніе, Сократъ, кажется страннымъ, будто философамъ легко же- D.
лать смерти, особенно когда мы одобрили мнѣніе, что Богъ есть нашъ попечитель, а мы его стяжаніе. Люди мудрѣйшіе не имѣютъ причины не скорбѣть, оставляя такое служеніе, къ которому они призваны самыми добрыми распорядителями вещей — богами; ибо вѣрно не думаютъ они, что, сдѣлавшись свободными, лучше позаботятся о самихъ себѣ. Глупый, можетъ быть, и возразитъ, что надобно бѣжать отъ господина, такъ какъ не умѣетъ размыслить, что отъ E.
добраго бѣжать никакъ не должно, а должно тѣмъ болѣе оставаться съ нимъ, и что побѣгъ былъ бы дѣломъ безумнымъ: но мудрому, кажется, естественно желать всегда быть съ тѣмъ, кто лучше его. Такъ-то, Сократъ; мнѣ представляется противное тому, что̀ сейчасъ говорилъ ты: людямъ мудрымъ при смерти прилично скорбѣть, а радоваться въ этомъ случаѣ свойственно лишь глупымъ. — Выслушавъ

63. это, Сократъ, казалось, былъ доволенъ изслѣдовательностію Кевиса и, взглянувъ на насъ, сказалъ: Кевисъ непремѣнно всегда испытываетъ мысль и съ перваго раза никакъ не вѣритъ тому, что̀ кто утверждаетъ. — Да и точно, Сократъ, подхватилъ Симміасъ, мнѣ самому думается, что Кевисъ, по крайней мѣрѣ теперь, говоритъ дѣло; ибо съ какою цѣлію люди мудрые могли бы бѣжать отъ господъ, дѣйствительно лучшихъ, нежели сами, и легкомысленно оставлять ихъ? Его рѣчь, повидимому, направлена противъ тебя, такъ какъ ты столь равнодушно оставляешь и насъ и боговъ,
B. которыхъ самъ же почитаешь добрыми властителями. — Вы правы, сказалъ Сократъ; я вижу цѣль вашихъ словъ: вамъ хочется, чтобы я защищался противъ этого обвиненія, какъ въ судѣ.—Совершенно такъ, отвѣчалъ Симміасъ.—Хорошо, продолжалъ Сократъ; постараюсь оправдаться предъ вами успѣшнѣе, чѣмъ предъ судьями. Если бы я не думалъ, Симміасъ и Кевисъ, что, во-первыхъ, пойду къ инымъ мудрымъ и благимъ богамъ, во-вторыхъ, къ умершимъ людямъ, луч-
C. шимъ, нежели эти; то былъ бы виноватъ, не скорбя при смерти. Но теперь—знайте, я надѣюсь увидѣться съ добрыми людьми, хотя не смѣю утверждать это слишкомъ рѣшительно; а что предстану предъ добрыхъ владыкъ, боговъ, — это, повѣрьте, могу доказать столь же рѣшительно, какъ что-либо другое. Потому-то и не скорблю, а надѣюсь, что умершіе существуютъ, и что добрымъ изъ нихъ, какъ издревле говорится, гораздо лучше, нежели злымъ. — Такъ что же, Сократъ? сказалъ Симміасъ. Питая въ умѣ такую
D. мысль, ужели ты отойдешь, не передавъ ея намъ? Вѣдь въ этомъ благѣ, думаю, мы всѣ должны имѣть свою часть. Притомъ, вотъ тебѣ и оправданіе, если убѣдишь насъ въ истинѣ своихъ словъ. — Хорошо, постараюсь, отвѣчалъ Сократъ. Но прежде посмотримъ, что̀ такое давно уже, кажется, хочетъ сказать мнѣ Критонъ. — Сказать нечего, Сократъ, кромѣ того, что человѣкъ, имѣющій дать тебѣ ядъ, безпрестанно твердитъ мнѣ, чтобы ты какъ можно менѣе разго-

варивалъ; потому что разговаривающіе, по его словамъ, слишкомъ разгорячаются, а предъ принятіемъ яда этого быть не должно: въ противномъ случаѣ иногда бываетъ нужно E.
повторять пріемъ два и три раза [1].—Оставь его, сказалъ Сократъ; пусть только готовитъ свое, чтобы дать мнѣ ядъ— и дважды, а если потребуется, и трижды. — Я-то почти зналъ это, отвѣчалъ Критонъ; да онъ непрестанно докучаетъ мнѣ.—Оставь его, сказалъ Сократъ.

Теперь я хочу дать отчетъ вамъ—моимъ судьямъ, что человѣкъ, искренно посвящающій жизнь свою философіи, встрѣтитъ смерть, какъ мнѣ кажется, мужественно и съ на- 64.
деждою—по кончинѣ, за гробомъ, получить величайшія блага. А какъ это и почему такъ будетъ, Симміасъ и Кевисъ, постараюсь высказать. Для иныхъ, должно быть, незамѣтно, что люди, истинно преданные философіи, ничего другаго не имѣютъ въ виду, какъ только умирать и умереть. Если же такъ, то какая странность—желать этого весь вѣкъ и скорбѣть по достиженіи той цѣли, къ которой давно стремились и готовились!—Тутъ Симміасъ улыбнулся и сказалъ: клянусь Зевсомъ, Сократъ! ты заставляешь меня смѣяться, хотя те- B.
перь я вовсе не расположенъ къ смѣху. Еслибы слышала тебя толпа, то мнѣніе твое о философахъ показалось бы ей, думаю, очень хорошимъ, и всѣ, по крайней мѣрѣ у насъ, похвалили бы ту мысль, что истинные философы желаютъ умереть; потому что и сами они признаютъ ихъ достойными такого жребія.—Да и справедливо похвалили бы, Симміасъ, если бы понимали свою похвалу: но они не знаютъ, умрутъ ли истинные философы, достойны ли они смерти, и какой именно достойны смерти. Оставимъ пока толпу, продолжалъ C.
Сократъ, и будемъ разсуждать между собою. Почитаемъ ли

---

[1] Петитъ (Observ. miscell. 1, 17), основываясь на одномъ мѣстѣ Плутарха, старался доказать, что упоминаемый здѣсь исполнитель смертнаго приговора одиннадцати судей хотѣлъ убѣдить Сократа, чтобы онъ меньше говорилъ, побуждаясь къ этому не состраданіемъ, а корыстію; ибо, по обычаю, долженъ былъ покупать ядъ на свои деньги и за каждый пріемъ его платить двѣнадцать драхмъ.

мы что-нибудь смертію?—Конечно, отвѣчалъ Симміасъ.—Не есть ли она отрѣшеніе души отъ тѣла? Умереть не то ли значитъ, что и тѣло, отрѣшенное отъ души, существуетъ особо, само по себѣ, и душа, отрѣшившаяся отъ тѣла, существуетъ сама по себѣ? Иное ли что-нибудь, или это называется смертію?—Это, а не иное, отвѣчалъ онъ.—Смотри же, добрякъ, не то ли покажется и тебѣ, что мнѣ: вѣдь от-
D. сюда-то особенно мы уразумѣемъ предметъ своего изслѣдованія. Думаешь ли, что философу свойственно заботиться о тѣхъ, такъ называемыхъ, удовольствіяхъ, которыя состоятъ въ пищѣ и питьѣ?—Всего менѣе, Сократъ, отвѣчалъ Симміасъ.—Ну, а объ удовольствіяхъ любви?—Отнюдь нѣтъ.—Что еще? думаешь ли, что такой человѣкъ считаетъ уважительнымъ всякое другое попеченіе, относящееся къ тѣлу? Напримѣръ, цѣнитъ онъ или не цѣнитъ пріобрѣтеніе отличной одежды, обуви, и иныхъ украшеній тѣла, когда нѣтъ
E. большой необходимости пріобрѣсть ихъ?—Истинный философъ, кажется, не цѣнитъ этого, сказалъ Симміасъ.—Слѣдовательно, тебѣ вообще кажется, продолжалъ Сократъ, что его дѣятельность направлена не къ тѣлу, что онъ, сколько возможно, удаляется отъ него и обращается къ душѣ?—Кажется.—Значитъ, философа можно узнать прежде всего по тому, что онъ-то особенно,—болѣе чѣмъ прочіе люди,
65. устраняетъ душу отъ сообщенія съ тѣломъ.—Повидимому такъ.—А вѣдь многимъ, Симміасъ, вѣроятно представляется, что безъ подобныхъ пріятностей и безъ участія въ нихъ не стоитъ жить, что не заботящійся объ удовольствіяхъ, относящихся къ тѣлу, живетъ близъ смерти.—Ты говоришь очень справедливо.—Но что думать о самомъ пріобрѣтеніи разумѣнія? Препятствуетъ, или нѣтъ, тѣло, когда кто беретъ
B. его въ часть для такого пріобрѣтенія? Я хочу сказать,—зрѣніе и слухъ представляютъ ли людямъ какую-нибудь истину, какъ безпрестанно щебечутъ намъ по крайней мѣрѣ поэты? или мы не слышимъ и не видимъ ничего опредѣленнаго? Если же эти чувства невѣрны и неясны, то прочія и того менѣе;

ибо всѣ они, конечно, хуже этихъ. Или тебѣ не кажется?—
Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ онъ.—Итакъ, когда же душа ка-
сается истины? спросилъ Сократъ. Намѣреваясь вмѣстѣ съ
тѣломъ изслѣдовать что-нибудь, она, очевидно, бываетъ имъ
обманываема.—Твоя правда.—Слѣдовательно, если чѣмъ, C.
то мышленіемъ открывается ей нѣчто существенное? —
Да.—Но мыслитъ она лучше, вѣроятно, тогда, когда ничто
не безпокоитъ ея,—ни слухъ, ни зрѣніе, ни печаль, ни удо-
вольствіе, когда, оставивъ тѣло и, сколько возможно, удалив-
шись отъ общенія съ нимъ, она бываетъ совершенно одна,
сама по себѣ, и стремится къ сущему.—Такъ.—Значитъ, D.
здѣсь душа философа вовсе не цѣнитъ тѣла и, убѣгая отъ
него, старается быть сама съ собою?—Думаю.—А что ска-
жешь на слѣдующіе вопросы, Симміасъ? Называемъ ли мы
что-нибудь справедливымъ, или не называемъ?—Называемъ,
клянусь Зевсомъ.—Равнымъ образомъ,—хорошимъ и доб-
рымъ?—Какъ же.—Но такія вещи видалъ ли ты когда-ни-
будь глазами?—Вовсе нѣтъ, отвѣчалъ онъ.—А касался ли
ихъ которымъ-нибудь другимъ чувствомъ тѣла? (разумѣю
все подобное, какъ-то: величину, здоровье, силу,—однимъ
словомъ, сущность всего, т. е. что такое самъ по себѣ каж-
дый изъ этихъ предметовъ). Тѣломъ ли созерцается истин- E.
ная сторона ихъ, или это бываетъ такъ, что кто болѣе и
основательнѣе приготовленъ къ уразумѣнію разсматривае-
маго предмета, тотъ ближе и къ познанію его?—Безъ сомнѣ- 66.
нія.—А подобное понятіе не тотъ ли пріобрѣтаетъ чище, кто
будетъ обращаться къ каждому предмету именно одною мыс-
лію, не присоединяя къ размышленію зрѣнія и не увлекая за
умомъ никакого другаго чувства, кто будетъ пользоваться
просто мыслію, самою по себѣ, и постарается уловить каж-
дое сущее, само по себѣ, непремѣнно отказавшись и отъ
глазъ, и отъ ушей и, такъ сказать, отъ всего тѣла, поколику
своимъ участіемъ оно возмущаетъ душу и не позволяетъ ей
пріобрѣсть истину и разумѣніе? Не этотъ ли болѣе, Сим-
міасъ, чѣмъ кто другой, постигаетъ сущее?—Ты, Сократъ,

говоришь чрезвычайно какъ справедливо, сказалъ Сим-
B. міасъ.—Но изъ всего этого, продолжалъ Сократъ, у людей, сознательно философствующихъ, не должно ли образоваться нѣкоторое опредѣленное мнѣніе, такъ какбы они разсуждали между собою слѣдующимъ образомъ: вѣроятно, есть какая-то стезя, которая въ дѣлѣ изслѣдованія ведетъ насъ съ однимъ умомъ; потому что мы никогда не пріобрѣтаемъ вполнѣ того, чего желаемъ и что называемъ истиною, пока облечены въ тѣло, и доколѣ наша душа смѣшана съ этимъ зломъ [1]? Въ самомъ дѣлѣ, тѣло запутываетъ насъ въ безко-
C. нечныя хлопоты и ради того уже, что ему необходима пища; а иногда еще пристаютъ болѣзни и возбраняютъ намъ входъ къ сущему. Тѣло также наполняетъ насъ сладострастіемъ, пожеланіями, страхомъ, различными призраками и многими пустяками: поэтому дѣйствительно правду говорятъ, что подъ вліяніемъ тѣла и размыслить о чемъ-нибудь некогда. Да и войны, и бунты, и битвы откуда происходятъ, какъ не отъ тѣла и его пожеланій? Вѣдь всѣ войны воспламеняются
D. для пріобрѣтенія имущества; а имущество мы понуждаемся пріобрѣтать въ пользу тѣла, которому рабски служимъ. Такимъ образомъ для философіи-то у насъ и не остается времени. Но послѣ всего, если и представляется намъ какой досугъ, и мы обращаемся къ разсматриванію чего-нибудь; то во время изслѣдованій тѣло непремѣнно опять припутается, произведетъ шумъ, замѣшательство и тревогу, такъ что мы и не можемъ уже видѣть истину, а только полагаемъ за вѣрное, что когда хотимъ что-нибудь узнать чисто,—должны отвязаться отъ тѣла и созерцать самыя вещи самою [2] душою. Зна-

---

[1] Сократъ здѣсь стоитъ, очевидно, на пиѳагорейской точкѣ зрѣнія, утверждая, что тѣло есть положительное начало зла, а не просто — планетное препятствіе созерцать истину, сколько она доступна ограниченной человѣческой душѣ. Языческій взглядъ на человѣка не могъ возвыситься къ мысли объ источникѣ зла въ самой душевной его природѣ, независимо отъ тѣла, и ввести въ сознаніе порчу, которою заражена его душа, со всѣми ея силами и съ самымъ умомъ.

[2] Есть, то-есть, въ нашей душѣ нѣчто такое, долженъ былъ бы сказать

читъ, разумѣніе, которое почитаемъ предметомъ своего желанія и любви, мы, по всей вѣроятности, пріобрѣтемъ тогда, E.
когда умремъ, а въ жизни не найдемъ его; потому что если съ тѣломъ нельзя ничего узнать чисто, то выходитъ одно изъ двухъ: знаніе или никогда не возможно, или возможно по смерти, такъ какъ по смерти, а не прежде, душа будетъ существовать сама по себѣ, безъ тѣла. Живя же, мы только въ той 67.
мѣрѣ, какъ видно, становимся ближе къ знанію, въ какой наименѣе, кромѣ крайней необходимости, обращаемся и сообщаемся съ тѣломъ, и не оскверняемся его природою, но очищаемся отъ него, доколѣ самъ Богъ не отрѣшитъ насъ. Сдѣлавшись такимъ образомъ чистыми, чрезъ отрѣшеніе отъ безсмыслія тѣла, мы, вѣроятно, сойдемся и съ подобными намъ существами и сами собою узнаемъ все простое (а простое, B.
навѣрно, и есть истина); ибо нечистымъ касаться чистаго едва ли позволено. Это-то, Симміасъ, должны говорить другъ другу и проповѣдывать всѣ, прямо любознательные. Или тебѣ не такъ кажется?—Всего болѣе, Сократъ.—Если же такъ, другъ мой, продолжалъ Сократъ; то, отходя туда, куда отхожу я, можно смѣло надѣяться, что тамъ скорѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, мы вполнѣ пріобрѣтемъ то, ради чего такъ много трудились въ протекшей своей жизни. Поэтому пред- C.
писанное мнѣ теперь переселеніе сопряжено съ доброю надеждою для всякаго, кто увѣренъ, что его умъ какбы очищенъ и приготовленъ.—Безъ сомнѣнія, сказалъ Симміасъ. —А очищеніе не въ томъ ли состоитъ, какъ мы давно говоримъ, чтобы душа наиболѣе отдѣлялась отъ тѣла и привыкала изъ всѣхъ частей его собираться и сосредоточиваться въ самой себѣ, чтобы, по мѣрѣ возможности, и въ настоящее время, и послѣ, жила она сама собою, освободившись D.
отъ тѣла, какъ изъ темницы? — Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ онъ.—Но не это ли именно, не отрѣшеніе ли и отдѣленіе души отъ тѣла, называется смертію?—Разумѣется, сказалъ

Сократъ, что, не смотря на растлѣніе ея природы, нудитъ ее преслѣдовать истину, какбы законное ея достояніе.

онъ.—Отрѣшить же ее, говоримъ, всегда стараются преимущественно тѣ, которые истинно философствуютъ, поколику занятіе философовъ въ томъ и состоитъ, чтобы отрѣшать и отдѣлять душу отъ тѣла [1]. Или нѣтъ? — Явно. — Итакъ не смѣшно ли было бы, какъ я говорилъ сначала, еслибы человѣкъ, своею жизнію приготовляясь стать сколько можно ближе къ смерти, началъ скорбѣть, когда смерть пришла
E. бы къ нему? Не смѣшно ли было бы? — Какъ не смѣшно? —И въ самомъ дѣлѣ, Симміасъ, люди, истинно философствующіе стремятся умереть, и смерть имъ менѣе страшна, чѣмъ кому-нибудь. Суди по этому: кто непрестанно досадуетъ на свое тѣло и желаетъ имѣть душу саму по себѣ, а случись это, — боится и скорбитъ; тотъ не безуменъ ли, что безъ радости отходитъ туда, гдѣ есть надежда удовле-
68. творить желанію цѣлой жизни (предметомъ желанія было разумѣніе) и освободиться отъ сотоварища, на котораго онъ досадуетъ? Многіе, разлученные смертію съ людьми, которыхъ они любили,—съ женою, съ дѣтьми, охотно согласились бы сойти въ преисподнюю, — въ той надеждѣ, что тамъ увидятся и будутъ вмѣстѣ съ милыми существами: какъ же скорбѣть и невесело отходить умирающему, когда онъ дѣйствительно любитъ разумѣніе и сильно проникнутъ
B. тою надеждою, что оно нигдѣ не пріобрѣтается столь совершенно, какъ въ преисподней? Вѣдомо такъ, другъ мой,— лишь бы то былъ истинный философъ; ибо ему живо представляется, что чистое разумѣніе для него нигдѣ такъ не доступно, какъ тамъ. Если же сейчасъ сказанное мною справедливо; то не великое ли было бы безуміе такому человѣку бояться смерти? — Въ самомъ дѣлѣ великое, клянусь

---

[1] Само собою разумѣется, что это — философія жизни, а не отвлеченная наука. У Сократа теорія и практика не должны были отдѣляться: знаніе безъ дѣла, по его мнѣнію, есть незнаніе, а дѣло безъ знанія есть произведеніе случая, или явленіе, происходящее θείᾳ μοῖρᾳ. Но чтобы мысль Сократа о философіи, какъ объ отдѣленіи души отъ тѣла, совершенно оправдалась, надлежало бы только сказать, что истинный философъ долженъ отрѣшать душу отъ пожеланій, направленныхъ къ тѣлу.

Зевсомъ, Сократъ, отвѣчалъ Симміасъ. — Итакъ, не есть ли это для тебя достаточный признакъ, сказалъ Сократъ, что человѣкъ, скорбящій при смерти, былъ любителемъ не мудрости, а тѣла? Любитель же тѣла, извѣстно, любитъ C.
и деньги и честь, то-есть, либо что-нибудь одно изъ двухъ, либо то и другое. — Конечно бываетъ такъ, какъ ты говоришь, отвѣчалъ онъ. — А не правда ли, Симміасъ, что людямъ съ философскимъ расположеніемъ очень свойственно и такъ называемое мужество? — Непремѣнно, сказалъ онъ. — Не имъ ли однимъ, — уничижителямъ тѣла, провождающимъ жизнь въ философіи, свойственна и разсудительность, которую многіе поставляютъ именно въ томъ, чтобы не увлекаться пожеланіями, но вести себя скромно и благочинно? — Необходимо, отвѣчалъ онъ. — Вѣдь если ты захо- D.
чешь представить себѣ мужество и разсудительность не въ такихъ людяхъ, продолжалъ Сократъ, то онѣ покажутся тебѣ чѣмъ-то страннымъ. — Почему же, Сократъ? — Знаешь ли, отвѣчалъ онъ, что смерть, по мнѣнію всѣхъ другихъ, есть одно изъ великихъ золъ? — И очень. — Значитъ, тѣ мужественные, когда подвергаются смерти, подвергаются ей изъ страха болѣе великихъ золъ? — Правда. — Слѣдовательно, всѣ, кромѣ философовъ, бываютъ мужественны изъ боязни и страха. А быть мужественнымъ по причинѣ стра- E.
ха и робости въ самомъ дѣлѣ странно. — Безъ сомнѣнія. — Что еще? не таковы ли и благонравные между ними? то-есть, не изъ невоздержанія ли они разсудительны? Мы хоть и говоримъ, что это невозможно, однакожъ, при такой нелѣпой разсудительности имъ свойственно нѣчто подобное; потому что, боясь лишиться однихъ удовольствій и желая ихъ, они, изъ угожденія имъ, воздерживаются отъ другихъ. Служеніе удовольствіямъ называется, конечно, невоздержаніемъ: и однакожъ, служа однимъ удовольствіямъ, они одерживаютъ верхъ надъ другими; а это и походитъ на сказанное 69.
нами, что они бываютъ разсудительны какбы чрезъ невоздержаніе. — Въ самомъ дѣлѣ походитъ. — Между тѣмъ для

добродѣтели, добрый Симміасъ, была бы правою не та мѣна, чтобы мѣнять удовольствія на удовольствія, скорби на скорби, страхъ на страхъ, бóльшее на меньшее, будто монеты. Нѣтъ, настоящая монета, на которую надобно мѣнять все, здѣсь од-
B. на—разумѣніе: ею и за нее покупается и продается дѣйствительно—и мужество, и разсудительность, и справедливость, и вообще истинная добродѣтель, независимо отъ того, чувствуется ли при этомъ удовольствіе, либо страхъ, и прочее тому подобное, или не чувствуется. Когда же тѣ качества отдѣлены отъ разумѣнія и промѣниваются одно на другое, — подобная добродѣтель не будетъ ли обманчивымъ призракомъ, въ сущности дѣломъ рабскимъ, не заключающимъ въ себѣ ничего
C. здраваго и истиннаго? Истинное-то не есть ли въ сущности очищеніе отъ всего такого? Не должно ли назвать и разсудительность, и справедливость, и мужество, и самое разумѣніе нѣкоторымъ очищеніемъ [1]? Надобно полагать, что и тѣ учредители таинствъ были не плохіе люди, когда давно уже гадали [2], что кто сойдетъ въ преисподнюю неосвященнымъ и несовершеннымъ, тотъ будетъ лежать въ тинѣ, а очищенный и совершенный, пришедши туда, станетъ жить съ богами. Служители таинствъ говорятъ, что носителей баху-
D. совыхъ жезловъ [3] много, да Бахусовъ-то мало. А эти, по моему мнѣнію, суть не кто другіе, какъ истинные философы. Отъ нихъ-то и я, сколько могъ, не отставалъ въ своей

---

[1] Очищеніе, по изслѣдованіямъ Крейцера (Symb. VI, 347), почиталось первою степенью посвященія въ таинства. Θеонъ смирнскій говоритъ (Mathem. p. 18), что такихъ степеней было пять: первая — *καθαρμός*, вторая — *ἡ τῆς τελετῆς παράδοσις*, третья — *ἐποπτεία*, четвертая — *ἀνάδεσις καὶ στεμμάτων ἐπίθεσις*, пятая — *τὸ θεοφιλὲς καὶ θεοῖς συνδίαιτος εὐδαιμονία*.

[2] Олимпіодоръ полагаетъ, что здѣсь указывается на слова одного мистическаго сочиненія, котораго авторомъ почитали Орфея. См. Fragment. *Orph.* p. 509. *Herm.* Hymn. in Cerer. 485.

[3] Вакхами называли также служителей и жрецовъ Діониса, совершавшихъ его оргіи. Эти Вакхи, при совершеніи оргій, носили жезлы съ зажженными факелами. *Ὁ βακχεὺς δ' ἔχων πυρσώδη φλόγα πεύκας ἐκ νάρθηκος ἀΐσσει...* Schol. ad Aristoph. Equit. 406. *Barnes.* ad Euripid. *Boeckh.* 145 sqq. Значеніе Платоновыхъ словъ *Фишеръ* выражаетъ такъ: multi prae se ferunt amorem et studium philosophiae, sed pauci sunt vere philosophi.

жизни, но всячески старался присоединиться къ нимъ. Ста-
раніе мое было ли правильно и успѣшно — узнаемъ ясно,
пришедши туда,—узнаемъ, какъ мнѣ кажется, скоро, если
будетъ угодно Богу. Вотъ мое оправданіе, Симміасъ и Ке-
висъ, прибавилъ Сократъ. Я справедливо не жалуюсь и не
скорблю, оставляя васъ и здѣшнихъ господъ; ибо надѣюсь,
что и тамъ не менѣе, чѣмъ здѣсь, встрѣчусь съ добрыми E.
господами и друзьями, хотя толпѣ это и не вѣрится. Пре-
красно было бы, если бы мое оправданіе убѣдило васъ болѣе,
нежели аѳинскихъ судей.

Противъ этихъ словъ Сократа Кевисъ возразилъ: о всемъ
прочемъ, Сократъ, ты говоришь хорошо; но что касается
до души, то люди въ этомъ отношеніи очень недоумѣваютъ,— 70.
существуетъ ли она гдѣ-нибудь, по отрѣшеніи отъ тѣла,
или разрушается и уничтожается въ тотъ самый день, въ
который человѣкъ умеръ, то-есть, отрѣшившись отъ тѣла
и вышедши изъ него, разсѣевается, какъ воздухъ или паръ,
тотчасъ улетаетъ, и уже нигдѣ отъ нея и ничего нѣтъ.
Конечно, еслибы она въ самомъ дѣлѣ сосредоточивалась въ
себѣ и избавилась отъ тѣхъ золъ, о которыхъ ты теперь
разсуждалъ; то мы имѣли бы великую и прекрасную надежду,
что слова твои, Сократъ, истинны. Но для этого требуется, B.
можетъ быть, не мало успокоенія и вѣры, что душа умер-
шаго человѣка существуетъ, и что въ ней есть какая-то
сила и разумѣніе.—Правда, Кевисъ, сказалъ Сократъ. Такъ
чтоже дѣлать? не хочешь ли, потолкуемъ, вѣроятна моя мысль,
или нѣтъ?—Что касается до меня, отвѣчалъ Кевисъ, то я съ
удовольствіемъ послушалъ бы, каково твое объ этомъ мнѣніе?
—Мнѣ кажется, никто, сказалъ Сократъ, даже и писатель ко-
медій, слушая меня въ эту минуту, не скажетъ, что я пусто- C.
словлю,—веду рѣчь не о томъ, о чемъ должно. Итакъ, если
хочешь, надобно изслѣдовать. А изслѣдуемъ, существуютъ
ли души умершихъ людей въ преисподней, или нѣтъ, вотъ
какимъ образомъ. Есть преданіе, самое древнее, какое только
помнимъ, что, переселившись туда, онѣ живутъ тамъ, и потомъ

опять приходятъ сюда и происходятъ изъ умершихъ. Если это
справедливо, если, то-есть, живые происходятъ изъ умершихъ,
D. то какъ же не существуютъ наши души тамъ? Вѣдь не суще-
ствуя, онѣ не произошли бы; и мы имѣли бы достаточный при-
знакъ тамошняго ихъ существованія, еслибы для насъ въ са-
момъ дѣлѣ было ясно, что онѣ перешли въ жизнь не откуда
болѣе, какъ изъ умершихъ: а когда этого нѣтъ, то нужно ка-
кое-нибудь иное доказательство.—Безъ сомнѣнія, сказалъ Ке-
висъ.—Впрочемъ, чтобы легче понять это, наблюдай нетоль-
ко надъ людьми, продолжалъ Сократъ, но и надъ всѣми жи-
вотными и растеніями,—вообще надъ всѣмъ, въ чемъ видимъ
E. происходимость. Не такъ ли все бываетъ, что противное
происходитъ изъ противнаго, если ему есть что-нибудь про-
тивуположное, какъ, напримѣръ, похвальное—постыдному,
справедливое—несправедливому, каковыхъ противуположно-
стей безчисленное множество? Разсмотримъ-ка, не необходи-
мо ли, чтобы вещи, противныя чему-нибудь, происходили
не изъ чего болѣе, какъ изъ противнаго себѣ. Если, напри-
мѣръ, что-нибудь сдѣлалось бóльшимъ, то не необходимо ли
надлежало этому сперва быть меньшимъ, а потомъ возрасти
71. до бóльшаго?—Да.—А когда что-нибудь есть меньшее, то
сперва оно, конечно, было бóльшимъ, потомъ уже стало
меньшимъ?—Такъ, сказалъ онъ.—Подобнымъ образомъ изъ
сильнѣйшаго происходитъ слабѣйшее, изъ быстрѣйшаго мед-
леннѣйшее.—Безъ сомнѣнія. — Что же далѣе? Если вещь
сдѣлалась хуже, то не изъ лучшей ли?—Изъ чего же иначе?
—Значитъ, мы удовлетворяемся тѣмъ положеніемъ, заклю-
чилъ Сократъ, что все происходитъ такъ,—противное изъ
противнаго [1]?—Безъ сомнѣнія.—Но что еще? нѣтъ ли чего-

---

[1] Въ этомъ мѣстѣ Платонъ почитаетъ необходимымъ происхожденіе противнаго изъ противнаго въ смыслѣ происхожденія матеріальнаго, а не формальнаго. По матеріи, вещи непрестанно измѣняются — увеличиваются и уменьшаются: но причина того, что онѣ — велики или малы, заключается не въ матеріи, а въ идсѣ величины или малости, поколику та или другая идея становится формою извѣстной вещи *чрезъ присущіе* (διὰ τῆς παρουσίας). Малое не мало безъ великаго; малое мало и не изъ великаго: но какъ скоро съ

нибудь, занимающаго средину между всѣми парами противуположностей, такъ какъ при двухъ противныхъ бываетъ два перехода, то-есть, отъ перваго противнаго во второе, и отъ B.
втораго въ первое? Напримѣръ, между бóльшимъ и меньшимъ есть и возрастаніе и умаленіе, и мы говоримъ, что одно растетъ, другое умаляется.—Да, отвѣчалъ онъ.—Значитъ, и раздѣляться, и смѣшиваться, и охлаждаться, и согрѣваться—все такимъ же образомъ. Хотя словами мы иногда и не выражаемъ этого, однакожъ на дѣлѣ необходимо, чтобы одно взаимно происходило изъ другаго и чтобы переходъ былъ обоюдный.—Конечно, сказалъ онъ.—Что же те- C.
перь? продолжалъ Сократъ: жизни противуполагается ли нѣчто такъ, какъ бодрствованію — сонъ? — Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ онъ. — А что именно? — Смерть, сказалъ онъ. — Слѣдовательно, жизнь и смерть, если онѣ взаимно противуположны, происходятъ обоюдно, и между ними двумя бываетъ двоякое происхожденіе?—Какъ же иначе? — Итакъ я, сказалъ Сократъ, приведу тебѣ одну изъ такихъ паръ, о которыхъ сейчасъ упоминалъ, и укажу на ея переходы; а ты приведи другую. Я говорю: «сонъ и бодрствованіе», и утверждаю, что изъ сна бываетъ бодрствованіе, а изъ бодрствованія—сонъ; происхожденія же ихъ суть: дремать и про- D.
буждаться. Довольно для тебя, или нѣтъ? спросилъ онъ. — Очень довольно.—Скажи же и ты такъ о жизни и смерти. Не говорилъ ли ты, что жизнь противна смерти? — Говорилъ.—И онѣ бываютъ одна изъ другой?—Да.—Что же бываетъ изъ живущаго?—Умершее, сказалъ онъ. — А потомъ изъ умершаго, спросилъ Сократъ?—Необходимо согласиться, что живущее, отвѣчалъ Кевисъ.—Значитъ, изъ умершихъ, Кевисъ, бываютъ вещи живыя и существа живущія? — Кажется, сказалъ онъ. — Слѣдовательно, наши души находят- E.
ся въ преисподней [1]? заключилъ Сократъ. — Вѣроятно. —

чѣмъ-нибудь, что не считаетъ себя малымъ, сопоставляется великое, — изъ того, что не считало себя малымъ, тотчасъ является малое.

[1] Изложенное здѣсь доказательство безсмертія души основывается на гипотезѣ до-мірнаго существованія душъ, которую Пиѳагоръ и Платонъ при-

Равнымъ образомъ и изъ двухъ происхожденій не явно ли по крайней мѣрѣ одно? Напримѣръ, умираніе явно или нѣтъ? — Конечно явно, отвѣчалъ онъ. — Такъ что же намъ сдѣлать? продолжалъ Сократъ: не придать ли ему происхожденія противуположнаго? Неужели въ этомъ отношеніи природа хрома? Умиранію не необходимо ли противуположить какое-нибудь происхожденіе? — Совершенно необходимо, сказалъ онъ. — Какое же? — Оживаніе. — Но если
72. есть оживаніе, продолжалъ Сократъ; то оно, — это оживаніе, не будетъ ли перехожденіемъ мертвыхъ въ существа живущія? — Конечно, будетъ. — Значитъ, мы согласились и въ томъ, что существа живущія не менѣе бываютъ изъ мертвыхъ, какъ и умершія изъ живущихъ? А если такъ, то, кажется, имѣемъ достаточный признакъ, что души умершихъ необходимо должны гдѣ-нибудь существовать, откуда могли бы снова произойти. — Изъ признанныхъ положеній, Сократъ, повидимому, необходимо слѣдуетъ. — И замѣть, Кевисъ, сказалъ онъ, что тѣ положенія мы признали, думаю, не безразсудно. Вѣдь если не противупоста-
B. вить одного происхожденія другому, такъ, чтобы они совершали кругъ, но допустить производимость только въ одностороннемъ направленіи — отъ противнаго къ противному, не поворачивая ея снова отъ послѣдняго на первое; то знай, что наконецъ все будетъ имѣть одинъ и тотъ же

знавали какъ несомнѣнную истину. Они предполагали, что души всѣхъ отдѣльныхъ лицъ, какія были, есть и будутъ, суть жительницы міра духовнаго или ноуменальнаго, и число ихъ—опредѣленное, всегда одно и то же, не увеличивается и не уменьшается. Эти души переходятъ въ міръ явленій по зачатіи и чрезъ рожденіе тѣла, а по разрушеніи тѣлеснаго состава, опять возвращаются въ свое отечество—міръ ноуменальный, но возвращаются уже съ нажитыми на землѣ нравственно-хорошими, или нравственно-худыми свойствами, и потому послѣ смерти получаютъ или награды, или наказанія. Теорію о до-мірномъ существованіи душъ Платонъ основывалъ на теоріи идей, которыя приписывалъ душѣ, какъ нѣчто предметное, полученное ею въ мірѣ духовномъ, и которыя возбуждаются въ ней чрезъ припоминаніе. Отсюда, философски изслѣдывать истину значитъ припоминать ее, или вводить въ сознаніе богатство познаній, которыми душа наслаждалась въ царствѣ ноуменовъ.

видъ, все придетъ въ одно и тоже состояніе, — и происхожденія прекратятся. — Какъ это говоришь ты, спросилъ онъ? — Мои слова понять не трудно, отвѣчалъ Сократъ. Если бы, напримѣръ, засыпаніе существовало, а противуположнаго ему, то-есть, пробужденія отъ сна не было: то, знаешь, сказаніе объ Эндиміонѣ [1] показалось бы наконецъ C.
пустымъ и потеряло бы смыслъ; потому что и все прочее, подобно ему, находилось бы вѣчно въ состояніи сна. Когда же бытія только смѣшивались бы, а не раздѣлялись, — вскорѣ вышло бы Анаксагорово: «всѣ вещи вмѣстѣ» [2]. Такъто и здѣсь, любезный Кевисъ: еслибы все живущее умирало и, умерши, сохраняло свой образъ смерти, а не ожи- D.
вало снова; то не необходимо ли, чтобы наконецъ все умерло и ничто не жило? Пусть одно живущее происходитъ отъ другаго: но какъ скоро оно умираетъ, то какимъ способомъ и всему не сдѣлаться бы жертвою смерти? — Мнѣ кажется, нѣтъ такого способа, Сократъ, отвѣчалъ онъ. По моему мнѣнію, ты говоришь совершенно справедливо. — Да, Кевисъ, продолжалъ Сократъ, это, думаю, вѣрнѣе всего, и мы не обманываемся, допуская такую истину. Въ самомъ дѣлѣ есть и оживаніе и происхожденіе живаго изъ мертваго; есть и души умершихъ, и добрымъ изъ нихъ E.
хорошо, а злымъ худо.

Да то же самое, Сократъ, вытекаетъ и изъ другаго основанія, подхватилъ Кевисъ, если только справедливо, что́ ты часто говаривалъ, то-есть, что ученіе есть не болѣе, какъ припоминаніе. Отсюда, кажется, необходимо слѣдуетъ, что то, что́ теперь припоминаемъ, мы знали когда-то прежде; а это было бы

---

[1] Эндиміонъ, по сказанію греческой миѳологіи, взятъ былъ Зевсомъ на небо; но потомъ, за связь съ Діаною, сброшенъ оттуда на землю и погруженъ въ вѣчный сонъ.

[2] Анаксагоръ училъ, что прежде существованія отдѣльныхъ вещей всѣ разнородныя стихіи матеріальнаго міра, или такъ называемыя оміомеріи, находились въ состояніи совершенной слитности. Объ этомъ онъ написалъ книгу, которая начиналась такъ: *ὁμοῦ πάντα χρήματα ἦν, νοῦς δ' αὐτὰ διῆρε καὶ διεκόσμησε* Diog. Laert. 11 6.

невозможно, еслибы наша душа до своего явленія въ обра-
73. зѣ человѣка нигдѣ не существовала. Такъ вотъ и поэтому
она должна быть нѣчто безсмертное.—Но чѣмъ же это доказывается, Кевисъ? спросилъ Симміасъ. Приведи мнѣ на память, потому что въ настоящее время я не очень помню. — Это доказывается однимъ прекраснымъ основаніемъ, сказалъ Кевисъ, что люди, когда хорошо предлагаютъ имъ вопросы, сами рѣшаютъ ихъ, какъ надобно, чего они, конечно, не могли бы сдѣлать, еслибы не имѣли въ себѣ знанія и
B. правильнаго смысла. Особенно, когда приводятъ ихъ къ чер-
тежамъ и другому тому подобному,—тотчасъ же видно, что дѣло такъ бываетъ [1]. — А если не убѣждаешься этимъ, Симміасъ, сказалъ Сократъ, то смотри, не согласишься ли съ нами, изслѣдывая предметъ вотъ какимъ образомъ. Ты вѣдь не вѣришь, что такъ называемое ученіе есть припоминаніе? — Не то что не вѣрю, отвѣчалъ Симміасъ, но имѣю нужду именно въ томъ, о чемъ теперь рѣчь, — въ припоминаніи. Впрочемъ изъ словъ Кевиса я уже почти вспомнилъ и убѣжденъ, хотя тѣмъ не менѣе послушалъ бы, какъ ты будешь
C. объ этомъ говорить.—Вотъ какъ, отвѣчалъ онъ. Мы, конеч-
но, согласимся, что тотъ, кто припоминаетъ что-нибудь, прежде когда-то долженъ былъ знать это.—Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ онъ. — Значитъ, согласимся также, что пріобрѣтенное этимъ способомъ знаніе есть припоминаніе. А какой способъ я разумѣю? Кто, или увидѣвъ, или услышавъ, или принявъ что-нибудь инымъ чувствомъ, узналъ не одно это, но пришелъ къ мысли и о другомъ, знаніе чего не то же, а отлично отъ перваго; тому не въ правѣ ли мы приписать воспоминаніе о вещи, пришедшей ему на мысль?—Какъ это
D. говоришь ты, Сократъ? — Напримѣръ такъ: знаніе человѣка
и лиры, вѣрно, различно?—Какъ же не различно?—А не извѣстно ли тебѣ, что друзья, видя лиру, платье, или что другое, обыкновенно употребляемое ихъ любезными, испытыва-

[1] Кевисъ, повидимому, указываетъ здѣсь на извѣстное мѣсто въ Платоновомъ Менонѣ p. 31 sqq.

ютъ слѣдующее: они узнаютъ лиру и въ мысляхъ представляютъ любимаго человѣка, которому принадлежитъ она? Не есть ли это припоминаніе? Такимъ же образомъ, кто часто видитъ Симміаса, тотъ вспоминаетъ и о Кевисѣ. Подобныхъ примѣровъ можно найти множество.—Да, очень много, кля-
нусь Зевсомъ, сказалъ Симміасъ. — Такъ не есть ли это нѣ- E.
которое припоминаніе, спросилъ Сократъ, — особенно когда оно испытывается въ отношеніи къ тѣмъ предметамъ, о которыхъ, по давности времени и отсутствію мысли, мы уже забыли?—Безъ сомнѣнія отвѣчалъ, онъ.—Чтожъ? продолжалъ Сократъ: значитъ, при видѣ нарисованнаго коня или нарисованной лиры, можно вспомнить о человѣкѣ, и при видѣ нарисованнаго Симміаса—о Кевисѣ.—Конечно.—Но нельзя ли,
при видѣ нарисованнаго Симміаса, вспомнить и о самомъ Сим- 74.
міасѣ? — Разумѣется, можно, сказалъ онъ. — И припоминаніе о всемъ этомъ не вызывается ли какъ подобными, такъ и неподобными предметами?—Вызывается.—А когда кто вспоминаетъ о чемъ-нибудь по подобію[1]; тогда не необходимо ли ему притомъ думать, чего недостаетъ, либо что́ есть подобнаго въ той вещи, о которой онъ вспомнилъ? — Необходимо, отвѣчалъ онъ. — Смотри же, продолжалъ Сократъ, такъ ли это? Мы вѣдь говоримъ, что есть нѣчто равное — разумѣю не кусокъ дерева, равный другому куску, или камень—камню или что-нибудь иное въ этомъ родѣ; нѣтъ, а отличное отъ всего этого,—равное само по себѣ, самое понятіе равенства:

---

[1] По ученію Платона, міръ видимый есть отпечатокъ, или проявленіе міра невидимаго, ноуменальнаго. Въ мірѣ ноуменальномъ все отдѣльное существуетъ, какъ бытіе само въ себѣ—идеально. Душа въ домірномъ своемъ бытіи созерцала всѣ вещи въ идеяхъ;—и теперь, въ мірѣ явленій, предметы своими свойствами только возбуждаютъ въ ней эти идеальные прототипы. Но бывъ возбуждены, они въ свою очередь служатъ для человѣка масштабомъ, или началомъ повѣрки свойствъ, обнаруживаемыхъ здѣшними явленіями. Само собою разумѣется, что этимъ ученіемъ совершенно изгоняется отвлеченное понятіе. Никакая общность не происходитъ изъ частностей, а только возбуждается ими. Равенство не есть отвлеченіе отъ нѣсколькихъ вещей, найденныхъ равными; а напротивъ, онѣ признаются равными или неравными отъ пробудившейся идеи равенства.

B. говоримъ или нѣтъ? — Разумѣется, говоримъ, клянусь Зевсомъ, сказалъ Симміасъ. —И мы знаемъ его,—это равное само по себѣ?—Конечно, отвѣчалъ онъ.—Откуда же у насъ это знаніе? Не изъ того ли, о чемъ сейчасъ упоминали? Именно, не чрезъ знаніе ли равныхъ, или деревъ, или камней, или чего-нибудь въ этомъ родѣ, пришли мы къ тому, отличному отъ перваго знанія? Или оно, по твоему мнѣнію, не отлично? Разсуди еще такъ: не правда ли, что равные камни и дерева иногда хоть и тѣ же самые, а принимаютъ различный видъ и являются то равными, то неравными? — Безъ сомнѣнія.—Чтожъ? значитъ, равное само по себѣ иног-
C. да кажется тебѣ неравнымъ? равенство—не равенствомъ?— Отнюдь нѣтъ, Сократъ.—Такъ видно, равныя и равное само по себѣ—не одно и то же? сказалъ онъ.—По мнѣ, никакъ не одно, Сократъ. — Однакожъ знаніе о томъ равномъ, продолжалъ онъ, ты придумалъ и получилъ именно изъ этихъ равныхъ, отличныхъ отъ перваго? — Твои слова очень справедливы, Сократъ, отвѣчалъ Симміасъ. — И притомъ, оно или подобно тѣмъ, или неподобно?—Конечно.—Но это все равно, заключилъ онъ: во всякомъ случаѣ, если, видя одно, ты
D. вмѣстѣ придумываешь другое, подобное ли то, или неподобное; то твое придумываніе необходимо должно быть воспоминаніемъ. — Безъ сомнѣнія [1]. — А что такое вотъ это? спросилъ онъ. Не испытываемъ ли мы чего-нибудь такого и въ деревахъ и въ томъ, чтó сейчасъ называли равнымъ: въ самомъ ли дѣлѣ они представляются намъ столь же совершенно равными, какъ равное само по себѣ? Не недостаетъ ли имъ чего-нибудь, чтобы быть такими, каково послѣднее? Или въ нихъ есть все? — Многаго недостаетъ имъ, отвѣчалъ онъ. — Итакъ, согласишься ли ты, что когда кто-нибудь, видя извѣстную вещь, размышляетъ: этой вещи, которую я теперь вижу, хочется походить на нѣчто другое существую-

---

[1] Слова «И притомъ оно» до «Безъ сомнѣнія» нѣкоторыми критиками признаются за неподлинныя. См. *Hermann* Schmidt Kritischer Commentar. an Platos Phaedon (Halle 1850) стр. 60—66.

щее, но ей чего-то недостаетъ, она не можетъ сдѣлаться та- E.
кою, какъ это нѣчто, она хуже его; — то размышляющій не
необходимо ли долженъ напередъ знать то́, къ чему она хотя и
приближается, однакожъ уступаетъ этому?—Необходимо.—
Чтожъ? а мы, въ отношеніи къ вещамъ равнымъ и равному
самому по себѣ, испытываемъ это, или нѣтъ?—Непремѣнно
испытываемъ.—Значитъ, мы необходимо должны знать рав-
ное прежде того времени [1], когда, увидѣвъ въ первый разъ
вещи равныя, размышляемъ, что всѣ онѣ, хотя и стре-
мятся быть какъ равное, но что имъ чего-то недостаетъ.— 75.
Правда.—Впрочемъ, пожалуй, и то допустимъ, что равнаго
мы не придумываемъ и не можемъ придумать иначе, какъ
чрезъ зрѣніе, осязаніе или какое другое чувство, — разу-
мѣю всѣ ихъ тожественными.—Въ отношеніи къ цѣли на-
стоящей рѣчи они въ самомъ дѣлѣ тожественны, Сократъ.
—Стало быть, чувства-то и приводятъ насъ къ мысли, что
въ нихъ все стремится къ существенно равному и все не-
достаточнѣе его. Не такъ ли мы говоримъ?—Такъ.—Зна- B.
читъ, прежде, нежели мы начали видѣть, слышать, или
какъ иначе чувствовать, намъ надлежало уже имѣть зна-
ніе равнаго самаго по себѣ, что такое оно, — если о ве-
щахъ, равныхъ по свидѣтельству чувствъ, надобно было

[1] Платонъ своимъ образомъ высказываетъ здѣсь то же самое о необходимости идей въ душѣ, предшествующихъ всякому чувственному усмотрѣнію, что говоримъ мы о безусловной всеобщности отвлеченныхъ понятій. Сколь бы ни малъ былъ кругъ предметовъ, отъ которыхъ сдѣлано нами отвлеченіе,— понятіе наше по формѣ бываетъ не менѣе обще, какъ и то, которое основывалось бы на отвлеченіи повсюдномъ. Находя равными, напримѣръ, только два предмета, мы вносимъ ихъ въ ту же самую форму равенства, въ которую внесли бы и всѣ равные предметы. Изъ этого Логика обыкновенно заключаетъ, что причина общности зависитъ не отъ отвлеченія, но предшествуетъ ему и бываетъ необходимымъ его условіемъ, безъ котораго оно невозможно. Это самое Платонъ говоритъ и о равенствѣ вещей. Онѣ никогда не бываютъ совершенно равны; имъ всегда чего-то недостаетъ, чтобы быть совершенно равными. Но мы никакъ не могли бы судить о недостаточности равенства въ нихъ, еслибы напередъ уже не знали равенства самаго въ себѣ, которое поэтому есть необходимое условіе нашего сужденія о всемъ равномъ и неравномъ.

заключить, что все въ нихъ стремится быть такимъ, какъ
то равное, и что онѣ все однакожъ хуже его.—Изъ сказанна-
го это необходимо, Сократъ.—А не тотчасъ ли по рожде-
ніи мы и видѣли, и слышали, и другими дѣйствовали чув-
C. ствами?—Конечно.—Между тѣмъ знаніе равнаго, говоримъ,
должны были получить все-таки прежде чувствъ? — Да. —
Такъ выходитъ, что это знаніе мы получили до рожденія.
—Выходитъ... — Если же получили его до рожденія и ро-
дились, уже обладая имъ, то и до рожденія и тотчасъ по
рожденіи знали не только равное, бо́льшее и меньшее, но
и все того же рода; ибо теперь у насъ рѣчь не болѣе о
равномъ, какъ и о прекрасномъ самомъ по себѣ, и о доб-
ромъ самомъ по себѣ, и о справедливомъ, и о святомъ, и,
D. какъ сказано, обо всемъ, чему мы даемъ имя сущности,—
и въ вопросахъ, когда спрашиваемъ, и въ отвѣтахъ, ког-
да отвѣчаемъ; то-есть, знаніе всего этого необходимо дол-
жно было принадлежать намъ еще до рожденія. — Правда.
—И еслибы, получивъ эти знанія, мы не забывали ихъ;
то, раждаясь знающими, знали бы ихъ во всю жизнь, по-
тому что знать есть удерживать пріобрѣтенное знаніе, не
теряя его. Развѣ не потеря знанія, Симміасъ, называется
E. забвеніемъ?—Безъ сомнѣнія, Сократъ, отвѣчалъ онъ.—Но
какъ скоро полученное до рожденія, родившись, мы поте-
ряли, а потомъ дѣятельностію чувствъ, направленныхъ къ
утраченному, снова пріобрѣтаемъ тѣ самыя знанія, кото-
рыя имѣли прежде; то занятіе, называемое ученіемъ, не
есть ли возвращеніе собственнаго нашего знанія? и не
справедливо ли мы дадимъ ему имя припоминанія? — Ко-
нечно справедливо.—Вѣдь нашли же мы возможнымъ, что-
бы человѣкъ, постигая какой-нибудь предметъ или зрѣні-
76. емъ, или слухомъ, или инымъ чувствомъ, обращался мыс-
лію и на нѣчто другое, что было имъ забыто, но къ че-
му чувствуемое приближается или сходствомъ или несход-
ствомъ. Поэтому, говорю, одно изъ двухъ: или мы роди-
лись знающими и въ продолженіе жизни уже знаемъ; или

люди, какъ говорится, учащіеся, впослѣдствіи только припоминаютъ, и ученіе есть воспоминаніе.—Разумѣется такъ, Сократъ.—Что же ты изберешь, Симміасъ?—то ли, что мы родились знающими, или то, что впослѣдствіи припоминаемъ вещи, о которыхъ прежде знали? — Въ настоящее время, B.
Сократъ, я не могу избрать.—Отчего же? изберешь. Какъ тебѣ покажется вотъ это? Человѣкъ знающій въ состояніи ли дать отчетъ въ томъ, что̀ знаетъ, или не въ состояніи? —Непремѣнно въ состояніи, Сократъ, отвѣчалъ онъ. — А думаешь ли, что всѣ въ состояніи дать отчетъ въ томъ, о чемъ мы сейчасъ говорили? — Желательно бы, сказалъ Симміасъ; но я очень боюсь, что завтра поутру уже не будетъ ни одного человѣка, кто сдѣлалъ бы это, какъ должно.—Слѣдовательно, по твоему мнѣнію, Симміасъ, не всѣ C.
имѣютъ это знаніе, заключилъ Сократъ.—Никакъ не всѣ. — Стало быть, только припоминаютъ, что́ когда-то знали? — Необходимо. — Когда же именно наши души получили знаніе о тѣхъ предметахъ? Ужь вѣрно не тогда, когда мы родились людьми?—Разумѣется не тогда.—Значитъ, прежде? — Да. — Поэтому наши души, Симміасъ, существовали прежде, чѣмъ начали существовать въ образѣ человѣка, и существовали безъ тѣлъ, но имѣли разумѣніе. — Да, если только своихъ знаній, Сократъ, мы не получили въ самый мигъ рожденія; этотъ мигъ еще остается для предположенія. — Хорошо, другъ мой; но въ какое же другое время D.
они теряются? Вѣдь сейчасъ допущено, что мы раждаемся, не имѣя ихъ? Такъ неужели тогда и теряемъ, когда получаемъ? Или укажешь на какое-нибудь иное время?—Отнюдь нѣтъ, Сократъ; я самъ не замѣтилъ, какъ сказалъ вздоръ.—Значитъ такъ и будетъ, Симміасъ, продолжалъ онъ. Если прекрасное, доброе и всякая сущность, о которой у насъ непрестанно толкъ, дѣйствительно существуетъ, и если отъ чувствъ мы все возводимъ къ ней, находя, что она и прежде была нашею, и сравниваемъ съ нею чувственныя E.
впечатлѣнія; то не необходимо ли, чтобы какъ это, такъ

и наша душа, имѣли бытіе до нашего рожденія? Когда же этого нѣтъ, — о настоящемъ предметѣ не надлежало ли бы говорить иначе? Не такъ ли, не съ равною ли необходимостію, допуская это, надобно допустить и существованіе нашихъ душъ до нашего рожденія, а отвергая первое, отвергнуть и послѣднее?—Эта необходимость, Сократъ, мнѣ кажется чрезвычайною, сказалъ Симміасъ, и твои слова весьма кстати, что наша душа, такъ же какъ и сущность,
77. о которой ты теперь говоришь, имѣла бытіе до нашего рожденія. Для меня нѣтъ ничего яснѣе, что это истинно въ высочайшей степени, что таково и прекрасное, и доброе, и все, сейчасъ упомянутое тобою. Я чувствую себя совершенно убѣжденнымъ.

А Кевисъ-то? сказалъ Сократъ. Вѣдь надобно убѣдить и Кевиса. — Я думаю, отвѣчалъ Симміасъ, что онъ достаточно убѣжденъ, хоть и нѣтъ человѣка упорнѣе его въ невѣріи доказательствамъ. Мнѣ кажется, и для него не сла-
B. бо основаніе, что наши души существовали до нашего рожденія. Развѣ то еще, даже по моему мнѣнію, Сократъ, не доказано, что онѣ будутъ существовать и послѣ нашей смерти. Есть въ народѣ мнѣніе, и о немъ-то сейчасъ говорилъ Кевисъ, что съ смертію человѣка душа его разсѣевается, и тутъ конецъ ея бытія; ибо чтó препятствуетъ ей произойти и образоваться гдѣ-нибудь индѣ и существовать до вшествія въ человѣческое тѣло, а потомъ, вышедши и отрѣшившись отъ него, скончаться и исчезнуть? —
C. Ты хорошо говоришь, Симміасъ, примолвилъ Кевисъ. Доселѣ доказана какъ будто половина того, чтó доказать надлежало: доказано, то-есть, что наши души существовали до нашего рожденія;—а надобно еще доказать, что онѣ не менѣе будутъ существовать, какъ и прежде, чѣмъ мы родились. Тогда уже доказательству конецъ. — Доказано и это, Симміасъ и Кевисъ, сказалъ Сократъ, если вамъ угодно настоящее разсужденіе свести въ одно съ принятымъ прежде, то-есть, что все живущее происходитъ изъ умер-

шаго. Вѣдь когда душа существовала прежде, а для рожденія и вступленія въ жизнь принуждена была выйти изъ смерти и изъ состоянія мертвенности; то не необходимо ли ей D.
существовать и по смерти, чтобы опять родиться? Значитъ, то, о чемъ вы говорите, уже доказано. Впрочемъ ты и Симміасъ, кажется, охотно изслѣдовали бы этотъ предметъ еще болѣе, страшась, какъ дѣти, чтобы въ самомъ дѣлѣ вѣтеръ на развѣялъ и не разсѣялъ души, когда она будетъ выходить изъ тѣла, особенно если кому случится умирать не въ тихую погоду, а въ сильную бурю. — Тутъ Ке- E.
висъ улыбнулся и сказалъ: постарайся же, Сократъ, убѣжденіемъ разогнать нашъ страхъ, или лучше не нашъ страхъ, а страхъ скрывающагося въ насъ дитяти [1]. Попытайся внушить ему, что не должно боятся смерти, будто пугалища. —Да, надобно обаять [2] его каждый день, пока не изгоните, примолвилъ Сократъ. — Но гдѣ намъ взять такихъ сильныхъ 78.
обаяній, Сократъ, когда ты оставляешь насъ? спросилъ онъ. —Эллада велика, Кевисъ, отвѣчалъ Сократъ; въ ней, вѣроятно, есть добрые люди: да много и варварскихъ народовъ. Ища такого обаянія, должно прослѣдить всѣ ихъ, не щадя ни денегъ ни трудовъ; ибо нѣтъ предмета, для котораго бы деньги могли быть употреблены пригоднѣе. Надобно также искать обаянія и другъ у друга, потому что, можетъ быть, не легко вамъ найти кого-нибудь, кто могъ бы сдѣлать это лучше васъ. — Именно такъ и будетъ, сказалъ Кевисъ. Но возвратимся къ тому, отъ чего уклонились, если тебѣ B.
угодно.—Конечно угодно; почему не возвратиться?—Вотъ и

[1] Подъ именемъ скрывающагося въ насъ дитяти Кевисъ разумѣетъ, конечно, животную природу, которая, будучи тѣсно связана съ интересами чувственной жизни, боится за нее и не внимаетъ никакимъ представленіямъ разума.

[2] Обаять — то же что заговаривать или изгонять недугъ посредствомъ заговоровъ, подъ которыми въ этомъ мѣстѣ Платонъ разумѣетъ умныя философскія бесѣды, направляемыя противъ недуговъ чувственности. То же самое см. Charm. 155. D. E. и 157. Греческому ἐπάδειν еще ближе соотвѣтствуетъ у насъ слово «напѣвать»; только оно употребляется обыкновенно въ дурную сторону.

хорошо, примолвилъ онъ.—Итакъ, мы должны сдѣлать себѣ, вѣроятно, слѣдующій вопросъ, продолжалъ Сократъ: чему свойственно впадать въ такое состояніе, то-есть, въ состояніе исчезновенія? и въ отношеніи къ какимъ вещамъ мы боимся его, въ отношеніи къ какимъ—нѣтъ? А потомъ разсмотрѣть: душа относится ли къ этому роду вещей, и робѣть ли намъ за нее, или не робѣть?—Ты справедливо говоришь, сказалъ онъ.—Смотри
C. же, не тому ли, чтó слагается и сложно по природѣ, свойственно вступать въ это состояніе, то-есть, раздѣляться на свои начала, какъ сложному? и не правда ли, что одному несложному такое состояніе неприлично—болѣе, чѣмъ всякой другой вещи? — Мнѣ кажется такъ, отвѣчалъ Кевисъ. — Но всегда то же и существующее тѣмъ же образомъ не есть ли несложное? а бывающее иногда такъ, иногда иначе, и никогда не остающееся тѣмъ же, не есть ли сложное?—Кажется.— Ну, такъ пойдемъ къ тому, сказалъ онъ, къ чему шли въ
D. прежнемъ разсужденіи. Сущность сама по себѣ, которой бытіе своими вопросами и отвѣтами мы опредѣлили, одинакимъ ли всегда существуетъ образомъ, или иногда такъ, иногда иначе? Равное само по себѣ, прекрасное само по себѣ, сущее само по себѣ, поколику оно есть, подлежитъ ли хоть какому измѣненію? или каждая изъ вещей сущихъ, сама по себѣ однородная, продолжаетъ быть тою же и такимъ же образомъ, не подлежа никогда, никакъ и никакой перемѣнѣ?— Необходимо тою же и такимъ же образомъ, Сократъ, отвѣчалъ Кевисъ.—А что скажешь о многихъ прекрасныхъ предметахъ, какъ то: о людяхъ, лошадяхъ, платьяхъ и другихъ
E. тому подобныхъ, или о равныхъ, похвальныхъ и всѣхъ соименныхъ имъ? Одинаково ли они существуютъ, или, въ противность первымъ, несогласны ни съ самими собою, ни между собою, и никогда, ни подъ какимъ видомъ, можно сказать, не остаются тѣми же?—Опять такъ, отвѣчалъ Кевисъ; никогда не остаются тѣми же.—И не правда ли, что послѣд-
79. ніе ты можешь постигать осязаніемъ, зрѣніемъ и другими чувствами, а первые, существующіе одинакимъ образомъ, можно

постигать не иначе, какъ умомъ, поколику они не имѣютъ вида и не подлежатъ зрѣнію? — Совершенно справедливо, сказалъ онъ. — Итакъ положимъ, если угодно, два рода существъ, продолжалъ Сократъ: одинъ родъ существъ видимыхъ, другой безвидныхъ.—Положимъ, отвѣчалъ Кевисъ.—И существа безвидныя всегда одинаковы, а видимыя никогда не остаются тѣми же.—И это положимъ, прибавилъ онъ.—Хорошо, сказалъ Сократъ. Есть ли въ насъ что-нибудь, кромѣ тѣла и души!—Ничего нѣтъ болѣе, отвѣчалъ онъ.—Которо- B.
му же роду подобнѣе и сроднѣе, по нашему мнѣнію, тѣло?—Очень ясно, сказалъ онъ, что роду существъ видимыхъ.—А душа?—роду видимыхъ или безвидныхъ?—По крайней мѣрѣ люди не видятъ ее, Сократъ, отвѣчалъ онъ.—Но о видимомъ и безвидномъ мы говоримъ вѣдь относительно къ природѣ человѣческой. Или, думаешь, къ какой другой? — Къ человѣческой. — Такъ что же сказать о душѣ? видима она, или невидима? — Невидима. —Значитъ, безвидна? — Да. — Слѣдовательно, она болѣе, чѣмъ тѣло, походитъ на существо безвидное, а тѣло на видимое? — Крайне необходимо, Сократъ. C.
—Но прежде не допустили ли мы также, что, пользуясь тѣломъ, для наблюденія чего-нибудь посредствомъ зрѣнія, слуха, или другаго чувства (ибо наблюдать тѣлесно—значитъ употреблять чувства), душа бываетъ увлекаема тѣломъ къ такимъ предметамъ, которые никогда не существуютъ одинакимъ образомъ, и что, касаясь ихъ, она и сама блуждаетъ, возмущается и шатается, какъ опьянѣлая? — Конечно допустили.—Напротивъ, дѣлая наблюденія сама собою, она спѣшитъ туда, къ чистому, всегда сущему, безсмертному, то- D.
жественному и, какъ сродная ему, всегда съ нимъ живетъ, поколику живетъ и можетъ жить сама по себѣ, перестаетъ блуждать и, касаясь предметовъ, всегда существующихъ одинакимъ образомъ, становится тою же, и это ея свойство названо разумностію. — Ты въ полномъ смыслѣ прекрасно объясняешь истину, Сократъ, отвѣчалъ онъ.—Итакъ душа, на основаніи прежде сказанныхъ и настоящихъ положеній, E.

которому роду подобнѣе и сроднѣе?—Этотъ ходъ изслѣдова-
нія, Сократъ, кажется, всякаго, даже самаго упорнаго чело-
вѣка, заставитъ согласиться, что душа несравненно подобнѣе
существу, всегда тожественному, чѣмъ противному. — Ну а
тѣло? — Существу другаго рода. — Смотри же и на то, что
душа и тѣло составляютъ одно существо, и что послѣднему
80. природа повелѣваетъ служить и управляться, а первой управ-
лять и господствовать. Поэтому, которая сторона опять
кажется тебѣ подобною божественному и которая смертному?
Не то ли у тебя въ умѣ, что божественному свойственно
управлять и начальствовать, а смертному — управляться и
служить?—То самое.—На что же походитъ душа?—Ужъ яв-
но, Сократъ, что душа походитъ на божественное, а тѣло—на
смертное.—Такъ смотри, Кевисъ, продолжалъ онъ, изъ все-
го сказаннаго не вытекаетъ ли слѣдующее: душа весьма по-
B. добна божественному, безсмертному, мысленному, однород-
ному, неразрушаемому, всегда тожественному, существую-
щему всегда одинакимъ образомъ; а тѣло опять весьма по-
добно человѣческому, смертному, несмысленному, многооб-
разному, разрушаемому, никогда не существующему одина-
кимъ образомъ. Можемъ ли сказать что-нибудь иное, кромѣ
этого, любезный Кевисъ, и доказать, что это не такъ? — Не
можемъ. — Чтожъ? если это такъ, то тѣлу не надлежитъ ли
скоро разрушиться, а душѣ или оставаться вовсе неразру-
шимою, или быть къ тому близкою?—Какъ не надлежитъ?—
C. Ты, конечно, замѣчаешь, продолжалъ Сократъ, что по
смерти человѣка тѣло, сторона его видимая, на виду лежа-
щая и называемая мертвою,—та сторона, которой надобно
разрушиться, распасться и разсыпаться, подвергается все-
му этому не вдругъ, а сохраняется довольно долгое время,
особенно когда кто умеръ въ цвѣтѣ лѣтъ, съ тѣломъ еще
необезображеннымъ; потому что и одряхлѣвшее, но только
набальзамированное, какъ бальзамируются тѣла у Египтянъ,
оно удерживаетъ свою цѣлость почти на неопредѣленное—
D. *всегда*. Впрочемъ, пусть иныя части его и сгниваютъ: за то

кости, жилы и прочіе, подобные этимъ, члены, можно сказать, безсмертны. Или нѣтъ?—Да.—Ну, а душа, это существо безвидное, по своемъ отшествіи въ другое, столь же доблестное, чистое и безвидное мѣсто, просто сказать, въ преисподнюю (εἰς Ἅιδου, ὡς ἀληθῶς [1]), къ доброму и мудрому Богу, куда, если угодно ему, сейчасъ должно идти и моей,—такъ эта-то душа, имѣющая такія качества и одаренная такими свойствами, по разлученіи съ тѣломъ, неужели вдругъ, какъ утверждаетъ толпа, развѣется и исчезнетъ? Далеко E.
не то, любезные мои, Симміасъ и Кевисъ, а скорѣе вотъ что: если душа отрѣшается чистою и не увлекаетъ за собою ничего тѣлеснаго, поколику въ жизни не имѣла произвольнаго общенія съ тѣломъ, но избѣгала его и сосредоточивалась въ самой себѣ, постоянно размышляя объ этомъ (что и значитъ истинно философствовать),—размышляя, какимъ бы 81.
образомъ въ самомъ дѣлѣ легче умереть,—или не это называется размышлять о смерти?—Именно это.—То съ подобными свойствами не отойдетъ ли она въ подобное себѣ безвидное мѣсто, гдѣ находясь, будетъ наслаждаться блаженствомъ, какъ чуждая и заблужденій, и безумія, и страха, и неистовой любви, и другихъ человѣческихъ золъ, и всю послѣдующую свою жизнь, согласно съ тѣмъ, что разсказываютъ о посвященныхъ, станетъ дѣйствительно проводить съ богами? Такъ ли скажемъ, Кевисъ, или иначе?—Такъ, клянусь Зевсомъ, отвѣчалъ Кевисъ.—Напротивъ, если ду- B.
ша, думаю я, отрѣшается грязною и неочищенною отъ тѣла, поколику находилась во всегдашнемъ общеніи съ нимъ, служила ему, любила его, была очаровываема пожеланіями и страстями, такъ что ничего не почитала истиннымъ, кромѣ тѣлообразнаго, что можно осязать, видѣть, пить, ѣсть и при-

---

[1] У Платона здѣсь этимологическая игра словъ, которую въ русскомъ переводѣ удержать невозможно. Душа, существо безвидное, τὸ ἀειδὲς, переходитъ въ соотвѣтственное себѣ безвидное мѣсто: εἰς τοιοῦτον τόπον ἀειδῆ, то-есть, по истинѣ εἰς Ἅιδου τόπον; но Ἅιδης, которое Платонъ производитъ отъ ἀειδής, есть уже преисподняя.

лагать къ дѣламъ любовнымъ, а темнаго для глазъ и безвиднаго, мыслимаго и одобряемаго философіею обыкновенно не
C. терпѣла, боялась и убѣгала,—такая душа, какъ ты думаешь? безъ примѣси ли, одна, сама по себѣ, оставитъ тѣло?—Отнюдь нѣтъ, отвѣчалъ онъ.—Такъ видно будетъ она переложена тѣлообразными свойствами, внѣдренными въ нее жизнію и общеніемъ тѣла, которое пользовалось всегдашнимъ ея вниманіемъ и великою заботливостію?—Конечно.—Должна же быть она вѣсома, тяжела, земнородна и видима, другъ мой; а съ такими свойствами тяготѣетъ и влечется опять къ видимому, боясь міра безвиднаго и преисподней, и блуждая,
D. какъ говорятъ, около склеповъ и гробницъ, гдѣ въ самомъ дѣлѣ видали тѣлообразныя явленія душъ, какими дѣйствительно представляются образы ихъ, когда онѣ не чисто отрѣшились, но удержали въ себѣ видимое, вслѣдствіе чего и бываютъ видимы.—Вѣроятно, Сократъ.—Конечно вѣроятно, Кевисъ; и это—души людей не добрыхъ, а худыхъ, принужденныя блуждать около такихъ мѣстъ въ наказаніе за прежнее дурное свое поведеніе. И блуждаютъ онѣ дотолѣ, пока, сопровождаемыя пожеланіемъ тѣлообразнаго, не облекутся
E. въ новое тѣло. А облекаются онѣ, должно быть, въ такіе виды, къ какимъ пристрастны были въ жизни. — Какіе же разумѣешь ты, Сократъ?—Напримѣръ, души, пристрастившіяся къ обжорству, похотливости, бражничеству, и неостерегавшіяся этого, вѣроятно, облекаются въ породуословъ и другихъ подобныхъ животныхъ. Или ты не думаешь?—
82. Дѣло очень вѣроятное.—А души, предпочитавшія несправедливость, властолюбіе и хищничество, — въ породу волковъ, ястребовъ и коршуновъ. Или во что иное, скажемъ, переселяются онѣ? — Пожалуй, что въ это, отвѣчалъ Кевисъ.—Такъ не ясно ли, куда переходятъ и прочія, смотря по сходству заботливости каждой?—Конечно, какъ не ясно? сказалъ онъ.—Не гораздо ли уже счастливѣе ихъ и не лучшее ли получаютъ мѣсто упражнявшіяся въ народной и
B. политической добродѣтели, которую называютъ разсудитель-

ностію и справедливостію, зависящею отъ нрава и усердія,
хотя еще не отъ философіи и разума?—Какъ же онѣ счаст-
ливѣе? — Такъ, что имъ свойственно снова войти въ поро-
ду общежительную и кроткую, напримѣръ, въ пчелъ, осъ,
муравьевъ, или даже опять въ поколѣніе человѣковъ и сдѣ-
латься людьми порядочными.—Вѣроятно.—Но вступить въ
общество боговъ нельзя никому, кромѣ любознательнаго, то-
есть, кромѣ человѣка, любящаго мудрость и отходящаго со- C.
вершено чистымъ. А для этого, любезные мои, Симміасъ и
Кевисъ, истинные философы воздерживаются отъ всѣхъ тѣ-
лесныхъ пожеланій, не поддаются имъ и мужаются, не стра-
шась ни домашняго разстройства, ни скудости, какъ стра-
шатся многіе и именно корыстолюбивые люди, не боясь ни
безславія, ни укора въ неизвѣстности, какъ боятся власто-
любцы и честолюбцы. Повторяю: они воздерживаются отъ
этого.—Да и не прилично было бы имъ, Сократъ, примол-
вилъ Кевисъ.—Клянусь Зевсомъ, неприлично, продолжалъ D.
онъ. Потому-то, Кевисъ, всѣ, сколько-нибудь заботящіеся
о своей душѣ и нелелѣющіе тѣла, раскланиваются съ подоб-
ными людьми, не идутъ по одной съ ними дорогѣ, такъ
какъ эти люди сами не знаютъ, куда лежитъ путь ихъ. Вѣря,
что не должно противодѣйствовать философіи и избѣгать пред-
лагаемаго ею освобожденія и очищенія, они слѣдуютъ за фи-
лософіею и направляются туда, куда она ведетъ ихъ.—Какъ
это, Сократъ?—Я объяснюсь, отвѣчалъ онъ. Любознательные
понимаютъ, что философія, находя ихъ душу заключенною E.
въ тѣлѣ и будто связанною, принужденною смотрѣть на
существующее не чрезъ самое себя, а сквозь тѣло, какъ
сквозь решетку темницы, и вращаться во всякомъ не-
вѣжествѣ, и видящею, что эта темница укрѣпляется поже-
ланіями, располагающими узника еще тѣснѣе вязать самого 83.
себя,—любознательные, говорю, понимаютъ, что философія,
находя ихъ душу въ такомъ состояніи, понемногу утѣшаетъ
ее и старается доставить ей свободу, показывая, что на-
блюденіе и посредствомъ глазъ, и посредствомъ ушей, и

посредствомъ другихъ чувствъ, крайне обманчиво, что надобно отходить отъ нихъ, какъ скоро они перестаютъ быть необходимо нужными, надобно собираться и сосредоточиваться въ себѣ и не вѣрить ничему, кромѣ того, что сама
B. она мыслитъ о томъ, что есть само по себѣ, наблюдаемое же посредствомъ инаго и существующее въ иномъ не признавать за истину. И это иное есть чувственное и видимое; а что созерцаетъ душа сама по себѣ, то называется мыслимымъ и безвиднымъ. Душа истиннаго философа, видя, что не должно противодѣйствовать этому освобожденію, удерживаетъ себя, сколько можно, отъ удовольствій и пожеланій, отъ скорби и страха,—въ той мысли, что человѣкъ, сильно возмущаемый либо удовольствіемъ, либо страхомъ, либо скорбію, либо пожеланіями, подвергается чрезъ нихъ не тому только злу, о которомъ думаетъ, на-
C. примѣръ, болѣзни или обнищанію, производимому страстями, но злу самому великому и крайнему, о которомъ не думаетъ. —Какому же это, Сократъ? спросилъ Кевисъ.— Сильно радуясь, или о чемъ-нибудь скорбя, душа всякаго человѣка бываетъ принуждена вмѣстѣ думать о томъ, что особенно чувствуетъ, какъ яснѣйшее и несомнѣнно истинное, почему это не таково. А предметъ ея радости или скорби большею частію видимый или нѣтъ? — Конечно видимый.—Слѣдовательно, при этомъ чувствованіи душа боль-
D. шею частію бываетъ связана тѣломъ. —Какимъ же образомъ?—Такимъ, что у всякаго удовольствія и у всякой скорби какъ будто есть гвоздь, которымъ онѣ пригвождаютъ и прикрѣпляютъ душу къ тѣлу и дѣлаютъ ее тѣловидною [1],

[1] Сократъ старается здѣсь объяснить то, какимъ образомъ душа постепенно оземленѣваетъ, и отчего среди радостей чувственной жизни скорбитъ, а испытывая чувственныя скорби, можетъ радоваться. Ища источника удовольствій въ тѣлѣ, она, при этомъ поискѣ, не въ состояніи разстаться съ благородными и духовными своими стремленіями, но ими-то именно и входитъ въ тѣлесную жизнь, чтобы ихъ, будто сосуды, назначенные для храненія истиннаго, добраго и прекраснаго, наполнить предметами радости непостоянными и измѣняющимися. Чувственность дѣйствительно слагаетъ въ нихъ свои дары и этими дарами, будто гвоздями, закрѣпляетъ ихъ, а съ

чрезъ который, то-есть, душа представляетъ себѣ истиннымъ только то, о чемъ свидѣтельствуетъ ей тѣло. По сочувствію же съ тѣломъ, она должна уже раздѣлять и его радости, значитъ, сойтись съ нимъ въ обычаѣ и пищѣ, и явиться въ преисподней отнюдь не чистою, но непремѣнно полною тѣлесности, а потому вскорѣ снова упасть въ иное тѣло и прозябнуть, будто изъ сѣмени, лишаясь права на жизнь божественную, чистую и однородную.—Твои слова, E.
Сократъ, весьма справедливы, сказалъ Кевисъ.—Такъ вотъ причина, Кевисъ, по которой люди истинно любознательные отличаются скромностію и мужествомъ, а не та, которую представляетъ себѣ народъ. Или ты думаешь?—От- 84.
нюдь нѣтъ.—Да и дѣло; душа философа конечно разсудитъ и не придетъ къ мысли, что между тѣмъ какъ философіи предлежитъ доставлять ей свободу, сама она, освобожденная философіею, должна предаваться удовольствіямъ и скорбямъ и, снова связывая себя, дѣлать собственную работу безуспѣшною, подобно Пенелопѣ, принимавшейся ткать въ противную сторону [1]. Нѣтъ, успокоивъ эти чувства, избравъ руководителемъ разсудокъ, постоянно занимаясь созерцаніемъ истиннаго, божественнаго, вышемнѣннаго [2] и въ этомъ находя свою пищу, она увѣрена, что именно такъ должно жить, пока живется, а послѣ смерти перейти къ сродному и подобно- B.
му себѣ, и избавиться отъ человѣческихъ золъ. Кто питается этою пищею, тому удивительно ли не бояться, Симміасъ и

ними и душу, — за собою. Такимъ образомъ душа въ духовныхъ своихъ стремленіяхъ болѣе и болѣе оземленѣваетъ. Но между тѣмъ какъ это происходитъ, тѣ драгоцѣнные сосуды, на которыхъ какбы надписано: «для истиннаго, добраго и прекраснаго», — вовсе не наполняются, а только сквернятся; такъ какъ положенное въ нихъ гніетъ и превращается въ прахъ. Отсюда чувственная радость отравляется скорбію, и человѣкъ становится Танталомъ, который по горло стоитъ въ водѣ и не можетъ утолить своей жажды, потому что для утоленія ея требуется не такое питье.

[1] Пенелопа сколько успѣвала соткать днемъ, столько ткала назадъ ночью.

[2] Вышемнѣнное, ἀδόξαστον, есть знаніе, пріобрѣтаемое чрезъ созерцаніе идей, знаніе несомнѣнное, ἐπιστήμη, которому противуполагается δόξα, или мнѣніе, получаемое посредствомъ чувствъ, и потому ненадежное, измѣнчивое.

Кевисъ, что душа его, приготовившаяся подобнымъ обра-
зомъ, по отрѣшеніи отъ тѣла, расторгнется, развѣется вѣт-
ромъ, изчезнетъ и не будетъ продолжать нигдѣ никакого су-
ществованія?
C. Послѣ этихъ разсужденій Сократа настало долговремен-
ное молчаніе. И самъ онъ, какъ было замѣтно, и многіе
изъ насъ размышляли о сказанномъ. Между тѣмъ Кевисъ и
Симміасъ о чемъ-то немного между собою поговорили, и Со-
кратъ, взглянувъ на нихъ, спросилъ: Что? какъ вамъ кажут-
ся наши разсужденія? видно неудовлетворительны? Въ нихъ
и въ самомъ дѣлѣ нашлось бы еще много сомнительнаго и
подверженнаго возраженіямъ, когда бы кто-нибудь вздумалъ
разсмотрѣть ихъ надлежащимъ образомъ. Итакъ, если вы
разсуждаете о чемъ другомъ — не говорю ни слова; а когда
D. имѣете недоумѣнія, относящіяся къ нашему предмету, — не
полѣнитесь и сами высказать и разобрать ихъ, какъ можете
сдѣлать это лучше, и меня примите въ свою бесѣду, какъ
скоро со мною надѣетесь бóльшихъ успѣховъ.—Да, Сократъ,
скажу тебѣ правду, отвѣчалъ Симміасъ. Оба мы волнуемся
недоумѣніями, и давно уже побуждаемъ и заставляемъ другъ
друга спросить тебя, чтобъ узнать твой отвѣтъ; но удер-
живаемся, боясь наскучить и въ настоящія минуты сдѣлать
тебѣ неудовольствіе.—Услышавъ это, Сократъ слегка улыб-
E. нулся и сказалъ: Ахъ, Симміасъ! другихъ людей, конечно
трудно было бы мнѣ убѣдить, что нынѣшняго случая я не
почитаю бѣдственнымъ; но мои убѣжденія слабы даже и для
васъ: вы боитесь, что теперь я брюзгливѣе, чѣмъ въ преж-
ней своей жизни. Въ дѣлѣ предсказанія для васъ я, кажет-
85. ся, хуже лебедей, которые поютъ во всю жизнь, а почув-
ствовавъ приближеніе смерти, поютъ долѣе и чаще—на ра-
дости, что отходятъ къ богу, которому служатъ. Боясь
смерти за себя, люди лгутъ и на лебедей, когда утверж-
даютъ, что ихъ пѣніе есть выраженіе предсмертной скор-
би, — лгутъ, не разсудивъ, что ни одна птица не поетъ,
когда алчетъ, зябнетъ, или стѣсняется иною скорбію. Да и

соловей, и ласточка, и удодъ, которыхъ пѣніемъ, говорятъ,
выражается плачь, мнѣ кажется, поютъ не отъ скорби,
какъ и лебеди, которые, будучи птицами Аполлона, имѣ-
ютъ, думаю, даръ предчувствія и поютъ въ тотъ день го- B.
раздо болѣе, нежели во время своей жизни, — отъ радо-
сти, предчувствуя блага преисподней. Я считаю и себя
сослуживцемъ лебедей и жрецомъ того же бога, и думаю,
что получилъ отъ своего владыки даръ предсказанія не
хуже, чѣмъ они, а потому и не малодушнѣе ихъ разста-
юсь съ жизнію. Итакъ, вы можете разсуждать и спраши-
вать меня о чемъ угодно, пока придутъ одиннадцать аѳин-
скихъ судей. — Ты говоришь прекрасно, примолвилъ Сим-
міасъ: я открою тебѣ свое недоумѣніе; скажетъ и онъ, въ C.
чемъ несогласенъ съ твоими мыслями. Касательно предме-
та настоящей нашей рѣчи, Сократъ, мнѣ представляется,
можетъ быть, то же, что̀ и тебѣ, а именно: имѣть въ этой
жизни ясное объ этомъ предметѣ познаніе или невозможно,
или очень трудно; однакожъ не изслѣдывать относящихся
къ нему мыслей всѣми способами и отказываться отъ изы-
сканій прежде, нежели вниманіе будетъ совершенно утомле-
но, свойственно опять человѣку весьма слабому. Въ этомъ
отношеніи надобно достигнуть безъ сомнѣнія чего-нибудь
одного: либо узнать и открыть, какъ дѣло обстоитъ, либо,
когда это невозможно, принять самое лучшее и неопровер- D.
жимое человѣческое слово, и на немъ, будто на доскѣ, по-
пытаться переплыть жизнь; если кто не можетъ переплыть
ее безопаснѣе и вѣрнѣе на твердѣйшемъ суднѣ, на ка-
комъ-нибудь словѣ божіемъ [1]. Итакъ, я не постыжусь те-
перь вопрошать тебя, когда и ты то же говоришь, и не
буду винить себя впослѣдствіи, что не объявилъ своего

[1] Чтобы убѣдиться въ истинѣ безсмертія, Симміасъ почитаетъ необходимымъ какое-нибудь слово божіе: кто не слышитъ его, тотъ долженъ слѣдовать по крайней мѣрѣ наилучшему и неопровержимому слову человѣческому. Этимъ положеніемъ ясно указывается на два источника истины, которыхъ требовала философія Сократа,—на божественное откровеніе и философское изслѣдованіе. О первомъ Сократъ говаривалъ: «меня надоумливаетъ бо-

мнѣнія. Да, Сократъ, разсуждая о твоихъ словахъ и самъ съ собою, и вмѣстѣ съ Кевисомъ, я нахожу ихъ не очень
E. удовлетворительными.—Можетъ быть, и справедливо, другъ мой, молвилъ Сократъ. Но скажи мнѣ, почему они неудовлетворительны?—Потому, продолжалъ онъ, что это самое основаніе можно приложить и къ гармоніи, и къ лирѣ, и къ струнамъ, что то-есть гармонія отъ настроенной лиры есть нѣчто невидимое и безтѣлесное, нѣчто прекрасное и божественное, а самая лира и струны суть тѣла, предметы
86. тѣловидные, сложные, земляные и сродные смерти. Итакъ, что еслибы кто разбилъ лиру или перерѣзалъ, либо изорвалъ струны, а другой сталъ бы доказывать, какъ ты, что та гармонія не уничтожилась, но непремѣнно существуетъ? Вѣдь никакъ невозможно, чтобы лира съ изорванными струнами и смертовидныя струны еще существовали, а гармонія, однородная съ божественнымъ и подобная безсмертно-
B. му, погибла прежде смертнаго? Что еслибы кто сказалъ, что гармонія должна продолжать свое бытіе, что прежде должны сгнить дерево и струны, нежели испытаетъ что-нибудь гармонія? Ты, Сократъ, думаю, и самъ знаешь, какъ мы большею частію разумѣемъ душу. Тѣло наше какъ будто натянуто и держится теплотою и холодомъ, сухостію и влажностію, и такъ далѣе; а душа наша есть смѣ-
C. шеніе и гармонія этихъ началъ, зависящая отъ хорошаго и мѣрнаго соединенія ихъ между собою. Если же душа есть гармонія, то явно, что съ непомѣрнымъ ослабленіемъ нашего тѣла, или съ его напряженіемъ отъ болѣзней и прочихъ золъ, она, не смотря на свою божественность, должна тотчасъ уничтожиться, подобно тому, какъ уничтожаются и другія гармоніи, напримѣръ, въ звукахъ и во всѣхъ произ-

---

жественное» — и потому самъ убѣждалъ слушателей одно дѣлать, другаго не дѣлать—не иначе, какъ по внушенію божественнаго (*Xenoph.* memor. 1, 14.). Но этотъ голосъ божественнаго внушенія, по ученію Сократа, яснѣе постигаетъ тотъ, кто философствуетъ, то-есть, опирается на твердѣйшее человѣческое слово.

веденіяхъ художниковъ, между тѣмъ какъ остатки каждаго
тѣла могутъ сохраниться долгое время, пока не сгорятъ D.
или не сгніютъ. Теперь смотри, что сказать намъ на это
основаніе, когда кто-нибудь захочетъ утверждать, что ду-
ша, будучи смѣшеніемъ тѣлесныхъ началъ, во время такъ
называемой смерти уничтожится первая? — Тутъ Сократъ,
почти по всегдашнему своему обыкновенію, пристально по-
смотрѣлъ на насъ и, улыбнувшись, сказалъ: Симміасъ го-
воритъ въ самомъ дѣлѣ справедливо; такъ отвѣчайте ему,
кто изъ васъ способнѣе меня. Вѣдь онъ, кажется, не ху-
до задѣлъ мое основаніе. Впрочемъ, прежде нужно, думаю,
знать, въ чемъ еще Кевисъ обвиняетъ его, чтобы, восполь- E.
зовавшись этимъ временемъ, поразсудить, что сказать намъ,
а потомъ, выслушавъ его, или уступить имъ, если ихъ мыс-
ли хорошо настроены, или уже защищать свое разсужде-
ніе, если нѣтъ. Итакъ, говори-ка, Кевисъ, продолжалъ онъ,
что въ моей рѣчи безпокоитъ тебя и заставляетъ сомнѣвать-
ся.—Готовъ говорить, отвѣчалъ Кевисъ. Мнѣ кажется, она
доселѣ стоитъ у насъ на одномъ мѣстѣ и подвергается то-
му самому осужденію, о которомъ сказано было прежде.
Что наша душа существовала до своего вступленія въ на- 87.
стоящій видъ,—тому я не противорѣчу и не говорю, буд-
то этотъ предметъ не очень ловко и, не во гнѣвъ молвить,
не очень достаточно доказанъ: а что она и послѣ нашей
смерти гдѣ-нибудь существуетъ, — въ томъ я неслишкомъ
убѣжденъ, хотя и не соглашаюсь съ возраженіемъ Симмі-
аса, будто душа не сильнѣе и не долговѣчнѣе тѣла, по-
тому что, мнѣ кажется, она превосходнѣе всѣхъ подоб-
ныхъ вещей. Такъ въ чемъ же ты еще сомнѣваешься?
скажутъ мнѣ. Если видишь, что по смерти человѣка не
перестаетъ существовать даже слабѣйшая часть его; то не
допустишь ли, что въ продолженіе того же времени долж- B.
на сохраняться долговѣчнѣйшая? На это вотъ что: смотри,
дѣло ли я говорю. Кажется, и мнѣ, подражая Симміасу, на-
добно употребить какое-нибудь подобіе. Настоящая рѣчь, по

моему мнѣнію, очень походитъ на то, какъ еслибы кто-
нибудь, говоря объ умершемъ старомъ ткачѣ, сталъ утверж-
дать, что онъ не уничтожился, но, вѣроятно, гдѣ-ни-
будь существуетъ, и въ доказательство указывалъ бы на
одежду, въ которую одѣтъ именно тотъ, кто выткалъ ее,
и которая сохранилась, не исчезла. Когда же не повѣрили
бы ему, — онъ спросилъ бы: что долговѣчнѣе, природа че-
C. ловѣка, или природа платья, которое употребляется и но-
сится? и изъ отвѣта, что природа человѣка гораздо долго-
вѣчнѣе, вывелъ бы заключеніе: если и кратковременнѣй-
шее не уничтожилось, то тѣмъ болѣе цѣлъ человѣкъ. Но
это, Симміасъ, думаю, не такъ. Смотри-ка и ты, что я го-
ворю. Всякій можетъ понять, что, утверждая подобныя ве-
щи, мы утверждали бы нелѣпость. Правда, что тотъ ткачь,
износивъ и соткавъ много подобныхъ платьевъ, пересталъ
D. существовать, хотя позднѣе первыхъ, однакожъ раньше по-
слѣдняго: но отсюда не слѣдуетъ, что человѣкъ хуже и
слабѣе платья. Этимъ самымъ подобіемъ можетъ, по ви-
димому, выражаться отношеніе души къ тѣлу: кто го-
ворилъ бы о нихъ именно это, тотъ, по моему мнѣнію,
говорилъ бы вѣрно, что, то-есть, душа долговременнѣе,
а тѣло слабѣе и кратковременнѣе, хотя также въ правѣ
E. былъ бы прибавить, что каждая душа изнашиваетъ мно-
го тѣлъ, особенно когда проживаетъ много лѣтъ; ибо если
при жизни человѣка тѣло течетъ и исчезаетъ, а душа не-
престанно воспроизводитъ изнашивающуюся ткань, то, при
уничтоженіи своемъ, находясь въ послѣдней, она погибаетъ
прежде одной этой. Когда же душа исчезла, тогда-то уже тѣ-
ло обнаруживаетъ свойство собственной слабости, то-есть,
предается гніенію и скоро распадается. Значитъ, основы-
ваясь на этомъ доказательствѣ, еще нельзя быть вполнѣ
88. увѣреннымъ, что послѣ смерти наша душа гдѣ-нибудь су-
ществуетъ. Положимъ, иной допуститъ и болѣе, нежели
сколько ты утверждаешь,—допуститъ, что душа не только
существовала до времени нашего рожденія, но что нѣтъ

препятствія быть ей чьею-нибудь душею и послѣ нашей смерти, то-есть, часто раждаться и опять умирать; ибо природа ея такъ крѣпка, что можетъ перенесть и многократное рожденіе: но, допустивъ это, онъ все-таки не согласится, чтобы многократныя рожденія не изнуряли ея, и чтобы наконецъ при которой-нибудь изъ смертей она вовсе не уничтожилась; а о такой смерти и о такомъ разрушеніи тѣла, которое принесетъ душѣ погибель, никто, скажетъ онъ, не знаетъ, потому что никто не можетъ этого чувствовать. Если же такъ, то избѣгая безразсудной отважности, не надобно бросаться на смерть, пока нельзя доказать, что душа совершенно безсмертна и не подлежитъ погибели: напротивъ, приближаясь къ смерти, должно всегда бояться за свою душу, какъ бы она, въ настоящемъ своемъ соединеніи съ тѣломъ, вовсе не погибла. B.

По выслушаніи этихъ разсужденій, всѣмъ намъ, какъ открылось послѣ изъ взаимныхъ объясненій, было непріятно; потому что сильно убѣжденные прежнимъ доказательствомъ, теперь мы, казалось, снова возмутили свой умъ и сомнѣвались уже не только въ томъ, чтó было сказано, но и въ томъ, чтò могло быть сказано впослѣдствіи: выходило, то-есть, что или мы—ничтожные судьи, или вмѣстѣ неизслѣдимъ и самый предметъ. C.

Эхекр. Ради боговъ, прощаю вамъ, Федонъ. Слушая сей-часъ тебя, я подумалъ самъ въ себѣ: какому же еще повѣримъ мы доказательству? Предложенное Сократомъ было вѣдь очень убѣдительно, и вотъ оно теперь лишилось вѣроятія. Въ самомъ дѣлѣ, мысль, что наша душа есть нѣкоторая гармонія, мнѣ всегда чрезвычайно нравилась, и тотъ, кто высказалъ ее, напомнилъ только о собственномъ моемъ убѣжденіи. Значитъ, я опять въ началѣ дѣла, и имѣю великую нужду въ какомъ-нибудь новомъ основаніи, которое бы убѣдило меня, что съ смертію человѣка душа его не умираетъ. Скажите же мнѣ, ради Зевса, съ какой еще стороны Сократъ подошелъ къ этому предмету? Неужели, D.

E. скажешь, и онъ, подобно вамъ, обнаружилъ нѣкоторое неудовольствіе? или, напротивъ, съ кротостію помогъ изслѣдованію? Притомъ достаточна ли была его помощь, или недостаточна? Раскажи намъ обо всемъ, сколько можно подробнѣе.

Фед. Хоть я и часто, Эхекратъ, удивлялся Сократу, но никогда не былъ восхищенъ имъ такъ, какъ въ настоящемъ
89. случаѣ. Въ томъ-то, можетъ-быть, нѣтъ ничего страннаго, что онъ умѣлъ отвѣчать на возраженія: меня особенно изумило въ немъ во первыхъ то, съ какою охотою, кротостію и любовію выслушалъ онъ разсужденія молодыхъ людей; во вторыхъ то, какъ мѣтко понялъ онъ болѣзнь, произведенную въ насъ изложенными основаніями; въ третьихъ то, какъ прекрасно исцѣлилъ ее, останавливая насъ, будто бѣглецовъ или побѣжденныхъ, и побуждая къ изслѣдованію и дружному разсматриванію предмета.

Эхекр. А какъ именно?

B. *Фед.* Я скажу. Мнѣ случилось сидѣть на подножной скамейкѣ возлѣ кровати, по правую руку Сократа: значитъ, Сократъ сидѣлъ гораздо выше меня. Итакъ, поглаживая мою голову и собравши на затылкѣ мои волосы (которыми иногда имѣлъ привычку играть), онъ сказалъ: завтра, Федонъ, ты, можетъ быть, острижешь эти прекрасные локоны.—Вѣроятно, Сократъ, отвѣчалъ я. — Нѣтъ, не завтра, если хочешь меня послушаться. — А что? спросилъ я. — Сегодня, сказалъ онъ, и я — свои, и ты — свои, сегодня,
C. если только наше разсужденіе умретъ, и мы не найдемъ силъ оживить его. Да, будь я на твоемъ мѣстѣ и лишись возможности возстановить изслѣдованіе, тотчасъ бы далъ клятву, подобно Аргивянамъ [1], не прежде отпустить локоны, какъ послѣ побѣды надъ доказательствами Симміаса и Кевиса.—Но съ двумя, примолвилъ я, говорятъ, и Ираклъ не могъ справиться. — Такъ пригласи меня, будто Іолая,

---

[1] Аргивяне, бывъ разбиты Лакедемонянами, рѣшились дотолѣ не отращать волосъ, пока не одержатъ надъ ними побѣды. Herod. 1, 81.

пока солнце не сѣло. — Прошу, сказалъ я, но не какъ Ираклъ, а какъ Іолай—Ираклa.— Это будетъ все равно, отвѣчалъ онъ. Но поостережемся, чтобы и съ нами чего-нибудь не приключилось. — Что же? спросилъ я. — Чтобы намъ не сдѣлаться разсужденіе-ненавидцами, какъ дѣлаются человѣконенавидцами, сказалъ онъ. Никто не терпитъ D.
такого зла, какое терпятъ ненавистники разсужденій. Разсужденіе-ненавидѣніе и человѣконенавидѣніе происходятъ однимъ и тѣмъ же образомъ, а именно: послѣднее раждается въ душѣ отъ сильнаго къ кому-нибудь довѣрія, не основывающагося на искусной разсудительности, когда, то-есть, мы почитали человѣка совершенно справедливымъ, искреннимъ и вѣрнымъ, а потомъ, немного спустя, нашли его лукавымъ, невѣрнымъ, и тому подобное. И кто испытывалъ это часто, особенно же отъ тѣхъ, которыхъ считалъ самыми близкими и короткими друзьями, тотъ, многократно E.
обманутый, наконецъ ненавидитъ всѣхъ и увѣряется, что ни въ комъ нѣтъ искренности. Или, по твоему мнѣнію, бываетъ не такъ?—Конечно такъ, отвѣчалъ я.—А не дурно ли это, спросилъ онъ, и не явно ли, что такой человѣкъ берется имѣть дѣло съ людьми, не владѣя искуствомъ человѣкознанія? Вѣдь еслибы обращеніе съ ними онъ основывалъ, какъ слѣдуетъ, на искуствѣ; то держался бы той мысли, что добросердечныхъ и лукавыхъ очень немного, а 90.
среднихъ между ними весьма много.—Какъ это понимаешь ты, спросилъ я?—Такъ же, какъ очень малое и очень великое, отвѣчалъ онъ. Представишь ли ты себѣ что-нибудь рѣже, какъ отыскать очень великорослаго или очень малорослаго, также очень быстраго или очень медленнаго, очень безобразнаго или очень красиваго, очень бѣлаго или очень чернаго человѣка, собаку и пр.? Не замѣчаешь ли, что предѣльныя точки всѣхъ этихъ крайностей весьма рѣдки, немногочисленны, а вещей, занимающихъ средину между ними—великое множество?—Конечно, отвѣчалъ я. — И не думаешь ли, сказалъ онъ, что еслибы мы предложили да- B.

же состязаніе въ лукавствѣ, то и тогда открылось бы весьма немного лукавцевъ перваго разряда? — Вѣроятно, отвѣчалъ я. — Да, вѣроятно, примолвилъ онъ. Но въ этомъ-то разсужденія не походятъ на людей (теперь вѣдь я слѣдовалъ за тобою, какъ за предводителемъ), а походятъ въ томъ, что человѣкъ, не имѣющій искуства разсуждать о предметѣ, вѣритъ какому-нибудь изъ разсужденій, какъ истинному, и потомъ, немного спустя, оно представляется ему ложнымъ, иногда справедливо, иногда и нѣтъ, вообще — то такимъ, то инакимъ. Между тѣмъ ты знаешь, что тѣ-то осо-
C. бенно, которые занимаются разсужденіями противорѣчущими, — тѣ-то и почитаютъ себя людьми мудрѣйшими; они-то одни-де и понимаютъ, что нѣтъ ничего здраваго и твердаго ни въ дѣлахъ, ни въ словахъ, что все существующее, точно какъ въ Эврипѣ [1], вращается то туда, то сюда, ни на минуту не останавливаясь на одномъ мѣстѣ. — Ты очень справедливо говоришь, сказалъ я. — Такъ не жалкое ли было бы состояніе, Федонъ, продолжалъ онъ, когда бы кто, при существованіи разсуж-
D. денія справедливаго и основательнаго, которое можно себѣ прояснить, случайно услышавъ о томъ же предметѣ другія, кажущіяся то справедливыми, то ложными, обвинялъ не самаго себя и не свою неловкость, но, отъ досады, собственную вину слагалъ бы на разсужденія, и потому, ненавидя и браня ихъ, на всю остальную жизнь лишился бы истины и знанія о вещахъ существующихъ? — Точно, жалкое было бы состояніе, клянусь Зевсомъ, отвѣ-
E. чалъ я. — Итакъ, прежде всего будемъ осторожны, продолжалъ онъ, не пустимъ въ свою душу той мысли, что будто въ разсужденіяхъ нѣтъ ничего здраваго: напротивъ

---

[1] Эврипъ — проливъ между Бэотіею и Эвбеею, замѣчательный между прочимъ потому, что днемъ и ночью волны въ немъ идутъ преемственно то въ одну, то въ другую, — противуположную сторону. Stallb. I, II, p. 164.

скорѣе сознаемся, что мы-то еще не здравы, а потому
должны мужественно дѣйствовать и стараться пріобрѣсти
здоровье, ты и прочіе — для послѣдующей вашей жиз-
ни, а я — для самой смерти; иначе, въ отношеніи къ 91:
предмету нашего изслѣдованія, я похожу теперь, должно
быть, не на философа, а на спорщика, какими бываютъ
большіе невѣжды, которые, о чемъ-нибудь разсуждая, за-
ботятся не объ уразумѣніи разсматриваемаго предмета, а
о томъ, какимъ бы образомъ свое предположеніе пока-
зать присутствующимъ со стороны выгодной. Въ настоя-
щемъ случаѣ я буду отличаться отъ нихъ, кажется, толь-
ко тѣмъ, что, не стараясь выставлять свои слова истин-
ными (развѣ мимоходомъ) для присутствующихъ, стану
заботиться, какъ бы ихъ выставить именно такими для
самаго себя; ибо расчитываю, любезный другъ, — и смотри, B.
какъ своекорыстно: если утверждаемое мною въ самомъ
дѣлѣ справедливо, то хорошо повѣрить; а когда умершему
не будетъ ничего, то въ послѣднее время, предъ смертію,
я своею скорбію по крайней мѣрѣ не наведу скуки на
присутствующихъ. Впрочемъ, это ненавидѣніе не умретъ
со мною; иначе было бы худо: нѣтъ, оно скоро исчез-
нетъ. Приготовившись такимъ образомъ, Симміасъ и Кевисъ,
молвилъ онъ, я приступаю къ разсужденію. Вы же, если
хотите меня послушаться, заботьтесь не о Сократѣ, а C:
гораздо болѣе объ истинѣ. Найдете слова мои справедли-
выми,—соглашайтесь; не найдете, — противорѣчьте имъ,
сколько можете—въ той мысли, чтобы, по ревности къ
моему убѣжденію, я не обманулъ себя и васъ, и, какъ пче-
ла, не улетѣлъ, оставивъ свое жало.

Итакъ начнемъ, сказалъ онъ. Прежде всего напомните
мнѣ, что̀ говорили вы, если я самъ не въ состояніи бу-
ду вспомнить. Симміасъ, кажется, не вѣритъ—изъ опасе-
нія, что душа, не смотря на свою божественность и пре-
восходство предъ тѣломъ, исчезнетъ первая, какъ нѣко- D.
торый родъ гармоніи. А Кевисъ, помнится, уступилъ мнѣ,

что душа долговременнѣе тѣла: только то, говоритъ, никому неизвѣстно, не погибнетъ ли она теперь, можетъ быть, износивъ уже не разъ много тѣлъ и оставляя послѣднее; не это ли именно и называется смертію — погибель души, между-тѣмъ какъ тѣло непрестанно погибаетъ? Это, или что другое, должны мы изслѣдывать, Симміасъ и Кевисъ? — Оба согласились, что это. — Но въ
E. прежнихъ нашихъ разсужденіяхъ, спросилъ онъ, все ли вы отвергаете, или иное отвергаете, иное нѣтъ? — Да; иное — такъ, отвѣчали они, а иное нѣтъ. — Напримѣръ, какъ вы думаете о нашемъ мнѣніи, продолжалъ онъ, что ученіе есть припоминаніе? и если признаете его справедливымъ, то не необходимо ли вамъ допустить, что наша душа гдѣ-то существовала еще до своего вшествія въ тѣло? —
92. Что касается до меня, сказалъ Кевисъ, то я и тогда чрезвычайно вѣрилъ этой мысли и теперь держусь ея болѣе, чѣмъ всякой другой. — Да и я такъ думаю, примолвилъ Симміасъ, и удивительно было бы, еслибы объ этомъ предметѣ мнѣ понравилось что-нибудь иное. — Однакожъ тебѣ, ѳивскій нашъ гость, вѣрно нравится что-нибудь иное, возразилъ Сократъ, когда ты держишься того мнѣнія, что гармонія есть вещь сложная, и что душа есть нѣкоторая гармонія, происходящая отъ напряженія тѣлесныхъ элементовъ; ибо ты вѣроятно самъ не согласишься съ собою, ко-
B. гда будешь говорить, что гармонія составилась прежде существованія тѣхъ частей, изъ которыхъ ей надлежало составиться; или согласишься? — Конечно, не соглашусь, Сократъ, отвѣчалъ онъ. — А замѣчаешь ли, спросилъ Сократъ, что тебѣ надобно утверждать это, если говоришь, что душа существовала до принятія человѣческаго вида и тѣла; стало быть, она была сложена изъ частей, еще не существовавшихъ? Вѣдь она уже не походитъ у тебя на приведенное подобіе — гармонію; потому что для гармоніи сначала получаютъ бытіе и лира, и струны, и звуки, пока
C. негармоническіе, а гармонія и послѣ всего является, и

прежде всего исчезаетъ. Итакъ, какимъ же образомъ одно изъ твоихъ мнѣній согласуется съ другимъ? — Никакъ не согласуется, Сократъ, отвѣчалъ Симміасъ. — Однакожъ въ рѣчи о гармоніи, замѣтилъ Сократъ, всего приличнѣе быть гармоніи.—Конечно, всего приличнѣе, сказалъ послѣдній. — Такъ вотъ твое разсужденіе и безъ гармоніи. Смотри же, что̀ ты изберешь: то ли, что ученіе есть припоминаніе, или то, что душа есть гармонія?—Гораздо лучше первое, D.
Сократъ, отвѣчалъ онъ; потому что послѣднее у меня ничѣмъ не доказывается, а только представляется правдоподобнымъ, бросается въ глаза, потому-то многимъ и нравится. Между тѣмъ я знаю, какъ обманчивы бываютъ разсужденія, въ которыхъ доказательства основываются на подобіи: не поостерегись отъ нихъ кто-нибудь, тотчасъ обманется — и въ геометріи и во всемъ другомъ. Напротивъ разсужденіе о припоминаніи и ученіи утверждается на основаніи достовѣрномъ; ибо сказано было, что наша душа и до вшествія въ тѣло существовала, такъ какъ ей принадлежитъ сущее, то-есть то, что̀ выражается названіемъ сущности. E.
Такимъ образомъ у меня не остается сомнѣнія, что предложенная мысль принята мною основательно и правильно. Слѣдовательно, я ли сказалъ бы, или кто другой, что душа есть гармонія, — этого мнѣнія мнѣ, думаю, принимать не надобно. — Но какъ ты думаешь, Симміасъ? спросилъ Сократъ: кажется ли тебѣ, что гармонія, или какое-нибудь другое сочетаніе должны находиться въ состояніи, отличномъ отъ состоянія частей, входящихъ въ сочетаніе?—Не 93.
кажется. — Значитъ, первыя и дѣйствуютъ и страдаютъ только такъ, какъ дѣйствуютъ и страдаютъ послѣднія. — Подтвердилъ. — Поэтому гармоніи остается не управлять тѣми началами, изъ которыхъ она образуется, а слѣдовать имъ. — Согласился. — Значитъ, гармонія никакъ не можетъ находиться въ движеніи, издавать звуки, вообще проявляться иначе, вопреки частямъ своимъ.— Конечно не можетъ, отвѣчалъ онъ.— Но что? всякая гармонія не такъ ли есть

B. гармонія, какъ бываетъ настроена?—Я не понимаю этого, сказалъ онъ. — Если, то-есть, строй выше и болѣе, лишь бы позволялъ инструментъ; то не выше ли и не болѣе ли также гармонія? Напротивъ, когда строй ниже и менѣе; то не ниже ли и не менѣе ли проявляется послѣдняя? — Конечно. — А можно ли сказать это о душѣ? Можно ли утверждать, чтобы одна душа хотя самомалѣйшимъ образомъ имѣла болѣе и въ большей степени, нежели другая душа, самое это свойство — быть душею? — Никакъ нельзя,
C. отвѣчалъ онъ. — Хорошо, продолжалъ Сократъ: скажи же теперь, ради Зевса, не говорятъ ли, что иная душа отличается умомъ, добродѣтелію, благостію, а другая — безуміемъ, порочностію, зломъ? и не справедливо ли говорятъ это? — Конечно справедливо. — Итакъ, если душу называютъ гармоніею; то чѣмъ почитаютъ упомянутыя — добродѣтель и зло? Не иною ли гармоніею и дисгармоніею? Когда, то-есть, душа настроена, то бываетъ доброю и въ самой своей гармоніи заключаетъ другую гармонію; а когда она не настроена, то другой гармоніи не имѣетъ? — Не знаю, что сказать на это, отвѣчалъ Симміасъ. — Однако
D. человѣкъ, слѣдующій такому предположенію, очевидно долженъ бы сказать нѣчто подобное. Впрочемъ, мы еще прежде согласились, что одна душа не можетъ быть душею ни болѣе, ни менѣе другой души; а это значитъ, что одна гармонія не выше и не болѣе, или не ниже и не менѣе другой. Не такъ ли? — Конечно такъ. — Гармонія же, которая не ниже и не выше другой, должна быть и настроена равнымъ образомъ не выше и не ниже. Правда ли? — Правда. — Но, настроенная не выше и не ниже, можетъ ли она заключать въ себѣ гармоніи болѣе или
E. менѣе? или заключаетъ ее ровно?—Ровно.—Итакъ, если одна душа не болѣе и не менѣе другой души обладаетъ этимъ свойствомъ — быть душею, то одна не болѣе и не менѣе другой настроена? — Такъ. — Находясь же въ такомъ состояніи, одна не можетъ имѣть болѣе, нежели

другая, — либо дисгармоніи, либо гармоніи? — Конечно не можетъ. — И далѣе: находясь въ такомъ состояніи, одна изъ нихъ будетъ ли болѣе причастна злу, либо добро- 309.
дѣтели, чѣмъ другая, если зло есть дисгармонія, а добродѣтель — гармонія? — Никакъ не болѣе. — Такъ вотъ безъ сомнѣнія вѣрное заключеніе, Симміасъ, что никакая душа непричастна злу, какъ скоро душа есть гармонія; потому что гармонія, оставаясь совершенно этимъ самымъ — гармоніею, не можетъ вмѣщать въ себѣ дисгармоніи. — Конечно не можетъ. — Значитъ и душа, оставаясь совершенно душею, не вмѣщаетъ въ себѣ зла. — Какъ же иначе, судя потому, что сказано выше?—Да, изъ нашего разсужденія слѣдуетъ, что души всѣхъ живыхъ существъ равно добры, если всѣ онѣ именно это самое — души. — Мнѣ кажется такъ, Сократъ, сказалъ онъ. — А хорошо ли, думаешь, утверждать подобное мнѣніе, спросилъ Сократъ, и дошло ли бы наше разсужденіе до такого заклю- B.
ченія, когда бы предположеніе, что душа есть гармонія, было справедливо?—Никакъ не дошло бы, отвѣчалъ онъ.— Но что? продолжалъ Сократъ: изъ всего, находящагося въ человѣкѣ, называешь ли ты господствующимъ что-нибудь, кромѣ души, особенно когда она благоразумна? — Не называю. — А душа, господствуя, поблажаетъ ли пожеланіямъ тѣла, или противится имъ? Разумѣю вотъ что. Когда, напримѣръ, мучитъ зной и жажда, — душа иногда влечетъ къ противному — не пить; а когда томитъ голодъ, — она побуждаетъ къ противному — не ѣсть. Видимъ множество и другихъ примѣровъ, какъ она противится тѣлу. Или нѣтъ? — Конечно видимъ. — Однакожъ не C.
согласились ли мы прежде, что если душа есть гармонія, то она не можетъ разногласить съ тѣми составными частями, которыя сообщаютъ ей напряженность, ослабленіе, движеніе и все, свойственное имъ самимъ, и что она должна не управлять, а управляться ими? — Согласились, отвѣчалъ онъ; какъ не согласиться? — Чтожъ? а теперь

она дѣлаетъ, по видимому, противное, то-есть, управляетъ всѣмъ тѣмъ, изъ чего, говорятъ, составлена; теперь
D. она противустоитъ почти всему во всю жизнь и господствуетъ всячески, иногда строгими обузданіями и посредствомъ скорбей, напримѣръ въ гимнастическихъ упражненіяхъ, либо въ врачебныхъ средствахъ, иногда кроткими внушеніями, грозя пожеланіямъ, гнѣву и трусости, и вразумляя ихъ такъ, какъ бы разговаривала съ чѣмъ-нибудь другимъ, кромѣ себя, подобно Омиру, который говоритъ объ Одиссеѣ:

E. Въ грудь онъ ударилъ себя и сказалъ раздраженному сердцу:
Сердце, смирись; ты гнуснѣйшее вытерпѣть силу имѣло....

Думаешь ли, что Омиръ сложилъ эти стихи, почитая душу гармоніею, управляемою пожеланіями тѣла? Не мыслилъ ли онъ напротивъ, что душа управляетъ и владычествуетъ ими, и что она есть нѣчто гораздо божественнѣе гармоніи? [1] — Да, клянусь Зевсомъ, Сократъ, мнѣ кажется. — Итакъ, вовсе не хорошо намъ, почтеннѣйшій,
95. называть душу гармоніею; иначе мы, по всей вѣроятности, не сойдемся ни съ Омиромъ, божественнымъ поэтомъ, ни сами съ собою. — Правда, сказалъ онъ.—

Хорошо, продолжалъ Сократъ; съ ѳивскою Гармоніею у насъ, кажется, сладилось: теперь что дѣлать съ Кадмомъ [2], Кевисъ? Какъ и какимъ словомъ преклонить его?—

---

[1] Душа, по своему существу, конечно не есть гармонія; однакожъ ни что не мѣшаетъ ей быть гармонически или дисгармонически настроенною. Еслибы она была чистымъ и совершеннымъ духомъ, въ которомъ нельзя отличать явленія отъ бытія; то понятіе о гармоніи къ ней было бы дѣйствительно неприложимо. А такъ какъ, существуя сама въ себѣ, она въ то же время рефлектируетъ сама себя и становится явленіемъ; то въ значеніи явленія ей необходимо обнаруживать тотъ или другой строй,—тѣмъ необходимѣе, что въ ея существо, чего Сократъ конечно не предполагалъ, — входитъ начало нетолько жизни духовной, но и чувственной, и какъ то, такъ и другое привноситъ въ нее свой законъ дѣятельности. Примѣнительно къ этимъ-то законамъ, смотря по тому, который изъ нихъ господствуетъ, душа настроиваетъ нетолько свои силы, но чрезъ нихъ—и самое тѣло.

[2] Какъ Симміасъ, такъ и Кевисъ были Ѳивяне. Поэтому опровергнувъ мнѣніе Симміаса, Сократъ говоритъ, что съ ѳивскою гармоніею теперь кон-

Вѣроятно, найдешь какъ, отвѣчалъ Кевисъ. Настоящее твое разсужденіе противъ гармоніи было чрезвычайно, я не ожидалъ этого; ибо когда Симміасъ высказалъ свое сомнѣніе, — мнѣ казалось очень удивительнымъ, еслибы кто вздумалъ опровергать его. Поэтому я вдругъ весьма B.
изумился, когда онъ не могъ выдержать и перваго натиска твоей рѣчи. Стало быть, нѣтъ ничего страннаго, что и Кадмово слово подвергнется той же участи. — Не превозноси меня, добрый человѣкъ, сказалъ Сократъ, чтобы какая-нибудь зависть не унизила того разсужденія, которое сейчасъ будетъ предложено. Лучше припишемъ это попеченію божію, а сами омировски [1] обратимся къ предмету и посмотримъ, дѣло ли ты говоришь. Сущность твоего вопроса состоитъ въ слѣдующемъ: ты почитаешь нужнымъ доказать, что наша душа непричастна гибели и безсмерт- C
на, и что философъ, приближающійся къ смерти, надѣясь за гробомъ вступить въ состояніе гораздо лучшее, въ сравненіи съ состояніемъ людей, жившихъ иначе, питается надеждою не безразсудною, не нелѣпою. Доказательство же, что душа есть нѣчто сильное и богообразное, что она существовала прежде, нежели мы стали людьми, не мѣшаетъ, говоришь, отвергать ея безсмертіе. Позволительно, правда, приписывать ей долговѣчность, что, то-есть, она и до земной жизни имѣла бытіе неопредѣленно продолжительное, многое знала и дѣлала; но отсюда еще не вытекаетъ мысль о ея безсмертіи; ибо самое вшествіе D.
ея въ человѣческое тѣло, подобно зародышу болѣзни, могло быть началомъ ея гибели. И вотъ она настоящую свою жизнь проводитъ скорбно, а въ минуту такъ называемой смерти и окончательно исчезаетъ. Въ отношеніи къ нашей боязни, ты думаешь, все равно, однажды ли душа входитъ

чено. Но въ миѳологіи была своя ѳивская Гармонія, жена ѳивскаго царя Кадма; — отсюда острота Сократа: мы разсмотрѣли дѣло Гармоніи; надобно разсмотрѣть и дѣло Кадма.

[1] Омировски, то-есть, по обычаю Омировыхъ героевъ,—смѣло и мужественно.

въ тѣло, или много разъ; ибо кто не знаетъ и не можетъ доказать ея безсмертіе, тотъ, если только не безразсуденъ, долженъ постоянно находиться въ опасеніи. Вотъ почти
E. буквально твои слова, Кевисъ. Я нарочно нѣсколько разъ повторилъ ихъ, чтобы ничто не ускользнуло отъ насъ, еслибы ты хотѣлъ прибавить къ нимъ, или отнять отъ нихъ что-нибудь. — Но въ настоящемъ случаѣ, примолвилъ Кевисъ, мнѣ нечего ни отнимать отъ нихъ, ни прибавлять къ нимъ: тутъ все, что я говорю.

После этого Сократъ долго молчалъ, размышляя самъ съ собою, и потомъ продолжалъ: Ты не бездѣлицы требуешь, Кевисъ; надобно вѣдь вообще разсмотрѣть причину рожденія и разрушенія. Хочешь ли, я разскажу, что въ
96. этомъ отношеніи случилось съ самимъ мною? И если въ моихъ словахъ иное покажется тебѣ полезнымъ для подтвержденія собственной твоей мысли, то воспользуйся этимъ. — Разумѣется, весьма охотно, сказалъ Кевисъ.—Слушай же, что буду говорить. Находясь еще въ молодости [1], я удивительно какъ жаденъ былъ до той мудрости, которую называютъ исторіею природы: мнѣ представлялось дѣломъ блистательнымъ знать причину всякой вещи, отъ чего каждая раждается, отъ чего погибаетъ и отъ чего существуетъ. Часто волновался я недоумѣніемъ, изслѣдывая
B. во-первыхъ то, въ самомъ ли дѣлѣ иные справедливо утверджаютъ, что когда холодное и теплое предаются нѣкоторому гніенію, тогда получаютъ образованіе животныя, и чѣмъ мы мыслимъ, — кровію ли, воздухомъ, огнемъ, или не это, но мозгъ даетъ намъ чувства и слуха, и зрѣнія, и обонянія, изъ которыхъ происходятъ память и мнѣніе, а изъ памяти и мнѣнія, доведеннаго до постоянства, раждается знаніе? Замѣчая опять, что все это подлежитъ раз-

---

[1] Разсказъ Сократа, что онъ въ своей молодости стремился все объяснить изъ идей ума, надобно относить не къ Сократу, а къ Платону. Это ясно открывается далѣе на стр. 109 B., гдѣ на ученіе объ идеяхъ указывается, какъ на теорію прежнюю, обыкновенную, много разъ толкованную, чего Сократу приписать никакъ невозможно.

рушенію, и видя измѣняемость неба и земли, наконецъ я C.
показался самъ себѣ столь неспособнымъ для подобныхъ
изысканій, что изъ рукъ вонъ (ὡς οὐδὲν χρῆμα). И вотъ тебѣ
достаточный признакъ: прежде я кое-что ясно-таки зналъ,
какъ и мнѣ самому казалось, и другимъ; а послѣ, чрезъ
свои изслѣдованія, дошелъ до такой слѣпоты, что даже раз-
учился знать вещи, дотолѣ мнѣ извѣстныя. Не говоря о
множествѣ ихъ, укажу только на одну: отчего человѣкъ
ростетъ? Передъ тѣмъ временемъ я считалъ очевиднымъ D.
для всякаго, что это бываетъ отъ пищи и питья. Когда, то-
есть, чрезъ пищу плоть прибавляется къ плоти, кости къ
костямъ, и такимъ же образомъ все прочее, что съ чѣмъ
сродно; тогда небольшая тяжесть становится уже большею,
а слѣдовательно изъ малорослаго человѣка образуется ве-
ликорослый. Такъ думалъ я прежде, и—какъ тебѣ кажет-
ся? — не ладно ли? — Мнѣ кажется, ладно, отвѣчалъ Ке-
висъ. — Смотри-ка и на это еще. По моему мнѣнію, доста-
точно правильнымъ казалось мнѣ, что когда великорос-
лый человѣкъ станетъ возлѣ малорослаго, тогда бываетъ
выше его цѣлою головою, равно какъ и конь выше коня.
А и того яснѣе, что десять болѣе восьми, ибо прибавилось E.
два,—и два локтя болѣе одного, потому что превышаютъ
его половиною. — Да теперь-то, спросилъ Кевисъ, какъ
же ты думаешь объ этомъ? — Теперь, клянусь Зевсомъ,
я далекъ отъ мысли, что причины этихъ вещей мнѣ из-
вѣстны; теперь я не могу даже увѣриться въ томъ, какимъ об-
разомъ бываетъ, что когда кто приложилъ единицу къ еди-
ницѣ, то или единица, къ которой приложено, преврати-
лась въ два, или приложенная и та, къ которой приложено, 97.
чрезъ приложеніе одной къ другой, сдѣлались двумя. Для
меня удивительно вотъ что: доколѣ каждая изъ единицъ
существовала отдѣльно,—каждая была единицею, тогда онѣ не
были двумя; а когда сблизились между собою, то вдругъ
сближеніе ихъ стало причиною — сдѣлаться имъ двумя.
Не понимаю также и того, какимъ образомъ, когда кто

разсѣкъ одно, — самое разсѣченіе послужило причиною бытія двухъ. Вѣдь причина двухъ здѣсь противуположна
B. причинѣ двухъ тамъ: тамъ стало два отъ взаимнаго сближенія и сложенія одного съ другимъ; а здѣсь произошло два отъ удаленія и раздѣленія одного отъ другаго. Равнымъ образомъ я не могу увѣриться и въ томъ, извѣстно ли мнѣ, откуда единица. Однимъ словомъ: не могу понять вообще, какъ что-нибудь этимъ путемъ рождается, исчезаетъ, или существуетъ. Самъ я напрасно ищу другаго, а показанный вовсе не нравится. Между тѣмъ однажды мнѣ кто-то сказалъ, будто онъ читалъ, говоритъ, въ книгѣ
C. Анаксагоровой, что распорядитель и причина всего есть умъ. Тогда я радъ былъ этой причинѣ; мнѣ казалось, какъ-то хорошо, что причина всего есть умъ. Если это справедливо, думалъ я; то умъ, распоряжая всѣмъ, указываетъ мѣсто каждой вещи тамъ, гдѣ быть ей всего лучше. Поэтому кто захотѣлъ бы искать причину всякаго предмета, какъ онъ происходитъ, уничтожается, либо существуетъ; тотъ долженъ бы вывесть ее изъ того, какъ ему
D. лучше существовать, страдать, или дѣйствовать. На этомъ-то основаніи человѣку надлежало бы уже и отъ самаго себя, и отъ прочихъ предметовъ требовать только превосходнѣйшаго и наилучшаго, хотя тотъ же самый человѣкъ по необходимости зналъ бы и худшее; потому что знаніе того и другаго есть одно и то же. Размышляя объ этомъ весело, я думалъ, что касательно причины вещей въ Анаксагорѣ нашелъ учителя по душѣ себѣ, что онъ сперва
E. скажетъ мнѣ о землѣ,—плоска ли она, или кругла, а сказавъ это, откроетъ причину и необходимость, дѣйствительно ли онъ излагаетъ самое лучшее мнѣніе, и точно ли землѣ всего лучше быть такою,—откроетъ также въ срединѣ ли она находится, и объяснитъ, почему ей лучше быть въ срединѣ. Если онъ объявитъ мнѣ это, думалъ я, то
98. рѣшусь не желать другой, инородной причины. Было у меня намѣреніе узнать отъ него такимъ же образомъ и о солн-

цѣ, и о лунѣ, и о прочихъ звѣздахъ, чтó касается до ихъ относительной скорости, поворотовъ и другихъ свойствъ, то-есть, какое бы дѣйствіе или страданіе для всякаго изъ этихъ предметовъ могло быть самымъ лучшимъ. Утверждая, что все устроено умомъ, онъ конечно, думалъ я, не станетъ искать для этихъ вещей иной причины, кромѣ той, что быть имъ въ такомъ состояніи, въ какомъ онѣ находятся, всего лучше. Нашедши же причину предметовъ, B.
взятыхъ порознь и вообще, онъ покажетъ, какъ мнѣ казалось, и самое лучшее для каждаго изъ нихъ, и общее благо для всѣхъ ихъ вмѣстѣ. И я не хотѣлъ дешево отдать своихъ надеждъ, но съ жаромъ ухватился за книги, намѣреваясь прочитать ихъ какъ можно скорѣе, чтобы какъ можно скорѣе узнать, чтó всего лучше и что хуже. Но столь удивительныя надежды, другъ мой, не долго оставались со мною. Продолжая читать, я вижу, что умомъ этотъ человѣкъ нисколько не пользуется, и порядка вещей не изъясняетъ никакими причинами: напротивъ въ основа- C.
ніи всего полагаетъ воздухъ, эѳиръ, воду и много другихъ странностей. Онъ точно такъ поступаетъ, думаю я, какъ еслибы кто, положивъ, что Сократъ все, что ни дѣлаетъ, дѣлаетъ умомъ, началъ потомъ приводить причины каждаго моего дѣла и сказалъ, напримѣръ, будто я потому теперь сижу здѣсь, что мое тѣло состоитъ изъ костей и жилъ, что кости тверды и отдѣлены одна отъ другой составами, а жилы имѣютъ способность растягиваться и ослабляться, и лежатъ около костей вмѣстѣ съ плотію и ко- D.
жею, которая все обхватываетъ; а такъ какъ кости могутъ быть поднимаемы въ ихъ составахъ, то растягивающіяся и ослабляющіяся жилы даютъ мнѣ возможность сгибать члены,—и вотъ, согнувшись, я и сижу здѣсь. Пожалуй, и теперешній рзговоръ нашъ онъ произвелъ бы изъ подобныхъ причинъ, напримѣръ, изъ голоса, воздуха, слуха и изъ множества другихъ того же рода, не обративъ вни- E.
манія на причины истинныя, что Аѳиняне сочли за луч-

шее осудить меня, что поэтому мнѣ показалось лучше сидѣть здѣсь и, слѣдуя справедливости, терпѣливо подверг-
99. нуться казни, которой они требуютъ. Вѣдь клянусь собакою, что и жилы мои, и кости, увлекаясь мнѣніемъ лучшаго, давно бы, думаю, были гдѣ-нибудь въ Мегарѣ или Бэотіи [1], еслибы, вмѣсто того, чтобы бѣжать и скрыться, я не почелъ дѣломъ болѣе справедливымъ и честнымъ принять отъ города назначенную мнѣ казнь. Приводить подобныя причины вовсе не годится. Конечно, кто сказалъ бы, что безъ такихъ вещей, какъ кости, жилы и другія мои принадлежности, я не могъ бы дѣлать, что мнѣ угодно, тотъ сказалъ бы правду: но говорить, будто всѣ свои дѣла я дѣлаю умомъ, потому что у меня есть жилы и кости, а
B. не потому, что избираю самое лучшее, было бы глупо вдоль и поперекъ [2]. Это значило бы не умѣть отличить, что другое дѣло — причина, и другое дѣло—то, безъ чего причина не могла бы быть причиною. И мнѣ кажется, многіе, мысля будто ощупью впотьмахъ, употребляютъ вовсе не тѣ имена для названія дѣйствительныхъ причинъ. Поэтому одинъ окружаетъ землю круговоротомъ, посредствомъ котораго небо предписываетъ ей стоять неподвижно; другой подпираетъ ее, какъ широкую квашню,
C. воздухомъ: а силы, которою все, что гдѣ теперь стоитъ, поставлено самымъ лучшимъ образомъ,—такой силы никто и не ищетъ, и не усвояетъ ей божественнаго могущества. Люди предпочли выдумать Атланта, который былъ бы могущественнѣе и безсмертнѣе той силы, и все связывалъ бы наилучшимъ образомъ, а истинное благо и союзъ, дѣйствительно все связующій и сохраняющій, вмѣнили ни во что. Итакъ мнѣ пріятно было бы поступить къ кому-нибудь въ ученики, что-
D. бы узнать эту причину. Но, не владѣя ею и не имѣя воз-

[1] Это тѣ самыя мѣста, куда ученики уговаривали Сократа бѣжать изъ темницы.

[2] *Было бы глупо вдоль и поперекъ*, по гречески: *πολλὴ ἂν καὶ μακρὰ ῥαθυμία εἴη τοῦ λόγου*. Не хочу докнзывать, что русское выраженіе здѣсь вполнѣ соотвѣтствуетъ греческому; но подойти ближе къ подлиннику я не могъ.

можности открыть ее самъ, или перенять у другаго, хочешь ли, Кевисъ, я покажу тебѣ новую, употребляемую мною попытку [1] отыскать ее? — Чрезвычайно хочу, отвѣчалъ онъ. — Послѣ того мнѣ показалось, продолжалъ Сократъ, что, утомившись въ изслѣдованіи истины, я долженъ остеречься, какъ бы непотерпѣть такого же несчастія, какому подвергаются люди при разсматриваніи и наблюденіи солнечнаго затмѣнія. Вѣдь иные, смотря на солнце, а не на подобіе его въ водѣ, или въ чемъ другомъ, E.
портятъ зрѣніе. Размысливъ объ этомъ, я испугался, не ослѣпнуть бы и мнѣ душею, созерцая эти предметы очами и рѣшаясь касаться ихъ каждымъ своимъ чувствомъ. Поэтому я вздумалъ прибѣгнуть къ мышленію и въ немъ наблюдать истину сущаго. Впрочемъ моя мысль, можетъ быть, не вовсе соотвѣтствуетъ тому, чему она уподобляется: вѣдь я не согласенъ, что человѣкъ, созерцая сущее въ мышленіи, [2] 100.
созерцаетъ его образнѣе, чѣмъ созерцающій на самомъ дѣлѣ. Итакъ я поспѣшилъ обратиться къ своему собственному способу, то-есть, предполагая всякій разъ извѣстное основаніе, которое находилъ самымъ твердымъ, я принималъ за истину все, чтó казалось согласно съ нимъ,—причина ли то была, или иное что-нибудь, — и отвергалъ, какъ невѣрное, чтó съ нимъ не согласовалось. Хочется взысказать тебѣ это яснѣе; думаю, ты не понимаешь меня. — Да, не очень, клянусь B.
Зевсомъ, отвѣчалъ Кевисъ. — Впрочемъ, я говорю не но-

[1] *Новую попытку*, въ подлинникѣ τὸν δεύτερον πλοῦν—греческая пословица моряковъ, выражающая ту мысль, что, когда нѣтъ благопріятнаго вѣтра, приходится лавировать. Ruhnken. ap. Wyttenb. Adn. p. 243.

[2] Выраженіе Платона въ этомъ мѣстѣ: τὸν (ἄνθρωπον) ἐν τοῖς λόγοις σκοπούμενον, значитъ то же, что *созерцающаго въ идеяхъ*. Но идеи, по Платону, если не были вещи или предметы, усматриваемые чувствами, то не могли быть названы также и подобіями ихъ, или образами: въ другихъ мѣстахъ его сочиненій идеи называются τὰ παραδείγματα ἐν τῇ φύσει. Parm. 132 D.,—дѣйствительными существами, но отнюдь не понятіями разсудка и не вещами. Поэтому великое само по себѣ, малое само по себѣ, равное само по себѣ и проч.—все это—не понятія и не вещи, а идеи, чрезъ присутствіе или общеніе которыхъ являются уже относительныя величины, имѣющія значеніе понятій.

вое, продолжалъ Сократъ, но то же самое, о чемъ не переставалъ говорить всегда,—и въ другихъ случахъ, и въ нынѣшней бесѣдѣ. Мнѣ предстоитъ показать родъ употребляемой мною причины; для этого я снова иду къ тому, о чемъ уже было много толковано, и начинаю съ положенія, что есть нѣчто само въ себѣ прекрасное, доброе, великое и иное прочее. Если въ этомъ ты уступишь мнѣ и согласишься со мною; то отсюда надѣюсь показать тебѣ и причину мою, и вывесть заключеніе о безсмертіи души. — Будь увѣренъ въ моемъ согласіи и не медли сво-
C. ими заключеніями, отвѣчалъ Кевисъ. — Смотри же, что̀ выдетъ далѣе, сказалъ Сократъ: такъ ли покажется и тебѣ, какъ мнѣ?

Мнѣ кажется, что если есть нѣчто прекрасное, кромѣ прекраснаго самаго въ себѣ, то оно прекрасно не по чему иному, какъ по своему участію въ томъ прекрасномъ. То же говорю я и о всемъ. Согласенъ ли ты на эту причину?— Согласенъ, отвѣчалъ онъ. — Хорошо же, продолжалъ Сократъ. Теперь я не знаю и не хочу знать никакихъ другихъ мудрыхъ причинъ, и если кто скажетъ мнѣ, что прекрасное прекрасно или отъ красиваго цвѣта, или отъ вида,
D. или отъ чего иного; то я, боясь потеряться во множествѣ подобныхъ основаній, распрощусь со всѣми ими, и просто, безъискуственно, пожалуй, можетъ-быть, и глупо, буду держаться одного, что прекрасное происходитъ не отъ чего другаго, какъ или отъ присутствія, или отъ общенія, или отъ инаго участія въ немъ того прекраснаго: ибо это *или-или* я еще не рѣшилъ, а то рѣшилъ, что всякія прекрасныя вещи бываютъ прекрасны отъ прекраснаго. Послѣдній отвѣтъ, кажется, безопаснѣе и для меня самаго,
E. и для другаго: держась этой мысли, мы вѣроятно никогда не уронимъ себя, но и я, и другой—можемъ надежно отвѣчать, что прекрасныя вещи бываютъ прекрасны отъ прекраснаго. Не такъ ли и ты думаешь?—Такъ.—Значитъ, и все великое бываетъ велико и бо̀льшее больше отъ велико-

сти, а меньшее меньше—отъ малости?—Да.—Поэтому ты не согласишься, когда кто скажетъ, что одинъ бóльшій болѣе другаго головою, а другой меньшій—менѣе тѣмъ же 101.
самымъ; но будешь утверждать, что все, что больше другаго, больше не чѣмъ инымъ, какъ величиною,—что бóльшее больше отъ величины, равно какъ и меньшее не отъ чего инаго меньше, какъ отъ малости,—будешь утверждать это конечно изъ опасенія, чтобы не встрѣтить противорѣчія, почитая кого-нибудь больше или меньше головою: вѣдь B.
тогда бóльшее было бы больше, а меньшее меньше отъ одной и той же причины; притомъ бóльшее было бы больше такою малою вещію, какъ голова. Да странно и подумать, что нѣчто великое велико малымъ. Или ты не опасаешься этого?—Опасаюсь, отвѣчалъ Кевисъ, улыбаясь.—Поэтому ты равнымъ образомъ побоишься сказать, что десять больше осьми двумя, что не количествомъ и не по причинѣ количества, а двумя и отъ двухъ первое больше послѣдняго. Побоишься также сказать, что двухлоктевое пространство больше однолоктеваго—не величиною, а половиною; ибо и здѣсь то же самое опасеніе.—Конечно, C.
отвѣчалъ онъ.—Но что? не поопасешься ли ты утверждать, что когда единица сложена съ единицею, то причина двухъ есть сложеніе, или, когда раздѣлено что-нибудь, то причина частнаго есть дѣленіе? Не закричишь ли ты, что не знаешь, какъ иначе сдѣлаться всякой вещи, если не чрезъ участіе ея въ сродной ей сущности? Найдешь ли ты иную причину и двухъ, кромѣ той, что два причастны двоицѣ, что въ двоицѣ должно получить участіе все, имѣющее быть двумя, равно какъ въ единицѣ—все, чему надобно быть однимъ? А съ этими дѣленіями, сложеніями и другими подобными хитростями ты конечно распрощаешься, предоставивъ отдѣлываться ими людямъ, которые по- D.
мудрѣе тебя. Боясь, по пословицѣ, собственной своей тѣни и неопытности, ты будешь держаться за упомянутое твердое основаніе. Если же оно сдѣлается предметомъ нападе-

нія; то ты оставишь возражателя и не будешь отвѣчать ему, пока не разсмотришь, что̀ вытекаетъ изъ твоего начала,—и слѣдствія изъ него, по твоему мнѣнію, согласны ли между собою, или несогласны. Когда же предстояло бы дать въ немъ отчетъ, то дашь его такъ: пріищешь предположеніе, которое было бы между болѣе общими лучшее, и будешь идти далѣе, поступая подобнымъ обра-зомъ, пока не достигнешь до чего-нибудь удовлетворитель-наго. Притомъ, желая найти нѣчто истинное, ты не по-
E. зволишь себѣ смѣшенія, какъ дѣлаютъ спорщики, и не станешь бросаться въ разговорѣ то къ началу, то къ слѣдствіямъ. У спорщиковъ нѣтъ объ этомъ ни рѣчи, ни заботы: довольные своею мудростію, они взбуровливаютъ все вмѣстѣ, лишь бы только нравиться самимъ себѣ. На-
102. противъ ты, если хочешь быть въ числѣ философовъ, конечно будешь дѣлать такъ, какъ я говорю.—И ты говоришь очень справедливо, отвѣчали Симміасъ и Кевисъ.

Эхекр. Въ самомъ дѣлѣ, клянусь Зевсомъ, Федонъ; мнѣ кажется, это разсужденіе Сократа удивительно какъ ясно—даже для человѣка съ небольшимъ умомъ.

Фед. Конечно, Эхекратъ; такимъ показалось оно и всѣмъ бывшимъ тогда у Сократа.

Эхекр. Да и намъ,—хотя мы не были у него, а только слушаемъ. Ну что же говорено было далѣе.

Фед. Помнится, когда въ этомъ уступили ему и согла-
B. сились, что каждая изъ идей имѣетъ значеніе сама по себѣ, и что все другое, являющееся подъ ними, отъ нихъ заимствуетъ и названіе; то онъ вслѣдъ за тѣмъ спросилъ: если же ты думаешь такъ, то, говоря, что Симміасъ болѣе Сократа и менѣе Федона, не приписываешь ли Симміасу того и другаго,—и великорослости, и малорослости? — Приписываю.—Однакожъ смотри, продолжалъ онъ: усвояя Симміасу преимущество предъ Сократомъ, согласенъ ли ты, что это—правда не на словахъ, а на самомъ дѣлѣ? Вѣдь Симміасу, должно быть, естественно являться выше не потому, что

онъ Симміасъ, а по свойственной ему величинѣ. И опять, C.
онъ—выше не потому, что Сократъ есть Сократъ, а по-
тому, что Сократу, въ сравненіи съ ростомъ Симміаса,
принадлежитъ малорослость. — Справедливо. — Такимъ же
образомъ Симміасъ—ниже Федона не потому, что Федонъ
есть Федонъ, а потому, что Федону, въ сравненіи съ ма-
лорослостію Симміаса, свойствена великорослость.—Такъ.—
Слѣдовательно Симміасъ получаетъ названіе малорослаго
и великорослаго, поколику находится между обоими, до-
ставляя случай одному изъ нихъ быть выше своей мало- D.
рослости великорослостію, а другому стоять ниже своей
великорослости малорослостію. И тутъ же [1], улыбнувшись,
прибавилъ: я выражаюсь конечно съ судейскою точностію;
однакожъ это такъ, какъ говорю. —Кевисъ согласился.—И
говорю это съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы мое мнѣніе сдѣла-
лось твоимъ; ибо мнѣ кажется, что нетолько великость
сама по себѣ никогда не желаетъ быть вмѣстѣ великою
и малою, но и великость наша не принимаетъ малаго и не
хочетъ превосходить малости. Тутъ одно изъ двухъ: она
или убѣгаетъ и удаляется, когда подходитъ противное ей E.
малое; или исчезаетъ, когда послѣднее уже подошло. Пусть
она даже терпитъ и принимаетъ малость: но все не хо-
четъ быть инымъ, чѣмъ была прежде. Напримѣръ, я при-
нялъ и терплю малость, и пока продолжаю быть тѣмъ,
что есмь, я малъ; а то великое само по себѣ не смѣетъ
превратиться въ малое, равно какъ и малое не хочетъ
сдѣлаться или быть великимъ. Такимъ же образомъ и всѣ
другія противуположности, оставаясь тѣмъ, чѣмъ были,
не хотятъ сдѣлаться или быть противными тому, но въ
этомъ состояніи или устраняются, или исчезаютъ. — Мнѣ 103.
кажется, совершенно такъ, отвѣчалъ Кевисъ. — Услы-
шавъ это, кто-то изъ присутствовавшихъ сказалъ (кто та-

---

[1] *Συγγραφικῶς*, этимъ словомъ указывается на точность, съ какою обыкновенно пишутся судейскія, или дѣловыя бумаги—*συγγραφαί*. Сравн. Gorg, p. 451 B. *εἴποιμι ἂν ὥσπερ οἱ ἐν τῷ δήμῳ συγγραφόμενοι.*

кой, не помню хорошенько): ради боговъ! да въ прежнихъ нашихъ разсужденіяхъ развѣ не было допущено, совершенно вопреки настоящему положенію, что изъ меньшаго происходитъ большее, а изъ большаго меньшее, и что именно такимъ образомъ противныя происходятъ изъ противныхъ? а теперь, по видимому, говорится, что этого никогда не бываетъ. — Сократъ наклонилъ голову и, выслу-
B. шавъ, сказалъ: браво, что вспомнилъ! только ты не понялъ различія между тѣмъ, что теперь говорится, и тѣмъ, что было говорено тогда. Тогда было говорено, что противная вещь бываетъ изъ противной, а теперь, что противное само по себѣ ни въ насъ, ни въ природѣ, никогда не можетъ сдѣлаться противнымъ самому себѣ. Тогда, другъ мой, мы разсуждали о предметахъ, заключающихъ въ себѣ противное, и на этомъ основаніи называли ихъ своими именами; а теперь разсуждаемъ о томъ, что, сообщаясь предметамъ, называемымъ противными, даетъ имъ имя [1] противныхъ.
C. Этому-то мы никогда не приписывали рожденія одного отъ другаго. И вдругъ, взглянувъ на Кевиса, спросилъ: не пугаетъ ли и тебя, Кевисъ, что-нибудь подобное словамъ его? — Нѣтъ, отвѣчалъ Кевисъ, я уже не прежній,

[1] Чтобы яснѣе понять различіе, какое указываетъ Сократъ между прежнимъ положеніемъ, что изъ меньшаго происходитъ большее, а изъ большаго меньшее, или вообще — что противныя происходятъ изъ противныхъ, — и между послѣднимъ, что противуположности не хотятъ перейти въ противное себѣ, надобно представить, что всякая вещь имѣетъ матерію и форму. Но форма обыкновенно принимается въ двухъ значеніяхъ: одна — въ значеніи видовомъ, а другая — въ родовомъ; первая заключаетъ въ себѣ признаки, отличающіе ее отъ другихъ вещей того же рода, и слѣдовательно указываетъ на разницы матеріальныя, а послѣдняя характеризуется примѣтами, отличающими ее отъ другихъ родовъ, слѣдовательно ничего матеріальнаго въ себѣ не имѣетъ. Формы въ послѣднемъ смыслѣ Платонъ называетъ идеями и говоритъ, что онѣ одна въ другую не переходятъ и не принимаютъ въ себя ничего противнаго: напротивъ отдѣльныя вещи, означаемыя частными именами и опредѣляемыя формами матеріальными, измѣняютъ свои свойства и дѣлаются малыми изъ великихъ, или великими изъ малыхъ, смотря по тому, какой идеѣ становятся причастными. Иначе сказать: вещи, по матеріи, одна другой не противны; противуположность ихъ зависитъ отъ того, въ какой идеѣ, или родовой формѣ онѣ содержутся. Какъ по матеріи не про-

хотя отнюдь не говорю, что не пугаетъ меня многое.—Слѣдовательно мы согласны другъ съ другомъ, сказалъ онъ,—согласны именно въ томъ, что противное само по себѣ никогда не будетъ противнымъ самому себѣ. — Безъ сомнѣнія.—Изслѣдуй же мнѣ еще вотъ что, продолжалъ онъ: не согласишься ли со мною? Ты называешь что-нибудь теплотою и холодомъ? — Называю. — Не снѣгъ ли это и огонь?—О, совсѣмъ нѣтъ.—Значитъ, теплота, сама по себѣ, отлична отъ огня, а холодъ, самъ по себѣ,—отъ снѣга?— D.
Да.—Тебѣ, думаю, кажется также, что снѣгъ, въ состояніи снѣга, принимая въ себя теплоту, какъ прежде говорили, никогда не будетъ тѣмъ, чѣмъ былъ,—снѣгомъ и теплотою, но, по присоединеніи къ нему теплоты, или устраняется отъ нея, или пропадаетъ. — Конечно. — Тоже и огонь, по приближеніи къ нему холода, либо отступаетъ, либо исчезаетъ, и никакъ не осмѣливается, принявъ въ себя холодъ, оставаться тѣмъ, чѣмъ былъ,—огнемъ и холодомъ. Ты правду говоришь, отвѣчалъ Кевисъ.—Бываетъ, стало- E.
быть, продолжалъ онъ, въ отношеніи къ кое-чему подобному, что нетолько самъ родъ навсегда удерживаетъ свое имя, но и нѣчто другое, чт̀о хотя отлично отъ этого рода, однакожъ постоянно является въ его образѣ, пока сохраняетъ свое бытіе. Смыслъ моихъ словъ, можетъ быть, сдѣлается яснѣе вотъ на чемъ. Нечету вѣроятно всегда должно при-

---

тивныя, онѣ происходятъ одна отъ другой; относительно же къ идеѣ, происхожденіе ихъ одной отъ другой невозможно. Но между идеею и матеріею вещи, по ученію Платона, есть нѣчто среднее: это—та видовая форма (μορφή) которою обозначается общеніе вещи съ извѣстною идеею, или которая есть какъ бы запечатлѣніе матеріи, непозволяющее ей принимать въ себя нетолько противнаго идеѣ, давшей вещи образъ, но и тѣхъ свойствъ, какія могли бы быть внесены въ этотъ образъ противною идеею. Треугольникъ, по содержанію, не заключаетъ въ себѣ ничего противнаго четвероугольнику; такъ что величина перваго можетъ быть превращена въ величину послѣдняго. Но идея треугольника никогда не уступитъ своего значенія идеѣ четыреугольника и не приметъ его въ себя. И когда этою идеею сообщена матеріи форма опредѣленныхъ тремя линіями трехъ угловъ, тогда треугольникъ въ этой формѣ нетолько не приметъ идеи четвероугольника, но и тѣхъ свойствъ, которыя могли бы быть внесены ею въ его образъ.

надлежать то имя, которымъ теперь называемъ его; не такъ
ли?—Конечно.—Но въ ряду существъ одинъ ли нечетъ (въ
104. этомъ-то и состоитъ мой вопросъ), или есть и другія вещи,
которыя хотя и не то, что нечетъ, однакожъ, называя каж-
дую изъ нихъ ея именемъ, надобно всегда называть ее и
нечетомъ, поколику ея природа такова, что отъ нечета она ни-
когда не отдѣляется? Для примѣра могу указать на троицу
и на многое другое. Разсмотри-ка троицу: не кажется ли
тебѣ, что ее всегда должно называть и собственнымъ ея
именемъ, и именемъ нечета, хотя нечетъ—не то, что̀ тро-
ица? Таковы по природѣ и троица, и пятерица, и цѣлая
половина всѣхъ чиселъ: хотя они не нечетъ самъ по себѣ,
однакожъ каждое изъ нихъ всегда бываетъ нечетомъ. На-
B. противъ два, четыре и всякое число изъ другаго ряда
чиселъ, не будучи само по себѣ четомъ, тѣмъ не менѣе
всегда бываетъ четное. Согласенъ или нѣтъ? — Какъ не
согласиться, отвѣчалъ онъ.—Смотри же, что́ я выведу,
сказалъ Сократъ: вѣдь именно отсюда явствуетъ, что нетоль-
ко тѣ противныя взаимно себя не принимаютъ, но и вза-
имно непротивныя, и однако всегда заключающія въ себѣ
противное, не принимаютъ той идеи, которая противна
другой, въ нихъ самихъ находящейся: если же она под-
C. ходитъ, то или исчезаютъ, или удаляются. Не скажемъ
ли, что число три скорѣе или исчезнетъ, или подверг-
нется чему иному, прежде чѣмъ потерпитъ, чтобы, оста-
ваясь тремя, оно сдѣлалось четомъ?—Конечно скажемъ, от-
вѣчалъ Кевисъ.—Между тѣмъ двоица вѣрно не противна тро-
ицѣ? продолжалъ Сократъ.—Безъ сомнѣнія не против-
на.—Стало быть, нетолько противные роды не терпятъ
взаимнаго приближенія, но и иное противное не терпитъ,
чтобы къ нему приближалось противное. — Твои слова
весьма справедливы. — Итакъ не угодно ли, продолжалъ
Сократъ, мы по возможности опредѣлимъ, что̀ это такое?—
D. И очень.—Не то ли это, Кевисъ, сказалъ онъ, что чѣмъ
бы ни владѣло обладающее,—оно заставляетъ обладаемое

удерживать не только идею себя, но и постоянно противнаго себѣ?—Какъ это?—Такъ, какъ и сейчасъ говорили: ты вѣроятно знаешь, что все, чѣмъ овладѣваетъ идея трехъ, вынуждено быть не только тремя, но и нечетомъ. — Конечно. — А къ противнымъ вещамъ, сказали мы, никогда не подойдетъ идея, противная тому образу, который дѣлаетъ ихъ такими. — Точно такъ. — Но сдѣлалъ ихъ такими-то образъ нечета? — Да. — Противенъ же ему образъ чета?—Да.—Слѣдовательно къ тремъ никог- E.
да не подойдетъ идея чета.—Очевидно никогда.—Поэтому число три чуждо чета.—Чуждо.—То-есть, три—нечетъ.—Да.—Но я намѣренъ былъ опредѣлить, чтò бы такое было, хотя и не противное другому, однакожъ не принимающее противнаго себѣ, подобно троицѣ, которая хотя и не противна чету, однакожъ все-таки не принимаетъ его; потому что четъ привлекъ бы къ ней противное, какъ двоица привлекла бы противное къ нечету, огонь—къ холо- 105.
ду, и такъ далѣе. Смотри-ка, не опредѣлишь ли вотъ какимъ образомъ: противное не принимаетъ нетолько противнаго, но и того, чтó можетъ принять противное, во что бы оно ни входило; такъ что и приносящее отнюдь не принимается ради того, что противно приносимое. Вспомни еще (ибо часто слушать весьма не худо), что число пять на приметъ образа чета, а десять—дважды пять образа нечета. Это послѣднее, само по себѣ, положимъ, противво чему-нибудь иному [1]; однакожъ оно не приметъ образа нечета. Равнымъ образомъ и часть полутор- B.
ная, и все такое, — и половина, и третья часть, не приметъ образа цѣлости. Слѣдуешь ли за мною? и такъ ли тебѣ кажется?—Я совершенно согласенъ и слѣдую за тобою, отвѣчалъ онъ.—Говори же опять сначала, продолжалъ

[1] То-есть, десятерица противна не формѣ нечета, а только виду его—числу пятеричному, которое есть нечетное; однакожъ и поэтому уже она не можетъ сдѣлаться нечетомъ. Такимъ же образомъ половина, треть и проч. хотя не противны цѣлому, такъ какъ цѣлое противно части; однакожъ не принимаютъ въ себя цѣлаго, но удаляются отъ его формы.

Сократъ, и подражая мнѣ, отвѣчай не то, о чемъ я буду спрашивать, а другое. Я предлагаю тебѣ дѣлать отвѣты не такіе, какъ прежде, имѣя въ виду, кромѣ прежнихъ безопасныхъ отвѣтовъ, найти другую безопасность. Еслибы ты вздумалъ спросить меня: что́ сообщится тѣлу, когда кому сдѣлается тепло? то я далъ бы тебѣ не тотъ безопасный и простоватый отвѣтъ, что сообщится теплота, но, приспособительно къ теперешнему нашему разговору, отвѣчалъ бы хитрѣе, что огонь. Равно, еслибы ты спросилъ: что сообщится тѣлу, когда оно заболѣетъ? то въ отвѣтъ я указалъ бы не на болѣзнь, а на лихорадку. Или на вопросъ: что сообщится числу, когда оно станетъ нечетомъ? я поставилъ бы на видъ не нечетность, а единицу. Такимъ образомъ и все. Смотри же, достаточно ли понялъ ты теперь, чего я хочу? — Весьма достаточно, сказалъ онъ. — Такъ отвѣчай, продолжалъ Сократъ, что́ должно сообщиться тѣлу, чтобы ему сдѣлать-
D. ся живымъ? — Должна сообщиться душа, отвѣчалъ онъ. — И это всегда такъ бываетъ? — Какъ же не всегда? сказалъ онъ. — Значитъ душа, чѣмъ бы она ни владѣла, всему и всегда приноситъ жизнь? — Конечно, отвѣчалъ онъ. — А жизни есть что-нибудь противное, или нѣтъ? — Есть, сказалъ. — Что такое? — Смерть. — Но изъ того, въ чемъ мы недавно согласились, не слѣдуетъ ли, что душа никогда не приметъ противнаго тому, что она всегда приноситъ? — Непремѣнно слѣдуетъ, отвѣчать Кевисъ. — Что же теперь? скажи-ка, чѣмъ мы называемъ то, что́ не принимаетъ идеи чета? — Нечетомъ, отвѣчалъ онъ. — А то, что́ не при-
E. нимаетъ справедливости и музыкальности? — Одно немузыкальностію, другое несправедливостію, сказалъ онъ. — Хорошо; какъ же мы называемъ то, что́ не принимаетъ смерти? Безсмертнымъ. — Но душа не принимаетъ смерти? — Нѣтъ. — Слѣдовательно душа безсмертна? — Безсмертна. — Хорошо, примолвилъ онъ; можешь ли теперь считать это доказаннымъ? Или, какъ тебѣ кажется? — Да и очень достаточно, Сократъ.

— Такъ что же, Кевисъ? продолжалъ онъ: еслибы нечету необходимо было не погибать; то неужели и три оставалось бы негибнущимъ? — Какъ же иначе? — Значитъ, 106.
еслибы и нетеплому надлежало не погибать; то какъ скоро кто вздумалъ бы къ снѣгу приблизить теплоту, онъ устранился бы безвредно и не растаялъ? Вѣдь снѣгъ не можетъ погибнуть, а удерживая свое существованіе, не можетъ принять теплоту. — Твоя правда, сказалъ онъ. — Еслибы, думаю также, и нехолодному надобно было не погибать; то какъ скоро кто приблизилъ бы къ огню что-нибудь холодное, огонь не потухъ бы и не погибъ, но отошелъ бы невредимымъ? — Необходимо, отвѣчалъ онъ. — Но не необходимо ли сказать то же самое и о безсмертномъ? спросилъ онъ. Въ самомъ дѣлѣ, если безсмертное есть вмѣстѣ и B.
негибнущее, то душѣ, когда приближается къ ней смерть, погибнуть невозможно; потому что смерти, по вышесказанному, она вѣрно не приметъ и не будетъ мертвою, равно какъ число три, сказали мы, не будетъ четомъ, хотя оно и не есть нечетъ самъ по себѣ, или какъ огонь не будетъ холодомъ, хотя онъ и не есть теплота въ огнѣ. Впрочемъ, можетъ быть, кто-нибудь скажетъ: чтó препятствуетъ нечету, — хотя, по приближеніи къ нему чета, какъ найдено, онъ и не дѣлается четомъ, — что препят- C.
ствуетъ нечету уничтожиться и вмѣсто себя дать мѣсто чету? Кто сказалъ бы это, съ тѣмъ мы не могли бы спорить, что нечетъ не уничтожается; потому что нечетъ не есть нѣчто негибнущее. А будь это намъ извѣстно, мы легко спорили бы, что, по приближеніи чета, и нечетъ и три тотчасъ уходятъ. Точно также могли бы спорить и объ огнѣ, и о теплотѣ, и о всемъ другомъ. Не правда ли? — Конечно. — То самое теперь и о безсмертномъ: если намъ извѣстно, что оно не гибнетъ, то душа нетолько безсмертна, но и не гибнетъ; а когда не такъ, то нужно иное доказательство. — Нѣтъ, для этого-то не нуж- D.
но, сказалъ онъ; ибо едва ли что-нибудь не разрушится,

если даже безсмертное и вѣчное подвергнется разрушенію. — Я думаю, всѣ будутъ согласны, продолжалъ Сократъ, что и Богъ, и самая идея жизни, и все, что́ есть безсмертное, никогда не гибнетъ. — Это, клянусь Зевсомъ, по моему мнѣнію, извѣстно всѣмъ людямъ, отвѣчалъ Кевисъ, а еще болѣе извѣстно богамъ. — Но когда безсмерт-
E. ное вмѣстѣ и неразрушимо; то душа, существо безсмертное, вѣрно есть и существо негибнущее? — Крайне необходимо. — Слѣдовательно, по пришествіи смерти къ человѣку, смертное его, должно быть, умретъ, а безсмертное, устранившись отъ смерти, отойдетъ невредимымъ и неразрушимымъ. — Явно. — Итакъ, Кевисъ, прибавилъ онъ, душа, безъ
107. всякаго сомнѣнія, есть существо безсмертное и негибнущее, и наши души непремѣнно будутъ въ преисподней. — Да и я, Сократъ, ничего не могу сказать кромѣ этого, заключилъ Кевисъ: какъ не вѣрить словамъ твоимъ! Но если Симміасъ, или кто другой, имѣетъ сдѣлать замѣчаніе, то хорошо бы не молчать имъ: кто желаетъ говорить или слушать объ этомъ предметѣ; тотъ, не знаю, какое лучшее время могъ бы избрать для удовлетворенія своему желанію, какъ не настоящее. — Но вѣдь и самъ я, по крайней мѣрѣ послѣ того, что́ было сказано, не могу уже не вѣрить, примолвилъ Симміасъ. Одно лишь величіе предмета, о которомъ шла рѣчь, и несоразмѣрная съ нимъ человѣческая слабость удерживаютъ меня въ недоумѣніи ка-
B. сательно бывшаго разсужденія. — Нетолько касательно бывшаго, Симміасъ, сказалъ Сократъ: твои слова годились бы и въ отношеніи къ прежнимъ нашимъ положеніямъ; то-есть, сколь бы достовѣрными они ни казались вамъ, все однакожъ надобно изслѣдовать ихъ яснѣе, и если достаточно изслѣдуете, то, думаю, убѣдитесь въ моемъ словѣ, сколько возможно убѣждаться человѣку. А когда это для васъ прояснится, тогда ни о чемъ болѣе не будете спрашивать. — Ты правду говоришь, сказалъ онъ. —

Но вотъ о чемъ еще нужно размыслить, друзья, про-

должалъ Сократъ: если душа безсмертна, то должно имѣть C.
о ней попеченіе въ отношеніи не къ одному тому времени, въ которомъ мы, какъ говорится, живемъ, но ко всему; и тотъ, по видимому, подвергнется страшной опасности, кто вознерадитъ о ней. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы смерть была оставленіемъ всего, то для людей злыхъ какая бы находка, — оставляя вмѣстѣ съ тѣломъ и душу, оставить злыя дѣла свои! Но когда открывается, что душа безсмертна, — ей вѣдь нѣтъ инаго избавленія отъ золъ, нѣтъ
инаго спасенія, какъ сдѣлаться наилучшею и разумнѣй- D.
шею; ибо, отходя въ преисподнюю, она не уноситъ ничего, кромѣ образованія и пищи своей [1]; а это умирающему, говорятъ, тотчасъ же, въ самомъ началѣ его отшествія, или очень полезно, или очень вредно. Сказываютъ такъ [2]: каждаго умирающаго духъ [3], которому онъ въ жизни достался, беретъ для отведенія въ нѣкое мѣсто, гдѣ собравшіеся подвергаются суду и идутъ въ преисподнюю, — всякій съ своимъ вожатымъ, кому кого велѣно
отсюда перевесть туда. Достигнувъ назначеннаго мѣста E.
и пробывъ въ немъ опредѣленное время, всякій, подъ руководствомъ уже другаго вожатая, опять идетъ, — и это совершается въ большіе и длинные періоды. Впрочемъ
такое шествіе не походитъ на описываемое Эсхиловымъ 108.
Тилефомъ. Послѣдній говоритъ, что въ преисподнюю ведетъ простая стезя; а мнѣ кажется, что она и не проста и не одна: иначе на что бы и вожатаи; ибо гдѣ дорога одна, тамъ никто и никогда не заблудится. Нѣтъ, на этой

---

[1] Кромѣ образованія и пищи, πλὴν τῆς παιδείας καὶ τροφῆς. Само собою разумѣется, что τροφή принимается здѣсь въ смыслѣ метафорическомъ, какъ пища душъ, или пріобрѣтенныя ими познанія.

[2] Разсужденія Сократа о судьбѣ отшедшихъ душъ въ преисподнюю называются у Аполлодора νεκυΐαι, или рапсодіями изъ одиннадцатой пѣсни Омировой Одиссеи. Такихъ рапсодій въ сочиненіяхъ Платона три: въ Федонѣ, Горгіасѣ (p. 512 sqq.) и Государствѣ (X p, 614.)

[3] Платонъ допускаетъ, что каждый человѣкъ проводитъ жизнь подъ покровительствомъ приставленнаго къ нему духа (δαίμων), который сопровождаетъ его и въ жизнь загробную, Cratyl. p. 397. Symp. p. 262. Tim. p. 40 al.

дорогѣ должно быть много перекрестковъ и обходовъ: я
вывожу свое заключеніе изъ священныхъ церемоній и
уставовъ [1]. Душа благонравная и умная вступаетъ въ путь,
и новое настоящее не незнакомо ей: а пристрастная къ
тѣлу, какъ я прежде сказалъ, долго витаетъ около
B. него и около видимаго мѣста и, чрезвычайно упорствуя и
много страдая, насильно, едва-едва уводится приставлен-
нымъ къ ней духомъ. Когда же она приходитъ туда, куда
и другія; тогда отъ ней, нечистой, надѣлавшей столько грѣ-
ховъ, связанной неправедными убійствами, или совершив-
шей иное тому подобное и подобнымъ душамъ свойствен-
ное, — отъ ней всѣ убѣгаютъ и отвращаются, никто не
хочетъ быть ни ея спутникомъ, ни проводникомъ,— и она
C. блуждаетъ въ самомъ жалкомъ состояніи, пока не прой-
детъ извѣстное время, послѣ котораго самая уже необхо-
димость влечетъ ее въ приличное жилище. Напротивъ вся-
кая душа, проведшая жизнь чисто и воздержно, имѣетъ
спутниками и проводниками боговъ, и переходитъ въ
пристойное для себя мѣсто. А на землѣ есть много уди-
вительныхъ мѣстъ, и она, по своимъ свойствамъ и вели-
чинѣ, какъ меня увѣряли, не такова, какою обыкновенно
почитаютъ ее землеописатели. — Что же ты говоришь это,
D. Сократъ? спросилъ Симміасъ. О землѣ вѣдь я и самъ мно-
го-таки слышалъ, однако не то, въ чемъ ты увѣренъ;
поэтому съ удовольствіемъ послушалъ бы. — Но вѣдь не
съ Главконовымъ искуствомъ надобно, кажется, расказы-
вать это [2], Симміасъ. Правду молвить, тутъ требуется иску-
ство потруднѣе Главконова. Можетъ быть, это было бы даже

---

[1] Здѣсь Платонъ разумѣетъ, кажется, ту часть языческихъ обрядовъ, которыми указывается на многоразличные пути въ преисподнюю. Сюда относятся слова *Олимпіодора* у Виттенбаха: ἀλλὰ καὶ τῶν ἀποιχομένων ψυχὰς τριχῆ θεραπεύουσιν ἄλλως μὲν τὰς τῶν παναγῶν ἱερέων, ἄλλως δὲ τὰς τῶν βιοθανάτων (насильственно убитыхъ) καὶ ἔτι ἄλλως τὰς τῶν πολλῶν.

[2] Съ Главконовымъ искуствомъ всего не разскажешь, — пословица. Она примѣняется къ такимъ вещамъ, которыя требуютъ немного ума и соображенія. А въ происхожденіи этой пословицы критики несогласны между собою. *Xenoph.* Memor. 1, 7, 3.

выше моихъ силъ; а еслибы я и могъ, то жизни моей, Симміасъ, не достало бы для разсужденія столь обширнаго. Что же касается до идеи земли, какую мнѣ передали, и до мѣстъ ея, то объ этомъ ничто не мѣшаетъ побесѣдо- E.
вать. — Да и того довольно, сказалъ Симміасъ. — Итакъ меня увѣряли, продолжалъ Сократъ, во-первыхъ въ томъ, что если земля вращается въ центрѣ неба, то ей нѣтъ надобности ни въ воздухѣ, ни въ какомъ иномъ основаніи, чтобы не упасть: для поддержанія ея достаточно повсюд- 109.
наго самоподобія неба и равновѣсія земли; ибо равновѣсная вещь, поставленная, въ срединѣ чего-нибудь самоподобнаго, нимало не можетъ отступить въ которую-либо сторону, но, какъ самоподобная пребываетъ неуклонною. Такъ вотъ въ чемъ увѣряли меня, сказалъ онъ. — И правильно, замѣтилъ Симміасъ. — Сверхъ того, продолжалъ Сократъ, земля очень велика, и мы, отъ Фасиса до Геркулесовыхъ B.
столповъ, занимаемъ малѣйшую часть ея, живя около моря [1], какъ муравьи и лягушки около болота. Другія подобныя мѣста заселены иными многими жителями. Есть же вокругъ по землѣ очень довольно впадинъ, различныхъ и по виду, и по величинѣ, въ которыя стекаются—и вода, и облака, и воздухъ. А сама настоящая земля стоитъ чистая въ чистомъ небѣ,—тамъ, гдѣ звѣзды. У многихъ, занимающихся этимъ предметомъ, небо называется также C.
эѳиромъ, котораго осадокъ есть все, стекающее въ земныя впадины. Мы не замѣчаемъ, что живемъ въ земныхъ впадинахъ, и думаемъ, будто наше жилище—на земной поверхности, уподобляясь тому, кто, обитая въ самой глубинѣ моря, представлялъ бы, что онъ обитаетъ на морѣ и, сквозь воду взирая на солнце и другія звѣзды, море почиталъ бы небомъ. По своей медленности и слабости, онъ никогда D.
не поднимался бы до морской поверхности и не видалъ бы ея;

[1] *Живя около моря*—разумѣется море Средиземное. Мѣстность, о которой говоритъ Сократъ, простирается отъ востока къ западу и лежитъ между Чернымъ моремъ и Гибралтаромъ.

ему даже не пришлось бы слышать ни отъ какого очевидца, во сколько чище и прекраснѣе тотъ міръ, который выдается изъ моря въ верхнее пространство. Точно въ такомъ состояніи находимся и мы: живя въ какой-то впадинѣ земли, мы думаемъ, что живемъ на ея поверхности, воздухъ называемъ небомъ и представляемъ, что звѣзды текутъ именно по этому небу. А все отъ того,
E. что слабость и медленность не позволяютъ намъ вознестись до предѣловъ воздуха: иначе, кто поднялся бы до его высоты, или взлетѣлъ къ ней, окрилившись; тотъ, изникнувъ, какъ вынырнувшія изъ моря рыбы видятъ надводное, увидѣлъ бы все тамошнее и, лишь бы только природа его могла выдержать созерцаніе, узналъ бы, что тамъ-то ис-
110. тинное небо, истинный свѣтъ и истинная земля. Вѣдь эта земля, эти камни, и вообще все здѣшнее повреждено и изъѣдено, подобно вещамъ, изъѣденнымъ морскою горечью; такъ что въ морѣ этомъ и ничего порядочнаго не ростетъ, и, можно сказать, ничего нѣтъ совершеннаго, а только рытвины, песокъ, безконечный илъ и грязь — вездѣ, гдѣ есть земля [1], и все это нисколько не идетъ въ сравненіе съ тѣмъ, чтó у насъ почитается красотою. Напротивъ тамъ, на этой чистой землѣ, нашлось бы много вещей далеко превосходнѣе нашихъ. Да, Симміасъ, если полезно расказывать и хорошія басни; то вѣрно стóитъ труда послушать,
B. что находится на землѣ поднебесной.—О, конечно, Сократъ; мы съ удовольствіемъ выслушали бы это сказаніе, примолвилъ Симміасъ. — Говорятъ, другъ мой, продолжалъ Сократъ, во-первыхъ, что эта самая земля, если смотрѣть на нее сверху, походитъ на двѣнадцатигранный [2] кожаный мячь,

---

[1] *Вездѣ, гдѣ есть земля.*—Поэтому Сократъ долженъ былъ полагать, что въ морѣ земля—не вездѣ, что по мѣстамъ есть бездонныя массы водъ.

[2] По примѣру Пиѳагорейцевъ, Платонъ природу вещей въ ихъ образахъ и явленіяхъ опредѣлялъ геометрическими фигурами и, между прочимъ, міръ уподоблялъ двѣнадцатистороннику, землю — кубу, огонь — пирамидѣ, и т. д. *Iambl.* vit. Pythag. § 8.

раскрашенный цвѣтами, которыхъ образчики суть цвѣта,
употребляемые живописцами; только тамъ изъ подобныхъ,
даже изъ гораздо прелестнѣйшихъ и чистѣйшихъ цвѣтовъ C.
состоитъ вся земля. Тамъ иная часть ея пурпуровая, кра-
соты удивительной, иная златовидная, а иная такъ бѣла,
что бѣлѣе гипса и снѣга. Есть на ней и другіе цвѣта,
притомъ въ гораздо бо́льшемъ количествѣ и превосходнѣе
тѣхъ, какіе мы видали. Да и самыя эти впадины ея,
полныя воды и воздуха, блистаютъ какою-то пестротою D.
цвѣтовъ; такъ что въ единствѣ ея вида является непре-
рывное разнообразіе. Если же такова земля; то аналоги-
чески таковы на ней и растенія, то-есть деревья, цвѣты,
плоды, таковы на ней и горы, таковы, по своей гладко-
сти, прозрачности и отличной цвѣтности, самые камни, —
и ихъ-то частицы суть любимые у насъ камешки: сердоликъ,
яспись, смарагдъ и другіе подобные. Тамъ нѣтъ ничего,
что̀ было бы хуже ихъ: напротивъ все гораздо лучше,—и E.
причина та, что тѣ камни чисты, не изъѣдены и не по-
вреждены, какъ здѣшніе, отъ гнили, отъ соли и отъ все-
го, что́ сюда стекается, и что камнямъ, землѣ, живот-
нымъ и растеніямъ сообщаетъ безобразіе и болѣзни. Укра- 111.
шаясь всѣмъ этимъ, та земля украшается еще золотомъ,
серебромъ и иными подобными вещами. Тамъ раждается
этого очень много, въ большихъ массахъ и по всей зем-
лѣ, отчего она представляетъ зрѣлище, достойное созер-
цателей блаженныхъ. На той землѣ есть множество и
прочихъ животныхъ, есть и люди, изъ которыхъ одни
обитаютъ въ средоземліи, другіе около воздуха, какъ мы—
около моря, а иные на островахъ, лежащихъ близь твер-
дой земли и окруженныхъ воздухомъ. Однимъ словомъ:
что у насъ вода и море для нашего употребленія, то у
нихъ воздухъ; а что у насъ воздухъ, то у нихъ эѳиръ. B.
Времена же года такъ уравновѣшены, что тѣ люди не
подвергаются болѣзнямъ, живутъ гораздо долѣе, нежели
здѣшніе, и во столько выше насъ зрѣніемъ, слухомъ, обо-

няніемъ и прочими чувствами, во сколько воздухъ чище
воды, а эѳиръ чище воздуха. Есть у нихъ также кумиры
и храмы боговъ, и въ этихъ храмахъ существенно обита-
C. ютъ боги, бываютъ божественныя изреченія, предсказа-
нія, видѣнія и обращенія людей съ богами. А солнце,
луну и звѣзды видятъ они въ самой ихъ природѣ и со-
образно съ этимъ наслаждаются всякимъ другимъ блажен-
ствомъ. Такъ-то все на той землѣ и около той земли!
Соразмѣрно съ числомъ ея впадинъ, на ней кругомъ мно-
го мѣстъ,—то болѣе глубокихъ и отверзтыхъ, нежели на
обитаемой нами, то хотя и глубокихъ, но имѣющихъ мень-
шія, въ сравненіи съ нашими, ущелія; а есть мѣста и не
D. столь глубокія, какъ здѣсь, за то обширнѣйшія. Всѣ они
подъ землею соединены многими узкими или широкими
прокопами и приведены въ сообщеніе посредствомъ кана-
ловъ, которыми обильныя воды льются изъ однихъ въ
другія, какъ въ чаши. Подъ землею есть также необо-
зримое множество вѣчно текущихъ рѣкъ воды теплой и
холодной; есть много и огня, — великія огненныя рѣки,
много рѣкъ и болотистыхъ, то болѣе чистыхъ, то болѣе
E. грязныхъ, какъ въ Сициліи рѣки грязи [1], предшествующія
огненному потоку, и самый потокъ. Ими наполняется каж-
дое мѣсто, и каждому по временамъ случается испыты-
вать ихъ разливы. Все это движется вверхъ и внизъ,
какъ будто въ землѣ есть какое-то качаніе. Не происхо-
дитъ ли оно отъ слѣдующей причины? Одно изъ ущелій
земли особенно велико и прокопано насквозь чрезъ всю
112. землю — то самое, о которомъ упоминаетъ Омиръ [2], го-
воря:

Въ даль необъятную, гдѣ подъ землей глубочайшая бездна,

и которое въ различныхъ мѣстахъ, какъ онъ, такъ и мно-

---

[1] Явно, что здѣсь говорится объ изверженіяхъ Этны и о потокахъ извергаемой ею лавы.

[2] Указывается на мѣсто Иліады въ книгѣ осьмой ст. 13.

гіе другіе поэты называютъ тартаромъ. Въ это именно ущелье вливаются и изъ него опять выливаются всѣ рѣки. Причемъ каждая становится такою, какова земля, по которой она течетъ. Причина же, почему всѣ рѣки отсюда вытекаютъ и сюда стекаются, состоитъ въ томъ, что эта B. жидкость не имѣетъ ни дна, ни опоры, и потому находится въ состояніи качанія и поднимается вверхъ и внизъ. То же дѣлаютъ вокругъ ея самый воздухъ и вѣтеръ; ибо и они слѣдуютъ за нею. Когда вода стремится сперва къ одной, потомъ къ другой земной оконечности; тогда, какъ дышущіе всегда выдыхаютъ и вдыхаютъ въ себя потокъ воздуха, такъ и тамъ воздухъ, увлекаемый качаніемъ воды, при входѣ и выходѣ, производитъ ужасные, необоримые вѣтры. Доходя въ своемъ стремленіи до мѣста, называющагося C. нижнимъ, вода разливается по рѣкамъ, текущимъ извнутри земли и наполняетъ ихъ, подобно наливальщикамъ, а убѣгая оттуда и притекая сюда, опять обогащаетъ здѣшніе потоки, которые отъ избытка водъ вливаются и въ каналы, и въ землю, и, достигнувъ до извѣстныхъ мѣстъ по принятому направленію, образуютъ моря, озера, рѣки и источники. Отсюда уже, обращаясь подъ землю, по совершеніи путей—то должайшихъ и большихъ, то кратчайшихъ и меньшихъ, потоки снова изливаются въ тартаръ — одни D. очень низко, въ сравненіи съ истокомъ, другіе не такъ; впрочемъ устья всѣхъ ихъ вообще ниже истока. Притомъ нѣкоторые изъ нихъ вытекаютъ со стороны противоположной своему впаденію, а нѣкоторые съ той же. Есть и такіе, которые, трижды или много разъ обошедши вокругъ земли и обивши ее змѣеобразно, опускаются до крайней возможной глубины, и потомъ опять вливаются. Возможно же этимъ водамъ достигнуть лишь средоточія земли съ той E. и другой стороны, а далѣе стремиться онѣ не могутъ; потому что вода, откуда бы ни втекала, за средоточіемъ непремѣнно пойдетъ уже вверхъ. Такихъ-то водныхъ потоковъ много — и великихъ, и различныхъ: но между мно-

гими есть еще четыре особенные. Изъ этихъ четырехъ самый большой и снаружи обтекающій землю есть такъ называемый океанъ. Прямо противъ него, въ противуположномъ направленіи, течетъ Ахеронъ, пробѣгающій по пустыннымъ мѣстамъ, а потомъ уходящій подъ землю и
113. изливающійся въ озеро Ахерусію, куда приходятъ души многихъ умершихъ, и гдѣ нѣкоторыя изъ нихъ останавливаются на предопредѣленное время—то должайшее, то кратчайшее, а потомъ посылаются опять въ порожденія животныхъ. Третья рѣка выходитъ среди ихъ и, недалеко отъ истока, вступивъ въ большое пространство, горящее великимъ пламенемъ, образуетъ озеро обширнѣе нашего [1] моря, кипящее водою и грязью. Оттуда, мутная и грязная,
B. совершаетъ она свой кругъ, обходитъ различныя мѣста и достигаетъ до послѣднихъ предѣловъ Ахерусіи, но не смѣшиваетъ съ нею водъ своихъ. Наконецъ, сдѣлавъ много изворотовъ подъ землею, она изливается въ самыя низкія мѣста тартара. Эту-то рѣку называютъ Пирифлегетономъ, и изъ нея-то огненные потоки, иногда появляющіеся на землѣ, заимствуютъ свое вещество. Прямо противъ нея выходитъ четвертая и направляется сперва въ мѣсто, какъ
C. говорятъ, страшное и дикое. Она имѣетъ вполнѣ цвѣтъ сафира и называется Стигійскою, а озеро, образуемое ею при впаденіи,—Стиксомъ. Впадая въ него и обладая чрезвычайною силою своей воды, она течетъ подъ землю, изворачиваясь, идетъ противъ Пирифлегетона и встрѣчается съ нимъ въ Ахерусіи. Ея вода не смѣшивается также ни съ какою другою, но, совершивъ свой кругъ, вливается въ тартаръ противъ Пирифлегетона. Поэты даютъ ей имя Ко-
D. цита. При такомъ устройствѣ преисподней, умершіе приходятъ на мѣсто, куда каждаго ведетъ духъ, и прежде всего подвергаются суду, кто изъ нихъ жилъ хорошо и свято, кто нѣтъ. Тѣ, которыхъ жизнь оказывается посредствен-

---

[1] Средиземнаго.

ною, идутъ къ Ахерону и, сѣвъ на колесницы, какія у кого есть, отправляются на нихъ къ озеру. Тамъ они обитаютъ и очищаются и, вытерпѣвъ наказаніе за свои неправды, становятся свободными отъ проступковъ, а за сдѣ- E.
ланное добро по заслугамъ получаютъ награду. Людей же, по великости грѣховъ оказавшихся неисцѣлимыми, либо многократно осквернившихъ себя важными святохищеніями, либо совершившихъ многія неправедныя и беззаконныя убійства, либо сдѣлавшихъ что-нибудь иное тому подобное,— этихъ людей судьба, приведши, бросаетъ въ тартаръ, откуда они уже не выходятъ. Но люди, совершившіе грѣхи, хотя и исцѣлимые, однакожъ великіе, напримѣръ, въ гнѣвѣ сдѣлавшіе насиліе отцу, либо матери, и прожившіе остальную жизнь въ раскаяніи, или понесшіе пятно человѣко- 114.
убійства какимъ-нибудь другимъ образомъ,—эти люди необходимо-таки низвергаются въ тартаръ; только по прошествіи годичнаго времени ихъ тамъ пребыванія, волна выбрасываетъ человѣкоубійцъ въ Коцитъ, а согрѣшившихъ противъ родителей—въ Пирифлегетонъ. И когда они приносимы бываютъ въ озеро Ахерусію, тогда кричатъ и зовутъ—одни тѣхъ, кого убили, другіе тѣхъ, кого оскорбили; призвавъ же, просятъ и умоляютъ, чтобы они соизволили войти къ нимъ въ озеро и приняли ихъ. И если убѣдятъ, то B.
выходятъ и избавляются отъ золъ; а когда нѣтъ, — опять уносятся въ тартаръ и изъ тартара снова въ рѣки,—и эти страданія ихъ могутъ прекратиться только по смягченіи обиженныхъ. Такое ужъ наказаніе опредѣлено имъ судіями. Напротивъ люди, по святости жизни, оказавшіеся отличными, освобождаются отъ этихъ подземныхъ мѣстъ, какъ изъ темницы, прибываютъ въ жилище чистое и обитаютъ C.
надъ землею. Впрочемъ и между ними, лишь души, достаточно очистившіяся философіею, живутъ вовсе безъ тѣлъ во всю вѣчность и вселяются въ жилища прекраснѣе земныхъ,—въ такія жилища, какія теперь изобразить и не легко и некогда. Такъ вотъ по той-то, сейчасъ нами раскры-

той причинѣ, Симміасъ, надобно употребить всѣ способы, чтобы сдѣлаться въ жизни добродѣтельнымъ и разумнымъ:
D. хороша вѣдь награда и велика надежда. Конечно, утверждать рѣшительно, что все это произойдетъ не иначе, какъ я разсказалъ, человѣку умному не годится: но что, касательно нашихъ душъ и ихъ жилища, будетъ нѣчто такое или тому подобное,—въ то вѣрить, при явномъ безсмертіи души, кажется, и слѣдуетъ, и можно рѣшиться; ибо эта рѣшимость прекрасна, и ею надобно какъ бы обаять себя. Потому-то я и распространился въ расказѣ объ этомъ миѳѣ. А когда такъ, то человѣкъ долженъ быть спокоенъ за
E. свою душу, если въ жизни онъ распростился съ нѣкоторыми удовольствіями и украшеніями тѣла, будто съ вещами себѣ чуждыми и приносящими больше вредъ. Стараясь искать удовольствія въ познаніи, и украшая душу не чуждыми, но дѣйствительно ей свойственными украшеніями, то-есть, здравомысліемъ, справедливостію, мужествомъ, сво-
115. бодою и истиною, онъ ждетъ путешествія въ преисподнюю и готовъ идти туда по зову судьбы. Вотъ и вы, Симміасъ и Кевисъ, продолжалъ онъ, и всѣ другіе, какъ-нибудь и когда-нибудь отойдете: а меня теперь же зоветъ судьба, сказалъ бы трагикъ, и мнѣ почти пора уже приступить къ омовенію; ибо выпить ядъ, кажется, лучше, вымывшись, чтобы не доводить женщинъ до труда омывать умершаго.

Когда онъ сказалъ это, Критонъ примолвилъ: пусть
B. такъ, Сократъ; но что поручишь ты имъ или мнѣ касательно своихъ дѣтей, либо чего другаго? Поручи какое-нибудь дѣло, которое исполнивъ, мы могли бы тѣмъ выразить тебѣ благодарность.— Говорю то же самое, Критонъ, что́ всегда: ничего новаго, отвѣчалъ онъ. Если вы будете заботиться о себѣ, то что бы ни сдѣлали, сдѣлаете добро и для меня, и для моихъ, и для васъ самихъ, хотя бы теперь и не обѣщались: а когда вознерадите о себѣ и не захотите жить по сказаннымъ нынѣ и въ прежнее время словамъ моимъ, — будто ходить по

проложенной стезѣ; то, хотя бы теперь многое и съ увѣ- C.
ренностію обѣщали, ничего не сдѣлаете.—Мы вѣрно бу-
демъ такъ поступать, продолжалъ Критонъ: но какимъ
образомъ похоронить тебя? — Какимъ вамъ угодно, если
только схватите меня, и я не убѣгу отъ васъ. Тутъ слегка
засмѣявшись и взглянувъ на насъ, онъ сказалъ: не вѣ-
ритъ мнѣ Критонъ, друзья, что настоящій Сократъ—тотъ,
который теперь разговариваетъ и поставляетъ въ порядкѣ
каждое свое слово, а не тотъ, котораго онъ скоро уви-
дитъ мертвымъ, и спрашиваетъ, какъ меня похоронить. D.
Видно, говоря такъ долго, что, выпивши ядъ, я не оста-
нусь съ вами, но отойду къ счастливой жизни блажен-
ныхъ,—видно, эти мои слова, по его мнѣнію, сказаны
были только для утѣшенія васъ и меня. Дайте же за
меня Критону ручательство, противное тому, какое онъ
далъ моимъ судьямъ. Онъ поручился, что я останусь, а
вы поручитесь, что послѣ смерти не останусь, но уйду:
тогда ему будетъ легче перенесть это; тогда, видя мое E.
тѣло сожигаемымъ или закапываемымъ, онъ устыдится
своей скорби, какъ будто я потерпѣлъ нѣчто жестокое,
и при погребеніи не скажетъ, что кладетъ, выноситъ и
погребаетъ Сократа. Да, знай, добрый Критонъ, продол-
жалъ Сократъ, что нехорошее объ этомъ слово нетолько
унизительно для самаго дѣла, но и вредно для душъ.
Нѣтъ, надобно быть спокойнымъ и говорить, что ты погре-
баешь мое тѣло; и погребай, какъ тебѣ угодно, особенно 116.
же какъ думаешь совершить это согласнѣе съ закономъ.

Сказавъ такимъ образомъ, онъ всталъ и пошелъ въ
другую комнату мыться. Критонъ послѣдовалъ за нимъ,
а намъ приказано остаться. Оставшись, мы разговарива-
ли между собою о сказанномъ, возобновляли въ памяти
бывшее разсужденіе и наконецъ, пришедши къ мысли о
предстоявшемъ намъ несчастіи, живо вообразили себѣ,
что, лишившись Сократа, будто отца, мы въ дальнѣйшей
своей жизни будемъ сиротами. Едва онъ омылся, какъ B.

принесли къ нему дѣтей,—у него было два маленькихъ
сына, да одинъ большой, — и пришли домашнія женщи-
ны [1]. Поговоривъ съ ними въ присутствіи Критона и
давъ имъ наставленіе, какое хотѣлъ, онъ приказалъ уда-
литься и женщинамъ, и дѣтямъ, а самъ вошелъ къ намъ.
Между тѣмъ приближалось захожденіе солнца; ибо онъ
долго оставался во внутренней комнатѣ. Вошедши, онъ
сѣлъ омытый, и тутъ уже разговаривалъ немного. Потомъ
пришелъ приставъ одиннадцати судей и, ставъ предъ нимъ,
C. сказалъ: Сакратъ! на тебя конечно я не буду жаловать-
ся, какъ жалуюсь на другихъ, которые бранятъ меня и
проклинаютъ, когда я, по приказанію судей, объявляю
имъ, что надобно выпить ядъ. Въ продолженіи этого време-
ни я и вообще узналъ тебя, какъ человѣка благороднѣй-
шаго, кротчайшаго и добрѣйшаго изъ всѣхъ, какіе когда-
нибудь сюда приходили, а теперь еще яснѣе вижу, что ты
будешь досадовать не на меня,—ибо знаешь виноватыхъ,
—а на нихъ. Итакъ ты конечно догадываешься, съ какою
вѣстію я пришелъ къ тебѣ: будь счастливъ и постарайся
D. подвергнуться необходимости. При этихъ словахъ онъ запла-
калъ и, повернувшись, ушелъ. А Сократъ, взглянувъ на него,
сказалъ: будь счастливъ и ты, и мы тоже будемъ. Потомъ, об-
ратившись, примолвилъ: какой обходительный человѣкъ! онъ
во все это время прихаживалъ ко мнѣ и иногда разговаривалъ;
человѣкъ очень добрый! вотъ и теперь искренно оплакиваетъ
меня. Ну-ка послушаемся его, Критонъ: пусть кто-нибудь
принесетъ ядъ, если онъ стертъ; а если нѣтъ, то пусть
сотрутъ [2].—Но я думаю, Сократъ, сказалъ Критонъ, что
E. на вершинахъ горъ солнце еще свѣтитъ, не закатилось.

---

[1] Нѣкоторые критики, основываясь на этомъ мѣстѣ, не въ шутку доказывали, что у Сократа было двѣ жены: Ксантиппа и Миртона. Они подтверждали свое мнѣніе значеніемъ слова γυνή, будто бы, то-есть, оно означаетъ не женщину, а жену: — явная ложь. Притомъ здѣсь упоминаются не αὐτοῦ γυναῖκες, а οἰκεῖαι γυναῖκες, то-есть домашнія женщины.

[2] Ядъ добываемъ былъ изъ сѣмянъ цикуты, которыя для этого растились и давали убійственный сокъ.

Притомъ знаю, что другіе, по выслушаніи объявленія,
выпивали ядъ очень поздно, ибо много ѣли и долго пирова-
ли; а иные даже удовлетворяли сладострастнымъ своимъ поже-
ланіямъ съ бывшими у нихъ любезными. Такъ не спѣши,—
время еще позволяетъ. —Тѣ, о которыхъ ты говоришь,
Критонъ, сказалъ Сократъ, по крайней мѣрѣ не безъ при-
чины такъ поступали; въ этихъ дѣйствіяхъ они думали
найти свою пользу: напротивъ я не имѣю причины по-
ступить такимъ образомъ; потому что, принявъ ядъ нѣ-
сколько позднѣе, ничего не выиграю, а только буду смѣ- 117.
шонъ самому себѣ, то-есть, буду привязываться къ жиз-
ни и беречь ее, когда она для меня ничто. Такъ послушай-
ся же, сдѣлай, что я говорю.—Выслушавъ это, Критонъ
далъ знакъ близъ стоявшему мальчику. Мальчикъ вышелъ и
чрезъ нѣсколько времени возвратился, ведя за собою че-
ловѣка, долженствовавшаго дать ядъ и державшаго къ рукѣ
чашу. Увидѣвъ его, Сократъ сказалъ: хорошо, добрый
человѣкъ; что же мнѣ надобно дѣлать? ты вѣдь знатокъ
этого.—Болѣе ничего, отвѣчалъ онъ, какъ выпить и хо-
дить, пока не почувствуешь тяжести въ ногахъ; потомъ B.
лечь: такъ и будетъ дѣйствіе,—и тутъ же подалъ Сократу
чашу. Сократъ принялъ ее съ видомъ чрезвычайно спо-
койнымъ, безъ трепета, не измѣнившись ни въ цвѣтѣ, ни
въ лицѣ; только, по обыкновенію, взглянувъ изподлобья
на этого человѣка, спросилъ: что ты скажешь? сдѣлать
бы отъ этого напитка кому-нибудь возліяніе; можно или
нѣтъ?—Мы столько стерли, Сократъ, сколько надобно вы-
пить, отвѣчалъ онъ.—Понимаю, примолвилъ Сократъ; по C.
краней мѣрѣ вѣдь молить боговъ о благополучномъ пере-
селеніи отсюда туда и позволительно и должно: такъ вотъ
я и молюсь, чтобы такъ было. Сказавъ это, онъ въ ту же
минуту поднесъ чашу къ устамъ и безъ всякаго принуж-
денія, весьма легко выпилъ ее. До этой минуты многіе
изъ насъ имѣли довольно силы удерживаться отъ слезъ;
но когда мы увидѣли, что онъ пьетъ и выпилъ, то уже

нѣтъ: даже у меня самаго насильно и ручьями полились
слезы; такъ что я закрылся плащемъ и оплакивалъ свою
участь, — да, именно свою, а не его, потому что лишал-
ся такого друга. Что же касается до Критона, то, не мог-
ши удержать слезъ, онъ всталъ еще прежде меня. А Апол-
лодоръ и прежде не переставалъ плакать; но тутъ уже за-
рыдалъ, завопилъ и такъ терзался, что никто изъ при-
сутствовавшихъ, кромѣ одного Сократа, не могъ не сокру-
шаться его страданіями.—Что вы дѣлаете, странные люди?
сказалъ онъ. Я для того между прочимъ отослалъ жен-
щинъ, чтобы онѣ не произвели чего-нибудь подобнаго; ибо
E. слыхалъ, что умирать надобно съ добрымъ словомъ. По-
жалуйста успокойтесь и удержитесь.—Услышавъ это, мы
устыдились и удержали сзезы; а онъ ходилъ и, почувство-
вавъ, что его ноги отяжелѣли, легъ навзничь,—такъ при-
казалъ тотъ человѣкъ. Вскорѣ онъ же, давшій ядъ, ощупы-
вая Сократа, по временамъ наблюдалъ его ноги и голени и
наконецъ, сильно подавивши ногу, спросилъ: чувствуешь
ли?—Нѣтъ, отвѣчалъ Сократъ. — Вслѣдъ за этимъ ощу-
118. пывалъ онъ бедра и, такимъ образомъ восходя выше, пока-
зывалъ намъ, какъ онъ постепенно холодѣетъ и окосте-
нѣваетъ. Сократъ осязалъ и самъ себя и примолвилъ,
что когда дойдетъ ему до сердца, — онъ отойдетъ. Между
тѣмъ всѣ нижнія части тѣла его уже охолодѣли; тогда,
раскрывшись (ибо былъ покрытъ), онъ сказалъ (это были
послѣднія слова его): Критонъ! мы должны Асклепію
пѣтухомъ; не забудьте же отдать.—Хорошо, сдѣлаемъ,
отвѣчалъ Критонъ; но смотри, не прикажешь ли чего дру-
гаго?—На эти слова уже не было отвѣта; только, немного
спустя, онъ вздрогнулъ, и тотъ человѣкъ открылъ его:
уста и глаза остановились. Видя это, Критонъ закрылъ ихъ.

Таковъ былъ конецъ нашего друга, Эхекратъ, — человѣка, можно сказать, самаго лучшаго, какъ между известными намъ его современниками, такъ и вообще мудрѣйшаго и справедливаго.

МЕНОНЪ.

МЕНОНЪ.

ВВЕДЕНІЕ.

Главная тема Менона ничѣмъ не отличается отъ вопроса, разрѣшаемаго въ Протагорѣ. Какъ здѣсь, такъ и тамъ предметъ изслѣдованія—добродѣтель, то-есть, изучается ли она, или получается отъ природы. Поэтому вѣроятно покажется страннымъ, что я не поставилъ Менона въ непосредственную связь съ Протагоромъ, или по крайней мѣрѣ Эвтидемомъ, но между этими разговорами помѣстилъ Лахеса, Хармида, Эвтифрона и проч., въ которыхъ разсматриваются только виды добродѣтели. Вотъ мое основаніе: въ Протагорѣ Платонъ не высказалъ послѣдняго результата, откуда и какимъ образомъ пріобрѣтается добродѣтель; цѣль его тамъ была—не научить, а обличить софиста въ незнаніи того самаго предмета, по отношенію къ которому онъ почиталъ себя мудрецомъ и лучшимъ изъ всѣхъ преподавателемъ. Въ томъ же намѣреніи изложенъ разговоръ Сократа съ Лахесомъ и Никіасомъ о мужествѣ, съ Хармидомъ и Критіасомъ—о разсудительности, съ Эвтифрономъ—о святости, съ Иппіасомъ—о справедливости. Во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ не видно прямаго указанія на положительную мысль сына Софронискова: къ ней ведутъ только намеки; ее обличаетъ только умозаключеніе. Напротивъ въ Менонѣ, послѣ долговременной борьбы съ ученикомъ Горгіаса, и по опроверженіи софистическихъ его понятій о

о существѣ и происхожденіи добродѣтели, Сократъ довольно опредѣленно высказываетъ и собственную свою мысль о ней. Посему на Менона должно смотрѣть, какъ на заключеніе Сократовой иѳики, какъ на окончательное раскрытіе нравственности, которую аѳинскій мудрецъ столь неутомимо преподавалъ своимъ соотечественникамъ. Притомъ нельзя не замѣтить, что въ Менонѣ къ ученію Сократа Платонъ уже привилъ нѣсколько и своихъ собственныхъ идей, которыми этотъ разговоръ поставляется въ отношеніе къ Федону, Федру, Горгіасу и Теэтету. Такъ напримѣръ, ученіе о познаніи въ смыслѣ припоминанія вещей, которыя душа видѣла въ до-мірномъ своемъ существованіи, очевидно объясняется исторіею человѣческаго духа, миѳически изложенною въ Федрѣ; а математическія понятія о фигурѣ, физіологическіе толки Эмпедокла о чувственныхъ представленіяхъ, и мысль о правильномъ мнѣніи, указываютъ на основанія въ Теэтетѣ и Горгіасѣ. Впрочемъ общее всегда позволительно предпочитать частному: общая тема Менона даетъ ему большее право на связь съ Протагоромъ, нежели нѣкоторыя частныя мысли — на сближеніе съ этими послѣдними разговорами.

Приступая къ разбору этого сочиненія, мы прежде всего видимъ, что въ немъ нѣтъ обыкновеннаго въ Платоновыхъ разговорахъ вступленія, въ которомъ нашъ философъ драмматически излагаетъ всѣ обстоятельства, предуготовляющія къ изслѣдованію извѣстнаго предмета. Здѣсь бесѣда начинается вдругъ вопросомъ: «скажи мнѣ, Сократъ, можно ли изучать добродѣтель? или она не изучается, а пріобрѣтается подвигами? или—и не изучается и не пріобрѣтается подвигами, а получается отъ природы?» Такое нечаянное, не приготовленное начало заставляло нѣкоторыхъ критиковъ сомнѣваться въ подлинности Менона. Это сомнѣніе, по видимому, тѣмъ основательнѣе, чѣмъ нужнѣе было бы здѣсь вступленіе. Потребность его становится ощутительною особенно въ томъ случаѣ, когда Сократъ вдругъ обращается къ новому собесѣднику, Аниту, о присутствіи, или прибытіи котораго

прежде было вовсе неизвѣстно, если не на это указывается словами: *εἰς καλὸν ἡμῖν Ἄνυτος ὅδε παρεκαθέζετο.* Но одного недостатка драмматическаго вступленія, по нашему мнѣнію, еще нельзя почитать признакомъ подложности разговора— во-первыхъ потому, что и другія нѣкоторыя бесѣды Платона, въ подлинности которыхъ никто не сомнѣвался, оставлены также безъ вступленій, каковы, напримѣръ, Кратилъ и Филебъ; во-вторыхъ потому, что недостатокъ приступа можетъ только приводить къ вопросу, вполнѣ ли извѣстный разговоръ дошелъ до насъ, не былъ ли онъ отрывкомъ иного, болѣе обширнаго сочиненія, которое впослѣдствіи потерялось, или, не входилъ ли онъ въ какую-нибудь тетралогію Платоновыхъ разговоровъ.

Сомнѣвались также и касательно главной темы Менона: спрашивали, что именно изслѣдывается въ немъ,—то ли, какъ надобно понимать добродѣтель, или то, какимъ образомъ она пріобрѣтается? Это недоумѣніе основывалось на самомъ ходѣ разсматриваемой бесѣды. Она естественно дѣлится на четыре части.

Первая часть начинается вопросомъ Менона: можно ли изучать добродѣтель, или надобно почитать ее даромъ природы? А такъ какъ, для рѣшенія его, по замѣчанію Сократа, нужно напередъ знать, что должно разумѣть подъ именемъ добродѣтели; то Менонъ старается опредѣлить ее, и однакожъ никакъ не можетъ всѣ виды ея подвесть подъ одинъ родъ. Вотъ его опредѣленія:

a. Всякому возрасту, полу и состоянію прилична своя добродѣтель; а потому понятія о добродѣтели относительно различны: но Сократъ требуетъ одного общаго. 70—73.

b. Добродѣтель есть умѣнье управлять людьми: но Сократъ замѣчаетъ, что дѣти и рабы поэтому не могутъ быть добродѣтельны. Притомъ, чтобы умѣнье управлять было добродѣтелію, надобно представлять себѣ управленіе справедливое; а справедливость есть только часть добродѣтели. 74—76.

c. Быть добродѣтельнымъ значитъ—радоваться хорошему и имѣть для него способность: но Сократъ доказываетъ, что всякій радуется хорошему, хотя бы кто находилъ хорошее въ дѣятельности совершенно злой; а потому людей злыхъ нѣтъ,—всѣ добрые. Притомъ радоваться хорошему можно справедливо или несправедливо, разсудительно или неразсудительно; а это значитъ—имѣть дѣло не съ добродѣтелію, но съ частію добродѣтели. 77—79.

Послѣ этого Менонъ прибѣгаетъ подъ защиту извѣстнаго въ древности софизма, что опредѣлять нельзя ни того, что знаешь, ни того, чего не знаешь.

Во второй части Сократъ доказываетъ Менону, что неизвѣстное общее можно опредѣлять посредствомъ предварительнаго возбужденія частныхъ познаній (ἐνῆσαν αὐτῷ αἱ δόξαι); потому что всякое познаніе есть не болѣе, какъ припоминаніе вещей, видѣнныхъ душею во время до-мірнаго ея существованія. Это доказательство производится посредствомъ возбужденія геометрическихъ понятій въ мальчикѣ, который никогда не учился геометріи. 80 — 86.

Въ третьей части Сократъ, на принятой мысли, что общее понятіе о добродѣтели, какъ припоминаніе, для человѣка возможно, хочетъ изслѣдовать вмѣстѣ съ Менономъ, какъ надобно понимать добродѣтель: но ученикъ Горгіаса требуетъ рѣшенія прежняго вопроса и, вмѣсто необходимаго въ этомъ случаѣ основанія, соглашается допустить только предположеніе, что добродѣтель есть знаніе. Изъ этого предположенія очевидно вытекаетъ ея изучимость [1]: но Сократъ опровергаетъ слѣдствіе тѣмъ, что нѣтъ учителей добродѣтели; такъ что наконецъ добродѣтель представляется и не даромъ природы, поколику она есть знаніе, и не плодомъ науки,

[1] Считаемъ нужнымъ замѣтить, что выводя изучимость добродѣтели изъ понятія о ней, какъ о знаніи, Сократъ отнюдь не излагаетъ собственнаго мнѣнія, а приспособляется къ убѣжденію софистовъ, и дѣлаетъ это для того, чтобы на ихъ же основаніяхъ показать независимость добродѣтели отъ природы.

поколику ни одинъ добродѣтельный человѣкъ не въ силахъ передать ее другому. 87—96.

Въ четвертой части Сократъ находитъ другое предположеніе для рѣшенія Меноновой задачи. Добродѣтель, говоритъ онъ, есть нетолько знаніе, но и справедливое мнѣніе; потому что послѣднее точно такъ же руководствуетъ къ совершенію добрыхъ дѣлъ, какъ и первое. Но знаніе, само по себѣ, не даетъ добродѣтели; а справедливое мнѣніе, припоминаемое душею (85. С), само по себѣ походитъ на прорицаніе мужей богодухновенныхъ, которые говорятъ много истиннаго, не зная того, что говорятъ. Посему добродѣтель и не изучается, и не есть даръ природы, а посылается отъ Бога. Вотъ что вытекаетъ изъ настоящихъ оснований! заключаетъ Сократъ: но ясно мы узнаемъ это тогда, когда оснуемъ свою мысль о происхожденіи добродѣтели не на предполагаемомъ понятіи о ней, а на изслѣдованіи сущности ея. 97—100.

Изъ такого хода разговора ясно открывается, что метода его изложенія—аналитическая; то-есть, Платонъ старается рѣшить предложенный вопросъ на основаніи вѣрнаго понятія объ изслѣдываемомъ предметѣ. Посему критики, доказывавшіе, что въ Менонѣ главное вниманіе писателя обращено было на опредѣленіе добродѣтели,—очевидно принимали основаніе за слѣдствіе и давали особенный вѣсъ не тому, для чего что изслѣдывается, а тому, о чемъ большею частію говорится.

Изъ такой ошибки сама собою проистекла и другая: Арнольдъ и Штальбомъ доказываютъ, что слово Платона о добродѣтели, какъ дарѣ Божіемъ, надобно принимать въ смыслѣ ироническомъ, и что послѣдняго результата, что такое добродѣтель, Платонъ въ своемъ Менонѣ не высказалъ; а Астъ, испугавшись мысли Сократа о божественномъ ея происхожденіи, и думая, будто сынъ Софрониска противорѣчитъ этому положенію въ Протагорѣ, равно какъ показаніямъ Ксенофонта и Аристотеля, относитъ Менона къ числу сочиненій подложныхъ.

Мы имѣемъ причины не допускать ни того, ни другаго

заключенія. И во-первыхъ, изъ представленія истинно добрыхъ дѣлъ, совершаемыхъ политиками по одному правильному мнѣнію, Сократъ такъ прямо и опредѣленно выводитъ слѣдствіе, что добродѣтель достается людямъ θεία μοίρα, ἄνευ νοῦ, что тутъ не можетъ быть мѣста ироніи. Платонъ допускалъ добродѣтели юридическія и, для совершенія ихъ, признавалъ достаточными законы отечества, образованіе, науку; но подъ этимъ отнюдь не разумѣлъ онъ добродѣтели нравственной, тожественной съ мудростію: первыя онъ почиталъ только полезными, послѣднюю—добромъ, и обыкновенно заключалъ, что все доброе полезно, но не все полезное—добро. И такъ, если политикъ производитъ истинное добро, если онъ въ самомъ дѣлѣ мудрецъ; то своимъ добромъ обязанъ и не природѣ, и не наукѣ, а внушенію Божію. Эта самая мысль повторяется во многихъ мѣстахъ Платоновыхъ сочиненій, напримѣръ, въ Политикѣ (p. 309. C): «истинно и непреложно мнѣніе, что прекрасное, справедливое и доброе, входя въ души, въ родѣ, причастномъ Божеству, бываетъ божественнымъ;» и въ Государствѣ (p. 493 A): «надобно твердо помнить, что кто соблюдалъ себя и остался, какимъ должно, въ подобномъ состояніи общества; тотъ успѣлъ въ этомъ по жребію божественному.» Положеніе, что въ Менонѣ Сократъ не иронически, а серьезно производитъ добродѣтель отъ Бога, весьма сильно поддерживается также Фюллеборномъ [1], Фишеромъ [2], и Тидеманомъ [3].

Но что сказать противъ основаній Аста? — только то, что онъ, подобно многимъ своимъ соотечественникамъ [4], неправильно понимаетъ значеніе разумности (φρόνησις), поколику Сократъ разумѣетъ подъ нимъ добродѣтель. Въ введеніи къ

---

[1] Symbolae ad histor. phil. P. X. p. 143 sqq.

[2] Ad Aeschin. Socrat. p. 21.

[3] Argumenta diall. Plat. p. 129.

[4] Брандисъ (Musei Rhenani vol. 1. p. 131) говоритъ: tugendhaft handelt, nach Socrates Lehre, wer mit deutlichem zum Begriff gesteigerten Bewussein von der Sittlichkeit und Pflicht und mit Einsicht handelt. На какихъ словахъ Сократа или Платона опирается это, по всему нѣмецкое умствованіе?

Протагору было уже доказано, что, по мнѣнію Сократа, добродѣтель нравственная отнюдь не есть нѣчто изучимое, слѣдовательно не есть и знаніе (ἐπιστήμη). Поэтому въ Менонѣ, производя ее отъ Бога, Платонъ нисколько не противорѣчитъ Сократову убѣжденію, намекнутому въ Протагорѣ. Астъ ссылается на Ксенофонта (Mem. Socr. III. 9): но въ этомъ мѣстѣ говорится, что и справедливость, и всякую другую добродѣтель, Сократъ почиталъ мудростію (σοφία), и кто не имѣетъ мудрости, тотъ не умѣетъ совершить ничего добраго и похвальнаго. Но что такое мудрость, по смыслу Сократа? «Мудрость, говоритъ онъ, есть знаніе наилучшаго» (ἡ τοῦ βελτίστου ἐπιστήμη. Alcib. 145. C); «имя мудрости, мнѣ кажется, есть имя великое, приличествующее одному Богу» (τό μὲν σοφὸν καλεῖν ἔμοιγε μέγα εἶναι δοκεῖ καὶ θεῷ μόνῳ πρέπειν. Phaedr. 278. D); «мудрствуетъ тотъ, кто познаетъ самаго себя» (τὸ ἑαυτὸν γιγνώσκειν, ἐστὶ σωφρονεῖν. Amat. 138. A). Эти выраженія показываютъ, что знаніе, въ смыслѣ мудрости или добродѣтели, по мнѣнію Сократа, не есть теоретическое развитіе ума, обогащающее его различными познаніями [1], а есть гармоническое и сознательное направленіе всѣхъ силъ души,—ума, чувства и воли, къ высочайшей цѣли, которая отразилась въ человѣческомъ существѣ чѣмъ-то божественнымъ, и которая проявляется истинно добрыми дѣлами, или добродѣтелію (φρόνησις).

Отсюда становятся понятны условія, требуемыя греческою ѳикою для совершенія добродѣтели, и указываемыя въ самомъ началѣ Менона,—то-есть, природа, ученіе, подвигъ, φύσει παραγιγνόμενον, διδακτόν, ἀσκητόν, или, по Аристотелю (Polit. VII. 13. c. 12), φύσις, λόγος, ἔθος, иначе: φύσις, μάθησις, ἄσκησις [2]. Софистъ спрашиваетъ Сократа: которое изъ этихъ условій нужно, чтобы произошла добродѣтель?—Сократъ въ концѣ

[1] Эту именно мысль выражаетъ Сократъ, говоря: «а что исполнять правильно дѣла свои нельзя тому, кто неблагоразуменъ, — на это мы, по видимому, напрасно согласились.»

[2] Сравн. *Xenoph.* Mem. Socr. II. 6. 39. III. 9. 1. 2. 3. IV. 1. 3. 4. IV. 22. *Diog. Laert.* V. 18.

разговора выводитъ заключеніе, что ни одно изъ нихъ само по себѣ не достаточно для этой цѣли, что добродѣтель дается Богомъ, что знаніе (ἠμάθησις) и справедливое мнѣніе (ὀρθοδοξία) тогда только могутъ руководствовать къ ней, когда будутъ соединяемы размышленіемъ (λογισμῷ), то-есть, когда справедливое мнѣніе, безотчетно припоминаемое душею, сочетается съ знаніемъ, или войдетъ въ сознаніе. Поэтому Сократовы условія добродѣтели суть—знаніе, справедливое мнѣніе и размышленіе, и послѣднее, какъ союзъ двухъ первыхъ, развивается только въ области философіи.

Изъ этого понятна и цѣль разсматриваемаго разговора. Платонъ вводитъ въ собесѣдованіе съ Сократомъ двухъ мужей, пользовавшихся извѣстностію. Одинъ изъ нихъ, Менонъ Өессаліецъ, другъ Аристиппа и ученикъ Горгіаса, слѣдовательно человѣкъ напитанный началами ученія софистическаго: а если предположимъ, что о немъ именно говорится въ Отступленіи Ксенофонтовомъ; то къ личнымъ его свойствамъ придадимъ еще и безпокойный характеръ. Другой, Анитъ Аөинянинъ, имѣвшій значительное вліяніе на своихъ согражданъ, какъ политикъ. По свидѣтельству Атенея и Діогена Лаерція, онъ былъ тотъ самый, который, вмѣстѣ съ Мелитомъ и Ликономъ, обвинялъ Сократа предъ народомъ и судьями. Каждый изъ этихъ собесѣдниковъ понималъ добродѣтель согласно съ духомъ своего сословія: Менонъ, какъ плодъ науки, знаніе или умѣнье бороться и ладить съ человѣческими страстями; Анитъ, какъ силу, или значимость въ обществѣ, основывающуюся на юридической расчитанности дѣйствій и обнаруживающуюся участіемъ въ дѣлахъ государственныхъ. Но какъ то, такъ и другое понятіе о добродѣтели было далеко ниже истиннаго ея значенія и, распространяясь между людьми, портило ихъ нравы. Поэтому Платонъ въ своемъ Менонѣ имѣлъ цѣлію показать — во-первыхъ превратность софистическихъ понятій о добродѣтели, во-вторыхъ невѣжество и слѣпоту политиковъ даже въ такихъ поступкахъ, которые, по отношенію къ обществу, оказыва-

ются добрыми, и наконецъ зависимость истинной добродѣтели отъ Бога и способъ приближаться къ ней посредствомъ философскаго размышленія.

Остается по возможности опредѣлить время, въ которое Менонъ могъ быть написанъ. Признаками для этого отчасти служатъ: выраженное въ разговорѣ непріязненное отношеніе Анита къ Сократу, угроза перваго послѣднему и упоминаніе о недавней, по видимому, смерти Протагора. Анитъ представляется въ разговорѣ оскорбившимся, когда Сократъ примѣрами знаменитѣйшихъ мужей Греціи доказалъ неизучимость добродѣтели, то-есть безсиліе ихъ передать свою добродѣтель дѣтямъ. Изъ этого видно, что будущій обвинитель Сократа уже считалъ себя между людьми, въ республикѣ значительными, что случилось незадолго до доноса, сдѣланнаго Мелитомъ на сына Софронискова. Слова Анита: «можетъ быть и въ другомъ родѣ легче бываетъ дѣлать людямъ зло, чѣмъ добро, а здѣсь и того болѣе; ты самъ, думаю, знаешь это»—какъ будто указываютъ на Сократовыхъ злоумышленниковъ, даже едва ли не на самаго Мелита. Но съ другой стороны, Сократъ говоритъ съ Анитомъ такъ спокойно и учтиво, что въ послѣднемъ никакъ нельзя видѣть явнаго уже врага его. Все это заставляетъ думать, что Менонъ написанъ или незадолго до Мелитова доноса, или вскорѣ послѣ того. А такъ какъ Сократъ умеръ въ 1, 95 олимп.; то Менонъ могъ выйти въ свѣтъ не позднѣе половины 94 и не ранѣе 2, 92 олимп.; потому что къ этому году относится смерть Протагора, о которой въ разговорѣ упоминается, какъ о событіи прошедшемъ.

ЛИЦА РАЗГОВАРИВАЮЩІЯ:

СОКРАТЪ, МЕНОНЪ, АНИТЪ И СЛУГА МЕНОНА.

70 *Менонъ.* Скажи мнѣ, Сократъ, можно ли изучать добродѣтель, или она не изучается, а пріобрѣтается подвигами? или и не изучается, и не пріобрѣтается подвигами, а получается отъ природы, либо достается какъ иначе?

Сократъ. Менонъ! Ѳессалійцы прежде славились и удив-
B. ляли Грековъ верховою ѣздою и богатствомъ, а теперь, какъ видно, славятся и мудростію; теперь жители Лариссы не хуже твоего друга Аристиппа. Этимъ вы обязаны Горгіасу. Пріѣхавъ въ вашъ городъ [1], онъ нашелъ себѣ любителей мудрости въ знаменитѣйшихъ лицахъ изъ дома Алевадовъ, къ которому принадлежитъ другъ твой Аристиппъ, и въ иныхъ Ѳессалійцахъ. Чрезъ него-то въ самомъ дѣлѣ вошло у васъ въ привычку на всѣ вопросы отвѣчать безбоязненно

---

[1] То-есть въ Лариссу, которая въ то время была мѣстопребываніемъ Алевадовъ. *Wachsmuth.* Antiquitt. Hellen. T. II. vol. 1. p. 106. sq. О фамиліи Алевадовъ писали многіе. *Valkenar.* ad Herod. VII. 6. *Boeckh.* ad Pind. Pyth. X. p. 331. *Meineck.* commentt. Miscell. fasc. 1. c. 5. и проч. Изслѣдованія ихъ показываютъ, что Алевады славились покровительствомъ наукамъ и искуствамъ, а особенно честили Горгіаса. Къ дому ихъ принадлежалъ и Аристиппъ, другъ Менона,—только не Киринейскій, бывшій ученикомъ Сократовымъ, а скорѣе тотъ, котораго Ксенофонтъ (Anab. I, 1. 10.) называетъ другомъ Кира Младшаго, и который на помощь ему, во время внутреннихъ безпокойствъ, отправилъ четыре тысячи наемнаго войска. Съ домомъ Алевадовъ едва ли не былъ въ родствѣ и Менонъ, сынъ Алексидема (p. 76 E), гость Анита (p. 90 B. 92. D).

и свысока, какъ прилично людямъ знающимъ; да и самъ онъ C.
позволялъ каждому изъ Грековъ спрашивать себя, о чемъ
кто хочетъ, и никому не отказывалъ въ отвѣтѣ. Между
тѣмъ здѣсь, любезный Менонъ, произошло противное: у насъ
случилась какая-то засуха мудрости; мудрость изъ этихъ 71.
мѣстъ переселилась едва ли не къ вамъ. Итакъ, если ты
кому-нибудь изъ здѣшнихъ захочешь предложить подобный
вопросъ; то всякій засмѣется и скажетъ: Иностранецъ! видно я кажусь тебѣ человѣкомъ талантливымъ [1], который
знаетъ, изучается ли добродѣтель, или достается другимъ
образомъ; между тѣмъ какъ мнѣ неизвѣстно нетолько то,
изучима она, или нѣтъ, но даже и то, что̀ надобно разумѣть
вообще подъ именемъ добродѣтели. Таковъ-то и я, Менонъ; B.
и я въ этомъ дѣлѣ раздѣляю бѣдность своихъ согражданъ и
обвиняю себя въ незнаніи добродѣтели вообще. А не зная, что такое она, какъ могу знать ея свойства? Развѣ ты думаешь, что незнающій Менона вообще, кто онъ, можетъ знать, хорошъ ли Менонъ, богатъ ли онъ и благороденъ, или имѣетъ противуположныя свойства? Возможно ли это, по твоему мнѣнію?

Мен. По моему, нѣтъ. Но ты, Сократъ, въ самомъ дѣлѣ
не знаешь, что такое добродѣтель? А что, если мы скажемъ C.
объ этомъ дома [2]?

Сокр. Нетолько объ этомъ, другъ мой, но и о томъ, что мнѣ, кажется, никогда не случалось встрѣчать и другаго, кто зналъ бы это.

Мен. Какъ? Развѣ ты не встрѣчалъ Горгіаса, когда онъ былъ здѣсь?

Сокр. Встрѣчалъ.

Мен. Такъ неужели, думаешь, и онъ не зналъ?

---

[1] *Видно̀ я кажусь тебѣ человѣкомъ талантливымъ*, κινδυνεύω σοὶ δοκεῖν μακάριός τις εἶναι. Такъ у Грековъ иногда употреблялось слово μακάριος. Подобнымъ образомъ въ Менексенѣ (p. 249 D.) Аспазія называется μακαρία — по той причинѣ, что могла сочинять прекрасныя рѣчи.

[2] То-есть, въ Ѳессаліи, нашемъ отечествѣ, гдѣ разумѣютъ тебя, какъ мудреца?

Сокр. Не очень помню, Менонъ, и потому теперь не могу сказать, какъ мнѣ тогда казалось. Можетъ быть, и онъ
D. зналъ, и тебѣ извѣстны его мысли. Напомни же мнѣ, какъ онъ говорилъ, а не то,—скажи самъ; потому что ваши мнѣнія, вѣроятно, сходны.

Мен. Конечно.

Сокр. Ну такъ мы оставимъ его,—тѣмъ болѣе, что онъ въ отсутствіи. Скажи ты самъ, Менонъ, ради боговъ, что̀ называешь добродѣтелію,—скажи не отговариваясь, чтобы мой обманъ вышелъ самымъ счастливымъ, и открылось, что ты и Горгіасъ знаете, между тѣмъ какъ я утверждалъ, будто мнѣ никогда и никого не случалось встрѣтить, кто бы зналъ это.

E. *Мен.* Сказать не трудно, Сократъ. И во-первыхъ, если тебѣ угодно знать о добродѣтели мужчины, то явно, что она есть способность исполнять общественныя должности и, исполняя ихъ, доброхотствовать друзьямъ, вредить врагамъ и смотрѣть, какъ бы не обидѣть самаго себя [1]. А когда ты хочешь опредѣлить добродѣтель женщины; то не трудно разобрать, что ея дѣло—хорошо править домомъ, сберегая, что̀ въ немъ находится, и слушаясь мужа. Такимъ же образомъ иная добродѣтель бываетъ дитяти, какъ мальчика, такъ и дѣвочки, иная — старика, иная, если хочешь, добродѣтель
72. свободнаго, и иная—раба. Есть множество и другихъ добродѣтелей; такъ что ты не затруднишься сказать, что такое добродѣтель; ибо, по различію занятій и возрастовъ, у каждаго изъ насъ и для всякаго дѣла она — особая. Такъ я думаю, Сократъ, и о злѣ.

---

[1] Дѣлить добродѣтель на виды, или разсматривать относительно, значитъ, низводить ее на степень добродѣтелей юридическихъ. О такихъ-то добродѣтеляхъ говоритъ здѣсь Менонъ. Впрочемъ и политическое общество, управляющееся мудрыми законами, нетолько не признаетъ добродѣтелію самоуправства, или стремленія вредить врагамъ, но еще наказываетъ за подобные поступки. Изъ этого видно, какъ безсильно было гражданское законодательство во времена Горгіаса и подобныхъ ему софистовъ, внушавшихъ публично неуваженіе къ отечественнымъ постановленіямъ.

Сокр. Видно же я очень счастливъ, Менонъ, когда, ища одной добродѣтели, нашелъ ихъ у тебя въ запасѣ цѣлый рой. Однакожъ, еслибы мнѣ вздумалось, выдерживая это самое подобіе роя, спросить тебя о природѣ пчелы, чтò такое она, B. а ты сказалъ бы, что ихъ много и онѣ разнообразны; то какой бы далъ отвѣтъ на слѣдующій вопросъ: въ томъ ли отношеніи ты приписываешь пчеламъ многочисленность, разнообразіе и взаимное различіе, что онѣ пчелы? или различіе ихъ зависитъ не отъ этого, а отъ чего-нибудь иного, напримѣръ, отъ красоты, величины и другихъ подобныхъ свойствъ? Скажи, какъ отвѣчалъ бы ты на это?

Мен. Я отвѣчалъ бы, что онѣ, какъ пчелы, ничѣмъ не отличаются одна отъ другой.

Сокр. Но еслибы потомъ я спросилъ тебя: скажи же C. мнѣ, Менонъ, то самое, чѣмъ пчелы не отличаются одна отъ другой, или въ чемъ всѣ онѣ—одно и то же? Могъ ли бы ты какъ-нибудь отвѣчать мнѣ?

Мен. Могъ бы.

Сокр. Вотъ такъ-то и о добродѣтеляхъ: хотя ихъ много, и онѣ разнообразны, однакожъ всѣ составляютъ, конечно, одинъ родъ, по которому называются добродѣтелями, и на который хорошо бы смотрѣть тому, кто своимъ отвѣтомъ на вопросъ хочетъ опредѣлить существо добродѣтели. Или ты не понимаешь, о чемъ я говорю?

Мен. Кажется, понимаю; впрочемъ вопросъ твой все еще D. не такъ для меня ясенъ, какъ бы мнѣ хотѣлось.

Сокр. Но только ли добродѣтель, Менонъ, ты почитаешь—иною у мужчины, иною у женщины и иною у другихъ, или такимъ же образомъ думаешь и о здоровьѣ, и о величинѣ, и о силѣ? То-есть, иное ли, по твоему мнѣнію, здоровье у мужчины, а иное у женщины? или, по роду, оно вездѣ то же самое—и у женщины, и у всѣхъ, лишь бы только было здоровье?

Мен. Мнѣ кажется, здоровье—одно и у мужчины, и у женщины.

E. *Сокр.* Слѣдовательно—и величина и сила? То-есть, если женщина сильна; то она сильна тѣмъ же самымъ родомъ, тою же самою силою? А когда я говорю: тою же самою силою; тогда силу, въ смыслѣ силы, нахожу безразличною, мужчинѣ ли она принадлежитъ, или женщинѣ. Но тебѣ кажется она чѣмъ-то различнымъ?

Мен. Нѣтъ.

73. *Сокр.* А добродѣтель, въ смыслѣ добродѣтели, различается ли чѣмъ-нибудь, — дитяти ли она принадлежитъ или старику, женщинѣ или мужчинѣ?

Мен. Мнѣ какъ-то представляется, Сократъ, что добродѣтель не походитъ на все это.

Сокр. Однакожъ, не говорилъ ли ты, что хорошо управлять городомъ есть добродѣтель мужчины, а домомъ—добродѣтель женщины?

Мен. Говорилъ.

Сокр. Но тотъ можетъ ли править городомъ, домомъ, или чѣмъ другимъ—хорошо, кто не умѣетъ править разсудительно и справедливо?

B. *Мен.* Конечно не можетъ.

Сокр. А кто правитъ разсудительно и справедливо, тотъ правитъ разсудительностію и справедливостію?

Мен. Необходимо.

Сокр. Слѣдовательно разсудительность и справедливость равно нужна обоимъ—и мужчинѣ и женщинѣ, если они хотятъ быть добрыми.

Мен. Кажется.

Гокр. Что же далѣе? Дитя и старикъ, положимъ, дерзкіе и несправедливые, могутъ ли быть добрыми?

Мен. Нѣтъ.

Сокр. А разсудительные и справедливые?

Мен. Могутъ.

C. *Сокр.* И такъ всѣ люди добры одинакимъ образомъ, потому что бываютъ добрыми при однихъ и тѣхъ же условіяхъ.

Мен. Вѣроятно.

Сокр. Еслибы, то-есть, добродѣтель ихъ была не одна и та же; то они были бы добры не одинакимъ образомъ?

Мен. Конечно.

Сокр. А когда добродѣтель у всѣхъ одна и та же, — постарайся сказать и припомнить, что̀ такое она, по мнѣнію Горгіаса и твоему собственному.

Мен. Что другое, какъ не умѣнье управлять людьми, если только ищешь ты чего-то одного во всемъ?

Сокр. Да, ищу-таки. Но ужели и дитяти и рабу, Ме- D.
нонъ, свойственна эта самая добродѣтель управлять господиномъ? Не думаешь ли, что и рабъ есть правитель?

Мен. Вовсе не думаю, Сократъ.

Сокр. Да и несообразно было бы, почтеннѣйшій. И то еще смотри: дѣло управленія ты называешь способностію,— не нужно ли присоединить къ этому: управленія справедливаго, а не несправедливаго?

Мен. Конечно нужно, Сократъ; потому что справедливость есть добродѣтель.

Сокр. Но добродѣтель ли она, Менонъ, или нѣкоторая до- E.
бродѣтель?

Мен. Какъ это?

Сокр. Какъ и другое что-нибудь. Напримѣръ, говоря о круглотѣ, я могъ бы, если угодно, назвать ее нѣкоторою фигурою, а не просто фигурою, и назвалъ бы нѣкоторою—потому, что есть и иныя фигуры.

Мен. Да, ты говоришь вѣрно. Я и самъ допускаю не одну справедливость, но и иныя добродѣтели.

Сокр. Скажи же, какія именно. Вотъ я готовъ перечесть 74
тебѣ всѣ фигуры, если прикажешь: перечти же и ты мнѣ всѣ добродѣтели.

Мен. По моему мнѣнію, добродѣтели суть: мужество, разсудительность, мудрость, великолѣпіе [1], и множество другихъ.

---

[1] *Великолѣпіе*, *μεγαλοπρέπεια*—добродѣтель софистовъ, повидимому, соотвѣтствовавшая нашему педантству, или способность, какъ говорится, бросать

Сокр. Но опять та же бѣда, Менонъ: опять нашлось много добродѣтелей; а искали одной, — только тогда иначе, нежели теперь. Одной же добродѣтели, которая была бы во всѣхъ, никакъ не находимъ.

B. *Мен*. Да, Сократъ; схватить, согласно съ твоимъ желаніемъ, одну добродѣтель во всѣхъ, я что-то не могу; это не такъ, какъ въ другихъ вещахъ.

Сокр. И естественно; однакожъ я постараюсь, если только буду въ состояніи, подвинуть наши изслѣдованія впередъ. Тебѣ, можетъ быть, извѣстно, что все бываетъ слѣдующимъ образомъ: пусть бы кто-нибудь спросилъ тебя, о чемъ и я недавно говорилъ: что такое фигура, Менонъ? Ты, положимъ, отвѣчалъ бы: фигура есть круглота. Потомъ, пусть предложили бы тебѣ другой вопросъ, подобный моему: круглота—фигура ли, или нѣкоторая фигура? Ты вѣроятно назвалъ бы ее нѣкоторою фигурою.

Мен. Конечно.

Сокр. Не потому ли, что существуютъ и другія?

C. *Мен*. Да.

Сокр. А когда послѣ того спросили бы тебя: какія именно?—сказалъ ли бы ты?

Мен. Сказалъ бы.

Сокр. Равнымъ образомъ, еслибы спросили тебя, что такое цвѣтъ, и ты назвалъ бы его бѣлизною; то на другой вопросъ: бѣлизна—цвѣтъ ли, или нѣкоторый цвѣтъ?—ты конечно отвѣчалъ бы: нѣкоторый; потому что есть и другіе.

Мен. Отвѣчалъ бы.

Сокр. И когда попросили бы тебя перечислить ихъ; то перечислилъ бы всѣ, которымъ, какъ и бѣлому, прилично названіе цвѣта?

D. *Мен*. Перечислилъ бы.

Сокр. А еслибы кто-нибудь, какъ и я, изслѣдывая пред-

пыль въ глаза. Сравн., что выше сказано о Горгіасѣ, который училъ юношей *ἀφόβως καὶ μεγαλοπρεπῶς* (свысока и самонадѣянно) *ἀποκρίνεσθαι*.

метъ, сказалъ: мы все приходимъ къ чему-то многому; между тѣмъ мнѣ хотѣлось бы не того: но такъ какъ многое ты называешь однимъ какимъ-нибудь именемъ и говоришь, что изъ этого множества нѣтъ ничего, что не носило бы названія фигуры, хотя бы каждая изъ нихъ была даже противуположна другой; то опредѣли мнѣ вещь, которая равно заключала бы въ себѣ и круглоту и прямоту, и которую ты называешь фигурою, разумѣя подъ этимъ именемъ фи- E.
гуру, какъ круглую, такъ и прямую. Или твои мысли не таковы?

Мен. Таковы.

Сокр. А думая такъ, круглотою назовешь ли ты не болѣе круглоту, какъ и прямоту, и прямотою—не болѣе прямоту, какъ и круглоту?

Мен. Не назову, Сократъ.

Сокр. Между тѣмъ фигура-то, по твоему мнѣнію, есть не болѣе круглота, какъ и прямота; такъ что одна не исключаетъ другой [1].

Мен. Правда.

Сокр. Попытайся же сказать, чтò бы такое было, чему ты даешь имя фигуры. Еслибы кто подобнымъ образомъ спро- 75.
силъ тебя о фигурѣ или цвѣтѣ, а ты отвѣтилъ бы ему: я не понимаю, добрый человѣкъ, чего тебѣ хочется и о чемъ ты спрашиваешь; то онъ можетъ быть удивился бы и сказалъ: такъ ты не понимаешь, что я во всемъ этомъ ищу одного и того же? Неужели, Менонъ, у тебя не было бы силъ отвѣчать, когда бы предложили тебѣ слѣдующій вопросъ: что такое одно и то же во всемъ—и въ круглотѣ, и въ прямотѣ, и въ прочемъ, заключающемся подъ словомъ «фигура?» Попытайся сказать, чтобы приготовиться къ отвѣту о добродѣтели.

Мен. Нѣтъ, скажи самъ, Сократъ. B.

---

[1] Доказательство идетъ слѣдующимъ образомъ: хотя круглое ты почитаешь круглымъ, а прямое — прямымъ, и одно отдѣляешь отъ другаго; однакожъ какъ круглое, такъ и прямое, тѣмъ не менѣе называешь фигурою.

Сокр. А хочешь ли, я доставлю тебѣ это удовольствіе?

Мен. И очень.

Сокр. Но согласишься ли и ты сказать мнѣ о добродѣтели?

Мен. Соглашусь.

Сокр. Такъ надобно постараться;—да и стоитъ.

Мен. Безъ сомнѣнія.

Сокр. Хорошо; попытаемся же сказать тебѣ, что такое фигура. Смотри не примешь ли слѣдующаго: фигура, положимъ, есть то, что одно изъ сущаго всегда слѣдуетъ за цвѣтомъ. Довольно ли для тебя, или потребуешь какого-нибудь другаго опредѣленія? Я былъ бы радъ, еслибы ты хоть такъ опредѣлилъ мнѣ добродѣтель.

C. *Мен*. Но вѣдь это-то, Сократъ, простовато.

Сокр. Какъ?

Мен. По твоимъ словамъ, фигура есть то, что всегда слѣдуетъ за цвѣтомъ; — положимъ: но еслибы кто сказалъ, что онъ не знаетъ цвѣта и сомнѣвается въ немъ такъ же, какъ и въ фигурѣ,—что отвѣтилъ бы ты ему?

Сокр. Отвѣтилъ бы правду. Когда вопрошатель былъ бы изъ числа мудрецовъ, любящихъ спорить и состязать-
D. ся,—я сказалъ бы ему, что это дѣйствительно мои слова, и если онѣ несправедливы, — твое дѣло войти въ разговоръ и опровергнуть ихъ. А когда собесѣдники захотятъ разговаривать дружески, какъ я и ты,—имъ надобно отвѣчать на вопросы спокойнѣе и согласнѣе съ діалектикою [1]; діалектика же, вѣроятно, требуетъ, чтобы отвѣты были нетолько спра-
E. ведливы, но и въ связи съ понятіями вопрошателя. Вотъ и я постараюсь говорить съ тобою такимъ образомъ. Отвѣчай-ка

---

[1] Разговоръ діалектическій здѣсь, какъ и въ Теэтетѣ (167 E), противуполагается просто ученому спору τῶν ἐριστικῶν καὶ ἀγωνιστικῶν: потому что въ первомъ собесѣдники говорятъ дружески, выслушиваютъ одинъ другаго и соблюдаютъ всѣ правила діалектики; напротивъ во второмъ всякій имѣетъ въ виду только свое положеніе, не обращаетъ вниманія на мнѣнія другихъ, и не заботится ни о вѣрности опредѣленій, ни о точности раздѣленій, произносимыхъ собесѣдникомъ. Эристика основывается на эгоизмѣ, діалектика—на любви къ истинѣ.

мнѣ: называешь ли ты что-нибудь концомъ, то-есть, что-нибудь такимъ, какъ предѣлъ и крайность?—По моему мнѣнію, всѣ эти слова тожественны, хотя Продикъ, можетъ быть, и нашелъ бы между ними различіе.—Такъ приписываешь ли ты чему-нибудь предѣльность и законченность?—Я говорю это просто, безъ затѣй [1].

Мен. Конечно приписываю и, кажется, понимаю тебя.

Сокр. Что? называешь ли ты одно поверхностію, а дру- 76.
гое—твердостію, напримѣръ, въ геометріи?

Мен. Называю.

Сокр. Ну вотъ изъ этого и можешь понять, что я разумѣю подъ именемъ фигуры. Вѣдь во всякой фигурѣ фигурою я называю то, чѣмъ оканчивается твердость; стало быть, принимая это вмѣстѣ, могу назвать ее предѣломъ твердости.

Мен. А что называешь цвѣтомъ, Сократъ?

Сокр. Ты назойливъ, Менонъ, — на человѣка стараго взваливаешь трудъ отвѣчать на вопросы [2], а самъ не хочешь припомнить и сказать, въ чемъ Горгіасъ поставляетъ добро- B.
дѣтель.

Мен. Нѣтъ, я скажу, Сократъ, когда отвѣтишь на мой вопросъ.

Сокр. Съ кѣмъ ты разговариваешь, Менонъ; тотъ, и закрывъ глаза, узнаетъ въ тебѣ красавца, у котораго есть угодники.

Мен. Отчего жъ это?

Сокр. Оттого, что въ разговорѣ ты только приказываешь; а такъ поступаютъ люди избалованные, которые, пока C.

---

[1] *Просто, безъ затѣй, οὐδὲν ποικίλον*, по вѣрному истолкованію Гейндорфа, nihil varium subdolumque, quod ambagibus facile deludat et difficilem habeat explicatum. См. Symp. p. 182. 13. Tim. p. 59. C. Phileb. p. 53. E. Cratyl. p. 393. E.

[2] *Заставляешь отвѣчать на вопросы, πράγματα προστάττεις ἀποκρίνεσθαι*, то-есть, навязываешь мнѣ трудъ отвѣчать. Таково въ этомъ мѣстѣ значеніе слова *πρᾶγμα.* Для объясненія его, Гейндорфъ весьма кстати приводитъ слова Ксенофонта (Oecon. 17. 11): *τοῖς ἀσθενεστέροις πᾶσι μείω προστάττειν πράγματα.* Поэтому Астъ несправедливо изгоняетъ *πράγματα* изъ настоящаго текста.

цвѣтутъ красотою, бываютъ самовластными повелителями. Можетъ быть, тобою замѣчено, что и я не могу противиться красавцамъ? Изволь, сдѣлаю тебѣ удовольствіе, буду отвѣчать.

Мен. Конечно сдѣлай.

Сокр. Но хочешь ли, отвѣчу мнѣніемъ Горгіаса, чтобы для тебя было понятнѣе?

Мен. Хочу; почему же не такъ?

Сокр. Не правда ли, что вы, по ученію Эмпедокла, допускаете какія-то истеченія изъ всего сущаго?

Мен. Непремѣнно.

Сокр. И поры, въ которыя и чрезъ которыя эти истеченія проходятъ?

D. *Мен.* Конечно.

Сокр. И однѣ изъ истеченій соотвѣтствуютъ нѣкоторымъ порамъ, а другія менѣе, или болѣе ихъ?

Мен. Такъ.

Сокр. Но ты называешь что̀-нибудь и зрѣніемъ?

Мен. Называю.

Сокр. Ну такъ пойми изъ этого, что я говорю, сказалъ Пиндаръ [1]. Цвѣтъ есть истеченіе фигуръ, сотвѣтствующее зрѣнію и ощутимое для него.

Мен. Этотъ отвѣтъ, Сократъ, кажется, весьма хорошъ.

Сокр. Можетъ быть, оттого, что онъ—по твоему образу мыслей; сверхъ сего ты, по видимому, надѣешься вывесть отсюда значеніе голоса, обонянія и многое тому подобное.

E. *Мен.* Безъ сомнѣнія.

Сокр. Да, Менонъ; это—отвѣтъ трагическій [2], когда онъ нравится тебѣ болѣе отвѣта о фигурѣ.

---

[1] См. fragmenta Pindari у Бекка N. 71. Такое же опредѣленіе цвѣта встрѣчается въ Тимеѣ p. 68. C.

[2] *τραγικὴ ἐστιν ἡ ἀπόκρισις*, то-есть, напыщенный, произносимый свысока,—такой, какіе давалъ Эмпедоклъ. А въ рѣчи Эмпедокла, по свидѣтельству Діодора Сицилійскаго (VIII. 70), всегда замѣчали *τραγικὸν τῦφον*. Въ этомъ же смыслѣ *τραγικῶς λέγειν* употребляется de Rep. VIII. p. 545. E. гдѣ, для объясненія, прибавлено *ὑψηλολογεῖσθαι*.

Мен. Конечно болѣе.

Сокр. А по моему убѣжденію, сынъ Алексидема, такъ онъ не таковъ; тотъ лучше. Даже, думаю, и тебѣ не показался бы онъ, еслибы ты, по вчерашнимъ твоимъ словамъ, не имѣлъ надобности отправиться отсюда прежде мистерій, но, оставшись здѣсь, посвятился бы въ нихъ [1]. 77.

Мен. Да, я остался бы, Сократъ, еслибы ты говорилъ мнѣ много такихъ вещей.

Сокр. Въ желаніи-то говорить недостатка не будетъ — и ради тебя, и ради меня самого. Но что, какъ не съумѣю высказать много такихъ вещей! Однако смотри же, постарайся и ты исполнить свое обѣщаніе—опредѣлить добродѣтель вообще, что такое она; перестань дѣлать многое изъ одного [2], какъ всегда говорятъ въ шутку о тѣхъ, которые что-нибудь переламываютъ; оставь добродѣтель цѣлою и здоровою, и скажи, что̀ она такое. Вѣдь примѣры-то я предложилъ B. тебѣ.

Мен. Мнѣ кажется, Сократъ, что быть добродѣтельнымъ, значитъ, по словамъ поэта, радоваться хорошему и имѣть для того способность [3]. Поэтому я опредѣляю добродѣтель слѣдующимъ образомъ: она есть желаніе хорошаго и способность производить его.

---

[1] Сократъ, по замѣчанію Гедике, употребляетъ здѣсь метонимическую игру словъ, какъ въ Symp. p. 209 E., разумѣя подъ мистеріями собственное свое ученіе. Какбы такъ сказалъ онъ: ты обѣщался уѣхать изъ Аѳинъ прежде празднованія мистерій; но еслибы тебѣ угодно было остаться и посвятиться въ таинства моего ученія, то опредѣленіе фигуры ты нашелъ бы лучшимъ, нежели опредѣленіе цвѣта. Впрочемъ эти слова дѣлаютъ вѣроятнымъ предположеніе, что начало Менона потеряно, и что до насъ дошла только часть его.

[2] *πολλὰ ποιῶν ἐκ τοῦ ἑνός*,—шуточная поговорка, о которой см. *Schott.* adagg. Gr. 1101 *Erasm.* adagg. p. 266. ed. Steph. Впрочемъ она объясняется словами самого Платона, Phaedr. p. 265. D. *τὸ πάλιν κατ' εἴδη δύνασθαι τέμνειν κατ' ἄρθρα, ᾗ πέφυκεν, καὶ μὴ ἐπιχειρεῖν καταγνύναι μέρος μηδέν, κακοῦ μαγείρου τρόπῳ χρώμενον.*

[3] ***И имѣть для него способность,*** *καὶ δύνασθαι*, то-есть *αὐτὰ* p. 79. B. C. Въ греческомъ языкѣ глаголы, требующіе различныхъ падежей, нерѣдко соединяются въ одну и ту же конструкцію; такъ напр. ниже p. 78. A. *τί γὰρ ἄλλο ἐστὶν ἄθλιον εἶναι ἢ ἐπιθυμεῖν τε τῶν κακῶν καὶ κτᾶσθαι*, то-есть *αὐτά*.

Сокр. Но желать хорошаго, значитъ ли, по твоему мнѣнію, желать добраго?

Мен. Непремѣнно.

Сокр. Вѣрно потому, что одни изъ людей желаютъ зла, а другіе добра? Вѣдь не всѣ же, почтеннѣйшій, представляются стремящимися къ добру?

Мен. Конечно нѣтъ.

C. *Сокр.* Напротивъ, нѣкоторые къ злу.

Мен. Да.

Сокр. Потому ли, скажешь, что зло почитаютъ добромъ, или, и сознавая его, какъ зло, тѣмъ не менѣе стремятся къ нему?

Мен. Мнѣ кажется то и другое.

Сокр. И тебѣ, Менонъ, въ самомъ дѣлѣ кажется, что сознающій зло, какъ зло, тѣмъ не менѣе желаетъ его?

Мен. Непремѣнно.

Сокр. Чего же, по твоему мнѣнію, желаетъ онъ? чтобы приключилось ему зло?

Мен. Чтобы приключилось; чего же болѣе?

D. *Сокр.* Съ тою ли мыслію, что человѣку, которому приключается, оно приноситъ пользу, или въ томъ сознаніи, что каждый, подвергающійся ему, терпитъ вредъ?

Мен. Есть люди, которые думаютъ, что зло пользуетъ, есть и такіе, которые знаютъ, что оно вредитъ.

Сокр. Кажется ли тебѣ, что люди, почитающіе зло полезнымъ, сознаютъ, что оно — зло?

Мен. Этого-то мнѣ не кажется.

Сокр. Слѣдовательно люди, несознающіе зла, очевидно, желаютъ не зла, а того, что почитали добромъ, и что на самомъ дѣлѣ есть зло, то-есть, несознающіе зла и почитающіе
E. его добромъ, стремятся видимо къ добру. Или нѣтъ?

Мен. Должно быть, такъ.

Сокр. Что же далѣе? люди, желающіе, какъ ты говоришь, зла, и однакожъ думающіе, что зло вредитъ тому, кому приключается, можетъ быть, сознаютъ, что они получатъ отъ него вредъ?

Мен. Необходимо.

Сокр. А тѣхъ, которые получаютъ вредъ, не почитаютъ ли они людьми жалкими, поколику имъ что-нибудь вредно?

Мен. И это необходимо.

Сокр. А людей жалкихъ не называютъ ли они несчастными? 78.

Мен. Я думаю.

Сокр. Но есть ли такой человѣкъ, который хочетъ быть жалкимъ и несчастнымъ?

Мен. Кажется нѣтъ, Сократъ.

Сокр. Слѣдовательно никто не хочетъ зла, Менонъ, если не хочетъ быть такимъ. Да и что иное значитъ быть жалкимъ, какъ не хотѣть зла и не пріобрѣтать его?

Мен. Ты, должно быть, говоришь правду, Сократъ. Въ B.
самомъ дѣлѣ никто не хочетъ зла.

Сокр. А не сказалъ ли ты недавно, что быть добродѣтельнымъ, значитъ хотѣть добра и имѣть способность для него?

Мен. Конечно сказалъ.

Сокр. Если же сказалъ; то хотѣть его свойственно вѣдь всѣмъ, и въ этомъ отношеніи одинъ вѣрно ничѣмъ не лучше другаго?

Мен. Видимо.

Сокр. Между тѣмъ явно, что какъ скоро одинъ лучше другаго, то лучшимъ былъ бы онъ по способности къ добру.

Мен. Конечно.

Сокр. Значитъ, по твоему понятію, добродѣтель, видно, есть способность производить добро.

Мен. Я думаю совершенно такъ, какъ ты, Сократъ, те- C.
перь предполагаешь.

Сокр. Посмотримъ же и на это, справедливы ли слова твои. Можетъ быть, ты говоришь и хорошо. Вѣдь возможность производить добродѣтель у тебя называется добромъ?

Мен. Да.

Сокр. Но добро, по твоему мнѣнію, не есть ли, напримѣръ, здоровье и богатство?—разумѣю также пріобрѣтеніе

золота, серебра, почестей и власти въ обществѣ. Или ты почитаешь добромъ что-нибудь иное, а не это?

Мен. Нѣтъ не иное, но все это.

D. *Сокр.* Хорошо; пускай добываніе золота и серебра есть добродѣтель, какъ говоритъ Менонъ, отечественный иностранецъ великаго царя [1]. Однакожъ съ этимъ добываніемъ соединяешь ли ты, Менонъ, понятія—*справедливо* и *свято*, или для тебя это все равно? Еслибы, то-есть, кто-нибудь добывалъ и несправедливо,—ты тѣмъ не менѣе называлъ бы это добродѣтелію?

Мен. Ну нѣтъ, Сократъ; называлъ бы порокомъ.

Сокр. Слѣдственно къ этому добыванію, по видимому, непремѣнно надобно присоединить либо справедливость, либо

E. разсудительность, либо святость, либо какую-нибудь другую часть добродѣтели; а иначе оно не будетъ добродѣтель, хотя и производитъ добро.

Мен. Да безъ этого какъ же быть добродѣтели?

Сокр. А не добывать золота и серебра ни себѣ, ни другому, когда это несправедливо, — такое именно недобываніе не есть ли добродѣтель?

Мен. Видимо добродѣтель.

Сокр. Слѣдовательно добываніе подобныхъ благъ — не больше добродѣтель, какъ и недобываніе ихъ: видно, что̀ сопровождается справедливостію, то будетъ добродѣтель; а что бываетъ безъ всего подобнаго, то — порокъ?

79. *Мен.* Мнѣ кажется, необходимо думать такъ, какъ ты говоришь.

Сокр. Но каждую изъ этихъ вещей, — то-есть, справедливость, разсудительность и все подобное, немного прежде не называли ли мы частію добродѣтели?

Мен. Да.

Сокр. Такъ ты, Менонъ, шутишь надо мною?

---

[1] То-есть, единоплеменникъ Грековъ, состоящій однакожъ на службѣ великаго царя, слѣдовательно бывшій для него иностранцемъ, или гостемъ,

Мен. Какъ же это, Сократъ?

Сокр. Недавно я просилъ тебя не ломать и не раздроблять добродѣтели, и предложилъ примѣры, какъ надлежало отвѣчать: а ты, пренебрегши этимъ, сказалъ мнѣ, что добродѣтель есть возможность производить добро справедливо; справедливость же призналъ частію добродѣтели. B.

Мен. Конечно.

Сокр. Но изъ признанныхъ тобою положеній слѣдуетъ, что быть добродѣтельнымъ; значитъ, дѣлать, что̀ бы кто ни дѣлалъ, съ одною частію добродѣтели, потому что справедливость, равно какъ и прочее въ томъ же родѣ, ты называешь частію добродѣтели.

Мен. Такъ что же?

Сокр. То, что я просилъ тебя опредѣлить цѣлую добродѣтель; а ты отнюдь не сказалъ, что она такое, и называешь добродѣтелію всякое дѣло, какъ скоро оно производится частію добродѣтели. Ты какбы такъ говоришь: C. добродѣтель въ цѣломъ я узнаю и изъ того уже, когда она будетъ раздроблена на части. Итакъ тебѣ, любезный Менонъ, кажется, нуженъ снова тотъ же вопросъ: что такое добродѣтель? а иначе всякое дѣло съ частію добродѣтели будетъ добродѣтель. Вѣдь это именно можно говорить, когда бы кто говорилъ, что всякое дѣло съ справедливостію есть добродѣтель. Или ты не считаешь нужнымъ возвратиться къ прежнему вопросу, а думаешь, что иной знаетъ, что такое часть добродѣтели, не зная самой добродѣтели?

Мен. Нѣтъ, я не думаю этого.

Сокр. Особенно если помнишь, что, когда предъ этимъ D. я отвѣчалъ тебѣ о фигурѣ,—мы того отвѣта не одобрили; потому что онъ основывался на понятіи еще изслѣдываемомъ, а не признанномъ.

Мен. И справедливо не одобрили, Сократъ.

Сокр. Не думай же и ты, почтеннѣйшій, объяснить кому-нибудь добродѣтель чрезъ указаніе на ея части, ко-

гда только еще изслѣдывается, что такое она въ цѣломъ,
или дознать что другое, говоря такимъ образомъ; иначе
всегда потребуется прежній вопросъ: на какомъ понятіи о
E. добродѣтели основывается то, что ты говоришь о ней. Или
мои слова, по твоему мнѣнію, ничего не значатъ?

Мен. Мнѣ кажется, они справедливы.

Сокр. Отвѣчай же опять сначала: что называете вы добродѣтелію—ты и другъ твой?

Мен. Сократъ! слыхалъ я и прежде, чѣмъ встрѣтился
80. съ тобою, что ты не дѣлаешь ничего болѣе, какъ самъ
недоумѣваешь, и другихъ вводишь въ недоумѣніе; вижу и
теперь, что ты чаруешь меня, обворожаешь, просто —
околдовываешь, такъ что я полонъ сомнѣнія. Ты и ви-
домъ и всѣмъ другимъ, если можно позволить себѣ шут-
ку, кажется, совершенно походишь на широкую морскую
рыбу, торпиль [1]. Вѣдь и она приближающагося и при-
касающагося къ себѣ человѣка приводитъ въ оцѣпенѣніе;
B. и ты сегодня сдѣлалъ со мною, по видимому, нѣчто по-
добное, — оцѣпенилъ меня. Да, я истинно нахожусь въ
оцѣпенѣніи — и по душѣ и по языку, такъ что не могу
сказать тебѣ. О добродѣтели я бесѣдовалъ тысячекратно,
продолжительно, со многими и, какъ мнѣ по крайней мѣрѣ
казалось, не безъ успѣха: а теперь даже не могу отвѣчать,
что такое она вообще. Кажется, хорошо дѣлаешь ты, что
и не отплываешь и не уѣзжаешь отсюда; потому что въ
другомъ городѣ, будучи чужестранцемъ и поступая та-
кимъ образомъ, тотчасъ бы заключенъ былъ, какъ чародѣй.

Сокр. Хитрецъ ты, Менонъ! едва не обманулъ меня.

---

[1] *Ты и видомъ и всѣмъ другимъ походишь на широкую морскую рыбу торпиль*. Свойства этой рыбы описываютъ *Oppianus* Halient. II. 56 — 85. III. 149. sqq. *Aristoteles* Hist. an. IX. 37. *Aelianus* N. A. 1. 36. IX. 14. *Plinius* A. N. XXXII. 1. torpedo etiamsi procul et e longinquo, vel si hasta virgave attingatur, quamvis praevalidi lacerti torpescunt. IX. 42; Novit torpedo vim suam ipsa non torpescens etc. Менонъ уподобляетъ Сократа этой рыбѣ τὸ εἶδος, вѣротно по широкому, силенообразному лицу его, какимъ оно описывается въ Sympos. p. 215. A. sqq.

Мен. Что еще, Сократъ? C.

Сокр. Знаю, для чего пріискалъ мнѣ это подобіе.

Мен. А для чего, думаешь?

Сокр. Для того, чтобы я и тебя уподобилъ. Мнѣ вѣдь извѣстно, что всѣмъ красавцамъ нравится быть уподобляемыми. Это имъ выгодно; потому что къ людямъ красивымъ подбираются и подобія красивыя. Однакожъ я не уподоблю тебя. Если твоя торпиль, приводя въ оцѣпенѣніе другихъ, и сама цѣпенѣетъ; то я похожу на нее: а когда нѣтъ; то не похожу. Вѣдь я привожу другихъ въ недоумѣніе — не потому, что самъ разумѣю дѣло; а потому, напротивъ, заставляю другихъ сомнѣваться, что самъ сомнѣваюсь. D. Вотъ и теперь, что касается до добродѣтели, я не знаю, въ чемъ состоитъ она; а ты, прежде чѣмъ сошелся со мною, можетъ быть, зналъ, — и вдругъ уподобился незнающему. Впрочемъ, мнѣ все-таки хочется вмѣстѣ съ тобою разсмотрѣть и изслѣдовать, что̀ она такое.

Мен. Но какимъ образомъ, Сократъ, ты будешь изслѣдывать то, чего не можешь опредѣлить вообще? Какою предположишь себѣ вещь, которой не знаешь, а ищешь? Даже, еслибы ты и встрѣтился съ нею, — какъ узнаешь, что это она, когда не зналъ ея [1]?

Сокр. Понимаю, что хочешь ты сказать, Менонъ. Видишь, какое спорное приводишь положеніе! Какъ будто E. человѣкъ въ самомъ дѣлѣ не можетъ изслѣдывать — ни того, что знаетъ, ни того, чего не знаетъ: не можетъ изслѣдывать того, что знаетъ, такъ какъ знаетъ, и не имѣетъ нужды въ такомъ именно изслѣдованіи; не можетъ

---

[1] Этотъ софизмъ, отвергающій всякую возможность синтетическаго познанія, нѣкоторые критики производятъ отъ мегарскихъ философовъ. Но такое мнѣніе — анахронизмъ; потому что Менонъ, какъ доказано въ введеніи, написанъ еще при жизни Сократа, слѣдовательно до существованія Мегарской школы. Съ большимъ правдоподобіемъ можно производить его отъ учениковъ Протагора; потому что подобные софизмы встрѣчаются и въ Эвтидемѣ p. 275 D. E., въ которомъ бесѣдуютъ съ Сократомъ Протагоровы послѣдователи.

изслѣдывать и того, чего не знаетъ, такъ какъ не знаетъ,
81. чтó изслѣдывать.

Мен. Но развѣ, по твоему мнѣнію, Сократъ, это нехорошо говорится?

Сокр. Конечно нехорошо.

Мен. И ты можешь сказать, почему?

Сокр. Могу. Вѣдь я слушалъ мужчинъ и женщинъ, мудрыхъ въ отношеніи къ дѣламъ божественнымъ.

Мен. Что же говорятъ они?

Сокр. Кажется, все истинное и хорошее.

B. *Мен.* А что именно? и кто говоритъ?

Сокр. Говорятъ нѣкоторые жрецы и жрицы [1], старающіеся о томъ, чтобы умѣть дать отчетъ въ своихъ обязанностяхъ; говоритъ также Пиндаръ [2], говорятъ и многіе другіе поэты, называющіеся божественными; а говорятъ они вотъ что. Впрочемъ смотри самъ, истинными ли кажутся тебѣ слова ихъ. По ихъ ученію, человѣческая душа безсмертна и—то скончавается, что называютъ они смертію, то снова раждается, но никогда не изчезаетъ. Поэтому надобно провождать свою жизнь какъ можно святѣе; «такъ какъ *Ферсефона* (Прозерпина) *въ тѣхъ людей, которыхъ подвергла казни за древнее бѣдствіе, на выспреннемъ солнцѣ, въ девятомъ году снова вселяетъ души; потомъ изъ нихъ*
C. *выходятъ знаменитые цари, отличные силою и великіе мудростію мужи; а въ послѣднія времена между людьми они называются непорочными героями.»* Если же душа, будучи

---

[1] Происхожденіе ученія о переселеніи душъ доселѣ не рѣшено. Если предположимъ, что у Грековъ оно разсматривалось двоякимъ образомъ: какъ предметъ религіознаго вѣрованія, и какъ задача философская; то Платонъ разумѣетъ его здѣсь, очевидно, въ первомъ смыслѣ и имѣетъ въ виду или орфическія мистеріи (см. *Lobeck.* Aglaopham. T. II. p. 796. sqq.), въ которыхъ оно преподавалось, или даже Эмпедокла, учителя Горгіасова, который нетолько принималъ метемпсихозу, но и по жизни, и по виду, и по дѣятельности походилъ на великаго жреца. *Quintil.* III. 1. *Sturz.* de Empedocl. p. 443. sqq. *Pumm.* Истор. Фил. Ч. I. стр. 450 сл.

[2] *Говоритъ также Пиндаръ.* См. *Boeckh.* ad Fragm. Pindari p. 623 *Dissen.* Vol. II. p. 632.

безсмертною и часто раждаясь, все видѣла и здѣсь и въ преисподней, такъ что нѣтъ вещи [1], которой бы она не знала; то неудивительно, что въ ней есть возможность припоминать и добродѣтель, и другое, что ей извѣстно было прежде. Вѣдь такъ какъ въ природѣ все имѣетъ сродство и душа знала всѣ вещи; то ничто не препятствуетъ ей, D.
припомнивъ только одно, — а такое припоминаніе люди называютъ наукою,—отыскивать и прочее, лишь бы человѣкъ былъ мужественъ и не утомлялся изслѣдованіями. Да и въ самомъ дѣлѣ, изслѣдованіе и изученіе есть совершенное воспоминаніе [2]. Итакъ не должно вѣрить тому спорному положенію: оно можетъ сдѣлать насъ лѣнивыми и бываетъ пріятно для слуха людей изнѣженныхъ; а это располагаетъ къ трудамъ и изысканіямъ. Вѣря ему, я дѣйстви- E.
тельно хочу разсмотрѣть вмѣстѣ съ тобою, что такое добродѣтель.

Мен. Да, Сократъ; но какъ ты говоришь, будто мы ничего не изучаемъ, и будто то, что называется наукою, есть воспоминаніе? Можешь ли научить меня, что это дѣйствительно такъ?

Сокр. Я недавно сказалъ, что ты, Менонъ, хитрецъ: вотъ и теперь спрашиваешь, могу ли я научить тебя, какъ будто не мною было положено, что нѣтъ науки, а есть припоминаніе. Ты хочешь чтобы я тотчасъ же противо- 82.
рѣчилъ самому себѣ.

Мен. О нѣтъ, Сократъ, клянусь Зевсомъ. Спрашивая тебя, я не имѣлъ этого въ виду, я сказалъ по привычкѣ.

---

[1] ***Такъ что нѣтъ вещи, которой.*** . . . καὶ πάντα χρήματα, οὐκ ἔστιν ὅ τι... Выраженіе καὶ πάντα χρήματα значитъ у Платона—*и вообще*, или *однимъ словомъ*. См. *Schaafer*. ad Demosth. Appar. T. I. p. 305. *Fritsch*. Quaest. Lucian. p. 67: *Stallbaum* ad Gorg. p. 465. B.

[2] Очевидно, что Сократъ доказываетъ здѣсь возможность синтетическаго познанія, или изслѣдованія вещей, взятыхъ порознь,—на томъ основаніи, что всѣ вещи мы нѣкогда видѣли, слѣдовательно идея всего находится въ нашей душѣ, надобно только ввести ее въ сознаніе посредствомъ возбужденія частныхъ представленій, что Платонъ называетъ припоминаніемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, если можешь объяснить мнѣ, что бываетъ именно такъ, какъ ты говоришь; то объясни.

Сокр. Но вѣдь это не легко: впрочемъ для тебя — постараюсь; только позови сюда, кого хочешь, одного изъ этого множества слугъ твоихъ [1], чтобы на немъ показать тебѣ.

Мен. Изволь.—Поди сюда.

Сокр. Но Грекъ ли [2] онъ и говоритъ ли погречески?

Мен. Даже очень изрядно;—въ моемъ домѣ и родился.

Сокр. Замѣчай же, какъ тебѣ покажется: станетъ ли онъ припоминать, или будетъ учиться у меня?

Мен. Хорошо, буду замѣчать.

Сокр. Скажи-ка мнѣ, мальчикъ: знаешь ли ты, что четвероугольное пространство таково [3]?

---

[1] Такъ какъ Менонъ принадлежалъ къ знаменитому и богатому дому; то, по обычаю древнихъ аристократовъ, за нимъ всюду слѣдовала цѣлая толпа слугъ. Сравн. прим. къ Протагору. стр. 52.

[2] *Но Грекъ ли онъ?* ἕλλην μὲν ἐστι; частицу μὲν я выражаю союзомъ *но*. Такъ употребляется она въ рѣчи вопросительной, когда предложеніе, въ которомъ должно бы стоять μὲν, умалчивается. Поэтому μὲν, находясь въ апотазисѣ, служитъ намекомъ на пропущенный протазисъ. Сократъ какбы такъ говоритъ: ἐκάλεσάς μεν, αλλ᾽ ἤ ἕλλην ἐστι; подобное употребленіе частицы μὲν см. Charm. 153. C. и мое примѣч. къ сему мѣсту. Theaet. p. 161. E. *Aristoph.* Avv. v. 1214 *Eurip.* Med. v. 976. 1119.

[3] Этимъ вопросомъ начинается доказательство Сократа, что человѣкъ не познаетъ, а только припоминаетъ частныя истины. Нѣтъ сомнѣнія, что Платонъ, въ угодность своимъ началамъ, предлагалъ его прямо и серіезно, а не иронически, какъ кажется Штальбому и нѣкоторымъ другимъ критикамъ. Между тѣмъ, кто не видитъ, что мальчикъ, неучившійся геометріи, схватываетъ геометрическія истины, только чрезъ особенную ясность и вразумительность Сократовыхъ вопросовъ? Такимъ доказательствомъ — и еще съ большимъ правомъ — могъ бы воспользоваться Кантъ въ своей теоріи пространства и времени, какъ субъективныхъ формъ нашего духа; потому что пространство и время, откуда бы впрочемъ они ни происходили, непремѣнно лежатъ въ основаніи нетолько математическихъ, но и всѣхъ дискурсивныхъ познаній. Чтобы вѣрно понять, какимъ образомъ Сократъ возбуждалъ въ мальчикѣ сознаніе геометрическихъ началъ, надобно представить, что сперва онъ начерталъ на пескѣ какой нибудь квадратъ abcd и, предположивъ, что каждая сторона его равняется двумъ футамъ, нашелъ, что площадь его равна четыремъ футамъ. Потомъ спросилъ: каковы должны быть стороны квадрата, который былъ бы вдвое больше этого? Мальчику должно было показаться, что двойное пространство должно происходить и отъ удвоенныхъ сторонъ. Тогда Сократъ въ самомъ дѣлѣ удвояетъ стороны и построяетъ квадратъ aefg, про-

Мал. Знаю.

Сокр. Слѣдовательно четвероугольное пространство есть C.
то, которое имѣетъ всѣ эти линіи равныя, а именно четыре?

Мал. Конечно.

Сокр. Значитъ, и эти, проведенныя по срединѣ, также равны?

Мал. Да.

Сокр. Но это пространство не можетъ ли быть болѣе и менѣе?

Мал. Можетъ.

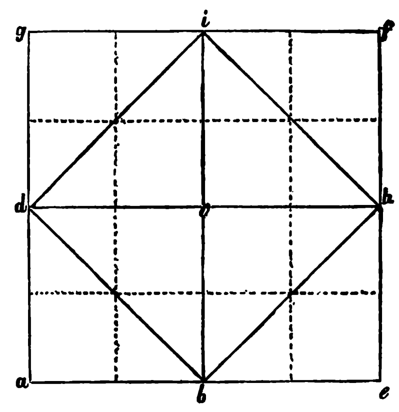
Сокр. Итакъ, еслибы эта сторона равнялась двумъ футамъ, и эта двумъ; то сколько футовъ заключалось бы въ цѣломъ? Смотри сюда: еслибы въ этой сторонѣ было два фута, а въ этой—только одинъ; то все пространство не равнялось ли бы однажды двумъ футамъ?

Мал. Равнялось бы.

Сокр. А такъ какъ и эта сторона въ два фута; то цѣлое D.
не равно ли дважды двумъ?

Мал. Равно.

странствомъ своимъ равняющійся первому, умноженному на 4. Такимъ образомъ открывается, что чрезъ удвоеніе сторонъ вышелъ квадратъ не въ восемь, а въ шестнадцать футовъ. Наконецъ, чтобы найти линію квадрата, котораго площадь была бы вдвое болѣе взятаго прежде, Сократъ проводитъ въ немъ діагональ bd и построяетъ новый квадратъ bdih, состоящій изъ діагоналей всѣхъ четырехъ квадратовъ, слѣдовательно равняющійся восьми футамъ.

Сокр. Слѣдовательно въ немъ заключается дважды два фута?

Мал. Да.

Сокр. А сколько будетъ —дважды два фута? Подумай и скажи.

Мал. Четыре, Сократъ.

Сокр. Но не можетъ ли быть другаго пространства вдвое болѣе этого,—и притомъ такого, въ которомъ всѣ линіи были бы также равны?

Мал. Можетъ.

Сокр. Сколько же въ немъ будетъ футовъ?

Мал. Восемь.

E. *Сокр*. А ну-ка, попробуйся сказать мнѣ, велика ли будетъ въ томъ пространствѣ каждая линія: въ этомъ по два фута, а въ томъ двойномъ—по скольку?

Мал. Очевидно вдвое, Сократъ.

Сокр. Видишь ли, Менонъ? я ничему не учу его, а все спрашиваю; и вотъ онъ приписываетъ себѣ знаніе о величинѣ той линіи, отъ которой произойдетъ восьмифутовое пространство. Или тебѣ не кажется?

Мен. Нѣтъ, кажется.

Сокр. Итакъ онъ знаетъ?

Мен. Ну нѣтъ.

Сокр. По крайней мѣрѣ думаетъ, что оно произойдетъ отъ удвоенной?

Мен. Да.

Сокр. Наблюдай же: онъ будетъ припоминать по порядку, что слѣдуетъ далѣе. А ты говори мнѣ: утверждаешь ли, что отъ удвоенной линіи происходитъ двойное пространство?—разумѣю не такое, которое съ одной стороны длиннѣе,
83. съ другой короче, а равностороннее кругомъ, какъ это, только двойное въ сравненіи съ этимъ, — въ восемь футовъ. Такъ смотри: еще ли тебѣ кажется, что оно произойдетъ отъ удвоенной линіи?

Мал. Мнѣ кажется.

Сокр. И та линія будетъ двойною вразсужденіи этой,— такъ какъ бы мы прибавили сюда другую такую же?

Мал. Конечно.

Сокр. А изъ ней, говоришь, составится восьмифутовое пространство, если будутъ таковы всѣ четыре?

Мал. Да.

Сокр. Проведемъ же отъ ней четыре равныя. Не это ли В.
называешь ты восьмифутовымъ пространствомъ?

Мал. Конечно.

Сокр. Но въ этомъ четвероугольникѣ не четыре ли такихъ линіи, изъ которыхъ каждая равна этой четырехфутовой?

Мал. Да.

Сокр. Сколько же всего? — не четырежды ли столько?

Мал. Какъ же иначе?

Сокр. Итакъ четырежды столько составитъ пространство двойное?

Мал. Нѣтъ, клянусь Зевсомъ.

Сокр. Во сколько же большее?

Мал. Въ четыре раза.

Сокр. Слѣдовательно изъ линіи удвоенной, мальчикъ, С.
произойдетъ пространство не двойное, а четверное.

Мал. Правда.

Сокр. Потому что четырежды четыре—шестнадцать. Не такъ ли?

Мал. Такъ.

Сокр. А восьмифутовое пространство произойдетъ отъ какой линіи? Вотъ отъ этой происходитъ вѣдь въ четыре раза большее?

Мал. Да.

Сокр. Четырехфутовое же произошло отъ половины этой?

Мал. Точно.

Сокр. Пусть; а восьмифутовое не есть ли двойное вразсужденіи послѣдняго и половинное вразсужденіи перваго?

Мал. Конечно.

Сокр. Слѣдовательно оно не произойдетъ ни изъ большей, или этакой линіи, ни изъ меньшей, или этакой. Не
D. правда ли?

Мал. Кажется, такъ.

Сокр. Хорошо; отвѣчай же, что тебѣ кажется, и говори: одна линія была не въ два ли фута, а другая—не въ четыре ли?

Мал. Да.

Сокр. Поэтому, линія восьмифутоваго пространства должна быть больше этой линіи, двухфутовой, и меньше этой, четырехфутовой?

Мал. Должна быть.

E. *Сокр.* Попытайся же сказать, сколь велика она, по твоему мнѣнію.

Мал. Въ три фута.

Сокр. А если въ три фута; то не выйдетъ ли трехъ футовъ, когда мы возмемъ половину этой? — потому что здѣсь два, да здѣсь одинъ. Равнымъ образомъ и съ этой стороны: два здѣсь, да одинъ здѣсь. И вотъ тебѣ то пространство, о которомъ ты говоришь.

Мал. Такъ.

Сокр. Но если въ этой сторонѣ три, и въ этой три; то въ цѣломъ пространствѣ не трижды ли три фута?

Мал. Видимо.

Сокр. А трижды три—сколько составитъ футовъ?

Мал. Девять.

Сокр. Между тѣмъ какъ двойному пространству сколько надлежало бы заключать въ себѣ футовъ?

Мал. Восемь.

Сокр. Слѣдовательно пространство восьмифутовое происходитъ, видно, не изъ трехфутовой линіи.

Мал. Видно, не изъ трехфутовой.

Сокр. Изъ какой же? Попробуйся сказать намъ точнѣе,
84. и если не хочешь высчитать, то хоть покажи, сколь велика она должна быть.

Мал. Но клянусь Зевсомъ, Сократъ, что не знаю.

Сокр. Замѣчаешь ли опять, Менонъ, до какой степени воспоминанія наконецъ дойдено? Онъ и прежде конечно не зналъ, что̀ за линія восьмифутоваго пространства, равно какъ и теперь не знаетъ: но тогда былъ по крайней мѣрѣ увѣренъ, что знаетъ ее, — смѣло отвѣчалъ, какъ человѣкъ знающій, и не думалъ сомнѣваться; напротивъ теперь уже считаетъ нужнымъ сомнѣніе и, такъ какъ не знаетъ, то и увѣренъ въ своемъ незнаніи [1].

Мен. Правда. B.

Сокр. И настоящее его состояніе не лучше ли въ отношеніи къ тому предмету, котораго онъ не знаетъ?

Мен. Кажется, и это такъ.

Сокр. Слѣдовательно, приводя его въ недоумѣніе и оцѣпеняя, какъ оцѣпеняетъ торпиль, мы вѣрно не повредили ему?

Мен. Думаю, нѣтъ.

Сокр. Напротивъ, кажется, приготовили его къ тому, чтобы онъ могъ открыть, въ чемъ состоитъ дѣло. Теперь, не зная, онъ вѣдь съ удовольствіемъ станетъ изслѣдывать; а тогда былъ бы увѣренъ, что легко, часто и многимъ въ состояніи прекрасно говорить, будто двойное пространство C.
должно происходить отъ линіи, имѣющей двойную длину.

Мен. Вѣроятно.

Сокр. Итакъ думаешь ли, что онъ рѣшился бы изслѣдывать, или изучать то, въ чемъ представляетъ себя знающимъ, не зная, пока не впалъ бы въ недоумѣніе и, увѣрившись въ своемъ незнаніи, не пожелалъ бы узнать?

---

[1] Сократъ видитъ успѣхи мальчика именно въ томъ, что онъ наконецъ сознается въ своемъ незнаніи. Такова вообще цѣль Сократовой философіи — увѣриться чрезъ усилія ума въ его безсиліи и почувствовать жажду знанія,— цѣль совершенно противусофистическая; потому что и древніе и нынѣшніе софисты главнымъ дѣломъ поставляютъ увѣренность въ собственномъ знаніи, между тѣмъ, какъ на опытѣ оказывается, что въ знаніи-то именно у нихъ недостатокъ.

Мен. Не думаю, Сократъ.

Сокр. Значитъ, быть въ оцѣпененіи—полезно ему?

Мен. Кажется.

Сокр. Наблюдай же, что найдетъ онъ [1], начавъ такимъ сомнѣніемъ и изслѣдывая вмѣстѣ со мною; хотя я буду толь-
D. ко спрашивать, а не учить. Слѣди, откроешь ли, что я учу и изъясняю, или только требую его мнѣнія. Говори-ка мнѣ: это пространство не четырехфутовое ли! Понимаешь?

Мал. Да.

Сокр. И мы можемъ приложить [2] къ нему другое, ему равное?

Мал. Можемъ.

Сокр. И третье, равное каждому изъ нихъ?

Мал. Да.

Сокр. А нельзя ли намъ дополнить пространство въ этомъ углѣ?

Мал. Можно.

Сокр. Не вышло ли отсюда четырехъ равныхъ пространствъ?

E. *Мал*. Вышло.

Сокр. Ну чтожъ? Это цѣлое пространство во-сколько болѣе этого?

Мал. Въ четыре раза.

Сокр. Но вѣдь мы должны были получить двойное. Или ты не помнишь?

Мал. Конечно двойное.

Сокр. Вотъ эта линія, проведенная изъ одного котораго-нибудь угла къ другому, не разсѣкаетъ ли каждое изъ этихъ
85. пространствъ на двѣ части?

Мал. Разсѣкаетъ.

---

[1] *Наблюдай же, что найдетъ онъ*, σκέψαι δὴ—ὅ τι καὶ ἀνευρήσει. Такъ, вмѣстѣ съ Шлейермахеромъ и Штальбомомъ, читаю я и перевожу ὅ τι, вмѣсто ὅτι; потому что иначе ἀνευρήσει оставалось бы безъ винительнаго падежда, что не нравится; притомъ послѣ σκέψαι должно бы стоять не ὅτι, а ὡς.

[2] Προςθεῖμεν ἄν, кажется правильнѣе было бы читать: προςθείημεν.

Сокр. Не происходятъ ли отсюда четыре линіи равныхъ, связывающихъ собою это пространство?

Мал. Происходятъ.

Сокр. Смотри же, сколь велико это пространство.

Мал. Не знаю.

Сокр. Но каждая изъ этихъ линій пополамъ ли разсѣкла каждое изъ начертанныхъ четырехъ пространствъ, или нѣтъ?

Мал. Пополамъ.

Сокр. Сколько же такихъ пространствъ въ этомъ?

Мал. Четыре.

Сокр. А сколько въ этомъ?

Мал. Два.

Сокр. Но сколько составляютъ дважды четыре?

Мал. Вдвое.

Сокр. Значитъ, сколько тутъ будетъ футовъ? B.

Мал. Восемь.

Сокр. Отъ какой линіи происходятъ они?

Мал. Отъ этой.

Сокр. То-есть, отъ линіи четырехфутоваго пространства, идущей изъ одного угла къ другому?

Мал. Да.

Сокр. Такую линію софисты называютъ діаметромъ (діагональю); такъ что, если ея имя—діаметръ, то отъ діаметра, какъ сказалъ ты, мальчикъ Менона, и должно произойти двойное пространство.

Мал. Безъ сомнѣнія, Сократъ.

Сокр. Ну, какъ тебѣ кажется, Менонъ? произнесъ ли онъ какое-нибудь не свое мнѣніе?

Мен. Нѣтъ, всѣ его. C.

Сокр. Однако онъ не зналъ же, какъ мы говорили недавно.

Мен. Твоя правда.

Сокр. И между тѣмъ эти мнѣнія были-таки у него, или нѣтъ?

Мен. Были.

Сокр. Слѣдовательно у человѣка, который не знаетъ того, чего можетъ не знать, есть вѣрныя понятія о томъ, чего онъ не знаетъ.

Мен. Видимо.

Сокр. И теперь они вдругъ возбуждаются у него, какъ сновидѣніе. Если же кто-нибудь начнетъ часто и различнымъ образомъ спрашивать его о томъ самомъ предметѣ; то согласись, что наконецъ онъ, безъ всякаго сомнѣнія, будетъ знать о немъ ничѣмъ не хуже другаго.

D. *Мен.* Вѣроятно.

Сокр. Поэтому будетъ знать, не учась ни у кого, а только отвѣчая на вопросы; то-есть, почерпнетъ знаніе въ самомъ себѣ?

Мен. Да.

Сокр. Но почерпать знаніе въ самомъ себѣ, не значитъ ли—припоминать?

Мен. Конечно.

Сокр. И припоминать не то ли знаніе, которымъ онъ обладаетъ теперь, которое пріобрѣлъ когда-то, или имѣлъ всегда?

Мен. Да.

Сокр. Но какъ скоро онъ имѣлъ его всегда, то всегда
былъ и знающимъ: а если допустимъ, что пріобрѣлъ когда-
нибудь, то пріобрѣлъ конечно не въ этой жизни. Развѣ кто
E. выучилъ его геометріи? Вѣдь онъ въ отношеніи къ этой на-
укѣ будетъ дѣлать то самое, что и въ отношеніи ко всѣмъ
другимъ. Итакъ кто же научилъ его? Ты безъ сомнѣнія
долженъ знать это, особенно когда онъ и рожденъ и вскорм-
ленъ въ твоемъ домѣ.

Мен. Да, я знаю, что его никто и никогда не училъ.

Сокр. Однакожъ онъ имѣетъ эти мнѣнія, или нѣтъ?

Мен. По видимому, необходимо допустить, Сократъ.

Сокр. Такъ не очевидно ли, что, не получивъ ихъ въ
86. настоящей жизни, онъ имѣлъ и узналъ ихъ въ какое-то дру-
гое время?

Мен. Явно.

Сокр. И не то ли это время, когда онъ не былъ человѣкомъ?

Мен. Да.

Сокр. Если же въ то время, когда онъ былъ, но не былъ человѣкомъ, долженствовали находиться въ немъ истинныя мнѣнія, которыя, будучи возбуждаемы посредствомъ вопросовъ, становятся познаніями; то душа его не будетъ ли познавать въ продолженіе всего времени? Вѣдь явно, что она существуетъ всегда, хотя и не всегда человѣкъ.

Мен. Явно.

Сокр. А когда истина сущаго всегда находится у насъ B.
въ душѣ; то не безсмертна ли эта душа [1]? такъ что, не зная теперь, то-есть, не припомнивъ чего-нибудь, ты долженъ смѣло рѣшиться изслѣдывать и припоминать.

Мен. Мнѣ кажется, Сократъ, ты говоришь такъ хорошо, что я и не знаю.

Сокр. Да и мнѣ то же кажется, Менонъ. Впрочемъ о дальнѣйшемъ болѣе надлежащаго утверждать не могу; а за то, что признавая нужнымъ изслѣдывать, чего кто не знаетъ, мы были бы лучше, мужественнѣе и дѣятельнѣе, чѣмъ тогда, когда бы думали, что чего не знаемъ, того и нельзя найти, и не должно изслѣдывать,—за это я, сколько достанетъ C.
силъ, буду стоять и словомъ и дѣломъ.

---

[1] Такое доказательство безсмертія нѣкоторые критики почитаютъ страннымъ; потому что Платонъ выводитъ истину безсмертія души изъ одного созерцанія вещей въ до-мірномъ ея существованіи. Но признаюсь, я не нахожу тутъ ничего страннаго. Если душа, живя нѣкогда въ хорѣ боговъ, какъ говорится въ Федрѣ, видѣла все, и, если это все, ею видѣнное, есть истина сущаго, оставшаяся въ ней и вошедшая въ ея существо; то какъ же она не безсмертна? Мы обыкновенно признаемъ безсмертіе души, ut statum futurum, потому что почитаемъ душу твореніемъ современнымъ созданію природы; по нашему понятію, безсмертіе ея основывается на благости Творца, который даровалъ ей свой образъ и подобіе, а потомъ это подобіе возстановилъ и обновилъ благодатію искупленія. Напротивъ Платонъ разумѣлъ безсмертіе души ut statum praeteritum, или лучше, anteactum, и въ основаніе будущаго ея безсмертія полагалъ бытіе до-мірное. Если, то-есть, въ существѣ души есть идея *прежняго безсмертія*, то ея существо, уже по силѣ этой самой идеи, должно быть безсмертно и *послѣ*. Впрочемъ см. Phaedon p. 91 D sqq.

Мен. Вотъ и это, мнѣ кажется, хорошо сказано, Сократъ.

Сокр. Если же мы согласны между собою, что надобно изслѣдывать предметъ, котораго кто-нибудь не знаетъ; то хочешь ли, приступимъ съобща къ изслѣдованію того, что такое добродѣтель?

Мен. Безъ сомнѣнія. Однакожъ я гораздо охотнѣе разсматривалъ бы и слушалъ то, Сократъ, о чемъ сначала спрашивалъ, а именно: къ добродѣтели должно ли приступать, какъ къ чему-то изучимому, или какъ къ такому предмету,
D. который дается природою, либо достается людямъ какимъ-нибудь инымъ образомъ?

Сокр. А еслибы я управлялъ — нетолько собою, да и тобою, Менонъ; то мы разсмотрѣли бы, изучима ли добродѣтель, или не изучима, — уже по рѣшеніи вопроса, чтò она такое. Но такъ какъ ты собою-то управлять не хочешь, потому что свободенъ, а мною и хочешь и управляешь; то я
E. уступлю тебѣ. Да, что дѣлать? Видно приходится разсматривать, каково что-нибудь, прежде нежели знаемъ, чтò это такое. Или ужъ, если не болѣе, то по крайней мѣрѣ немного ослабь свою власть и позволь мнѣ разсмотрѣть, изучима ли добродѣтель, или достается какъ иначе,—на основаніи предположенія. А разсматривать на основаніи предположенія, по моему мнѣнію, значитъ то же, что часто дѣлаютъ геометры. Если спрашиваютъ ихъ, напримѣръ, о пространствѣ, можетъ ли хоть вотъ это пространство, обращенное въ треугольникъ, быть наложено на этотъ кругъ [1]; то всякій изъ нихъ от-

[1] ***Можетъ ли это пространство, обращенное въ треугольникъ, быть наложено на этотъ кругъ?*** *εἰ οἷόν τε ἐς τόνδε τὸν κύκλον τόδε τὸ χωρίον τρίγωνον ἐνταθῆναι;* Почти всѣ истолкователи Платона переводятъ эти слова такъ: можетъ ли этотъ треугольникъ (*τόδε τὸ χωρίον τρίγωνον*) быть наложенъ на этотъ кругъ? Но тогда стояло бы: *τόδε τὸ τρίγωνον χωρίον*, между тѣмъ какъ здѣсь *τρίγωνον* очевидно есть слово объясняющее, предикатъ въ отношеніи къ слову *τὸ χωρίον*. Поэтому смыслъ рѣчи долженъ быть такой, какбы Платонъ сказалъ: *εἰ οἷόν τε τόδε τὸ χωρίον εἰς τόνδε τὸν κύκλον ἐνταθῆναι ὡς τρίγωνον;* Сократъ вѣроятно указалъ Менону на начертанный прежде на пескѣ квадратъ и спросилъ: можетъ ли этотъ квадратъ, обращенный въ равный себѣ тре-

вѣчаетъ, что ему еще неизвѣстно, такъ ли это будетъ,—тутъ 87.
предварительно требуется, думаю, нѣкоторое предположеніе.
Какъ скоро это пространство таково, что данная его линія, и
по протяженіи, сколько бы она протянута ни была останется
короче такого пространства[1]; то выйдетъ нѣчто иное: и опять
иное, когда послѣднее окажется несообразнымъ. Итакъ я B.
хочу сказать тебѣ на основаніи предположенія, что должно
выдти, при наложеніи треугольника на кругъ,—возможно ли
то, или нѣтъ. То же самое — и о добродѣтели: не зная, что̀
такое и какова она, мы будемъ разсматривать на основаніи
предположенія, можно ли изучать ее, или нельзя. Объяснимся
такъ: предположимъ, что добродѣтель есть нѣчто относящееся
къ душѣ; въ такомъ случаѣ изучима она, или нѣтъ?
И во-первыхъ, если подъ нею разумѣется нѣчто, отличное
отъ знанія; то изучать ее нельзя [2], но, какъ теперь же сказали,
надобно только припоминать: — нѣтъ нужды, какое бы
слово мы тутъ ни употребили. Такъ изучима ли добродѣтель?
или всякому понятно, что человѣкъ ничего не изу- C.
чаетъ, кромѣ знанія [3].

Мен. Кажется.

Сокр. Если же, напротивъ, добродѣтель есть знаніе, то явно, что ей можно учиться.

угольникъ, быть вписанъ въ этомъ кругѣ, такъ чтобы углы перваго касались окружности послѣдняго? Въ такомъ именно значеніи слово ἐγγράφειν употребляется и у Эвклида (Elem. IV).

[1] ***Если это пространство таково, что данная его линія, и по протяженіи, останется короче того пространства, которое будетъ написано,*** εἰ μὲν ἐστι τοῦτο τὸ χωρίον τοιοῦτον, οἷον παρὰ τὴν δοθεῖσαν αὐτοῦ γραμμὴν παρατείναντα ἐλλείπειν τοιούτῳ, οἷον ἂν αὐτὸ τὸ παρατεταμένον ᾖ. Эти слова Платона весьма затрудняютъ переводчиковъ. Во-первыхъ παρατείναντα стоитъ внѣ всякой конструкціи и, по всей вѣроятности, повреждено: лучше бы, кажется, читать παρατεἰναν и относить его къ существительному τὸ χωρίον. Во-вторыхъ οἷον ἂν αὐτὸ τὸ παρατεταμένον ᾖ относится ли къ треугольнику, или кругу? Основываясь на значеніи слова παρατείνειν въ формѣ παρατεἰναν, я отношу это послѣднее выраженіе къ треугольнику.

[2] Въ подлинникѣ стоитъ: ἆρα διδακτὸν ἢ οὔ; но кажется, согласнѣе было бы съ ходомъ Платоновыхъ мыслей читать: ἆρα οὐ διδακτόν.

[3] Это мѣсто по всей вѣроятности или повреждено, или вошло въ текстъ e margine, какъ замѣтка какого-нибудь поверхностнаго читателя.

Мен. Какъ не мочь?

Сокр. Значитъ, отъ этого мы вдругъ отдѣлаемся: когда она такова, то изучима; а когда такова, то нѣтъ [1].

Мен. Конечно.

Сокр. Такъ видно, послѣ этого надобно разсмотрѣть, добродѣтель есть ли знаніе, или она отлична отъ знанія.

Мен. Мнѣ кажется, послѣ этого нужно именно такое изслѣдованіе.

D. *Сокр*. Чтожъ теперь? не назовемъ ли мы добродѣтели самымъ добромъ, оставаясь вѣрными тому предположенію, что она есть самое добро?

Мен. Безъ сомнѣнія.

Сокр. Но если есть какое-нибудь добро, отдѣльное отъ знанія; то вотъ добродѣтель и не будетъ уже знаніемъ. Напротивъ, когда нѣтъ ничего добраго, что не давалось бы знаніемъ, — не справедливо ли гадали бы мы, что она есть знаніе?

Мен. Такъ.

Сокр. Однакожъ мы добры вѣдь добродѣтелію?

Мен. Да.

E. *Сокр*. А когда добры, то и полезны; потому что все доброе — полезно. Не такъ ли?

Мен. Да.

Сокр. Слѣдовательно добродѣтель и полезна?

Мен. Изъ допущеннаго необходимо.

Сокр. Возмемъ же все порознь и разсмотримъ, въ чемъ состоитъ та польза, которую она приноситъ намъ. — Въ здоровьѣ, скажемъ мы, въ силѣ, красотѣ, богатствѣ [2]: вотъ

---

[1] *А когда такова, то нѣтъ*, τοιοῦδε δ', οὔ. Бутманъ остроумно замѣчаетъ, что Сократъ остерегается, какъ бы не назвать добродѣтели незнаніемъ, и потому употребляетъ выраженіе ἀλλοῖον ἐπιστήμης, равно какъ и здѣсь—не говоритъ: μὴ τοιοῦδε, но въ обоихъ членахъ дѣленія повторяетъ τοιοῦδε. Отсюда видно, какъ несправедлива критика Аста, когда онъ навязываетъ Сократу мысль, что добродѣтель не есть знаніе.

[2] Подъ эти именно четыре вида древніе Греки подводили всѣ внѣшнія блага. Вотъ сколія Симонида, или Эпихарма: ὑγιαίνειν μὲν ἄριστον ἀνδρὶ θνατῷ

это и другое тому подобное мы называемъ полезнымъ. Не такъ ли?

Мен. Да.

Сокр. Но тому же самому иногда приписываемъ и вредъ. 88.
Такъ ли бы ты сказалъ, или иначе?

Мен. Не иначе, а такъ.

Сокр. Смотри же: когда и подъ какимъ управленіемъ каждая изъ этихъ вещей бываетъ полезна намъ, когда и подъ какимъ — вредитъ? Не тогда ли полезна, когда правильно употребляется, и не тогда ли вредитъ, когда—неправильно?

Мен. Конечно.

Сокр. Разсмотримъ еще и то, что есть въ нашей душѣ. Ты допускаешь разсудительность, справедливость, мужество, образованность, память, великолѣпіе и другое тому подобное?

Мен. Допускаю. B.

Сокр. Вникни же, которая изъ этихъ вещей кажется тебѣ не знаніемъ, а чѣмъ-то отличнымъ отъ знанія; и не таковы ли онѣ, что иногда вредятъ, а иногда приносятъ пользу, каково, напримѣръ, мужество, когда оно не есть разсудительность, а походитъ на дерзость? Не правда ли, что человѣкъ смѣлый, безъ ума, получаетъ вредъ, а съ умомъ—пользу?

Мен. Да.

Сокр. Не такимъ же ли образомъ и разсудительность, и образованность? познаваемое и исполняемое съ умомъ полезно, а безъ ума—вредно.

Мен. Безъ сомнѣнія.

Сокр. Слѣдовательно всѣ вообще преднамѣренія и усилія C.
души, подъ руководствомъ разумности, оканчиваются счастіемъ, а подъ руководствомъ безумія—противнымъ тому?

Мен. Вѣроятно.

Сокр. Если же добродѣтель принадлежитъ къ тому, что находится въ душѣ, и необходимо полезна; то надобно,

---

δεύτερον δὲ καλὸν φυὰν γενέσθαι, τὸ τρίτον δὲ πλουτεῖν ἀδόλως, καὶ τὸ τέταρτον ἡβᾶν μετὰ τῶν φίλων. См. *Jacobs*. ad Antholog. gr. T. I. p. 208. sq.

чтобъ она была разумною; такъ какъ все, находящееся въ душѣ, само по себѣ и не полезно, и не вредно, а вмѣстѣ съ
D. разумностію или безуміемъ, либо вредно, либо полезно. На этомъ основаніи добродѣтель, признанная полезною, должна имѣть нѣкоторую разумность.

Мен. Мнѣ кажется.

Сокр. Не такимъ же ли образомъ и прочее, о чемъ мы недавно упоминали, то-есть, богатство и другое тому подобное—иногда благодѣтельно, иногда вредно? Какъ разумность, управляющая иными свойствами души, дѣлаетъ ихъ полезными, а безуміе—вредными: не такъ ли душа поступа-
E. етъ и съ ними? употребляя и распредѣляя ихъ справедливо, она дѣлаетъ ихъ полезными, а несправедливо—вредными.

Мен. Конечно.

Сокр. Но справедливо-то управляется разумный, а погрѣшительно—неразумный?

Мен. Такъ.

Сокр. Не то же ли надобно сказать и вообще? Все прочее въ человѣкѣ, чтобы быть ему добрымъ, зависитъ отъ души,
89. а все душевное—отъ разумности. По этой причинѣ разумность должна быть полезна. Но мы и добродѣтель назвали полезною?

Мен. Конечно.

Сокр. А разумность назвали добродѣтелію — всецѣлою, или нѣкоторою ея частію?

Мен. Слова твои, Сократъ, мнѣ кажется, весьма хороши.

Сокр. Если же такъ; то добрые—добры не отъ природы.

Мен. Кажется, нѣтъ.

Сокр. Да пусть бы и это было. Еслибы добрые были
B. добры отъ природы; то между нами нашлись бы люди, которые юношей, добрыхъ по природѣ, узнали бы; а мы, по указанію этихъ людей, взяли бы ихъ и берегли въ крѣпости [1],

---

[1] Государственныя драгоцѣнности Аѳинъ обыкновенно сохранялись въ акрополисѣ. См. *Boeckh.* de Oecon. Att. 11. p. 203. Cenf. T. I. p. 473.

запечатавши тщательнѣе, чѣмъ золото, чтобы никто не развратилъ ихъ и чтобы, пришедши въ возрастъ, они благодѣтельствовали городамъ.

Мен. Слѣдовало бы-таки, Сократъ.

Сокр. Но когда добрые — добры не отъ природы; то видно,—отъ науки?

Мен. Мнѣ кажется, это уже необходимо. Да и изъ пред- C.
положенія видно, Сократъ, что, какъ скоро добродѣтель есть знаніе, то она изучима.

Сокр. Можетъ быть, клянусь Зевсомъ; но не худо ли мы сдѣлали, что согласились?

Мен. Однако сей-часъ намъ казалось это хорошимъ.

Сокр. Да хорошо сказанное должно быть таково нетолько сей-часъ, но и теперь, и послѣ, — если въ немъ есть нѣчто здравое.

Мен. Такъ чтожъ? съ какой стороны это не нравится D.
тебѣ и заставляетъ не вѣрить, что добродѣтель есть знаніе [1]?

Сокр. Я скажу, Менонъ. Не хочу переиначивать свое мнѣніе, будто нехорошо утверждаютъ, говоря, что какъ скоро добродѣтель есть знаніе, то она изучима: но смотри, справедливо ли, по твоему мнѣнію, я не вѣрю, что добродѣтель есть знаніе. Скажи-ка мнѣ вотъ что: если нетолько добродѣтель, но и какая бы то ни была вещь,—изучима; то не необходимы ли, въ отношеніи къ ней, какъ учители, такъ и ученики?

Мен. Кажется.

Сокр. А когда напротивъ для вещи нѣтъ ни учителей, ни E.
учениковъ; то не хороша ли была бы догадка, еслибы мы догадывались, что она не изучима?

Мен. Такъ; но учителей добродѣтели развѣ, ты думаешь, нѣтъ?

---

[1] *И заставляетъ не вѣрить, что добродѣтель есть знаніе?* ἀπιστεῖς, μὴ οὐκ ἐπιστήμη ᾗ. Послѣ глагола ἀπιστεῖν и имени ἀπιστία Платонъ весьма нерѣдко употребляетъ двойное отрицаніе, и именно въ томъ случаѣ, когда эти слова заключаютъ въ себѣ понятіе страха, или опасенія. Сравн. Phæd. 70. A.

Сокр. Да, я часто ищу, есть ли какіе-нибудь учители добродѣтели,—все дѣлаю; но не могу найти. Притомъ ищу вмѣстѣ со многими, и особенно съ такими людьми, которыхъ почитаю опытнѣйшими въ этомъ отношеніи. Вотъ и теперь, Менонъ, весьма кстати подсѣлъ къ намъ именно такой человѣкъ, которому можно сообщить свой вопросъ. — Да сооб-
90. щить ему было бы и справедливо [1]; потому что Анитъ во-первыхъ сынъ богатаго и мудраго отца, Анѳеміона, который сдѣлался богатымъ не по случаю и не отъ щедрости другаго, какъ недавно Исменіасъ Ѳивянинъ, получившій имѣніе Поликрата, но собралъ богатство своею мудростію и стараніемъ; во-вторыхъ онъ по всему кажется гражданиномъ не гордымъ, не надутымъ и не спѣсивымъ, но человѣкомъ виднымъ
B. и показнымъ; потомъ онъ, по мнѣнію аѳинскаго народа, прекрасно воспиталъ и образовалъ своего сына [2], за что Аѳиняне избираютъ его въ важныя правительственныя должности. Итакъ справедливо изслѣдовать вмѣстѣ съ нимъ, есть ли учители добродѣтели, или нѣтъ, и кто такіе. Помоги же, Анитъ, мнѣ и твоему гостю, Менону, въ рѣшеніи вопроса объ этомъ предметѣ, то-есть, кто бы могъ быть учителемъ. А разсматривай вотъ какъ: еслибы мы захотѣли сдѣлать этого Менона хорошимъ врачемъ; то къ какимъ бы послали его учителямъ? не правда ли, что къ врачамъ?

---

[1] *Сообщить ему было бы справедливо*, εἰκότως δ' αὖ μεταδοῖμεν ἄν. Бутманъ замѣчаетъ, что αὖ послѣ εἰκότως вовсе не имѣетъ значенія,—и это справедливо. Повидимому, переписчикъ не дописалъ слова αὐτῷ, которое было бы здѣсь очень кстати.

[2] *Прекрасно воспиталъ и образовалъ своего сына.* Сократъ превозноситъ похвалами Анитова отца — преимущественно въ томъ отношеніи, что онъ былъ не гордъ, не надутъ, не спѣсивъ, и прекрасно воспиталъ своего сына, а между тѣмъ ниже доказываетъ, что и самые добродѣтельные мужи не могутъ передать дѣтямъ собственной добродѣтели. Изъ этого не трудно замѣтить, что Сократовъ отзывъ о прекрасномъ воспитаніи Анита есть иронія, намекающая на недостатокъ въ немъ добрыхъ качествъ отца, то-есть, на его гордость, надутость и спѣсь. На это же указываетъ оговорка Сократа, что Анитъ получилъ прекрасное воспитаніе, *по мнѣнію аѳинскаго народа,* которому, то-есть, онъ былъ преданъ во время борьбы съ тридцатью тираннами. *Lusac.* de Socrate Cive p. 132. sq.

Ан. Конечно. C.

Сокр. А когда бы пожелали, чтобъ онъ былъ хорошимъ башмачникомъ, то вѣрно—къ башмачникамъ?

Ан. Да.

Сокр. И такъ во всемъ?

Ан. Конечно.

Сокр. Скажи мнѣ опять вотъ что о томъ же предметѣ. Посылая его, какъ говоримъ, къ врачамъ, мы хорошо поступили бы, если хотимъ, чтобъ онъ былъ врачемъ. Но го-
воря это, не разумѣемъ ли, что мы благоразумнѣе сдѣла- D.
емъ, когда отправимъ его къ такимъ врачамъ, которые почитаются представителями искуства, берутъ за то плату и объявляютъ себя учителями всѣхъ, желающихъ ходить къ нимъ и учиться, нежели къ такимъ, которыхъ не почитаютъ представителями? Не на это ли смотря, мы поступили бы хорошо?

Ан. Да.

Сокр. Не такъ же ли касательно игры на флейтѣ и дру- E.
гихъ предметовъ? Великая была бы глупость, желая когонибудь сдѣлать флейщикомъ, не хотѣть посылать его къ людямъ, которые обѣщаются научить этому искуству и берутъ за то плату, а возлагать хлопоты о томъ на другихъ,—отправлять охотника къ тѣмъ, которые и не выдаютъ себя за учителей, и не имѣютъ ни одного ученика въ такомъ предметѣ, какому посылаемый, по нашему изволенію, долженъ учиться. Не великое ли это, думаешь, было бы безразсудство?

Ан. Да, клянусь Зевсомъ, — даже невѣжество [1].

Сокр. Ты хорошо говоришь. Значитъ, теперь можешь, 91.
вмѣстѣ со мною, судить объ этомъ иностранцѣ Менонѣ.

---

[1] *Даже и невѣжество*, *καὶ ἀμαθία γε πρός*. Ἀμαθία значитъ болѣе, чѣмъ *ἀλογία*, безразсудство. Послѣднее выражаетъ неправильность мышленія о какомъ-нибудь предметѣ, логическую ошибку, или даже дѣятельность, не расчитанную здравымъ размышленіемъ: напротивъ первое указываетъ на недостатокъ способностей, на самое безсиліе *λογικώτερον λέγειν τε καὶ ἐργάζεσθαι*. *Hemsterhus*. ad Arist. Plut. p. 385. *Wolf*. de Demosth. Lept. p. 99.

Видишь, Анитъ; онъ уже давно твердитъ мнѣ, что ему хочется такой мудрости и добродѣтели, посредствомъ которой люди хорошо управляютъ домомъ и городомъ, служатъ своимъ родителямъ, умѣютъ, какъ прилично доброму человѣ-
B. ку, принимать и отпускать согражданъ и иностранныхъ гостей. Такъ вотъ смотри-ка,—для такой-то добродѣтели къ кому бы намъ вѣрнѣе отправить его: не явно ли изъ предъидущаго, что къ тѣмъ, которые вызываются быть учителями добродѣтели и, объявляя себя общими для каждаго изъ Эллиновъ, желающаго учиться, назначаютъ за то плату и берутъ ее?

Ан. Но кого же, Сократъ, почитаешь ты такими учителями?

Сокр. Вѣроятно знаешь и ты, что люди называютъ ихъ софистами.

C. *Ан.* О Ираклъ! говори лучше, Сократъ. Никто—ни изъ сродниковъ, ни изъ домашнихъ, ни изъ друзей, ни изъ Аѳинянъ, ни изъ иностранцевъ, не достигъ до такого безумія, чтобы пойти къ нимъ и развратиться. Вѣдь они—явная порча и язва своихъ близкихъ.

Сокр. Что ты говоришь, Анитъ? Неужели софисты, одни изъ людей, приписывающихъ себѣ какое-нибудь умѣнье благодѣтельствовать, такъ различаются отъ всѣхъ, что тому, что имъ ввѣрено, нетолько не приносятъ пользы, подобно прочимъ, но даже причиняютъ вредъ и за то еще от-
D. крыто изволятъ брать деньги? Вотъ ужъ не знаю, какъ тебѣ вѣрить. А мнѣ извѣстенъ былъ одинъ человѣкъ, Протагоръ [1], который такою мудростію нажилъ себѣ больше денегъ, чѣмъ Фидіасъ, дѣлавшій столь отлично прекрасныя вещи, и вмѣстѣ съ нимъ другіе десять скульпторовъ. Да и странно: еслибы люди, занимающіеся починкою старыхъ башмаковъ и зашиваньемъ платья, возвращали то и дру-

---

[1] Объ урокахъ Протагора и цѣнѣ, какую онъ бралъ за нихъ см. прим. къ Протаг. р. 328 B.

гое въ худшемъ состояніи, чѣмъ приняли; то они не укрылись бы и въ продолженіе тридцати дней, но чрезъ такіе поступки скоро умерли бы съ голоду. Напротивъ Протагоръ, развращая приближенныхъ и отпуская ихъ худшими, чѣмъ принималъ, укрывался отъ всей Греціи въ продолженіе сорока лѣтъ; потому что умеръ, думаю, почти уже лѣтъ семидесяти отъ роду, а занимался своимъ искуствомъ около сорока, и во все это время, даже до настоящаго дня, не потерялъ своей славы. И только ли Протагоръ?—много и другихъ, изъ которыхъ иные жили прежде его, а иные живутъ еще и теперь. Итакъ скажемъ ли, согласно съ твоимъ мнѣніемъ, что они сознательно обманываютъ и развращаютъ юношей, или дѣлаютъ это безъ сознанія? И такимъ образомъ признаемъ ли безумными тѣхъ, которыхъ называютъ людьми мудрѣйшими? E. 92.

Ан. Они-то не безумны, Сократъ: гораздо безумнѣе ихъ юноши, дающіе имъ деньги; а еще болѣе безумны родственники, ввѣряющіе имъ своихъ дѣтей; безумнѣе же всѣхъ города, позволяющіе имъ вступать въ свои предѣлы, и не изгоняющіе — иностранца ли то, или Аѳинянина, какъ скоро онъ рѣшается на такіе поступки. B.

Сокр. Что? тебя, Анитъ, обидѣлъ кто-нибудь изъ софистовъ, или—почему ты такъ сердитъ на нихъ?

Ан. Нѣтъ, клянусь Зевсомъ; я и самъ никогда, ни съ кѣмъ изъ нихъ не имѣлъ дѣла, и никому изъ своихъ не позволилъ бы этого.

Сокр. Слѣдовательно ты вовсе незнакомъ съ ними?

Ан. И быть тому такъ.

Сокр. Но какимъ же образомъ, чудный человѣкъ, ты можешь знать объ этомъ предметѣ, заключаетъ ли онъ въ себѣ что-нибудь доброе, или худое, когда вовсе не знакомъ съ нимъ? C.

Ан. Легко. Знакомъ ли я съ ними, или нѣтъ,—мнѣ по крайней мѣрѣ извѣстно, кто они.

Сокр. Ты, Анитъ, можетъ быть прорицатель; потому что

иначе, судя по твоимъ словамъ, удивительно, какъ бы-таки тебѣ знать о нихъ. Впрочемъ мы ищемъ вѣдь не тѣхъ, которыхъ посѣщая, Менонъ сдѣлался бы худымъ: такіе-то люди,
D. пожалуй, пусть будутъ софисты. Назови же намъ другихъ и окажи благодѣяніе этому отечественному гостю: объяви ему, къ кому онъ долженъ отправиться въ столь обширномъ городѣ, чтобы въ добродѣтели, которая недавно разсматриваема была мною, выдти человѣкомъ, стоющимъ имени.

Ан. А почему самъ ты не объявишь ему?

Сокр. Я уже сказалъ, кого почиталъ учителями въ этомъ предметѣ; но изъ твоихъ словъ видно, что мною ничего не
E. сказано. Можетъ быть, это и правда. Скажи же и ты въ свою очередь, къ кому изъ Аѳинянъ идти ему; назови, чье хочешь, имя.

Ан. Къ чему слышать имя одного человѣка? Съ кѣмъ бы изъ Аѳинянъ хорошихъ и добрыхъ ни сошелся онъ, всякій научитъ его лучше, нежели софисты, если найдетъ въ немъ довольно послушанія.

Сокр. Но эти хорошіе и добрые стали такими неужели случайно, не учась ни у кого? И какимъ образомъ тому, чему сами не учились, могутъ они учить другихъ?

93. *Ан.* Они, пожалуй, учились у своихъ предковъ, которые были столь же хороши и добры. Развѣ не кажется тебѣ, что въ этомъ городѣ бывало много людей добрыхъ?

Сокр. Мнѣ-то кажется, Анитъ, что здѣсь и теперь есть люди добрые по дѣламъ политическимъ, и бывало ихъ не менѣе, чѣмъ нынѣ. Но были ли они, говорю, и добрыми наставниками въ своей добродѣтели? Вопросъ, о которомъ
B. идетъ у насъ рѣчь, состоитъ вѣдь не въ томъ, есть ли здѣсь добрые люди, или нѣтъ, и не въ томъ, бывали ли они прежде: мы давно уже разсматриваемъ, изучима ли добродѣтель. А разсматривая это, разсматриваемъ вотъ что: добрые люди настоящаго и прежнихъ временъ умѣли ли ту добродѣтель, по которой были сами добры, передать и другому, или она не передается человѣкомъ и не переходитъ отъ лица къ ли-

цу? Это-то давно уже изслѣдываемъ мы — я и Менонъ. Такъ смотри сюда изъ своихъ основаній. Не сказалъ ли бы ты, что Өемистоклъ былъ человѣкъ добрый?

Ан. Конечно сказалъ бы,—и добрѣе всѣхъ. C.

Сокр. Значитъ, если кто другой могъ учить своей добродѣтели, то онъ былъ конечно хорошимъ учителемъ?

Ан. Думаю, еслибы только захотѣлъ.

Сокр. А думаешь ли, что онъ не хотѣлъ сдѣлать хорошимъ и добрымъ нетолько кого-нибудь, но даже и собственнаго сына? Или, по твоему мнѣнію, Өемистоклъ завидовалъ ему и умышленно не передалъ добродѣтели, по которой самъ D.
былъ добрымъ? Развѣ ты не слышалъ, что онъ образовалъ своего сына, Клеофанта, добрымъ всадникомъ; такъ что послѣдній держался на конѣ стоя, стоя на конѣ срѣлялъ и дѣлалъ много другихъ чудесъ? Всему этому отецъ научилъ его и сдѣлалъ мудрецомъ, сколько зависѣло отъ добрыхъ учителей. Или ты не слыхалъ объ этомъ отъ стариковъ?

Ан. Слыхалъ.

Сокр. Слѣдовательно никто не могъ обвинять природу его сына въ тупости.

Ан. Можетъ быть. E.

Сокр. Но что потомъ? слыхалъ ли ты когда-нибудь отъ юношей, или стариковъ, что Клеофантъ, сынъ Өемистокла, былъ добръ и мудръ въ томъ, въ чемъ отецъ его?

Ан. Ну нѣтъ.

Сокр. Неужели же мы подумаемъ, что тому-то онъ старался научить своего сына, а въ этой мудрости, въ которой самъ былъ мудрецомъ, не сдѣлалъ бы его лучше сосѣдей, еслибы добродѣтель была дѣйствительно изучима?

Ан. Можетъ быть, не подумаемъ, клянусь Зевсомъ.

Сокр. Итакъ вотъ тебѣ учитель добродѣтели, котораго и 94.
ты относишь къ числу отличнѣйшихъ между предками. Посмотримъ еще на другаго,—на Аристида, сына Лизимахова: не согласишься ли ты, что онъ былъ добръ?

Ан. Совершенно согласенъ.

Сокр. И этотъ сына своего Лизимаха, сколько зависѣло отъ учителей, воспиталъ лучше всѣхъ Аѳинянъ [1]: а какъ тебѣ кажется? сдѣлалъ ли его лучшимъ человѣкомъ? Вѣдь ты бываешь съ нимъ вмѣстѣ и видишь, каковъ онъ. Возьми, по-
B. жалуй, хоть Перикла, столь великолѣпно-мудраго мужа: знаешь ли, что онъ воспиталъ двухъ сыновей, Паралоса и Ксантиппа?

Ан. Знаю.

Сокр. Вѣдь они, какъ и тебѣ извѣстно, выучены ѣздить верхомъ не хуже Аѳинянъ, и никого не хуже знаютъ музыку, гимнастику и все другое, зависящее отъ искуствъ. Но неужели Периклъ не хотѣлъ образовать ихъ добрыми людьми? Мнѣ кажется, хотѣлъ; да видно это неизучимо. А чтобы ты не подумалъ, будто немногіе и притомъ самые худые
C. Аѳиняне [2] не могутъ сдѣлаться такими, то замѣть, что и Ѳукидидъ воспиталъ двухъ сыновъ, Мелисіаса и Стефана, которые прекрасно были наставлены и въ прочихъ искуствахъ, а въ гимнастическихъ упражненіяхъ превосходили всѣхъ Аѳинянъ; потому что Ѳукидидъ одного изъ нихъ ввѣрилъ Ксанѳіасу, а другаго — Эвдору, которые считались тогда отличнѣйшими бойцами. Или ты не помнишь?

Ан. Знаю—по слуху.

Сокр. Такъ не явно ли, что научивъ дѣтей своихъ тому,
D. что требовало издержекъ, онъ еще охотнѣе сдѣлалъ бы ихъ добрыми людьми, для чего издержекъ не нужно, еслибы это изучалось? Впрочемъ, можетъ быть, Ѳукидидъ былъ человѣкъ маловажный и не имѣлъ довольно друзей между Аѳинянами и союзниками ихъ? — Нѣтъ, онъ и принадлежалъ къ большому дому, и много могъ, какъ въ отечествѣ, такъ и у другихъ Грековъ; значитъ, еслибы это было изучимо, нашелъ бы

---

[1] См. Лах. 179. C. D. и мое прим. къ этому мѣсту.

[2] *И притомъ самые худые Аѳиняне*. Этимъ отнюдь не указывается на Аристида и Ѳемистокла, какъ подозрѣваетъ Шлейермахеръ: Платонъ говоритъ общее положеніе, или новую мысль, которая не должна имѣть связи съ предыдущею.

людей—между соотечественниками, или иностранцами, которые сдѣлали бы его сыновей добрыми, хотя бы общественныя занятія и не давали досуга ему самому. Такъ нѣтъ, любезный Анитъ, видно добродѣтели учить нельзя. E.

Ан. Тебѣ, кажется, нетрудно, Сократъ, худо отзываться о людяхъ. Но, если хочешь послушаться меня,—совѣтую быть осторожнѣе. Можетъ быть, и въ другомъ городѣ легче бываетъ дѣлать имъ зло, чѣмъ добро [1], а здѣсь—тѣмъ болѣе. Ты и самъ, думаю, знаешь это.

Сокр. Менонъ! Анитъ-то, кажется, сердитъ на меня,—да 95.
и неудивительно; потому что во-первыхъ почитаетъ меня порицателемъ такихъ людей, во-вторыхъ относитъ и себя къ числу ихъ. Но если онъ узнаетъ, что значитъ говорить худо, то перестанетъ сердиться: теперь ему это еще неизвѣстно. Скажи мнѣ ты, есть ли и у васъ хорошіе и добрые люди.

Мен. Конечно.

Сокр. Чтожъ? хотятъ ли они выдавать себя юношамъ за B.
учителей? хотятъ ли объявлять себя учителями, или добродѣтель — изучимою?

Мен. Нѣтъ, Сократъ, клянусь Зевсомъ; но иногда слышишь отъ нихъ, что добродѣтель изучима, а иногда, — что нѣтъ.

Сокр. Итакъ назовемъ ли ихъ преподавателями самаго предмета, когда они даже и въ этомъ между собою несогласны?

Мен. Кажется, нѣтъ, Сократъ.

Сокр. Что еще? эти софисты—одни, вызывающіеся учить добродѣтели, могутъ ли, по твоему мнѣнію, учить ей?

Мен. Я и Горгіаса люблю особенно за то, Сократъ, что C.

---

[1] *Легче бываетъ дѣлать имъ зло, чѣмъ добро*, *ῥᾷόν ἐστι κακῶς ποιεῖν ἀνθρώπους ἢ εὖ*. Такъ читаю я, вмѣстѣ съ Бутманомъ, Шлейермахеромъ, Беккеромъ и Штальбомомъ, вмѣсто вульгатнаго чтенія *ῥᾴδιον*; потому что иначе *ἢ εὖ* было бы неумѣстно, отчего вѣроятно въ спискѣ ватиканскомъ оно и выпущено.

ты никогда не услышишь отъ него подобнаго обѣщанія. Онъ даже смѣется и надъ другими, когда они обѣщаютъ это, а только вызывается сдѣлать человѣка сильнымъ въ словѣ.

Сокр. Такъ софистовъ ты не почитаешь учителями?

Мен. Я не могу сказать этого, Сократъ; но чувствую то же, что и многіе: иногда почитаю, иногда нѣтъ.

D. *Сокр.* А знаешь ли, что нетолько ты и другіе политики — почитаете добродѣтель иногда изучимою, иногда нѣтъ, но и поэтъ Ѳеогнисъ говоритъ то же самое?

Мен. Въ какихъ стихотвореніяхъ?

Сокр. Въ элегіяхъ, гдѣ сказано [1]: «*У тѣхъ пей и ѣшь, съ тѣми сиди и тѣмъ нравься, которые имѣютъ великую силу; потому что отъ добрыхъ добру и научишься: а связавшись съ худыми, потеряешь и наличный умъ.*» Видишь ли? здѣсь

E утверждается, что добродѣтель изучима.

Мен. Да и явно.

Сокр. Напротивъ въ другомъ мѣстѣ, нѣсколько далѣе онъ говоритъ такъ: «*Еслибы возможно было сотворить и вложить умъ въ человѣка; то великую и важную награду получили бы люди, съумѣвшіе сдѣлать это: тогда отъ добраго отца не происходилъ бы худой сынъ, вѣря разумнымъ*

96. *его наставленьямъ. Но посредствомъ науки, человѣка худаго, видно, не сдѣлаешь добрымъ.*» Замѣчаешь ли, что, говоря объ одномъ и томъ же предметѣ, онъ противорѣчитъ самому себѣ?

Мен. Кажется.

Сокр. Итакъ можешь ли указать мнѣ на какое-нибудь иное дѣло, въ которомъ люди, выдающіе себя за учителей, нетолько не признаются учителями другихъ, но и сами счи-

B. таются невѣждами, сами худы въ томъ дѣлѣ, въ отношеніи къ которому носятъ имя учителей, — а тѣ, кого почитаютъ

---

[1] См. Theognidea v. 33. sqq. ed. Becker. Эти стихи приводятся и Ксенофонтомъ, Mem. Socr. 1. 2. 20. Слѣдующіе далѣе E. Theogn. v. 435. въ томъ же изданіи.

дѣйствительно хорошими и добрыми, иногда причисляютъ это дѣло къ предметамъ изучимымъ, иногда нѣтъ? Сказалъ ли бы ты, что люди, находящіеся въ такомъ недоумѣніи касательно этого предмета, суть именно его преподаватели?

Мен. Нѣтъ, клянусь Зевсомъ.

Сокр. Если же ни софисты, ни даже хорошіе и добрые люди не могутъ быть преподавателями этого дѣла, то видно—и никто другой?

Мен. Кажется, никто.

Сокр. А если ужъ нѣтъ учителей, то нѣтъ и учениковъ?

Мен. Выходитъ такъ, какъ ты говоришь.

Сокр. Значитъ, мы согласились, что тотъ предметъ, въ отношеніи къ которому нѣтъ ни учителей ни учениковъ, C.
не можетъ быть изучимъ?

Мен. Согласились.

Сокр. А для добродѣтели нигдѣ не открывается учителей?

Мен. Такъ.

Сокр. Если же нѣтъ учителей, то нѣтъ и учениковъ?

Мен. Явно.

Сокр. Слѣдовательно добродѣтель неизучима?

Мен. Невѣроятно, хотя наши изслѣдованія и правиль- D.
ны. Я все еще удивляюсь, Сократъ, какъ бы и быть когда-нибудь добрымъ людямъ, или, какимъ бы образомъ сдѣлаться добрыми тѣмъ, которые сдѣлались.

Сокр. Оба мы, Менонъ, должно быть, люди плохіе. Видно, тебя Горгіасъ, а меня Продикъ, не довольно научили. Итакъ намъ нужно обратить вниманіе и изслѣдовать самимъ, можетъ ли кто сдѣлать насъ лучшими какимъ-нибудь однимъ образомъ [1]. Говорю это, имѣя въ виду прежній во- E.
просъ. Какъ смѣшно утаилось отъ насъ, что у человѣка,

---

[1] 96. D. ***Можетъ ли кто сдѣлать насъ лучшими***, *ὅςτις ἡμᾶς βελτίυς ποιήσει*. Такъ я перевожу, основываясь на значеніи изъявительнаго *ποιήσει*, хотя въ такомъ случаѣ должно бы стоять *ἆρά τις ἡμᾶς* и проч. Притомъ явно, что сила мысли здѣсь—въ словахъ *ἑνί γε τῷ τρόπῳ*, а не въ *ποιήσει*; иначе послѣ *ζητητέον* надлежало бы писать *ποιήσειε*. Дальнѣйшихъ словъ E. ***когда же не допустимъ—и другое кое-что***, *εἰ μὴ τοῦτο δοίημεν—ἄλλυ τινός*, во многихъ

подъ руководствомъ не одного знанія, совершаются дѣла справедливыя и добрыя! Если же не допустимъ, что, кромѣ знанія, для этой цѣли необходимо и другое кое-что; то можетъ быть и не уразумѣемъ, какимъ образомъ люди дѣлаются добрыми.

Мен. Какъ это говоришь ты, Сократъ?

Сокр. Вотъ какъ: мы вѣдь правильно согласились, что люди добрые должны приносить пользу; это-то иначе и быть не можетъ. Не правда ли?

97. *Мен*. Да.

Сокр. И что они будутъ приносить пользу, когда станутъ правильно вести свои дѣла: вѣдь и это мы, кажется, хорошо допустили?

Мен. Да.

Сокр. А что правильно вести свои дѣла нельзя тому, кто неразуменъ,—на это мы, какъ будто неправильно согласились.

Мен. Но что выражаешь ты словомъ «правильно?»

Сокр. Я скажу тебѣ. Еслибы кто-нибудь, зная дорогу въ Ларису, или куда угодно въ иное мѣсто, самъ шелъ и другихъ велъ по ней; то правильно и хорошо велъ бы?

Мен. Конечно.

B. *Сокр*. Но что, еслибы кто-нибудь имѣлъ хоть и правильное мнѣніе объ этой дорогѣ, однакожъ самъ еще не ходилъ по ней и не знаетъ ея:—не могло ли бы быть правильнымъ и его водительство?

Мен. Конечно могло бы.

Сокр. Значитъ, пока онъ имѣетъ правильное мнѣніе о томъ предметѣ, о которомъ у другаго есть знаніе; дотолѣ, обладая истиннымъ мнѣніемъ, а не разумностію, будетъ руководствовать не хуже, чѣмъ разумный.

Мен. Конечно не хуже.

спискахъ вовсе нѣтъ, да и Фицинъ не выразилъ ихъ въ своемъ переводѣ. Впрочемъ ходу мыслей онѣ не мѣшаютъ.

Сокр. Слѣдовательно истинное мнѣніе для правильности дѣла есть руководитель не хуже разумности. Такъ вотъ это-то пропустили мы при изслѣдованіи вопроса, какова доб- C.
родѣтель. По нашимъ словамъ, одна разумность должна была руководствовать къ правильной дѣятельности; а тутъ нужно и истинное мнѣніе.

Мен. Вѣрно.

Сокр. Поэтому правильное мнѣніе не менѣе полезно, какъ и знаніе.

Мен. По крайней мѣрѣ столько полезно, Сократъ, что обладающій знаніемъ всегда можетъ достигнуть цѣли, а имѣющій правильное мнѣніе иногда достигаетъ ея, иногда нѣтъ.

Сокр. Какъ ты говоришь? чтобы тотъ, кто всегда имѣетъ правильное мнѣніе, не всегда достигалъ цѣли, пока думаетъ правильно?

Мен. Съ тобою, кажется, необходимо согласиться: но когда это такъ, то я удивляюсь, Сократъ, почему знаніе цѣнится D.
гораздо выше правильнаго мнѣнія, и чѣмъ одно изъ нихъ отлично отъ другаго.

Сокр. А знаешь ли, почему ты удивляешься, или сказать тебѣ это?

Мен. Конечно скажи.

Сокр. Потому, что не обратилъ вниманія на Дедаловы статуи [1]. Да у васъ, можетъ быть, и нѣтъ ихъ.

Мен. Къ чему же ты говоришь это?

Сокр. Къ тому, что и онѣ, пока не связаны, бѣгутъ и убѣгаютъ, а связанныя, стоятъ неподвижно.

Мен. Такъ чтожъ? E.

Сокр. Пріобрѣсть развязанное произведеніе Дедала немного значитъ, равно какъ и пріобрѣсть бѣглаго человѣка; потому что онъ не остается на одномъ мѣстѣ: напротивъ связанное — дорого; такія произведенія прекрасны. На что же я мѣчу своими словами?—на истинныя мнѣнія; ибо и ис-

---

[1] *На Дедаловы статуи.* См. прим. къ Эвтифрону р. 11. С.

тинныя мнѣнія—прекрасное дѣло, и производятъ все доброе,
98. пока бываютъ постоянны. Но онѣ не хотятъ долго оставаться неизмѣняемыми; онѣ убѣгаютъ изъ человѣческой души и потому нецѣнны, пока кто-нибудь не свяжетъ ихъ размышленіемъ о причинѣ. А это, любезный Менонъ, и есть припоминаніе, — въ чемъ мы прежде согласились. Когда же истинныя мнѣнія бываютъ связаны; тогда онѣ сперва становятся знаніями, а потомъ упрочиваются. Отъ этого-то знаніе и цѣннѣе правильнаго мнѣнія; узами-то и различается первое отъ послѣдняго[1].

Мен. Да, клянусь Зевсомъ, Сократъ; дѣйствительно походитъ на что-то такое.

B. *Сокр.* Впрочемъ я и выдаю это не за извѣстное, а за похожее. Что же касается до различія между правильнымъ мнѣніемъ и знаніемъ; то оно, думаю, уже не есть нѣчто похожее: но еслибы я приписалъ себѣ какія-нибудь знанія, — а приписалъ бы ихъ себѣ немного,—то упомянутое было бы однимъ изъ тѣхъ, которыя имѣю.

Мен. Да и правильно говоришь, Сократъ.

Сокр. Чтожъ? а то неправильно, что истинное мнѣніе, управляя совершеніемъ каждаго дѣла, управляетъ не хуже знанія?

Мен. Кажется, и то вѣрно.

C. *Сокр.* Значитъ, правильное мнѣніе, если оно не хуже знанія, и въ дѣятельности будетъ не менѣе полезно; значитъ, и

[1] Явно, что на истинныя мнѣнія Сократъ смотритъ здѣсь относительно къ систематическому ихъ построенію. Сами по себѣ, независимо отъ формы науки, онѣ—только матеріалъ, неупорядоченный, неразработанный, безсвязный, измѣнчивый, часто состоящій изъ противорѣчущихъ элементовъ. Головы, наполненныя такимъ матеріаломъ, всегда готовы судить о всемъ, но никогда не въ состояніи представить достаточную причину, почему такъ думаютъ; ибо мнѣнія ихъ разобщены, носятся, будто отдѣльные атомы въ хаотическомъ броженіи вещества, не связаны единствомъ взгляда на міръ и жизнь. Одна только идея, развитая въ систему, каждому изъ нихъ сообщаетъ надлежащую прочность, даетъ приличное мѣсто и значеніе въ цѣломъ, подобно тому, какъ сила органическая соединяетъ въ одинъ составъ безчисленное множество разнообразныхъ орудій и живетъ въ каждомъ самомалѣйшемъ нервѣ.

человѣкъ, обладающій правильнымъ мнѣніемъ, не хуже того, который обладаетъ знаніемъ.

Мен. Такъ.

Сокр. Между тѣмъ мы согласились, что добрый человѣкъ полезенъ намъ.

Мен. Да.

Сокр. А такъ какъ добрые люди, если они есть, должны быть полезны городамъ нетолько своимъ знаніемъ,но и правильнымъ мнѣніемъ, и оба эти средства — знаніе и истинное мнѣніе, и не даются людямъ природою, и не пріобрѣтаются.... Или ты думаешь, что которое-нибудь изъ нихъ получается отъ природы? D.

Мен. Не думаю.

Сокр. А если они—не отъ природы; то и доброе—не отъ природы.

Мен. Разумѣется.

Сокр. Когда же не отъ природы, то вотъ мы и разсматривали [1], изучимо ли это.

Мен. Да.

Сокр. И не показалось ли намъ, что добродѣтели можно бы учиться, какъ скоро она была бы разумностію?

Мен. Показалось.

Сокр. А еслибы добродѣтель была разумностію, то ей можно было бы учиться?

Мен. Конечно.

Сокр. И еслибы, въ отношеніи къ ней, дѣйствительно существовали учители, то она почиталась бы изучимою, а— E
не существовали,—оставалась бы неизучимою?

---

[1] *То вотъ мы и разсматривали*, ἐσκοποῦμεν τὸ μετὰ τοῦτο. Штальбомъ догадывается, что надлежало бы читать σκοπῶμεν, и удивляется, какъ могло ἐσκοποῦμεν вкрасться во всѣ списки. По моему, это очень неудивительно; потому что и въ самомъ дѣлѣ надобно читать ἐσκοποῦμεν. Сократъ говоритъ здѣсь очевидно о прежнемъ ироническомъ доказательствѣ, что добродѣтель пріобрѣтается наукою, а не о послѣдующемъ, котораго вовсе нѣтъ. Платонъ видимо обозрѣваетъ весь ходъ разговора и приближается къ заключенію.

Мен. Такъ.

Сокр. Но мы согласились, что въ отношеніи къ ней нѣтъ учителей?

Мен. Такъ.

Сокр. Слѣдовательно согласились и въ томъ, что она и неизучима, и не есть разумность?

Мен. Конечно.

Сокр. Однакожъ мы допустили, что она все-таки есть добро?

Мен. Да.

Сокр. А полезнымъ и добрымъ называется то, что правильно руководствуетъ?

Мен. Конечно.

99. *Сокр.* Собственно же правильными руководителями признаны только два: истинное мнѣніе и знаніе; и кто обладаетъ ими, тотъ руководствуется правильно. Вѣдь происходящее случайно, зависитъ не отъ человѣческаго руководства: а то, посредствомъ чего самъ человѣкъ дѣлается руководителемъ къ правильному, есть истинное мнѣніе и знаніе.

Мен. Мнѣ кажется, такъ.

Сокр. Но какъ скоро добродѣтель не изучается, то она уже не бываетъ и знаніемъ?

Мен. По видимому, нѣтъ.

B. *Сокр.* Итакъ одинъ изъ двухъ добрыхъ и полезныхъ руководителей развязанъ, то-есть, знаніе не можетъ руководствовать въ дѣлахъ политическихъ.

Мен. Кажется, нѣтъ.

Сокр. Стало быть, такіе люди, каковъ Ѳемистоклъ и подобные ему, недавно упомянутые Анитомъ, управляютъ городами не посредствомъ какой-нибудь мудрости и не какъ мудрецы. Потому-то имъ и нельзя было сдѣлать другихъ такими, каковы были сами, такъ какъ они сдѣлались такими не чрезъ знаніе.

C. *Мен.* Походитъ на то, что ты говоришь, Сократъ.

Сокр. Если же не чрезъ знаніе,—то остается доброе мнѣніе, пользуясь которымъ, политики правятъ городами и, въ отношеніи къ разумности, ничѣмъ не отличаются отъ прорицателей и мужей богодухновенныхъ; потому что и послѣдніе говорятъ много истиннаго, а не знаютъ того, что говорятъ.

Мен. Должно быть, такъ.

Сокр. Поэтому не должно ли, Менонъ, называть этихъ мужей божественными, когда они, дѣлая и говоря что-нибудь независимо отъ ума, производятъ много великаго?

Мен. Конечно.

Сокр. Да, если мы справедливо называемъ божественны- D.
ми тѣхъ, о которыхъ сей-часъ упомянули, то-есть прорицателей, вѣщуновъ и людей съ даромъ поэтическимъ; то не меньшее имѣемъ право называть божественными и восторженными самыхъ политиковъ, какъ скоро они, вдохновленные и наитствованные Богомъ, совершаютъ посредствомъ слова много великихъ дѣлъ, хотя и не знаютъ, что говорятъ.

Мен. Конечно.

Сокр. Вѣдь и женщины, Менонъ, добрыхъ мужей именуютъ божественными; и Лакедемоняне, когда хотятъ кого прославить добрымъ человѣкомъ, говорятъ: это — человѣкъ божественный.

Мен. И говорятъ-то, кажется, справедливо, Сократъ; E.
хоть Анитъ за такія слова, можетъ быть, и сердится на тебя.

Сокр. Нужды нѣтъ; съ нимъ мы еще поговоримъ, Менонъ. Теперь же — если во всемъ этомъ разсужденіи наши изслѣдованія и рѣчи были хороши; то добродѣтель и не получается отъ природы, и не пріобрѣтается ученіемъ, но дается божественнымъ жребіемъ, независимо отъ ума, — тому, 100.
кому дается, какъ скоро нѣтъ политика, который могъ бы и другаго сдѣлать политикомъ. А когда бы онъ былъ, — между живыми можно бы считать его почти тѣмъ же, чѣмъ меж-

ду мертвыми Омиръ[1] представляетъ Тиресіаса, говоря: «онъ мыслитъ» въ преисподней, «а прочія тѣни летаютъ». Таковъ-то былъ бы и этотъ человѣкъ, какова дѣйствительная вещь въ сравненіи съ тѣнью, поколику разсматривается добродѣтель.

B. *Мен.* По моему мнѣнію, ты прекрасно говоришь, Сократъ.

Сокр. Итакъ, Менонъ, изъ настоящихъ основаній вытекаетъ, что добродѣтель дается божественнымъ жребіемъ тому, кому дается. Но ясно мы узнаемъ это тогда, когда, прежде чѣмъ изслѣдуемъ образъ дарованія оной людямъ, рѣшимся изслѣдовать, что такое добродѣтель. Теперь мнѣ уже пора кое-куда идти; а ты, въ чемъ самъ убѣдился, постарайся убѣдить и своего гостя Анита, чтобы онъ былъ покротче:
C. если убѣдишь его, то сдѣлаешь пользу и Аѳинянамъ.

---

[1] Приведенныя слова Омира см. Odyss. X. v. 492. sqq.

ГОРГІАСЪ.

ГОРГІАСЪ.

ВВЕДЕНІЕ.

Заглавіе этого разговора указываетъ на знаменитаго, современнаго Платону софиста, Горгіаса леонтинскаго. Бывъ смолоду ученикомъ элейскаго философа Эмпедокла, Горгіасъ, вѣроятно, пользовался въ своемъ отечествѣ именемъ человѣка образованнаго, и на второмъ году 88 олимпіады отправленъ былъ въ Аѳины въ качествѣ посланника. Въ Аѳинахъ—тогдашнемъ средоточіи греческихъ наукъ и искуствъ, онъ вполнѣ оправдалъ довѣріе отечественнаго своего города и притомъ прослылъ отличнымъ говоруномъ. Рѣчь его была нѣсколько высокопарна, характеризовалась поэтическою обработкою выраженій, изобиловала эпитетами и метафорами, особенно же антитезами и необыкновенными оборотами; такъ-что у Грековъ вошло въ пословицу: *γοργιάζειν*, *γοργιεία ῥήματα καὶ σχήματα*. Замѣтивъ, что Аѳиняне восхищаются его краснорѣчіемъ, онъ счелъ полезнымъ объявить себя учителемъ юношества, и этимъ занятіемъ собралъ великое богатство [1]. Главнымъ положеніемъ его ученія было то, что истины нѣтъ нигдѣ, что все зависитъ отъ убѣжденія въ извѣстномъ мнѣніи, и что слѣдовательно искуство убѣждать—то самое искуство, которое онъ преподавалъ,—долж-

---

[1] *Philostrat.* vitt. Sophist. p. 501.

но быть поставляемо выше всего. Противъ этого-то положенія Платонъ написалъ предлагаемый здѣсь разговоръ.

Коренная мысль, около которой вращается изслѣдованіе Платона въ его Горгіасѣ, можетъ быть выражена такъ: чтобы убѣждать народъ, ораторъ долженъ быть воодушевленъ знаніемъ истиннаго, добраго и справедливаго, или долженъ въ самомъ дѣлѣ философствовать, а не казаться философомъ. Какимъ образомъ Платонъ доказываетъ эту мысль и въ какомъ порядкѣ слѣдуютъ его доказательства, — мы увидимъ ясно, подвергнувъ его разговоръ строгому и отчетливому анализу.

Бесѣда начинается на аѳинской площади. Сократъ и преданный ему ученикъ Херефонъ встрѣчаются съ Калликломъ, усерднымъ почитателемъ таланта Горгіасова и хозяиномъ того дома, въ которомъ Горгіасъ квартируетъ. Калликлъ очень жалѣетъ, что встрѣтившіеся съ нимъ друзья не пришли къ нему пораньше; — тогда они имѣли бы удовольствіе слышать декламацію Горгіаса, — и такъ-какъ Херефонъ выразилъ при этомъ свою увѣренность, что софистъ не откажется показать себя и имъ, то Калликлъ приглашаетъ ихъ къ себѣ (р. 447). Это—историческое вступленіе, или поводъ къ бесѣдѣ объ искуствѣ Горгіаса.

На пути къ Горгіасу Сократъ какбы составляетъ планъ собесѣдованія съ нимъ и поручаетъ Херефону открыть разговоръ вопросомъ: кто онъ таковъ, или именемъ какой науки называется? Когда же они пришли, — на этотъ вопросъ Сократова ученика весьма самонадѣянно взялся отвѣчать ученикъ Горгіаса, Полосъ; но говоря съ важностію, сказалъ только то, что Горгіасова наука превосходна. По этому Сократъ, замѣтивъ неудовлетворительность Полосова отвѣта, проситъ софиста, чтобы онъ самъ потрудился рѣшить задачу Херефона, — и Горгіасъ говоритъ, что онъ учитъ риторикѣ и называется риторомъ (448 — 449 C). Это можно назвать философскимъ вступленіемъ въ разговоръ, въ которомъ нетолько указывается на главный предметъ его, но и съ

драмматическою ловкостію обрисовываются характеры дѣйствующихъ лицъ. Здѣсь Херефонъ является намъ скромнымъ и умнымъ молодымъ человѣкомъ, который въ предложеніи вопросовъ совершенно усвоилъ себѣ методу учителя и превосходно владѣетъ любимою имъ индукціею: напротивъ въ Полосѣ мы видимъ юношу заносчиваго и вмѣстѣ весьма поверхностнаго, который, не умѣя отвѣчать дѣльно, хочетъ прикрыть свое невѣжество софистическою изысканностію выраженій и наборомъ пустыхъ словъ. Чтò же касается до самого Горгіаса, то въ немъ тотчасъ узнаешь безстыднаго хвастуна, который не столько говоритъ о превосходствѣ своей науки, сколько о превосходствѣ себя самого въ наукѣ.

Когда Горгіасъ приписалъ себѣ имя ритора и преподавателя риторики,—Сократъ своими вопросами начинаетъ незамѣтно направлять его къ ограниченію той области, въ которой дѣйствуетъ риторика, чтобы въ этомъ именномъ или формальномъ понятіи науки уловить ея содержаніе. Онъ спрашиваетъ Горгіаса, чему учитъ риторика, и выслушавъ его отвѣтъ, что она есть наука о рѣчахъ, искусно заставляетъ его ограничить самое понятіе рѣчи. Если риторика есть наука о рѣчахъ, говоритъ онъ, то и всякую другую науку можно назвать риторикою; потому-что всякая изъ нихъ учитъ составлять рѣчи о томъ, чему учитъ. Для отраженія этого возраженія, софистъ долженъ былъ отличить риторику прежде всего отъ ремеслъ — именно тѣмъ, что послѣднія учатъ говорить рѣчи для произведенія того или другаго дѣла, а первая поставляетъ свое дѣло только въ рѣчахъ. Такимъ ограниченіемъ риторики, казалось бы, можно было довольствоваться Сократу, какъ впослѣдствіи довольствовались имъ не только Греки и Римляне, но и образованные народы временъ схоластическихъ: однакожъ Сократъ не остановился на этомъ. Онъ всѣ науки дѣлитъ на два класса: однѣ, говоритъ, дѣйствуютъ молча и почти не требуютъ рѣчей; а другія выражаются рѣчами и почти не обнаруживаютъ никакого дѣла. Послѣднихъ, равно какъ и первыхъ, не мало: на-

прим., ариѳметика, геометрія, астрономія и проч. О какихъ же рѣчахъ учитъ риторика? — Этотъ вопросъ побуждаетъ Горгіаса еще тѣснѣе ограничить предметъ риторики, и онъ отвѣчаетъ, что риторика имѣетъ въ виду рѣчи, касающіяся великихъ и важнѣйшихъ дѣлъ человѣческихъ. — Великія и важнѣйшія дѣла! Но вѣдь и это понятіе весьма неопредѣленно, замѣчаетъ Сократъ. Всякому человѣку собственное его занятіе кажется важнѣе всѣхъ и, по его мнѣнію, составляетъ величайшее благо человѣчества. О которыхъ же важнѣйшихъ и величайшихъ дѣлахъ учитъ говорить рѣчи риторика, и которыя изъ нихъ почитаетъ величайшимъ благомъ? На этотъ вопросъ отвѣчая прямымъ ограниченіемъ, софистъ желалъ бы сказать, что дѣло риторики — говорить рѣчи о такихъ вещахъ, которыя важны и велики, по собственному мнѣнію оратора, такъ какъ бы собственное его мнѣніе было величайшимъ добромъ; но онъ ту же самую мысль высказалъ нѣсколько мягче и прикровеннѣе: моя наука, говоритъ, посредствомъ рѣчей, умѣетъ убѣждать судей и народъ въ томъ, что̀ мнѣ нравится, и такимъ образомъ господствуетъ надъ общественнымъ мнѣніемъ. Явно, что послѣднимъ своимъ отвѣтомъ Горгіасъ открылъ уже нравственно-слабую сторону софистической риторики, и Сократу теперь нетрудно было бы показать, сколь гибельно должно быть ея вліяніе на общество; однакожъ онъ не хочетъ предупреждать слѣдствій и незамѣтно заставляетъ софиста уклониться подъ защиту такой мысли, которая въ своемъ развитіи должна противорѣчить эгоистической его цѣли. Если риторика, говоритъ онъ, направляется къ убѣжденію судей и народа въ мнѣніи оратора, то она не отличается ни отъ какой другой науки; потому-что всякая изъ нихъ убѣждаетъ судей и народъ именно въ томъ, чему учитъ. Послѣ сего какою еще чертою оставалось Горгіасу охарактеризовать риторику? Онъ поставляется въ необходимость отступить къ послѣдней опорѣ всѣхъ политическихъ рѣчей — справедливости и несправедливости, и полагаетъ, что его наука убѣждаетъ относительно дѣлъ

справедливыхъ и несправедливыхъ (449 В — 454 С). Итакъ теперь Сократъ вынудилъ у своего противника два окончательныхъ положенія касательно риторики: первое, что риторика учитъ составлять рѣчи для убѣжденія народа въ мнѣніи оратора; второе, что риторика учитъ убѣждать рѣчами въ справедливости или несправедливости чего-либо. За эти два положенія хватается онъ, какъ за посылки, и чрезъ развитіе ихъ приходитъ къ заключенію, обличающему софиста въ явномъ противорѣчіи собственнымъ его мнѣніямъ. Послѣдуемъ за нимъ.

Сократъ прежде всего различаетъ знаніе и вѣрованіе — на томъ основаніи, что первое всегда истинно, а послѣднее можетъ быть и истиннымъ и ложнымъ. Соотвѣтственно же различію между знаніемъ и вѣрованіемъ, онъ полагаетъ и два рода убѣжденія: одно — дающее вѣру безъ знанія, а другое—то, которымъ сообщается знаніе, и потомъ спрашиваетъ Горгіаса: которую убѣдительность приписываетъ онъ рѣчамъ ораторскимъ? Горгіасъ, не рѣшаясь приписать имъ знаніе, отвѣчаетъ, что риторика убѣждаетъ вѣрить, и такимъ образомъ, самъ не замѣчая, начинаетъ удаляться отъ основанія справедливости и несправедливости, состоящаго только въ знаніи. Чтобы заставить его еще далѣе пройти по этому пути и высказать яснѣе отступленіе его отъ собственнаго его положенія, Сократъ указываетъ ему для примѣра на нѣсколько случаевъ, въ которыхъ правительство города призываетъ на совѣщаніе не ораторовъ, умѣющихъ убѣждать къ вѣрѣ, а мастеровъ, владѣющихъ знаніемъ того, о чемъ идетъ дѣло; но какбы нарочно избираетъ такіе случаи, которые подавали поводъ софисту — исторически подтвердить то мнѣніе, что риторика, убѣждая своими рѣчами къ вѣрѣ безъ знанія, торжествуетъ надъ самымъ знаніемъ. Ты самъ, Сократъ, прекрасно привелъ меня къ этому, говоритъ Горгіасъ: вѣдь конечно знаешь, что ваши гавани, ваши стѣны и пристани сооружены по совѣту Перикла и Ѳемистокла, а не мастеровыхъ; и думая, что уже побѣдилъ Сократа, начи-

наетъ хвастливо разсказывать о томъ, какъ онъ ораторскими убѣжденіями заставлялъ больныхъ принимать лекарства, къ чему не могли убѣдить ихъ сами врачи, и изъ этого заключаетъ, что искусный въ риторикѣ въ состояніи предъ толпою народа говорить убѣдительнѣе всякаго художника. Впрочемъ, продолжаетъ онъ, какбы вовсе забывъ свое положеніе, что риторика учитъ убѣждать въ справедливомъ и несправедливомъ, — учитель риторики не отвѣчаетъ, если его ученики, получивъ способность убѣждать народъ во всемъ, въ чемъ захотятъ, будутъ пользоваться ею неправедно и наносить другимъ обиды. Явно, что это положеніе софиста стоитъ въ совершенномъ противорѣчіи съ вышеупомянутымъ его положеніемъ. Посему Сократъ, какбы не желая выводить наружу и безъ того очевидную несообразность допущенныхъ имъ понятій о риторикѣ, предлагаетъ оставить, если угодно, дальнѣйшія слѣдствія; а Горгіасъ, все еще не понимая, какимъ образомъ возможно обличеніе его положеній, и вмѣстѣ какбы опасаясь Сократовой діалектики, самъ стыдится сойти съ арены и объявляетъ свою готовность замолчать только по снисхожденію къ слушателямъ, какъ бы, то-есть, не утомить и не задержать ихъ слишкомъ длинною бесѣдою. Но когда ученики изъявили пламенное желаніе внимать своимъ корифеямъ, Горгіасъ уже не могъ отказаться отъ собесѣдованія, и Сократъ эротематически заставляетъ софиста повторить первое изъ его положеній, что риторикѣ нѣтъ надобности знать самое дѣло,—ей нужно только найти нѣкоторый способъ убѣжденія, чтобы незнающіе явились болѣе знающими, чѣмъ знающіе; а потомъ новымъ вопросомъ переводитъ его и ко второму, что кто не знаетъ, въ чемъ состоитъ истинное, доброе и справедливое, тотъ и этому можетъ научиться изъ риторики. Но послѣднее положеніе очевидно приводило къ слѣдствію, что ораторъ необходимо справедливъ и дѣлаетъ другихъ справедливыми; тогда какъ, развивая первое, Горгіасъ утверждалъ, что ораторъ не отвѣчаетъ, если, посредствомъ его искуства, эти другіе, то-есть

его ученики, будутъ дѣлать несправедливости. Показавъ на видъ такія противорѣчущія слѣдствія изъ софистическаго понятія объ одной и той же наукѣ, Сократъ заключаетъ: для надлежащаго разсмотрѣнія всего, что̀ тутъ есть, клянусь собакою, Горгіасъ, нужна не краткая бесѣда! (454 Д—461 А). И этою Сократовою эпифонемою Платонъ оканчиваетъ первый отдѣлъ своего діалога.

Видя, что Горгіасъ запутался въ противорѣчія, и замѣтивъ, что онѣ проистекли отъ присвоенія оратору знанія истины, добра и красоты, Полосъ рѣшается защитить своего учителя, и подстрекаемый прекрасною ироніею Сократа, самъ начинаетъ предлагать ему вопросы. Рѣчь опять открывается тѣмъ же: что̀ такое риторика?—и Сократъ, не удостоивая ея имени искуства, называетъ ее навыкомъ представлять нравящееся и возбуждать удовольствіе. При этомъ онъ съ удивительною тонкостію обнаруживаетъ непослѣдовательность и неопытность вопрошателя, такъ что ведетъ его какбы на помочахъ. Ухватившись за слова: *представлять нравящееся, возбуждать удовольствіе,* Полосъ съ юношескою опрометчивостію тотчасъ называетъ риторику наукою прекраснаго; но Сократъ, слегка замѣтивъ, что нравящееся не всегда прекрасно, говоритъ, что риторика главнымъ своимъ дѣломъ почитаетъ ласкательство, и въ этомъ общемъ объемѣ занятій ласкательствующихъ имѣетъ видовое значеніе. Мысль свою онъ раскрываетъ слѣдующею классификаціею искуствъ. Соотвѣтственно двумъ сторонамъ человѣческой природы—душѣ и тѣлу, есть, говоритъ, и два искуства: политическое и врачебное. Послѣднее является въ двухъ видахъ—медицинѣ и гимнастикѣ; и первое равнымъ образомъ имѣетъ два вида—законодательство и правовѣдѣніе. Подъ эти четыре дѣйствительно полезныя искуства поддѣлалось ласкательство и раздѣлилось также на четыре части: съ медициною вступила въ состязаніе кухня, съ гимнастикою — косметика, съ законодательствомъ софистика, а съ правовѣдѣніемъ—риторика. И всѣ эти поддѣль-

ныя искуства, какъ виды одного и того же ласкательства, отличаются отъ подлинныхъ своею безотчетностію, или незнаніемъ причины своихъ дѣйствій, а потому и не заслуживаютъ имени искуствъ, равно какъ и тѣмъ, что доставляютъ людямъ удовольствіе, тогда какъ подлинныя заботятся объ ихъ улучшеніи (461 В—466). На этихъ страницахъ разговора устанавливается положительное понятіе Сократа о софистической риторикѣ, или тема, которую въ дальнѣйшемъ ходѣ бесѣды онъ долженъ защитить отъ возраженій и чрезъ то раскрыть основную свою мысль во всѣхъ ея подробностяхъ.

Слыша, что Сократъ подвелъ риторику подъ категорію занятій ласкательствующихъ, Полосъ намѣревается опровергнуть его положеніе и спрашиваетъ: неужели риторы считаются въ городѣ людьми презрѣнными и неимѣющими никакой силы, тогда какъ они и умерщвляютъ, кого хотятъ, и изгоняютъ изъ города, кого покажется? На этотъ вопросъ Сократъ отвѣчаетъ, что въ городѣ въ самомъ дѣлѣ они не имѣютъ никакой силы, если имѣть силу есть нѣчто доброе для сильнаго. Полосъ, не вникнувъ въ значеніе и важность прибавленнаго условія, тотчасъ соглашается на него и этимъ подаетъ Сократу основаніе для доказанія той истины, что софисты въ городѣ дѣйствительно ничтожны; ибо, замѣтивъ въ вопросѣ Полоса два неоднозначущихъ выраженія: умерщвляютъ, кого *хотятъ*, и изгоняютъ, кого *покажется*, которыя онъ произнесъ, какъ однозначущія, Сократъ говоритъ, что риторы ничего почти не дѣлаютъ, что̀ имъ кажется, какъ наилучшее, и умозаключаетъ такъ: дѣлающій что-нибудь для чего-нибудь хочетъ не того, что̀ дѣлаетъ, а того, для чего дѣлаетъ. То, для чего онъ дѣлаетъ, есть добро; а то, что̀ дѣлаетъ для чего-нибудь, не есть ни добро, ни зло. Но убиваніе, или высыланіе изъ города есть только то, что̀ дѣлается, а не то, для чего дѣлается. Слѣдовательно убиваніе, или высыланіе изъ города не есть ни добро, ни зло. Стало быть, риторы дѣлаютъ не то, чего хотятъ, а то, что̀ имъ кажется: они могутъ совершать зло вмѣсто добра и добро вмѣ-

сто зла; а такимъ людямъ конечно нельзя приписать великой силы въ городѣ. — Видя свое положеніе о могуществѣ риторовъ опровергнутымъ, Полосъ однакожъ упорствуетъ и, не замѣчая свойства Сократовыхъ основаній, старается защищаемую имъ мысль оправдать примѣрами опыта. Чтò же? спрашиваетъ онъ Сократа,—видно ты не согласился бы принять власть въ городѣ, и не позавидовалъ бы тому, кто можетъ умертвить, кого вздумается, лишить имущества, или заключить въ оковы? — Не согласился бы, отвѣчаетъ Сократъ, если при этомъ надобно дѣйствовать несправедливо; потому что дѣйствующій несправедливо жалокъ и несчастенъ —несчастнѣе того, кому онъ наноситъ обиды.—Стало быть, нынѣшній правитель Македоніи, Архелай, надѣлавшій столько зла, умертвившій столько родственниковъ, думаешь, жалокъ и несчастенъ? — Отвѣчая на это возраженіе Полоса, Сократъ полагаетъ, что человѣкъ несправедливый во всякомъ случаѣ несчастенъ; но онъ еще несчастнѣе, если, нанося обиды, не подвергается суду и наказанію, и, — какъ Полосъ не согласился съ такимъ положеніемъ, доказываетъ сперва ту мысль, что наносить обиды — больше зла, чѣмъ принимать ихъ, потомъ — вторую, что не быть наказываемымъ за нанесеніе обидъ — больше зла, чѣмъ получать за то наказаніе. Доказывая первое положеніе, онъ опровергаетъ Полоса, утверждавшаго, что больше зла принимать обиду и больше стыда наносить ее, и свое опроверженіе основываетъ на нераздѣльности прекраснаго и добраго, равно какъ постыднаго и злаго. Но съ особенною ловкостію раскрыто имъ доказательство послѣдняго положенія. Пользуясь индукціею, онъ приходитъ къ общему заключенію, что какъ дѣйствующее дѣйствуетъ, такъ страдающее страдаетъ, и что слѣдовательно, какъ одинъ, въ смыслѣ человѣка дѣйствующаго, наказываетъ, такъ другой, въ смыслѣ лица страдающаго, получаетъ наказанія: если, то-есть, наказывающій наказываетъ справедливо, то принимающій наказанія принимаетъ справедливое. Но справедливое есть пре-

красное и доброе; слѣдовательно, принимающій наказанія принимаетъ добро; а принимающій добро тѣмъ самымъ избавляется отъ величайшаго зла—отъ худости души. Поэтому самый несчастный человѣкъ—тотъ, кто несправедливъ и не избавляется отъ этого зла, или, что то же,—кто, будучи несправедливымъ, не подвергается за то наказанію.— Этими доказательствами опровергнувъ возраженія Полоса, Сократъ въ заключеніе обращается къ риторикѣ и говоритъ, что послѣ допущенныхъ имъ положеній, риторика не можетъ быть полезна въ обществѣ; потому что теперь всякій долженъ оберегать самъ себя и, если нанесъ кому обиду, долженъ тотчасъ идти къ судьѣ и просить себѣ наказанія. Она развѣ тогда только могла бы быть отчасти полезна, когда ея рѣчи служили бы намъ къ убѣжденію судей въ томъ, что мы дѣйствительно виноваты и заслужили наказаніе, или въ томъ, что человѣкъ, нанесшій намъ обиду, не долженъ быть подвергаемъ наказанію, но долженъ умереть ненаказаннымъ (461 A—481 B). Итакъ положеніе Сократа, что риторы въ городѣ не имѣютъ никакой силы, если имѣть силу есть добро для сильнаго, окончательно доказано, и недоумѣніе Полоса въ этомъ отношеніи разрѣшено.

Но сколь ни вѣрны мысли Сократа, сколь ни строго логически выведены онѣ изъ несомнѣнныхъ основаній,— обыденная жизнь тогдашняго Аѳинянина никакъ не могла примириться съ ними. Проникнутая духомъ высокой нравственности, Сократова философія въ тѣ времена всеобщаго стремленія избалованныхъ Грековъ къ удовольствіямъ и личному интересу казалась пугалищемъ толпы, которое съ одной стороны изумляло ее своею истиною, а съ другой ужасало своими требованіями. Противъ этой строгой, или, какъ тогда казалось, дикой философіи не было оружія, кромѣ того, которымъ развращали и наконецъ совершенно погубили Эллиновъ новые ихъ философы, софисты. Поблажая ихъ страстямъ, но не зная, чѣмъ извинить развратную ихъ жизнь предъ судомъ гражданскихъ законовъ, они отличали требо-

ванія природы отъ постановленій политическихъ, и въ природѣ учили видѣть покровительницу всѣхъ самыхъ низкихъ пороковъ, преслѣдуемыхъ общественнымъ законодательствомъ. За это-то именно оружіе хватается теперь въ Платоновомъ Горгіасѣ восторженный любитель софистической мудрости, Калликлъ. Бывъ свидѣтелемъ діалектическаго пораженія, которому подвергся сперва Горгіасъ, потомъ Полосъ, и удивляясь необычайности Сократовыхъ положеній, походившихъ на парадоксы, онъ рѣшается поддержать дѣло Полоса, какъ Полосъ прежде хотѣлъ поддержать Горгіаса, и спрашиваетъ Сократа: какъ намъ понимать твои слова,— въ смыслѣ ли рѣчи серьезной, или шуточной? — Моя любезная философія говоритъ не шутя и всегда твердитъ одно и то же, отвѣчаетъ Сократъ; поэтому ты, или опровергни ее, или, не опровергнувъ, всегда будешь въ противорѣчіи съ самимъ собою. Это Сократово напоминаніе о противорѣчіи самому себѣ наводитъ Калликла на мысль—указать самый источникъ противорѣчій. Люди противорѣчатъ самимъ себѣ оттого, замѣчаетъ онъ, что колеблются между взаимно-противными внушеніями природы и закона, какъ, по словамъ Полоса, колебался Горгіасъ, сказавъ только отъ стыда, что человѣка, незнающаго, въ чемъ состоитъ справедливость, онъ научитъ и справедливости, или, какъ теперь пошатнулся самъ Полосъ, допустивъ—тоже отъ стыда,—что наносить обиды постыднѣе, чѣмъ принимать ихъ. По природѣ это вовсе не постыдно, а постыдно только по закону. Между-тѣмъ, я думаю, продолжаетъ онъ, что налагатели законовъ—такіе же слабые люди, какъ и чернь; поэтому, постановляя законы, то-есть, одно хваля, а другое порицая, они имѣютъ въ виду себя и свою пользу. Это ты узнаешь, Сократъ, если, оставивъ философію, перейдешь къ чему-либо важнѣйшему. Хорошо, конечно, заняться и философіею, сколько это нужно для образованія; и мальчику пофилософствовать не мѣшаетъ: но кто уже состарѣлся, а все еще философствуетъ, тотъ дѣлаетъ себя предметомъ, достойнымъ

смѣха. Я говорю это тебѣ, Сократъ, отъ добраго расположенія и искренно; не сердись же на меня, но оставь свою философію и занимайся дѣлами благоприличными. На такое увѣщаніе Калликла, въ которомъ Платонъ превосходно обрисовалъ смѣлую и откровенную, но въ то же время сильно обезображенную софистическими лжемудрствованіями, душу юнаго ученика Горгіасова, Сократъ отвѣчаетъ удивительно ловкою и съ неподражаемымъ искуствомъ раскрытою ироніею. Я нашелъ въ тебѣ, Калликлъ, самый лучшій оселокъ для испытанія достоинства моихъ убѣжденій; ты имѣешь всѣ необходимыя къ этому принадлежности, именно, — знаніе, благорасположеніе и откровенность. Итакъ, на что̀ въ продолженіе разговора ты дашь мнѣ свое согласіе, то будетъ уже достаточно испытаннымъ мною и тобою, и того уже не понадобится пробовать на иномъ оселкѣ. Вотъ ты говорилъ, что, по природѣ, высшій располагаетъ дѣлами низшихъ, лучшій начальствуетъ надъ худшими, сильнѣйшій преобладаетъ въ сравненіи съ слабѣйшимъ: но высшій, лучшій и сильнѣйшій—одно ли и то же, или все это различно?—Когда Калликлъ сказалъ, что—одно и то же, Сократъ беретъ бо́льшее число въ сравненіе съ единицею, и снова спрашиваетъ: бо́льшее число не выше ли одного? если же выше, то и законоположеніе бо́льшаго числа не есть ли законоположеніе высшихъ? а когда высшихъ, то и не лучшихъ ли? и потому не есть ли законоположеніе, по природѣ, прекрасное? Между-тѣмъ бо́льшее-то число думаетъ, что постыднѣе наносить обиду, чѣмъ принимать ее; слѣдовательно это внушается не закономъ только, но и природою, и ты видно обманываешь меня, говоря, что законъ и природа взаимно противны. Явно, что развитымъ теперь рядомъ слѣдствій показано, вопреки мнѣнію Калликла, что лучшими и высшими природа велитъ почитать не сильнѣйшихъ; значитъ, вопросъ настоитъ о томъ, кто же высшіе и лучшіе, если не сильнѣйшіе? Чтобы рѣшить его, Сократъ искуснымъ оборотомъ наводитъ своего собесѣдника на мысль, не разумнѣй-

шихъ ли надобно признавать такими людьми, и Калликлъ, смѣло схвативъ ее, полагаетъ, что дѣйствительно справедливо, по природѣ, лучшему и разумнѣйшему начальствовать и преобладать надъ худшими. Но въ чемъ разумнѣйшему? и въ какомъ отношеніи преобладать?—въ медицинѣ ли, чтобы откладывать себѣ наибольшее количество пищи и тѣмъ повредить своему здоровью? — въ приготовленіи ли одежды или обуви, чтобы надѣвать на себя одеждъ и сапоговъ больше, чѣмъ другіе?—Нѣтъ, Сократъ, отвѣчаетъ Калликлъ, я называю лучшими людей умныхъ въ отношеніи къ дѣламъ гражданскимъ, и не только умныхъ, но и мужественныхъ, способныхъ осуществлять свои помыслы о томъ, какъ бы получше жить; имъ-то свойственно по справедливости начальствовать надъ городами.—А надъ собою, Калликлъ, надъ своими пожеланіями и страстями должны они начальствовать, или нѣтъ? возражаетъ Сократъ.—Надъ своими пожеланіями и страстями? отвѣчаетъ софистъ. Пожеланій обуздывать они не должны, а должны оставлять ихъ во всей силѣ и готовить имъ удовлетвореніе, откуда бы то ни было. Въ этомъ именно, по смыслу природы, состоитъ добродѣтель (481 C—492 Д). Этими словами Калликлъ, слѣдуя за вопросами Сократа, совершенно закончилъ очеркъ наилучшаго человѣка, какимъ вызывались сдѣлать его въ школѣ своей риторики софисты, или какимъ, говорили они, человѣкъ долженъ быть по природѣ. Къ этому чертежу болѣе прибавить было нечего, и Сократу теперь оставалось только обнаружить безобразіе нарисованной Калликломъ картины и показать, до какой степени неосновательны и непослѣдовательны умствованія софистовъ о предметѣ настоящей бесѣды.

Изъ послѣдняго нелѣпаго положенія Калликлова Сократъ, чтобы показать нелѣпость его, выводитъ ложную мысль: если, то-есть, по словамъ Калликла, пожеланій обуздывать не должно; то людей, ничего не требующихъ, надобно почитать несчастными. Но ученикъ Горгіаса не затрудняется

признать ее вѣрною, и тѣмъ подаетъ поводъ Сократу человѣка воздержнаго уподобить бочкѣ крѣпкой, изъ которой налитое въ нее не вытекаетъ, а невоздержнаго—бочкѣ дырявой, въ которую сколько ни лей, никогда не наполнишь ея. Этимъ подобіемъ Сократъ старался внушить своему собесѣднику ту истину, что необузданность пожеланій есть непрерывное мученіе людей, преданныхъ страстямъ. Но Калликлъ не вѣритъ такимъ началамъ нравственности и продолжаетъ утверждать, что жизнь безъ притоковъ походила бы на жизнь мертвеца или камня, и что жить счастливо—значитъ позволять себѣ всѣ вообще пожеланія и, удовлетворяя имъ, радоваться. Поэтому Сократъ оставляетъ теперь иносказанія и, взявшись снова за методу эротематическую, излагаетъ цѣлый рядъ доказательствъ на то, что удовольствіе отлично отъ добра, или, что люди, удовлетворяющіе своимъ пожеланіямъ, не суть люди наилучшіе. Во-первыхъ, онъ говоритъ, что если наилучшая жизнь состоитъ въ томъ, чтобы алкая ѣсть или жаждая пить; то и людей въ чесоткѣ, поколику они имѣютъ побужденіе чесаться, надобно почитать людьми счастливыми и наилучшими, чего конечно допустить нельзя; а слѣдовательно нельзя допустить и того, что удовольствіе есть добро. Во-вторыхъ, продолжаéтъ Сократъ, знаніе и удовольствіе отличны одно отъ другаго, и мужество также отлично отъ удовольствія: но знаніе и мужество суть добро; слѣдовательно удовольствіе отлично отъ добра. Въ-третьихъ, бываютъ, говоритъ онъ, явленія, по своей противуположности, въ одномъ и томъ же человѣкѣ несовмѣстимыя. Къ числу такихъ явленій относятся благополучіе и неблагополучіе, здоровье и болѣзнь, сила и слабость и т. п. Сюда же, безъ сомнѣнія, надобно отнесть добро и зло; ибо, по явленіи въ человѣкѣ зла, добро отъ него убѣгаетъ, и наоборотъ. Но если такъ, то все, чтò можетъ находиться въ немъ совокупно, чтò вмѣстѣ приходитъ и уходитъ,—не есть ни добро, ни зло. А при удовлетвореніи пожеланій именно это и бываетъ, то-есть, бы-

ваютъ явленія противныя, которыя однакожъ не убѣгаютъ одно отъ другаго, но вмѣстѣ и раждаются и исчезаютъ. Напримѣръ, чувствовать голодъ тягостно, а чувствовать голодъ и ѣсть пріятно; однакожъ, вмѣстѣ въ утоленіемъ голода, какъ чего-то тягостнаго, исчезаетъ и пріятность. Слѣдовательно удовольствіе или удовлетвореніе пожеланій не есть ни добро, ни зло. Въ-четвертыхъ, часто случается, что человѣкъ злой болѣе радуется, либо скорбитъ, чѣмъ добрый. Такъ, напримѣръ, трусъ, при наступленіи непріятеля, обнаруживаетъ болѣе безпокойства, а при отступленіи его,— болѣе радости, чѣмъ мужественный. Поэтому, еслибы удовольствіе и добро были—одно и то же, то слѣдовало бы, что человѣкъ злой, радуясь больше добраго, былъ бы и добрѣе его. — Доведенный этими доказательствами до невозможности долѣе защищать свое положеніе, Калликлъ какбы хватается за соломенку и говоритъ, что одни изъ удовольствій почитаетъ онъ хорошими, а другія худыми. И это мнѣніе Сократъ одобряетъ, но тотчасъ же искусно направленными вопросами переходитъ къ мысли, что цѣль человѣческихъ дѣйствій есть не удовольствіе, а добро: ибо если удовольствія надобно дѣлить на добрыя и худыя, а добрыя потому добры, что полезны, худыя же потому худы, что вредны; то первыхъ только надобно желать, а отъ послѣднихъ—отвращаться. Слѣдовательно нетолько ничего не должно дѣлать для удовольствія, но и самыя удовольствія надлежитъ позволять себѣ для добра (492 E—500 A). Итакъ теперь доказано, что люди наилучшіе—не тѣ, которые удовлетворяютъ всѣмъ своимъ желаніямъ и предаются удовольствіямъ; теперь и Калликлъ столь же рѣшительно опровергнутъ, какъ прежде опровергнутъ былъ Полосъ, и добродѣтель, освобожденная отъ постыдныхъ софистическихъ ограниченій, получила истинное свое значеніе и поставлена цѣлію всѣхъ человѣческихъ дѣйствій. Послѣ сего Сократу оставалось обратиться къ риторикѣ и сдѣланныя доселѣ изслѣдованія приложить къ подтвержденію того, что̀ прежде было касательно

ея постановлено, и такимъ образомъ раскрыть истинное понятіе о ней.

Вспомнимъ же теперь слова мои, сказанныя Горгіасу и Полосу, говоритъ Сократъ, что есть упражненія, изъ которыхъ иныя доходятъ до удовольствія и стремятся къ одному этому, лучшаго же и худшаго не знаютъ, а другія понимаютъ, чтò добро и чтò зло. И такъ какъ настоящая наша бесѣда имѣетъ въ виду предметъ самый важный, то-есть, какъ надобно жить,—заниматься ли риторикою или философіею; то не шути надо мною, но изслѣдуй, какое различіе между этими родами жизни, и которому изъ нихъ надобно слѣдовать. Помнишь ли, мы говорили, что есть занятія, поддѣлывающіяся подъ истинныя искуства, — такія занятія, которыя, не изслѣдывая природы вещей, основываются только на навыкѣ и заботятся объ однихъ удовольствіяхъ, а о пользѣ и добродѣтели вовсе не думаютъ. Одни изъ такихъ занятій, какъ напримѣръ, кухонное, относятся къ пробужденію удовольствій тѣлесныхъ, а другія имѣютъ въ виду—душевныя. Къ этому роду поддѣльныхъ или льстящихъ душѣ искуствъ должно причислить, на примѣръ, игру на флейтѣ и на цитрѣ, хористику, поэзію диѳирамвическую и даже трагическую. А если отъ произведеній поэтическихъ мы отнимемъ метръ и риѳмъ, то сюда же отойдутъ и рѣчи; потому что поэзія есть также своего рода ораторство. Но чтò такое — самая, столько уважаемая Аѳинянами, риторика? Къ тому ли направляются рѣчи риторовъ, чтобы сколько можно лучшими сдѣлать гражданъ, или къ тому, чтобы, не заботясь объ общемъ благѣ, доставить сколько можно болѣе удовольствій самимъ себѣ? Отвѣчая на этотъ вопросъ Сократа, Калликлъ говоритъ, что между риторами есть и такіе, и другіе: одни дѣйствительно имѣютъ въ виду общее благо, а другіе—собственную пользу. Сократъ одобряетъ дѣленіе Калликла, но вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчаетъ, что исторія еще не указываетъ ни на одного ритора, который поставлялъ бы своею цѣлію улучшить Аѳинянъ; ибо, бывъ обязаны говорить въ пользу

добра и въ то же время желая, чтобы ихъ рѣчь отличалась изящною либо ученою формою, риторы вводятъ много словъ пустыхъ и мало думаютъ о мысли. Вотъ врачи и учители гимнастики имѣютъ въ виду упорядочивать и укрѣплять тѣло. Такъ-то и риторы, считающіе своею обязанностію заботиться о душѣ, должны бы вселять въ нее порядокъ и красоту, то-есть, внушать ей справедливость и разсудительность. А между тѣмъ они нетолько не питаютъ ее этими добродѣтелями, но еще, поблажая ея страстямъ, увлекаютъ ее къ невоздержанію и несправедливости, то-есть, говорятъ что не надобно обуздывать пожеланій наказаніями, и не вѣрятъ, что исправленіе посредствомъ наказанія для души лучше ненаказанности. Не такъ ли и ты утверждалъ, Калликлъ? —Обличенный столь явно Сократовою діалектикою, ученикъ Горгіаса наконецъ отказывается отвѣчать на предлагаемые ему вопросы и, только изъ послушанія учителю, соглашается принимать участіе въ Сократовомъ изслѣдованіи (500 В — 506 В).

Показавъ такимъ образомъ истинное значеніе и направленіе софистической риторики, Сократъ теперь обращается къ раскрытію общей темы діалога и доказываетъ, что гражданскимъ занятіямъ риторовъ надобно предпочитать жизнь философскую, или, что ораторы, если они хотятъ быть дѣйствительно полезными для общества, должны основываться на твердыхъ началахъ философіи. Такъ какъ добро отлично отъ удовольствія, и мы все обязаны дѣлать для добра, говоритъ онъ, то главная задача нашей жизни есть—сдѣлаться добрыми. Но доброе бываетъ добромъ по добродѣтели; добродѣтель же обнаруживаетъ себя порядкомъ, правильностію и искуствомъ. Поэтому душа добродѣтельная есть душа прекрасная (κόσμιος); поэтому также ей свойственна и разсудительность; а будучи разсудительною, она въ отношеніи къ богамъ и людямъ дѣлаетъ, что̀ нужно, слѣдовательно бываетъ благочестива и справедлива. Въ этомъ-то случаѣ — не чужда она и мужества, потому что не поддается удоволь-

ствію и скорби, и знаетъ, чего бояться и чего нѣтъ. Итакъ душа добродѣтельная есть душа добрая, а когда добрая, то и счастливая. Пріобрѣтеніе такого счастія, по моему мнѣнію, должно быть цѣлью каждаго человѣка. И я, какъ въ частныхъ, такъ и въ общественныхъ занятіяхъ, считаю своимъ долгомъ, обуздывая силу страстей, стремиться къ справедливости и разсудительности, и чрезъ то, подражая богамъ, входить съ людьми въ искреннее содружество. Если же несомнѣнно, что люди дѣлаются счастливыми чрезъ справедливость и разсудительность, а несчастными—отъ неправды и необузданности пожеланій; то несомнѣнны и прежнія мои положенія, что гораздо хуже наносить обиды, чѣмъ принимать ихъ, и что ораторъ долженъ знать, какое дѣйствіе справедливо и какое несправедливо. А что ты, Калликлъ, укорялъ меня въ безсиліи помочь себѣ и другимъ противъ наносимыхъ обидъ; то мнѣ кажется, не тотъ бѣденъ, кого обижаютъ, а тотъ, кто, обижая, не несетъ за то наказаній, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше приближается къ погибели. Но если больше зла наносить обиды, чѣмъ принимать ихъ; то избѣжаніе золъ зависитъ отъ насъ, а отраженіе ихъ требуетъ нѣкоторой власти и искуства: надобно, то-есть, либо самому управлять обществомъ, либо умѣть понравиться правителямъ и чрезъ нихъ получить силу въ обществѣ. Представь же, что правитель жестокъ и необразованъ: чтобы жить безопасно, необходимо принаравливаться къ его образу мыслей и дѣйствій; а дѣлая это для избѣжанія зла, надобно совершить еще больше золъ, — надобно позволить себѣ множество несправедливостей и поступковъ безразсудныхъ. Явно, что человѣкъ мудрый на это никакъ не рѣшится; потому что, получая обиды отъ жестокаго правителя, онъ не такъ жалокъ, какъ самъ, несправедливо обижающій его, правитель. Посему и пользоваться тѣми искуствами, при помощи которыхъ можно избавиться отъ опасностей, чтобы жить какъ можно долѣе (развѣ то будетъ искуство кораблеплавателя или врача), думаю, мудреца не достойно. Слѣдо-

зательно онъ не будетъ заниматься и риторикою съ цѣлію защищать себя; ибо старается не о томъ, какъ бы долѣе пожить, но, ввѣряя свою жизнь Богу, думаетъ, какъ бы время своей жизни употребить для улучшенія себя. (506 D — 513 C).

Сколь ни правдоподобнымъ казалось Калликлу это разсужденіе Сократа о необходимости добродѣтельной жизни для счастія и о неприложимости софистической риторики къ этой цѣли, — онъ все еще не рѣшается противорѣчить большинству человѣческихъ мнѣній и, вопреки имъ, вѣрить одному Сократу. Посему Сократъ, желая совершенно убѣдить Калликла въ своихъ положеніяхъ, кратко повторяетъ все, что̀ прежде было допущено, и оттуда еще яснѣе выводитъ слѣдствія; такъ что на эту часть діалога можно смотрѣть, какъ на заключительное обозрѣніе всего, что̀ въ немъ было разсмотрѣно. Помнишь, говоритъ Сократъ, мы назвали два способа попеченія какъ о тѣлѣ, такъ и о душѣ: одинъ происходитъ отъ ласкательства и направляется къ удовольствію, а другой имѣетъ въ виду наилучшее. Поэтому, если мы въ обществѣ домогаемся власти, то непремѣнно должны стараться сдѣлать гражданъ наилучшими; ибо безполезно благодѣтельствовать человѣку, неотличающемуся честностію и добротою. Но какъ другими искуствами никто не въ состояніи правильно пользоваться, не зная ихъ природы и не изучивъ способовъ ихъ употребленія: такъ и въ искуствѣ гражданскомъ никто не можетъ почитаться опытнымъ, не представляя какихъ-нибудь превосходныхъ образцовъ своей опытности. Итакъ, допустивъ, что люди государственные должны сдѣлать гражданъ наилучшими, надобно изслѣдовать, были ли между ними дѣйствительно такіе. Но разматривая политическіе подвиги даже тѣхъ, которые больше другихъ превозносятся у насъ похвалами, ты найдешь, что они нетолько не сдѣлали Аѳинянъ лучшими, но еще изнѣжили, развратили и пріучили ихъ къ удовольствіямъ. Потому-то Аѳиняне, какъ уже испорченные ими, на нихъ же и проявили

свое злонравіе, то-есть, однихъ оштрафовали, другихъ оскорбили, иныхъ изгнали, и риторика имъ въ этомъ случаѣ нисколько не помогла. Да и странно слышать, когда говорятъ, что риторы, или народные вожди то или другое несправедливо потерпѣли отъ народа. Съ чего бы взялъ народъ сдѣлать имъ зло, еслибы они въ самомъ дѣлѣ старались учить его добру? Вѣдь это то же, что̀ жалобы софистовъ, которые, принявъ на себя званіе учителей добродѣтели и потомъ жалуясь, что ихъ ученики поступаютъ съ ними не добродѣтельно, этимъ самымъ доказываютъ, что наука ихъ безплодна. Впрочемъ софисты и вообще сродны съ риторами и даже имѣютъ преимущество предъ послѣдними, какъ законодательство преимуществуетъ предъ законовѣденіемъ и гимнастика предъ медициною. Итакъ теперь скажи мнѣ, Калликлъ, продолжаетъ Сократъ, къ чему ты приглашаешь меня: къ службѣ ли, въ которой надобно бороться съ Аѳинянами, чтобы сдѣлать ихъ лучшими, или къ прислуживанію, которое состоитъ въ ласкательствѣ?—По моему убѣжденію, я долженъ служить. Служба, соединенная съ борьбою, конечно можетъ подвергнуть меня великимъ опасностямъ: но тотъ, кто будетъ обвинять меня предъ судомъ, окажется человѣкомъ злымъ; потому что добрый не захочетъ доносить на невиннаго. Нѣтъ также ничего удивительнаго, что мнѣ, по опредѣленію суда, придется и умереть; потому что въ судѣ я не въ состояніи буду указать на какія-нибудь доставленныя мною Аѳинянамъ удовольствія, которыя они привыкли почитать благодѣяніями и пользами. А между тѣмъ мнѣ скажутъ, что я порчу, какъ юношей—недоумѣніями, такъ и мужей—высказываніемъ горькаго слова; и я, сознавая справедливость этихъ словъ и не умѣя внушить моимъ согражданамъ, что все это было для ихъ пользы, долженъ буду молчать и терпѣть, что̀ ни случится. Тогда я не укроюсь подъ покровительство льстивой риторики, чтобы она помогла мнѣ: за то моею помощію будетъ моя правда предъ людьми и богами, и съ нею я перенесу смерть равнодушно; ибо вѣрю, что по

смерти душа моя сойдетъ въ преисподнюю и, представъ предъ судей въ совершенной наготѣ, признана будетъ ими достойною жребія душъ благочестивыхъ. Итакъ, я не долженъ, по твоему совѣту, Калликлъ, съ помощію риторики, домогаться чести отъ народа, но считаю долгомъ соблюдать истину, чтобы и жить и умереть человѣкомъ наилучшимъ. Къ этому же приглашаю и другихъ, и тебя самого, боясь, что иначе ты не въ состояніи будешь помочь себѣ, когда предстанешь на судъ къ Эаку. Указанный мною образъ жизни, безъ сомнѣнія, долженъ быть лучше вашего; потому что вы, люди мудрѣйшіе, не могли доказать, что надобно вести жизнь другую, а не ту, которая приноситъ пользу и по смерти. Всѣ ваши положенія опровергнуты; уцѣлѣло только одно,— что надобно больше остерегаться дѣлать обиду, чѣмъ быть обижаемымъ, и не казаться, а дѣйствительно быть добрымъ. Послушайся же меня и иди этимъ путемъ. Потрудившись на такомъ поприщѣ, мы потомъ уже, если покажется нужнымъ, приступимъ и къ дѣламъ политическимъ, и будемъ подавать совѣты, какъ совѣтники лучшіе, чѣмъ каковы мы теперь (513 D—527 E).

Обозрѣвъ ходъ и послѣдовательное развитіе частей Платонова Горгіаса, мы теперь можемъ ясно опредѣлить цѣль этого діалога. Надобно припомнить, что послѣ персидскихъ войнъ нравственное и политическое состояніе Грековъ начало клониться къ упадку. Разбивъ и изгнавъ изъ своихъ предѣловъ огромныя персидскія арміи, Греки потомъ чрезъ долгое время наслаждались совершеннымъ миромъ и, гордясь воспоминаніями о блистательныхъ успѣхахъ своего оружія, о подвигахъ знаменитыхъ своихъ вождей, предались гражданской дремотѣ, оставили прежнюю простоту своей жизни и устремились ко всѣмъ родамъ удовольствій. Имѣя въ виду этотъ нравственный переворотъ своихъ соотечественниковъ, Платонъ причину его указываетъ въ тѣхъ самыхъ народныхъ вождяхъ, которые, своими побѣдами прославивъ греческое общество, во время мира не заботились держать его

въ предѣлахъ добродѣтели и умѣренности, но развили въ немъ роскошь и любовь къ чувственнымъ наслажденіямъ, разумѣется, требовавшимъ много денегъ, а для денегъ, позволявшимъ всевозможныя несправедливости, — и оттого первые испытали на самихъ себѣ дѣйствіе общественнаго разврата и безумія. Такую слабость въ управленіи болѣе всѣхъ обнаруживалъ знаменитый Периклъ. Управляя Аѳинянами почти сорокъ лѣтъ, онъ развилъ въ юномъ поколѣніи столько легкомыслія, что послѣ его смерти всѣ, получившіе какое-нибудь образованіе, начали считать себя способными къ занятію высшихъ должностей въ республикѣ и, окрыляемые честолюбіемъ, наперерывъ стремились предвосхитить другъ у друга право администраціи. Эти администраторы не испытывали себя добросовѣстно,—имѣютъ ли они въ самомъ дѣлѣ потребныя качества и познанія для управленія народною толпою, но представляли только личныя выгоды отъ прохожденія той или другой государственной должности, и чтобы достигнуть ихъ, старались, вопреки совѣсти, сколько можно пріятнѣе льстить народу и поблажать его страстямъ. Такая лесть ихъ, по условіямъ республиканской формы правленія, расточаема была обыкновенно съ аѳинской трибуны и украшалась именемъ гражданскаго краснорѣчія. Отсюда произошла потребность учиться хорошо говорить политическія рѣчи,—и между тогдашними софистами не замедлили явиться профессоры риторики, вызывавшіеся всякому преподать искуство — двигать, посредствомъ слова, души слушателей, направлять ихъ, куда и къ чему угодно. Эта наука ихъ дѣйствительно могла своимъ адептамъ приносить не маловажную пользу, ибо обработывала языкъ и устанавливала правила декламаціи; но аѳинскому обществу она дѣлала много вреда, потому что истину обезображивала софизмами, для личныхъ интересовъ оратора потворствовала страстямъ народа, благосклонность его пріобрѣтала чрезъ пожертвованіе справедливостію, и такимъ образомъ становилась самымъ разрушительнымъ ору-

діемъ для истребленія добрыхъ началъ народной нравственности. Противъ этого-то гибельнаго направленія софистической риторики Платонъ возстаетъ въ своемъ Горгіасѣ и главною цѣлію поставляетъ — пустому, софистическому ораторству, льстящему страстямъ гражданъ, противуположить науку истинную, достойную философа и ревнующую о добродѣтели и честности, чтобы чрезъ это, по возможности, остановить губительный разливъ порчи въ нравственной жизни Грековъ. Онъ хочетъ внушить своимъ современникамъ, что вожди народа должны забыть о личной своей пользѣ и стараться болѣе объ улучшеніи согражданъ, чѣмъ объ увеличеніи своего богатства; потому что счастіе для человѣка невозможно, если оно не соединено съ добродѣтелію и основывается не на добродѣтели. Гдѣ нѣтъ доброй нравственности, гдѣ дѣлами общества управляетъ невоздержаніе, несправедливость, криводушіе и развратъ; тамъ быстро зрѣетъ и общественное и частное зло, тамъ все идетъ къ разрушенію и гибели.

Но имѣя въ виду эту главную цѣль при развитіи своего Горгіаса, Платонъ вмѣстѣ съ тѣмъ предполагалъ себѣ и цѣли второстепенныя. Говоря объ одномъ общемъ, онъ любилъ высказывать и раскрывать кстати ту или другую частную истину во многихъ своихъ разговорахъ, и по своему обычаю не упустилъ то же сдѣлать и здѣсь. Въ Горгіасѣ главнымъ его дѣломъ было, какъ мы сказали, обличить господствовавшую въ его время софистическую риторику и доказать, что ораторъ, не зная, въ чемъ состоитъ справедливое и несправедливое, не можетъ сдѣлать изъ нея никакого хорошаго и истинно полезнаго употребленія. Но изслѣдывая это, онъ, не безъ особеннаго намѣренія, вдается также въ длинныя разсужденія о различіи между справедливымъ и пріятнымъ, о цѣли человѣческихъ дѣйствій, о твердости добраго и честнаго человѣка въ перенесеніи обидъ, и о многомъ другомъ. Особенно же преднамѣренными и знаменательными кажутся тѣ мѣста въ его разговорѣ, гдѣ Со-

кратъ гадаетъ о возможности попасть ему подъ судъ и, по опредѣленію суда, умереть. Читая этотъ отдѣлъ Горгіаса, невольно приходишь къ мысли, что, при изложеніи его, цѣлію Платона было между прочимъ оправдать Сократа въ памяти тѣхъ людей, которые не понимали важности простаго и иногда досадительнаго, но въ высшей степени полезнаго и благодѣтельнаго его философствованія. Очень правдоподобно, что смерть его многимъ тогдашнимъ софистамъ и ихъ ученикамъ представляла случай смѣяться надъ строгими правилами и высокими нравственными идеями сократической философіи, чтобы вовсе заглушить посѣянныя имъ въ умахъ современниковъ сѣмена здраваго мышленія объ истинныхъ пользахъ греческаго общества. Поэтому Платонъ хотѣлъ и долженъ былъ защитить своего учителя отъ нареканій, и могъ написать Горгіаса, какъ апологію, съ намѣреніемъ пробудить въ Аѳинянахъ, по крайней мѣрѣ, позднее раскаяніе въ неблагодарности къ Сократу. Читая этотъ разговоръ, Аѳиняне должны были увѣриться, что вліяніе софистовъ на дѣла политическія было весьма гибельно, и что наилучшимъ политикомъ надлежало бы почитать имъ Сократа, который своею ироніею преслѣдовалъ этихъ развратителей юношества и предостерегалъ отъ нихъ юное поколѣніе.

Полагая, что такова именно была цѣль, для которой написанъ Горгіасъ, мы можемъ, по крайней мѣрѣ приблизительно, опредѣлить и время изданія его въ свѣтъ. Платонъ написалъ своего Горгіаса, вѣроятно, вскорѣ послѣ смерти Сократа, то есть послѣ 1, 95 олимп. Къ этому заключенію приводитъ насъ, кромѣ нѣкоторыхъ другихъ историческихъ соображеній, особенное сходство разсматриваемаго діалога съ Платоновымъ Менономъ, который, какъ сказано въ своемъ мѣстѣ (соч. Плат. II, 155), написанъ незадолго до смерти Сократа. Сходство ихъ и по содержанію, и по намѣренію писателя, и по личности собесѣдниковъ, въ томъ и другомъ сочиненіи разговаривающихъ съ Сократомъ, таково, что эти

сочиненія, по всей вѣроятности, должны были излиться изъ души Платона не чрезъ долгое время одно послѣ другаго. Въ Менонѣ доказывается, что риторы и такъ называемые политики неспособны учить народъ гражданскимъ добродѣтелямъ, потому что не имѣютъ знанія объ истинѣ: почти то же самое говорится и въ Горгіасѣ,—что софистическая риторика, безъ честности и справедливости, есть орудіе, разрушающее гражданское общество. Въ Менонѣ шаткимъ и неопредѣленнымъ мнѣніямъ политиковъ противуполагается знаніе философа: такимъ же образомъ и въ Горгіасѣ постыдному и гибельному искуству политическихъ говоруновъ представляется въ обличеніе справедливость, честность и воздержаніе человѣка истинно мудраго. Въ Менонѣ выставлены, какъ лица разговаривающія, — ученикъ Горгіаса Менонъ, и другъ его Анитъ, изъ которыхъ первый защищаетъ дѣло софистовъ, а послѣдній—подвиги политиковъ: подобное видимъ мы и въ Горгіасѣ, гдѣ сперва самъ софистъ, потомъ ученикъ его Полосъ ратуетъ за силу и достоинство риторики; когда же положенія ихъ были опровергнуты, вступаетъ въ состязаніе съ Сократомъ Калликлъ и, подобно Аниту, превозноситъ вліяніе Горгіасовой науки на дѣла гражданскія и на успѣхи людей, стремящихся къ занятію правительственныхъ должностей въ обществѣ. Все это невольно ведетъ къ заключенію, что написаніе Горгіаса должно было послѣдовать вскорѣ за изданіемъ Менона и, по всей вѣроятности, либо послѣ того, какъ Сократъ произнесъ уже въ судѣ свою апологію,—на что̀ отчасти указываютъ слова его (522 А),—либо даже тотчасъ послѣ его смерти. Впрочемъ нѣкоторые изслѣдователи, основываясь на свидѣтельствѣ самого Сократа (473 Е), что «въ прошломъ году онъ не зналъ, какъ приняться за дѣло» (собирать голоса), полагаютъ, что изданіе Горгіаса надобно относить 4, 93 олимп.

ЛИЦА РАЗГОВАРИВАЮЩІЯ:

КАЛЛИКЛЪ, СОКРАТЪ, ХЕРЕФОНЪ, ГОРГІАСЪ, ПОЛОСЪ.

Калл. Такъ-то можно бы придти, Сократъ, только на войну, да въ сраженіе [1].

Сокр. Что? неужели, по пословицѣ, мы поспѣли на праздникъ къ шапочному разбору? [2]

Калл. Да еще на праздникъ торжественный! Вѣдь вотъ сейчасъ только Горгіасъ показалъ намъ такъ много прекраснаго [3].

---

[1] *Πολέμου καὶ μάχης χρῆναι οὕτω μεταλαγχάνειν.* — Поговорка, означающая, что не спѣшить, или приходить поздно, можно бы только къ дѣламъ опаснымъ и непріятнымъ. Такъ объясняетъ это выраженіе и схолія Олимпіодора (ms. Ciz): *φασὶ γὰρ ὅτι, εἰ ἦν πόλεμος, ἔδει σὲ ὑστερῆσαι, ἵνα μὴ φονευθῇς.* Подобное значеніе имѣла у Аѳинянъ поговорка: *οὐ πόλεμόν γε ἀγγέλεις* (Phaedr. p. 242. B. *Erasm.* adag. p. 527).

[2] Греч. *κατόπιν ἑορτῆς ἥκομεν καὶ ὑστεροῦμεν,* собственно значитъ: мы пришли позади, или послѣ праздника, и не застали его. Эта пословица, по Схоліасту и Олимпіодору, прилагалась *ἐπὶ τῶν ἐπί τινι καλῷ πράγματι ἀπολιμπανομένων.* У насъ однозначительна съ нею: придти къ шапочному разбору.

[3] Горгіасъ былъ софистъ, родомъ изъ Леонтины. Послѣ смерти Перикла, Леонтинцы отправили его посломъ въ Аѳины — съ тою цѣлію, чтобы онъ примирилъ съ ними Аѳинянъ. Это посольство относится ко 2 году 88 олимп. *Diodor*. XII. 52. Прибывъ въ мѣсто своего назначенія, Горгіасъ къ должности посла присоединилъ профессію софиста и своимъ краснорѣчіемъ до того увлекалъ аѳинское юношество, что тотъ день почитался праздничнымъ, въ который предлагалъ онъ свои декламаціи. Способъ собирать къ себѣ слушателей состоялъ у него въ объявленіи, что въ означенное время онъ будетъ отвѣчать на всѣ предлагаемые себѣ вопросы и разсуждать о всякомъ предметѣ, по желанію посѣтителей. На такой зовъ праздные люди стекались къ нему толпами и за находчивость его ума, за гибкость и изворотливость его

Сокр. Въ этомъ, Калликлъ [1], виноватъ именно Херефонъ [2]: онъ заставилъ насъ провесть нѣсколько времени на площади.

Хереф. Нѣтъ нужды, Сократъ; я же и поправлю дѣло. Вѣдь Горгіасъ мнѣ другъ; такъ онъ покажетъ себя, если угодно, хоть сегодня, а когда хочешь, — и въ другое время. B.

Калл. Чтò ты, Херефонъ? неужели Сократъ захочетъ слушать Горгіаса?

Хереф. Да вѣдь мы для того и пришли.

Калл. А когда хотите,—не угодно ли пойти ко мнѣ домой [3]; вѣдь Горгіасъ квартируетъ у меня и покажетъ вамъ свое искуство.

Сокр. Ты хорошо сказалъ, Калликлъ. Но согласится ли C. онъ бесѣдовать съ нами? Вѣдь я хочу спросить у него, въ чемъ состоитъ сила его искуства? Чтò такое то, о чемъ онъ объявляетъ и чему учитъ? А иной опытъ рѣчи пусть онъ отложитъ, какъ ты говоришь, до другаго времени.

Калл. Нѣтъ ничего лучше, какъ спросить его объ этомъ, Сократъ; потому что одна похвальба его къ этому именно и относится; нынѣ же приказывалъ онъ всякому, кто тутъ былъ, спрашивать себя, о чемъ кому угодно, и вызывался отвѣчать на все.

слова платили большія деньги. Дѣлать подобные опыты разсужденій называлось у софистовъ ἐπιδείκνυσθαι, т. е. показывать себя, или свое искуство, дебютировать (Gresollius Theatr. Rhetor. III, 5. sqq).

[1] *Калликлъ*—молодой Аѳинянинъ, воспитанный въ духѣ тогдашней софистической школы, весьма занятый своею способностію говорить, ничего не зная основательно, водящійся эгоистическими расчетами, ищущій собственной пользы, богатства и политическаго значенія въ обществѣ, а справедливость, общее благо, знаніе дѣла почитающій идеями устарѣлыми и даже смѣшными. Подъ собственнымъ именемъ Калликла Платонъ могъ разумѣть все юное, испорченное и развратившееся поколѣніе тогдашней Греціи.

[2] О Херефонѣ см. Apol. Socr. 21 E. Charm. 353 B. и введеніе въ Симпосіонъ.

[3] Οὐκοῦν ὅταν βούλησθε παρ' ἐμὲ ἥκειν οἴκαδε. Здѣсь неокончательное ἥκειν напрасно принимаютъ нѣкоторые въ смыслѣ повелительнаго. Ясно, что приведенное выраженіе сокращено: для полноты его, надлежало бы повторить сослагательное βούλησθε.

Сокр. Куда хорошо говоришь ты! Спроси его Херефонъ.

Херефъ. О чемъ?

Сокр. Кто онъ таковъ.

Херефъ. Какъ это?

Сокр. А вотъ какъ: еслибы онъ былъ мастеръ шить обувь, то вѣроятно отвѣчалъ бы тебѣ, что онъ башмачникъ. Или и теперь не понимаешь, что̀ я говорю?

Херефъ. Понимаю и спрошу. — Скажи мнѣ [1], Горгіасъ! правду ли говоритъ этотъ Калликлъ, будто ты вызываешься отвѣчать на все, о чемъ бы ни спросили тебя?

448. *Горг*. Правду, Херефонъ; вѣдь я нынѣ же объявлялъ это и утверждаю, что въ продолженіе многихъ лѣтъ еще никто не спросилъ меня о чемъ-нибудь новомъ

Херефъ. Такъ видно тебѣ легко отвѣчать, Горгіасъ.

Горг. Можешь узнать это на опытѣ, Херефонъ.

Пол. И клянусь Зевсомъ, лишь бы только ты хотѣлъ,— отъ меня, Херефонъ; потому что Горгіасъ, мнѣ кажется, въ волю наговорился,—онъ сейчасъ много разсуждалъ.

Херефъ. Что̀ ты, Полосъ [2]? неужели думаешь, что будешь отвѣчать лучше Горгіаса?

Пол. Какая нужда, лишь бы для тебя-то было довольно.

B *Херефъ*. Никакой. Отвѣчай; если хочешь.

Пол. Спрашивай.

Херефъ. А вотъ спрашиваю. Еслибы Горгіасъ былъ знатокъ того искуства, которое знаетъ братъ его Иродикъ [3]; то

---

[1] Доселѣ собесѣдники разговаривали, повидимому, предъ домомъ Калликла, а теперь уже вошли въ домъ и увидѣлись съ Горгіасомъ.

[2] Полосъ Агригентскій риторъ, былъ слушателемъ Горгіаса и, какъ человѣкъ, по свидѣтельству Филострата, чрезвычайно богатый, платилъ ему за наставленія огромную сумму. V. *Philostr*. vitt. Sophist. L. 1. p, 500. О немъ Платонъ упоминаетъ также въ Теагѣ (p. 128 A) и Федрѣ (p. 267 C), гдѣ мѣтко осмѣивается изысканность софистическихъ его выраженій.

[3] Объ Иродикѣ Schol: *οὗτος οὐχ ὁ Σηλυμβριανός ἐστιν Ἡρόδικος, ἀλλ' ὁ Λεοντῖνος, Γοργίου ἀδελφός*. О Силимврійскомъ упоминается въ Протагорѣ (316 E) и Федрѣ (227 D). Оба они называются врачами, и потому неудивительно, что нѣкоторыми принимаемы были за одно лице. *Routhius* ad h. I. и *Wyttenbach*. ad Plutarch. de S. N. V. p. 50, см. *Prinsterer von Groen* Prosopogr. Plat. p. 393. *Heindorf*. ad Phaedr. § 2.

чѣмъ мы по справедливости назвали бы его? Не тѣмъ ли, чѣмъ и брата?

Пол. Конечно.

Хереф. Стало быть, мы хорошо сказали бы, когда бы назвали его врачемъ?

Пол. Да.

Хереф. Еслибы также онъ былъ опытенъ въ искуствѣ Аристофона [1] сына Аглаофонова, или брата его; то какое бы правильно дали ему имя?

Пол. Явно, что имя живописца. C.

Хереф. Но теперь, такъ какъ Горгіасъ—знатокъ какого-то искуства; то какимъ именемъ можно бы правильно назвать его?

Пол. О Херефонъ! У людей изъ опыта опытно изобрѣтено много искуствъ. Опытъ ведетъ нашъ вѣкъ путемъ искуства, а неопытность — путемъ случая [2]. И изъ всѣхъ искуствъ, иными владѣютъ иные иначе, превосходнѣйшими же—превосходнѣйшіе. Къ числу ихъ относится и этотъ Горгіасъ и владѣетъ искуствомъ прекраснѣйшимъ.

Сокр. Видно, Горгіасъ, что Полосъ дѣйствительно хорошо D. приготовленъ вести рѣчь; однакожъ не дѣлаетъ того, что̀ обѣщалъ Херефону.

---

[1] О живописцѣ Аристофонѣ упоминаетъ Плиній. H. N. XXXVII. Живописцевъ Аглаофоновъ было два; см. Interpr. ad Plin. H. N. XXXV. 9. Упоминаемый здѣсь былъ отецъ и вмѣстѣ учитель Полигнота. *Svidas* S. V· Πολύγνωτος.

[2] Эти слова Платонъ, по всей вѣроятности, заимствовалъ изъ книги Полоса; потому что онѣ, какъ Полосовы, приводятся и у Аристотеля (Metaph. I, 1): ἡ μὲν γὰρ ἐμπειρία τέχνην ἐποίησε, ὥς φησι Πῶλος, ὀρθῶς λέγων, ἡ δ'ἀπειρία τύχην. То же и у Стобея (Floril. serm. IV). А что Полосъ дѣйствительно писалъ, см. ниже р. 462. Но чтобы опредѣлить, до какой степени вѣрна мысль софиста, надобно обратить вниманіе на значеніе словъ ἐμπειρία и ἀπειρία. Если неопытность, по его мнѣнію, ведетъ путемъ случая; то ἀπειρία значитъ у него то же, что ἀμαθεία—незнаніе. Но въ такомъ смыслѣ, слову ἀπειρία должно быть противуположно не ἐμπειρία, такъ какъ ἐμπειρία нерѣдко бываетъ чужда знанія, а ἐπιστήμη, которая дѣйствительно ведетъ путемъ искуства. Дальнѣйшія выраженія: «изъ всѣхъ искуствъ, иными владѣютъ иные иначе, превосходнѣйшими же—превосходнѣшіе»—суть софистическій подборъ словъ.

Горг. Чего же лучше, Сократъ?

Сокр. Да кажется, отвѣчаетъ не совсѣмъ на вопросъ.

Горг. Такъ спроси его, если хочешь, самъ.

Сокр. Нѣтъ, самъ-то я охотнѣе спросилъ бы тебя, еслибы только ты согласился отвѣчать мнѣ. Вѣдь уже и изъ сказаныхъ словъ Полоса видно, что онъ занимался болѣе такъ называемою риторикою, чѣмъ искуствомъ разговаривать.

E. *Пол.* Почему же это, Сократъ?

Сокр. Потому, Полосъ, что когда Херефонъ спросилъ, въ какомъ искуствѣ Горгіасъ знатокъ, — ты началъ превозносить Горгіасово искуство, какъ будто кто порицаетъ его, а въ чемъ оно состоитъ, не отвѣтилъ.

Пол. Да развѣ я не отвѣтилъ, что оно самое прекрасное?

449. *Сокр.* О, конечно; но вѣдь никто не спрашивалъ, каково Горгіасово искуство, а спрашивали, что̀ такое оно, и чѣмъ надобно назвать Горгіаса. Прежде этого на вопросы Херефона ты отвѣчалъ хорошо и коротко: скажи же и теперь такъ, что̀ это за искуство, и чѣмъ должны мы назвать Горгіаса. Или лучже скажи ты самъ, Горгіасъ, чѣмъ тебя называть и какого искуства почитать тебя знатокомъ.

Горг. Риторики, Сократъ.

Сокр. Стало быть, надобно называть тебя риторомъ?

Горг. Да, и хорошимъ, Сократъ, если только угодно тебѣ назвать меня тѣмъ, чѣмъ я хвалюсь, говоря словами Омира.

Сокр. Конечно угодно.

Горг. Такъ называй же.

Сокр. Но должны ли мы говорить, что ты и другихъ можешь дѣлать риторами?

B. *Горг.* Да вѣдь я объявляю это не только здѣсь, но и въ иныхъ городахъ [2].

---

[1] Говорятъ, Горгіасъ долго жилъ въ Ѳессаліи и тамъ съ великою похвалою преподавалъ другимъ свою мудрость. Поэтому онъ здѣсь могъ указывать на ѳессалійскіе свои уроки. Plat. Menon. p. 70 A.

Сокр. Такъ не хочешь ли, Горгіасъ, продолжать бесѣдовать съ нами, какъ теперь, то-есть, иногда спрашивать, иногда отвѣчать, а такую длинную рѣчь, какую началъ Полосъ, отложить до иного времени? И ужъ что̀ пообѣщаешь, — не обмани, но рѣшись коротко отвѣчать на вопросы.

Горг. Нѣкоторые отвѣты таковы, Сократъ, что необхо- C.
димо бываетъ излагать ихъ въ длинной рѣчи. Впрочемъ, я все-таки постараюсь отвѣчать какъ можно короче; ибо въ мое объявленіе входитъ и то, что на одинъ и тотъ же предметъ никто не можетъ сказать короче, чѣмъ я.

Сокр. Это-то и нужно намъ, Горгіасъ: въ этомъ именно покажи мнѣ себя—въ краткословіи, а длиннословіе—до другаго времени.

Горг. Изволь, покажу, — и ты согласишься, что не слыхивалъ, кто бы говорилъ такъ коротко.

Сокр. Давай же. Такъ какъ ты называешь себя знатокомъ D.
риторскаго искуства и вызываешься сдѣлать риторомъ и другаго; то конечно скажешь, какому дѣйствительному предмету учитъ риторика — подобно тому, напримѣръ, какъ швейное искуство учитъ приготовлять платья. Не правда ли?

Горг. Да.

Сокр. Или, какъ музыкальное учитъ сочинять пѣсни.

Горг. Да.

Сокр. Клянусь Ирою, Горгіасъ, я очень радъ этимъ отвѣтамъ,—что ты отвѣчаешь какъ можно короче.

Горг. И вѣдь мои отвѣты, думаю, очень удовлетворительны, Сократъ.

Сокр. Ты хорошо говоришь. Отвѣчай же мнѣ такъ и касательно риторики: о какомъ дѣйствительномъ предметѣ она есть наука?

Горг. О рѣчахъ. E.

Сокр. О какихъ это, Горгіасъ? не о тѣхъ ли, которыми объявляется больнымъ, какой должны они сохранять образъ жизни, чтобы выздоровѣть?

Горг. Нѣтъ.

Сокр. Такъ видно риторика занимается не всѣми рѣчами?

Горг. Конечно не всѣми.

Сокр. Однакожъ дѣлаетъ людей сильными въ рѣчи?

Горг. Да.

Сокр. И не правда ли, что эти люди разумѣютъ то, о чемъ говорятъ?

Горг. Какъ же не разумѣть?

450. *Сокр.* Но и врачебное искуство, о которомъ мы теперь только говорили, развѣ не дѣлаетъ людей сильными въ разумѣніи и въ рѣчи о больныхъ?

Горг. Необходимо.

Сокр. Поэтому и врачебное искуство, какъ видно, есть наука о рѣчахъ.

Горг. Да.

Сокр. Именно о рѣчахъ касательно болѣзней?

Горг. Непремѣнно.

Сокр. Не есть ли и гимнастика также наука о рѣчахъ, касательно хорошаго и дурнаго состоянія тѣлъ?

Горг. Конечно.

B. *Сокр.* Да таковы вѣдь и всѣ прочія искуства, Горгіасъ. Каждое изъ нихъ занимается тѣми рѣчами, которыя касаются предмета, разсматриваемаго извѣстнымъ искуствомъ.

Горг. Видимо.

Сокр. Почему же бы прочихъ наукъ, разсуждающихъ о рѣчахъ, не назвать тебѣ риториками, если эту, занимающуюся также рѣчами, ты называешь риторикою?

Горг. Потому, Сократъ, что все занятіе прочихъ искуствъ касается, такъ сказать, ремеслъ и подобныхъ тому дѣлъ, занятіе же риторики—отнюдь не ремесло; ея работа и служе-
C. ніе совершается посредствомъ рѣчей. Оттого, называя риторику искуствомъ о рѣчахъ, я называю ее, говорю тебѣ, правильно.

Сокр. Такъ неужели я понимаю, какою хочешь ты назвать ее? Но вотъ тотчасъ узнаю это яснѣе. Отвѣчай-ка. У насъ есть искуство. Не такъ ли?

Горг. Да.

Сокр. Изъ всѣхъ искуствъ иныя, думаю, состоятъ боль-
шею частію въ рукодѣльѣ и требуютъ не много рѣчей, а
нѣкоторыя даже и не требуютъ, но во всемъ ограничиваю-
тся художествомъ и производятся молча, какъ напримѣръ,
живописное, ваятельное и многія другія. Такія-то, кажется, D.
разумѣешь ты искуства, касательно которыхъ, говоришь,
нѣтъ риторики. Не такъ ли?

Горг. Ты весьма хорошо понимаешь, Сократъ.

Сокр. А есть и другія искуства, которыя во всемъ огра-
ничиваются рѣчью, дѣла же, можно сказать, или вовсе не
требуютъ, или очень мало, напр. ариѳметика, счетоводство,
геометрія, игра въ кости и многія иныя; такъ что нѣко-
торыя изъ нихъ допускаютъ столько же рѣчей, сколько дѣлъ, E.
а другія гораздо больше, и вообще все ихъ занятіе и слу-
женіе совершается посредствомъ рѣчей.

Горг. Справедливо говоришь.

Сокр. Но и изъ нихъ также ни одного, думаю, не захо-
чешь ты назвать риторикою, хотя буквально и выходитъ,
что искуство, служащее посредствомъ рѣчи, есть риторика.
Иной, желая говорить на перекоръ твоимъ словамъ, пожалуй,
возразитъ: неужели ариѳметику, Горгіасъ, ты называешь
риторикою? Нѣтъ, ни ариѳметики, не геометріи, думаю, не
назовешь риторикою.

Горг. Да, ты правильно думаешь и вѣрно понимаешь, 451.
Сократъ.

Сокр. Ну теперь закончи же и ты свой отвѣтъ на мой
вопросъ. Такъ какъ риторика есть одно изъ тѣхъ искуствъ,
которыя пользуются по большей части рѣчью, а такія ис-
куства бываютъ и кромѣ этого; то потрудись сказать, въ
отношеніи къ чему служеніе рѣчами есть риторика. Если-
бы, напримѣръ, кто спросилъ меня о которомъ-нибудь изъ
упомянутыхъ мною теперь же искуствъ: Сократъ, что̀ есть
искуство ариѳметическое?—Я отвѣчалъ бы ему, какъ сейчасъ B.
ты, что оно принадлежитъ къ числу наукъ, служащихъ по-

средствомъ рѣчей.—А когда бы тотъ опять спросилъ: чему она служитъ?—Я сказалъ бы: чету и нечету, опредѣляя, что̀ такое оба они.—Потомъ, пусть бы онъ еще спросилъ: а счетоводство какимъ называешь ты искуствомъ?—Я отвѣчалъ бы, что и оно изъ числа искуствъ, исполняющихъ все рѣчью.—А когда бы тотъ опять спросилъ: что̀ оно исполняетъ?—Я сказалъ бы: то же, что̀ собирающій голоса въ народной сходкѣ [1]; а вразсужденіи другихъ дѣлъ, оно таково, какъ и
C. ариѳметика, ибо занимается тѣмъ же предметомъ — четомъ и нечетомъ, съ тою лишь разницею, что счетоводство наблюдаетъ надъ четомъ и нечетомъ, имѣя въ виду отношеніе ихъ величинъ возвратное и взаимное.—Равнымъ образомъ, еслибы спросили меня объ астрономіи и, выслушавъ мой отвѣтъ, что она все свое служеніе совершаетъ словомъ, опять предложили вопросъ: о чемъ говоритъ астрономія, Сократъ?—Я сказалъ бы, что о движеніи звѣздъ, солнца и луны, какова, то-есть, относительная скорость ихъ.

D. *Горг.* Да и правильно сказалъ бы, Сократъ.

Сокр. Ну, а ты, Горгіасъ? Вѣдь настоящая-то риторика принадлежитъ къ числу искуствъ, все совершающихъ и служащихъ рѣчью. Не такъ ли?

Горг. Такъ.

Сокр. Скажи же, о чемъ она. Что̀ за предметъ, около котораго вращаются рѣчи, употребляемыя риторикою?

Горг. Величайшія и превосходнѣйшія изъ дѣлъ человѣческихъ, Сократъ.

E. *Сокр.* Но и это, Горгіасъ, подлежитъ спору и сказано во-

---

[1] *Οἱ ἐν τῷ δήμῳ συγγραφόμενοι.* Схоліастъ къ этому мѣсту говоритъ: «въ собраніяхъ, когда требуются голоса или устанавливаются законы, герольдъ, при подачѣ перваго голоса или закона, провозглашалъ имя подавшаго голосъ или предложившаго законъ, съ означеніемъ имени его отца и демы, которой онъ житель; напр. Димосѳенъ сынъ Димосѳена, Пэаніецъ, даетъ мнѣніе такое-то. Если же тотъ самый гражданинъ вздумалъ бы подать новый голосъ по прежнему предмету, — герольдъ говорилъ ему, чтобы лишняго не толковалъ, подавая объ одномъ и томъ же предметѣ то одно, то другое мнѣніе. Такъ вотъ дѣло, о которомъ здѣсь говорится.

все не ясно. Я думаю, ты слыхалъ, какъ на пирахъ люди поютъ хитро сложенную пѣсню [1] и перечисляютъ въ ней блага жизни; именно: первое благо — быть здоровымъ, второе — быть прекраснымъ, а третье, какъ говоритъ сочинитель пѣсни,—быть богатымъ безъ дурныхъ средствъ.

Горг. Конечно слыхалъ. Но къ чему ты сказалъ это?

Сокр. Къ тому, что производители благъ, восхваляемыхъ 452.
сочинителемъ пѣсни, — врачь, гимнастикъ [2] и ростовщикъ, могутъ тотчасъ прійти къ тебѣ, и врачь первый скажетъ: Сократъ! Горгіасъ обманываетъ тебя; не его, а мое искуство имѣетъ предметомъ величайшее благо людей. И еслибы я спросилъ его: кто же ты, что такъ говоришь?—Онъ, можетъ быть, отвѣчалъ бы: врачь. — Такъ что жъ? неужели дѣло твоего искуства есть величайшее благо? — Да здоровье какъ не благо, Сократъ, можетъ быть, сказалъ бы онъ? для людей B.
какое благо выше здоровья?—Потомъ за нимъ сталъ бы говорить гимнастикъ: какъ удивился бы я, Сократъ, еслибы Горгіасъ умѣлъ показать тебѣ больше блага отъ своего искуства, чѣмъ я отъ своего!—Но мнѣ вздумалось бы спросить и этого: а ты-то что̀ за человѣкъ? какое твое дѣло?—Я гимнастикъ, отвѣчалъ бы онъ, и мое дѣло — доставлять людямъ тѣлесную красоту и силу.—Наконецъ, послѣ гимнастика, ду-

---

[1] *Τοῦτο τὸ σκολιόν*. По замѣчанію схоліаста, одни приписываютъ ее Симониду, другіе — Эпихарму. *Clem. Alex.* Strom. IV. p. 575. *Theodoret.* Serm. II. p. 83. sq.). Текстъ ея — слѣдующій: *Ὑγιαίνειν μὲν ἄριστον ανδρὶ θνατῷ. Δεύτερον δὲ φυὰν καλὸν γενέσθαι. Τὸ δὲ τρίτον πλουτεῖν ἀδόλως. Τέταρτον δὲ ἡβᾶν μετὰ φίλων.* То-есть: смертному человѣку всего лучше быть здоровымъ; потомъ, имѣть прекрасную наружность; въ-третьихъ, безукоризненно богатѣть; и наконецъ, въ-четвертыхъ, веселиться съ друзьями.—Это четвертое благо, какъ не относившееся къ цѣли разсматриваемаго вопроса, Платонъ оставилъ. Содержаніе упомянутой пѣсни онъ приводитъ также Legg. 1, 631. C. II, 661. A.

[2] Платонъ въ этомъ мѣстѣ называетъ гимнастика *παιδοτρίβης* — словомъ, по русски непереводимымъ. Должность педотрива состояла въ укрѣпленіи и развитіи тѣла дѣтей чрезъ натираніе ихъ масломъ (отъ *παῖς* и *τρίβω*). Слѣдовательно это дѣло относилось къ гимнастикѣ, какъ видъ къ роду. Олимпіодоръ между врачемъ и педотривомъ поставляетъ такое различіе, что *ὁ μὲν ἰατρὸς περὶ τὰ στοιχεῖα αὐτὰ καθ' ἑαυτὰ καταγίγνεται, ὁ δὲ παιδοτρίβης περὶ τὴν σύνθεσιν αὐτῶν καὶ τὴν τῶν μορίων συνθήκην καὶ τὸ κάλλος αὐτῶν.*

маю, съ совершеннымъ презрѣніемъ ко всѣмъ, началъ бы
C. говорить и ростовщикъ: смотри-ка, Сократъ, покажется ли тебѣ какое Горгіасово, или чье бы-то ни было благо больше богатства.—А мы сказали бы ему: что̀ это? развѣ ты мастеръ производить богатство?—Онъ подвердилъ бы.—Кто же ты? — Ростовщикъ. — Такъ что жъ? неужели, думаешь, богатство есть величайшее благо для людей, спросили бы мы его?—Да какъ же не благо, отвѣчалъ бы онъ?—Однакожъ этотъ Горгіасъ споритъ, что его искуство есть причина бо̀льшаго блага, чѣмъ твое, сказали бы мы.—Явно, что по-
D. слѣ сего онъ спроситъ: какое же это благо? пусть Горгіасъ укажетъ его своимъ отвѣтомъ.—Такъ вотъ, Горгіасъ; представляя, что тебя спрашиваютъ и они, и я, отвѣчай, что̀ такое то, что ты называешь величайшимъ благомъ и чего производителемъ почитаешь самого себя.

Горг. Это, Сократъ, по истинѣ, величайшее благо и причина какъ соободы самихъ людей, такъ и власти ихъ надъ другими въ каждомъ городѣ.

E. *Сокр.* Что жъ это говоришь ты?

Горг. То, что рѣчами можно убѣждать и судей въ судебномъ мѣстѣ, и совѣтниковъ въ совѣтѣ, и членовъ въ засѣданіи, и всѣхъ во всякомъ собраніи, какое бы то ни было гражданское собраніе. Владѣя такою силою, ты будешь имѣть раба и во врачѣ, раба и въ гимнастикѣ; а тотъ ростовщикъ будетъ приносить доходы не себѣ, а другому—именно тебѣ, могущему говорить и убѣждать народъ.

Сокр. Теперь, Горгіасъ, ты, кажется, ближе объяснилъ,
453. какимъ искуствомъ почитаешь риторику. Сколько я понимаю, ты говоришь, что риторика—мастерица убѣждать, и что въ этомъ главнымъ образомъ заключается все ея дѣло. Или у тебя есть намѣреніе сказать, что она въ состояніи сдѣлать нѣчто болѣе, чѣмъ внушить убѣжденіе душамъ слушателей?

Горг. Отнюдь нѣтъ, Сократъ. Ты, кажется, достаточно опредѣлилъ ее. Въ этомъ именно состоитъ главное ея дѣло.

B. *Сокр.* Послушай же, Горгіасъ. Твердо знай, что если кто,

разговаривая съ другимъ, желаетъ именно понять, о чемъ у нихъ идеть рѣчь; то, по внутреннему убѣжденію, однимъ изъ такихъ я почитаю и себя, да и тебѣ приписываю это самое.

Горг. Такъ что же, Сократъ?

Сокр. Сейчасъ скажу. Будь увѣренъ, что убѣжденія, производимаго риторикою, какимъ, то-есть, ты называешь его, и къ чему относишь, какъ убѣжденіе, ясно я не понимаю. Впрочемъ, мысленно догадываясь, чтò такое оно, по твоимъ словамъ, и съ чѣмъ имѣетъ дѣло, тѣмъ не менѣе спрашиваю, чтò называешь ты убѣжденіемъ, которое про- C.
изводится риторикою, и къ какимъ оно относится предметамъ. Почему же, догадываясь, я спрашиваю тебя, а не говорю самъ? — Это дѣлается не ради тебя, а ради бесѣды. Она должна идти такъ, чтобы ея ходъ показывалъ намъ въ совершенной ясности, о чемъ у насъ рѣчь. Смотри-ка, по твоему мнѣнію, имѣю ли я право давать тебѣ вопросы? Если бы мнѣ случилось спросить тебя, кто таковъ между живописцами Зевксисъ,—и ты отвѣчалъ бы, что это портретистъ животныхъ; то не имѣлъ ли бы я права предложить тебѣ новый вопросъ: какихъ животныхъ и въ какомъ родѣ[1] портретистъ?

Горг. Конечно. D.

Сокр. Не потому ли, что есть и другіе портретисты, пишущіе много иныхъ животныхъ?

Гпрг. Да.

Сокр. А не будь другаго портретиста, кромѣ Зевксиса, — твой отвѣтъ былъ бы хорошъ.

Горг. Какъ не хорошъ!

Сокр. Ну такъ скажи и о риторикѣ, одна ли только риторика, по твоему мнѣнію, производитъ убѣжденіе, или и

---

[1] Въ Платоновомъ текстѣ этотъ вопросъ выражается однимъ словомъ καὶ ποῦ? которое здѣсь никакъ неумѣстно. Надобно полагать, что оно, по ошибкѣ переписчиковъ, поставлено вмѣсто какого-нибудь другаго. Не лучше ли будетъ читать πῶς, и разумѣть подъ этимъ стиль Зевксисовой живописи?

другія искуства?—Я разумѣю слѣдующее: кто учитъ чему-нибудь,—убѣждаетъ ли въ томъ, чему учитъ, или нѣтъ?

Горг. Какъ же нѣтъ, Сократъ? Всего болѣе убѣждаетъ.

E. *Сокр.* Обратимся опять къ тѣмъ самымъ искуствамъ, о которыхъ сей-часъ говорили. Ариѳметика, или ариѳметистъ не учитъ ли насъ всему тому, что́ касается чиселъ?

Горг. Конечно учитъ.

Сокр. Стало быть, и убѣждаетъ?

Горг. Да.

Сокр. Слѣдовательно и ариѳметика—мастерица убѣждать?

Горг. Явно.

Сокр. Посему, когда спрашиваютъ насъ, какія ея убѣжденія и въ чемъ, — мы конечно отвѣчаемъ: во всемъ томъ,
454. что́ преподается относительно чета и нечета. Подобнымъ образомъ можемъ показать, что и всѣ прочія недавно упомянутыя искуства производятъ убѣжденіе именно такое-то и въ томъ-то.

Горг. Да.

Сокр. Значитъ, не одна риторика мастерица убѣждать.

Горг. Правда.

Сокр. Если же не одна она производитъ это дѣло, но и другія; то, какъ спрашивали о живописцѣ, мы теперь по справедливости можемъ спросить своего собесѣдника, — по
B. отношенію къ какому убѣжденію и въ чемъ риторика есть искуство. Или тебѣ не кажется, что мы имѣемъ право предложить этотъ новый вопросъ?

Горг. Кажется.

Сокр. Отвѣчай же, Горгіасъ, когда уже и тебѣ самому такъ кажется.

Горг. Я говорю объ убѣжденіи, Сократъ, которое, какъ недавно мною сказано, производится въ судахъ и другихъ народныхъ собраніяхъ,—объ убѣжденіи въ томъ, что́ справедливо и несправедливо.

Сокр. Я-таки и догадывался, Горгіасъ, что это именно разумѣешь ты убѣжденіе, и въ этомъ отношеніи. Но не

удивляйся, если и немного послѣ я буду спрашивать тебя о подобныхъ вещахъ.—Дѣло-то, кажется, очевидно; а я спрашиваю,—и спрашиваю, какъ уже сказалъ, не для тебя, а для того, чтобы наша бесѣда шла къ концу послѣдовательно, чтобы мы, догадываясь, не привыкали перехватывать рѣчь другъ у друга, и чтобы ты, согласно съ своею цѣлію, доводилъ свои положенія до послѣднихъ заключеній, какъ самъ хочешь. C.

Горг. Да и хорошо, кажется, дѣлаешь, Сократъ.

Сокр. Давай же разсмотримъ слѣдующее: допускаешь ли ты слово—*узнать?*

Горг. Допускаю.

Сокр. Ну, а *повѣрить?* D.

Горг. И это.

Сокр. Но тожественными ли тебѣ кажутся слова: узнать и повѣрить,—знаніе и вѣра, или различными?

Горг. Я-то думаю, Сократъ, что онѣ различны.

Сокр. И хорошо думаешь;—узнаешь это вотъ изъ чего. Еслибы кто спросилъ тебя: бываетъ ли, Горгіасъ, вѣра истинная и ложная?—Ты, какъ мнѣ кажется, отвѣчалъ бы положительно.

Горг. Да.

Сокр. Ну, а знаніе—бываетъ ли ложное и истинное?

Горг. Отнюдь нѣтъ.

Сокр. Стало быть явно, что они не тожественны.

Горг. Правда. E.

Сокр. Но убѣжденными бываютъ одни —именно-таки знающіе, а другіе вѣрующіе.

Горг. Такъ.

Сокр. Чтожъ, хочешь ли, постановимъ два рода убѣжденія: одинъ, который даетъ вѣру безъ знанія, а другой—знаніе?

Горг. И очень.

Сокр. Такъ если риторика и въ судахъ, и въ другихъ народныхъ собраніяхъ производитъ убѣжденіе въ отношеніи

къ справедливому и несправедливому; то то ли это убѣжденіе, изъ котораго раждается вѣра безъ знанія, или то, изъ котораго проистекаетъ знаніе?

455. *Горг.* Ужъ явно, Сократъ, что то, изъ котораго — вѣра.

Сокр. Стало быть, риторика, какъ видно, мастерица производить убѣжденіе вѣровательное [1], а не учительное касательно того, чтó справедливо и несправедливо.

Горг. Да.

Сокр. Слѣдовательно риторъ есть не учитель судебныхъ мѣстъ и другихъ народныхъ собраній относительно справедливаго и несправедливаго, а только увѣрятель. Да вѣдь и невозможно такую многолюдную толпу научить столь великимъ предметамъ въ короткое время.

B. *Горг.* Конечно невозможно.

Сокр. Пусть такъ. Посмотримъ, что-то мы скажемъ наконецъ о риторикѣ. Вѣдь я и самъ-таки не въ состояніи понять, чтó говорю. Когда въ городѣ открыто собраніе для избранія либо врачей, либо кораблестроителей, либо какого другаго рабочаго народа; тогда-то знатокъ риторики — неправда ли?—не будетъ совѣтовать. Явно вѣдь, что, при каж-

---

[1] Это Горгіасово понятіе о риторикѣ, какъ о наукѣ, убѣждающей вѣрить безъ знанія, проистекши изъ школы софистовъ, мало по малу утвердилось и обобщилось до того, что и въ наше время едва ли не такъ же понимаютъ риторику. Между тѣмъ еще Квинтиліанъ замѣтилъ (Instit. II, 18): Gorgias apud Platonem persvadendi se artificem in iudiciis et aliis coetibus esse ait; de justis quoque et injustis tractare: cui Socrates persvadendi non docendi concedit facultatem, и, доказалъ, прибивамъ мы, что убѣжденіе безъ знанія того, въ чемъ убѣждаешь, приноситъ обществу больше вреда, чѣмъ пользы. Риторика только тогда можетъ быть полезна, когда бываетъ орудіемъ знанія, пріобрѣтаемаго глубокимъ и всестороннимъ изслѣдованіемъ предмета. Даже и по формѣ своихъ рѣчей, она не можетъ быть наукою самостоятельною, но должна развивать свои произведенія въ зависимости отъ необходимыхъ законовъ мышленія, желанія и чувствованія, слѣдовательно основываться на началахъ логики, иѳики и эстетики. Почти тоже самое говоритъ и Аристотель, полагая, что убѣждаетъ не риторика, а знаніе: τὸ πεῖσαι οὐκ ἔργον Ῥητορικῆς εἶναι, ἀλλὰ τὸ ἰδεῖν ὑπάρχοντα πιθανὰ περὶ ἕκαστον Rhet. 1, 14.

[2] По свидѣтельству Казавбона (ad. Strat. IV, p. 181), въ греческихъ республикахъ врачи для государственной службы избираемы и нанимасмы были публично, въ народныхъ собраніяхъ.

домъ такомъ избраніи, избирателемъ долженъ быть человѣкъ
самый опытный въ искуствахъ. Да и въ томъ случаѣ, когда
разсуждается о постройкѣ стѣнъ, либо объ отдѣлкѣ приста-
ней и гаваней, — не онъ будетъ совѣтовать, а архитекторы.
Равнымъ образомъ, когда бываетъ совѣщаніе о избраніи на-
чальниковъ, либо о вооруженіи противъ непріятеля, либо о
занятіи областей, — совѣтуютъ военачальники, а риторы—
нѣтъ. Или какъ говоришь ты объ этомъ, Горгіасъ? Вѣдь C.
если ты называешь себя риторомъ и берешься сдѣлать дру-
гихъ риторами; то прилично спросить тебя о предметѣ твое-
го искуства. Думай такъ, что въ эту минуту я забочусь
именно о твоей пользѣ. Можетъ быть, между присутствую-
щими здѣсь кто-нибудь, желая сдѣлаться твоимъ ученикомъ...
впрочемъ замѣчаю, что нѣкоторые,—даже почти всѣ, только
вѣроятно стыдятся, а спросили бы тебя. Итакъ, принимая D.
мои вопросы, представляй, что они предлагаются и этими
людьми: что́ выиграемъ мы, Горгіасъ, если станемъ слушать
тебя? о чемъ будемъ въ состояніи совѣтовать городу? толь-
ко ли о справедливомъ и несправедливомъ, или и о томъ, о чемъ
сей-часъ говорилъ Сократъ?—Постарайся же отвѣчать имъ.

Горг. Да, постараюсь, Сократъ, ясно открыть тебѣ всю
силу риторики. Ты самъ прекрасно привелъ меня къ этому.
Вѣдь тебѣ должно быть извѣстно, что эти гавани, эти стѣны
аѳинскія и пристани сооружены по совѣту Ѳемистокла,— E.
другія же—по совѣту Перикла, а не художниковъ.

Сокр. О Ѳемистоклѣ такъ говорятъ, Горгіасъ; а что̀ касается до Перикла, то я самъ слышалъ, какъ онъ совѣтовалъ намъ построить поперечную стѣну [1].

---

[1] Начало укрѣпленія Аѳинъ стѣнами положено послѣ персидской войны, по распоряженію Ѳемистокла. Ѳемистоклъ постановилъ обнести стѣнами нетолько самый городъ, но и Пирей, въ который перевелъ потомъ и флотъ, до того времени стоявшій въ фалерскомъ портѣ (*Plut.* et *Nepot.* vitt. Themistocl. et *Iustin.* II, 13). Стѣны, окружавшія Аѳины и пирейскую гавань, назывались *μακρὰ τείχη* и *σκέλη*. Одна изъ нихъ носила имя сѣверной, *τὸ βόρειον*, а другая—южной, *τὸ νότιον*. Говорятъ, что основаніе имъ положилъ Кимонъ, а окончательно построилъ ихъ Периклъ; работами же управлялъ архитекторъ

456. *Горг.* Вотъ видишь ли,—когда бываютъ избранія-то, о которыхъ говоришь ты,—совѣтниками, побѣдоносно защищающими свои мнѣнія, являются риторы.

Сокр. Удивляясь именно этому, Горгіасъ, я давно спрашиваю, въ чемъ состоитъ сила риторики. Поражая меня своимъ величіемъ, она представляется мнѣ дѣломъ какого-то генія.

Горг. А еслибы ты, Сократъ, еще все-то зналъ, что то-есть она владѣетъ всѣми могуществами.... Но я скажу тебѣ
B. одно великое доказательство. Много разъ случалось мнѣ съ братомъ и другими врачами приходить къ такому больному, который либо не хотѣлъ принимать лѣкарства, либо не позволялъ врачу подвергнуть себя операціи и прижиганію [1]. Врачь не въ силахъ былъ убѣдить его; а я убѣждалъ,—и не инымъ искуствомъ, какъ риторикою. Говорю тебѣ, что если бы и въ какой угодно городъ пришли знатокъ риторики и врачь, и должны были въ общественномъ мѣстѣ, либо въ какомъ иномъ собраніи состязаться посредствомъ рѣчей о томъ, кого изъ нихъ слѣдуетъ избрать,—ритора или врача;—врачь
C. показался бы человѣкомъ ничтожнымъ, и избранъ былъ бы, еслибы захотѣлъ, владѣющій силою слова. Пусть бы онъ равномѣрно вступилъ въ борьбу и съ другимъ какимъ бы то ни было художникомъ:—риторъ болѣе, чѣмъ кто иной, убѣдилъ бы избрать себя; ибо нѣтъ предмета, о которомъ искусный въ риторикѣ не могъ бы говорить предъ толпою народа убѣдительнѣе всякаго другаго художника. Такова-то и такъ-то велика сила этого искуства. Впрочемъ риторикою надобно пользоваться, какъ и всякимъ инымъ способомъ состязанія.
D. Вѣдь прочіе способы извѣстный человѣкъ долженъ употреб-

Калликратъ. Кромѣ этихъ внѣшнихъ стѣнъ, Периклъ построилъ еще поперечную—въ Мунихіи, которою соединялись внѣшнія и которая простиралась отъ Пирея до Фалеры. *Harpocrat.* v. *διὰ μέσου τεῖχος.*

[1] *Подвергнуть себя операціи и прижиганію.* У Грековъ должность оператора не отдѣлялась отъ должности врача. *Wossius* De natura artium V, 8 § 7. 10 § 6. Прижиганіе производилось раскаленнымъ желѣзомъ для унятія кровотеченія послѣ операціи.

лять противъ всѣхъ людей не для того, что онъ умѣетъ биться на кулакахъ, искусенъ во всѣхъ родахъ борьбы и можетъ сражаться оружіемъ, такъ что превосходитъ друзей и враговъ. Это не даетъ ему права бить, колоть и убивать ближнихъ. Притомъ, клянусь Зевсомъ,—если кто, посѣщая палестру, выйдетъ крѣпокъ тѣломъ и, сдѣлавшись кулачнымъ бойцомъ, начнетъ потомъ бить отца, мать, или другаго кого изъ домашнихъ и друзей; то за это не должно ненавидѣть и изгонять изъ города гимнастиковъ и людей, научающихъ сра- E.
жаться оружіемъ: потому что учители преподали ученику свое искуство для справедливаго пользованія имъ противъ враговъ и обидчиковъ,—для защищенія себя, не для нападенія; а онъ наоборотъ—пользуется своего силою и искуствомъ несправед-
ливо. Итакъ не учители худы, и искуство поэтому не есть ни 457.
причина зла, ни нѣчто злое; худы, думаю, несправедливо пользующіеся искуствомъ. То же должно сказать и о риторикѣ. Риторъ конечно силенъ противъ всѣхъ и можетъ сильно говорить о всемъ, такъ что весьма скоро убѣдитъ толпу, въ чемъ бы ни захотѣлъ; однакожъ это не даетъ ему нисколько права уни-
чижать славу врачей и другихъ художниковъ,—единственно B.
потому, что онъ въ состояніи унизить ихъ: напротивъ и риторикою, какъ другими способами борьбы, онъ долженъ пользоваться справедливо. Если же кто-нибудь, думаю, сдѣлавшись искуснымъ въ риторикѣ, будетъ этою силою и этимъ искуствомъ наносить обиды; то учителя не слѣдуетъ ненави-
дѣть и изгонять изъ города: ибо послѣдній преподалъ рито- C.
рику съ тѣмъ, что она будетъ употребляема справедливо, а первый пользуется ею—напротивъ. Итакъ справедливость требуетъ ненавидѣть, изгонять и убивать того, кто несправедливо пользуется ею, а не того, кто преподаетъ ее [1].

---

[1] Это разсужденіе Горгіаса съ перваго взгляда можетъ казаться справедливымъ; а между тѣмъ оно есть не иное что, какъ развитіе софизма, который въ логикѣ называется fallacia figurae dictionis. Въ немъ представляются тожественными два положенія, вовсе нетожественныя: риторика и риторъ, или учитель риторики. Риторика, какъ наука убѣждать, сама по себѣ, въ

Сокр. Я полагаю, Горгіасъ, что и ты дѣлывалъ наблюденія надъ многими разговорами, стало быть замѣчалъ въ нихъ слѣдующее: учащіеся и учащіе, о чемъ бы ни вздумали разговаривать, не могши легко понять другъ друга, остав-
D. ляютъ бесѣду. Но если они о чемъ-нибудь спорятъ, и одинъ говоритъ, что слова другаго либо несправедливы, либо неясны; то оба досадуютъ, и каждый питаетъ мысль, что собесѣдникъ его настаиваетъ на своемъ по ненависти,—споритъ, а не изслѣдываетъ предмета рѣчи. Нѣкоторые, при этомъ, расходятся даже самымъ постыднымъ образомъ, говоря другъ другу и выслушивая одинъ отъ другаго столь грубыя ругательства, что и присутствующіе досадуютъ на себя, зачѣмъ они стали слушать такихъ людей. Для чего же я говорю это?—
E. Для того, что теперешнія твои слова, мнѣ кажется, несовсѣмъ послѣдовательны и несогласны съ тѣмъ, что ты прежде говорилъ о риторикѣ. Боюсь обличать тебя, чтобы ты не вообразилъ, будто я прекословлю не для пользы предмета, желая способствовать къ его разъясненію, а для тебя. Итакъ, если и ты изъ тѣхъ людей, изъ которыхъ я; то мнѣ пріятно
458. было бы предложить тебѣ вопросъ: а когда нѣтъ, — пожалуй оставлю. Изъ какихъ же я людей?—Изъ тѣхъ, которые съ удовольствіемъ принимаютъ обличеніе, какъ скоро говорятъ что-нибудь не такъ, и съ удовольствіемъ обличаютъ, если кто другой говоритъ неправду,—которымъ, то-есть, не менѣе пріятно быть обличаемымъ, какъ и обличать,—думаю, потому,
B. что первое благо во столько больше, во сколько лучше избавиться отъ величайшаго зла самому, чѣмъ избавить другаго;

значеніи науки, не виновата, если употребляютъ ее во зло;—и Горгіасъ въ отношеніи къ этому своему положенію правъ. Но преподавателя риторики оправдать нельзя, если его ученики научились у него убѣждать слушателей въ несправедливомъ или постыдномъ; потому что онъ—не наука, не теорія, а живой органъ понятія о добромъ и зломъ, необходимо переливающій это понятіе во всякую преподаваемую имъ теорію. По ученію Сократа, знаніе безъ дѣла не есть знаніе; слѣдовательно, если риторъ передаетъ своимъ ученикамъ первое, то долженъ отвѣчать и за послѣднее. Съ этой точки зрѣнія надобно смотрѣть и на всѣ прочія науки и отнюдь не принимать ихъ за одно и то же съ преподавателями.

ибо, по моему мнѣнію, нѣтъ для человѣка зла столь великаго, какъ ложное мнѣніе о предметѣ настоящаго нашего разговора. Итакъ, угодно тебѣ подвердить, что и ты таковъ, — будемъ разговаривать; а полагаешь, что надобно оставить, — распрощаемся съ нашимъ изслѣдованіемъ и прекратимъ бесѣду.

Горг. Да, подтверждаю, Сократъ, что и самъ я таковъ, какой тебѣ нуженъ. Впрочемъ, можетъ быть, надобно подумать и о присутствующихъ. Вѣдь я уже много и долго разсуждалъ съ ними еще до вашего прихода; долго, по видимому, будетъ тя- C.
нуться и настоящая наша бесѣда о томъ, о чемъ мы разговариваемъ: такъ надобно обратить вниманіе и на нихъ, какъ бы кого не задержать, кто хотѣлъ бы сдѣлать и что-нибудь другое.

Херес. Вы сами, Горгіасъ и Сократъ, слышите шумъ этихъ людей, что они готовы слушать, пока вы будете о чемъ-нибудь разговаривать. Лично же у меня не можетъ быть такого недосуга, который бы настоятельно требовалъ отъ меня какого другаго дѣла, когда я занятъ такими и такъ раскрываемыми рѣчами.

Калл. Да, клянусь богами, Херефонъ. Бывалъ я уже при D.
многихъ разсужденіяхъ; но не знаю, чувствовалъ ли когда такое наслажденіе, какое теперь. Поэтому, если вы захотите разговаривать и цѣлый день, все будетъ пріятно.

Сокр. Что̀ касается до меня, Калликлъ, то препятствія нѣтъ, если только согласится Горгіасъ.

Горг. Теперь уже стыдно было бы не согласиться, Сократъ, когда я самъ объявилъ, что всякій можетъ спрашивать меня, о чемъ угодно. Если имъ нравится, разговаривай и спраши- E.
вай, о чемъ хочешь.

Сокр. Такъ послушай, Горгіасъ, что̀ удивляетъ меня въ твоихъ словахъ. Очень можетъ быть, что ты и правду говоришь, да я неправильно понимаю. Ты сказалъ, что можешь сдѣлать риторомъ всякаго, кто захочетъ тебя слушать?

Горг. Да.

Сокр. Риторомъ, который, не уча, убѣдитъ народъ во всемъ вѣроятномъ?

459. *Горг.* Безъ сомнѣнія.

Сокр. Даже говорилъ, что и въ отношеніи къ здоровью, риторъ будетъ убѣдительнѣе, чѣмъ врачь.

Горг. Конечно говорилъ, — по крайней мѣрѣ, для народа.

Сокр. Это: «для народа», не значитъ ли—для невѣждъ? потому что для людей знающихъ, вѣроятно, онъ не будетъ убѣдительнѣе врача.

Горг. Ты правду говоришь.

Сокр. А если онъ будетъ убѣдительнѣе врача, то не сдѣлается ли, стало быть, убѣдительнѣе человѣка знающаго?

Горг. Конечно.

B. *Сокр.* Не будучи однако врачемъ,—такъ ли?

Горг. Да.

Сокр. И, какъ не врачь, не зная того, что̀ знаетъ врачь.

Горг. Явно, что такъ.

Сокр. И, не зная, будетъ для незнающихъ убѣдительнѣе того, кто знаетъ, если только риторъ убѣдительнѣе врача. Это ли выдетъ, или что̀ другое?

Горг. Въ этомъ случаѣ именно это.

Сокр. Не то же ли отношеніе ритора и риторики и ко всѣмъ прочимъ искуствамъ? Риторикѣ, то-есть, нѣтъ надобности знать самое дѣло, ей нужно только найти нѣкоторый
C. способъ убѣжденія, чтобы незнающіе явились болѣе знающими, чѣмъ знающіе.

Горг. Не великое ли облегченіе, Сократъ,—не зная прочихъ искуствъ, а зная только одно это, быть ничѣмъ не ниже мастеровъ?

Сокр. Ниже ли риторъ, будучи такимъ, или не ниже ихъ,—это мы тотчасъ увидимъ, если только нашъ разговоръ къ чему-нибудь полезенъ намъ. Но сперва разсмотримъ,—таковъ же ли риторъ въ отношеніи къ справедливому и несправедли-
D. вому, постыдному и прекрасному, доброму и злому, каковъ въ отношеніи къ здоровью и предметамъ другихъ искуствъ,

что, то-есть, не зная, что́ добро и что́ зло, что́ прекрасно и что́ постыдно, справедливо и несправедливо, а только выдумавъ способъ убѣждать въ этомъ, онъ, безъ знанія, покажется для незнающихъ больше того, кто знаетъ? Или это нуж- E.
но ему знать и, напередъ узнавши, ходить къ тебѣ съ намѣреніемъ учиться риторикѣ? Если же не знаетъ,—ты, учитель риторики, не научишь приходящаго ничему такому, потому что не обязываешься къ этому, а только сдѣлаешь, что и безъ знанія тѣхъ предметовъ онъ будетъ казаться толпѣ знатокомъ ихъ, и безъ добра представится добрымъ? Или ты вовсе не можешь научить его риторикѣ, не предполагая въ немъ знанія истины о всемъ томъ? Или — какъ понимаешь это, Горгіасъ? Открой намъ, ради Зевса, тайну своей нау- 460.
ки, какъ ты недавно обѣщался [1]; скажи, въ чемъ состоитъ ея сила.

Горг. Я полагаю, Сократъ, что кому не случилось знать о тѣхъ вещахъ, тотъ и о нихъ получитъ отъ меня познаніе.

Сокр. Помни же это;—вѣдь твое мнѣніе прекрасно: кого сдѣлаешь ты риторомъ; тотъ, учась у тебя, ранѣе или позднѣе непремѣнно узнаетъ, что́ справедливо и несправедливо.

Горг. Ужъ конечно.

Сокр. Такъ что жъ? человѣкъ, изучившій плотническое B.
искуство,—плотникъ, или нѣтъ?

Горг. Плотникъ.

Сокр. А изучившій музыку—музыкантъ?

Горг. Да.

Сокр. А изучившій врачебное искуство—врачь?—и все такимъ же образомъ. Изучившій каждую отдѣльную науку—таковъ, какимъ дѣлаетъ его эта наука?

Горг. Ужъ конечно.

Сокр. Поэтому, изучившій и справедливое не будетъ ли справедливъ?

Горг. Непремѣнно.

---

[1] Указывается на обѣщаніе Горгіаса, высказанное на стр. 455 D.

C. *Сокр*. А справедливый и дѣлаетъ справедливо?

Горг. Да.

Сокр. Стало быть, риторъ необходимо справедливъ; а будучи справедливымъ, хочетъ и дѣлать справедливо?

Горг. Очевидно.

Сокр. Но справедливый-то никогда не согласится нанесть обиду.

Горг. Необходимо.

Сокр. А риторъ, по нашему умозаключенію, справедливъ.

Горг. Да.

Сокр. Слѣдовательно риторъ никогда не согласится нанесть обиду.

D. *Горг*. Конечно не согласится.

Сокр. Но помнишь ли, ты недавно сказалъ, что не должно обвинять и изгонять изъ города палестристовъ, если кулачный боецъ нехорошо пользуется кулачнымъ искуствомъ и наноситъ обиду? Не то же ли самое,—если и риторъ неправильно пользуется риторскимъ искуствомъ? Не учителя надобно обвинять и изгонять изъ города, а того, кто обижаетъ и неправильно употребляетъ это искуство. Сказано это, или нѣтъ?

E. *Горг*. Сказано.

Сокр. А теперь этотъ самый риторъ, видно, уже никогда не обижаетъ;—или не видно?

Горг. Видно.

Сокр. Въ прежней бесѣдѣ говорено было также, Горгіасъ, что риторика разсуждаетъ не о четѣ и нечетѣ, но о справедливомъ и несправедливомъ; не правда ли?

Горг. Да.

Сокр. Такъ вотъ, слыша эти слова твои, я тогда предположилъ, что риторика, неизмѣнно разсуждая о справедливости, ни въ какомъ случаѣ не бываетъ дѣломъ несправед-
461. ливымъ. Но когда, немного спустя, ты началъ говорить, что риторъ можетъ и злоупотреблять риторикою, — я удивился

и, замѣтивъ, что послѣднія твои слова не созвучны съ первыми, сказалъ: если и ты, какъ я, находишь пользу въ обличеніяхъ,—стóитъ разговаривать; а когда нѣтъ,—лучше распрощаться. Потомъ въ дальнѣйшихъ нашихъ изслѣдованіяхъ, ты и самъ видишь вновь данное тобою согласіе, что риторъ не можетъ злоупотреблять риторикою и рѣшаться на обиду. Для надлежащаго разсмотрѣнія всего, чтó тутъ есть, клянусь собакою [1], Горгіасъ, нужна не краткая бесѣда. B.

Пол. Ну что же, Сократъ? такъ ли и ты мыслишь о риторикѣ, какъ теперь говоришь о ней? Неужели, думаешь, Горгіасъ не отъ стыда согласился съ тобою, что риторъ знаетъ также справедливое, прекрасное и доброе, и еслибы кто пришелъ къ нему, не зная этого, былъ бы въ состояніи самъ потомъ научить его? Можетъ быть, изъ этого-то согласія и произошло въ словахъ его то противорѣчіе, которое C. ты такъ любишь и до котораго самъ же доводишь своими вопросами. Кого ты найдешь, кто сталъ бы отказывать себѣ въ знаніи справедливаго и въ способности научить этому другихъ? но наклонять разговоръ къ такимъ мелочамъ — не малая грубость.

Сокр. Ахъ, прекрасный Полосъ! для того-то нарочно и пріобрѣтаемъ мы друзей и сыновей, чтобы, когда сами состарѣемся и начнемъ спотыкаться, — вы, молодые люди, находясь при насъ, поддерживали нашу жизнь дѣлами и словами. Вотъ и теперь, — если я и Горгіасъ въ своихъ раз- D. сужденіяхъ ошибаемся, — ты, находясь здѣсь, поправляй насъ; тебѣ это слѣдуетъ. И я позволяю всѣ допущенныя положенія, если думаешь, что онѣ допущены несправедливо, измѣнить, какъ тебѣ угодно, лишь бы только удержался ты отъ одного.

Пол. Отъ чего это?

Сокр. Отъ длиннословія, Полосъ, которымъ ты началъ нашу бесѣду. Постарайся обуздать его.

---

[1] О клятвѣ Сократа собакою см. Апол. Сокр. р. 22 A.

Пол. Что же тутъ? развѣ нельзя мнѣ говорить, сколько хочу?

E. *Сокр.* Для тебя въ самомъ дѣлѣ обидно, другъ мой, что, пришедши въ Аѳины, гдѣ гораздо болѣе свободы говорить, чѣмъ во всей Греціи, ты одинъ здѣсь не получаешь ея. Но представь, что твои разсужденія длинны, и что тебѣ не угодно отвѣчать на вопросы: — не было ли бы тогда обидно для меня, которому нельзя ни уйти, ни слушать тебя? Итакъ,
462. если ты заботишься о нашемъ собесѣдованіи и хочешь поправлять его; то, измѣняя въ немъ, какъ я сейчасъ сказалъ, что̀ тебѣ угодно, опровергай и принимай опроверженія, подобно мнѣ и Горгіасу, посредствомъ вопросовъ и отвѣтовъ. Вѣдь и ты знаешь то же, что̀ Горгіасъ,—не правда ли?

Пол. Конечно знаю.

Сокр. Стало быть, и ты велишь спрашивать себя, о чемъ кто хочетъ, и готовъ отвѣчать на вопросы?

B. *Пол.* Безъ сомнѣнія.

Сокр. Дѣлай же теперь то, либо другое; спрашивай, либо отвѣчай.

Пол. Такъ и будетъ. Отвѣчай мнѣ, Сократъ: если Горгіасъ, какъ тебѣ кажется, недоумѣваетъ относительно риторики; то самъ ты чѣмъ называешь ее?

Сокр. Спрашиваешь, какимъ я называю ее искуствомъ?

Пол. Да.

Сокр. Она не представляется мнѣ никакимъ, Полосъ, если ужъ сказать тебѣ правду.

Пол. Такъ что̀ же, по твоему мнѣнію, риторика?

Сокр. Нѣчто, чему ты далъ имя искуства въ своемъ, недавно прочитанномъ мною, сочиненіи.

C. *Пол.* А ты какъ понимаешь это?

Сокр. Я—нѣкоторою опытностію.

Пол. Стало быть, риторика, по твоему мнѣнію, есть опытность?

Сокр. Да, если ты не разумѣешь ничего другаго.

Пол. Въ чемъ опытность?

Сокр. Въ представленіи чего-нибудь нравящагося и въ возбужденіи удовольствія.

Пол. Стало быть, риторика кажется тебѣ дѣломъ прекраснымъ, если она можетъ нравиться людямъ?

Сокр. Что̀ ты, Полосъ? тебѣ уже сказано, чѣмъ я называю ее. Зачѣмъ же и послѣ того спрашиваешь, прекраснымъ D.
ли дѣломъ она мнѣ кажется?

Пол. Не слышалъ ли я отъ тебя, что ты называешь ее нѣкоторою опытностію?

Сокр. Но если умѣнье нравиться ты ставишь высоко; то не угодно ли немножко понравиться мнѣ?

Пол. Пожалуй.

Сокр. Такъ спроси меня: кухонное дѣло какимъ кажется мнѣ искуствомъ?

Пол. Изволь, спрашиваю: кухонное дѣло — какое искуство?

Сокр. Никакое, Полосъ.

Пол. Скажи же, что̀ такое оно?

Сокр. Я говорю, что оно—нѣкоторая опытность.

Пол. Скажи еще: въ чемъ опытность?

Сокр. Я говорю: въ доставленіи пріятности и удоволь- E.
ствія, Полосъ.

Пол. Стало быть, кухонное дѣло и риторика — одно и то же?

Сокр. Отнюдь нѣтъ; только часть одного и того же занятія.

Пол. О какомъ занятіи говоришь ты?

Сокр. Чтобъ не сказать мнѣ грубости, говоря правду! Опасаюсь ради Горгіаса, какъ бы онъ не подумалъ, будто я осмѣиваю его занятіе. Я не знаю, риторика ли то, чѣмъ занимается Горгіасъ: изъ продолжавшагося доселѣ разговора 463.
не открылось ясно, что̀ онъ разумѣетъ подъ нею. Но я риторику называю частію такого дѣла, которое не относится къ дѣламъ прекраснымъ.

Горг. Какого дѣла, Сократъ? говори, не стыдись меня.

Сокр. Мнѣ кажется, Горгіасъ, что это есть не искуственное занятіе, но бесѣда догадливой, мужественной и по природѣ сильной души съ людьми. Главное дѣло въ немъ я
B. называю ласкательствомъ. Такого занятія, мнѣ кажется, много и другихъ частей, изъ которыхъ одна—дѣло кухни: это занятіе представляется искуствомъ; но, по моему мнѣнію, оно—не искуство, а опытность и навыкъ. Частями его я почитаю также риторику, косметику и софистику. Названныя четыре части занимаются и четырьмя предметами.
C. Итакъ, если Полосу угодно спрашивать, пусть спрашиваетъ; потому что еще не изслѣдовано, какою частію ласкательства называю я риторику. Онъ не замѣтилъ, что на это отвѣта доселѣ не было, а между тѣмъ даетъ уже новый вопросъ,—не называю ли я риторику дѣломъ прекраснымъ. Нѣтъ, не буду отвѣчать ему,—прекраснымъ ли чѣмъ, или постыднымъ почитаю я риторику, пока не отвѣчу, что̀ такое она. Вѣдь не слѣдуетъ, Полосъ. Ежели хочешь спрашивать, спрашивай, какою частію ласкательства называю я риторику.

Пол. Пожалуй спрошу, а ты отвѣчай, какою частію.

D. *Сокр.* Но поймешь ли, когда я отвѣчу: риторика, по моему мнѣнію, есть образъ части политической?

Пол. Что жъ? хороша она, по твоему, или дурна?

Сокр. По моему, дурна; ибо все злое я называю дурнымъ, если долженъ отвѣчать тебѣ такъ, какъ бы ты понималъ слова мои.

Горг. Клянусь Зевсомъ, Сократъ, ужъ я и самъ не понимаю, что̀ ты говоришь.

E. *Сокр.* Да и естественно, Горгіасъ; потому что въ словахъ моихъ нѣтъ ничего яснаго. Но этотъ Полосъ молодъ и быстръ [1].

---

[1] *Πῶλος δὲ ὅδε νέος ἐστὶ καὶ ὀξύς*. Свида объясняетъ: *ἀμαθὴς δηλονότι καὶ προπετής*, то-есть, глупъ и дерзокъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ этихъ словахъ Сократа нельзя не замѣтить весьма тонкой насмѣшки. Не невѣроятна также и догадка Шлейермахера, что Сократъ здѣсь принаровляется къ самому имени *Πῶλος*—осленокъ, мальчишка.

Горг. Оставь-ка его и скажи мнѣ, какъ риторику называешь ты образомъ части политической.

Сокр. Пожалуй, попытаюсь высказать, чѣмъ именно представляется мнѣ риторика; а если сказанное будетъ невѣрно, — Полосъ опровергнетъ. Ты вѣроятно называешь нѣчто тѣломъ и душею?

Горг. Какъ не называть?

Сокр. И въ обоихъ почитаешь нѣчто благосостояніемъ? 464.

Горг. Почитаю.

Сокр. Что?—и благосостояніемъ кажущимся, не дѣйствительнымъ? Разумѣю слѣдующее: многимъ кажется, что у нихъ тѣло здорово, и никому не легко вразумить ихъ, что они въ худомъ состояніи, кромѣ врача, или какого-нибудь гимнастика.

Горг. Твоя правда.

Сокр. Это бываетъ, говорю, въ отношеніи къ тѣлу и къ душѣ. Что-то заставляетъ думать, будто и тѣло и душа находятся въ хорошемъ состояніи, хотя въ нихъ нѣтъ ничего B.
хорошаго.

Горг. Такъ.

Сокр. Постой-ка, не могу ли я раскрыть свою мысль яснѣе. Такъ какъ у насъ два предмета, то допускаю и два искуства [1]: одно, относящееся къ душѣ, называю я политикою; но другаго, которое касается тѣла, не могу тебѣ означить также однимъ именемъ. Въ немъ, какъ въ общемъ

---

[1] Квинтиліану (Inst. Orat. 11, 15; 24 sq.) не нравится, что нѣкоторые, основываясь на показанной здѣсь классификаціи наукъ, называютъ риторику не наукою, а нѣкоторымъ навыкомъ доставлять слушателямъ удовольствіе, и защищаетъ риторику тѣмъ, что въ другихъ сочиненіяхъ Платона говорится о ней иначе. Но Платонъ даетъ риторикѣ такое значеніе, поколику она принимаема была Горгіасомъ въ смыслѣ искуства убѣждать безъ знанія; а когда риторика основывается на познаніи истиннаго, добраго и справедливаго, то-есть, на началахъ философскихъ, — онъ не отвергаетъ ея достоинства. Поэтому-то немного далѣе Платонъ приводитъ и причину, по которой риторику относитъ къ числу занятій ласкательствующихъ: это занятіе, говоритъ онъ, не можетъ дать отчета, отчего достойно принятія то, къ чему оно убѣждаетъ слушателя, и потому справедливо называется ἄλογον πρᾶγμα (465 A).

служеніи тѣлу, я вижу двѣ части: гимнастику и медицину. Въ искуствѣ же политическомъ гимнастикѣ противуполагается законодательство, а медицинѣ — правовѣденіе.
C. И эти части, взятыя по двѣ, относясь къ одному и тому же предмету, находятся во взаимномъ общеніи, — медицина съ гимнастикою, а правовѣденіе съ законодательствомъ, хотя онѣ и отличаются одна отъ другой. Но между тѣмъ какъ эти искуства, числомъ четыре, всегда служатъ наилучшимъ образомъ, — однѣ тѣлу, другія душѣ,—ласкательство, замѣтивъ то, не посредствомъ знанія, говорю, а по догадкѣ, раздѣлилось и само на четыре вида и, поддѣлываясь подъ
D. каждую изъ частей, представляется тѣмъ, подъ что поддѣлалось. О наилучшемъ оно нисколько не заботится, но всегда уловляетъ и обманываетъ безуміе удовольствіемъ до того, что кажется дѣломъ величайшей важности. Итакъ подъ медицину поддѣлалась кухня и выдаетъ себя за знатока наилучшихъ кушаньевъ для тѣла; такъ что, еслибы у дѣтей, либо у подобныхъ дѣтямъ несмысленныхъ людей, повару и врачу надлежало вступить въ состязаніе, кто изъ нихъ — врачь или поваръ—имѣетъ лучшее понятіе о хорошихъ и худыхъ кушаньяхъ, первому пришлось бы умереть съ
E. голоду. Вотъ что я называю ласкательствомъ, и утверждаю, что оно постыдно, Полосъ, — это уже для тебя говорится,
465. ибо метитъ на пріятное, а не наилучшее,—и такое ласкательство почитаю не искуствомъ, а навыкомъ; такъ какъ оно не можетъ дать отчета въ свойствѣ тѣхъ вещей, которыя предлагаетъ, чтобы то-есть въ состояніи было наименовать причину каждой. Дѣло же безъ причины я не называю дѣломъ искуства; и если ты не соглашаешься въ этомъ,—готовъ доказать. Такъ подъ медицину, какъ я сказалъ, под-
B. дѣлывается ласкательство кухонное, а подъ гимнастику точно такимъ же образомъ — косметическое, занятіе злодѣйское, обольстительное, неблагородное, низкое, обманывающее видомъ, прикрасами, легкостію и нарядами, однимъ словомъ— дѣлающее то, что люди, заимствуя чужую красоту, нера-

дятъ о красотѣ, доставляемой гимнастикою. Чтобы не говорить много, употреблю выраженіе геометровъ; можетъ быть, наконецъ поймешь. Какъ ласкательство косметическое относится къ гимнастикѣ, такъ кухонное—къ медицинѣ; или лучше,—какъ ласкательство косметическое относится къ гим- C. настикѣ, такъ софистическое—къ законодательству, и какъ ласкательство кухонное относится къ медицинѣ, такъ риторское—къ правовѣденію. Таково-то, говорю я, естественное между ними различіе. Поколику же дѣло софистическое и риторское близки одно къ другому; то софисты и риторы, занимаясь въ то же время тѣми же предметами, смѣшиваются и, какъ сами не знаютъ, что изъ себя дѣлать, такъ и другіе, — чѣмъ ихъ почитать [1]. Да что еще? — еслибы душа не господствовала надъ тѣломъ, но послѣднее управлялось D. бы само собою, еслибы она не созерцала и не различала дѣла кухоннаго и медицины, но судьею было бы тѣло и взвѣшивало бы ихъ тѣмъ, что нравится ему самому; то выраженіе Анаксагора, любезный Полосъ,—ты вѣдь опытенъ въ такихъ вещахъ,—получило бы обширнѣйшее значеніе: все смѣшалось бы въ одно, и предметы медицины, здравія и кухоннаго дѣла не были бы различаемы [2]. Теперь ты

---

[1] Софисты въ греческихъ республикахъ почитались просто людьми учеными и брались воспитывать юношество. Но воспитывая молодое поколѣніе, каждый изъ нихъ судилъ и рядилъ о государственныхъ постановленіяхъ согласно съ своимъ взглядомъ на вещи, каждый толковалъ либо о недостаточности и тираннической духѣ общественныхъ законовъ, либо о своекорыстіи и притязательности законодателей. Поэтому въ республикѣ болѣе строгой, напримѣръ, лакедемонской, имъ даже не позволено было и являться. Изъ такого направленія и духа греческой софистики видно, что Сократъ правильно называетъ ее занятіемъ, поддѣлывающимся подъ законодательство. Напротивъ риторы, хотя также напитаны были началами софистическими, но имѣли въ виду больше выгоды жизни практической и довольны были тѣмъ, если могли готовые гражданскіе законы объяснять и направлять къ своей пользѣ. Очень неудивительно, что черни не было извѣстно это тонкое различіе между софистами и риторами, и она легко могла принимать ихъ однихъ за другихъ.

[2] Здѣсь Сократъ приводитъ причину, почему софистика и риторика смѣшиваются между собою, тогда какъ занятія, служащія тѣлу (кухонное и косметическое), ясно отличаются одно отъ другаго. Причину эту весьма хоро-

слышалъ, чѣмъ я называю риторику: она—то же въ душѣ, что дѣло кухонное—въ тѣлѣ. Можетъ быть, я поступилъ
E. нелѣпо, что тебѣ не позволилъ говорить длинныхъ рѣчей, а самъ произнесъ цѣлое разсужденіе: но меня надобно извинить; потому что краткихъ моихъ словъ ты не понималъ и не зналъ, что тебѣ дѣлать съ моими отвѣтами, слѣдовательно имѣлъ нужду въ объясненіи. Такъ-то, если и
466. я не въ состояніи буду понять твой отвѣтъ, ты распространи свою рѣчь; а когда въ состояніи,—предоставь мнѣ понимать его. Это совершенно справедливо. Теперь дѣлай съ моимъ отвѣтомъ, что можешь сдѣлать.

Пол. Что это говоришь ты? риторика кажется тебѣ ласкательствомъ?

Сокр. Частію ласкательства, сказалъ я. Такъ молодъ, Полосъ, а не помнишь. Что̀ же будешь дѣлать послѣ, (доживъ до старости)?

Пол. Неужели тебѣ представляется, что въ городахъ хо-
B. рошіе риторы [1], какъ ласкатели, считаются людьми презрѣнными?

шо раскрываетъ Олимпіодоръ. «Стоитъ изслѣдовать, говоритъ онъ, почему софистика и риторика сливаются, а косметика и кухонное дѣло — нѣтъ. Мы говоримъ, что кухонное дѣло и косметика суть идолы тѣла. Поэтому, еслибы распознавало ихъ тѣло, то и они сливались бы; ибо какимъ образомъ различать ихъ тѣлу, обладаемому дѣйствіемъ подлежащихъ различенію предметовъ?— Нѣтъ, такъ какъ тѣ занятія суть идолы тѣла, а различаетъ ихъ душа; то будучи опредѣляемы душею, они и не сливаются. Напротивъ риторика и софистика суть идолы души. Поэтому душа, въ отношеніи къ нимъ имѣющая состояніе страдательное, слѣдовательно обладаемая и порабощенная ими, можетъ ли различать ихъ? — Оттого-то онѣ и смѣшиваются.» Мнѣніе Анаксагора о смѣшеніи стихій до образованія міра см. въ прим. къ Федону p. 72 C. Слова Сократа: *ты вѣдь опытенъ въ такихъ вещахъ*, указываютъ на то, что Полоса причисляли къ школѣ Анаксагоровой, какъ Горгіаса—къ Эмпедокловой. Scholiast.

[1] Ἀγαθοὶ ῥήτορες. Слово ἀγαθὸς у Грековъ имѣло значеніе обширнѣе того, какое мы соединяемъ съ словомъ «хорошій»: имъ выражалось и нравственное качество лица — доброта, и достоинство человѣка, относительно къ его работѣ; напримѣръ, по нашему, хорошаго живописца они называли также ἀγαθὸν ζωγράφον. Отъ этой двузнаменательности слова ἀγαθὸς произошло здѣсь недоумѣніе Полоса, который ἀγαθὸν ῥήτορα понималъ въ значеніи хорошаго

Сокр. Это вопросъ? или начало какой-нибудь рѣчи?

Пол. Вопросъ.

Сокр. Я думаю, они и не считаются.

Пол. Какъ не считаются? Развѣ въ городахъ не велика ихъ сила?

Сокр. Нѣтъ, если только имѣть силу, по твоему мнѣнію, есть нѣчто хорошее для сильнаго.

Пол. Да это и есть мое мнѣніе.

Сокр. Такъ риторы въ числѣ жителей города, мнѣ кажется, весьма мало значатъ. C.

Пол. Что ты? развѣ они, подобно тираннамъ, и не умерщвляютъ, кого хотятъ, и не отнимаютъ имущества, и не изгоняютъ изъ городовъ, кого покажется?

Сокр. Клянусь собакою, Полосъ, что я недоумѣваю, самъ ли ты говоришь, говоря о чемъ-нибудь, и свою ли мысль высказываешь, или спрашиваешь меня.

Пол. Да, я спрашиваю тебя.

Сокр. Положимъ, другъ мой. Такъ ты даешь мнѣ два вопроса.

Пол. Какъ два?

Сокр. Не сказалъ ли ты мнѣ сейчасъ, что риторы, подобно тираннамъ, и умерщвляютъ, кого хотятъ, и отнимаютъ имущество, и изгоняютъ изъ городовъ, кого покажется? D.

Пол. Сказалъ.

Сокр. Такъ я тебѣ говорю, что тутъ два вопроса [1], и буду отвѣчать на оба. Скажу, Полосъ, какъ сей-часъ сказалъ, что и риторы и тиранны имѣютъ въ городахъ мало-

---

ритора, тогда какъ Сократъ подъ словомъ ἀγαθὸς хочетъ разумѣть ἀγαθότητα —въ смыслѣ нравственномъ.

[1] Полосъ спрашивалъ: развѣ риторы не умерщвляютъ, *кого хотятъ*, и не изгоняютъ изъ городовъ, *кого покажется?* Изъ этихъ двухъ вопросовъ на послѣдній—ὃν ἂν δοκεῖ αὐτοῖς—Сократъ отвѣчаетъ положительно, а на другой — ὃν ἂν βούλωνται — отрицательно; потому что софисты не знаютъ того, чего хотятъ, или для чего въ чемъ-нибудь убѣждаютъ, то-есть, не знаютъ природы истиннаго, добраго и справедливаго.

важную силу, ибо ничего почти не дѣлаютъ, чего хотятъ, но дѣлаютъ, чтò имъ кажется, какъ наилучшее.

Пол. А это развѣ не значитъ—имѣть великую силу?

E. *Сокр.* Не значитъ: по крайней мѣрѣ какъ говоритъ Полосъ.

Пол. Мнѣ не говорить? Конечно говорю.

Сокр. Клянусь [1], ты не говоришь, когда утверждаешь, что имѣть великую силу, по твоему мнѣнію, есть нѣчто хорошее для сильнаго.

Пол. Да, это мое мнѣніе.

Сокр. Но хорошее у тебя бываетъ не тогда ли, когда кто дѣлаетъ, чтò ему кажется, какъ наилучшее, не имѣя ума? и не это ли, по твоему, значить обладать великою
467. силою?

Пол. Это.

Сокр. Такъ опровергая меня, докажешь ли, что риторы имѣютъ умъ, и что риторика — искуство, а не ласкательство? Если же я останусь неопровергнутымъ,—риторы и тиранны, дѣлая въ городахъ, чтò имъ кажется, не пріобрѣтутъ ничего хорошаго. Хотя обладать силою, какъ говоришь ты, и есть нѣчто хорошее; но дѣлать, чтò кажется,—безъ ума, даже по твоему согласію,—зло. Не правда ли?

Пол. Да, и по моему.

Сокр. Какимъ же образомъ риторы и тиранны могутъ имѣть въ городахъ великую силу, если Полосъ не опровергнетъ
B. Сократа и не научитъ, что они дѣлаютъ, чтò хотятъ?

Пол. Этотъ человѣкъ [2]...

Сокр. Я говорю, что они дѣлаютъ не то, чтò хотятъ. Опровергай меня.

---

[1] *Клянусь* — *μὰ τὸν*, эллиптическій образъ ктятвы, употреблявшійся древними Греками. Scholiast. Aristoph. ad Ran. v. 1421: *ἐλλειπτικῶς ὑμνύει, καὶ οὕτως ἔθος ἐςὶν ἀρχαῖος, ἐνίοτε μὴ προςτιθέναι τὸν θεὸν εὐλαβείας χάριν, εἰώθασιν δὲ τοῖς τοιούτοις ὅρκοις χρῆσθαι ἐπευφημιζόμενοι, ὥςτε εἰπεῖν μὲν, μὰ τὸν, ὄνομα δὲ μηκέτι προςθεῖναι, καὶ Πλάτωνα δὲ τῷ τοιούτῳ κεχρῆσθαι.*

[2] Это—такъ называемая фигура умолчанія, выражающая удивленіе и негодованіе; а здѣсь она выражаетъ еще больше—ненаходчивость Полоса.

Пол. Не сейчасъ ли, только передъ этимъ, соглашался ты, что они дѣлаютъ, что̀ имъ кажется, какъ наилучшее?

Сокр. Да и теперь соглашаюсь.

Пол. Стало быть, они дѣлаютъ, что хотятъ.

Сокр. Нѣтъ.

Пол. Но вѣдь дѣлаютъ, что имъ кажется?

Сокр. Да.

Пол. Жалки и странны слова твои, Сократъ.

Сокр. Не вини меня, добрый Полосъ,—говорю въ твоемъ C.
вкусѣ; но если ты намѣренъ предлагать мнѣ вопросы, докажи, что я лгу; а не намѣренъ—самъ отвѣчай.

Пол. Готовъ отвѣчать, лишь бы только видѣть, что ты тутъ разумѣешь.

Сокр. Какъ тебѣ кажется? — люди того ли хотятъ, что̀ всякій разъ дѣлаютъ, или того, для чего дѣлаютъ то, что дѣлаютъ? Напримѣръ, пьющіе лѣкарство, по предписанію врачей, того ли, думаешь, хотятъ, что дѣлаютъ, то-есть, пить лѣкарство и страдать, или того, для чего пьютъ, то-есть,—быть здоровыми? D.

Пол. Очевидно,—того, для чего пьютъ, то-есть, быть здоровыми.

Сокр. Не такъ же ли и плавающіе, и ищущіе себѣ барышей другимъ образомъ — хотятъ не того, что всякій разъ дѣлаютъ,—ибо кому хочется плавать, подвергаться опасностямъ и безпокойствамъ? — а того, думаю, для чего плаваютъ, то-есть, быть богатыми? Вѣдь плаваютъ для богатства.

Пол. Конечно.

Сокр. Не то же ли и вообще? дѣлающій что-нибудь для чего-нибудь, хочетъ не того, что дѣлаетъ, а того, для чего дѣлаетъ?

Пол. Да. E.

Сокр. Теперь, есть ли что-нибудь такое, что не было бы либо добро, либо зло, либо среднее между ними—ни добро, ни зло?

Пол. Быть чему-нибудь изъ этого совершенно необходимо, Сократъ.

Сокр. Добромъ не называешь ли ты мудрости, здоровья, богатства и другихъ, подобныхъ тому вещей, а зломъ—противныхъ имъ?

Пол. Называю.

Сокр. Ни доброе же, ни злое—не то ли, по твоему мнѣ-
468. нію, что иногда причастно добру, иногда—злу, а иногда ни тому ни другому, какъ напр. сидѣть, ходить, бѣжать, плавать, или каковы — камни, дерева и другія подобныя вещи? Это ли называешь ты ни добромъ, ни зломъ, или что иное?

Пол. Не иное, а это.

Сокр. Но среднее ли тутъ дѣлаютъ для добра, когда дѣлаютъ, или добро—для средняго?

Пол. Ужъ вѣроятно среднее для добра.

в. *Сокр.* Стало быть, и когда ходимъ,—мы ходимъ, какъ бы гонялись за добромъ, думая, что это лучше; и когда стоимъ, — стоимъ опять для того же, то-есть, для добра. Не правда ли?

Пол. Да.

Сокр. Не потому ли и умерщвляемъ, если кого умерщвляютъ, и изгоняемъ, и отнимаемъ имущество, что признаемъ за лучшее для себя дѣлать это, чѣмъ не дѣлать?

Пол. Конечно.

Сокр. Слѣдовательно дѣлающіе все это—дѣлаютъ для добра.

Пол. Согласенъ.

Сокр. Но не согласились ли мы, что хотимъ не того, что
с. дѣлаемъ для чего-нибудь, а того, для чего что-нибудь дѣлаемъ?

Пол. Весьма охотно.

Сокр. Стало быть, ни умерщвлять, ни изгонять изъ городовъ, ни отнимать имущества мы не хотимъ просто такъ: напротивъ хотимъ дѣлать это, если такое дѣйствіе полезно, и не хотимъ, когда оно вредно; потому что хотимъ добра,

сказалъ ты, а что̀ ни добро, ни зло, того не хотимъ. Такъ ли? вѣрно ли, кажется тебѣ, Полосъ, говорю я, или нѣтъ? D. Отвѣчай же.

Пол. Вѣрно.

Сокр. А если соглашаешься въ этомъ, то умерщвляющій кого-нибудь, либо изгоняющій изъ города, либо отнимающій имущество,—тираннъ ли то будетъ, или риторъ, — какъ скоро онъ думаетъ, что это для него лучше, а выходитъ хуже,—дѣлаетъ вѣроятно то, что ему кажется. Не такъ ли?

Пол. Да.

Сокр. Неужели же въ этомъ случаѣ дѣлаетъ онъ, что хочетъ, если это дѣло дурно?—Отвѣчай-ка.

Пол. Нѣтъ, онъ дѣлаетъ, кажется, не то, что хочетъ.

Сокр. Такъ можетъ ли быть, чтобы онъ имѣлъ великую силу въ томъ городѣ, если имѣть великую силу, по твоему E. мнѣнію, есть нѣчто доброе?

Пол. Невозможно.

Сокр. Слѣдовательно я правду сказалъ, говоря, что человѣкъ, какъ скоро въ городѣ дѣлаетъ онъ, что̀ ему кажется, не имѣетъ великой силы и не дѣлаетъ того, что хочетъ.

Пол. Такъ видно [1], власти—дѣлать въ городѣ, что̀ тебѣ кажется, ты скорѣе не принялъ бы, Сократъ, чѣмъ принялъ бы ее, и не позавидовалъ бы тому, кто можетъ умертвить, кого вздумается, лишить имущества, или заключить въ оковы.

Сокр. Справедливо, то-есть, или несправедливо?

Пол. Такъ или сякъ, но въ обоихъ случаяхъ не завидно ли это?

Сокр. Говори лучше, Полосъ. 469.

Пол. А что?

---

[1] *Такъ видно*... Въ подлиникѣ — ὡς δή выражаетъ тонъ вопроса, предлагаемаго съ нѣкоторою насмѣшливостію. Подобнымъ образомъ—ниже (499 B): ὡς δή σὺ οἴει ἐμὲ... и въ другихъ мѣстахъ.

Сокр. Людямъ, и невозбуждающимъ зависти, и жалкимъ, завидовать не должно, а надобно жалѣть о нихъ.

Пол. Что ты? неужели, думаешь, таково состояніе тѣхъ людей, о которыхъ я говорю?

Сокр. Да какъ же не таково?

Пол. Значитъ, всякій, умерщвляющій, кого ему кажется, справедливо представляется тебѣ человѣкомъ несчастнымъ и достойнымъ сожалѣнія?

Сокр. Нѣтъ; — однакожъ и не такимъ, чтобы онъ возбуждалъ зависть.

Пол. Не сейчасъ ли ты сказалъ, что онъ несчастенъ?

B. *Сокр.* Да, умерщвляющій несправедливо, другъ мой, сверхъ того и жалокъ; когда же справедливо, — онъ не возбуждаетъ зависти.

Пол. Ну, а умирающій-то несправедливо, вѣроятно, жалокъ и несчастенъ.

Сокр. Менѣе, Полосъ, чѣмъ умерщвляющій, и менѣе, чѣмъ умирающій справедливо.

Пол. Какъ же это, Сократъ?

Сокр. Такъ, что самое великое изъ золъ есть нанесеніе обиды.

Пол. Да это ли самое великое? Не большее ли зло—терпѣть обиду?

Сокр. О, всего менѣе!

Пол. Стало быть, ты лучше хотѣлъ бы терпѣть обиду, чѣмъ обижать?

C. *Сокр.* Я не хотѣлъ бы ни того ни другаго; но еслибы необходимо было либо обидѣть, либо потерпѣть обиду, то скорѣе избралъ бы послѣднее, чѣмъ первое.

Пол. Поэтому, ты не согласился бы тиранствовать?

Сокр. Нѣтъ, если только подъ именемъ тиранніи ты разумѣешь то же, что я.

Пол. Я разумѣю то же, что сейчасъ,—власть дѣлать въ городѣ, что кажется; умерщвлять и совершать все по собственному усмотрѣнію.

Сокр. Выслушай-ка меня, счастливецъ, и лови на словѣ. Еслибы я вышелъ на площадь во время стеченія народа D.
и, держа скрытно кинжалъ, сказалъ тебѣ: Полосъ! теперь въ моихъ рукахъ удивительное могущество и тираннія. Вѣдь покажись мнѣ, что изъ видимыхъ тобою здѣсь людей кто-нибудь сейчасъ долженъ умереть,—и тотъ, на кого пало бы это мнѣніе, умретъ. Покажись мнѣ также, что у кого-нибудь изъ нихъ должна быть разсѣчена голова,—и она немедленно будетъ разсѣчена, либо—разодрано платье,—и оно будетъ вдругъ разодрано. Такъ велика моя сила въ этомъ E.
городѣ! А еслибы тебѣ не вѣрилось,—я показалъ бы кинжалъ,—и ты, видя его, вѣроятно сказалъ бы мнѣ: Сократъ! такимъ-то образомъ всѣ могутъ имѣть великую силу; такимъ образомъ ты могъ бы, напримѣръ, еслибы тебѣ показалось, поджечь домы, аѳинскую гавань, трехмачтовыя суда и всѣ, какъ общественные, такъ и частные корабли. Но дѣлать это, то-есть, дѣлать, что кажется, вѣдь не значитъ имѣть великую силу. Или ты такъ думаешь?

Пол. Ужъ вѣроятно не такъ. 470.

Сокр. А можешь ли сказать, за что порицаешь такую силу?

Пол. Могу.

Сокр. Скажи же.

Пол. За то, что поступающій такимъ образомъ необходимо долженъ вредить.

Сокр. А вредить—не есть ли дѣлать зло?

Пол. Конечно.

Сокр. Поэтому, имѣть великую силу, почтеннѣйшій, у тебя значитъ опять то, что дѣлащій, что̀ ему кажется, расположенъ совершать полезное и быть добрымъ. Это-то, вѣроятно, заключаетъ въ себѣ великую силу; а безъ этого, великая твоя сила будетъ зло и безсиліе. Разсмотримъ еще B.
слѣдующій вопросъ: не согласимся ли мы, что дѣлать то, о чемъ теперь говоримъ, то-есть умерщвлять, либо изгонять людей и отнимать у нихъ имущество, иногда бываетъ больше доброе дѣло, а иногда нѣтъ?

Пол. Конечно.

Сокр. И въ этомъ-то, вѣроятно, согласимся оба мы, — ты и я.

Пол. Да.

Сокр. Когда же, думаешь, дѣлать это бываетъ больше добро? Скажи, что̀ здѣсь полагаешь ты предѣломъ?

Пол. На это, Сократъ, отвѣчай ужъ ты самъ.

C. *Сокр.* Если угодно тебѣ, Полосъ, слышать отъ меня, то я скажу, что когда дѣлаютъ справедливо, — это бываетъ больше добро, а когда несправедливо, — больше зло.

Пол. Хоть непріятно опровергать тебя, Сократъ; но не докажетъ ли тебѣ и дитя, что ты говоришь несправедливо?

Сокр. И я буду весьма благодаренъ этому дитяти, равно какъ и тебѣ, если обличишь меня и избавишь отъ пустословія. Не затруднись облагодѣтельствовать любимаго тобою человѣка; обличи его.

D. *Пол.* Ужъ конечно нѣтъ никакой надобности опровергать тебя, Сократъ, древними событіями; достаточно и недавнихъ происшествій [1], чтобы обличить тебя и доказать, что многіе несправедливые люди наслаждаются счастіемъ.

Сокр. Какія же это происшествія?

Пол. Напримѣръ, не видишь ли, что этотъ Архелай [2], сынъ Пердикки,—теперь правитель Македоніи?

---

[1] *Ἐχθὲς καὶ πρώην γεγονότα ταῦτα ἱκανά. Ἐχθὲς καὶ πρώην* — поговорка, указывающая на недавно случившееся событіе; по-русски—на дняхъ. У насъ соотвѣтствуетъ ей присловіе: «сегодня—завтра», только русскимъ присловіемъ мы означаемъ время наступающее, а греческимъ означалось едва прошедшее.

[2] Полосъ говоритъ здѣсь, что Архелай, сынъ Пердикки, совершалъ одни только злодѣйства и не искупалъ ихъ никакими добродѣтелями. Но, по свидѣтельству Өукидида (II, 100), онъ украсилъ и усилилъ царство Македонское, а наукамъ и ученымъ такъ покровительствовалъ, что многихъ мужей, славившихся своими дарованіями и познаніями, принималъ у себя съ отличными почестями. Такого вниманія удостоился отъ него, между прочими, и Еврипидъ (v. Aelian. V. H. 11. 21. XIII. 14). Атеней даже порицаетъ Платона, что онъ въ своемъ Горгіасѣ позволилъ себѣ охуждать поступки Архелая, тогда какъ этотъ государь былъ, говоритъ, въ дружескихъ къ нему отношеніяхъ (XI, 15 p. 506). Эліанъ свидѣтельствуетъ, что Архелай пригла-

Сокр. Если не вижу, такъ слышу.

Пол. Чтожъ? счастливъ онъ, или несчастливъ, по твоему мнѣнію?

Сокр. Не знаю, Полосъ; потому что еще не познакомился съ этимъ человѣкомъ.

Пол. Какъ? развѣ для узнанія этого нужно знакомиться? E.
развѣ иначе, самъ собою, ты не знаешь, что онъ счастливъ?

Сокр. Клянусь Зевсомъ, что нѣтъ.

Пол. Такъ явно, Сократъ, что ты откажешься отъ знанія даже о счастіи великаго царя.

Сокр. Да и справедливо откажусь, потому что не знаю ни воспитанія его, ни правосудія.

Пол. Что ты? развѣ въ этомъ-то все счастіе?

Сокр. Чт̀о касается до моего мнѣнія, Полосъ, то я говорю, что человѣкъ прекрасный и добрый (то же и о женщинѣ)—счастливъ, а несправедливый и злой несчастливъ.

Пол. Слѣдовательно Архелай, по твоему мнѣнію, не- 471.
счастенъ?

Сокр. Если только онъ несправедливъ, другъ мой.

Пол. Да какъ же не несправедливъ! Вѣдь ему нисколько не принадлежитъ нынѣшняя его власть; потому что онъ родился отъ женщины, бывшей рабою Алкета, брата Пердиккина, и, по всей справедливости, находился въ числѣ Алкетовыхъ рабовъ. Еслибы онъ захотѣлъ поступить справедливо, то рабствовалъ бы Алкету и, по крайней мѣрѣ, по твоему образу мыслей, былъ бы счастливъ; а теперь, совершивъ величайшія несправедливости, сталъ удивительно какъ несчастенъ. Во-первыхъ, пригласивъ къ себѣ B.
этого самаго господина и дядю, — какбы желалъ сдать ему власть, которую отнялъ у него Пердикка, Архелай угостилъ его, напоилъ вмѣстѣ съ сыномъ Александромъ, двоюроднымъ своимъ братомъ и ровесникомъ и, положивъ

шалъ къ себѣ и Сократа; но сынъ Софрониска отказался ѣхать къ нему — будто бы потому, что не уважалъ его (V. 11. XIV. 17).

ихъ на телѣгу, ночью вывезъ изъ дворца, потомъ удавилъ и скрылъ обоихъ. Совершивъ такое преступленіе, онъ самъ не замѣтилъ, что сдѣлался человѣкомъ несчастнѣйшимъ, и не раскаялся, но немного спустя, подобнымъ образомъ по-
C. ступилъ и съ роднымъ своимъ братомъ, сыномъ Пердикки, почти семилѣтнимъ мальчикомъ, которому власть принадлежала по всей справедливости. Онъ не захотѣлъ, какъ слѣдовало, ввѣрить и сдать ему эту власть, и быть счастливымъ, но задушилъ его и бросилъ въ колодезь, а матери Клеопатрѣ сказалъ, что сынъ ея гнался за гусемъ, да упалъ туда и умеръ. За то-то, видно, что имъ надѣлано въ Македоніи столько величайшихъ несправедливостей, онъ теперь не самый счастливый, а самый несчастный человѣкъ изъ всѣхъ Македонянъ; такъ что иные Аѳиняне, начиная съ тебя, можетъ быть, скорѣе согласились бы сдѣ-
D. латься какимъ-нибудь другимъ Македоняниномъ, чѣмъ Архелаемъ.

Сокр. Еще вначалѣ изслѣдованія я хвалилъ тебя, Полосъ, и говорилъ, что, по моему мнѣнію, ты хорошо наученъ риторикѣ, только пренебрегъ діалектикою. Это ли у тебя то разсужденіе, которымъ могъ бы опровергнуть меня и ребенокъ, и которымъ, какъ ты думаешь, опровергнуто настоящее мое мнѣніе, что причиняющій обиду несчастливъ? Совсѣмъ нѣтъ, добрякъ; вѣдь я не соглашаюсь ни на одну, сказанную тобою мысль.

Пол. Потому что не хочешь, хотя тебѣ дѣйствительно кажется то же, что̀ мнѣ.

E. *Сокр.* Ты надѣешься, счастливецъ, опровергнуть меня риторически, подобно тѣмъ, которые считаютъ себя опровергателями въ судахъ. Тамъ одни, по видимому, опровергаютъ другихъ, когда, для подтвержденія своихъ положеній, представляютъ многихъ и достовѣрныхъ свидѣтелей; между тѣмъ какъ говорящій противное — кого-нибудь одного, либо вовсе не представляетъ. Но такое опроверженіе,
472. въ отношеніи къ истинѣ, ничего не значитъ; потому что

многіе, показные свидѣтели, иногда могутъ о комъ-нибудь свидѣтельствовать ложно. Вотъ и настоящія твои слова, пожалуй, подтвердятъ почти всѣ Аѳиняне и иностранцы. Если хочешь выставить противъ меня свидѣтелей и доказать, что я говорю несправедливо, будутъ тебѣ свидѣтельствовать, когда угодно, Никіасъ, сынъ Никирата [1], и его братья, которыхъ треножники наконецъ поставлены въ храмѣ Діониса; будетъ, когда угодно, — Аристократъ, сынъ Скеллія [2], сдѣлавшій также прекрасное приношеніе храму Пиѳійскому; B.
будетъ, когда угодно,—весь домъ Перикла и всякое другое семейство, какое вздумалось бы тебѣ выбрать здѣсь. Но я одинъ не соглашаюсь съ тобою; потому что ты не доказываешь мнѣ, а устраняешь меня отъ сущности [3] и истины представленіемъ множества лжесвидѣтелей. Кажется, и мнѣ не опредѣлить ничего дѣльнаго о предметѣ нашего разсужденія, если я не представлю въ свидѣтели и не заставлю согласиться съ своимъ положеніемъ—одного тебя; да и ты C.
не достигнешь этого, пока не примешь свидѣтельства только моего, а прочихъ свидѣтелей не оставишь въ покоѣ. Бываетъ конечно и такой образъ опроверженія, какой разумѣешь ты и многіе другіе: но бываетъ и иной, какой понимаю я. Сравнимъ же ихъ и разсмотримъ, чѣмъ они раз-

[1] Знаменитый аѳинскій военачальникъ. Аѳиняне предписали ему совершить экспедицію противъ Сициліи: но онъ, равно какъ и Сократъ, по свидѣтельству Алкивіада у Плутарха (p. 199 E), не одобрялъ этого предпріятія. Впрочемъ, уступая волѣ правительства, Никіасъ отправился и, безъ всякой пользы для отечества, принесъ ему въ жертву свою жизнь, потому что взятъ былъ въ плѣнъ и убитъ Сицилійцами (*Plutarch.* v. Nic. p. 512 A. *Thucyd.* VII, 86). Въ этомъ мѣстѣ Ѳукидидъ говоритъ о Никіасѣ, какъ о человѣкѣ весьма набожномъ, который дѣлалъ великія приношенія въ храмъ Діониса.

[2] Объ этомъ Аристократѣ есть комическіе стихи (*Aristoph.* Av. 123. sq) *ἀριστοκρατεῖσθαι δῆλος εἶ ζητῶν. Euelp. ἐγώ; ἥκιστα, καὶ τὸν Σκελλίου βδελύττομαι.* О немъ упоминаетъ также Ѳукидидъ (VIII, 89). См. Phaedon. p. 69 C.

[3] *Ἐκβάλλεις με ἐκ τῆς οὐσίας.* Словомъ *ἐκβάλλειν* Сократъ дѣлаетъ аллюзію на прежнюю мысль Полоса, что риторы изгоняютъ изъ городовъ, кого покажется; поэтому и слово *οὐσία* употребляетъ здѣсь двузнаменательно, то-есть, въ значеніи имущества и въ значеніи вещи самой въ себѣ, какбы говоря такъ: ты, привыкши ораторскими рѣчами отнимать (*ἐκβάλλειν*) у другихъ имущество (*οὐσίας*), теперь хочешь отнять у меня и истину (*ἐκβάλλειν ἐκ τῆς οὐσίας*).

личаются между собою. Вѣдь предметы нашего спора немаловажны: они — именно то, чтò знать прекрасно, а не знать постыдно; потому что главное здѣсь — знать или не знать, кто счастливъ и кто нѣтъ. Въ настоящемъ нашемъ
D. разсужденіи первое мѣсто занимаетъ твое положеніе, что человѣкъ несправедливый и наносящій обиды можетъ быть счастливъ, если только Архелай по твоему мнѣнію, точно несправедливъ, и однакожъ счастливъ. Такъ ли должны мы понимать твою мысль?

Пол. Конечно.

Сокр. Но я говорю, что это невозможно,—и вотъ предметъ нашего спора. Хорошо. Человѣкъ именно несправедливый будетъ ли счастливъ, если онъ подлежитъ суду и наказанію?

Пол. Всего менѣе; такъ-то онъ былъ бы самымъ несчастнымъ.

E. *Сокр.* Слѣдовательно, по твоему мнѣнію, счастливъ онъ, когда не подлежитъ суду и наказанію?

Пол. Да.

Сокр. А по моему-то мнѣнію, Полосъ, человѣкъ несправедливый и наносящій обиды, хоть конечно во всякомъ случаѣ несчастенъ; но онъ гораздо несчастнѣе, если, нанося обиды, не подвергается суду и не получаетъ наказанія, и менѣе несчастенъ, если подпадаетъ подъ судъ и терпитъ наказаніе отъ боговъ и людей.

473. *Пол.* Какія странныя вещи говоришь ты, Сократъ!

Сокр. Такъ я постараюсь сдѣлать, любезный, чтобы и ты говорилъ то же самое; ибо почитаю тебя своимъ другомъ. Теперь видно, въ чемъ состоитъ наше разногласіе. Смотри же и ты; кажется, я уже прежде сказалъ, что обижать—гораздо больше зла, чѣмъ быть обижаемымъ.

Пол. Конечно.

Сокр. А ты утверждалъ, что гораздо больше зла—быть обижаемымъ.

Пол. Да.

Сокр. И обижающихъ я называлъ несчастными, а ты опровергъ меня.

Пол. Да, клянусь Зевсомъ. B.

Сокр. По крайней мѣрѣ такъ тебѣ кажется, Полосъ.

Пол. И можетъ быть [1], кажется справедливо.

Сокр. Самъ же ты счастливыми почитаешь обидчиковъ, если они не наказываются.

Пол. Безъ сомнѣнія.

Сокр. Напротивъ я признаю ихъ несчастнѣйшими, а наказываемыхъ—менѣе. Хочешь ли и это опровергнуть?

Пол. Куда! опровергнуть это, Сократъ, еще труднѣе, чѣмъ прежнее.

Сокр. Не труднѣе, Полосъ, а просто невозможно; потому что истина никогда не опровергается.

Пол. Что̀ ты говоришь? если человѣка, домогающагося тиранской власти, уличаютъ въ нанесеніи несправедливо- C.
стей и, уличивъ его, пытаютъ и расчленяютъ; если выжигаютъ ему глаза и причиняютъ, какъ самому, множество другихъ великихъ и различныхъ оскорбленій, такъ въ виду его и дѣтямъ; если наконецъ пригвождаютъ его ко кресту, либо обливаютъ смолою [2]: то онъ будетъ счастливѣе тиранна, который, избѣжавъ такихъ мученій, проводитъ жизнь въ управленіи городомъ и, дѣлая, что̀ хочетъ, становится предметомъ зависти и примѣромъ счастія для согражданъ и, сверхъ того, для иностранцевъ? Этого ли, говоришь, не возможно опровергнуть? D.

---

[1] Можетъ быть — ἴσως здѣсь обнаруживаетъ тонъ ироническій, соотвѣтственно латинскому fortasse; потому что Полосу его положеніе представляется несомнѣннымъ.

[2] Καταπιττωθῇ. Глаголъ καταπιττοῦσθαι значитъ намазывать смолою и сожигать — дѣйствіе, бывшее орудіемъ смертной казни. Vid. *Victor.* var. lectt. VIII, 14. Объ этомъ орудіи говорится такъ (*Routhius* ad. h. I): mihi quidem designari hoc loco videtur id genus supplicium, quod veteres *tunicam molestam* nuncupabant, cuius meminerunt inter alios Iuvenalis (sat. VIII, v. 235). Martial (Epigr. X, 25) Haec nimirum ignium alimentis illita et intexta, ac mox succensa, dire obvolutos noxios, qui sceleris gravioris comperti forent, incendio absumebat.

Сокр. Ты опять пугаешь, а не опровергаешь, благородный Полосъ. Давно ли приводилъ свидѣтелей! Напомни-ка немного: сказалъ ли ты, — если несправедливо домогается тиранской власти?

Пол. Сказалъ.

Сокр. Итакъ человѣкомъ счастливѣйшимъ не будетъ ни тотъ, ни другой,—ни достигшій тиранской власти несправедливо, ни получившій наказаніе; потому что въ числѣ двухъ несчастныхъ нельзя найти болѣе счастливаго, болѣе же несчастенъ тотъ, кто избѣжалъ наказанія и тиранствуетъ.
E. Что, Полосъ, смѣешься? Не на этотъ ли видъ опроверженія указываютъ, когда говорятъ: онъ осмѣиваетъ, а не опровергаетъ?

Пол. Не думаешь ли, Сократъ, что говоря то, чего не скажетъ ни одинъ человѣкъ, ты опровергъ мое положеніе? Спроси кого-нибудь изъ нихъ.

Сокр. Я не изъ политиковъ, Полосъ. Въ прошедшемъ году, когда на очереди правленія былъ мой округъ, и мнѣ,
474. избранному въ совѣтники, надлежало собирать голоса, — произошелъ смѣхъ; потому что я не зналъ, какъ приняться за дѣло. Не заставляй же меня и теперь собирать голоса присутствующихъ и, если не имѣешь опроверженія лучше этого, то право опровергать, какъ я говорилъ, передай мнѣ, и узнай изъ опыта, каково должно быть предполагаемое мною опроверженіе. Въ подтвержденіе своихъ словъ я умѣю представлять одного свидѣтеля,—того самаго, съ которымъ веду рѣчь, а многихъ оставляю въ покоѣ; я ссылаюсь на мнѣніе одного собесѣдника, а со многими даже и не раз-
B. говариваю. Смотри же, хочешь ли мнѣ предоставить право опроверженія и отвѣчать на вопросы? Я думаю такъ, что и для меня, и для тебя, и для другихъ людей больше зла— наносить обиды, чѣмъ принимать ихъ, больше зла—не быть наказываемымъ, чѣмъ быть.

Пол. А я-то не думаю этого ни за себя, ни за другихъ

людей. Вотъ ты конечно согласился бы лучше принимать обиды, чѣмъ наносить ихъ?

Сокр. Да и ты, и всѣ прочіе.

Пол. Ну, далеко до этого; напротивъ ни я, ни ты, ни кто другой.

Сокр. Такъ готовъ ли отвѣчать? C.

Пол. Безъ сомнѣнія; ибо сильно желаю знать, что будешь ты говорить.

Сокр. А если желаешь знать, то представляй, Полосъ, какбы я спрашивалъ тебя сначала, и скажи мнѣ: больше зла, по твоему мнѣнію, наносить ли обиду, или принимать ее?

Пол. По моему мнѣнію, принимать.

Сокр. А въ чемъ больше стыда-то? Наносить обиду, или принимать ее? Отвѣчай.

Пол. Наносить.

Сокр. Но если больше стыда, то больше и зла.

Пол. Всего менѣе.

Сокр. Понимаю; видно, прекрасное и доброе, злое и постыдное почитаешь ты не однимъ и тѣмъ же. D.

Пол. Отнюдь не однимъ.

Сокр. А какъ это-то? Все прекрасное,—и тѣла, напримѣръ, и цвѣта̀, и формы, и звуки, и обычаи, называешь ты прекраснымъ всегда ли, безъ всякаго ли отношенія? Вопервыхъ, хоть бы прекрасныя тѣла называешь ты прекрасными не ради ли употребленія ихъ, смотря на то, къ чему каждое полезно, либо не ради ли какого удовольствія, поколику, то-есть, созерцаніе ихъ радуетъ созерцающихъ? Можешь ли ты сказать что-нибудь о красотѣ тѣла независимо отъ этого?

Пол. Не могу. E.

Сокр. Не такъ же ли и все прочее, — формы и цвѣта̀, именуешь ты прекрасными либо ради какого удовольствія, либо ради пользы, либо ради того и другаго?

Пол. Согласенъ.

Сокр. Не такъ же ли и звуки, и все относящееся къ музыкѣ?

Пол. Да.

Сокр. Да и согласные съ закономъ обычаи прекрасны не независимо отъ этого, но или по своей пользѣ, или по удовольствію, или по тому и другому.

475. *Пол.* Мнѣ кажется, что не независимо.

Сокр. Не то же ли должно сказать о красотѣ наукъ?

Пол. Конечно. Опредѣляя прекрасное удовольствіемъ и добромъ, ты хорошо-таки опредѣляешь [1] его, Сократъ.

Сокр. А постыдное не слѣдуетъ ли опредѣлить противнымъ—скорбію и зломъ?

Пол. Необходимо.

Сокр. Итакъ если изъ двухъ прекрасныхъ предметовъ одинъ прекраснѣе, то прекраснѣе по избытку либо чего одного, либо того и другаго, то-есть, либо удовольствія, либо пользы, либо и удовольствія и пользы.

Пол. Конечно.

Сокр. Равнымъ образомъ, если изъ двухъ постыдныхъ
B. предметовъ одинъ постыднѣе; то постыднѣе будетъ по избытку либо скорби, либо зла. Не необходимо ли?

Пол. Да.

Сокр. Ну, хорошо. Какъ же было у насъ недавно говорено о нанесеніи и полученіи обидъ? Не говорилъ ли ты, что получать обиды больше зла, а наносить ихъ больше стыда?

Пол. Говорилъ.

---

[1] Въ понятіи о прекрасномъ софисты далеко расходились съ Сократомъ и Платономъ. Платонъ понималъ прекрасное, какъ пріятное выраженіе истиннаго и добраго; а софисты разумѣли его, какъ причину удовольствія и пользы. То-есть, первый опредѣлялъ его тѣмъ, изъ чего оно раждается, а послѣдніе—тѣмъ, что̀ изъ него раждается. Слѣдовательно Платоново понятіе о прекрасномъ есть идеальное, а софистическое—имѣетъ характеръ матеріальный. Полосъ, очевидно, обманывается здѣсь двузнаменательнымъ словомъ ὠφέλεια, принимая его въ смыслѣ пользы матеріальной, и потому одобряетъ опредѣленіе Сократа; тогда какъ Сократъ подъ словомъ ὠφέλεια разумѣетъ пользу нравственную, то-есть, истинное и доброе.

Сокр. Но если наносить обиды — больше стыда, чѣмъ получать ихъ; то больше стыда по избытку либо досады и скорби, либо зла, либо того и другаго. Не необходимо ли и это?

Пол. Ужъ какъ не необходимо!

Сокр. Разсмотримъ же прежде, нанесеніе обидъ не скорбію ли избыточествуетъ предъ полученіемъ ихъ, и обижающіе не больше ли горюютъ, чѣмъ обижаемые? C.

Пол. Этого-то отнюдь не бываетъ, Сократъ.

Сокр. Стало быть, скорбію-то не избыточествуетъ?

Пол. Совсѣмъ нѣтъ.

Сокр. Но если не скорбію, такъ не избыточествуетъ ли еще тѣмъ и другимъ?

Пол. Явно, что нѣтъ.

Сокр. Видно же послѣднимъ, что̀ остается?

Пол. Да.

Сокр. Зломъ?

Пол. Должно быть.

Сокр. Итакъ нанесеніе обидъ, избыточествующее зломъ, будетъ заключать въ себѣ больше зла, чѣмъ полученіе ихъ?

Пол. Явно, что больше. D.

Сокр. Но не согласились ли мы прежде и за многихъ людей, и за тебя, что наносить обиды больше стыда, чѣмъ получать ихъ?

Пол. Да.

Сокр. А теперь въ этомъ же самомъ открывается больше зла?

Пол. Должно быть.

Сокр. Что̀ же угодно тебѣ предпочесть, — больше зла, или больше стыда? Не затрудняйся отвѣтомъ, Полосъ, — вреда не будетъ; отвѣчай, открываясь слову, какъ врачу,—благородно; скажи на вопросъ либо да, либо нѣтъ.

Пол. Но тутъ я ничего не могу предпочесть, Сократъ. E.

Сокр. Видно, предпочтетъ кто-нибудь другой?

Пол. Судя по тому, что̀ сказано, не думаю.

Сокр. Стало быть, мое слово было справедливо, что ни я, ни ты, ни кто другой изъ людей не предпочтетъ нанесенія обиды полученію ея; потому что первое заключаетъ въ себѣ больше зла.

Пол. Явно.

Сокр. Такъ видишь, Полосъ, — это опроверженіе, сравненное съ другимъ, нисколько на него не походитъ. Вѣдь съ тобою всѣ согласны, кромѣ меня; напротивъ мнѣ достаточ-
476. но согласія и свидѣтельства только отъ тебя одного, и я ссылаюсь только на твое мнѣніе, а другихъ оставляю въ покоѣ. Пусть это будетъ у насъ такъ; теперь разсмотримъ другой предметъ своего недоумѣнія: то ли самое великое зло, когда наносящій обиды получаетъ наказаніе, какъ думалъ ты, или больше будетъ то, если онъ не получаетъ наказанія, какъ полагалъ я? Разсмотримъ это слѣдующимъ образомъ: получить наказаніе и быть наказаннымъ справедливо за нанесеніе обидъ — одно ли и то же, по твоему мнѣнію?

Пол. Одно и то же.

B. *Сокр*. Такъ-то ты можешь говорить, что даже и все справедливое, поколику справедливое, не прекрасно! Подумай-ка и скажи.

Пол. Да, мнѣ кажется, Сократъ.

Сокр. Разсмотри еще и это: когда кто дѣлаетъ что-нибудь,—въ зависимости отъ того дѣлающаго не необходимо ли быть чему-либо страдающему?

Пол. Мнѣ кажется.

Сокр. И это страдающее, производимое дѣлающимъ, не таково ли будетъ, какимъ производитъ его дѣлающее. Разумѣю такъ: когда ударяютъ, не необходимо ли быть ударяемому?

Пол. Необходимо.

C. *Сокр*. И если ударяющій ударяетъ сильно, либо скоро; то точно также ударяется и ударяемое?

Пол. Да.

Сокр. Слѣдовательно ударяемое получаетъ такое страданіе, какое сообщаетъ ему ударяющее?

Пол. Конечно.

Сокр. Не необходимо ли также,—когда кто жжетъ, быть жгомому?

Пол. Какъ не необходимо!

Сокр. И если жжетъ сильно, либо мучительно, то и жгомое жжется, какъ жжетъ жгущее?

Пол. Конечно.

Сокр. Не то же ли будетъ, когда кто и рѣжетъ? Вѣдь что-нибудь рѣжется?

Пол. Да.

Сокр. И если порѣзъ великъ, глубокъ, болѣзненъ; то и рѣжемое рѣжется тѣмъ порѣзомъ, какимъ рѣжетъ рѣжущее? D.

Пол. Явно.

Сокр. Смотри же вообще, — согласишься ли въ томъ, чт̀о подтвердилъ касательно всего, сейчасъ сказаннаго: какъ чт̀о дѣлаетъ дѣлающее, такъ страдаетъ и страдающее?

Пол. Да, соглашаюсь.

Сокр. На основаніи этого согласія, получать наказаніе значитъ—страдать или дѣлать?

Пол. Необходимо страдать, Сократъ.

Сокр. Отъ кого-нибудь дѣлающаго?

Пол. Какъ же иначе? отъ наказывающаго.

Сокр. Но правильно наказывающій по справедливости ли наказываетъ?

Пол. Да.

Сокр. Его дѣйствіе справедливо, или нѣтъ?

Пол. Справедливо.

Сокр. И наказываемый, подвергаясь страданію, справедливо ли страдаетъ?

Пол. Явно.

Сокр. А справедливое признали мы, помнится, прекраснымъ?

Пол. Конечно.

Сокр. Стало быть, одинъ изъ нихъ дѣлаетъ прекрасное, а другой, наказываемый, своимъ страданіемъ принимаетъ его?

Пол. Да.

Сокр. Если же прекрасное, то и доброе? Вѣдь оно либо
477. пріятно, либо полезно [1].

Пол. Необходимо.

Сокр. Поэтому наказываемый, находясь въ состояніи страданія, принимаетъ добро?

Пол. Вѣроятно.

Сокр. Слѣдовательно получаетъ пользу?

Пол. Да.

Сокр. И ту пользу, которую я разумѣю? то-есть, будучи наказываемъ, онъ становится добрѣе по душѣ?

Пол. Это вѣроятно.

Сокр. Стало быть, принимающій наказаніе освобождается отъ душевнаго зла?

Пол. Да.

Сокр. И не отъ величайшаго ли освобождается онъ зла? Разсматривай такъ: въ отношеніи къ деньгамъ, замѣчаешь ли
B. ты въ человѣкѣ какое-нибудь другое зло, кромѣ бѣдности?

Пол. Нѣтъ, именно бѣдность.

Сокр А въ отношеніи къ тѣлу,—что̀ такое? не назовешь ли зломъ слабости, болѣзни, безобразія и подобнаго тому?

Пол. Назову.

Сокр. Не допускаешь ли также какой худости и въ душѣ?

Пол. Какъ не допускать!

Сокр. И этой худости не называешь ли несправедливостію, невѣжествомъ, трусостію, и тому подобнымъ?

Пол. Безъ сомнѣнія.

---

[1] Сократъ ссылается на допущенное выше положеніе Полоса (474 D sqq.), или на понятіе о прекрасномъ. Доказательство идетъ такъ: все постыдное бываетъ постыдно либо по причинѣ скорби, которую оно наводитъ, либо по причинѣ вреда, который причиняетъ, либо по причинѣ того и другаго. Но злокачественность души есть дѣло самое постыдное; слѣдовательно злокачественность души соединена бываетъ или съ скорбію, или со вредомъ, или съ тѣмъ и другимъ.

Сокр. Итакъ въ отношеніи къ деньгамъ, тѣлу и душѣ,—тремъ предметамъ, ты указалъ и три зла: бѣдность, C.
болѣзнь и несправедливость?

Пол. Да.

Сокр. Но изъ этихъ худыхъ качествъ, которое — самое постыдное? Не несправедливость ли, и вообще — не злокачественность ли души?

Пол. И очень.

Сокр. Если же самое постыдное, то и самое злое?

Пол. Чтò ты говоришь, Сократъ?

Сокр. Вотъ чтò: по силѣ прежнихъ нашихъ соглашеній, дѣло самое постыдное — всегда самое постыдное потому, что влечетъ либо величайшую скорбь, либо вредъ, либо то и другое.

Пол. Непремѣнно.

Сокр. А теперь мы согласились, что дѣло самое постыдное есть несправедливость и всякое худое состояніе души?

Пол. Конечно согласились. D.

Сокр. Самое же постыдное не есть ли либо самое скорбное, поколику избыточествуетъ скорбію, либо самое вредное, либо то и другое?

Пол. Необходимо.

Сокр. Такъ не болѣе ли скорби возбуждаетъ состояніе несправедливости, распутства, трусости и невѣжества, чѣмъ бѣдности и болѣзни?

Пол. Изъ этого-то, Сократъ, мнѣ кажется, — болѣе.

Сокр. Стало быть, злокачественность души есть самое постыдное изъ всѣхъ состояній—по избытку не скорби, какъ говоришь ты, а какого-то чрезвычайнаго и великаго вреда, E.
какого-то зла удивительнаго.

Пол. Явно.

Сокр. Но то именно, чтò избыточествуетъ величайшимъ вредомъ, конечно есть и величайшее изъ всѣхъ золъ.

Пол. Да.

Сокр. Слѣдовательно несправедливость, распутство и вся-

кая другая злокачественность души есть величайшее изъ всѣхъ золъ?

Пол. Явно.

Сокр. А какое искуство избавляетъ отъ бѣдности? не барышничество ли?

Пол. Да.

Сокр. Какое—отъ болѣзни? не врачебное ли?

Пол. Необходимо.

Сокр. Какое—отъ злокачественности и несправедливо-
478. сти?—Если отвѣчать на это вдругъ не можешь, то разсмотри такъ: куда и къ кому ведемъ мы тѣхъ, кто болѣнъ тѣломъ?

Пол. Къ врачамъ, Сократъ.

Сокр. А куда несправедливыхъ и распутныхъ?

Пол. Къ судьямъ, разумѣешь ты?

Сокр. Не для наказанія ли?

Пол. Согласенъ.

Сокр. Но правильно наказывающіе не руководствуются ли въ наказаніи какимъ-нибудь правосудіемъ?

Пол. Очевидно.

Сокр. Такимъ образомъ искуство барышническое избав-
B. ляетъ отъ бѣдности, врачебное—отъ болѣзни, а судебное—отъ распутства и несправедливости.

Пол. Явно.

Сокр. Которое же изъ нихъ называешь ты самымъ прекраснымъ?

Пол. Изъ чего именно?

Сокр. Изъ барышническаго, врачебнаго и судебнаго.

Пол. Судебное, Сократъ, много выше.

Сокр. А если оно—самое прекрасное, то не потому ли опять, что доставляетъ либо удовольствіе, либо пользу, либо то и другое?

Пол. Да.

Сокр. Пріятно ли лечиться? и врачуемые радуются ли?

Пол. Мнѣ кажется, нѣтъ.

Сокр. Но полезно. Не такъ ли?

Пол. Да.

Сокр. Потому что человѣкъ избавляется отъ великаго зла; такъ что ему выгодно переносить страданіе и возвратить здоровье. C.

Пол. Какъ не выгодно!

Сокр. Однакожъ этого ли человѣка — врачуемаго, въ отношеніи къ тѣлу, должно почитать самымъ счастливымъ, или того, кто вовсе не хворалъ?

Пол. Очевидно—того, кто вовсе не хворалъ.

Сокр. Вѣдь счастіе состоитъ вѣроятно не въ томъ, чтобы избавиться отъ зла, а въ томъ, чтобы вовсе не имѣть его?

Пол. Конечно такъ.

Сокр. Что жъ? изъ двухъ человѣкъ, носящихъ зло — въ тѣлѣ ли то, или въ душѣ, — который несчастнѣе: врачующійся и избавляющійся отъ зла, или не врачующійся и имѣющій его? D.

Пол. Явно, что не врачующійся.

Сокр. Но быть наказываемымъ не значило ли у насъ освобождаться отъ величайшаго зла — отъ злокачественности?

Пол. Значило.

Сокр. Вѣдь наказаніе вѣроятно благоразсудительно — дѣлаетъ людей болѣе справедливыми и бываетъ врачевствомъ злокачественности.

Пол. Да.

Сокр. Поэтому-то человѣкъ самый—счастливый—тотъ, у кого въ душѣ нѣтъ зла; ибо душевное зло признали мы величайшимъ изъ золъ. E.

Пол. Очевидно.

Сокр. А на второй степени будетъ стоять вѣроятно избавляющійся.

Пол. Должно быть.

Сокр. Но избавляется тотъ, кто принимаетъ внушенія, укоризны и наказаніе.

Пол. Да.

Сокр. Стало быть, самую несчастную жизнь проводитъ

человѣкъ, когда онъ несправедливъ и не избавляется отъ этого зла.

Пол. Явно.

Сокр. А это—не тотъ ли, кто, нанося величайшія обиды
479. и совершая величайшія несправедливости, поставилъ себя въ такое положеніе, что не подвергается ни внушеніямъ, ни взысканію, ни наказанію? (Это—не такой ли человѣкъ), какимъ ты почитаешь Архелая и прочихъ тиранновъ,—риторовъ и властелиновъ.

Пол. Вѣроятно.

Сокр. Вѣдь дошедшіе до этого состоянія почти таковы, почтеннѣйшій, каковъ въ своемъ состояніи человѣкъ, одержимый величайшими болѣзнями. Онъ не расположенъ расчитываться предъ врачемъ за тѣлесные свои грѣхи,—не расположенъ лечиться, боясь, подобно дитяти, что его будутъ
B. жечь, рѣзать, что это будетъ больно. Не кажется ли и тебѣ такъ?

Пол. Да, и мнѣ.

Сокр. Должно быть, онъ не знаетъ, что такое — здоровье и сила тѣла. Судя по допущеннымъ нами теперь положеніямъ, едва ли не то же, Полосъ, дѣлаютъ и избѣгающіе наказанія: они смотрятъ на скорбную его сторону, а въ отношеніи къ полезной — слѣпы; они не знаютъ, восколько хуже болѣзненнаго тѣла жить съ душею, не пользующеюся здра-
C. віемъ, но испорченною, несправедливою и нечестивою. Поэтому они все дѣлаютъ, чтобы не получить наказанія и не избавиться отъ величайшаго зла: для этого приготовляютъ и деньги, и друзей, и способность какъ можно убѣдительнѣе говорить. Но если все допущенное нами справедливо, то догадываешься ли, Полосъ, что слѣдуетъ изъ нашихъ словъ? Не хочешь ли, выведемъ эти слѣдствія?

Пол. Если самому тебѣ не иначе кажется.

Сокр. Такъ слѣдуетъ ли, что быть несправедливымъ и наносить обиды есть величайшее зло?

Пол. Это-то явно.

Сокр. И что принять наказаніе есть средство избавиться D.
отъ этого зла?

Пол. Едва ли не такъ.

Сокр. А непринятіе наказанія будетъ упорство во злѣ?

Пол. Да.

Сокр. Стало быть, нанесеніе обидъ, по великости, занимаетъ второе мѣсто въ ряду золъ; а наносить обиды и не получать наказанія—есть зло первое и изъ всѣхъ самое великое.

Пол. Вѣроятно.

Сокр. Но не въ томъ ли, другой мой, состоялъ споръ нашъ, что Архелая, поколику онъ наноситъ величайшія обиды и не получаетъ никакого наказанія, ты называлъ счастлив- E.
цемъ, а я напротивъ утверждалъ, что и Архелай, и всякій другой человѣкъ, какъ скоро онъ, нанося обиды, не наказывается, по этому самому долженъ быть несчастнѣе прочихъ, и что вообще — наносящій обиды несчастнѣе обижаемаго, а не наказываемый несчастнѣе наказываемаго? Не это ли говорилъ я?

Пол. Да.

Сокр. Такъ не доказано ли, что я говорилъ правду?

Пол. Явно, что доказано.

Сокр. Пускай. Но если это справедливо, Полосъ; то въ 480.
чемъ будетъ состоять великая польза риторики [1]? Вѣдь по силѣ допущенныхъ нами теперь положеній, всякій долженъ оберегать самъ себя, чтобы не нанести обиды и не причинить себѣ порядочнаго зла. Не такъ ли?

Пол. Конечно.

Сокр. А если ужъ обидѣлъ кто-нибудь либо самъ, либо другой, пользующійся его попеченіемъ; то по собственной

---

[1] *Въ чемъ будетъ состоять великая польза риторики?* Изъ допущенныхъ доселѣ положеній Сократъ заключаетъ, что искуство ораторское нетолько безполезно, но и вредно; потому что оно прилагается къ защищенію или извиненію худыхъ дѣлъ. Еслибы люди были разсудительнѣе, говоритъ онъ, то скорѣе прилагали бы его къ исцѣленію болѣзней души чрезъ наказаніе, какъ медицина прилагается къ уврачеванію болѣзней тѣлесныхъ посредствомъ нужныхъ операцій.

волѣ долженъ идти туда, гдѣ можетъ въ скорѣйшемъ времени получить наказаніе, то есть, спѣшить къ судьѣ, какъ къ вра-
B. чу, чтобы болѣзнь несправедливости, застарѣвъ, не покрыла души язвами, не сдѣлала ея неисцѣлимою. Такъ ли скажемъ мы, Полосъ, если прежде допущенное нами остается въ своей силѣ? Съ принятыми положеніями не необходимо ли согласуется это, а не иное?

Пол. Что́ же болѣе сказать, Сократъ?

Сокр. Слѣдовательно, для защищенія несправедливости, сдѣланной либо кѣмъ самимъ, либо его родителями, друзьями, дѣтьми, отечествомъ, риторика намъ, Полосъ, нисколько не полезна. Вотъ развѣ кто составилъ бы о ней понятіе, против-
C. ное тому:—что она должна обвинять его самого, потомъ его родныхъ, либо кого изъ друзей, когда бы кто изъ нихъ совершалъ несправедливости; что ея обязанность—не скрывать неправдъ, а выводить ихъ наружу, чтобы человѣкъ несправедливый былъ наказанъ и получилъ исцѣленіе; что, по ея принужденію, и самъ онъ, и другіе должны не робѣть, но съ закрытыми глазами, какбы ввѣряя себя врачу для вырѣзыванія раны, мужественно стремиться къ доброму и прекрасному, а не разсчитывать боли. Если, то-есть, обидчикъ заслу-
D. жилъ побои,—пусть представитъ себя для побоевъ; если оковы — для оковъ; если штрафъ — для штрафа; если ссылку — для ссылки; если смерть—для смерти. Пусть прежде всего будетъ онъ обвинителемъ самого себя и, кромѣ того,—своихъ родственниковъ, и въ этомъ случаѣ воспользуется риторикою, чтобы, обнаруживъ сдѣланныя неправды, избавиться отъ величайшаго зла — несправедливости. Скажемъ ли такъ, Полосъ, или не скажемъ?

E. *Пол.* Странными право, Сократъ, кажутся мнѣ слова твои, хотя съ прежними они, можетъ быть, у тебя и согласны!

Сокр. Такъ не должно ли намъ либо отъ тѣхъ отказаться, либо по необходимости согласиться на послѣднія?

Пол. Да, дѣло-то именно таково.

Сокр. И напротивъ, кто принялъ направленіе обратное и

долженъ сдѣлать зло либо врагу, либо кому другому,—лишь
бы только врагъ-то не нанесъ обиды ему самому,—этого на-
добно опасаться; тотъ, какъ скоро врагомъ нанесена кому
обида, спѣшитъ всячески,—словами и дѣлами, наклонить об-
стоятельства къ тому, чтобы обидчикъ не подпалъ подъ на- 481.
казаніе и не пошелъ къ судьѣ, а когда пошелъ, будетъ при-
думывать средства, какъ бы ему уйти и остаться ненаказан-
нымъ. Пусть бы, на примѣръ, врагъ похитилъ много золота
и не возвратилъ его, но владѣя имъ, несправедливо и без-
божно истратилъ его для себя и для своихъ; пусть бы также
своими обидами заслужилъ онъ смерть: — желающій сдѣлать
ему зло позаботится, чтобы онъ не умеръ, и даже, чтобъ ни-
когда не умеръ, но съ дурными своими поступками остался
безсмертнымъ; а если не то, — чтобы въ такомъ состояніи
прожилъ, по крайней мѣрѣ, какъ можно долѣе. Вотъ для чего, B.
Полосъ, риторика кажется мнѣ полезною; а человѣку, не
намѣревающемуся обижать, по моему мнѣнію, не велика отъ
ней польза, если даже и есть какая-нибудь. По крайней мѣ-
рѣ изъ прежнихъ нашихъ разсужденій не открылось никакой.

Калл. Скажи мнѣ, Херефонъ, серьезно говоритъ это Со-
кратъ, или шутитъ?

Херев. Кажется, чрезвычайно серьезно, Калликлъ. Впро-
чемъ весьма хорошо было бы спросить его самого [1].

Калл. Клянусь богами,—я спрошу. Скажи мнѣ, Сократъ, C.
какъ намъ понимать твои слова: въ смыслѣ рѣчи серьезной,
или шуточной? Если ты говоришь не шутя, и то, что̀ гово-
ришь, истинно; то человѣческая жизнь не будетъ ли у насъ
на-выворотъ, и мы, какъ видно, все дѣлаемъ вопреки тому,
что̀ должны дѣлать?

Сокр. Калликлъ! еслибы люди не имѣли свойства об-

---

[1] *Весьма хорошо было бы спросить его самого,* οὐδὲν οἷον τὸ αὐτὸν ἐρωτᾶν, — идіотизмъ, часто употреблявшійся въ рѣчи простой и разговорной. См. выше p. 447 C. *Aristoph.* Lysistr. v. 135 и др. Впрочемъ по-русски онъ можетъ быть выраженъ и ближе къ буквальному значенію οἷον: *нѣтъ ничего невозможнаго* и проч.

щаго, которое у однихъ обнаруживается такъ, у другихъ—
иначе, но каждый обладалъ своимъ частнымъ, отличнымъ отъ
D. свойствъ, принадлежащихъ прочимъ людямъ; то не легко бы-
ло бы показать другому собственное его свойство. Говорю
это, поколику замѣчаю, что мнѣ и тебѣ свойственно теперь
одно и то же: оба мы любимъ, но каждый свое; я—Алкивіада,
сына Клиніасова, и философію, а ты—аѳинскій народъ и сы-
на Пириламлова [1]. Знаю, что всякій разъ, когда твой лю-
безный скажетъ, что этому быть такъ,—ты, не смотря на
силу своего краснорѣчія, противорѣчить не можешь, но вер-
тишься туда и сюда. Вѣдь и въ народной сходкѣ, когда аѳин-
E. скій народъ на слова твои говоритъ, что это не такъ,—ты
вдругъ перемѣняешься и начинаешь утверждать, что̀ ему
угодно. Таковъ ты и въ отношеніи къ упомянутому красав-
цу, сыну Пириламнову: желаніямъ и словамъ любезнаго про-
тивиться не можешь; такъ что человѣку, который удивлял-
ся бы всегда высказываемымъ ради нихъ твоимъ мнѣніямъ,
какъ онѣ нелѣпы, — ты, еслибы только захотѣлъ, отвѣ-
чалъ бы: пока, по чьему-нибудь приказанію, не перестанетъ
утверждать это твой любезный, — не перестанешь утвер-
482. ждать то же самое и ты. Думай же, что и отъ меня слы-
шишь подобное и не удивляйся, если я говорю такія рѣчи,
но вели, чтобы перестала говорить ихъ моя любезная фи-
лософія. А она, милый другъ, всегда утверждаетъ то, что̀
теперь слышишь отъ меня; она совсѣмъ не такъ перемѣн-
чива, какъ другіе любезные. Вотъ, напримѣръ, этотъ сынъ
Клиніасовъ [2] иногда говоритъ одно, иногда другое; а Фило-

---

[1] *А ты — аѳинскій народъ и сына Пириламнова* — *σὺ δὲ τοῦ τε Ἀθηναίων δήμου καὶ τοῦ Πυριλάμπους*. Здѣсь игра въ двузнаменательности слова *δῆμος*; то-есть Сократъ разумѣетъ подъ нимъ и народъ, которому Калликлъ такъ расположенъ былъ ласкательствовать, и собственное имя — *Δῆμον τοῦ Πυριλάμπους, φιλόκαλον νεανίσκον*. *Casaubon.* ad Athenaeum IX, 12 p. 397. Эта игра словомъ *δῆμος* по-русски, разумѣется, невыразима.

[2] *Этотъ сынъ Клиніасовъ,* то-есть Алкивіадъ, нерѣдко представляемъ былъ Сократомъ, какъ образецъ легкомыслія и непостоянства. Sympos. p. 216. C. et alib.

софія—всегда одно и то же, говоритъ именно тѣ рѣчи, которымъ ты удивляешься и которыя лично слышалъ. Итакъ, B
либо опровергни ее и, вопреки моимъ словамъ, докажи, что наносить обиды и, обижая, не подвергаться наказанію не есть крайне великое зло; либо, если оставишь это не опровергнутымъ, — клянусь египетскимъ богомъ, собакою, что съ тобою, Калликлъ, не будетъ въ согласіи Калликлъ, и что его разногласіе продолжится во всю жизнь. А я думаю, почтеннѣйшій, что пусть лучше разстроится и разногласитъ моя лира, пусть лучше произойдетъ разладица между мною и моимъ хоромъ, пусть лучше не соглашаются съ моими мыс- C.
лями многіе люди, чѣмъ быть мнѣ въ разногласіи съ самимъ собою и говорить противное самому себѣ.

Калл. Сократъ! ты, кажется, хочешь забавлять насъ своими рѣчами, какъ настоящій балагуръ. Теперешнія твои разглагольствія происходятъ вслѣдствіе такой же погрѣшности Полоса, въ какой онъ, благодаря тебѣ, обвинилъ Горгіаса. Полосъ говорилъ, что на твой вопросъ Горгіасу: научитъ ли онъ риторикѣ того, кто, пришедши къ нему для полученія уроковъ въ его искуствѣ, не зналъ бы, въ чемъ состоитъ справедливое? Горгіасъ только отъ стыда сказалъ, D.
что научитъ, — сказалъ ради привычки людей досадовать, если кто не приписываетъ себѣ этого. Между тѣмъ такое-то признаніе, продолжалъ Полосъ, и заставило его противорѣчить самому себѣ; а ты и обрадовался. Тогда онъ, какъ мнѣ кажется, довольно посмѣялся надъ тобою, а теперь и самъ потерпѣлъ то же; и я не хвалю его за то особенно, что онъ уступилъ тебѣ, будто наносить обиды — постыднѣе, чѣмъ E.
принимать ихъ. Чрезъ это именно согласіе, произнесенное отъ стыда—сказать, что̀ думалось, ты запуталъ его словами и зажалъ ему ротъ. Въ самомъ-то дѣлѣ, Сократъ, въ такія трудности и площадное балагурство увлекаешь ты обѣщаніемъ изслѣдовать истину, которая прекрасна не по природѣ, а по закону. Но такъ какъ это — законъ и природа — большею частію противны одно другому; то кто стыдится и не

смѣетъ сказать, что̀ думаетъ, тотъ бываетъ принужденъ про-
483. тиворѣчить себѣ. Вотъ что̀ считаешь ты за хитрость и чѣмъ
злонамѣренно изворачиваешься въ своихъ разсужденіяхъ.
Если, то-есть, кто-нибудь говоритъ тебѣ въ смыслѣ зако-
на, — ты спрашиваешь его въ смыслѣ природы; а когда дру-
гіе — въ смыслѣ природы, ты — въ смыслѣ закона. Точно
такъ и теперь, касательно положенія: «наносить обиды и по-
лучать ихъ.» У Полоса выраженіе: «болѣе стыда» прини-
маемо было въ смыслѣ закона, а ты законъ разсматривалъ
въ смыслѣ природы. Вѣдь и дѣйствительно, по природѣ, все
болѣе злое болѣе и постыдно, какъ напримѣръ получать
B. обиды; а по закону, большее зло — наносить ихъ. Да такое-
то состояніе—получать обиды—мужу даже и не свойственно,
а свойственно рабу, для котораго лучше умереть, чѣмъ жить;
потому что, обижаемый и оскорбляемый, онъ не можетъ по-
мочь ни самому себѣ, ни другому, въ комъ принимаетъ уча-
стіе. Я думаю, что налагатели законовъ—такіе же слабые
люди, какъ и чернь; поэтому, постановляя законы, то-есть,
одно хваля, а другое порицая, они имѣютъ въ виду себя и
свою пользу. Движимые опасеніемъ въ отношеніи къ людямъ
C. сильнѣйшимъ, какъ бы, имѣя возможность преобладать, эти
люди не преобладали надъ ними, налагатели законовъ гово-
рятъ, что преобладаніе постыдно и несправедливо, и что домо-
гаться бо̀льшаго предъ другими значитъ—наносить имъ обиду.
Сами будучи хуже, они конечно довольны, когда всѣ имѣютъ
поровну. Посему искать бо̀льшаго предъ многими, въ смыслѣ
закона, называется несправедливымъ и постыднымъ; это зна-
читъ, говорятъ, наносить обиды: а самая-то природа провѣща-
D. ваетъ, думаю, то, что лучшему справедливо будетъ преобла-
дать предъ худшимъ и сильнѣйшему предъ безсильнымъ. Что
это вѣрно,—явствуетъ изъ многаго: и между прочими живот-
ными, и между людьми во всѣхъ городахъ и поколѣніяхъ за-
мѣчается такое сужденіе о справедливомъ, по которому луч-
шій имѣетъ власть и преобладаніе надъ худшимъ. На ка-
комъ понятіи о справедливости основывался Ксерксъ, когда

вооружился противъ Эллады, или—отецъ его, когда напалъ на Скиѳовъ? И такихъ примѣровъ можно привести безчисленное множество. Я думаю, что это дѣлали они по природѣ и — клянусь Зевсомъ — по закону природы, а не по тому, который лѣпимъ и постановляемъ мы, когда, принимая людей отличныхъ и сильнѣйшихъ еще съ измолода, очаровываемъ ихъ волшебными своими напѣвами, какъ львовъ, и
поработивъ ихъ себѣ, говоримъ: надобно всѣмъ имѣть по- 481.
ровну, въ этомъ состоитъ прекрасное и справедливое. Если же, думаю, родился бы мужъ съ достаточною природою; то, стряхнувъ, расторгши и прогнавъ все это, поправъ наши хартіи, чары, обаянія и всѣ противные природѣ законы, онъ возсталъ бы и изъ рабовъ сдѣлался бы нашимъ господиномъ, и отсюда просіяло бы право природы. Эту мою мысль вы-
ражаетъ въ своей пѣсни, кажется, и Пиндаръ, когда гово- B.
ритъ: «законъ есть царь всѣхъ смертныхъ и безсмертныхъ: онъ-то верховною десницею облекаетъ въ правду избытокъ силы и ведетъ природу [1];—свидѣтельствуюсь дѣлами Иракла, когда не купленныхъ...» словъ пѣсни не припомню, а мысль такова: когдаИраклъ угналъ воловъ Иріона, не купивъ ихъ
и не получивъ въ даръ; ибо по природѣ справедливо, что- C.
бы и волъ, и всякое стяжаніе людей худшихъ и низшихъ принадлежали лучшимъ и высшимъ. Да такъ именно и бываетъ: ты узнаешь это, если, оставивъ философію, перейдешь къ чему-либо важнѣйшему. Философія-то, Сократъ, конечно дѣло пріятное, когда кто умѣренно знакомится съ нею

---

[1] Здѣсь указывается на fragmentum Pindari, читаемый въ III томѣ его сочиненій, 76. ed. Heyn. также во II т. p. 640, ed. Boekh. Но тамъ стоитъ: ἄγει βιαίως τὸ δικαιότατον, то-есть, безъ прибавки κατὰ φύσιν. Между тѣмъ Калликлъ учитъ теперь, что право сильнаго покровительствуется природою; да и въ другихъ мѣстахъ сочиненій Платона, напр. Protag. p. 337 D. Legg. III. p. 690 B. IV p. 714 D эти самыя слова Пиндара приводятся съ прибавкою выраженія κατὰ φύσιν. Посему я вношу ее въ свой переводъ Пиндарова стиха и въ настоящемъ случаѣ, полагая, что софисты, съ цѣлію примѣнить его къ подтвержденію своего положенія, могли Пиндаровъ стихъ дополнить словами κατὰ φύσιν.

въ юности [1]: но она гибельна для людей, предающихся ей болѣе надлежащаго; ибо кто, даже и при отличныхъ способностяхъ, философствуетъ долѣе юношескаго возраста, тотъ
D. по необходимости бываетъ неопытенъ во всемъ, въ чемъ долженъ имѣть опытность, если хочетъ быть человѣкомъ прекраснымъ, добрымъ и славнымъ. Такіе люди неопытны и въ законахъ, которыми управляется общество; неопытны и въ искуствѣ слова, которымъ надобно пользоваться въ судебныхъ мѣстахъ, вступая съ другими въ бесѣду частную и общественную; неопытны и въ человѣческихъ удовольствіяхъ и пожеланіяхъ,—вообще незнакомы ни съ какими нравами. Посему, когда они приступаютъ къ извѣстному
E. частному, либо гражданскому дѣлу, то бываютъ весьма смѣшны, вѣроятно какъ и политики, если они мѣшаются въ ваши разсужденія и умствованія. Тогда оправдывается мысль Еврипида [2]:

---

[1] Не вдругъ можно понять, что̀ разумѣетъ Калликлъ подъ именемъ философіи, когда занятіе ею почитаетъ дѣломъ благовременнымъ и пріятнымъ только въ юности. Извѣстно, что софисты, какъ показываетъ самое имя ихъ, преподавали дѣтямъ науку мудрости, которую они понимали въ значеніи навыка о всемъ разсуждать и все либо доказывать, либо опровергать, не смотря на природу предмета, а слѣдуя собственному произволу. Такое направленіе софистики, кромѣ многихъ другихъ мѣстъ въ діалогахъ Платона, особенно ясно и опредѣленно указывается въ его Эвтидемѣ. Поэтому философію Калликлъ разумѣлъ, какъ діалектическую игрушку, назначенную для развитія въ дѣтяхъ способности умничанья и изворотливости въ мышленіи, причемъ не только позволялось, но и требовалось искуcтво быстро составлять всевозможные софизмы. Явно, что это шутовское умничанье, вовсе не имѣвшее въ виду истиннаго и добраго, скорѣе достойно было наказанія, чѣмъ имени философіи, и нисколько не походило на философію Сократа, которая стремилась истину сроднить съ жизнію и вездѣ искала добродѣтсли и знанія въ совершенной гармоніи.

[2] Эти стихи Еврипида взяты изъ его Антіопы. Они высказаны Зиѳомъ брату его Амфіону, что̀ явствуетъ изъ Schol. и Olimpiodor. Валькенарій (Diatrib. p. 70) устанавливаетъ ихъ такъ:

— ἐν τούτῳ γέ τοι
Λαμπρὸς δ'ἕκαστος κα' πὶ τοῦτ' ἐπείγεταί,
Νέμων τὸ πλεῖστον ἡμέρας τούτῳ μερος,
'Ιν' αὐτὸς αὑτοῦ τυγχάνει κράτιστος ὤν.

Отличный въ какомъ-нибудь дѣлѣ
Къ нему и стремится,
Ему посвящаетъ часть большую дня,
Чтобъ быть самого себя превосходнѣй.

А въ чемъ кто слабъ, отъ того убѣгаетъ, то бранитъ 485.
и, по благосклонности къ самому себѣ, хвалитъ другое, полагая, что такимъ образомъ хвалитъ самого себя. Между тѣмъ, по моему мнѣнію, дѣло самое правильное — имѣть знакомство съ тѣмъ и другимъ. Хорошо заняться и философіею, сколько это нужно для образованія, и мальчику пофилософствовать не мѣшаетъ: но кто уже состарѣлся, а все еще философствуетъ, тотъ дѣлаетъ себя, Сократъ, предметомъ, достойнымъ смѣха; подобные философы возбуждаютъ
во мнѣ такое же чувство, какое болтуны и шуты. Если B.
болтливость и шутки я слышу отъ дитяти, къ которому такой разговоръ идетъ, то радуюсь,—эта развязность мнѣ нравится и дѣтскому возрасту кажется приличною; между тѣмъ какъ рѣчь основательная съ его стороны показалась бы дѣломъ непріятнымъ, оскорбила бы слухъ мой и была бы чѣмъ-то рабскимъ. Напротивъ, когда болтливость и
шутки слышишь отъ человѣка возмужалаго, то представ- C.
ляешь его смѣшнымъ, незрѣлымъ и заслуживающимъ тѣлеснаго наказанія. Точно такое же чувство возбуждается во мнѣ и по отношенію къ людямъ философствующимъ. Видя философію въ ранней юности, я восхищаюсь;—тогда она кажется благовременною — и человѣка философствующаго въ этомъ возрастѣ почитаю какъ-то развязнымъ, а не философствующаго неразвязнымъ и неготовымъ ни къ какому хорошему и благородному дѣлу: напротивъ, когда
вижу, что философствовать не перестаетъ и старикъ, тогда D.
думаю, Сократъ, что онъ стóитъ тѣлеснаго наказанія. Вѣдь я сейчасъ говорилъ, что человѣкъ, даже и съ отличными способностями, не имѣетъ зрѣлости мужа, если бѣгаетъ общественныхъ сходбищъ и площадей, гдѣ, по сло-

вамъ поэта, [1], мужи пріобрѣтаютъ знаменитость; но спрятавшись въ углу, проводитъ остальную жизнь въ шопотѣ съ тремя или четырьмя мальчишками, а слова открытаго,
E. великаго и полезнаго никогда не произноситъ. Я расположенъ къ тебѣ, Сократъ, весьма дружески, и питаю едва ли не такое же чувство, какое въ помянутомъ стихотвореніи Еврипида питалъ Зиѳъ къ Амфіону [2]; потому что и самъ долженъ сказать то же самое тебѣ, что́ тотъ сказалъ своему брату, то-есть: ты не заботишься, Сократъ, о томъ, о чемъ надлежало бы заботиться, и «столь благородную
486. природу души украшаешь какою-то дѣтскою забавою; въ судебныхъ мѣстахъ ты не предлагаешь дѣльной рѣчи, не

---

[1] *По словамъ поэта,* разумѣется Омира; потому что его часто означали просто нарицательнымъ именемъ «поэтъ». Здѣсь имѣются въ виду слова Iliad. IX v. 441.

Въ сонмахъ совѣтныхъ не опытенъ, гдѣ прославляются мужи.

[2] Въ Еврипидовой Антіопѣ братья Зиѳъ и Амфіонъ порицаютъ другъ друга за привычныя имъ занятія: Амфіонъ Зиѳа — за преданность его корыстолюбію, а Зиѳъ Амфіона—за любовь его къ музыкѣ. Валькенаръ (Diatrib. p. 75) читаетъ эти стихи такъ:

Ἄμφιον, ἀμελεῖς ὧν ἐπιμελεῖσθαι σὲ δεῖ,
Ἀισχρῶς τε, ψυχῆς ὧδε γενναία φύσις,
Γυναικομίμῳ διαπρέπεις μορφώματι.

И слѣдующія далѣе слова: *οὔτ᾽ ἂν δίκης βουλαισι* и проч. имѣютъ также характеръ поэтическій и взяты, равнымъ образомъ, изъ Еврипида. Валькенаръ излагаетъ ихъ такъ:

Οὔτ᾽ ἐν δίκης βούλαισιν ὀρθῶς ἂν λόγον
Προθεῖο πιθανὸν, οὔτ᾽ ἂν ἀσπίδος ποτὲ
Κύτει γ᾽ ὁμιλήσειας, οὔτ᾽ ἄλλων ὕπερ
Νεανικὸν βούλευμα βουλεύσαιο τι.
— — — *ἀλλ᾽ ἐμοὶ πιθοῦ,*
Παῦσαι δ᾽ ἀοιδῶν· πολεμίων δ᾽ εὐμουσίαν
Ἄσκει. Τοιαῦτ᾽ ἄειδε καὶ δόξεις φρονεῖν,
Σκάπτων, ἀρῶν γῆν, ποιμνίοις ἐπιστατῶν,
Ἄλλοις τὰ κομψὰ ταῦτ᾽ ἀφεὶς σοφίσματα,
Ἐξ ὧν κενοῖσιν ἐγκατοικήσεις δόμοις.

Всѣ эти убѣжденія Зиѳа Калликлъ принялъ какбы за самую приличную тему для изложенія своихъ убѣжденій Сократу и для отклоненія его отъ философіи, къ которой онъ имѣлъ столь же мало сочувствія, сколь мало сочувствовалъ Зиѳъ музыкѣ Амфіона.

берешь чего-либо вѣроятнаго и правдоподобнаго, и ловкимъ совѣтомъ не становишься выше другаго.»—И въ правду, любезный Сократъ, — да не сердись на меня, потому что говорю отъ добраго къ тебѣ расположенія,—ужели не стыдно находиться тебѣ въ такомъ состояніи, въ какомъ, по моему мнѣнію, находитесь — ты и другіе, всегда далеко простирающіе свою философію? Вѣдь еслибы тебя, либо иного такого же, кто взялъ и отвелъ въ тюрьму, говоря, что ты обидѣлъ его,—хотя вовсе не обижалъ;—будь увѣренъ, тебѣ не найтись бы, какъ тутъ поступить: ты заикался бы, разинулъ бы ротъ и не могъ бы ничего сказать; B.
потомъ, приведенный въ судъ, — предположимъ, что твой обвинитель—человѣкъ очень дурнаго и злаго сердца,—ты умеръ бы, лишь бы только онъ захотѣлъ приговорить тебя къ смерти. Такъ мудро ли это, Сократъ, когда и прекрасное по природѣ искуство дѣлаетъ человѣка худшимъ [1], безсильнымъ для поданія помощи самому себѣ и для избавленія отъ величайшихъ опасностей—себя ли то, или кого другаго, такъ что враги разграбляютъ все его достояніе, и онъ живетъ въ обществѣ, будто человѣкъ безчестный? Да такого,—не взыщи за грубость выраженія,—можно да- C.
же ударить по щекѣ, не подвергаясь за то наказанію. Итакъ послушайся меня, добрякъ, перестань обличать, занимайся дѣлами благоприличными, чѣмъ обнаруживалось бы твое благоразуміе, а этотъ высокопарный вздоръ, эти, какъ бы ихъ назвать, мечты или болтовню, съ которою

---

[1] *Когда и прекрасное по природѣ искуство дѣлаетъ человѣка худшимъ.* Эти слова Валькенаръ почитаетъ также заимствованными изъ Еврипида и излагаетъ ихъ такъ:

Καὶ πῶς σοφὸν τοῦτ᾽ ἔστιν, εἴ τιν᾽ εὐφυᾶ
Λαβοῦσα τέχνη φῶτ᾽ ἔθηκε χείρονα
— — Μήτ᾽ αὐτὸν αὐτῷ δυνάμενον γ᾽ ἐπαρκέσαι.

Валькенаріево мнѣніе подтверждается и употребленіемъ словъ *ἔθηκε χείρονα* вмѣсто *ἐποίησε χείρονα*, также *φῶτα* вмѣсто *ἄνθρωπον*; потому что указанныя слова въ такихъ сочетаніяхъ имѣютъ характеръ поэтическій.

придется жить «въ пустыхъ домахъ,» предоставь другимъ. Подражай не тѣмъ, которые обличаютъ эти мелочи, а тѣмъ,
D. которые наслаждаются и жизнію, и славою, и многими другими благами.

Сокр. Еслибы мнѣ случилось имѣть душу золотую, Калликлъ, — не обрадовался ли бы я, думаешь, нашедши превосходнѣйшій изъ тѣхъ камней, которыми пробуютъ золото, чтобы, потеревъ его своею душею и удостовѣрившись въ ея добротѣ, мнѣ знать, что такая душа для меня достаточна, и что другаго оселка не нужно?

E. *Калл.* Къ чему жъ это такой вопросъ, Сократъ?

Сокр. Сейчасъ скажу. Встрѣтившись съ тобою, кажется, я попалъ точно на такую находку.

Калл. На какую именно?

Сокр. Я увѣренъ, что тѣ помыслы моей души, съ которыми ты соглашаешься, будутъ непремѣнно истинны;
487. ибо понимаю, что кто намѣренъ попробовать, хорошо ли, правильно ли живетъ онъ по душѣ, или нѣтъ, тотъ долженъ имѣть три принадлежности, которыя всѣ у тебя есть, именно: знаніе, благорасположеніе и откровенность. Сталкиваюсь я со многими; но они не могутъ пробовать меня,
B. потому что не мудры, какъ ты. А эти иностранцы,—Горгіасъ и Полосъ, хоть и мудры, и дружны со мною, да имъ недостаетъ смѣлости [1], они стыдливы болѣе надлежащаго. Какъ же! — дошли до такой стыдливости, что̀ каждый изъ нихъ отъ стыда рѣшается, въ присутствіи многихъ людей, противорѣчить самому себѣ, и притомъ касательно предметовъ особенной важности! Напротивъ у тебя есть все, чего другіе не имѣютъ. Ты достаточно ученъ, что̀ могутъ подтвердить многіе Аѳиняне, и расположенъ ко мнѣ. А на
C. какомъ основаніи такъ думаю, скажу тебѣ. Я знаю васъ, Калликлъ, четырехъ товарищей по мудрости: тебя, Ти-

---

[1] *Имъ не достаетъ смѣлости—παῤῥησίας*; указываетъ на безстыдство Калликла, съ которымъ онъ говорилъ о философіи и личности Сократа.

зандра афиднейскаго [1], Андрона сына Андротіонова и Навзикида холаргейскаго. Когда-то слышалъ я, какъ вы разсуждали, до какой степени надобно заниматься мудростію, и знаю, что въ то время у васъ побѣда осталась на сторонѣ мнѣнія, что не должно пускаться въ философскія тонкости; тогда вы убѣждали другъ друга остерегаться, D.
какъ бы, сдѣлавшись мудрѣе надлежащаго, вамъ невзначай не погибнуть. Поэтому, слыша, что ты и мнѣ то же совѣтуешь, что̀ совѣтовалъ самымъ короткимъ своимъ друзьямъ, я почитаю это достаточнымъ признакомъ твоего ко мнѣ расположенія. А что въ тебѣ есть способность откровенничать и не стыдиться, — говоритъ за тебя та самая рѣчь, которую ты сейчасъ сказалъ мнѣ. Итакъ касательно этого предмета наше дѣло теперь будетъ состоять въ слѣду- E.
ющемъ. На что̀ въ продолженіе разговора ты дашь мнѣ свое согласіе, то будетъ уже достоточно испытаннымъ мною и тобою, и того уже не понадобится пробовать на иномъ оселкѣ. Вѣдь ты никогда не уступалъ мнѣ ни по недостатку мудрости, ни по избытку стыдливости, ни по тому, что хотѣлъ бы обмануть меня; ибо самъ же говоришь, что питаешь ко мнѣ чувство дружбы. Стало-быть мое и твое согласіе несомнѣнно закончитъ истину. Но вопросъ изъ всѣхъ самый прекрасный, по поводу котораго ты укорялъ меня, Калликлъ, есть слѣдующій: какимъ надобно быть человѣку старому и молодому? что̀ долженъ онъ дѣлать и до какой степени? Вѣдь если я въ своей жизни дѣлаю что-ни- 488.
будь не такъ; — знай, что погрѣшаю не по охотѣ, а по моему невѣжеству. Такъ ты, начавъ вразумлять меня, не отставай, но достаточно покажи, что̀ такое долженъ я дѣлать и какимъ образомъ дойти до этого. И если увидишь, что теперь я согласился съ тобою, а въ послѣдующее время не дѣлаю того, въ чемъ согласился,—почитай меня со-

---

[1] *Тизандра афиднейскаго.* Афидны и Холаргисъ были два аттическія селенія: одно—въ трибѣ Эантидской, другое—въ Акамантидской. Schol. ad. h. I. Объ Андронѣ см. Протаг. 315 C.

B. вершеннымъ лѣнтяемъ и уже никогда не наставляй, какъ человѣка ничего не стоющаго. Возми же сначала: Какъ это ты и Пиндаръ говорили о справедливомъ по природѣ? такъ ли, что высшій располагаетъ дѣлами низшихъ, лучшій начальствуетъ надъ худшими, сильнѣйшій преобладаетъ въ сравненіи съ слабѣйшимъ? Иное-ли что нибудь называешь ты справедливымъ, или я вспомнилъ вѣрно?

Калл. Да, это самое и тогда говорилъ я, и теперь говорю.

C. *Сокр.* Но лучшимъ и высшимъ одного ли и того же называешь ты? Вѣдь тогда-то я не могъ узнать, чтò ты говоришь. Сильнѣйшіе не получаютъ ли у тебя и имени высшихъ, которыхъ должны слушаться низшіе? Тогда, какъ мнѣ кажется, было тобою доказываемо, что большіе города по природѣ справедливо нападаютъ на малые, потому что они выше и сильнѣе; а высшее, сильнѣйшее и лучшее—одно и то же. Или лучшему можно быть низшимъ и слабѣйшимъ, а высшему — худшимъ? Одно ли и то же
D. опредѣленіе лучшаго и высшаго? Опредѣли мнѣ ясно: высшее, лучшее и сильнѣйшее есть ли то же самое, или все это различно?

Калл. Ясно говорю тебѣ, что то же самое.

Сокр. Но большинство, по природѣ, не выше ли одного? И оно-то, какъ ты самъ сейчасъ говорилъ, даетъ законы одному.

Калл. Какъ же иначе!

Сокр. Слѣдовательно законоположеніе большинства есть законоположеніе высшихъ.

Калл. Конечно.

E. *Сокр.* Стало быть, и лучшихъ? ибо высшіе, по твоему мнѣнію, много лучше.

Калл. Да.

Сокр. Но законоположеніе ихъ, такъ какъ они и высшіе, не есть ли законоположеніе, по природѣ, прекрасное?

Калл. Согласенъ.

Сокр. А большинство не такъ ли думаетъ, какъ ты сейчасъ же говорилъ, что, то-есть, справедливо имѣть поровну, и что постыднѣе наносить, чѣмъ принимать обиду? 489.
Такъ или нѣтъ? Смотри, какъ бы тебѣ не попасться въ стыдѣ. Думаетъ ли большинство, или не думаетъ, что справедливо имѣть поровну, а не болѣе, и что постыднѣе наносить, чѣмъ принимать обиду? Не отказывайся отвѣчать мнѣ на это, Калликлъ, чтобы, если ты согласишься со мною, я могъ сослаться на тебя, какъ на человѣка, признавшаго себя способнымъ различать вещи.

Калл. Большинство-то конечно такъ думаетъ.

Сокр. Стало-быть, не по закону только постыднѣе наносить, чѣмъ принимать обиду, и справедливо имѣть поровну;—этого требуетъ и природа. Такъ ты предъ этимъ B.
говорилъ вѣроятно неправду и напрасно осуждалъ меня на томъ основаніи, будто законъ и природа взаимно противны, и будто бы, зная это, я злоупотребляю словами, то-есть, когда кто говоритъ по природѣ,—навожу на законъ, а какъ скоро разсуждаютъ по закону,—обращаюсь къ природѣ.

Калл. Этотъ человѣкъ не перестанетъ пустословить! Скажи мнѣ, Сократъ, не стыдно ли тебѣ быть такимъ, — ловить слова и, если кто ошибся въ выраженіи, считать это находкою? Можешь ли ты полагать, что высшими я C.
называю кого-нибудь, кромѣ лучшихъ? Не говорилъ ли я давно, что лучшее и высшее, по моему мнѣнію, — одно и то же? Какъ тебѣ думать, будто законоположеніемъ я сочту даже слова грязной толпы рабовъ и кое-какихъ людей, не имѣющихъ въ себѣ ничего, кромѣ, можетъ быть, тѣлесной силы?

Сокр. Положимъ, мудрѣйшій Калликлъ. Такъ это твоя мысль?

Калл. Безъ сомнѣнія.

Сокр. Я и самъ давно уже догадываюсь, счастливецъ, D.
что подъ именемъ высшаго ты разумѣешь что-нибудь этакое, и своими вопросами добиваюсь только яснаго о томъ понятія. Ужъ тебѣ ли конечно признать лучшими, двухъ

чѣмъ одного, и рабовъ своихъ—лучшими, чѣмъ ты, поколику они сильнѣе тебя! Такъ скажи опять сначала, что̀ разумѣешь ты подъ словомъ «лучше», если не разумѣешь сильнѣйшихъ? Да преподай мнѣ это спокойнѣе, чудный че-
E. ловѣкъ, чтобы я не ушелъ отъ тебя.

Калл. Шутишь, Сократъ.

Сокр. Нѣтъ, Калликлъ, клянусь Зиѳомъ, именемъ котораго ты сейчасъ долго шутилъ надо мною. Скажи-ка, пожалуй-ста, кого называешь ты лучшими?

Калл. Я—превосходнѣйшихъ.

Сокр. Видишь ли? самъ только перебираешь имена, ничего не объясняя. Не бойсь, не скажешь, что лучшими и высшими называешь либо умнѣйшихъ, либо кого другаго?

Калл. Но клянусь Зевсомъ, что этихъ-то именно я и разумѣю.

Сокр. Слѣдовательно иногда одинъ умный, по твоему
490. мнѣнію, выше тысячи неразумныхъ, и первый долженъ быть начальникомъ, а послѣдніе — подчиненными; начальнику же слѣдуетъ преобладать предъ подчиненными. Это-то, кажется, хочешь ты сказать,—и тутъ я не ловлю словъ,—если одинъ выше тысячи.

B. *Калл.* Да, это самое говорю я; ибо это самое почитаю справедливымъ по природѣ, чтобы, то-есть, лучшій и разумнѣйшій начальствовалъ и преобладалъ предъ тѣми, которые хуже его.

Сокр. Помни же это и смотри, что̀ ты опять говоришь. Еслибы всѣ люди, какъ и мы теперь, находились въ одномъ мѣстѣ, и у всѣхъ насъ вообще было много пищи и питья, а между тѣмъ наше общество состояло бы изъ лицъ разнаго рода,—изъ людей сильныхъ и слабыхъ, и одинъ изъ насъ, какъ врачь, былъ бы въ этомъ отношеніи умнѣе, хотя сравнительно съ иными имѣлъ бы больше, а съ другими—меньше силы; то не правда ли, что этого умнѣйшаго изъ насъ въ упомянутомъ отношеніи надлежало бы почитать лучшимъ и высшимъ?

Калл. Конечно.

Сокр. Но, какъ лучшій, долженъ ли онъ изъ этой пищи C.
имѣть часть болѣе нашей, или какъ начальникъ, обязанъ раздѣлить все, раздѣляя же и употребляя все, не откладывать бо́льшей части для собственнаго тѣла, если не хочетъ повредить себѣ, но однимъ давать болѣе, другимъ менѣе, и если наилучшему случится быть слабѣе всѣхъ, то меньше всѣхъ ему и достанется, Калликлъ? Не такъ ли, добрякъ?

Калл. Ты говоришь о пищѣ и питьѣ, о врачахъ и пустякахъ; а я—не о томъ.

Сокр. Но не говоришь ли ты, что кто умнѣе, тотъ лучше? Да, или нѣтъ? D.

Калл. Да.

Сокр. А лучшій не долженъ ли имѣть больше?

Калл. Однакожъ не пищи и не питья.

Сокр. Понимаю; такъ, можетъ быть, одеждъ? Поэтому имѣть самое большое платье и ходить въ многочисленныхъ и самыхъ красивыхъ одеждахъ слѣдуетъ наилучшему ткачу?

Калл. Что̀ за одежды!

Сокр. Ну такъ явно,—обуви. То-есть, имѣть ея больше долженъ умнѣйшій въ этомъ отношеніи и лучшій. Значитъ, прогуливаться въ самыхъ большихъ сапогахъ и надѣвать ихъ много слѣдуетъ сапожнику. E.

Калл. О какой обуви болтаешь ты?

Сокр. А если не это твоя мысль, такъ, можетъ быть, слѣдующая: не разумѣешь ли ты умнаго въ отношеніи къ землѣ, то-есть прекраснаго и добраго земледѣльца? видно, онъ-то долженъ имѣть болѣе сѣмянъ и какъ можно болѣе употреблять ихъ для своей земли?

Калл. Ты, Сократъ, всегда толкуешь одно.

Сокр. Не только одно, Калликлъ, но и объ одномъ.

Калл. Клянусь богами, ты просто-таки не перестаешь 491.
говорить о башмачникахъ, валяльщикахъ, поварахъ, да врачахъ, какъ будто о нихъ у насъ рѣчь.

Сокр. Такъ не объявишь ли, въ отношеніи къ чему высшій и умнѣйшій имѣетъ право преобладать? Или ты и моихъ предположеній не примешь, и самъ не скажешь?

Калл. Да вѣдь давно уже говорю [1]. И во-первыхъ, высшими, какіе есть, я называю не сапожниковъ и пова-
B. ровъ, а тѣхъ людей, которые умны въ отношеніи къ дѣламъ гражданскимъ,—какимъ бы образомъ получше жить, и нетолько умны, но и мужественны, способны осуществлять свои помыслы, а не утомляться отъ слабодушія.

Сокр. Замѣчаешь ли, наилучшій человѣкъ, Калликлъ, что ты упрекаешь меня не въ томъ, въ чемъ я тебя? Ты утверждаешь, что я говорю всегда одно, и за то порицаешь меня; а я осуждаю въ тебѣ противное, что объ одномъ и
C. томъ же ты никогда не говоришь одного и того же. Лучшими и высшими сперва называлъ ты сильнѣйшихъ, потомъ умнѣйшихъ, а теперь хочешь назвать опять кого-то другаго, — теперь подъ именемъ высшихъ и лучшихъ разумѣешь какихъ-то мужественныхъ. Скажи же окончательно, добрый Калликлъ, кого и въ чемъ называешь ты лучшими и высшими?

Калл. Но я уже сказалъ, что это—люди умные и му-
D. жественные въ дѣлахъ гражданскихъ. Имъ-то свойственно начальствовать надъ городами, и они-то по справедливости должны преобладать предъ другими, какъ начальники предъ подчиненными.

Сокр. Что жъ? а въ отношеніи къ себѣ, другъ мой, начальниками ли должны быть они, или подчиненными?

Калл. Какъ это?

Сокр. Я говорю́, что каждый начальствуетъ самъ надъ

---

[1] *Да вѣдь давно уже говорю.* Между тѣмъ Калликлъ говоритъ здѣсь совсѣмъ не то, что̀ прежде. Такова бываетъ вообще увертливость дерзкаго, но неосновательнаго мышленія! Притомъ, настоящую свою рѣчь онъ начинаетъ словомъ: *и во-первыхъ*, послѣ котораго надлежало ожидать *во-вторыхъ*, и такъ далѣе, — вообще, какого-то порядка мыслей: а между тѣмъ софистъ пугаетъ только словами, на самомъ же дѣлѣ первый вопросъ Сократа обнаруживаетъ крайнюю непослѣдовательность друга Горгіасова.

собою. Или начальствовать самому надъ собою не нужно, а только надъ другими?

Калл. Чтò ты говоришь,—начальствовать надъ собою?

Сокр. Ничего хитраго. Я говорю, какъ обыкновенно говорятъ: быть разсудительнымъ, удерживать самого себя, начальствовать надъ своими страстями и пожеланіями. E.

Калл. Куда ты любезенъ! простаковъ называешь разсудительными.

Сокр. Какъ? совсѣмъ нѣтъ. Всякій знаетъ, что я не это разумѣю.

Калл. Именно это самое, Сократъ. Да какъ быть счастливымъ человѣку, который чему-нибудь рабствуетъ? Теперь говорю тебѣ смѣло: по природѣ то-то и прекрасно, то-то и справедливо, что намѣревающійся жить надлежащимъ образомъ собственныя пожеланія оставляетъ во всей силѣ и не обуздываетъ ихъ, но, сколь бы велики они ни были, удовлетворяетъ имъ посредствомъ мужества и благоразу- 492.
мія и осуществляетъ все, чего бы ни захотѣлось. Для черни это, думаю, невозможно. Посему, прикрывая свое безсиліе, она отъ стыда бранитъ такихъ людей, и невоздержаніе называетъ, конечно, дѣломъ постыднымъ. Такъ я и прежде говорилъ: поработивъ себя людямъ, по природѣ лучшимъ, и не будучи въ состояніи сама удовлетворить сво- B.
имъ похотямъ, она хвалитъ разсудительность и справедливость ради собственнаго малодушія. Но кому сначала пришлось бы либо быть дѣтьми царей, либо, обладая естественными способностями, самимъ достигнуть какой-нибудь власти, тиранніи, или господства; для тѣхъ, по истинѣ, чтò было бы постыднѣе и хуже разсудительности и справедливости? Кто имѣетъ возможность наслаждаться благами безъ всякой помѣхи, тѣмъ нужно ли поставлять надъ собою господиномъ законъ, толки и порицаніе простаго народа? Да и C.
какъ не жалки были бы они съ этою прекрасною справедливостію и разсудительностію, когда бы, даже облеченные властію надъ городомъ, не могли друзьямъ своимъ дать болѣе,

чѣмъ врагамъ! По существу-то истины, которой ты ищешь, Сократъ, должно быть такъ: роскошь, невоздержаніе и свобода, если онѣ имѣютъ опору,—вотъ добродѣтель и счастіе! а всѣ прочія размалеванныя представленія, всѣ эти противныя природѣ сплетенія есть нестоющая вниманія человѣческая болтовня.

D. *Сокр.* О, да ты свою рѣчь, Калликлъ, развиваешь довольно отважно; потому что высказываешь теперь то, о чемъ другіе хоть и мыслятъ, но чего говорить не рѣшаются. Прошу же тебя отнюдь не спускаться, чтобы въ самомъ дѣлѣ обнаружилось, какъ надобно жить. Скажи же мнѣ: пожеланій, говоришь ты, обуздывать не должно, если хочешь быть какимъ слѣдуетъ, а должно оставлять ихъ во всей силѣ и готовить имъ удовлетвореніе, откуда бы то ни было,—и это называешь добродѣтелію?

Калл. Я говорю такъ.

E. *Сокр.* Слѣдовательно люди, ничего не требующіе, несправедливо называются счастливыми [1]?

Калл. Да тогда-то самыми счастливыми существами были бы камни и мертвецы.

Сокр. Однакожъ и такая жизнь, какую ты разумѣешь, весьма бѣдственна. По крайней мѣрѣ, въ этомъ случаѣ, нечему удивляться, если слѣдующіе стихи Еврипида [2] заключаютъ въ себѣ истину:

Кто знаетъ: жизнь не есть ли смерть,
А смерть не есть ли жизнь?

---

[1] *Люди, ничего не требующіе, несправедливо называются счастливыми?*— Этотъ отрицательный вопросъ указываетъ на положительное мнѣніе Сократа, о которомъ говоритъ Ксенофонтъ (Memor. 1, 6. 5): не имѣть ни въ чемъ нужды свойственно богамъ, а имѣть нужду въ немногомъ—свойственно тѣмъ, которые приближаются къ Богу. Впрочемъ, это ученіе частнѣе приписывается философамъ школы кинической.

[2] Эти стихи, по Схоліасту, заимствованы изъ басни Φρίξος; но съ бóльшею вѣроятностію они могутъ быть найдены въ Πολυίδος. *Gataker.* Advers. Misc. I. X. p. 523.

Можетъ быть, мы и въ самомъ дѣлѣ умерли, что̀ я уже и 493.
слышалъ отъ одного мудреца, по словамъ котораго, мы теперь мертвы, и тѣло—нашъ гробъ, а часть души, заключающая въ себѣ пожеланіе, есть какбы нѣчто измѣняющееся въ своихъ убѣжденіяхъ (ἀναπείθεσαι), нѣчто перепадающее (μεταπίπτειν) туда и сюда. Это-то конечно одинъ высокоумный мужъ [1] изъ баснослововъ,—Сициліецъ ли онъ, или Италіянецъ—измѣнивъ немного имя и приспособляясь къ словамъ πιθανόν и πιστικόν (удобоубѣдимость и довѣрчивость), назвалъ πίθον (бочкою), а безсмысленнымъ далъ названіе ἀμυήτων — непосвященныхъ или незагражденныхъ; въ непосвященныхъ же B.
или незагражденныхъ часть души, содержащую въ себѣ пожеланія, то-есть невоздержность и незамкнутость силы пожелательной, за ея ненасытность, уподобилъ дырявой бочкѣ. Такимъ образомъ онъ доказываетъ противное тебѣ, Калликлъ. Въ адѣ,—а адъ, по его мнѣнію, есть нѣчто невидимое [2]—эти непосвященные (т. е. незакупоренные), должно

---

[1] *Одинъ высокоумный мужъ*, по всей вѣроятности, Эмпедоклъ. *Sturzius* in Empedocle p. 13. sqq. et 19 sqq. То же замѣчаютъ Схоліастъ и Олимпіодоръ: οἷον Ἐμπεδοκλῆς· Πυθαγόρειος γὰρ ἦν οὗτος, ὑπῆρχε δὲ Ἀκραγαντῖνος. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что̀, по словамъ Симплиція (ad Aristot. de Coel. p. 129), онъ училъ μυθικώτερον ὡς ποιητής. Да и не безъ причины, конечно, Платонъ здѣсь указываетъ на него. Извѣстно, что Горгіасъ считался любителемъ Эмпедокловыхъ представленій, на что Сократъ шутливо намекаетъ и въ Менонѣ (p. 76 A). Поэтому, приводя миѳическое сказаніе Эмпедокла, Платонъ вмѣстѣ съ тѣмъ ссылается какбы на убѣжденіе самого Горгіаса и его учениковъ, и оттого-то, можетъ быть, о высокоученомъ мужѣ-баснословѣ говоритъ съ нѣкоторою неопредѣленностію,—Сициліецъ ли онъ, или Италіянецъ; ибо Горгіасъ, по рожденію, происходилъ изъ Сициліи, а по ученію, казался Италіянцемъ, то-есть, чрезъ Эмпедокла, походилъ на послѣдователя Пиѳагорова.

[2] *Адъ есть нѣчто невидимое*, τὸ ἀειδὲς δὴ λέγων. То-есть, адомъ Сократъ называетъ мѣсто не мрачное, а невидимое; такъ что τὸ ἀειδὲς и ᾅδου противуполагается τῷ ὁρατῷ. Это прибавляетъ онъ съ цѣлію — научить, что изложенный миѳъ говоритъ о жалкой участи въ адѣ людей, преданныхъ пожеланіямъ; потому что, непрестанно стремясь удовлетворять имъ, они тамъ никогда не въ состояніи утолить своей жажды. Crescit indulgens sibi dirus hydrops, nec sitim pellit, nisi causa morbi fugerit venis. О такомъ же наказаніи нечестивыхъ приводятся разсказы поэтовъ и въ Платоновомъ Государствѣ (II. p. 363 D).

быть, весьма несчастны: они въ дырявую бочку носятъ воду другою дырявою вещію—рѣшетомъ. Подъ словомъ же «рѣ-
C. шето», по объясненію моего собесѣдника, разумѣется душа; и душу людей немысленныхъ, какбы дырявую, онъ уподобилъ рѣшету, поколику она, страдая непостоянствомъ (δι' ἀπιστίαν) и забвеніемъ, не можетъ быть закупорена. Все это конечно страшновато, однакожъ ясно открываетъ, чтò хотѣлъ бы я доказать тебѣ, еслибы могъ убѣдить тебя перемѣниться и, вмѣсто жизни ненасытной и невоздержной, избрать жизнь благонравную и всегда довольствующуюся настоящимъ. Но буду ли я убѣдителенъ? перемѣнишь ли ты свой образъ мыслей и примешь ли мнѣніе, что благонравные счастливѣе невоздержныхъ? Или напротивъ — сколько бы
D. мнѣ ни пересказать подобныхъ басенъ, ты нимало не перемѣнишься?

Калл. Послѣднее больше вѣрно, Сократъ.

Сокр. Постой однакожъ; я раскрою тебѣ еще одно подобіе изъ той же школы, изъ которой взято и это. Смотри-ка: жизни разсудительной и жизни невоздержной не найдешь ли ты похожими на то, какъ еслибы у каждаго изъ двухъ человѣкъ было множество бочекъ? У одного они пусть будутъ
E. цѣлы и наполнены то виномъ, то медомъ, то молокомъ, вообще—многія многими, рѣдкими и нелегко пріобрѣтаемыми жидкостями, изъ которыхъ всякая, то-есть, пріобрѣтается тяжелыми и великими трудами: стало быть, наполнивъ ихъ, онъ уже и не доливаетъ, не заботится, но въ отношеніи къ нимъ покоенъ. У другаго напротивъ жидкости столь же-таки неудобосинскиваемы и съ трудомъ пріобрѣтаются, какъ и у перваго, да еще и сосуды-то дырявы, — протекаютъ: поэто-
499. му онъ принужденъ доливать ихъ денно и нощно, или испытывать крайнее мученіе. Если же жизнь того и другаго дѣйствительно такова, то которую назовешь ты болѣе счастливою,—жизнь ли человѣка невоздержнаго, или благонравнаго? Говоря это, расположу ли я тебя къ согласію, что благонравный живетъ лучше невоздержнаго, или не расположу?

Калл. Не расположишь, Сократъ; потому что тотъ, съ полными бочками, уже не чувствуетъ никакого удовольствія, но какъ я сейчасъ сказалъ, живетъ подобно камню, то-есть, наполнивъ ихъ, и не радуется и не скорбитъ. Жизнь прі- B.
ятная напротивъ могла бы быть та, въ которой совершалось бы наиболѣе притоковъ.

Сокр. Но не необходимо ли, по краней мѣрѣ, чтобы, при множествѣ втеченій, много и уходило, и для истоковъ были какой-нибудь величины скважины?

Калл. Безъ сомнѣнія.

Сокр. Стало быть, ты говоришь о жизни не мертвеца и не камня, а турухтана. [1] Скажи мнѣ, не поставляешь ли ты жизни и въ томъ, чтобы алкать и, алкая, ѣсть?

Калл. Да.

Сокр. Чтобы жаждать и, жаждая, пить?

Калл. Говорю тебѣ, что счастливо жить—значитъ имѣть C.
всѣ вообще пожеланія и, бывъ въ состояніи удовлетворять имъ, радоваться.

Сокр. Прекрасно, добрякъ, продолжай, какъ началъ; только бы не стыдиться. Впрочемъ и я, какъ видно, стыдиться не долженъ. Во-первыхъ, скажи мнѣ: быть въ чесоткѣ, чувствовать зудъ, имѣть возможность чесаться, сколько угодно, и проводить жизнь въ чесаніи себя—значитъ ли жить счастливо?

Калл. Какъ это нелѣпо, Сократъ! ты просто площадной D.
разсказчикъ.

Сокр. Да, Калликлъ, Полоса и Горгіаса, можетъ быть, я въ самомъ дѣлѣ изумилъ и привелъ въ стыдъ: а тебя, не бойсь, не изумишь и не пристыдишь; ты мужественъ. Отвѣчай однако.

---

[1] *Турухтанъ* — χαραδριὸς, птица, живущая въ разсѣлинахъ горъ и чрезвычайно прожорливая, по Схоліасту, ὃς ἅμα τῷ ἐσθίειν ἐκκρίνει. *Ruhnken.* ad Tim. Glossar. p. 273. *Aristot.* Hist. an. VIII. p. 358. Поэтому Платонъ весьма правильно смотритъ на нее, какъ на символъ нравственной ненасытности.

Калл. Изволь, говорю, что человѣкъ чешущійся можетъ жить пріятно.

Сокр. А если пріятно, то и счастливо?

Калл. Конечно.

E. *Сокр.* Тогда ли только, когда у него чешется голова, или и еще о чемъ-нибудь спросить тебя? Смотри, Калликлъ, что̀ будешь ты отвѣчать, если кто-либо вздумаетъ спрашивать тебя по порядку о всемъ, что̀ находится въ связи съ этимъ? Вѣдь отсюда главное слѣдствіе—то, что эта жизнь грязныхъ развратниковъ и неужасна, и непостыдна, и нежалка. Но осмѣлишься ли назвать ихъ счастливыми, если у нихъ много того, что̀ имъ требуется?

Калл. Не стыдно ли тебѣ, Сократъ, наклонять разговоръ къ такимъ предметамъ!

Сокр. Да къ этому направляю его, благородный Калликлъ, развѣ я, а не тотъ, кто прямо такъ и утверждаетъ, что люди радующіеся, только бы радовались, суть люди
495. счастливые, не ограничивая, какія удовольствія хороши и какія дурны? Скажи-ка еще: пріятное и доброе—одно ли и то же, или между удовольствіями бываютъ и такія, которыхъ нельзя назвать добромъ?

Калл. Чтобы моя рѣчь не опровергала сама себя, если въ пріятномъ и добромъ найду различіе, — я называю ихъ однимъ и тѣмъ же.

Кокр. Ты портишь прежній разговоръ, Калликлъ, и уже не можешь удовлетворительно изслѣдывать со мною предметъ, если говоришь вопреки собственному убѣжденію.

B. *Калл.* Но вѣдь и ты, Сократъ.

Сокр. Да, и я не правъ, если это дѣлаю, и ты. Однако согласись, почтеннѣйшій, что добро состоитъ не въ томъ, чтобы непремѣнно радоваться. Вѣдь если это такъ, то вотъ и теперь уже вошло много намековъ на вещи постыдныя, а можно ввесть еще болѣе.

Калл. Какъ тебѣ угодно, Сократъ.

Сокр. Ты въ самомъ дѣлѣ утверждаешь это, Калликлъ?

Калл. Въ самомъ дѣлѣ.

Сокр. Слѣдовательно мы можемъ начать разговоръ, принимая твои слова за серьезныя? C.

Калл. Да и очень.

Сокр. Хорошо же. Если тебѣ такъ кажется,—разбери мнѣ слѣдующее: вѣроятно ты называешь что-нибудь знаніемъ?

Калл. Называю.

Сокр. А не говорилъ ли теперь только о какомъ-то мужествѣ съ знаніемъ?

Калл. Конечно говорилъ.

Сокр. Если же говорилъ объ этихъ двухъ, то не правда ли, что мужество почиталъ отличнымъ отъ знанія?

Калл. Да и очень.

Сокр. Что жъ? а удовольствіе и знаніе—то же ли, или отличное? D.

Калл. Отличное, мудрѣйшій человѣкъ.

Сокр. Не отлично ли и мужество отъ удовольствія?

Калл. Какъ не отлично!

Сокр. Постой же; не забыть бы намъ, что Калликлъ ахарнейскій [1] удовольствіе и добро называетъ однимъ и тѣмъ же, а знаніе и мужество отличными — и между собою, и отъ добра.

Калл. Но Сократъ алопекскій въ этомъ не соглашается съ нами. Или соглашается?

Сокр. Не соглашается. Да не согласится, думаю, и Калликлъ, если вѣрнѣе разсмотритъ самъ себя. Скажи-ка мнѣ: люди, живущіе благополучно, не въ противуположномъ ли состояніи находятся съ людьми, живущими неблагополучно? E.

Калл. Полагаю.

Сокр. А когда эти состоянія взаимно противны, то не необходимо ли поставлять ихъ въ такое же отношеніе между собою, въ какомъ находятся здоровье и болѣзнь? потому

---

[1] *Калликлъ ахарнейскій.* Имя селенія, изъ котораго Калликлъ происходилъ, Сократъ прибавляетъ въ тонѣ шуточномъ, подражая оффиціальнымъ формамъ торговыхъ сдѣлокъ.

что человѣкъ вѣроятно не бываетъ вмѣстѣ и здоровъ и боленъ, равно, какъ не оставляетъ вмѣстѣ здоровья и болѣзни.

496. *Калл.* Какъ это?

Сокр. Возьми, напримѣръ, какую хочешь, часть тѣла, и смотри. Вѣдь страдаетъ иногда человѣкъ глазами, что̀ называется воспаленіемъ глазъ?

Калл. Какъ не страдать!

Сокр. Такъ въ отношеніи къ глазамъ, онъ въ то же время конечно не пользуется здоровьемъ?

Калл. Никакъ.

Сокр. Ну, а когда избавляется отъ глазной боли, избавляется ли вмѣстѣ и отъ здоровья глазъ, такъ чтобы наконецъ оставить то и другое?

Калл. Всего менѣе.

Сокр. Вѣдь это, думаю, странной безтолково. Не правда ли?

B. *Калл.* Да и очень.

Сокр. Напротивъ, то и другое получаетъ и оставляетъ, должно быть, попеременно?

Калл. Согласенъ.

Сокр. Не такъ же ли сила и слабость?

Калл. Да.

Сокр. Скорость и медленность?

Калл. Конечно.

Сокр. Не попеременно ли такимъ же образомъ получается и оставляется добро и счастіе съ противными имъ зломъ и бѣдствіемъ?

Калл. Совершенно справедливо.

Сокр. Стало-быть, если мы найдемъ что-либо, что̀ человѣкъ и оставляетъ и вмѣстѣ имѣетъ, то найденное, очевидно, не будетъ ни добро ни зло. Согласишься ли на это? Разсмотри получше и отвѣчай.

Калл. Чрезвычайно соглашаюсь.

Сокр. А ну-ка теперь—къ прежде допущеннымъ положеніямъ. Чувство голода удовольствіемъ ли называешь ты, или тягостію?—разумѣю самое чувство.

Калл. Тягостію. Но чувствуя голодъ, ѣсть — пріятно.

Сокр. Понимаю. А самое чувство-то голода пріятно, или нѣтъ? D.

Калл. Тягостно.

Сокр. Не такъ же ли и чувство жажды?

Калл. Да и очень.

Сокр. Предлагать ли тебѣ еще болѣе вопросовъ, или ты согласенъ, что всякое неимѣніе и желаніе тягостно?

Калл. Согласенъ; поэтому не предлагай вопросовъ.

Сокр. Пусть такъ. Но, чувствуя жажду, пить, не называлъ ли ты удовольствіемъ?

Калл. Называлъ.

Сокр. Однакожъ въ этомъ, произнесенномъ тобою, положеніи чувство жажды не есть ли чувство скорбное?

Калл. Да.

Сокр. А пить — есть восполненіе недостатка и неудовольствія? E.

Калл. Да.

Сокр. Такъ поколику пьютъ, говоришь, радуются?

Калл. Непремѣнно.

Сокр. А поколику чувствуютъ жажду...

Калл. Говорю.

Сокр. Скорбятъ?

Калл. Да.

Сокр. Такъ замѣчаешь ли, что̀ вышло? Если ты говоришь: чувствуя жажду, пить; то вмѣстѣ полагаешь: чувствуя скорбь, радоваться. Или хочешь сказать, что это бываетъ не въ томъ же мѣстѣ и времени — и по отношенію къ душѣ, и по отношенію къ тѣлу? Вѣдь тутъ, я думаю, все равно. Такъ, или нѣтъ?

Калл. Такъ.

Сокр. Однакожъ ты говорилъ, что человѣку, живущему благополучно, невозможно вмѣстѣ жить неблагополучно.

Калл. Да, говорю.

497. *Сокр*. А между тѣмъ согласился, что человѣкъ скорбящій можетъ радоваться.

Калл. Кажется.

Сокр. Стало быть, радоваться не значитъ—жить благополучно, и скорбѣть не значитъ—вести жизнь неблагополучную; такъ что удовольствіе бываетъ отлично отъ добра.

Калл. Не понимаю твоего умничанья, Сократъ.

Сокр. Понимаешь, Калликлъ, да только притворяешься непонимающимъ [1]. Иди-ка еще далѣе,—и увидишь, какъ ты бываешь мудръ, когда вразумляешь меня. Не перестаетъ
B. ли каждый изъ насъ жаждать и чувствовать удовольствіе, какъ скоро пьетъ?

Калл. Не знаю, чтò ты говоришь.

Горг. Нѣтъ, нѣтъ, Калликлъ, отвѣчай и для насъ, чтобы изслѣдованіе было доведено до конца.

Калл. Да, Сократъ всегда таковъ, Горгіасъ: спрашиваетъ о вещахъ маловажныхъ и выводитъ заключенія изъ пустяковъ.

Горг. Какая тебѣ нужда? Это вовсе не твоя бѣда [2], Калликлъ. Предоставь Сократу выводить заключенія, какъ онъ хочетъ.

C. *Калл*. Ну ужъ спрашивай объ этихъ мелочахъ и низкихъ предметахъ, если такъ угодно Горгіасу.

Сокр. Счастливъ ты, Калликлъ, что въ великія таинства посвященъ прежде, чѣмъ въ малыя [3]. А я думалъ, что это незаконно. Отвѣчай же, на чемъ остановился. Каждый изъ

---

[1] ***Да только притворяешься непонимающимъ*** — *ἀλλ' ἀκκίζει*. Olympiodorus: *'Ακκὼ γέγονε γυνή τις μωρὰ καὶ ἀνόητος. Φήσιν οὖν ὁ Σοκράτης, ὅτι οἶσθα τί λέγω, ἀλλὰ ἀκκίζει, ἀντὶ τοῦ ἀλλὰ προςποιῇ μωρίαν καὶ τὸ μὴ εἰδέναι.* Слѣдующія далѣе слова: *ὅτι ἔχων ληρεῖς* вовсе не умѣстны въ текстѣ и внесены въ него, вѣроятно, e margine, какъ замѣтка какого-нибудь объяснителя, хотѣвшаго этимъ выраженіемъ истолковать мысль, заключающуюся въ глаголѣ *ἀκκίζειν*.

[2] ***Это вовсе не твоя бѣда***, — *πάντως οὐ σὴ αὕτη ἡ τιμή*: выраженіе, какъ догадывается Гейндорфъ, повидимому, имѣло силу пословицы.

[3] ***Въ великія таинства посвященъ прежде, чѣмъ въ малыя.*** Schol. *Διττὰ ἦν τὰ μυστήρια παρ' Ἀθηναίοις, καὶ τὰ μὲν μικρὰ ἐκαλεῖτο, ἅπερ ἐν ἄστει ἐτέλουν, τὰ δὲ μεγάλα, ἅπερ Ἐλευσῖνι ἤγετο. Καὶ πρότερον ἔδει τὰ μικρὰ μυηθῆναι εἶτα τὰ μεγάλα κ. τ. λ.*

насъ не перестаетъ ли вмѣстѣ жаждать и чувствовать удовольствіе?

Калл. Согласенъ.

Сокр. Не перестаетъ ли также чувствовать голодъ и прочія пожеланія и удовольствія?

Калл. Согласенъ.

Сокр. Не вмѣстѣ ли слѣдовательно прекращается въ немъ пріятное и непріятное?

Калл. Да. D.

Сокр. Между тѣмъ ты соглашаешься, что вмѣстѣ также прекращаются добро и зло. Или теперь уже не соглашаешься?

Калл. Соглашаюсь. Такъ что же?

Сокр. То, другъ мой, что добро съ удовольствіемъ и зло съ скорбію — не одно и то же, что поколику они взаимно различны,—одно изъ нихъ прекращается, а другое — нѣтъ. Да и какъ быть тожественнымъ пріятному съ добрымъ и непріятному съ злымъ? А если хочешь, разсмотри предметъ и слѣдующимъ образомъ, — потому что это, кажется, еще не удовлетворитъ тебя. Сообрази-ка: добрыхъ называешь E. ты добрыми не по присутствію ли въ нихъ добра, подобно тому, какъ прекрасныхъ называешь прекрасными по присутствію въ нихъ красоты?

Калл. Конечно.

Сокр. Что жъ? люди безсмысленные и трусливые получаютъ ли у тебя имя людей добрыхъ?—Прежде не получали, прежде добрыми ты называлъ мужественныхъ и благоразумныхъ. Не ихъ ли признаешь добрыми?

Калл. Безъ сомнѣнія.

Сокр. Что жъ? видалъ ли ты безсмысленное еще дитя — въ радости?

Калл. Видалъ.

Сокр. А чтобы радовался безсмысленный человѣкъ зрѣлаго возраста,—еще не видалъ?

Калл. Я думаю;—но что жъ въ этомъ?

Сокр Ничего; только отвѣчай.

498. *Калл.* Видалъ.

Сокр. Ну, а человѣка съ умомъ—въ въ скорби и радости?

Калл. Полагаю.

Сокр. Болѣе ли радуются и скорбятъ умные, или безумные?

Калл. Я думаю, тутъ не много различія.

Сокр. Но довольно и этого. А на войнѣ видалъ ли человѣка трусливаго?

Калл. Какъ не видать.

Сокр. Ну что жъ? Когда непріятели отступаютъ,—кто, по твоему мнѣнію, болѣе радуется, трусливые или мужественные?

Калл. Мнѣ кажется, больше тѣ и другіе [1]; а если нѣтъ,—то почти равно.

B. *Сокр.* Какая нужда! Такъ радуются и трусливые?

Калл. И очень.

Сокр. Ужъ вѣроятно и безумные?

Калл. Да.

Сокр. А когда непріятели наступаютъ, — печальными становятся только трусы, или и мужественные?

Калл. Тѣ и другіе.

Сокр. Неужели равно?

Калл. Можетъ быть, трусы—болѣе.

Сокр. Но при отступленіи непріятелей не они ли болѣе радуются?

Калл. Можетъ быть.

Сокр. Итакъ печалятся и радуются, говоришь ты, почти

---

[1] *Больше тѣ и другіе* — *ἀμφότεροι ἔμοιγε μᾶλλον.* Кораесъ правильно замѣчаетъ, что Калликлъ *παίζων τοῦτο λέγει· καὶ οἱ δειλοὶ ἐδόκουν μοὶ χαίρειν μᾶλλον τῶν ἀνδρείων καὶ οἱ ανδρεῖοι μᾶλλον τῶν δειλῶν.* Сила доказательства состоитъ въ слѣдующемъ: *οἱ κακοὶ* суть *μᾶλλον ἀγαθοί,* поколику *μᾶλλον χαίρουσιν,* и *ἔτι μᾶλλον κακοί,* поколику *μᾶλλον λυποῦνται,* такъ какъ, по мнѣнію Калликла, добры тѣ, которые чувствуютъ удовольствіе; напротивъ злы—тѣ, которые скорбятъ. Но отсюда явно вытекаетъ слѣдствіе: *ὁμίως γίγνεται κακὸς καὶ ἀγαθὸς τῷ ἀγαθῷ ἢ καὶ μᾶλλον ἀγαθὸς ὁ κακός,* то-есть, явно открывается нелѣпость Калликлесова мнѣнія, что добрые бываютъ добрыми отъ удовольствія, а злые — злыми отъ непріятностей.

равно,—какъ безумные, такъ и умные, — какъ трусы, такъ и мужественные; однакожъ трусы — болѣе мужественныхъ?

Калл. Полагаю. C.

Сокр. Но умные-то и мужественные добры, а трусы и безумные злы?

Калл. Да.

Сокр. Слѣдовательно почти равно радуются и печалятся—какъ добрые, такъ и злые?

Калл. Полагаю.

Сокр. Значитъ, добрые и злые почти равно добры и злы? или злые еще больше добры и злы?

Калл. Но клянусь Зевсомъ, что не понимаю твоихъ D.
словъ.

Сокр. Не понимаешь, что добрыхъ ты называешь добрыми, по присутствію въ нихъ добра, а злыхъ—злыми, по присутствію зла? и что добро суть удовольствія, а зло — непріятности?

Калл. Я такъ думаю.

Сокр. Но радующимся не присуще ли добро, то-есть удовольствіе, если только они радуются?

Калл. Какъ не присуще!

Сокр. А когда имъ присуще добро, то радующіеся не добры ли?

Калл. Да.

Сокр. Ну теперь — огорчающимся не присуще ли зло, то-есть неудовольствіе?

Калл. Присуще. E.

Сокр. Злыхъ-то ты называешь вѣдь злыми по присутствію въ нихъ зла. Или еще не утверждаешь этого?

Калл. Утверждаю.

Сокр. Слѣдовательно добры тѣ, которые радуются, а злы, — которые скорбятъ?

Калл. И очень.

Сокр. И кто больше, — больше; кто меньше, — меньше, кто почти равно, — почти равно?

Калл. Да.

Сокр. А не говоришь ли ты, что разумные и неразумные, робкіе и мужественные почти равно радуются и печалятся, или даже робкіе — еще больше?

Калл. Говорю.

Сокр. Выводи же теперь вмѣстѣ со мною, что̀ слѣдуетъ изъ допущенныхъ нами положеній. Вѣдь даже дважды и
499. трижды прекрасно говорить и разсуждать о прекрасномъ [1]. Мы сказали, что быть разумнымъ и мужественнымъ есть дѣло доброе. Не такъ ли?

Калл. Да.

Сокр. А неразумнымъ и робкимъ — злое?

Калл. И очень.

Сокр. И что радующійся добръ?

Калл. Да.

Сокр. А огорченный — золъ?

Калл. Необходимо.

Сокр. Огорчаться же и радоваться есть дѣло равно доброе и злое, а можетъ быть еще больше злое!

Калл. Да.

Сокр. Стало быть, доброму не подобенъ ли злой и добрый,
B. или даже злой еще не больше ли добръ? Не это ли слѣдуетъ, и не прежнее ли, если удовольствіе и добро ты признаешь тожественнымъ? Не необходимо ли это, Калликлъ?

Калл. Давно-таки я слушаю тебя, Сократъ, и соглашаюсь, думая самъ въ себѣ, что ты, — уступи тебѣ что-либо, хоть шутя, — съ радостію схватываешь это, какъ ребенокъ. Тебѣ, должно быть, кажется, что ни я, ни иной кто-нибудь не почитаетъ однихъ удовольствій лучшими, другихъ — худшими.

---

[1] ***Вѣдь даже дважды и трижды прекрасно говорить о прекрасномъ.*** Schol. Δὶς καὶ τρὶς τὸ καλόν, ὅτι χρὴ περὶ τῶν καλῶν πολλάκις λέγειν. Ἐμπεδοκλέους τὸ ἔπος, ἀφ᾽ οὗ καὶ ἡ παροιμία· φησὶ γάρ· καὶ δὶς γάρ, ὃ δεῖ, καλόν ἐστιν ἐνίσπειν. См. Phileb. p. 5o E. Legg. XII. p. 956 E. VI, p. 754 B. *Erasm.* adagg. Chil. 1. Cent. II, p. 68.

Сокр. Охъ, охъ, Калликлъ, какъ ты лукавъ! — поступаешь со мною, какъ съ ребенкомъ: то говоришь это такъ, то иначе,—обманываешь меня. А вѣдь сначала я, право, не думалъ — отъ тебя, какъ отъ моего друга, быть умышленно обманутымъ. Нѣтъ, — ошибся; видно, по старой пословицѣ, надобно хвататься за соломенку и брать, чтò даешь [1]. А эта соломенка есть вѣроятно то, чтò ты теперь говоришь, то-есть, — одни удовольствія бываютъ хороши, а другія худы. Не такъ ли? C.

Калл. Да.

Сокр. Хорошія же полезны, а худыя вредны? C.

Калл. И очень.

Сокр. Но полезныя конечно производятъ что-либо доброе, а вредныя — что-либо злое?

Калл. Полагаю.

Сокр. А допускаешь ли тѣ, — разумѣю относящіяся къ тѣлу, о которыхъ мы недавно говорили, именно — удовольствія въ пищѣ и питьѣ? Если, то-есть, они производятъ въ тѣлѣ либо здоровье, либо силу, либо иное совершенство, то бываютъ хорошими: противныя же имъ—худыми?

Калл. Конечно.

Сокр. Не такъ ли и скорби? — однѣ изъ нихъ благодѣтельны, а другія зловредны? E.

Калл. Какъ не такъ!

Сокр. А удовольствія и скорби благодѣтельныя надобно избирать и осуществлять?

Калл. Конечно.

Сокр. Зловредныхъ же не надобно?

---

[1] *Надобно хвататься за соломенку*—*παρὸν εὖ ποιεῖν*. Это выраженіе, буквально означающее: «пользоваться настоящимъ», у Грековъ имѣло силу пословицы. Я полагаю, что ей соотвѣтствуетъ наша: хвататься за соломенку; потому что греческая пословица указывала на необходимость—въ крайнихъ обстоятельствахъ прибѣгать къ средствамъ настоящей минуты. *Hemstergus*. ad. Lucian. Necyom. T. I. p. 485 § 21. Значеніе пословицы имѣло также и выраженіе *δέχεσθαι τὸ διδόμενον*, — брать синицу лучше, чѣмъ полагаться на обѣщаніе получить соловья. См. *Erasm*. Adagg. W. 1.

Калл. Само собою разумѣется.

Сокр. Потому что — помнишь, какъ показалось мнѣ и Полосу — все должно дѣлать для добра. Такъ ли и тебѣ кажется, что цѣль всѣхъ дѣйствій есть добро, и что все должно
500. производиться ради его, а не ради чего другаго? Присоединяешься ли и ты третій къ нашему мнѣнію?

Калл. Да, и я.

Сокр. Стало быть, надобно доставлять себѣ и удовольствія, и все прочее — ради добра, а не добро — ради удовольствій.

Калл. Конечно.

Сокр. Но каждый ли человѣкъ можетъ избирать, что̀ между удовольствіями — добро, и что̀ — зло, или въ отношеніи ко всякому изъ нихъ нуженъ искусникъ?

Калл. Искусникъ.

Сокр. Вспомнимъ же теперь, что̀ говорилъ я Полосу и Горгіасу. Помнишь ли, я говорилъ, что есть упражненія,
B. изъ которыхъ иныя доходятъ до удовольствія и стремятся только къ одному этому, лучшаго же и худшаго не знаютъ; а другія понимаютъ, что̀ — добро и что̀ — зло? Къ тѣмъ, которыя имѣютъ въ виду удовольствія, и притомъ тѣлесныя, я отнесъ поварскую привычность,—но не въ смыслѣ искуства; а къ знатокамъ добра — врачебное искуство. И — ради покровителя дружбы [1], Калликлъ, ты и самъ не почитай долгомъ шутить надо мною, — не давай отвѣтовъ, когда слу-
C. чится, вопреки своему убѣжденію, да и моихъ словъ не принимай за шутку. Видишь ли, у насъ идетъ рѣчь о такомъ предметѣ, болѣе котораго ничто не можетъ занимать человѣка, если у него есть хоть немного ума? Мы разсматриваемъ, какимъ образомъ надобно жить: такъ ли, какъ ты убѣждаешь меня, — то-есть, дѣйствовать мужески, говорить въ народныхъ собраніяхъ, упражняться въ риторикѣ и чрезъ

---

[1] ***Ради покровителя дружбы***—*πρὸς φιλίου*. Olimpiodorus: *ἐπὶ τὸν ἔφορον τῆς φιλίας φέρει αὐτὸν, ἵνα εἰδὼς, ὅτι θεός ἐστιν ὁ τῆς φιλίας ἐπιστάτης, μὴ πάλιν παίξῃ*. См. ниже p. 519 E.

то входить въ дѣла общественныя, какъ вы теперь входите; или посвятить свою жизнь философіи и смотрѣть, чтò въ этой послѣдней жизни отлично отъ первой? Можетъ быть, весьма хорошо было бы отдѣлять ихъ, чего я сейчасъ хо- D.
тѣлъ; отдѣливши же и согласившись между собою, что это точно два рода жизни, изслѣдовать, чѣмъ они отличаются одинъ отъ другаго, и который изъ нихъ заслуживаетъ предпочтенія. Но, можетъ быть, ты еще не понимаешь, чтò я говорю.

Калл. Не очень.

Сокр. Такъ я скажу тебѣ яснѣе. Мы согласились между собою, что иное есть доброе, а иное пріятное, что пріятное отлично отъ добраго, и что въ отношеніи къ обоимъ есть также нѣкоторое занятіе или упражненіе, и одно такое занятіе ищетъ удовольствія, а другое — добра. Прежде всего на E.
это самое — да или нѣтъ. Да?

Калл. Конечно да.

Сокр. Ну, согласись же со мною и въ слѣдующемъ, чтò я говорилъ имъ, если только слова мои тогда казались тебѣ справедливыми. Я говорилъ, что кухонное дѣло почитаю не искуствомъ, а навыкомъ; но медицину—такъ: по- 501.
тому что медицина-то разсматриваетъ и природу того, чему служитъ, и причину того, чтò дѣлаетъ, и во всемъ этомъ можетъ дать отчетъ; напротивъ первое, заботящееся объ удовольствіи, къ которому направлено все его служеніе, идетъ къ нему совершенно безъ искуства,—не разсматриваетъ ни природы удовольствія, ни причины, и, поколику вовсе безмысленно, просто сказать, ничего не расчитываетъ, — это наметанность и привычность, которая только помнитъ, какъ и чтò обыкновенно бываетъ, чѣмъ возбуждаются удовольствія. Итакъ сперва наблюдай, удовлетвори- B.
тельными ли тебѣ кажутся слова мои, и нѣтъ ли въ отношеніи къ самой душѣ какихъ-нибудь такихъ занятій, что одни изъ нихъ искуственны и показываютъ какую-либо заботливость о наилучшемъ для души, а другія мало

цѣнятъ наилучшее и, равно какъ тамъ, имѣютъ въ виду только душевное удовольствіе, какимъ бы образомъ оно ни получалось, не разбирая, какое удовольствіе лучше или хуже, и думая только о томъ, чтобы было пріятно, лучше ли
C. выйдетъ изъ того, или хуже. По моему мнѣнію, Калликлъ, такія занятія дѣйствительно есть, и я называю ихъ ласкательствомъ—въ отношеніи къ тѣлу, въ отношеніи къ душѣ и въ отношеніи ко всему, чему кто-либо старается доставить удовольствіе, не разбирая, которое изъ нихъ лучше и которое хуже. Ну, а ты, касательно этого, сходишься ли съ нами въ своемъ мнѣніи, или намѣренъ противорѣчить?

Калл. Нѣтъ, я соглашаюсь,—чтобы разговоръ твой привести къ концу и угодить Горгіасу.

D. *Сокр.* Но это ласкательство съ одною ли только душею имѣетъ дѣло, а съ двумя и со многими не имѣетъ?

Калл. Нѣтъ,—и съ двумя, и со многими.

Сокр. Стало быть, не разбирая, что̀ наилучше, угождаетъ всѣмъ вдругъ?

Калл. Я думаю.

Сокр. Такъ можешь ли сказать, что̀ за занятія, которыя дѣлаютъ это? Или лучше, если хочешь, позволь мнѣ спрашивать тебя,—и, какія изъ нихъ, по твоему мнѣнію, относятся сюда, утверждай, а не относятся,—не утверждай.
E. Во-первыхъ разсмотримъ игру на флейтѣ. Не кажется ли она тебѣ, Калликлъ, чѣмъ-то такимъ, что̀ гоняется за однимъ удовольствіемъ, а больше ни о чемъ не заботится?

Калл. Да, мнѣ кажется.

Сокр. И всѣ подобныя тому; напр. игра на цитрѣ во время общественныхъ игръ [1]?

---

[1] ***Игра на цитрѣ во время общественныхъ игръ.*** Schol. *Ἀυλητικὴν μὲν πᾶσαν ἐκβάλλει τῶν ὀρθῶν πολιτειῶν, κιθαριστικὴν δὲ οὐ πᾶσαν, ἀλλὰ τὴν ἐν τοῖς ἀγῶσι μόνην· οἶδε γὰρ ἄλλην, ἣν σώζειν τὰς πολιτείας νενόμικεν.* Эта мысль взята изъ третьей книги De Rep. p. 399 C. Если, то-есть, музыка располагаетъ къ однимъ удовольствіямъ, то ее надобно почитать только какъ *παίγνιόν τι οὐ σπουδῆς χάριν, ἀλλὰ παιδιᾶς ἕνεκα,* какъ говорится въ Polit. p. 288 C. Итакъ должно строго обращать вниманіе на риѳмъ, подъ вліяніемъ котораго юноши

Калл. Да.

Сокр. Ну, а изученіе хоровъ и поэзія диѳирамвическая [1] не такимъ же ли кажется тебѣ занятіемъ? Думаешь ли, что Кинисіасъ, сынъ Мелиса, сколько-нибудь заботится, какъ бы высказать что-либо такое, чрезъ что̀ его слушатели сдѣлались бы лучшими? Или онъ старается только угодить 502.
толпѣ зрителей?

Калл. Что̀ касается до Кинисіаса, Сократъ, то ужъ очевидно, что послѣднее.

Сокр. Ну, а его отецъ Мелисъ?—Кажется ли тебѣ, что онъ имѣлъ въ виду наилучшее, когда пѣлъ подъ звуки цитры?—Или, напротивъ, не возбуждалъ даже и удовольствія, потому что своимъ пѣніемъ мучилъ слушателей? Смотри же теперь,—всякое пѣніе подъ звуки цитры и поэзія диѳирамвическая не кажутся ли тебѣ изобрѣтеніемъ для удовольствія?

Калл. Кажутся.

Сокр. Но что̀ теперь эта важная и дивная поэзія тра- B.
гическая? О чемъ она заботится? Къ тому ли, думаешь, направлено ея намѣреніе и стараніе, чтобы только угодить зрителямъ, или она употребляетъ всѣ силы, какъ бы не сказать чего-нибудь, хоть и пріятнаго имъ и нравящагося, но вреднаго,—какъ бы все говорить и пѣть, хоть иногда и непріятное, да полезное, будутъ ли они рады тому, или

дѣйствительно могутъ улучшаться. Въ общество слѣдуетъ допускать только тѣ роды риѳмовъ, которые суть *βίου ρυθμοὶ κοσμίου τε καὶ ἀνδρείου*. De Rep. III. p. 399 E. А всѣ гармоніи, противорѣчущія честности и добродѣтели, и поблажающія страстямъ, надобно изгонять.

[1] *Изученіе хоровъ и поэзія диѳирамвическая.* О хорахъ, по мнѣнію Платона, см. *Bax.* disp. de naturae simplicitate in Euripidis Oreste. Диѳирамвами назывались стихи въ честь Бахуса и отличались силою и стремительностію рѣчи, допускавшею свободу словувыраженія. Поэтому Горацій (Od. IV. 2. 10) говоритъ: seu per audaces nova dithyrambos verba devolvit numerisque fertur lege solutis. Надъ поэтами диѳирамвическими смѣется Аристофанъ Avv. v. 1885 sqq., гдѣ досталось и Кинисіасу. Кинисіасъ понимаемъ былъ, какъ поэтъ весьма дурнаго тона, и сужденіе Платона о немъ совершенно справедливо; ибо и Лизіасъ называетъ его *ἀσεβέστατον καὶ παρανομώτατον. Harpocrat.* s. v. Κινησίας.

нѣтъ? Къ чему, кажется тебѣ, расположена поэзія трагическая?

C. *Калл.* Это-то явно, Сократъ, что она стремится болѣе къ удовольствію и къ угожденію зрителямъ [1].

Сокр. А не это ли, Калликлъ, недавно назвали мы ласкательствомъ?

Калл. Конечно.

Сокр. Представь же, что кто-нибудь отъ поэтическаго сочиненія отнялъ и напѣвъ, и риѳмъ [2], и метръ: не правда ли, что въ немъ тогда остались только рѣчи?

Калл. Необходимо.

Сокр. И эти самыя рѣчи произносятся толпѣ и народу?

Калл. Полагаю.

D. *Сокр.* Стало быть, поэзія есть нѣкотораго рода ораторство.

Калл. Явно.

Сокр. Но ораторство есть риторика. Развѣ не кажется тебѣ, что поэты въ театрахъ риторствуютъ?

Калл. Кажется.

Сокр. Слѣдовательно теперь мы нашли какую-то риторику для такого народа, который состоитъ изъ дѣтей, женщинъ и мужчинъ, изъ рабовъ и свободныхъ, и этой риторикѣ не очень рады, потому что признали ее ласкательствомъ.

Калл. Конечно.

Сокр. Пускай. Но что̀ же такое — риторика для аѳин-

---

[1] Трагики позволяютъ себѣ ложь и такіе обороты рѣчи, которыми легче понравиться народу, и отъ которыхъ зрители *ἅμα χαίροντες κλάωσι*. См. Cratyl. p. 408 C. Phileb. p. 48 A. А такъ какъ видимое нами на сценѣ не чувствительно внѣдряется въ душу и дѣлаетъ насъ похожими на тѣхъ героевъ и героинь, которыми мы любуемся (см. Protag. p. 314 B., de Rep. X, p. 666); то и не удивительно, что Платонъ имѣлъ невыгодное понятіе о трагедіи, такъ что изгналъ ее изъ идеальнаго своего государства, вмѣстѣ съ комедіею.

[2] Напѣвъ или мелодія — *μέλος* есть модуляція голоса. Legg. II. p. 669 D. Различіе между риѳмомъ и гармоніею показывается въ Legg. II. p. 655 A. *Τῇ δὲ τῆς κινήσεως τάξει ῥυθμὸς ὄνομα εἴη, τῇ δὲ αὖ τῆς φωνῆς, τοῦ τε ὀξέος καὶ βαρέος συγκεραννυμένων, ἁρμονίας ὄνομα προσαγορεύοιτο.*

скаго народа и для другихъ по городамъ народовъ, состоя- E.
щихъ изъ людей свободныхъ? Чтò такое у насъ эта риторика? Кажется ли тебѣ, что риторы всегда говорятъ для наилучшаго и мѣтятъ на то, какъ бы гражданъ, посредствомъ своихъ рѣчей, сдѣлать наилучшими? или они такъ же стремятся угождать гражданамъ и, ради частной своей пользы, уничижая благо общее, бесѣдуютъ съ народами, какъ съ дѣтьми, и стараются только доставлять имъ удовольствіе, а лучшими ли чрезъ то сдѣлаются они, или худшими, нисколько не заботятся?

Калл. Этотъ вопросъ твой еще не простъ: потому что 503.
есть риторы, которые, что ни говорятъ, говорятъ по благопопечительности о народѣ; а есть и такіе, какихъ разумѣешь ты.

Сокр. Довольно. Какъ скоро и тутъ—два рода; то одинъ изъ нихъ вѣроятно—ласкательство и постыдное краснобайство, а другой—дѣло прекрасное, направляющееся къ тому, чтобы души гражданъ оказались наилучшими: это—усиліе говорить о вещахъ наилучшихъ, пріятно ли то будетъ слушателямъ, или не пріятно. Но подобной риторики ты ни- B.
когда не знавалъ; а если о такомъ риторѣ можешь сказать, то почему не объявишь и мнѣ, кто онъ?

Калл. Да, клянусь Зевсомъ, я не могу указать тебѣ ни на одного изъ нынѣшнихъ риторовъ.

Сокр. Что жъ? а изъ древнихъ можешь ли указать на какого-нибудь, чрезъ котораго Аѳиняне, какъ скоро онъ началъ ораторствовать, имѣли причину сдѣлаться лучшими, тогда какъ прежде были хуже? Я-то, по правдѣ, не знаю, кто былъ бы таковъ.

Калл. Какъ? развѣ не слыхалъ о доблестномъ мужѣ Ѳе- C.
мистоклѣ, о Кимонѣ, Мильтіадѣ и Периклѣ, который умеръ [1] недавно и котораго самъ ты слушалъ?

---

[1] Такъ какъ этотъ разговоръ представляется происходившимъ еще при жизни Архелая, то отъ времени смерти Перикла тогда надлежало считать около двадцати трехъ лѣтъ.

Сокр. Да, если то, что̀ прежде называлъ ты добродѣтелію,—разумѣю удовлетвореніе собственнымъ пожеланіямъ и страстямъ другихъ,—есть истинная добродѣтель. А когда не такъ, когда истинно—другое, что̀ принуждены были мы допустить въ послѣдующемъ разговорѣ? то-есть, когда
D. пожеланіямъ, которыя, бывъ удовлетворены, дѣлаютъ человѣка лучшимъ, надобно удовлетворять, а худшимъ—не надобно, и для этого требуется какое-то искуство? Такого въ числѣ упомянутыхъ мужей можешь ли ты найти?

Калл. Не знаю, какъ сказать.

Сокр. Однакожъ, если станешь искать хорошо, то найдешь. Начнемъ-ка такъ-себѣ спокойно разсматривать, и увидимъ, былъ ли таковъ кто-нибудь изъ нихъ. Напримѣръ, че-
E. ловѣкъ добрый и говорящій для наилучшаго, что̀ бы онъ ни говорилъ, будетъ ли износить пустяки, не имѣя въ виду ничего? Равно какъ и всѣ художники, каждый смотря на свое дѣло, не наобумъ станетъ выбирать нѣчто и прилагать къ собственной работѣ, что̀ прилагаетъ, но будетъ дѣлать это съ цѣлію, чтобы своему произведенію сообщить извѣстный образъ. Вотъ, если хочешь, посмотри на живописцевъ, домостроителей, корабельныхъ мастеровъ и на всѣхъ другихъ художниковъ,—на любаго изъ нихъ, какъ всякій, что̀ ни кладетъ,—кладетъ въ какой-либо порядокъ и требуетъ, чтобы одно было прилажено и подстроено подъ другое, пока цѣлое
504. не придетъ въ состояніе упорядоченнаго и благоустроеннаго произведенія. А какъ поступаютъ именно эти, теперь только упомянутые художники, такъ поступаютъ съ нашимъ тѣломъ врачи и гимнастики, то-есть извѣстнымъ образомъ устрояютъ его и упорядочиваютъ. Согласимся ли, что это такъ, или не согласимся?

Калл. Пусть это будетъ такъ.

Сокр. Слѣдовательно домъ, въ которомъ замѣчается порядокъ и благоустроенность, долженъ быть домъ хорошій; а когда—безпорядокъ, то худой?

Калл. Полагаю.

Сокр. Не то же ли и корабль?

Калл. Такъ. B.

Сокр. Да то же, сказали мы, и наши тѣла?

Калл. Конечно.

Сокр. Ну, а душа? при безпорядкѣ ли будетъ она хороша, или при какомъ-нибудь порядкѣ и благоустроенности?

Калл. На основаніи прежнихъ положеній необходимо допустить и это.

Сокр. Но какое имя дается тѣлу по причинѣ существующаго въ немъ порядка и благоустройства?

Калл. Ты разумѣешь, можетъ быть, здоровье и силу?

Сокр. Да. А какъ называется то, чтὸ отъ порядка и C.
благоустроенности бываетъ въ душѣ? Постарайся найти и сказать, какое бы этому имя?

Калл. Почему не скажешь самъ, Сократъ?

Сокр. Да если тебѣ угодно,—я скажу; а ты,—покажутся слова мои хорошими,—подтверди, а не то,—обличи и не допускай. По моему мнѣнію, добропорядочности тѣлесной имя—благосостояніе, отъ котораго въ тѣлѣ происходитъ здоровье и всякое другое тѣлесное совершенство. Такъ или нѣтъ?

Калл. Такъ.

Сокр. А добропорядочности и благоустроенности душев- D.
ной названіе — законность и законъ, откуда — законныя и благонравныя дѣйствія, или справедливость и разсудительность. Подтверждаешь, или нѣтъ?

Калл. Пусть такъ.

Сокр. Не на это ли смотря, тотъ риторъ, — искусный и добрый, — будетъ принаровлять къ другимъ и рѣчи, которыя говоритъ, и всѣ дѣла? Даетъ ли онъ даръ,—дастъ, отнимаетъ ли чтὸ,—отниметъ, не то ли всегда имѣя въ виду, E.
чтобы въ душахъ его гражданъ жила справедливость, а неправда была изгоняема,—жила разсудительность, а безразсудность и необузданность была оставляема,—жила и всякая другая добродѣтель, а зло удалялось? Соглашаешься или нѣтъ?

Калл. Соглашаюсь.

Сокр. Вѣдь какая польза, Калликлъ, — тѣлу, страдающему и разстроенному, давать пищу въ большомъ количествѣ, хотя бы и самую пріятную, равно какъ питье и другія вещи, которыя принесутъ ему не пользу, но по всей справедливости — скорѣе противное тому, или даже и того менѣе? Такъ ли?

505. *Калл.* Пусть такъ.

Сокр. Я не думаю, что человѣку съ разстроеннымъ тѣломъ жить выгодно; потому что такъ и жизнь необходимо разстрояется. Не правда ли?

Калл. Да.

Сокр. Не правда ли также, что здоровому врачи большею частію позволяютъ исполнять желанія, напримѣръ, голоденъ, — ѣсть, жаждетъ, — пить, сколько хочется; больному же просто запрещаютъ удовлетвореніе пожеланій? Это-то допускаешь ли?

Калл. Допускаю.

B. *Сокр.* А касательно души, почтеннѣйшій, не то же ли самое? Доколѣ она худа, то-есть, несмысленна, развратна, несправедлива и нечестива, — не должно ли обуздывать ея пожеланія и позволять ей дѣлать только то, отъ чего она вышла бы лучшею? Полагаешь, или нѣтъ?

Калл. Полагаю.

Сокр. Такъ-то вѣдь и самой душѣ вѣроятно будетъ лучше?

Калл. Конечно.

Сокр. Но обуздывать пожеланія не значитъ ли—исправлять наказаніемъ?

Калл. Да.

Сокр. Стало быть, исправленіе посредствомъ наказанія для души лучше ненаказанности, какъ недавно тебѣ казалось?

Калл. Не знаю, что̀ ты говоришь, Сократъ; спрашивай кого-нибудь другаго.

Сокр. Этотъ человѣкъ не терпитъ своей пользы и того

состоянія, о которомъ идетъ рѣчь, то-есть, исправленія чрезъ наказаніе [1].

Калл. Да мнѣ-таки и надобности нѣтъ до твоихъ рѣчей. И то я отвѣчалъ тебѣ единственно для Горгіаса.

Сокр. Пускай. Такъ что же мы будемъ дѣлать? оставимъ свою бесѣду на половинѣ?

Калл. Чтò самъ знаешь.

Сокр. Но вѣдь и басень, говорятъ, на срединѣ не прерываютъ, а приставляютъ къ нимъ голову, чтобы онѣ безъ D.
головы не ходили. Отвѣчай-ка мнѣ и на дальнѣйшіе вопросы; пусть наша бесѣда получитъ голову.

Калл. Какъ ты настойчивъ, Сократъ! Но если угодно меня послушаться, то оставь этотъ разговоръ, или по крайней мѣрѣ разговаривай съ кѣмъ-нибудь другимъ.

Сокр. Да кто же захочетъ? Нѣтъ ужъ, мы своей бесѣды не оставимъ неоконченною.

Калл. А самъ ты не можешь привести ее къ концу, либо говоря одинъ, либо отвѣчая самому себѣ?

Сокр. Чтобы надо мной сбылись слова Эпихарма [2]: «о E.
чемъ прежде говорили двое, на то станетъ меня одного.» — Но это вѣроятно была бы уже крайняя необходимость. Если же и сдѣлаемъ такъ, — все-таки мы должны, думаю, другъ предъ другомъ стараться узнать, чтò въ предметѣ нашей рѣчи истина и чтò ложь; ибо въ этомъ очевидно — общее всѣхъ благо. Итакъ я, пожалуй, раскрою предметъ собственною рѣчью, какъ о немъ думаю: но если кому изъ 506.
васъ покажется, что я неправильно соглашаюсь съ собою, — вы должны возразить и обличить меня; ибо все, чтò гово-

---

[1] ***Исправленія чрезъ наказаніе,*** *κολαζόμενον*. О значеніи глагола *κολάζεσθαι* см. *Aristot.* Rhetor. I, 10, 17. *διαφέρει δε τιμωρία καὶ κόλασις· ἡ μὲν γὰρ κόλασις τοῦ πάσχοντος ἕνεκα ἐστὶν, ἡ δὲ τιμωρία τοῦ ποιοῦντος, ἵνα ἀποπληρωθῇ.* То-есть *κόλασις* есть наказаніе для исправленія виновнаго; а *τιμωρία* есть наказаніе обидчика, для удовлетворенія за обиду. ***Wittenbach.*** ad Select. Princ. Hist. p. 372.

[2] Здѣсь Сократъ имѣетъ въ виду стихъ Эпихарма у Атенея (Deipnosoph. VII c. 16). *ἐγώ δε κατὰ τὸν σοφὸν Ἐπίχαρμον, μηδὲν ἀποκριναμένου τοῦ κυνός. Τὰ πρὸ τοῦ δύ' ἄνδρες ἔλεγον, εἷς ἐγὼν ἀποχρέω.*

рю, говорю вѣдь не какъ знатокъ, а только изслѣдываю
вмѣстѣ съ вами; такъ что возражатель едва лишь начнетъ
утверждать дѣло,—я первый уступлю ему. А говорить бу-
ду я для того, что вы считаете нужнымъ довести нашу бе-
сѣду до конца. Если же не хотите этого, — оставимъ ее и
B. разойдемся.

Горг. Нѣтъ, Сократъ, мнѣ кажется, что уходить не на-
добно; ты долженъ раскрыть предметъ собственною рѣчью.
Да то же, думаю, кажется и другимъ. Признаться, я и самъ
хотѣлъ бы послушать, какъ раскроешь ты остальное.

Сокр. Правду сказать, Горгіасъ, мнѣ пріятно было бы
продолжать разговоръ съ Калликломъ, чтобы наконецъ на
слова Зиѳа [1] отвѣчать ему изреченіемъ Амфіона: но такъ
какъ ты, Калликлъ, не хочешь окончить бесѣды, то по
крайней мѣрѣ слушай меня и возражай, если покажется
C. тебѣ, что говорю не хорошо. Обличенный тобою, я не
разсержусь на тебя, какъ ты на меня, а напротивъ запи-
шу тебя, какъ великаго моего благодѣтеля [2].

Калл. Говори самъ, добрякъ, и окончи.

Сокр. Слушай же. Я поведу рѣчь съ начала.—Пріятное
и доброе одно ли и то же?—Не одно и то же, какъ согла-
сились я и Калликлъ. — Пріятное ли надобно дѣлать для доб-
раго, или доброе — для пріятнаго? — Пріятное для добра-
го.—Но пріятное есть то, отъ присутствія чего мы чув-
ствуемъ удовольствіе, а доброе—то, отъ присутствія чего
D. мы добры? — Конечно. — Добры же мы, какъ и всѣ про-

---

[1] Калликлъ прежде принялъ (p. 185 E. sqq.) лице Зиѳа и убѣждалъ Сократа оставить философію, подобно тому, какъ Зиѳъ убѣждалъ Амфіона оставить музыку: а теперь — наоборотъ, Сократъ хотѣлъ бы взять сторону Амфіона и расположить Калликла къ философіи.

[2] Имя *благодѣтеля* — εὐεργέτου у Грековъ было именемъ столь почетнымъ, что его нерѣдко испрашивали у нихъ вожди другихъ націй. Если же Аѳиняне кого-нибудь удостоивали такого титула, то это называлось ἀναγράφειν или ἀνακηρυττειν τινὰ ευεργέτην τῆς πόλεως. См. Wolf. ad Demosth. Leptin. p. 285. Это названіе вошло у нихъ въ пословицу, о чемъ см. *Hemsterhus.* ad Lucian. Dial. Mort. p. 367. *Plat.* Apolog. Socr. p. 36 D.

чіе, бываемъ тогда, когда имѣется какая-нибудь добродѣтель? — По мнѣ, это необходимо, Калликлъ. — А добродѣтель-то каждой вещи, — и сосуда, и тѣла, и души, и всякаго животнаго, — имѣется въ ней не какъ нѣчто прекрасное безъ пути, но обнаруживается порядкомъ, правильностію и искуствомъ, что̀ сообщается всѣмъ имъ. Не такъ ли? — Я полагаю, что непремѣнно такъ. — Слѣдовательно добродѣтель каждаго есть нѣчто, введенное въ E.
порядокъ и благоустройство? — Могу полагать. — Стало быть, каждое сущее дѣлается добрымъ отъ собственнаго каждому и находящагося въ каждомъ благоустройства? — Мнѣ кажется. — И душа, имѣющая свое благоустройство, значитъ, лучше неблагоустроенной? — Необходимо. — Но вѣдь имѣя благоустройство-то, она — благонравна? — Да какъ не быть? — А будучи благонравною-то, она разсуди- 507.
тельна? — Совершенно необходимо. — Слѣдовательно душа разсудительная — добра. — Противъ этого я ничего не могу сказать, любезный Калликлъ. А ты, — если можешь, научи.

Калл. Говори, добрякъ.

Сокр. Говорю, что если душа разсудительная добра, то по своимъ качествамъ противная разсудительной — зла: а такою не была ли у насъ душа безсмысленная и необузданная? — Конечно. — Но разсудительный-то, въ отношеніи къ богамъ и людямъ, дѣлаетъ, что̀ нужно; ибо дѣлающій не то, что̀ нужно, не былъ бы и разсудительнымъ. — Это необходимо такъ. — Дѣлающій же, что̀ нужно въ отношеніи къ лю- B.
дямъ, дѣлаетъ справедливое, а въ отношеніи къ богамъ — благочестивое. А кто дѣлаетъ справедливое и благочестивое, тотъ необходимо справедливъ и благочестивъ. — Правда. — Стало быть необходимо также и мужественъ. Вѣдь человѣку разсудительному несвойственно ни преслѣдовать, ни убѣгать, чего не нужно, но свойственно и преслѣдовать и убѣгать, что̀ должно, въ отношеніи и къ дѣламъ, и къ людямъ, и къ удовольствіямъ, и къ непріятностямъ; такъ что разсу- C.
дительному, какъ мы раскрыли, Калликлъ, если онъ чело-

вѣкъ справедливый, мужественный и благочестивый, крайне необходимо быть совершенно добрымъ; а доброму, все, чтò ни дѣлаетъ онъ,—дѣлать хорошо и прекрасно; дѣлающему же хорошо — наслаждаться блаженствомъ и счастіемъ, равно какъ злому и дѣлающему дурно — быть несчастнымъ. Но такой-то, противуположный разсудительному, есть тотъ ненаказываемый, котораго ты хвалилъ.—Я именно такъ полагаю и говорю, что это справедливо. — Если же справедли-
D. во, то желающій быть счастливымъ, очевидно, долженъ преуспѣвать и подвизаться въ разсудительности, а ненаказанности избѣгать, сколько у каждаго изъ насъ силъ, и приводить себя въ такое состояніе, чтобы не имѣть нужды въ наказаніи; кто же, либо самъ, либо другой—его ближній, частный человѣкъ или цѣлый городъ, имѣетъ въ этомъ нужду и хочетъ быть счастливымъ, того предавать суду и наказанію. Это-то, мнѣ кажется,—цѣль, которую въ жизни надобно имѣть передъ глазами и относить къ ней все,—какъ свое такъ и общественное; чтобы то-есть стремящійся къ бла-
E. женству не разлучался съ справедливостію и разсудительностію,—вообще не позволялъ себѣ необузданныхъ пожеланій и жизни разбойнической, старающейся удовлетворять имъ,— этому ненавистному злу. Вѣдь такой человѣкъ не можетъ быть пріятенъ ни другому человѣку, ни Богу; потому что онъ не способенъ къ общенію: а у кого нѣтъ общительности, у того нѣтъ и дружбы. Мудрецы говорятъ [1], Калликлъ, что общительность, дружба, благонравіе, разсудительность
508. и справедливость сохраняются на небѣ и на землѣ, у боговъ и у людей, и что по этой причинѣ, другъ мой, міръ назы-

[1] Кто эти мудрецы? Schol. *Σοφοὺς ἐνταῦτα τοὺς Πυθαγορείους φησὶ καὶ διαφερόντως τὸν Ἐμπεδοκλέα, φάσκοντα τὴν φιλίαν ἑνοῦν τὴν σφαῖραν ἑνοποιὸν εἶναι.* Къ этому сверхъ того Олимпіодоръ прибавляетъ: *ἡ γὰρ φιλία πρὸς τῇ μιᾷ τῶν πάντων ἐστὶν ἀρχῇ· εἴ γε ἐκεῖ ἕνωσις πανταχοῦ καὶ οὐδαμοῦ διάκρισις. Ὁ οὖν ἄδικος παντὶ ἐχθρός ἐστι καὶ οὐδενὶ κοινωνεῖ.* Объ этомъ ученіи Эмпедокла см. ученѣйшее сочиненіе Стурдзы, подъ заглавіемъ: Empedocles Agrigentinus T. I. p. 214—255. Почему Платонъ указываетъ здѣсь на ученіе Эмпедокла, замѣчено выше р. 493 А.

вается у нихъ благоустройствомъ (*κόσμος*) [1], а не неустройствомъ и ненаказанностію. Но ты, кажется, не обращаешь на это вниманія, хотя и мудрецъ: ты забылъ, что геометрическое равенство [2] имѣетъ великую силу и между богами, и между людьми; у тебя на умѣ — какъ бы получить больше, потому что о геометріи ты не думаешь.—Пускай. Такъ надобно — либо опровергнуть это положеніе наше и доказать, что счастливые счастливы не отъ пріобрѣтенія B.
справедливости и разсудительности, а несчастные несчастны не отъ зла; либо, когда оно справедливо,—нѣсколько заняться разсмотрѣніемъ слѣдствій. Изъ этого, Калликлъ, слѣдуетъ все прежнее, о чемъ ты спрашивалъ меня: то-есть, серьезно ли я говорю, что надобно обвинять и себя, и сына, и друга, когда онъ наноситъ обиду, и для того-то именно пользоваться риторикою. Стало быть, и то справедливо, въ чемъ Полосъ, какъ тебѣ казалось, согласился отъ стыда, именно — причиненіе обиды, въ сравненіи съ перене- C.
сеніемъ ея, востолько постыднѣе, восколько хуже; да равно и то, что желающій быть въ точномъ смыслѣ риторомъ долженъ соблюдать справедливость и знать ее,—чтò опять, по мнѣнію Полоса, Горгіасъ будто бы допустилъ отъ стыда. Если же такъ, то разсмотримъ, чтó значатъ унизительныя твои выраженія на мой счетъ: хорошо ли сказано или нѣтъ, что я не въ состояніи подать помощь ни себѣ, ни своему другу, или родственнику, и избавить его отъ величайшихъ опасностей, что я, подобно людямъ безчестнымъ, зависящимъ отъ прихоти человѣка [3], завишу отъ всякаго жела- D.

---

[1] Первый изъ философовъ, назвавшій благоустройство вселенной *космосомъ* (*κόσμος*), былъ Пиѳагоръ. *Ernest.* ad Xenoph. memor: I, 1. 11.

[2] *Геометрическое равенство.* Schol. *τοῦτ᾿ ἐςὶν ἡ δικαιοσύνη. Ταύτην δὲ τὴν γεωμετρικὴν ἀναλογίαν Διὸς κρίσιν ἐν Νόμοις ἐκάλεσεν, ὡς δι᾿ αὐτῆς τῶν πάντων κεκριμένων τε καὶ ὡρισμένων.* Въ книгѣ de Legg. (VI. p. 756 E. sqq.) Платонъ различаетъ равенство ариѳметическое, состоящее въ опредѣленіи всего числомъ, вѣсомъ и мѣрою,—вообще внѣшнимъ равенствомъ, и равенство геометрическое, которое всему воздаетъ то, что чему слѣдуетъ, и потому есть мѣра равенства внутренняго и истиннаго.

[3] *Подобно людямъ безчестнымъ, зависящимъ отъ прихоти человѣка,*—*ὥςπερ οἱ*

ющаго, кто бы ни захотѣлъ—ударить ли меня по уху,—это
было удалое твое выраженіе, — отнять ли у меня деньги,
выгнать ли меня изъ общества, или вовсе лишить жизни.
Находиться въ такомъ положеніи, говорилъ ты, есть дѣло
самое постыдное: а я говорю противное, что̀ уже многократ-
но было говорено, и что̀ сказать не мѣшаетъ еще одинъ
разъ. Я утверждаю, Калликлъ, что быть несправедливо
E. ударенным по уху и отдать подъ ножъ свое тѣло, либо
свой кошелекъ—вовсе не постыдно, но что гораздо постыд-
нѣе и хуже—несправедливо бить и рѣзать какъ меня, такъ
и мое,—что для обидчика—украсть, закабалить, подкопать-
ся подъ стѣну и вообще—нанести какую бы то ни было оби-
ду мнѣ или моему—гораздо постыднѣе и хуже, чѣмъ для ме-
ня — обижаемаго. Итакъ, что̀ показалось намъ выше, въ
509. прежней рѣчи, говорю я, то держится и связано—если мож-
но употребить выраженіе нѣсколько дикое — желѣзными и
адамантовыми словами; такъ что, пока эти слова не будутъ
расторгнуты либо тобою, либо кѣмъ-нибудь мужественнѣе
тебя,—кажется, никому не возможно сказать хорошо, гово-
ря иначе, чѣмъ я теперь говорю. У меня—всегда одна и
та же рѣчь: не знаю, какъ это бываетъ; но когда я напалъ
на какую-нибудь мысль, какъ теперь, — никто не можетъ
B. утверждать иначе, не дѣлаясь смѣшнымъ. Итакъ полагаю,
что это справедливо. Но какъ скоро справедливо, и обида
для самого обидчика есть величайшее изъ золъ, а то, ког-
да обидчикъ не подвергается наказанію,—даже, если воз-
можно, и больше этого величайшаго зла; то какой по-
мощи немогущій доставить себѣ человѣкъ будетъ по исти-
нѣ смѣшонъ? — не той ли, которая отвратила бы отъ насъ
величайшій вредъ? По всей справедливости, самая постыд-

ἄτιμοι τοῦ ἐθέλοντος, то-есть ἀπὸ τοῦ ἐθέλοντος. Здѣсь разумѣется родъ самаго великаго гражданскаго безчестія, по которому лице, вмѣстѣ съ его потомствомъ, лишается всѣхъ гражданскихъ правъ и не пользуется покровительствомъ закона. Общественное безчестіе у Грековъ было трехъ степеней. См. *Meyer* de bonis damnat. p. 101 sqq. 137 sqq. и Lit. Attic. p. 563.

ная помощь — именно эта: не мочь пособить ни себѣ, ни
своимъ друзьямъ, ни родственникамъ; вторая же будетъ
близкая въ отношеніи ко второму злу, третья—къ третье- C.
му, и такъ далѣе. Чѣмъ выше по природѣ извѣстное зло,
тѣмъ прекраснѣе возможность — подать противъ него по-
мощь, и тѣмъ постыднѣе невозможность. Такъ или нѣтъ,
Калликлъ?

Калл. Неиначе.

Сокр. Поэтому, изъ двухъ золъ — наносить обиду и по-
лучать ее, нанесеніе обиды мы назовемъ зломъ бо́льшимъ, а
полученіе ея — меньшимъ. Но чѣмъ могъ бы быть снабженъ
человѣкъ къ поданію себѣ такой помощи, чтобы имѣть обѣ
эти пользы,—и происходящую отъ ненанесенія обиды, и ту, D.
которая проистекаетъ изъ неполученія ея? — Силою ли это,
или волею? Я говорю такъ: потому ли онъ не будетъ полу-
чать обидъ, что не хочетъ быть обижаемымъ, или потому,
что снабженъ силою—не быть обижаемымъ?

Калл. Явно, что послѣднее,—поколику снабженъ силою.

Сокр. Ну, а касательно нанесенія обидъ? Довольно ли бу-
детъ не хотѣть наносить обиды,—такъ и не обидитъ, или для
этого требуется еще какая-нибудь сила и искуство, такъ что E.
незнающій этого и незанимающійся этимъ непремѣнно бу-
детъ наносить обиды? На это-то именно отвѣчай мнѣ, Кал-
ликлъ. Справедливо или нѣтъ, по твоему мнѣнію, въ преж-
ней бесѣдѣ мы—я и Полосъ—принуждены были согласиться,
что никто не наноситъ обиды по желанію, но что всѣ обид-
чики обижаютъ нехотя?

Калл. Пускай будетъ такъ, Сократъ, чтобы кончить бе-
сѣду.

Сокр. Стало быть, для того-то, повидимому, и нужно при- 510.
готовить какую-нибудь силу и искуство, чтобы мы не оби-
жали.

Калл. Конечно.

Сокр. Но что за искуство, приготовляемое съ цѣлію—
нисколько, или весьма мало быть обижаемымъ? Смотри,

то ли кажется и тебѣ, что́ мнѣ. А мнѣ кажется слѣдующее: надобно либо самому начальствовать и господствовать въ обществѣ, либо быть другомъ поставленнаго правительства.

Калл. Видишь ли, Сократъ, какъ я готовъ хвалить тебя, когда ты говоришь что-нибудь хорошо? По моему мнѣнію,
B. это сказано прекрасно.

Сокр. А если тебѣ кажется, что я говорю хорошо, то разсмотри и слѣдующее: подобный подобному, какъ говорятъ сами древніе мудрецы, думаю, больше всего другъ. Такъ ли по твоему?

Калл. И по моему.

Сокр. Пусть же гдѣ-нибудь господствуетъ правитель жестокій и необразованный, и въ томъ же обществѣ находится человѣкъ гораздо лучше его: тираннъ не будетъ ли бояться
C. этого человѣка и отъ всей души избѣгать его дружбы?

Калл. Такъ.

Сокр. Да и когда кто окажется гораздо хуже, чѣмъ самъ онъ, — тираннъ конечно презритъ его и не захочетъ принять въ друзья себѣ.

Калл. И это вѣрно.

Сокр. Такъ остается, что достойный его другъ — только тотъ, кто одного съ нимъ нрава, кто захочетъ находиться подъ властію правителя и подчиняться ему, одно съ нимъ хваля и порицая. Такой человѣкъ будетъ имѣть великую си-
D. лу въ обществѣ, и его безъ опасенія никто не обидитъ. Не правда ли?

Калл. Да.

Сокр. Слѣдовательно, если въ этомъ обществѣ кто-нибудь изъ молодыхъ людей подумаетъ: какимъ бы образомъ сдѣлаться мнѣ человѣкомъ сильнымъ и поставить себя внѣ обидъ? то путь ему, какъ видно, предлежитъ такой: тотчасъ съ молодыхъ лѣтъ привыкать любить и ненавидѣть одно и то же съ властелиномъ и приготовить себя такъ, чтобы сколько можно болѣе походить на него. Не правда ли?

Калл. Да.

Сокр. Такъ ему-то удастся избѣжать обидъ и, какъ вы говорите, имѣть великую силу въ городѣ? Е.

Калл. Конечно.

Сокр. Но удастся ли ему также и не обижать? Или далеко до того, если онъ будетъ походить на правителя несправедливаго и получитъ у него великую силу? Вѣдь я думаю, что въ немъ напротивъ обнаружится расположеніе— сколько возможно болѣе наносить обидъ и, обижая, не подвергаться наказанію. Не правда ли? 511.

Калл. Кажется.

Сокр. Поэтому его, какъ человѣка съ душею развратною, испорченною подражаніемъ властелину и избыткомъ силы, будетъ сопровождать величайшее зло.

Калл. Не знаю, Сократъ, какъ ты всегда вертишься въ своихъ словахъ туда и сюда. Развѣ тебѣ неизвѣстно, что этотъ подражатель, если захочетъ, убьетъ того, кто не подражаетъ, и возметъ его имущество?

Сокр. Извѣстно, добрый Калликлъ, если только я не В. глухъ, если могу часто слышать тебя, Полоса, и едва не всѣхъ въ городѣ. Но послушай и ты меня. Онъ конечно убьетъ, если захочетъ; но вѣдь убьетъ человѣкъ дурной человѣка хорошаго и добраго.

Калл. Такъ что жъ? это-то и досадно?

Сокр. По крайней мѣрѣ не для умнаго человѣка, какъ видно изъ моихъ словъ. Думаешь ли, что человѣкъ долженъ заботиться о томъ, какъ бы долѣе прожить и заниматься тѣми искуствами, которыя всегда избавляютъ насъ отъ опасностей, подобно тому, какъ ты велишь мнѣ заниматься ри- С. торикою, которая защищаетъ насъ въ судахъ?

Калл. Да, клянусь Зевсомъ, я совѣтовалъ тебѣ дѣльно.

Сокр. Что жъ, почтеннѣйшій? наука плавать кажется ли тебѣ достойною уваженія?

Калл. Нѣтъ, клянусь Зевсомъ.

Сокр. Однакожъ и она избавляетъ людей отъ смерти, ког-

да кто находится въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ бываетъ нужна ея помощь? Впрочемъ, если эта кажется
D. тебѣ маловажною,—я назову другую выше этой, напр. кораблевожденіе, которое, какъ и риторика, спасаетъ отъ крайнихъ опасностей—не только души, но и тѣла, и имущество. Кораблевожденіе расположено къ умѣренности и скромности: оно не величается въ блестящемъ нарядѣ, будто совершаетъ что-нибудь чрезвычайное, но, дѣлая то же, что̀ судебная риторика, за благополучный перевозъ съ Эгины сюда беретъ, кажется, два овола, а перевезши изъ Егип-
E. та, либо изъ Понта, и сохранивъ, какъ сейчасъ сказано, и самого тебя, и дѣтей, и имущество, и женщинъ, и доставивъ все это въ пристань, за такое великое благодѣяніе получаетъ—много какъ двѣ драхмы. И не смотря на такое свое искуство и такія дѣла, кораблеводитель, плавая по морю и ходя на кораблѣ, сохраняетъ скромную наружность; ибо умѣетъ, думаю, расчитать, что онъ не знаетъ, кому изъ своихъ сопутниковъ принесъ пользу, не давъ имъ
512. утонуть, и кому вредъ, а знаетъ, что они сошли съ его корабля не лучшими по душѣ и тѣлу, какъ и взошли на него. Кораблеводитель размышляетъ, что кто, тѣлесно пораженный великими и неизлечимыми болѣзнями, не захлебнулся, тотъ жалокъ,—зачѣмъ онъ не умеръ, и тому не принесъ онъ пользы: да и тому, кто многія и неисцѣлимыя болѣзни нося въ душѣ, которая дороже тѣла, не долженъ жить,—и тому не принесъ бы онъ пользы, откуда бы ни исхитилъ
B. его, изъ моря ли то, изъ судилища, или изъ какой другой бѣды. Знаетъ онъ, что человѣку развратному жить не лучше; ибо ему необходимо вести жизнь худо. Поэтому кораблеводителю, хотя онъ и спасаетъ насъ, не въ обычаѣ величаться. Да не въ обычаѣ это, любезный, и механику, который можетъ спасать не менѣе, какъ и военачальникъ, и самый кораблеводитель, и всякій другой; потому что иногда спасаетъ онъ цѣлые города. Не кажется ли тебѣ, что онъ идетъ въ сравненіе съ судебнымъ ораторомъ? И что́

еще? еслибы захотѣлъ онъ говорить, чтò говорите вы,
Калликлъ, и величаться своимъ дѣломъ; то закидалъ бы
васъ словами, разсуждая и убѣждая, что надобно сдѣлать- C.
ся механиками, и что все прочее ничтожно, — вѣдь рѣчь
у него сильна. Однакожъ ты тѣмъ не менѣе презираешь и
его самого, и его искуство, и имя механика произносишь
какбы съ пренебреженіемъ, такъ что за его сына не за-
хотѣлъ бы выдать своей дочери, а за своего—не рѣшился
бы взять его дочь. Но если ты имѣешь причины хвалить
свое; то по какой справедливой причинѣ презираешь ме-
ханика и тѣхъ, о которыхъ я сейчасъ говорилъ? — Знаю,
что скажешь: ты лучше ихъ и отъ лучшихъ происходишь. D.
Но какъ скоро лучшее — не то, чтò лучшимъ называю я,
какъ скоро добродѣтель состоитъ именно въ томъ, чтобы
спасать себя и свое, каковъ бы кто ни былъ; то презрѣніе
твое въ отношеніи къ механику, врачу и другимъ худож-
никамъ, назначеннымъ для спасенія, становится смѣшнымъ.
Смотри-ка, почтеннѣйшій, нѣтъ ли тутъ чего иного—благо-
роднаго и добраго, кромѣ желанія спасать и спасаться. Вѣдь
истинному-то мужу надобно оставить заботу о томъ, чтобы E.
жить какъ можно долѣе: онъ не долженъ быть животолю-
бивъ, но, поручивъ пещись объ этомъ Богу и вѣря жен-
щинамъ, что отъ судьбы никто не уйдетъ, обязанъ изслѣ-
довать, какимъ бы образомъ будущее время своей жизни
провесть наилучше? уподобляться ли тому обществу, въ
которомъ живетъ? а тебѣ слѣдовательно не надобно ли дѣ-
латься сколько можно болѣе похожимъ на аѳинскій народъ, 513.
если хочешь ему нравиться и имѣть великую силу въ го-
родѣ? Но смотри, полезно ли это тебѣ и мнѣ. Знаешь, чтò
случилось съ Ѳессаліянками, которыя, говорятъ, свели лу-
ну [1]. Какъ бы намъ, дружище, пріобрѣтеніе этой силы въ

[1] Объ этомъ миѳѣ см. Voss. ad Virg. Eclog. VIII. v. 69 sqq. Carmina vel coelo possunt deducere luņam. Поговорка «*свести луну*» у Грековъ обратилась въ пословицу. Svidas: ἐπὶ σαυτῷ την σελήνην καθέλκεις· αἱ τὴν σελήνην καθέλκουσαι Θετταλίδες λέγονται τῶν ὀφθαλμῶν καὶ τῶν ποδῶν (Zeno-

городѣ не досталось съ потерею благъ драгоцѣннѣйшихъ.
А если думаешь, что кто-нибудь изъ людей сообщитъ тебѣ
такое искуство, которое, и при твоемъ несходствѣ съ об-
ществомъ—въ хорошемъ ли то или въ худомъ,—сдѣлаетъ
B. тебя сильнымъ въ городѣ: то мнѣ кажется, ты невѣрно ду-
маешь, Калликлъ; потому что надобно не подражать ему,
а внутренно походить на него, когда хочешь войти въ
искреннее дружество съ аѳинскимъ народомъ и даже, кля-
нусь Зевсомъ, съ сыномъ Пириламповымъ. Итакъ, кто сдѣ-
лаетъ тебя весьма похожимъ на нихъ, тотъ сдѣлаетъ тебя,
чего самъ желаешь,—правителемъ и риторомъ: ибо каждый
радъ слову, когда оно созвучно съ его наклонностію; а чуж-
C. дое для ней всякому ненавистно. Развѣ скажешь что другое,
любезная голова? Возразимъ ли противъ этого, Калликлъ?

Калл. Не знаю, какъ-то представляется, что ты, Сок-
ратъ, хорошо говоришь; однакожъ мое чувство—на сторонѣ
большинства: я не очень вѣрю тебѣ.

Сокр. Конечно та, запавшая въ твою душу любовь къ
народу противустоитъ мнѣ, Калликлъ: но если мы будемъ
почаще и получше разсматривать это самое,—повѣришь.
D. Вспомни-ка,—мы назвали два способа попеченія какъ о тѣлѣ,
такъ и о душѣ: одинъ печется объ ихъ удовольствіи, дру-
гой—объ ихъ улучшеніи, и не поблажаетъ, а противится.
Не это ли тогда опредѣлили мы?

Калл, Конечно.

Сокр. Ну такъ тотъ, что̀ для удовольствія, неблагоро-
денъ, и есть не болѣе, какъ ласкательство. Не такъ ли?

Калл. Если хочешь, пусть и такъ.

E. *Сокр.* А другой-то направляется къ тому [1], какъ бы сдѣ-

---

bius leg. *παιδῶν*) *στερίσκεσθαι. Εἴρηται οὖν ἡ παροιμία ἐπὶ τῶν ἑαυτοῖς κακὰ ἐπισπωμένων.* Платонъ этимъ миѳомъ выражаетъ слѣдующую мысль: смотри, Калликлъ, какбы намъ, вмѣстѣ съ властію въ обществѣ, не потерпѣть того же, что потерпѣли Ѳессаліянки, сведши луну съ неба; то-есть, какбы намъ чрезъ эту самую власть не лишиться чистоты сердца, здоровья души или добродѣтели.

[1] То-есть, *τοῦτο σπουδάζει,* — имѣетъ въ виду, какъ бы сдѣлать ихъ наилучшими.

лать ихъ наилучшими, — тѣло ли это будетъ, или душа, о чемъ мы заботимся?

Калл. Конечно.

Сокр. Но не такъ ли слѣдуетъ намъ взяться за попеченіе
о городѣ и гражданахъ, чтобы сдѣлать ихъ гражданами на-
илучшими?—ибо безъ этого, если, то-есть, разсудокъ ихъ не
будетъ добропорядоченъ, нѣтъ пользы, какъ мы прежде на-
шли, оказывать имъ какое-нибудь благодѣяніе,—давать мно- 514.
го денегъ, ввѣрять надъ кѣмъ-либо власть, или облекать
ихъ иною силою. Положимъ ли, что это такъ?

Калл. Конечно, если тебѣ угодно.

Сокр. Пусть же теперь мы, занимаясь публично граждан-
скими дѣлами, приглашаемъ другъ друга къ домостроитель-
ству, къ построенію либо стѣнъ, либо судовъ, либо хра-
мовъ, — къ возведенію большихъ зданій. Не надлежало ли
намъ сперва разсмотрѣть самихъ себя и испытать — во-пер- B.
выхъ, знаемъ ли мы это строительное искуство, или не зна-
емъ, и у кого учились ему? Надлежало или нѣтъ?

Калл. Конечно.

Сокр. А во-вторыхъ слѣдующее: построили ли мы сами
по себѣ когда-нибудь зданіе—либо кому изъ друзей, либо
себѣ самимъ, и красиво ли то зданіе, или безобразно? Если
чрезъ разсмотрѣніе откроется, что у насъ были отличные и
славные учители, что много прекрасныхъ зданій воздвигли мы C.
вмѣстѣ съ учителями, а многія построили самостоятельно, ког-
да уже оставили своихъ учителей; то, подъ условіемъ такого
состоянія, благоразумно будетъ приступить намъ къ дѣламъ
общественнымъ. А когда мы не можемъ указать ни на сво-
ихъ учителей, ни на какія-либо зданія, или, хотя и много
ихъ, да они ничего не стоятъ; — благоразуміе вѣроятно уже
не позволило бы намъ браться за дѣла общественныя и
приглашать къ нимъ другъ друга. Справедливо ли это, ска-
жемъ, или несправедливо?

Калл. Конечно. D.

Сокр. Не такъ ли бываетъ и все прочее, какъ было бы,

когда, принимаясь, напримѣръ, за общественную практику, мы бы, по обычаю искусныхъ врачей, пригласили другъ друга и разсматривали—я тебя, а ты меня: что, ради боговъ, самъ-то Сократъ каковъ въ тѣлесномъ своемъ здоровьѣ? притомъ, исцѣлилъ ли онъ отъ болѣзни кого другаго,—раба или свободнаго? Подобное этому и я изслѣдовалъ бы, думаю,
E. въ отношеніи къ тебѣ. И еслибы мы нашли, что чрезъ насъ по тѣлу лучшимъ не сдѣлался никто—ни изъ иностранцевъ, ни изъ Аѳинянъ, ни мужчина, ни женщина; то, ради Зевса, Калликлъ, не смѣшно ли въ самомъ дѣлѣ было бы дойти людямъ до такого безумія, что прежде чѣмъ удалось намъ многое произвесть какъ-нибудь частно, многое совершить съ похвалою, успѣшно занявшись искуствомъ; мы, по пословицѣ-таки, беремся устроить гончарню въ бочкѣ [1],—рѣшаемся и сами имѣть общественную практику, и другихъ приглашать къ тому же? Не кажется ли тебѣ, что безумно было бы поступать такимъ образомъ?

515. *Калл.* Кажется.

Сокр. Но теперь, такъ какъ ты, наилучшій изъ людей, едва начавъ самъ участвовать въ дѣлахъ города, уже приглашаешь меня и укоряешь, что я не участвую въ нихъ,—теперь не разсмотрѣть ли намъ другъ друга? Что, Калликлъ сдѣлалъ ли лучшимъ кого-нибудь изъ гражданъ? Есть ли такой иностранецъ или Аѳинянинъ, рабъ или свободный, кто, прежде бывъ несправедливымъ, злымъ, развратнымъ и безразсуднымъ, чрезъ Калликла сталъ прекрасенъ и добръ?
B. Положимъ, спросятъ тебя объ этомъ, Калликлъ: скажи мнѣ, чтò будешь отвѣчать,—кого назовешь, кто, чрезъ обращеніе съ тобою, сталъ человѣкомъ лучшимъ?—Медлишь отвѣтомъ, не знаешь, найдется ли такое дѣло въ частной твоей жизни, прежде чѣмъ взялся ты за дѣла общественныя?

Калл. Спорщикъ ты, Сократъ.

---

[1] *Устроить гончарню въ бочкѣ.* Объ этой пословицѣ см. примѣч. къ Лахесу p. 187 B. *Erasm.* Adagg. p. 227.

Сокр. Однакожъ я спрашиваю-то не по любви къ спору, а потому, что дѣйствительно хочу знать, какимъ образомъ должно быть управляемо наше общество, и приступившій къ дѣламъ города будетъ ли у насъ имѣть, какую- C.
нибудь иную заботу, кромѣ той, какъ бы намъ, гражданамъ, сдѣлаться наилучшими. Не согласились ли мы уже нѣсколько разъ, что въ этомъ именно состоитъ долгъ политика? Согласились или нѣтъ?—Отвѣчай.—Я за тебя отвѣчаю, что согласились. — Если же мужъ добрый обязанъ этимъ услуживать своему городу, то подумай теперь и скажи: тѣ мужи, о которыхъ недавно упоминалъ ты,—Периклъ, Кимонъ, Мильтіадъ, Ѳемистоклъ,—еще ли кажется D.
тебѣ, были гражданами добрыми?

Калл. Мнѣ-то кажется.

Сокр. А если добрыми, то явно, что каждый изъ нихъ дѣлалъ худшихъ своихъ гражданъ лучшими. Дѣлалъ или нѣтъ?

Да.

Сокр. Когда, то-есть, Периклъ начиналъ говорить народу, Аѳиняне были хуже, чѣмъ тогда, когда онъ оканчивалъ свою рѣчь?

Калл. Можетъ быть.

Сокр. Но на основаніи допущеннаго, говори уже не *можетъ быть,* а необходимо, какъ скоро онъ былъ добрымъ-то гражданиномъ.

Калл. Такъ что жъ? E.

Сокр. Ничего. Скажи-ка мнѣ къ этому вотъ что: говорятъ ли, что чрезъ Перикла Аѳиняне стали лучшими, или утверждаютъ противное,—что они испорчены Перикломъ [1]?

---

[1] Показавъ, что ораторы не должны льстить народу и стремиться къ личной пользѣ, Сократъ естественно не могъ уже одобрить управленія Перикдова; потому что съ того самаго времени, какъ началъ Периклъ управлять республикою, Аѳиняне стали болѣе и болѣе портиться нравственно,—предавались лѣности и праздности, непрестанно искали увеселеній, цѣлые дни проводили то въ театрахъ, то въ циркахъ, то въ общественныхъ собра-

Вѣдь я слышалъ, будто онъ сдѣлалъ Аѳинянъ лѣнивыми, робкими, болтливыми и жадными къ деньгамъ, потому что первый установилъ давать за службу жалованье [1].

Калл. Ты, Сократъ, слушаешь людей съ проколотыми ушами [2].

Сокр. Но я не только слышу это,—самъ ясно знаю, равно какъ и ты, что Периклъ сперва пользовался славою, и Аѳиняне, пока были хуже, не произносили никакого мнѣнія
516. къ его безчестію, а при концѣ жизни Перикла, когда чрезъ него сдѣлались прекрасными и добрыми, обвинили его въ расхищеніи казны [3] и даже едва не наказали смертію,— разумѣется, какъ человѣка дурнаго.

Калл. Что жъ? поэтому Периклъ былъ нехорошъ?

Сокр. Ну да попечитель объ ослахъ, лошадяхъ, быкахъ,

ніяхъ, любили пустословить на площадяхъ, *ὥςτε εἰς οὐδὲν ἕτερον εὐχαίρουν, ἢ λέγειν τι καὶ ἀκούειν καινότερον*, оставили прежнюю простоту нравовъ и почитали дѣломъ моды убивать время, смотря по возрасту и наклонностямъ, либо въ игрѣ, либо въ сообществѣ съ гетерами. *Athen.* XII. 8. p. 532 D. Плутархъ замѣчаетъ (v. Periclis) что Периклъ сперва самъ пріучалъ народъ къ такому роду жизни, желая нравиться ему *καὶ πρὸς χάριν πολιτευθῆναι*, съ цѣлію одолѣть враждебныя себѣ партіи; а потомъ, когда власть его въ республикѣ утвердилась, онъ вздумалъ было стараться объ улучшеніи гражданъ, но уже не могъ измѣнить нравственнаго ихъ направленія и въ могилу сопровождаемъ былъ ропотомъ и недовольствомъ волновавшихся Аѳинянъ.

[1] По словамъ Ульпіана (ad orat. Demosth. *περὶ συντάξεως*), Периклъ *ἔταξε μισθοφορὰν καὶ ἔδωκε τῷ δήμῳ στρατευομένῳ* p. 50. *Ἰδέως τὸν μισθὸν τῶν στρατευομένων οἱ παλαιοὶ μισθοφορὰν ἔλεγον.* Но въ этомъ мѣстѣ Платонъ, повидимому, разумѣетъ вообще жалованье, или, можетъ быть, денежныя награды за службу. По крайней мѣрѣ Аристотель говоритъ о Периклѣ (Polit. I. 11) *τὰ δικαστήρια μισθοφόρα κατέστησε Περικλῆς*. Сравн. *Beckeri* Anecdot. T. I. p. 158. *Μισθοφορῶ· μισθοῦ στρατεύομαι ἢ ὑπηρετῶ.*

[2] Калликлъ разумѣетъ Спартанцевъ См. прим. къ Прот. p. 342 B. Надъ такими людьми смѣется Аристофанъ (Avv. v. 1281). Калликлъ этими словами хотѣлъ выразить нерасположеніе свое къ строгому спартанскому образу мыслей и къ спартанской жизни.

[3] Діодоръ (XII. c. 38 p. 306 B) разсказываетъ, что Периклъ присвоилъ себѣ значительную часть капитала, составленнаго союзными республиками, и не могши дать въ немъ отчета, возбудилъ Пелопонесскую войну. Обвиняли его и въ утаеніи тѣхъ денегъ, на которыя Фидіасу положено было одѣть статую Минервы. *Diod.*

какъ попечитель, конечно показался бы нехорошимъ, еслибы, принявъ ихъ нелягающимися, небодающими и некусающими, довелъ до того, что они, по дикости, стали бы дѣлать все это. Развѣ не кажется тебѣ, что какой-нибудь попечитель о какомъ-нибудь животномъ—нехорошъ, когда, принявъ его хорошимъ, выставилъ болѣе дикимъ, чѣмъ ка- B.
кимъ принялъ? Кажется, или нѣтъ?

Калл. Конечно,—чтобъ угодить тебѣ.

Сокр. Угоди же мнѣ отвѣтомъ и на это: принадлежитъ ли и человѣкъ къ числу животныхъ, или не принадлежитъ?

Калл. Какъ же не принадлежитъ!

Сокр. Но Периклъ не о людяхъ ли имѣлъ попеченіе?

Калл. Да.

Сокр. Что жъ? не надлежало ли имъ, какъ мы сейчасъ согласились, изъ несправедливыхъ сдѣлаться чрезъ него справедливѣе, если только онъ, бывъ въ политическомъ отношеніи добрымъ, имѣлъ о нихъ попеченіе? C.

Калл. Конечно.

Сокр. Но справедливые-то не кротки ли, какъ сказалъ Омиръ [1]? А ты чтò скажешь? Не такъ?

Калл. Такъ.

Сокр. Однакоже Периклъ выставилъ ихъ болѣе дикими, чѣмъ какими принялъ,—и притомъ къ себѣ самому, чего хотѣлъ онъ всего менѣе.

Калл. Хочешь, чтобы я согласился съ тобою?

Сокр. Если только кажется тебѣ, что я говорю правду.

Калл. Пусть ужъ такъ.

Сокр. А когда болѣе дикими, то не болѣе ли также несправедливыми и худшими?

Калл. Пускай. D.

---

[1] Сократъ указываетъ здѣсь на 119—121 стихи въ 6-й книгѣ Одиссеи:

Горе! къ какому народу зашелъ я! Быть можетъ, здѣсь область
Дикихъ, незнающихъ правды людей? Иль, можетъ быть, встрѣчу
Смертныхъ привѣтливыхъ, богобоязненныхъ, гостепріимныхъ.

Сокр. Но отсюда слѣдуетъ, что въ политическомъ отношеніи Периклъ не былъ добръ.

Калл. Какъ ты-то говоришь, такъ не былъ.

Сокр. Да и какъ ты, клянусь Зевсомъ, судя по допущеннымъ тобою положеніямъ. Но говори мнѣ еще и о Кимонѣ. Эти Аѳиняне, о которыхъ онъ имѣлъ попеченіе, не осудили ли его на изгнаніе, чтобы не слышать его голоса десять лѣтъ? Не то же ли самое сдѣлали они и съ Ѳемистокломъ, наказавъ его ссылкою? А Мильтіада мараѳонскаго
E. не приговорили ли бросить въ ровъ? да и бросили бы, — не вступись только предсѣдатель Пританіона [1]. Между тѣмъ, еслибы они были, какъ ты говоришь, мужи добрые, никогда не потерпѣли бы этого. Неужели добрые-то возничіе сперва не падаютъ съ двухконной повозки, а когда уже объѣздили лошадей и сами сдѣлались лучшими возничими, — падаютъ? Такъ не бываетъ ни въ какомъ другомъ дѣлѣ. Или тебѣ кажется?

Калл. Нѣтъ.

Сокр. Слѣдовательно прежнее наше положеніе, какъ вид-
517. но, справедливо, что въ этомъ городѣ мы не знаемъ ни одного человѣка, который въ смыслѣ политическомъ былъ бы добръ. Да и ты согласенъ, что, нынѣ по крайней мѣрѣ, такихъ нѣтъ, а прежде, говоришь, были, и представилъ упомянутыхъ нами мужей. Но эти мужи оказались равнаго достоинства съ нынѣшними; такъ что, если они были риторами, то пользовались риторикою и не истинною,—иначе не пали бы, — и не спасительною.

Калл. Однакожъ никому изъ нынѣшнихъ, Сократъ, далеко
B. не совершить такихъ дѣлъ, какія совершилъ любой изъ тѣхъ.

Сокр. Но вѣдь я порицаю ихъ, почтеннѣйшій, только какъ слугъ города, и мнѣ кажется, что нынѣшніе-то сдѣлались услужливѣе и способнѣе обогатить городъ тѣмъ, чего

---

[1] *Предсѣдатель Пританіона,* по-гречески просто ὁ πρύτανις, коего должность состояла въ позволеніи народу подавать голоса, ἐπιψηφίζειν.

онъ желаетъ. А чтобъ ограничивать пожеланія и не позволять ихъ, убѣждая и принуждая гражданъ стремиться къ тому, отъ чего они вышли бы лучшими,—этимъ прежніе, просто сказать, нисколько не отличаются отъ нынѣшнихъ, хотя доброму гражданину свойственно это одно [1]. Вотъ что касается до построенія кораблей, стѣнъ, флотовъ и многаго другаго, C.
то и я согласенъ съ тобою, что тѣ были успѣшнѣе этихъ.— Впрочемъ, ведя такъ разговоръ, мы—я и ты—дѣлаемъ что-то смѣшное, ибо во все время бесѣды не перестаемъ возвращаться къ одному и тому же предмету и оставаться въ невѣденіи того, что̀ говоритъ каждый изъ насъ. Въ самомъ дѣлѣ, ты, кажется, уже нѣсколько разъ согласился и дознал, что дѣятельность въ отношеніи и къ тѣлу и къ душѣ бываетъ двоякая,—слѣдующихъ видовъ: одна—услужливая, можно ли, напримѣръ, когда тѣла алчутъ, доставить имъ пищу, когда D.
жаждутъ,—питье, когда зябнутъ,—одежду, постель, обувь и все другое, чего приходится желать тѣлу. (Я нарочно объясняю тебѣ тѣми же подобіями, чтобы ты легче понялъ). Кто доставляетъ это, тотъ — либо цѣловальникъ, либо купецъ [2], либо производитель которой-нибудь изъ такихъ ве-

---

[1] Платонъ различаетъ двѣ цѣли государственнаго правленія: первую — τὰ τῆς πόλεως и вторую — αὐτὴν τὴν πόλιν διοικεῖν. Первой цѣли правитель достигаетъ тогда, когда сословія общества обогащаетъ внѣшними или матеріальными благами; а къ послѣдней идетъ онъ, улучшая нравственное состояніе гражданъ. Знаменитые вожди Аѳинянъ въ прежнія времена, говоритъ Платонъ, дѣйствительно многое дѣлали для тѣла—πρὸς τὰ τῆς πόλεως, то-есть прославили общество силою оружія, ободрили и распространили его торговлю, доставили ему разнообразныя удобства жизни: но имѣя въ виду только это и не заботясь о внутреннемъ или нравственномъ улучшеніи гражданъ,— αὐτῆς τῆς πόλεως, они дѣлали обществу болѣе вреда, чѣмъ пользы; потому что нравственно-худымъ людямъ богатство, внѣшняя слава и проч. служитъ не въ помощь, а въ погибель.

[2] Въ коммерческомъ сословіи аѳинскаго народа Платонъ различаетъ два рода продавцовъ. Перваго рода продавцы—ἔμποροι, по нашему, купцы, занимающіеся оптовою торговлею,—это биржевые агенты въ мірѣ коммерческомъ; они продаютъ товары, не измѣняя достоинства самыхъ товаровъ. Другой классъ продавцовъ—κάπηλοι, или торговцы мелочные, которые, покупая предметы торговли оптомъ, продаютъ ихъ по частямъ, высшею цѣною, и сверхъ того смѣшиваютъ, поддѣлываютъ и, такимъ образомъ уменьшая внутреннюю

щей, напримѣръ, или хлѣбникъ, или поваръ, или ткачь,
E. или сапожникъ, или кожевникъ. И нѣтъ ничего удивительнаго, что такой человѣкъ окажется попечителемъ тѣла—и себѣ, и другому, и каждому; онъ не знаетъ, что, кромѣ всѣхъ этихъ занятій, есть искуства гимнастическое и врачебное, которыя имѣютъ истинное попеченіе о тѣлѣ, которыя должны начальствовать надъ всѣми тѣми искуствами и пользоваться ихъ дѣлами съ сознаніемъ того, что такая-то пища,
518. либо такое-то питье полезно для крѣпости тѣла, или вредно, тогда какъ тѣ другія искуства не знаютъ этого. И вотъ почему тѣ другія искуства въ своей дѣятельности касательно тѣла суть рабскія, услуживающія и несвободныя, а гимнастическое и врачебное въ отношеніи къ нимъ справедливо почитаются господствующими. То же самое и въ разсужденіи души. Да иногда ты, кажется, и понимаешь мои слова и соглашаешься, какбы зная, что̀ я говорю; а потомъ, немного спустя, приходишь къ мысли, что въ городѣ бывали гражда-
B. не прекрасные и добрые. Но когда я спрашиваю, кто они, ты указываешь мнѣ, повидимому, на такихъ же людей въ отношеніи къ дѣламъ политическимъ, какъ еслибы я спросилъ тебя о дѣлахъ гимнастическихъ, кто были, или теперь есть попечители тѣлъ, а ты очень серьезно отвѣчалъ бы мнѣ: хлѣбникъ Өеоріонъ, описатель повареннаго дѣла въ Сициліи, Миөэкъ, и торговецъ Сарамвъ, говоря, что они-то дивно пеклись о тѣлахъ, — одинъ приготовлялъ чудесный хлѣбъ, дру-
C. гой—кушанье, третій—вино. Можетъ быть, въ то время тебѣ стало бы досадно, еслибы я сказалъ на это: человѣкъ! ты нисколько не знаешь гимнастики, когда называешь людей, услуживающихъ и угождающихъ пожеланіямъ, въ которыхъ они не смыслятъ ничего прекраснаго и добраго. Такіе искусники, хвалимые нами, если случится, наполнивъ и начинивъ тѣла

цѣнность продаваемыхъ вещей, чрезъ то самое теряютъ уваженіе къ себѣ общества. По крайней мѣрѣ у Грековъ *κάπηλοι* не пользовались выгоднымъ мнѣніемъ согражданъ. *Heindorf.* ad h. l. ad Horat. Satyr. 1, 1, 6. къ Протаг. 372 C.

людей, готовы истребить въ нихъ и давнюю плоть: начиненные же будутъ виновниками болѣзней и потери преж- D.
няго тѣла, по неопытности почитать не угощателей, а тѣхъ, кому придется при нихъ быть и что-нибудь совѣтовать, тогда какъ пресыщеніе, не соображенное съ здоровьемъ, повергло уже ихъ въ болѣзненное состояніе на все послѣдующее время. Этихъ станутъ они обвинять, бранить и даже, если можно, причинять имъ зло, а первыхъ, дѣйствительныхъ виновниковъ зла, превозносить похвалами. Очень E.
подобное этому дѣлаешь теперь и ты, Калликлъ: хвалишь такихъ людей, которые на своихъ пирахъ угощали Аѳинянъ всѣмъ, чего имъ хотѣлось. И вотъ говорятъ, будто они сдѣлали городъ великимъ; а что этотъ городъ опухъ и что тѣ прежніе только прикрыли его раны [1], того не замѣчаютъ. Безъ всякой разсудительности и справедливости, они наполнили его гаванями, флотами, стѣ- 519.
нами, пошлинами и другими подобными пустяками: а какъ наступитъ этотъ привалъ слабости,—станутъ обвинять тогдашнихъ совѣтниковъ; Ѳемистокла же, Кимона и Перикла — дѣйствительныхъ виновниковъ зла, будутъ превозносить похвалами. Можетъ быть, возмутъ и тебя, если не поостережешься, и друга моего Алкивіада [2], когда для новыхъ пріобрѣтеній потеряютъ прежнія, хотя вы — не производители зла, а развѣ помощники ихъ. Впрочемъ вижу, B.
бываетъ нѣчто безразсудное и теперь, что̀, слышу, бывало

---

[1] *Опухъ—прикрыли раны.* Эту мысль Платонъ весьма мѣтко выражаетъ только двумя чрезвычайно знаменательными словами: *οἰδεῖ καὶ ὕπουλός ἐστι.* Аѳинская республика, во времена Перикла, по внѣшнему своему состоянію, казалась сильною, цвѣтущею, богатою и, по своему тогдашнему вліянію, обширною. Но такъ какъ внутри ея развивался развратъ, кипѣли страсти, обобщались самыя низкія злоупотребленія, и пороки, растлѣвавшіе внутреннюю пружину государственной жизни, скрываясь подъ благообразными формами внѣшности, не почитались уже пороками; то внѣшнее благоденствіе аѳинской республики дѣйствительно было не иное что, какъ болѣзненная пухлость и красивая накладка на гніющихъ и смрадныхъ ранахъ общественнаго тѣла.

[2] Платонъ указываетъ безъ сомнѣнія на экспедицію противъ Сициліи, которую предпринять присовѣтовалъ Аѳинянамъ Алкивіадъ, и которая, какъ извѣстно, была весьма гибельна для Аѳинянъ.

съ мужами древними. Замѣтно вѣдь, что когда городъ съ кѣмъ-либо изъ политиковъ поступаетъ, какъ съ обидчикомъ, иные досадуютъ и жалуются, что терпятъ притѣсненіе: вотъ мы, говорятъ, сдѣлали городу много добра, и однакожъ несправедливо гибнемъ отъ него. А это — совершенная ложь. Ни одинъ начальникъ никогда не гибнетъ
C. несправедливо отъ того самаго города, надъ которымъ начальствуетъ. Съ людьми, выдающими себя за политиковъ, должно быть, случается то же самое, что̀ съ софистами. Вѣдь и софисты, сколь ни мудры впрочемъ они, въ этомъ поступаютъ боэтолково: называя себя учителями добродѣтели, эти наставники часто жалуются на своихъ учениковъ, что они обижаютъ ихъ, — не платятъ имъ денегъ, и вообще остаются неблагодарными за оказанныя имъ благодѣянія. Можетъ ли что-нибудь быть несообразнѣе этихъ рѣчей? Чтобы люди, сдѣлавшись добрыми и справедливыми, из-
D. бавившись отъ несправедливости чрезъ своего учителя и стяжавъ справедливость, стали обижать тѣмъ, чего не имѣютъ? Не кажется ли тебѣ это безтолковымъ, другъ мой? — Не желая отвѣчать, ты, Калликлъ, уже въ самомъ дѣлѣ заставилъ меня ораторствовать.

Калл. А развѣ ты не можешь говорить, если тебѣ не отвѣчаютъ?

Сокр. Походитъ-таки; теперь же протянулъ такую длин-
E. ную рѣчь — именно потому, что не хочешь отвѣчать. Но скажи, ради покровителя дружбы, добрый человѣкъ, не кажется ли тебѣ несообразнымъ — говорить, что такого-то сдѣлали мы добрымъ, и потомъ порицать его за то, что, бывъ чрезъ насъ и будучи добръ, онъ является злымъ?

Калл. Мнѣ кажется.

Сокр. А не слышишь ли, что такъ говорятъ люди, по сло-
520. вамъ ихъ, наставляющіе другихъ въ добродѣтели?

Калл. Слышу. Но зачѣмъ упоминать о людяхъ ничтожныхъ[1]?

---

[1] Этотъ отзывъ Калликла о софистахъ, какъ о людяхъ ничтожныхъ, вѣ-

Сокр. Зачѣмъ же самъ упоминаешь о тѣхъ, которые, говоря, что начальствуютъ надъ городомъ и заботятся, какъ бы быть ему наилучшимъ, при случаѣ снова обвиняютъ его, какъ общество негоднѣйшее? Послѣдніе развѣ, думаешь, отличаются отъ первыхъ? Софистъ и риторъ — одно и то же, почтеннѣйшій, по крайней мѣрѣ нѣчто близкое и сходное, какъ я говорилъ Полосу. А ты, по незнанію, первое, то-есть риторику, почитаешь чѣмъ-то прекраснымъ, а другое пори- B.
цаешь. На самомъ дѣлѣ, софистика даже лучше риторики, какъ законоположница лучше судебницы, гимнастика лучше медицины. Для однихъ ораторовъ и софистовъ я и считалъ непозволительнымъ порицать гражданъ за то, чему сами учатъ ихъ, что, то-есть, въ отношеніи къ своимъ учителямъ они — зло. Иначе, на этомъ же основаніи имъ слѣдовало бы порицать и самихъ себя, что они нисколько не принесли пользы тѣмъ, для кого обѣщались быть полезными. Не такъ ли?

Калл. Конечно. C.

Сокр. Имъ-то однимъ повидимому и свойственно было благодѣтельствовать безъ награды, если они говорили правду; ибо облагодѣтельствованный какъ-нибудь иначе, напримѣръ, получившій отъ педотрива способность скоро ходить, можетъ быть, имѣлъ бы еще возможность лишить его благодарности, когда бы педотривъ, преподавъ ему это искуство и сошедшись съ нимъ въ цѣнѣ, получилъ деньги не въ ту самую минуту, когда преподалъ[1]: потому что люди поступаютъ несправедливо, думаю, не медленностію, а несправедли- D.
востію. Не правда ли?

Калл. Да.

Сокр. Итакъ, кто уничтожаетъ это самое,—несправедли-

роятно, относится къ Протагору, Продику и другимъ, которые называли себя учителями добродѣтели; ибо Горгіасъ, по его объявленію, былъ учитель не добродѣтели, а риторики и гражданскаго краснорѣчія. Men. p. 95 C.

[1] Мысль та, что ученикъ педотрива, научившись отъ него скоро ходить, въ доказательство своихъ успѣховъ въ бѣганьѣ, могъ бы уйти отъ него, не заплативши денегъ.

вость, тому нечего бояться, какъ бы не поступили съ нимъ несправедливо: лишь бы только свое благодѣяніе дѣлалъ онъ навѣрное, если кто-нибудь по истинѣ можетъ дѣлать людей добрыми. Не такъ ли?

Калл. Согласенъ.

Сокр. Поэтому-то, видно, за деньги подавать какіе-либо другіе совѣты, напримѣръ, касательно домостроительства и подобныхъ искуствъ, — нисколько не постыдно.

E. *Калл.* Да, видно.

Сокр. А касательно этого-то дѣла, то-есть, какимъ бы образомъ быть человѣкомъ наилучшимъ и превосходно управлять своимъ домомъ или городомъ, признано за постыдное не совѣтовать, если не даютъ денегъ. Не правда ли?

Калл. Да.

Сокр. Вѣдь явно, что по этой-то причинѣ упомянутое благодѣяніе само возбуждаетъ въ облагодѣтельствованномъ желаніе заплатить за него; такъ что сдѣлавшій добро — если за свое благодѣяніе вознаграждается, — это уже хорошій знакъ, а когда не вознаграждается, — нехорошій. Такъ ли бываетъ?

521. *Калл.* Такъ.

Сокр. Опредѣли же мнѣ: къ какой гражданской службѣ приглашаешь меня? Къ той ли, въ которой я, какбы врачь, долженъ бороться съ Аѳинянами, чтобы они были людьми наилучшими, или къ той, въ которой надобно прислуживаться и говорить имъ угодное? Скажи мнѣ правду, Калликлъ. Вѣдь если ужъ ты началъ говорить со мною откровенно, то по справедливости обязанъ наконецъ высказать, что̀ думаешь. Скажи же дѣльно и искренно.

B. *Калл.* Изволь, говорю, что къ той, въ которой надобно прислуживаться.

Сокр. Стало быть, ты приглашаешь меня къ ласкательству, благороднѣйшій человѣкъ?

Калл. Когда тебѣ нравится, Сократъ, такого человѣка

называть Мидяниномъ [1], — пускай. Но если этого-то не будешь дѣлать?

Сокр. Не говори, что говорилъ уже многократно, то-есть, меня убьетъ всякій, кто захочетъ,—чтобы и я опять не сказалъ: злой—добраго; или: у меня отнимутъ имущество, — чтобы и мнѣ снова не пришлось сказать: отнявшій не найдетъ, чтò дѣлать съ отнятымъ, и какъ несправедливо у меня C.
отнялъ, такъ несправедливо будетъ и пользоваться полученнымъ,—а если несправедливо, то и постыдно, если постыдно, то и дурно.

Калл. Какъ ты увѣренъ, Сократъ, кажется мнѣ, что ничего такого не случится, будто живешь далеко и не можешь быть приведенъ въ судъ, положимъ, какимъ-нибудь злонамѣреннымъ и дурнымъ человѣкомъ!

Сокр. Стало быть, я въ самомъ дѣлѣ глупъ, Калликлъ, если не думаю, что въ этомъ городѣ могутъ быть случайности, которыя кто-нибудь испытываетъ. По крайней мѣрѣ, мнѣ извѣстно то, что когда я пойду въ судъ, подвергаясь D.
которой-либо изъ упомянутыхъ тобою опасностей,—вводящій меня будетъ человѣкъ злой; потому что ни одинъ добрый не захочетъ ввести невиннаго. Да и не было бы ничего страннаго, еслибы я долженъ былъ умереть. Хочешь ли, скажу тебѣ, почему ожидаю этого?

Калл. И очень.

---

[1] Племя Мидянъ у Грековъ вошло въ пословицу, какъ низкое и презрѣнное. Пословица *Μυσῶν ὁ ἔσχατος*, часто повторяема была и другими писателями, и Платономъ (Theaetet. p. 209 B). Имя Мидянъ Грекамъ не нравилось; а ласкательства мидійскаго они, какъ видно, не чуждались, хотя никакъ не соглашались называть это ласкательствомъ. На счетъ Мидянъ у Грековъ была и другая пословица: *Μυσῶν λεία*, по объясненію Свиды, *παροιμία ἐπὶ τῶν κακῶς διαρπαζομένων. Οἱ γὰρ περίοικοι κατ᾽ ἐκεῖνον τὸν χρόνον τοὺς Μυσοὺς ἐληΐζοντο*. Эту пословицу Корнарій и Казавбонъ вносятъ и въ настоящій текстъ, ибо читаютъ его такъ: *εἰ μή σοι Μυσῶν γίγνεσθαι ἥδιον λείαν*. Олимпіодоръ соглашаетъ эти тексты и смыслы слѣдующимъ образомъ: *Ἡ παροιμία αὕτη ἐκ τοῦ Τηλέφου ἐστὶν Εὐριπίδου. Ἐκεῖ γὰρ ἐρωτᾷ τις περὶ τοῦ Τηλέφου, καί φησι τὸ Μυσὸν Τήλεφον. Εἴτε δὲ Μυσὸς ἦν εἴτε ἄλλοθεν ποθέν, πῶς ὅτι ὁ Τήλεφος γνωρίζεται. οὕτω καὶ ἐνταῦτα εἴτε κόλακα θέλεις εἰπεῖν τὸν τοιοῦτον, εἴτε διάκονον, εἴτε ὀντιναοῦν, δεῖ, φησὶν ὁ Καλλικλῆς, τοιοῦτον εἶναι περὶ τὴν πόλιν.*

Сокр. Я, съ немногими, думаю, Аѳинянами, чтобъ не
сказать,—одинъ изъ нынѣшнихъ Аѳинянъ, берусь за истинно-политическое
искуство и совершенно политическія дѣла.
А такъ какъ всегда высказываемыя мною мысли высказываются
не въ угожденіе и не для удовольствія, а для цѣли
Е. наилучшей,—ибо я не хочу дѣлать то, чтò ты совѣтуешь,
дѣлать этотъ высокопарный вздоръ;—то въ судѣ мнѣ и нечего
будетъ отвѣчать. Придется говорить то же, чтò сказалъ я Полосу[1]:
надо мною произведенъ будетъ судъ, какъ, по обвиненію
повара, дѣти производили бы судъ надъ врачемъ. Смотри
самъ, чтò могъ бы сказать въ свое оправданіе такой человѣкъ,
взятый по такому дѣлу, еслибы, то-есть, кто-нибудь
обвинялъ его и говорилъ: дѣти! этотъ и вамъ самимъ
надѣлалъ много зла, и портитъ юнѣйшихъ между вами;
онъ и рѣжетъ, и жжетъ, и изсушаетъ, и душитъ, — не
522. знаешь, чтò дѣлать, —даетъ самые горькіе напитки, принуждаетъ
алкать и жаждать, тогда какъ я услаждаю васъ
многими и различными удовольствіями. Опутанный такимъ
обвиненіемъ, чтò, по твоему мнѣнію, можетъ сказать врачь?
Положимъ, скажетъ онъ правду: все это дѣлалъ я, дѣти, для
вашего здоровья;—сколько, думаешь, крику поднимутъ такіе
судьи! Не много ли?

Калл. Можетъ быть; да и вѣдомо.

Сокр. И какъ тебѣ кажется, не будетъ ли онъ въ величайшемъ
затрудненіи, чтò ему дѣлать?

В. *Калл.* Конечно.

Сокр. Такое именно состояніе достанется, знаю, испытать
и мнѣ, когда войду въ судилище. Вѣдь я не могу исчислить
тамъ доставленныхъ имъ удовольствій, которыя они
называютъ благодѣяніями и пользами, да и не завидую ни
тѣмъ, кто доставляетъ ихъ, ни тѣмъ, кому онѣ доставляются.
И если скажутъ, что я порчу иногда младшихъ, приводя
ихъ въ недоумѣніе, иногда старшихъ, заставляя ихъ частно

---

1 Указывается p. 464 D. *ὥςτ' εἰ δέοι ἐν παισὶ διαγωνίζεσθαι ὀψοποιόν τε καὶ ἰατρὸν κ. τ. λ.*

и всенародно произносить горькое слово; то мнѣ не вымолвить ни истины, что все это говорю я справедливо и поступаю такъ именно для васъ, судьи,—ни чего-либо другаго, но, можетъ быть, придется терпѣть, что̀ бы ни случилось. C.

Калл. И тебѣ кажется, Сократъ, что такое состояніе человѣка въ городѣ, такое безсиліе его помочь самому себѣ, есть дѣло хорошее?

Сокр. Да, если только въ немъ имѣется то, Калликлъ, на что ты многократно соглашался,—если, то-есть, онъ помогъ себѣ тѣмъ, что и не говорилъ и не дѣлалъ ничего несправедливаго, какъ въ отношеніи къ людямъ, такъ и въ D.
отношеніи къ богамъ. Вѣдь подобная помощь уже много разъ признана нами за превосходнѣйшую. Итакъ, когда бы доказали мнѣ, что такой помощи я не могу подать ни себѣ, ни другому, то обличенный и предъ многими, и предъ немногими, и глазъ на глазъ, я стыдился бы и, случись, что чрезъ это безсиліе надлежало бы умереть, — мнѣ было бы досадно. Но если необходимость велитъ подвергнуться смерти по недостатку льстивой риторики, то знаю, увидишь, что смерть я перенесу равнодушно; ибо кто не вовсе безразсуденъ и малодушенъ, тотъ самой смерти не E.
боится, а боится несправедливости. Вѣдь только душѣ, преисполненной многими неправдами, идти въ преисподнюю есть крайнее изъ всѣхъ золъ. А что это такъ, хочешь ли, передамъ тебѣ сказаніе?

Калл. Да, если другое-то кончилъ, кончи и это.

Сокр. Выслушай же прекрасное, какъ говорится, сказа- 523.
ніе [1], которое ты сочтешь, думаю, за басню, а я называю

[1] Слѣдуетъ прекрасное, поэтически и миѳически изложенное преданіе о судьбѣ душъ послѣ этой жизни. Подобный разсказъ предлагаетъ Платонъ въ Федонѣ p. 107 D sqq. и въ Политикѣ p. 614 sqq.; но каждый изъ этихъ разсказовъ имѣетъ свои особенности, примѣнительно къ цѣли діалога. Внесенное здѣсь слово *какъ говорится*, *φασί*, было обыкновеннымъ, провербіальнымъ началомъ историческаго либо баснословнаго разсказа. Tim. p. 20 D. *Сказаніе* — здѣсь *μῦθος*, сказка не сказка, а присказка. Legg. IX p. 872 D. Phaedon. p. 61 D.

сказаніемъ; потому что предположенное буду разсказывать тебѣ, какъ дѣйствительную истину. По словамъ Омира, владычество (надъ землею), принятое отъ отца, раздѣлили между собою Зевсъ, Посидонъ и Плутонъ. У Кроноса же касательно людей всегда былъ, да и теперь еще между богами есть слѣдующій законъ: человѣку, проведшему жизнь праведно и свято, когда онъ умретъ, переселяться на острова блаженныхъ и тамъ обитать во всякомъ благоденствіи, внѣ золъ; а жившему неправедно и безбожно идти въ узилище истязанія и казни, называемое тартаромъ. Судьями ихъ и при Кроносѣ, да и послѣ уже, въ царствованіе Зевса, были жившіе тогда судьи живыхъ, и судили они ихъ въ тотъ самый день, въ который надлежало имъ умереть. Поэтому судъ производился худо. Тогда Плутонъ и попечители съ острововъ блаженства пришли къ Зевсу и сказали, что къ нимъ въ
C. то и другое мѣсто переселяются люди не по заслугамъ. — А вотъ я прекращу это, сказалъ Зевсъ. Теперь судъ въ самомъ дѣлѣ производится нехорошо; потому что судимые, говоритъ, судятся одѣтые [1], поколику судятся живые. Теперь многіе, примолвилъ онъ, имѣя души лукавыя, являются облеченными въ прекрасныя тѣла, въ благородное происхожденіе и богатство. Поэтому, когда настаетъ судъ, приходитъ къ нимъ множество свидѣтелей, которые свидѣтельствуютъ, что они прожили вѣкъ праведно. Судьи
D. увлекаются ими—тѣмъ болѣе, что и сами производятъ судъ одѣтые, поколику душа ихъ облечена глазами, ушами и цѣлымъ тѣломъ. Это-то все,—и собственныя ихъ одежды, и облаченія судимыхъ, — мѣшаетъ имъ (видѣть истину).

[1] Подъ именемъ одежды Платонъ разумѣетъ здѣсь не только тѣло и его наружность, но еще болѣе — внѣшнія преимущества рожденія и происхожденія, также богатство и гражданскія связи. Все это нерѣдко скрываетъ отъ судей безобразіе, невѣжество, тупость и низость душъ, такъ что судьи, смотря на людей съ лица, или съ внѣшній ихъ стороны, нерѣдко худое принимаютъ за хорошее, а хорошее за худое. Счастливы тѣ прозорливцы, которыхъ зрѣніе такъ остро, что не задерживается этими внѣшними покровами!

Итакъ сперва надобно, говоритъ, остановить въ нихъ дѣй-
ствіе способности предузнавать смерть; теперь вѣдь они
предузнаютъ ее. Да Прометею уже и сказано, чтобы онъ
остановилъ эту способность.—Потомъ должно судить ихъ, E.
обнаживъ отъ всего такого; то-есть, подвергаться суду долж-
но имъ по смерти. Равнымъ образомъ и судьѣ слѣдуетъ
быть нагимъ, — умершимъ, слѣдуетъ созерцать душу ду-
шею — тотчасъ, какъ скоро человѣкъ умеръ. Чтобы судъ
его былъ справедливъ, ему надобно отчуждаться отъ всѣхъ
родственниковъ и оставить на землѣ всѣ тѣ убранства. Для
сего, узнавъ объ этомъ прежде васъ, я сдѣлалъ судьями
своихъ сыновей—двухъ изъ Азіи [1]—Миноса и Радаманта, 524.
и одного изъ Европы—Эака. Послѣ своей смерти они бу-
дутъ судить въ полѣ [2], на распутіи, откуда идутъ двѣ доро-
ги: одна—на острова блаженныхъ, а другая—въ тартаръ.
Азійцевъ будетъ судить Радамантъ, а Европейцевъ—Эакъ;
Миносу же я дамъ власть досуживать—въ томъ случаѣ, ког-
да кто-либо изъ тѣхъ двухъ будетъ находиться въ недо-
умѣніи, чтобы сужденіе о переселеніи людей было самое
справедливое.

Вотъ что я слышалъ и почитаю справедливымъ, Кал-
ликлъ. А изъ этого сказанія вытекаетъ, думаю, слѣдующее B.
заключеніе. Смерть, мнѣ кажется, есть не иное что, какъ
взаимное отрѣшеніе двухъ вещей,—души и тѣла. Но когда
онѣ отрѣшаются одна отъ другой, тогда каждая изъ того со-

---

[1] Миносъ и Радамантъ — оба были Критяне, слѣдовательно Европейцы. Почему же миѳъ поставилъ ихъ судьями надъ жителями Азіи? Это объясняютъ тѣмъ, что, по матери, они были Азійцы, ибо родились отъ Европы, сестры Кадма Финикійскаго (Eustath. in Iliad. p. 982). Миносъ на островѣ Критѣ почитался не туземцемъ, а пришлецомъ. Strab. X. p. 477. Притомъ Критъ могъ быть въ тѣ времена причисляемъ къ Азіи. Напротивъ Эакъ, сынъ Юпитера отъ Эгины, былъ эгинскимъ царемъ и считался самымъ благочестивымъ между Греками (*Plutarch*. Vit. Thes. p. 5 A).

[2] *Въ полѣ*, или на лугу, ἐν τῷ λειμῶνι. Объ этомъ мѣстѣ, откуда идутъ дороги въ элизіумъ и въ тартаръ, см. *Virgil*. Aen. VI v. 540 sqq. О немъ упоминается также de Rep. X. p. 616 B; а въ Аксіохѣ онъ называется ὁ λειμῶν τῆς δικαιοσύνης, гдѣ то-есть ψεύσασθαι ἀμήχανον. Сравн. *Ast*. ad Phaedrum. p. 305 sq.

стоянія, въ которомъ находилась при жизни человѣка, теряетъ немногое. Именно, тѣло сохраняетъ и свою природу, и служебные признаки, и естественныя свойства, —
C. все видимое. Если напримѣръ, либо отъ природы, либо отъ пищи, либо отъ того и другаго, чье-нибудь тѣло было велико при жизни, то оно остается великимъ и по смерти; если было тучно (у живаго), то тучно и у мертваго; такъ и все другое. Кто заботился, положимъ, о выращеніи волосъ, у того и трупъ волосатъ; или опять, кто при жизни получалъ побои и носилъ знаки ударовъ, — язвины на тѣлѣ — либо отъ бичей, либо отъ ранъ, тѣло того человѣка и по смерти представляетъ то же самое; или еще, — кто, живя, имѣлъ
D. переломленные либо изуродованные члены, у того и у мертваго видно это же. Однимъ словомъ: въ какое состояніе поставлено было тѣло живое, въ такомъ же по всему, или по многому, нѣсколько времени оказывается оно и мертвое. Это-то самое надобно, кажется мнѣ, Калликлъ, сказать и о душѣ. Въ душѣ все становится явнымъ, когда она обнажается отъ тѣла, — и то, что̀ душею человѣкъ получилъ отъ природы, и тѣ свойства, которыя пріобрѣлъ онъ чрезъ занятіе какимъ-либо дѣломъ. Итакъ, когда люди приходятъ къ судьѣ, напримѣръ, азійскіе — къ Радаманту; тогда Рада-
E. мантъ становитъ ихъ подлѣ себя и смотритъ душу каждаго. Не зная, чья извѣстная душа, а между тѣмъ нерѣдко принимая душу великаго царя, или иного государя, либо властелина, онъ не замѣчаетъ въ ней ничего здраваго, но видитъ, что она избита, что отъ вѣроломства и несправедливости она
525. покрыта язвинами, которыя въ каждомъ изъ пришедшихъ напечатлѣла на ней его дѣятельность, что отъ лжи и тщеславія все въ ней криво и нѣтъ ничего прямаго, потому что она воспитана безъ истины, что отъ своеволія, роскоши, сладострастія и невоздержанія она преисполнена несоразмѣрностей и срамоты въ дѣйствіяхъ[1]. Нашедши же ее такою, Рада-

[1] Это прекрасное мѣсто, изображающее μυθικῶς, какъ душа уродуется и обезображивается многоразличными страстями и пороками, каковыхъ язвъ

мантъ съ безчестіемъ отсылаетъ ее прямо подъ стражу, ку-
да пришедши, она должна переносить заслуженныя страда-
нія.—А всякому, находящемуся подъ наказаніемъ, кто нака- B.
зывается справедливо, надлежитъ или сдѣлаться лучшимъ и
усовершиться, или служить примѣромъ для другихъ, чтобы
другіе, видя претерпѣваемыя имъ страданія, боялись и ста-
новились лучшими. Наказываемые богами и людьми, и чрезъ
то получающіе пользу суть тѣ, которые дѣлали грѣхи ис-
цѣлимые. Мученія и страданія бываютъ полезны для нихъ
и здѣсь, и въ преисподней; а иначе нельзя вѣдь избавиться
отъ неправды. Напротивъ отъ тѣхъ, которые совершали C.
крайнія несправедливости и чрезъ такія неправды сдѣлались
неисцѣлимыми, берутъ примѣры другіе. Сами они, какъ не-
исцѣлимые, уже не получаютъ никакой пользы; но другіе
получаютъ, поколику смотрятъ на нихъ, какъ они за свои
грѣхи во все время терпятъ величайшія, тягчайшія и ужас-
нѣйшія мученія, вися тамъ, въ узилищѣ преисподней,
просто для примѣра, и всѣмъ приходящимъ туда непра-
веднымъ служа зрѣлищемъ и урокомъ. Однимъ изъ нихъ
будетъ, думаю, и Архелай, если Полосъ говоритъ правду, D.
и всякій другой, бывшій такимъ тиранномъ. И мнѣ кажется,
что подобные примѣры изъ жизни тиранновъ, царей, власте-
линовъ и правителей дѣлъ въ городахъ были многочисленны;
потому что, пользуясь властію, эти люди совершаютъ вели-
чайшіе и нечестивѣйшіе грѣхи, о чемъ свидѣтельствуетъ
и Омиръ [1]. Онъ воспѣлъ, что цари и властелины, Танталъ,
Сизифъ и Титій, вѣчно наказываются въ преисподней; а E.

однакоже, гнушаясь ими въ тѣлѣ, мы не замѣчаемъ въ душѣ, — было предметомъ подражанія для писателей послѣдующихъ. Снес. *Iacobs.* ad Antholog. VI. 1. p. 70. III. 1. p. 144. Понятіе *о несоразмѣрности* въ душѣ взято съ музыки. Какъ добродѣтель, состоящая въ нѣкоемъ музыкальномъ согласіи дѣйствій, свидѣтельствуетъ о гармоніи душевныхъ силъ: такъ пороки, увлекающіе дѣятельность къ односторонности — къ какой-нибудь преобладающей страсти, служатъ показателями разстройства способностей души, поколику, то-есть, однѣ изъ нихъ брошены и глохнутъ, а другія слишкомъ напряжены и заглушаютъ.

[1] Здѣсь Платонъ имѣлъ въ виду Odyss. λ' v. 575 sqq.

Ѳерситъ, да и ни одинъ лукавецъ изъ частныхъ людей
не подвергается величайшимъ казнямъ, какъ человѣкъ не-
исцѣлимый, ибо не имѣлъ, думаю, силы, а потому сталъ
блаженнѣе тѣхъ, которые пользовались властію. Да, Кал-
ликлъ, изъ сильныхъ-то людей и выходятъ большіе зло-
дѣи. Впрочемъ, ничто не мѣшаетъ быть и между ними
526. мужамъ добрымъ, и они достойны всякаго удивленія, ког-
да бываютъ такими; потому что трудно, Калликлъ, и осо-
бенно достохвально,—при великой власти дѣлать неправду,
провести жизнь праведно. Такихъ является немного. Если
прекрасные и добрые люди, въ отношеніи къ добродѣтели—
справедливо вести ввѣренныя имъ дѣла, бывали тамъ и
B. тутъ; то они, думаю, будутъ и послѣ. Однимъ изъ нихъ
и очень знаменитымъ, даже между всѣми Греками, должно
почитать Аристида, сына Лизимахова; многіе же изъ вла-
стителей, почтеннѣйшій,—обыкновенно люди злые. Итакъ
когда тотъ Радамантъ, сказалъ я, беретъ кого-либо изъ по-
добныхъ смертныхъ, тогда не знаетъ о немъ ничего,—ни кто
онъ, ни изъ какого рода людей, а знаетъ только, что онъ
золъ, и, видя это, кладетъ на немъ знакъ, исцѣлимымъ ли
почитаетъ его, или неисцѣлимымъ, и отсылаетъ его въ
C. тартаръ, куда пришедши, онъ терпитъ, чтò ему слѣдуетъ.
Если же, напротивъ, судья видитъ иногда мужа, прожившаго
свято и согласно съ истиною, — говорю о душѣ человѣка
частнаго ли то, или какого другаго, а особенно философа,
Калликлъ, который дѣлалъ въ жизни свое и не входилъ
въ дѣла, его некасающіяся; — то радуется и отсылаетъ
его на острова блаженныхъ. Точно такъ поступаетъ и Эакъ.
Оба они судятъ, съ жезломъ въ рукахъ; а Миносъ сидитъ
одинъ, держа золотой скипетръ, и наблюдаетъ, какъ го-
D. воритъ Омировъ Одиссей: [1].

Я видѣлъ его, —
Державшаго скиптръ золотой и судъ рекущаго тѣнямъ.

---

[1] Homer. Odyss. λ' v. 575 sqq.

Такъ вотъ какому сказанію вѣрю я, Калликлъ, и смотрю, какъ бы представить судьѣ самую здравую душу. Поэтому-то, распрощавшись съ честями толпы, постараюсь наблюдать дѣйствительную истину, чтобы имѣть возможность и жить, и, когда придетъ смерть, умереть человѣкомъ наилучшимъ. Къ такой жизни и къ этому подвигу, который, E.
по моему мнѣнію, стóитъ всѣхъ здѣшнихъ подвиговъ, я приглашаю, сколько могу, и другихъ людей, да взаимно [1] и тебя самого, и досадую, что ты не въ состояніи будешь помочь себѣ, когда предстанешь предъ судъ и когда, какъ я сейчасъ сказалъ, станутъ судить тебя, но пришедши къ судьѣ, сыну Эгины, и будучи взятъ имъ и ведомъ, рази- 527.
нешь ротъ и начнешь заикаться тамъ — ничѣмъ не менѣе, какъ я здѣсь. А, можетъ быть, кто-нибудь и ударитъ [3] тебя по щекѣ, будетъ безчестить и всячески издѣваться надъ тобою.

Впрочемъ все это не кажется ли тебѣ бабьею баснею и не возбуждаетъ ли въ тебѣ презрѣнія? Да и не удивительно было бы презирать подобные разсказы, еслибы мы стали искать и нашли лучшіе и болѣе справедливые. Но теперь, видишь, вы, три человѣка, мудрѣйшіе изъ современныхъ B.
Грековъ, ты, Полосъ и Горгіасъ, не можете доказать, что надобно вести жизнь другую, а не ту, которая явно приноситъ пользу и тамъ. Столько было разсужденій,—и они опровергнуты: устояло только одно это положеніе, что надобно больше остерегаться дѣлать обиду, чѣмъ быть обижаемымъ, всего же болѣе заботиться о томъ, чтобы не казаться, но частно и общественно быть добрымъ [2]. А кто въ чемъ-нибудь золъ, тотъ долженъ подвергаться наказанію;— и это—сдѣлаться справедливымъ, очистивъ свою вину наказаніемъ, будетъ второе благо послѣ блага — быть спра-

---

[1] Словомъ *взаимно* указывается p. 521 A и 486 A sqq., гдѣ Калликлъ убѣждалъ Сократа заниматься общественными дѣлами.

[2] Извѣстный стихъ Эсхила (Septem c. Theb. v. 598) *οὐ γὰρ δοκεῖν ἄριστος, ἀλλ' εἶναι θέλει*. Между тѣмъ многіе, по ученію философа (Theaet. p. 176 B), держутся той мысли, что *τὸ δοκεῖν εἶναι ἀγαθόν*.

C. ведливымъ (самодѣятельно). Всякаго же ласкательства и себѣ самому и другимъ, и немногимъ и многимъ, надобно избѣгать, и риторикою, какъ и инымъ какимъ-либо дѣломъ, всегда пользоваться такъ—для правды.

Итакъ, послушайся меня и иди этимъ путемъ. Попавъ на него, ты будешь блаженствовать и въ жизни, и по смерти, какъ видно изъ твоего же слова. Пусть, кто хочетъ, презираетъ тебя, будто безумнаго, и издѣвается надъ то-
D. бою: а ты-таки, клянусь Зевсомъ, мужественно прими эту постыдную пощечину; потому что не потерпишь ничего страшнаго, если, подвизаясь въ добродѣтели, будешь истинно прекрасенъ и добръ. Потрудившись же на этомъ поприщѣ съобща, мы потомъ уже, если покажется нужнымъ, приступимъ къ дѣламъ политическимъ, или къ чему заблагоразсудится, и будемъ подавать совѣты, какъ совѣтники лучшіе, чѣмъ теперь. Такими-то, какими мы являемся въ настоящее время, стыдно вѣдь намъ ребячески хвастаться, будто мы что-нибудь значимъ, между тѣмъ какъ объ одномъ и томъ же никогда не думаемъ одного и того же,—притомъ
E. касательно вещей весьма важныхъ. До такого дошли мы невѣжества! Воспользуемся же, какбы словомъ руководительнымъ, вытекшимъ теперь заключеніемъ, которое даетъ намъ знать, что превосходнѣйшій образъ жизни есть—жить и умереть, подвизаясь въ справедливости и прочихъ добродѣтеляхъ. Этому-то образу жизни будемъ мы слѣдовать и къ нему-то постараемся приглашать другихъ, а не къ тому, къ которому расположенъ и приглашаешь меня ты; ибо послѣдній ничего не стòитъ, Калликлъ.

АЛКИВІАДЪ ПЕРВЫЙ.

АЛКИВІАДЪ ПЕРВЫЙ.

ВВЕДЕНІЕ.

Въ сборникѣ Платоновыхъ сочиненій во всѣ времена занимали мѣсто между прочимъ два діалога, озаглавленные именемъ знаменитаго аѳинскаго полководца Алкивіада. Оба они, нося одно и то же заглавіе, не сходны между собою ни по содержанію, ни по достоинству изложенія. Сочиненіе, носящее имя Алкивіада перваго, было весьма высоко цѣнимо древними любителями Платонова ученія. Въ этомъ діалогѣ они видѣли начало всей философіи своего корифея, и потому многократно объясняли содержаніе его историческими и филологическими замѣчаніями. Между такими комментаторами мы встрѣчаемъ современнаго Лонгину платоника Демокрита, Ямвлика, Дамасція, Гарпократіона и другихъ. Болѣе же всѣхъ занимались Платоновымъ «Алкивіадомъ» Проклъ и Олимпіодоръ [1]. Притомъ, люди ученые въ разныя времена брали изъ этого діалога и вносили въ контекстъ своихъ сочиненій отдѣльныя мысли и цѣлые монологи; а римскій поэтъ Персій воспользовался его содержаніемъ почти для всей четвертой своей сатиры. Все это, повидимому, могло бы быть достаточнымъ ручательствомъ за подлинность «Алкивіада» перваго: но, не смотря на то, въ наше время нѣкоторые критики сильно

[1] *Creutzer.* edit. Procli et Olympiodori. P. I. Fasc. I. p. XIV sqq.

возстаютъ противъ свидѣтельствъ древности и доказываютъ, что разсматриваемое сочиненіе неправильно приписывается Платону. Къ числу такихъ критиковъ относится не только Астъ [1], который свои приговоры часто утверждаетъ на основаніяхъ недостаточныхъ, но и Шлейермахеръ [2], изслѣдователь строгій и осмотрительный. Они находятъ, что въ содержаніи Платонова «Алкивіада» иное не соотвѣтствуетъ обыкновенной методѣ Платона въ изложеніи доказательствъ, другое несовсѣмъ согласно съ духомъ и характеромъ его ученія; а есть, по ихъ мнѣнію, и такія мѣста, которыя противорѣчатъ историческимъ соображеніямъ и обличаютъ въ писателѣ только стараніе подражать Платону. Чтобы виднѣе было, справедливы ли ихъ замѣчанія, мы считаемъ нужнымъ сперва открыть логическую нить изслѣдованій въ разсматриваемомъ разговорѣ, а потомъ опредѣлить его цѣль, показать, подлинны ли частныя мысли его содержанія, обратить вниманіе на характеристическія черты, подъ которыми являются въ немъ Алкивіадъ и Сократъ, и оцѣнить самое его изложеніе. Что же касается до предполагаемыхъ въ немъ историческихъ несообразностей и подражаній, то объ этомъ будемъ имѣть случай сказать, чтò нужно, въ примѣчаніяхъ къ отдѣльнымъ мѣстамъ «Алкивіада».

На первыхъ страницахъ разсматриваемаго діалога дѣлается вступленіе въ бесѣду и устанавливается главная ея тема. Сократъ говоритъ Алкивіаду: вотъ уже прошло нѣсколько лѣтъ, какъ я не сказалъ съ тобою ни слова, а только со стороны вникалъ въ характеръ твоихъ отношеній къ людямъ. Теперь же, когда всѣ друзья, оттолкнутые твоимъ презрѣніемъ, разбѣжались и оставили тебя одного съ убѣжденіемъ, что благопріятныя твои обстоятельства поставляютъ тебя внѣ всякой зависимости отъ кого бы то ни было,—я пришелъ къ тебѣ и хочу сказать слѣдующее: чрезъ нѣсколько

---

[1] De vita et script. Plat. p. 435 sqq.
[2] Opp. Plat. II, 3, p. 293 sqq. и въ примѣч.

дней ты долженъ вступить въ собраніе аѳинскаго народа, куда принесешь такое честолюбіе, съ которымъ устремишься къ владычеству надъ всѣмъ греческимъ материкомъ, а еслибы достигъ этого, то захотѣлъ бы имѣть вліяніе и на всю Азію. Но никакія личныя и гражданскія твои преимущества не представятъ тебѣ возможности пріобрѣсть столь великую силу: *одинъ только я могу помочь тебѣ въ этомъ отношеніи* (103—105).

Алкивіадъ, юноша самонадѣянный внѣшними своими преимуществами и ими смѣло прикрывающій нравственное свое ничтожество, заинтересовывается такимъ положеніемъ Сократа и какбы въ тонѣ насмѣшливомъ требуетъ, чтобы онъ доказалъ свою мысль. Сократъ доказываетъ ее слѣдующимъ образомъ: Еслибы тогда, какъ ты, взошедши на каѳедру, станешь подавать Аѳинянамъ совѣты, я спросилъ тебя: лучше ли всѣхъ знаешь ты то, что совѣтуешь; то, конечно, услышалъ бы отъ тебя отвѣтъ положительный. Однакожъ онъ не вывелъ бы меня изъ сомнѣнія; ибо что мы знаемъ, то либо у другихъ переняли, либо сами измыслили. А ты, чему научился отъ другихъ, — напримѣръ, музыкѣ, фехтованью, грамотѣ, — о томъ не захотѣлъ бы давать совѣты въ народныхъ собраніяхъ; касательно же чего теперь хочешь совѣтовать и въ чемъ признаешь себя знающимъ, — напримѣръ, относительно мира и войны, — тому ты никогда не учился. Вѣдь въ подобныхъ случаяхъ надобно знать, съ кѣмъ заключить миръ и съ кѣмъ вести войну, съ кѣмъ лучше и на сколько времени лучше то и другое. А это все *должно основываться на справедливости* (106 A—106 C).

Пришедши къ сему положенію, Сократъ далѣе доказываетъ, что Алкивіадъ никогда и ни отъ кого не могъ узнать, что такое—справедливость и несправедливость. До возраста отроческаго, говоритъ онъ, познаніе столь важнаго предмета вовсе невозможно. А въ отрочествѣ, обращаясь съ сверстниками, ты былъ уже увѣренъ, будто-бы ясно разумѣешь это. Кто же научилъ тебя? Народъ, говоришь ты. Но на-

родъ не въ состояніи научить нетолько справедливости, даже шашечной игрѣ. Правда, онъ хорошій учитель греческаго языка; потому что одну и ту же вещь всѣ Греки называютъ однимъ и тѣмъ же словомъ, и несогласія въ этомъ отношеніи не бываетъ: но, касательно справедливости и несправедливости, народы столь несогласны между собою, что по этому поводу вступаютъ въ войну одинъ съ другимъ. Если же народъ не знаетъ, что справедливо и несправедливо, то и ты, ученикъ народа, *не разумѣешь, въ чемъ состоитъ справедливость и несправедливость* (109 E—113 C).

Согласившись въ этомъ, Алкивіадъ не хочетъ однакожъ отказаться отъ права давать совѣты народу и старается защитить его новымъ взглядомъ на дѣло народнаго оратора. Народъ, говоритъ онъ, рѣдко разсуждаетъ о справедливомъ и несправедливомъ, но болѣе — о полезномъ и вредномъ; полезное же не всегда бываетъ справедливо, равно какъ вредное—не всегда несправедливо. Явно, что этотъ новый вопросъ не избавлялъ Алкивіада отъ непріятной необходимости отвѣчать, знаетъ ли онъ, что̀ полезно и что̀ вредно, и у кого научился такому знанію: но Сократъ опровергаетъ своего собесѣдника съ другой стороны. Все справедливое, говоритъ онъ, прекрасно; а все прекрасное добро; слѣдовательно и все справедливое добро, и доброты отъ справедливости отдѣлять невозможно. Потомъ, кто поступаетъ хорошо, тотъ счастливъ, то-есть, пріобрѣтаетъ себѣ пользу; но кто справедливъ, тотъ поступаетъ хорошо; слѣдовательно, кто справедливъ, тотъ счастливъ, то-есть пріобрѣтаетъ себѣ пользу. А изъ этого открывается, что *польза неотдѣлима отъ справедливости* (113 D — 116 D).

Послѣ сего Алкивіадъ приходитъ къ сознанію, что у него кружится голова и что объ одномъ и томъ же онъ полагаетъ то тò, то другое. Сократъ берется объяснить ему это состояніе и говоритъ: Если объ одномъ и томъ же ты полагаешь то тò, то другое; то предмета, о которомъ судишь, не знаешь. Нѣтъ сомнѣнія, что тотъ никогда не про-

тиворѣчитъ себѣ, кто утверждаетъ то, что знаетъ. Равнымъ образомъ никогда не впадаетъ въ противорѣчія и тотъ, кто, не зная чего-нибудь, такъ и говоритъ, что не знаетъ. Противорѣчатъ сами себѣ только тѣ, которые, не зная чего-нибудь, думаютъ, будто знаютъ это. Итакъ твое состояніе есть состояніе несознательнаго и самомнительнаго невѣжды, и оно тѣмъ хуже, чѣмъ важнѣе тѣ предметы, въ отношеніи къ которымъ ты почитаешь себя знающимъ, тогда какъ вовсе не знаешь ихъ, то-есть, въ отношеніи къ справедливому, прекрасному, доброму и полезному. Итакъ, *ты худо дѣлаешь, что спѣшишь принять участіе въ управленіи республикою, не зная того, что необходимо знать правителю* (116 D—119 C).

Находя обличеніе Сократа справедливымъ, Алкивіадъ не признаетъ однакожъ нужнымъ учиться тому, чего онъ не знаетъ; потому что аѳинскою республикою управляютъ тоже не мудрецы, но люди большею частію слабые и необразованные, предъ которыми онъ, по своимъ способностямъ и другимъ качествамъ, и безъ науки будетъ имѣть преимущество. Эта представленная Алкивіадомъ оборона невѣжества подаетъ Сократу поводъ къ изложенію такихъ мыслей, которыя совершенно обезоруживаютъ его собесѣдника и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщаютъ разговору высокій интересъ. Твои слова, говоритъ Сократъ, унижаютъ личныя твои достоинства. Вступая въ управленіе республикою, ты долженъ бороться не съ домашними, а съ иноземными врагами, и стараться пріобрѣсть способы для одержанія побѣды надъ ними. Правителю мало—умѣть удовлетворять обыденнымъ потребностямъ общества; онъ своими совершенствами обязанъ стать выше тѣхъ народныхъ вождей, которыхъ мы имѣемъ причины особенно бояться и съ которыми часто ведемъ войны, — именно выше царей лакедемонскаго и персидскаго. А царственныя достоинства правителей Лакедемона и Персіи — и по происхожденію, и по воспитанію, и по богатству ихъ, таковы, что твои, въ сравненіи съ ни-

ми, ничего не значатъ. Этимъ представленіемъ Сократъ совершенно обуздываетъ кичливость Алкивіада и приводитъ его къ вопросу: *что же надобно мнѣ дѣлать, чтобы быть достойнымъ правителемъ республики?* (119 С—124 В).

Приступая къ рѣшенію предложеннаго вопроса, Сократъ, по обыкновенію, избѣгаетъ тона догматическаго и продолжаетъ держаться методы эротематической. Будемъ, говоритъ онъ, изслѣдывать вмѣстѣ, что̀ должны мы дѣлать, чтобы оказаться добрыми и мудрыми. Отвѣчая на вопросы Сократа, Алкивіадъ для этой цѣли представляетъ необходимымъ знаніе искуства управлять обществомъ и, изслѣдывая, что надобно разумѣть подъ именемъ сего искуства, приходитъ къ заключенію, что оно должно состоять въ умѣньи управлять людьми, дѣлающими что-нибудь съобща. Но это понятіе, бывъ приложено Сократомъ къ такимъ общимъ дѣйствіямъ, каковы, напримѣръ, дѣйствія матросовъ на кораблѣ, пѣвчихъ въ хорѣ, плясуновъ въ хороводѣ, оказывается слишкомъ обширнымъ. Посему Алкивіадъ ограничиваетъ его и полагаетъ, что искуство управлять людьми касается человѣческихъ дѣлъ, совершаемыхъ съобща въ жизни гражданской, и достигаетъ своей цѣли добрымъ совѣтомъ. А добрый совѣтъ, говоритъ онъ, долженъ клониться къ тому, чтобы общество лучше и развивалось и сохранялось. Развивается же и сохраняется оно лучше тогда, когда между гражданами царствуетъ любовь, состоящая во взаимномъ ихъ согласіи и единомысліи. Но при этомъ Сократъ спросилъ: что должны дѣлать граждане, чтобы между ними сохранилось согласіе? Они должны, отвѣчаетъ Алкивіадъ, дѣлать каждый свое. Если же каждый изъ нихъ будетъ дѣлать свое, возразилъ Сократъ, то у нихъ произойдетъ несогласіе и вражда, и такимъ выводомъ показываетъ, что его собесѣдникъ составилъ неправильное понятіе о любви. На это возраженіе Алкивіадъ ничего не могъ отвѣчать и снова признался въ своемъ незнаніи. Тогда Сократъ, доказавъ, что молодой собесѣдникъ его нетоль-

ко не приготовился къ управленію республикою, но и не разумѣетъ, что̀ нужно дѣлать, чтобы приготовиться къ этому, — какбы ободряетъ его и, подъ видомъ ободренія, предлагаетъ ему общее и главное правило приготовленія себя къ достиженію задуманной имъ цѣли. Не унывай, говоритъ онъ, но *заботься о себѣ* (124 B –127 D).

Очевидно, что это правило съ перваго взгляда должно было представляться Алкивіаду слишкомъ неопредѣленнымъ. Посему Сократъ дальнѣйшіе свои вопросы начинаетъ направлять къ опредѣленію его. Прежде всего онъ обращаетъ вниманіе на значеніе слова «о себѣ» и указываетъ различіе между «собою», «своимъ» и «принадлежащимъ къ «своему». То, посредствомъ чего мы дѣлаемъ что-нибудь, говоритъ онъ, не есть «мы», а есть «наше» — это надобно почитать только орудіемъ нашего *я*. Такъ,—глаза, уши, руки и все тѣло суть «наше», а не «мы»; что же касается до вещей, относящихся къ орудіямъ нашего *я*, то онѣ даже и не «наше», а только бываютъ принадлежностями чего-либо «нашего». Такъ,—палецъ есть «наше», а перстень на пальцѣ лишь относится къ «нашему». Изъ этого явствуетъ, что человѣкъ не есть нѣчто, служащее тѣлу, не есть равнымъ образомъ и тѣло, поколику оно имѣетъ значеніе служебнаго начала души и находится подъ ея управленіемъ. Человѣкъ въ собственномъ смыслѣ есть только душа. Посему, кто заботится о богатствѣ, о почестяхъ, о красотѣ и проч., тотъ заботится вовсе не о человѣкѣ. Не человѣка также имѣютъ въ виду и тѣ, которые знакомы съ какимъ-нибудь искуствомъ усовершать свое тѣло. *Заботиться о себѣ, какъ о человѣкѣ, значитъ, пещись о своей душѣ*, и на этомъ только основаніи, Алкивіадъ, утверждается моя любовь къ тебѣ (127 D—132 B).

Но попеченіе о душѣ есть понятіе, все еще не довольно ограниченное. Поэтому Алкивіадъ обнаруживаетъ желаніе изслѣдовать, какимъ образомъ душа можетъ быть предметомъ попеченія. Чтобы удовлетворить его желанію, Со-

кратъ напоминаетъ ему о дельфійской надписи: «познай самого себя», и способъ самопознанія прекрасно объясняетъ слѣдующимъ сравненіемъ. Какъ око тѣла, еслибы ему надлежало видѣть себя, должно было бы достигнуть этого чрезъ смотрѣніе на вещь, въ которой оно отражалось бы, напримѣръ, чрезъ смотрѣніе на глазной зрачокъ кого-либо другаго: такъ и душа, если надобно ей познать себя, должна всматриваться въ божественное начало жизни, въ которомъ она отражается. Но созерцаніе божественнаго въ себѣ производится разсудительностію, безъ которой нельзя знать себя. Итакъ *единственный способъ самопознанія есть разсудительность* (132 В—133 Е).

Если же въ человѣкѣ нѣтъ разсудительности, т. е., если онъ не знаетъ, что̀ для его души хорошо или худо, что̀ приноситъ ей вредъ или пользу; то нельзя ему знать и того, что надобно почитать добромъ или зломъ для другихъ. Посему человѣкъ безъ разсудительности, не будучи въ состояніи пещись о себѣ, тѣмъ менѣе можетъ приносить пользу обществу; и еслибы въ этомъ состояніи взялся онъ за управленіе дѣлами общественными, то, не зная того, что полезно или вредно другимъ, поставилъ бы общество въ обстоятельства весьма неблагопріятныя. Итакъ, *пока разсудительность еще не пріобрѣтена, лучше управляться кѣмъ-нибудь другимъ, чѣмъ самому управлять обществомъ* (133 Е—135 В).

Къ этой мысли Сократъ пришелъ, какъ къ послѣднему результату бесѣды. Послѣ сего ему оставалось только закончить свое разсужденіе обращеніемъ къ Алкивіаду и внушить ему, чтобы слово перевелъ онъ въ правило, а правило оправдалъ самымъ дѣломъ. Видишь-ли теперь, Алкивіадъ, говоритъ Сократъ, въ какомъ ты состояніи? это—состояніе рабства, а не свободы: потому что злу естественно рабствовать, а наслаждаться свободою свойственно добродѣтели. Алкивіадъ совершенно соглашается съ заключеніемъ Сократа и обѣщаетъ отнынѣ обмѣняться съ нимъ ролею: т. е , какъ прежде Со-

кратъ ходилъ за нимъ, чтобы наблюдать надъ образомъ его мыслей и дѣйствій; такъ теперь онъ самъ будетъ ходить за Сократомъ, чтобы учиться у него разсудительности и сдѣлаться достойнымъ совѣтникомъ общества. Твое намѣреніе благородно, говоритъ на это Сократъ; но *боюсь, какъ бы народъ не пересилилъ и меня и тебя* (135 В — Е). Этимъ краткимъ, загадочнымъ замѣчаніемъ оканчивается разговоръ Сократа съ Алкивіадомъ.

Разсматривая ходъ главныхъ мыслей въ «Алкивіадѣ» и обращая вниманіе на связность и зависимость ихъ, мы съ этой стороны не видимъ въ немъ ничего, несогласнаго съ методою изложенія истинъ въ прочихъ разговорахъ Платона. Правда, діалогическая форма его не довольно сложна и заключаетъ въ себѣ мало искуственности; нить бесѣды въ немъ тянется весьма замѣтно и не затрудняетъ наблюденія; индукція здѣсь недалеко уходитъ отъ главной своей темы; а сократическая иронія рѣдка и не такъ игрива, какъ во многихъ другихъ Платоновыхъ сочиненіяхъ. За то въ продолженіе всего разговора съ какою вѣрностію выдерживается свойственный Сократу способъ постепеннаго ограниченія предмета! Какъ разнороденъ составъ входящихъ въ него мыслей и, не смотря на то, какъ послѣдователенъ, связенъ и строенъ ходъ ихъ! По всесторонности содержанія въ «Алкивіадѣ», или по краткому изложенію въ немъ началъ почти всего, чему училъ Платонъ, этотъ діалогъ можно назвать энциклопедіею Платоновой философіи. Оттого-то еще древніе весьма высоко цѣнили его между прочимъ со стороны педагогической; такъ что, когда юноши желали читать Платона,—обыкновенно совѣтовали имъ начинать чтеніе именно «Алкивіадомъ.» Не менѣе согласно съ платоническимъ характеромъ изложенія мыслей и то, что заключенія въ этомъ разговорѣ скрываютъ въ себѣ основанія для новыхъ заключеній, которыя однакожъ не высказываются, а только полагаютъ въ душѣ читателя плодоносное сѣмя для размышленія. Тутъ ясно видѣнъ Сократъ, философствующій примѣнительно къ

искуству матери своей Фенареты. «Съ моими слушателями, говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ [1], бываетъ то же, что съ родильницами: они страдаютъ болями день и ночь, — еще сильнѣе, чѣмъ послѣднія. Возбуждать эти боли и унимать ихъ есть дѣло моего искуства.»

Подозрѣніе критиковъ въ подложности Алкивіада основывается преимущественно на невѣрно понимаемой цѣли этого разговора. Астъ полагаетъ, что «Алкивіадъ» есть неудачное истолкованіе Сократовой любви къ Алкивіаду, высказанной въ Платоновомъ Симпосіонѣ [2], гдѣ слова Алкивіада *ἀναγκάζει γαρ με ὁμολογεῖν, ὅτι πολλοῦ ἐνδεὴς ὢν αὐτὸς ἔτι ἐμαυτοῦ μεν ἀμελῶ, τὰ δὲ Ἀθηναίων πράττω*, — составляютъ будто бы самую его тему. По мнѣнію Аста, писатель этого сочиненія старается защитить Сократа отъ нареканій въ предосудительномъ обращеніи его съ Алкивіадомъ и внушить читателямъ, что сынъ Софрониска привязывалъ къ себѣ своего ученика узами любви нравственной, основанной на добродѣтели и справедливости. Но такое представленіе цѣли этого діалога кажется намъ вовсе не справедливымъ; потому что, принявъ его за вѣрное, нельзя было бы почитать умѣстными въ этомъ разговорѣ многія вошедшія въ составъ его изслѣдованія. Въ самомъ дѣлѣ, какую связь имѣли-бы тогда съ предполагаемой Астомъ цѣлію всѣ мысли Сократа объ аѳинскомъ народѣ, что, то-есть, онъ — плохой учитель юношества, что имъ самимъ управляютъ люди слабые и невѣжды, и что съ другой стороны въ его рукахъ много силы, могущей одолѣть не только Алкивіада, но и Сократа? Съ этою послѣднею мыслію разговора мы соединяемъ особенно важное значеніе и думаемъ, что она самою своею загадочностію вѣрно указываетъ цѣль разсматриваемой бесѣды. Внимательно слѣдуя за направленіемъ всѣхъ ея мыслей и каждую изъ нихъ почитая необходимою частію въ составѣ цѣлаго, кажется, естественно приходишь къ заключе-

[1] Theaet. 149.
[2] Sympos. 216.

нію, что цѣлію, какую представлялъ себѣ писатель этой бесѣды, было—открыть истинную причину превратныхъ понятій и дѣйствій Алкивіада въ нѣдрѣ аѳинской республики, что онъ развращенъ былъ не внушеніями Сократа, а легкомысленностію аѳинскаго народа, и что Сократъ, прежде чѣмъ ученикъ его вступилъ на народную каѳедру, пробудилъ въ немъ любовь къ разсудительности. Эту именно цѣль Платонова «Алкивіада» предполагалъ и Персій [1], примѣняя его содержаніе къ характеру римской трибуны.

Rem populi tractas — — —
Quo fretus? Dic, ô magni pupille Pericli!
Scilicet, ingenium et rerum prudentia velox
Ante pilos venit? dicenda tacendaque calles?
Expecta: haud aliud respondeat haec anus.. I nunc:
Dinomaches ego sum! Suffla: sum candidus! Esto.
Dum ne deterius sapiat pannucea Baucis,
Cum bene distincto cantaverit ocima vernae.

Представляя такую цѣль разсматриваемаго діалога, мы теперь ясно видимъ, въ чемъ состоитъ ошибка Аста. Онъ выдвигаетъ на первый планъ изслѣдованія мысль, имѣющую значеніе слишкомъ частное, и служащую почти всегдашнею у Сократа формою ироніи: —разумѣемъ напоминаніе его о любви къ Алкивіаду. Это напоминаніе, сдѣланное при самомъ вступленіи въ разговоръ, очевидно, есть только оборотъ рѣчи πρὸς χάριν, которымъ Сократъ, по своему обыкновенію, воспользовался для начатія изслѣдованій предположенной имъ темы; а къ ходу и цѣли бесѣды, какъ показываетъ самое ея содержаніе, оно не имѣетъ никакого отношенія. Впрочемъ, подобныя недоразумѣнія критики касательно «Алкивіада» бывали и прежде. Извѣстно, что въ Стефановомъ изданіи Платоновыхъ сочиненій разсматриваемый разговоръ обозначенъ вторичнымъ или объяснительнымъ заглавіемъ. Желая указать на самое его содержаніе, издатель озаглавилъ

---

[1] *Pers.* Sat. IV.

его такъ: Ἀλκιβιάδης πρῶτος, ἢ περὶ τῆς ἀνθρώπου φύσεως. Это послѣднее или матеріальное заглавіе онъ прибавилъ, конечно, потому, что изложенную въ діалогѣ мысль о самопознаніи и о томъ, въ чемъ собственно состоитъ природа человѣка, почиталъ мыслію главною, тогда какъ изъ хода бесѣды видно, что она здѣсь раскрывается въ значеніи ученія только посредствующаго, направленнаго къ рѣшенію вопроса: какъ надобно заботиться о себѣ, чтобы приготовиться къ прохожденію поприща государственной службы.

Итакъ правильное понятіе о содержаніи Алкивіада должно основываться на вѣрномъ уразумѣніи его цѣли; а вѣрно уразумѣть его цѣль можно не иначе, какъ чрезъ внимательное разсмотрѣніе того, что въ немъ есть главное и второстепенное. Почитая главною и особенно выпуклою его мыслію мнѣніе Сократа о легкомысленности аѳинскаго народа и загадачное его опасеніе, какъ бы народъ не уничтожилъ и самыхъ добрыхъ намѣреній сына Клиніасова, мы въ правѣ смотрѣть на этотъ разговоръ, какъ на опроверженіе того распространившагося между Аѳинянами мнѣнія, будто Сократъ діалектическими своими изслѣдованіями развращалъ современное юношество, особенно же причинилъ республикѣ много зла своимъ вліяніемъ на Алкивіада и Критіаса, поправшихъ законы отечества и устремившихся къ неограниченной тиранніи [1]. Внимая этому обидному для памяти Сократа и несправедливому обвиненію, признательный ученикъ его Платонъ естественно могъ рѣшиться защитить своего учителя и въ защиту его написать такой діалогъ, который показывалъ бы самымъ дѣломъ, къ чему наклонялъ Сократъ юную, но сильную и энергическую душу Алкивіада, и сколько пользы принесъ бы онъ обществу, еслибы народъ въ своихъ согражданахъ цѣнилъ не лесть, а истинное дарованіе и доблесть нравственную. Что же касается частныхъ мыслей Сократа въ «Алкивіадѣ,» то мнѣніе, напримѣръ, о гибельномъ

[1] *Xenoph.* memor. 1, 2, 12. *Aeschin.* adv. Timarch. p. 169 ed. Reisk.

вліяніи аѳинскаго народа на юношество, и о томъ, что онъ не знаетъ, въ чемъ состоитъ справедливость и несправедливость, есть, очевидно, платоновское, какъ это видно изъ снесенія его съ мыслями многихъ, несомнѣнно Платоновыхъ сочиненій, особенно съ нѣкоторыми положеніями въ Горгіасѣ и Государствѣ. То же надобно сказать и о другихъ мѣстахъ «Алкивіада», въ которыхъ Сократъ бесѣдуетъ о душѣ, какъ существенной части человѣка, имѣющей божественное происхожденіе, и потому сродной съ божественными предметами. Стоитъ только вспомнить весьма замѣтные отдѣлы Филеба, Федона, Тимея и нѣкоторыя изслѣдованія въ книгѣ о Законахъ [1], чтобы увѣриться, что эти положенія были философемами Платона и Сократа. А ученіе о самопознаніи въ томъ же самомъ смыслѣ излагается и въ Федрѣ, и въ Хармидѣ, и во многихъ другихъ Платоновыхъ разговорахъ. Вообще въ содержаніи разсматриваемаго діалога не представляется ничего такого, что было бы чуждо Платону и давало бы достаточныя основанія сомнѣваться въ подлинности этого сочиненія.

Подвергая сомнѣнію подлинность его, Астъ и Шлейермахеръ основываются особенно на томъ, что будто бы въ немъ невѣрно выставлены характеры Алкивіада и Сократа. Алкивіадъ, съ пламенными своими способностями, энергическимъ чувствомъ сердца и сознаніемъ личныхъ своихъ достоинствъ, въ этомъ діалогѣ, говорятъ они, такъ ребячески слабъ и безхарактеренъ, что нетолько равнодушно выслушиваетъ выраженія Сократа, обидныя для его самолюбія, но еще слѣдуетъ за направленіемъ его вопросовъ, какъ тѣнь за тѣломъ, и наконецъ совершенно предается его водительству. Это замѣчаніе критиковъ, вообще справедливое, не доказываетъ однакожъ подложности разговора. Самомнѣніе и заносчивость Алкивіада выказываются въ самомъ началѣ бесѣды его съ Сократомъ, а потомъ не менѣе обна-

[1] Phaed. p. 80 A. 94 B. — Phileb. p. 16. C.—Legg. V. Кромѣ того см. *Xenoph.* mem. 1. 4, 8. *Cicer.* de N. D. II, 6, III, 11.

руживаются, когда онъ начинаетъ сравнивать себя съ тогдашними правителями народа. Но должно замѣтить, что и по свидѣтельству исторіи [1], Алкивіадъ имѣлъ душу чрезвычайно измѣнчивую и непостоянную. Первая, высказанная Сократомъ мысль, что Богъ доселѣ не позволялъ ему бесѣдовать съ Алкивіадомъ, кажется, потому, что прежде бесѣда ихъ могла быть напрасна, а теперь Онъ велитъ,— эта первая мысль, имѣющая характеръ истинно сократическій, естественно могла расположить сына Клиніасова ко вниманію. Когда же потомъ Сократъ сказалъ, что безъ его помощи Алкивіаду невозможно достигнуть политической своей цѣли, молодой и горячій мечтатель о лаврахъ народнаго вождя долженъ былъ совершенно увлечься словами своего учителя и спокойно выслушивать даже его обличенія. Впрочемъ, это отнюдь не удостовѣряетъ Сократа въ томъ, что онъ устоитъ въ своей рѣшимости, что народъ не сумѣетъ овладѣть гибкою и воспріимчивою его душею. Итакъ характеръ Алкивіада обрисовывается здѣсь чертами, дѣйствительно ему принадлежащими. Не менѣе вѣренъ себѣ въ «Алкивіадѣ» и Сократъ. Критики находятъ, что онъ въ самомъ началѣ разговора не выдерживаетъ той скромности, которою въ другихъ діалогахъ такъ искусно прикрываетъ свое знаніе, и слишкомъ самоувѣренно говоритъ, что Алкивіадъ безъ его помощи не сдѣлаетъ ничего хорошаго. Но должно замѣтить, что сынъ Софрониска въ этомъ мѣстѣ ограждается авторитетомъ воли Божіей, подобно тому, какъ въ Федрѣ, ссылаясь на божественное воодушевленіе, произноситъ рѣчь въ похвалу Эроса и обличаетъ Лизіаса въ его грѣхѣ противъ бога любви [2]. Притомъ помощь, которую онъ намѣревается предложить Алкивіаду, должна была направляться только къ тому, чтобы пробудить въ немъ со-

---

[1] *Corn. Nep.* Alc. Cap. 1 et 2. *Xenoph.* memor. 1, 2, 18. *Οἶδα δὲ κἀκείνω* (Critiam et Alcibiadem) *σωφρονοῦντε, ἔστε Σωκράτει συνήστην, οὐ φοβουμένω, μὴ ζημιοῖντο ἢ παίοιντο ὑπὸ Σωκράτους; ἀλλ' οἰομένω τότε κράτιστον εἶναι οὕτω πράττειν.* Снес. прекрасное мѣсто Symp. p. 216.

[2] Phaedr. 241 E. 244 A.

знаніе своего незнанія; а съ такою помощію является онъ почти во всѣхъ разговорахъ Платона, и оказываетъ ее каждому, почитающему себя знатокомъ изслѣдываемаго предмета. Нисколько не чуждо характеру Сократа и то, что, заставивъ Алкивіада сознать свое незнаніе, онъ повидимому несовсѣмъ вѣжливо описываетъ его состояніе. Кто находитъ въ этомъ несообразность, тотъ забываетъ, что Сократъ здѣсь бесѣдуетъ не съ софистомъ, который хвастался бы своимъ знаніемъ, а съ любимымъ ученикомъ, который тщеславится только своимъ богатствомъ, происхожденіемъ и красотою.

Скажемъ еще нѣсколько словъ объ изложеніи или о внѣшней формѣ разсматриваемаго діалога. Съ этой стороны онъ не нравился критикамъ прежде всего потому, что Сократъ въ немъ часто пускается въ длинныя разсужденія,—чего, говорятъ они, не дѣлаетъ въ другихъ разговорахъ Платона. Но, вникая въ содержаніе этихъ длинныхъ монологовъ, мы замѣчаемъ, что они, по самому существу своему, не могли быть изложены въ формѣ діалогической; ибо состоятъ большею частію изъ разсказовъ о какихъ-нибудь вводныхъ предметахъ. Да и то несправедливо, будто въ другихъ діалогахъ Сократъ всегда кратокъ. Напротивъ, въ нѣкоторыхъ разсужденія его столь обширны, что иногда развиваются въ формѣ цѣлыхъ рѣчей. Таковы, напримѣръ, они въ первой части Федра, во многихъ мѣстахъ Государства, Критона, Федона и др. Изложеніе Платонова «Алкивіада» заключаетъ въ себѣ только одинъ недостатокъ, котораго оправдать никакъ не возможно: это—растянутость рѣчи, излишнее усиліе Сократа научить Алкивіада тому, что онъ долженъ былъ знать и безъ науки, въ чемъ никто не сомнѣвается и что ясно само по себѣ. Въ этомъ отношеніи особенно замѣтны мѣста: p. 117 B. C. и p. 124 D sqq. Имѣя ихъ въ виду, критика дѣйствительно могла усомниться въ подлинности разсматриваемаго діалога и придти къ заключенію, что онъ есть произведеніе ума еще неопытнаго, незнакомаго съ искуствомъ управлять діа-

лектическою методою. Не думая оправдывать этого недостатка, мы въ правѣ однакожъ замѣтить, что несправедливо было бы полагать, будто всѣ сочиненія Платона должны имѣть равныя литературныя достоинства. Весьма вѣроятно, что умственные плоды его юности далеко не были столь совершенны, какъ тѣ, которые изданы имъ въ лѣтахъ зрѣлыхъ. Притомъ извѣстно, что Платонъ до самой смерти исправлялъ и обработывалъ свои діалоги. Почему же не допустить, что дѣло исправленія не успѣло коснуться «Алкивіада», и что онъ послѣ смерти своего писателя остался въ томъ видѣ, въ какомъ былъ набросанъ юношескою тростію Платона? А что «Алкивіадъ» написанъ Платономъ дѣйствительно въ ранней его молодости, можно заключать изъ того, что въ немъ нѣтъ ни малѣйшаго намека на позднѣйшую судьбу Сократа. Напротивъ, видно, что во время его написанія, народная молва только еще начинала обвинять сына Софронискова въ развращеніи юношества. Притомъ надобно замѣтить, что Платонъ, конечно, не безъ причины начинаетъ этотъ діалогъ упоминаніемъ о любви Сократа къ Алкивіаду. Плутархъ говоритъ (l. c.)[1], что Алкивіадъ, сдѣлавшись ученикомъ Сократа, сталъ обнаруживать явное презрѣніе ко многимъ своимъ сверстникамъ и, между прочими, къ Аниту. Посему Платонъ, излагая это свое сочиненіе, могъ направлять его и къ вразумленію Анита съ его товарищами, когда они рѣшались сдѣлать доносъ на Сократа,—т. е. могъ имѣть въ виду ту мысль, что Сократъ, любя Алкивіада, располагалъ его не къ враждѣ противъ сверстниковъ, а къ справедливости. Итакъ если этого діалога, по изложенію его, нельзя почитать отличнымъ, то нельзя также, ради одного упомянутаго недостатка, относить его и къ сочиненіямъ подложнымъ.

---

1 De vita Alcib. C. 4. ὥστε θαυμάζειν ἅπαντας, ὁρῶντας αὐτὸν Σωκράτει μεν συνδειπνοῦντα καὶ συμπαλαίοντα καὶ συσκηνοῦντα, τοῖς δὲ ἄλλοις ἐρασταῖς χαλεπὸν ὄντα καὶ δυσχείρωτον, ἐνίοις δέ καὶ παντάπασι σοβαρῶς προσφερόμενον ὥσπερ Ἀνύτῳ τῷ Ἀνθεμίωνος, ἐτύγχανε μεν γὰρ καὶ οὗτος ἐρῶν τοῦ Ἀλκιβιάδου.

ЛИЦА РАЗГОВАРИВАЮЩІЯ:

СОКРАТЪ И АЛКИВІАДЪ.

Сокр. Ты удивляешься, думаю, сынъ Клиніаса, что, полюбивъ тебя прежде всѣхъ, я одинъ теперь не отстаю отъ тебя, когда прочіе уже отстали, и что между тѣмъ какъ другіе надоѣдали [1] тебѣ своими бесѣдами, я, въ продолженіе столь многихъ лѣтъ [2], не сказалъ съ тобою ни одного слова. 103.

---

[1] ***Надоѣдали тебѣ;*** — *δι' ὄχλου γενέσθαί τινι* — греческій идіотизмъ, встрѣчающійся у многихъ древнихъ писателей, значитъ: причинять досаду. ***Thucyd.*** 1. 73. *Εἰ καὶ δι' ὄχλου μᾶλλον ἔσται ἀεὶ προβαλλομένοις ἀνάγκη λέγειν.* ***Dionys. Hal.*** T. V. p. 471 ed. Reisk. *δὶ ὄχλου γὰρ ἤδη τοῦτο γε.* etc.

[2] ***Въ продолженіе столь многихъ лѣтъ.*** Зифернъ въ своемъ разсужденіи объ Аристофановыхъ «Облакахъ» недоумѣваетъ, какимъ образомъ слова Платона,—что когда Алкивіаду было около двадцати лѣтъ отъ роду, Сократъ не бесѣдовалъ съ нимъ многіе годы,—согласить съ словами Олимпіодора (p. 89. 1), что они находились между собою въ дружескихъ отношеніяхъ при отступленіи Аѳинянъ отъ Деліи, а это происходило, когда живъ еще былъ Периклъ, слѣдовательно пятью годами прежде того времени, въ которое Алкивіадъ вступилъ въ права гражданина. Но, обращая вниманіе на выраженіе въ этомъ діалогѣ (p. 103 B), надобно предположить, что разговоръ Сократа съ Алкивіадомъ происходилъ еще при жизни Перикла. А какъ до этого разговора Сократъ не бесѣдовалъ съ сыномъ Клиніасовымъ, то настоящую бесѣду его надобно относить къ третьему или второму году до сраженія при Потидеѣ; ибо и въ Симпосіонѣ Платоновомъ говорится (219 E sqq.), что въ это именно время завязалась тѣсная дружба между Сократомъ и Алкивіадомъ. Къ тому же времени подходило и совершеннолѣтіе Алкивіада, т. е. осмнадцатилѣтній возрастъ его жизни, въ которомъ, по аѳинскимъ законамъ, юношѣ позволялось уже имѣть голосъ въ народныхъ собраніяхъ (Menex. 234 A). Слѣдовательно Алкивіадъ участвовалъ въ потидейскомъ сраженіи, имѣя отъ роду около двадцати лѣтъ. Впрочемъ, ранѣе этого онъ и не могъ быть ни въ какомъ заграничномъ походѣ; потому-что юноши, достигшіе совершеннолѣтія, у Аѳинянъ чрезъ два года исполняли должность *τῶν περιπόλων* (о чемъ

Причина этому была не человѣческая, а божественная, ко-
торой силу ты узнаешь впослѣдствіи [1]. Теперь она уже
B. не препятствуетъ, и вотъ я пришелъ, надѣясь, что и впредь
препятствовать не будетъ. Почти во все это время я вни-
мательно наблюдалъ, какъ ты держишь себя въ отношеніи
къ лицамъ, тебя любящимъ. Много было ихъ, и они отли-
чались высокоуміемъ; но не осталось ни одного, который не
104. убѣжалъ бы, побѣжденный твоею разсудительностію. Я рас-
крою причину [2] твоего презрѣнія къ нимъ. Тебѣ, го-
воришь, ни въ комъ изъ людей и ни для чего нѣтъ надобно-
сти; потому что богатство твое велико: всего довольно, на-
чиная съ тѣла до души. Во-первыхъ, ты считаешь себя кра-
сивымъ и знатнымъ [3], и всякій ясно видитъ, что не об-
манываешься. Во-вторыхъ, ты происходишь изъ семейства
самаго храбраго [4] въ своемъ городѣ, величайшемъ между

см. *Petit*. Legg. Attic. p. 653 sq. et *Platner*. Symbol. ad. Attic. p. 172 sq.). Съ этимъ согласно и то, что Алкивіада, нѣсколько далѣе (p. 123 D). Сократъ называетъ юношею *ἔτη οὐδέπω γεγονὸν σφόδρα εἴκοσιν*. Итакъ сынъ Софрониска удалялся отъ бесѣды съ Алкивіадомъ, пока онъ не достигъ еще совершеннолѣтія, и только наблюдалъ за нимъ издали: когда же увидѣлъ, что пришло ему время вступить въ народное собраніе, и что онъ, при извѣстномъ руководствѣ, можетъ оказать Аѳинянамъ важную пользу, рѣшился сблизиться съ нимъ и началъ разговоръ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ Ксенофонтъ (Mem. 1. 2. 16), и Плутархъ (Alcib. 1, p. 34).

[1] *Узнаешь впослѣдствіи* — указываетъ на дальнѣйшее свое доказательство. p. 103. D. E. Шлейермахеръ замѣчаетъ, что подобныя указанія у Платона не въ обычаѣ; но это значило бы — Платонову рѣчь подвергать слишкомъ строгимъ ограниченіямъ.

[2] *Я раскрою причину* — *τὸν δὲ λόγον* — *ἐθέλω διελθεῖν*. Въ сочиненіяхъ Платона это выраженіе обыкновенно значитъ: *хочу разсмотрѣть, прослѣдить, объяснить;* а въ этомъ мѣстѣ оно имѣетъ значеніе *открыть причину*. Посему Шлейермахеръ настоящее употребленіе его почитаетъ не платоновскимъ. Однакожъ надобно замѣтить, что оно — чисто греческое; слѣдовательно Платонъ въ другую эпоху своей жизни легко могъ употребить его для означенія другаго оттѣнка мысли.

[3] *Красивымъ и знатнымъ* — *κάλλιστός τε καὶ μέγιστος*. Такое соединеніе эпитетъ, прилагаемыхъ къ лицу Алкивіада, нисколько не странно. Оно повторяется во многихъ мѣстахъ Платоновыхъ сочиненій. Menex. p. 235 A. *ἡγούμενος ἐν τῷ παραχρῆμα μείζων καὶ γενναιότερος καὶ καλλίων γεγονέναι*.

[4] *Изъ семейства самаго храбраго* — *νεανικωτάτου γένους*. Этимъ выраженіемъ означается какбы наслѣдственное, фамильное мужество: de Rep. VI p. 503.

городами Эллиновъ; а потому со стороны отца у тебя очень B.
много знаменитыхъ друзей и родственниковъ, которые, еслибы понадобилось, готовы служить тебѣ. Не менѣе ихъ и не хуже они также со стороны твоей матери. Но, по твоему мнѣнію, болѣе всѣхъ упомянутыхъ мною лицъ доставляетъ тебѣ силы Периклъ, сынъ Ксантиппа, котораго твой отецъ назначилъ тебѣ и твоему брату въ опекуны, и который нетолько въ своемъ отечествѣ, но и въ цѣлой Элладѣ, даже во многихъ и извѣстнѣйшихъ поколѣніяхъ варваровъ [1], можетъ дѣлать все, что хочетъ. Я прибавилъ бы еще, что ты—одинъ изъ людей богатѣйшихъ; но въ этомъ C.
отношеніи у тебя мало самомнѣнія. Гордясь такими преимуществами, ты овладѣлъ всѣми своими любителями, и они, какъ слабѣйшіе, подчинились твоей власти. Это тебѣ извѣстно; а потому, знаю, ты и удивляешься, что̀ за мысль у меня—не бросать своей любви, въ какой надеждѣ я остаюсь вѣренъ ей, не смотря на бѣгство прочихъ.

Алк. Но, можетъ быть, тебѣ неизвѣстно, Сократъ, что ты чуть-чуть предупредилъ меня. Вѣдь я первый думалъ придти къ тебѣ и спросить тебя именно объ этомъ, то-есть, D.
чего ты хочешь и съ какою цѣлію надоѣдаешь мнѣ, заботливо являясь вездѣ, гдѣ бы я ни бывалъ. Да, для меня въ самомъ дѣлѣ удивительно, какое бы могло быть твое намѣреніе, и я охотно желалъ бы знать объ этомъ.

E. *νεανικοί τε καὶ μεγαλοπρεπεῖς τὰς διανοίας*. Ib. p. 512. E. *νεανικὴ φύσις*. *Plaut.* Trinumm. V. 2. 9. Eum sororem despondisse suam in tam fortem familiam. Отецъ Алкивіада былъ Клиніасъ, а дѣдъ—Алкивіадъ первый, въ Платоновомъ Эвтидемѣ (p. 275. A) называемый *ὁ παλαιός*. У него было два сына: Аксіохъ и Клиніасъ, изъ которыхъ послѣдній, по свидѣтельству Геродота (VIII, 17) и Плутарха (Alcib.), съ отличною похвалою сражался *ἰδιοστόλῳ τριήρει* при Артемизіи, а сражаясь при Херонеѣ во 2. 83 олимп. вмѣстѣ съ полководцемъ Толмидою былъ убитъ. Мать Алкивіада была Диномаха, дочь Мегелы. Происхожденіемъ своимъ по матери онъ гордился повидимому столько же, какъ и по отцу. *Palmerii* exercitt. p. 632 sq.

[1] *Во многихъ и извѣстнѣйшихъ поколѣніяхъ варваровъ.* Къ поколѣніямъ варварскимъ относимы были тогда нетолько жители средней и восточной Азіи, но и Европейцы, какъ-то: Македоняне, Ѳракійцы и другіе народы негреческаго происхожденія.

Сокр. Такъ видно ты будешь слушать меня со вниманіемъ, если, какъ говоришь, желалъ бы знать, что̀ у меня на умѣ. Пожалуй слушай и имѣй терпѣніе,—все скажу.

Алк. Безъ сомнѣнія, буду слушать,—только говори.

E. *Сокр*. Смотри же; вѣдь нѣтъ ничего удивительнаго, что какъ трудно мнѣ начать, такъ трудно будетъ и кончить.

Алк. Говори, добрякъ; а я ужъ буду слушать.

Сокр. Приходится говорить [1]. Хотя тому, кто любитъ, и не легко относиться къ человѣку, который не ниже людей его любящихъ, однакожъ я осмѣлюсь высказать свою мысль. Еслибы я видѣлъ, Алкивіадъ, что ты доволенъ всѣмъ тѣмъ, о чемъ сейчасъ упомянуто мною, и намѣренъ былъ съ этимъ провесть свою жизнь, то давно бы, сколько знаю себя,
105. отказался отъ своей любви. Но теперь я хочу раскрыть предъ самимъ тобою другіе твои помыслы, изъ чего ты уразумѣешь, что я непрестанно наблюдалъ за тобою. Еслибы, кажется, какой-нибудь богъ сказалъ тебѣ: Алкивіадъ! хочешь ли жить, наслаждаясь тѣмъ, что имѣешь, или тотчасъ умереть, если нельзя тебѣ будетъ получить что-нибудь болѣе?—то ты, думаю, избралъ бы смерть [2]. И я скажу, какая теперь надежда твоей жизни. Ты думаешь, что какъ скоро явишься въ
B. собраніе аѳинскаго народа,—а это будетъ чрезъ нѣсколь-

---

[1] ***Приходится говорить***—*λεκτέον ἂν εἴη*. Такая же форма выраженія употреблена Theaet. p. 181 B. *Σκεπτέον ἂν εἴη, τοῦ γε οὕτω προθυμουμένου*. Euthyphr. p. 273 D. *Καλὸν ἄν που τὸ ἔργον ὑμῶν εἴη*. Еслибы эти выраженія Шлейермахеръ имѣлъ въ виду, то не сказалъ бы (p. 514): und wie schlecht steht auch das *λεκτέον ἂν εἴη*, da!

[2] ***Ты, думаю, избралъ бы смерть***. Подобнымъ образомъ говоритъ Ксенофонтъ (Mem. 1, 2, 16) о Критіасѣ и Алкивіадѣ: *ἐγὼ γὰρ ἡγοῦμαι, θεοῦ διδόντος αὐτοῖν ἢ ζῆν ὅλον τὸν βίον ὥσπερ ζῶντα Σωκράτην ἑώρων, ἢ τεθνάναι, ἑλέσθαι ἂν αὐτὼ μᾶλλον τεθνάναι*. Шлейермахеру и это не нравится. Онъ почитаетъ невозможнымъ, чтобы юноша, только-что вступающій въ права гражданина, могъ такъ далеко простирать мечты честолюбія. Но должно представить себѣ и свойства, и обстоятельства, и воспитаніе Алкивіада. Юноша богатый, съ обширными связями, съ пылкими способностями, воспитанный въ домѣ Перикла и хорошо понимавшій достоинства современныхъ правителей, о чемъ не могъ возмечтать съ самыхъ первыхъ дней вступленія въ народное собраніе!

ко дней, —то докажешь Аѳинянамъ, что стоишь такихъ по-
честей, какими не пользовался ни Периклъ, никто другой
изъ мужей, когда-либо существовавшихъ, и, доказавъ это,
пріобрѣтешь въ городѣ величайшую силу; пріобрѣтши же
силу здѣсь, будешь могуществен̂ъ и у прочихъ Эллиновъ,
да не только у Эллиновъ, даже у варваровъ, обитающихъ
на одномъ съ нами материкѣ [1]. Потомъ еслибы тотъ же
богъ снова сказалъ тебѣ, что твоя власть должна ограни-
чиваться только Европою, а въ Азію перейти тебѣ будетъ C.
нельзя и къ тамошнимъ дѣламъ рука твоя не прострется:
то ты, кажется, не захотѣлъ бы довольствоваться и этимъ,
жить безъ надежды — наполнить своимъ именемъ и силою цѣ-
лое, можно сказать, человѣчество. Кромѣ Кира и Ксеркса, для
тебя, думаю, нѣтъ человѣка, стоющаго вниманія. Что имен-
но такою воодушевляешься ты надеждою, это я знаю, а не
догадываюсь. Но сознаваясь, что я говорю правду, ты, мо-
жетъ быть, спросишь: какъ же это, Сократъ, относится къ D.
причинѣ твоей безотвязности, которую ты спѣшилъ-было
открыть мнѣ, и по которой не оставляешь меня? Скажу и
это, любезный сынъ Клиніаса и Димонахи. Цѣли всѣхъ
этихъ помысловъ безъ меня достигнуть ты не можешь:
столь велико, думаю, мое вліяніе на тебя и на твои обстоя-
тельства! Потому-то Богъ, давно уже полагаю я, и не позво-
лялъ мнѣ разговаривать съ тобою, а я все ждалъ, пока по-
зволитъ. Вѣдь какъ ты надѣешься [2] имѣть великую силу въ E.

---

[1] *На одномъ съ нами материкѣ,* т. е. въ Европѣ. Подъ именемъ варваровъ разумѣются здѣсь Македоняне, Ѳракійцы и другіе народы.

[2] *Вѣдь какъ ты надѣешься....* ὥςπερ γάρ σὺ ἐλπίδας ἔχεις ἐν τῇ πόλει...... Греческій текстъ этого періода рѣчи очевидно перепутанъ и испорченъ: вмѣсто ἐνδείξασθαι ὅτι.... кажется, надобно читать: ἐνδειξάμενος ὅτι αὐτὸς παντὸς ἄξιος εἶ, καὶ οὐδὲν ὅτι οὐ παραυτίκα δυνήσῃ: οὕτω κἀγὼ παρὰ σοὶ ἐλπίζω μέγιστον δυνήσεσθαι.... Это послѣднее μέγιστον δυνήσεσθαι надобно поставить въ зависимость отъ управляющихъ глаголовъ той и другой части періода, т. е. и отъ выраженія: σὺ ἐλπίδας ἔχεις, и отъ глагола ἐγὼ ἐλπίζω. Бутманъ, Шлейермахеръ и Штальбомъ, основываясь на трехъ кодексахъ Алкивіада, находятъ нужнымъ изгнать изъ текста всѣ слова, начиная съ ἐνδείξασθαι до δυνήσεσθαι; но я думаю, что чрезъ это потерялась бы мысль, соотвѣтствующая мысли, слѣдующей далѣе—ἐνδειξάμενος, ὅτι παντὸς ἄξιός ειμ—σοὶ καὶ:

городѣ, доказавъ ему предпочтительное свое достоинство, и что для тебя нѣтъ ничего невозможнаго: такъ и я надѣюсь имѣть величайшее вліяніе на тебя, доказавъ, что въ отношеніи къ тебѣ значу болѣе всѣхъ, что ни опекунъ, ни родственникъ, никто, кромѣ меня, лишь бы только Богъ помогъ, не въ состояніи сообщить тебѣ ту силу, которой ты жаждешь. Когда ты былъ моложе и еще не питалъ этой надежды, Богъ не позволялъ мнѣ бесѣдовать съ тобою, — кажется потому, что наша бесѣда тогда могла бы быть напрасна:
106. а теперь онъ велитъ, теперь ты можешь слушать меня.

Алк. Я нахожу, Сократъ, что начавъ говорить, ты сдѣлался гораздо страннѣе, чѣмъ былъ прежде, когда слѣдовалъ за мною молча, хотя и въ то время казался очень страннымъ. Питаю ли я такія мысли, или нѣтъ, — у тебя, какъ видно, уже рѣшено: и еслибы я сталъ отказываться, это нисколько не помогло бы мнѣ убѣдить тебя. Пусть такъ. Однакожъ, еслибы я и совершенно проникнутъ былъ подобными мыслями, — какимъ же образомъ осуществятся онѣ чрезъ тебя, а безъ тебя ничего не выдетъ? Можешь ли сказать это?

B. *Сокр.* Ты такъ спрашиваешь, какъ будто я долженъ произнести тебѣ длинную рѣчь, къ какимъ столь привычно твое ухо [1]. Нѣтъ, мое дѣло не таково. Я, кажется, только въ состояніи доказать тебѣ, что это въ самомъ дѣлѣ такъ, если ты хоть немного поможешь мнѣ только въ одномъ.

Алк. Лишь бы тутъ не требовалось какой-нибудь трудной помощи, я готовъ.

Сокр. А трудно-ли, по твоему мнѣнію, отвѣчать на вопросы [2]?

---

[1] *Къ какимъ столь привычно твое ухо.* Сократъ разумѣетъ μακρολογίαν σοφιστικήν — то длиннословіе, надъ которымъ онъ шутитъ въ Горгіасѣ, Теэтетѣ, Политикѣ, Протагорѣ. Что Алкивіадъ учился у нихъ этому искуству, свидѣтельствуетъ Ксенофонтъ (Mem. 1, 2, 30. 40).

[2] *А трудно ли, по твоему мнѣнію, отвѣчать* — εἴ χαλεπὸν δοκεῖ τὸ ἀποκρίνεσθαι. Условная частица εἴ здѣсь вовсе неумѣстна. Поэтому, согласно съ поправкою Бутмана и съ переводомъ Фицина, я читаю: ἤ χαλεπὸν δοκεῖ....

Алк. Не трудно.

Сокр. Отвѣчай же.

Алк. Спрашивай.

Сокр. Но вѣдь я буду спрашивать тебя, какъ человѣка, проникнутаго именно тѣми мыслями, которыя тебѣ приписаны мною.

Алк. Пожалуй, если хочешь, только бы знать, о чемъ будешь спрашивать-то [1]. C.

Сокр. Хорошо. Итакъ ты думаешь, говорю я, чрезъ нѣсколько времени сдѣлаться совѣтникомъ Аѳинянъ. Но еслибы, въ минуту твоего вступленія на каѳедру, я взялъ да и спросилъ: Алкивіадъ! ты встаешь съ своимъ совѣтомъ, когда Аѳиняне вознамѣрились открыть о чемъ-то совѣщаніе: скажи, потому ли рѣшаешься на это, что разумѣешь дѣло лучше ихъ?—Что отвѣчалъ бы ты?

Алк. Конечно, отвѣчалъ бы, что разумѣю дѣло лучше ихъ.

Сокр. Слѣдовательно ты — хорошій совѣтникъ въ томъ самомъ, что случилось тебѣ уразумѣть? D.

Алк. Какъ же иначе?

Сокр. А разумѣешь ты только то, что узналъ отъ другихъ, или открылъ самъ?

Алк. Что же болѣе?

Сокр. Но можно ли изучить, или открыть что-нибудь, не желая ни учиться отъ другихъ, ни самому искать [2]?

---

[1] *Только-бы знать, о чемъ будешь спрашивать-то* — *ἵνα καὶ εἰδῶ, ὅ τί καὶ ἐρεῖς.* Замѣчательное употребленіе *καὶ* послѣ *ἵνα* и предъ глаголомъ для сообщенія ему особенной выразительности. Этотъ союзъ въ подобныхъ случаяхъ употребляется весьма часто. De Rep. IV p. 445. C. *δεῦρο νῦν, ἴδῃς, ὅσα καὶ εἴδη ἔχει ἡ κακία.* Такихъ примѣровъ собрано много у Штальбома ad h. l. По-русски въ конструкціи сего рода *καὶ* надобно переводить частицами, усиливающими значеніе глагола, предъ которымъ этотъ союзъ поставленъ.

[2] *Не желая ни учиться отъ другихъ, ни самому искать,*—*μήτε μανθάνειν ἐθέλων, μήτε αὐτὸς ζητεῖν.* Критика привязчивая и мелочная, усиливаясь что-нибудь доказать, иногда доходитъ до смѣшнаго. Шлейермахеръ рѣшился, во что бы то ни стало, доказать, что Алкивіадъ подложенъ, и въ угожденіе своей рѣшимости говоритъ, что приведенныя слова Платонъ написалъ бы такъ: *μήτε ζητεῖν ἐθέλων μήτε μανθάνειν.* Но юношѣ Алкивіаду надлежало пріобрѣтать познанія сперва посредствомъ ученія, а потомъ, въ воз-

Алк. Нельзя.

Сокр. Что жъ? видно, думая что-нибудь узнать, ты захотѣлъ найти или изучить это?

Алк. Совсѣмъ нѣтъ.

E. *Сокр.* А было ли время, когда того, что теперь знаешь, ты, по собственному своему убѣжденію, не зналъ?

Алк. Необходимо.

Сокр. Но вѣдь и мнѣ почти извѣстно, чему ты учился; а что неизвѣстно, скажи. На моей памяти, ты учился грамотѣ, играть на цитрѣ и фехтовать; флейтою же заниматься не хотѣлъ [1]. Вотъ что ты знаешь, если только не учился еще какому-нибудь искуству, которое ускользнуло отъ моего вниманія. Впрочемъ, выходя изъ дома, ты, думаю, не скрылся бы отъ меня ни днемъ ни ночью.

Алк. Да я и не ходилъ ни къ какимъ другимъ учителямъ, кромѣ этихъ.

Сокр. Итакъ, еслибы Аѳиняне совѣщались о грамотѣ,
107. какимъ бы образомъ правильно писать,—всталъ ли бы ты съ своимъ совѣтомъ?

Алк. Нѣтъ, клянусь Зевсомъ.

Сокр. Ну, а когда бы разсуждали объ игрѣ на лирѣ?

Алк. Никакъ не всталъ бы.

Сокр. А о фехтованьѣ-то, видишь, не имѣютъ они обыкновенія разсуждать въ собраніяхъ.

Алк. Конечно.

Сокр. Такъ о чемъ же бы Аѳинянамъ совѣщаться? ужъ не о домостроительствѣ ли?

Алк. И то нѣтъ.

растѣ зрѣломъ, чрезъ собственное изслѣдованіе. Это, кажется, согласнѣе съ логикою, а потому и съ тактомъ Платоновой рѣчи.

[1] Что касается до игры на флейтѣ, то, и по свидѣтельству Плутарха (Vit. Alcib. C. 2), Алкивіадъ къ этому искуству имѣлъ великое нерасположеніе. Дальнѣйшія слова: *ты не укрылся бы отъ меня ни днемъ ни ночью,* очевидно, сказаны ὑπερβολικῶς. Потомъ слово ходить — φοιτᾶν указываетъ на учениковъ, ходящихъ, для слушанія уроковъ, въ домъ учителя; отъ этого ученики сего рода у Грековъ назывались φοιτηταί. Polluc. Onom. IV. 43.

Сокр. Вѣдь объ этомъ-то домостроитель будетъ разсуждать лучше тебя.

Алк. Да.

Сокр. Ты не захочешь также участвовать, когда Аѳиняне вздумаютъ совѣщаться и о прорицаніи? B.

Алк. Не захочу.

Сокр. Потому что прорицатель въ этомъ отношеніи опять лучше тебя.

Алк. Да.

Сокр. Даже не смотря на то, малоизвѣстенъ онъ или знатенъ, красивъ или безобразенъ, благороденъ или неблагороденъ [1].

Алк. Какъ же иначе?

Сокр. Потому что совѣтъ-то о каждомъ предметѣ бываетъ, думаю, со стороны знающаго, а не богатаго.

Алк. Какъ же иначе?

Сокр. То-есть, когда Аѳиняне держатъ совѣтъ, какимъ бы образомъ сохранить здоровье гражданъ,—для нихъ все равно, бѣденъ совѣтникъ или богатъ; они только ищутъ совѣтника во врачѣ. C.

Алк. И справедливо.

Сокр. Такъ о чемъ же должны они разсуждать, чтобы, вставъ въ качествѣ совѣтника, ты всталъ кстати?

Алк. О своихъ дѣлахъ, Сократъ.

Сокр. Напримѣръ, о дѣлахъ, относящихся къ кораблестроенію, то-есть, какіе должны они строить корабли?

Алк. Но тутъ я не всталъ бы, Сократъ.

Сокр. Потому что строить корабли ты, думаю, не умѣешь. Эта причина, или другая?

Алк. Именно эта.

Сокр. О какихъ же своихъ дѣлахъ, говоришь ты, должны они разсуждать? D.

---

[1] *Не смотря на то, малоизвѣстенъ онъ, или знатенъ...*—намекъ на тѣ преимущества Алкивіада, которыми онъ особенно гордился.

Алк. О войнѣ, о мирѣ и о другихъ дѣлахъ общественныхъ, Сократъ.

Сокр. Не то ли разумѣешь ты, что они должны совѣщаться,—съ кѣмъ заключить миръ, съ кѣмъ вести войну и какимъ образомъ?

Алк. Да.

Сокр. А это—не съ тѣми ли, съ кѣмъ лучше?

Алк. Да.

E. *Сокр.* И не тогда ли, когда лучше?

Алк. Конечно.

Сокр. И столько времени, сколько выгоднѣе?

Алк. Да.

Сокр. Но еслибы Аѳиняне совѣщались, съ кѣмъ надобно схватываться, а съ кѣмъ препираться [1], и какимъ образомъ; то ты ли лучше бы посовѣтовалъ, или гимнастикъ?

Алк. Конечно гимнастикъ.

Сокр. И ты можешь сказать, на что смотря, гимнастикъ посовѣтовалъ бы, съ кѣмъ схватываться, съ кѣмъ нѣтъ, когда схватываться и какимъ образомъ? Говорю такъ: съ тѣмъ ли надобно схватываться, съ кѣмъ лучше, или нѣтъ?

Алк. Съ тѣмъ.

108. *Сокр.* И столько, сколько выгоднѣе?

Алк. Столько.

Сокр. И тогда, когда выгоднѣе?

---

[1] ***Съ кѣмъ надобно схватываться, а съ кѣмъ препираться***,—*τίσι χρὴ προσπαλαίειν, καὶ τίσιν ἀκροχειρίζεσθαι.* Значенiе этихъ глаголовъ объясняется правилами греческой гимнастики. Timaeus Gloss. p. 19.—*ἀκροχειρίζεσθαι πυκτεύειν ἢ παγκρατιάζειν πρὸς ἕτερον ἄνευ συμπλοκῆς, ἢ ὅλως ταῖς ἀκραῖς μετ' ἄλλου γυμνάζεσθαι*, т. е., бороться, схвативши другъ друга только за руки. Принимаемому въ этомъ смыслѣ глаголу *ἀκροχειρίζεσθαι* хорошо противуполагается глаголъ *προςπαλαίειν*, выражающiй такую борьбу, въ которой борцы обхватывали другъ друга по поясу. Имѣя въ виду это несомнѣнное значенiе упомянутыхъ глаголовъ, странными кажутся слѣдующiя слова Шлейермахера: Das *ἀκροχειρίζεσθαι*, was sonst bei Platon nicht vorkommt, ist auch ein ganz unnutzes Auskramen gimnastischer Gelehrsamkeit; ein populäres Beispiel hätte weit besser dasselbe ausgerichtet. Но почему это выраженiе кажется Шлейермахеру не популярнымъ?

Алк. Конечно.

Сокр. А кто и поетъ, тотъ долженъ ли иногда сопровождать пѣніе цитрою и мѣрнымъ движеніемъ?

Алк. Конечно, долженъ.

Сокр. И не тогда ли, когда лучше?

Алк. Да.

Сокр. И не столько ли, сколько лучше?

Алк. Полагаю.

Сокр. Что жъ? Признавъ лучшее въ томъ и въ другомъ, то-есть, и въ сопровожденіи пѣсни цитрою, и въ B.
борьбѣ, что именно назовешь ты лучшимъ въ игрѣ на цитрѣ? Вотъ въ борьбѣ лучшее, говорю я, есть то, что бываетъ гимнастически; а тамъ что будетъ оно, по твоему мнѣнію?

Алк. Не понимаю [1].

Сокр. Но попытайся подражать мнѣ. Я уже, кажется, отвѣчалъ, что то состоитъ въ совершенной правильности; а правильность, безъ сомнѣнія, есть сообразность съ искуствомъ. Не такъ ли?

Алк. Такъ.

Сокр. Искуство же тутъ не гимнастика ли?

Алк. Чему же быть иному?

Сокр. Такъ вотъ я и сказалъ, что въ борьбѣ лучшее— C.
гимнастика.

Алк. Да, сказалъ.

Сокр. И вѣдь хорошо?

Алк. Кажется.

Сокр. Ну, теперь скажи и ты,—вѣдь и тебѣ нужно го-

---

[1] *Не понимаю* — οὐκ ἐννοῶ. Критикамъ особенно странною кажется такая непонятливость даровитаго Алкивіада. Конечно, ходъ Платоновой діалектики въ этомъ мѣстѣ недовольно ловокъ: но кто долго наблюдалъ, какъ иногда и способныя головы, не привыкши къ мышленію, мѣшаются и оказываются непонятливыми на самой первой степени отвлеченія представленій; тотъ не будетъ удивляться и непонятливости Алкивіада. Всякій понимаетъ, что̀ въ музыкѣ бываетъ лучшее и худшее; но въ какомъ родовомъ объемѣ надобно мыслить лучшее? какъ назвать его вообще? На это непривычный къ строгому логическому мышленію не вдругъ можетъ отвѣчать.

ворить хорошо,—скажи сперва, къ какому искуству относится игра на цитрѣ, пѣніе и мѣрное движеніе. Какъ вообще называется это искуство? Неужели еще не можешь отвѣчать?

Алк. Да, не могу.

Сокр. Но попытайся такъ: кто тѣ богини, чье это искуство?

Алк. Ты разумѣешь Музъ, Сократъ?

D. *Сокр.* Конечно. Смотри же, какъ, по ихъ имени, называется это искуство?

Алк. Мнѣ кажется, ты говоришь о музыкѣ?

Сокр. Точно такъ. Что же въ отношеніи къ ней бываетъ правильно? Тамъ, въ отношеніи къ искуству гимнастическому я уже назвалъ тебѣ правильное: а здѣсь что назовешь ты такимъ? здѣсь какъ бываетъ?

Алк. Мнѣ кажется, музыкально.

Сокр. Ты хорошо говоришь. Теперь возьми лучшее въ войнѣ и въ сохраненіи мира: какъ ты назовешь это лучшее? Тамъ, говоря о каждомъ дѣлѣ, ты призналъ лучшимъ—
E. въ одномъ музыкальность, въ другомъ гимнастичность: постарайся и здѣсь указать на лучшее [1].

Алк. Но не такъ-то могу.

Сокр. А вѣдь стыдно. Еслибы кто-нибудь, слушая твои разсужденія и совѣты касательно пищи, что, то-есть, въ настоящее время и въ такомъ-то количествѣ одна пища лучше другой, наконецъ спросилъ: что называешь ты лучшимъ, Алкивіадъ?—Ты, даже и не выдавая себя за врача, конечно отвѣчалъ бы, что лучшее здѣсь — болѣе здоровое: какъ же бы не умѣть тебѣ, кажется, отвѣчать на
109. вопросъ о томъ, въ чемъ ты выдаешь себя за знатока и

---

[1] ***Постарайся и здѣсь указать на лучшее.*** Общее понятіе, о которомъ здѣсь спрашивается, въ умѣ Сократа есть *δικαιότερον*, а не *πολιτικότερον*, что предполагаетъ Шлейермахеръ; ибо справедливость, по разуму древнихъ философовъ и особенно Платона, составляетъ сущность науки о гражданскомъ обществѣ.

касательно чего сталъ бы давать совѣты, будто человѣкъ знающій? Вѣдь это стыдно.—Или думаешь, нѣтъ?

Алк. Конечно стыдно.

Сокр. Вникни же и постарайся сказать, къ чему клонится лучшее какъ въ сохраненіи мира, такъ и въ войнѣ, съ кѣмъ должно?

Алк. Вникаю, но не могу придумать.

Сокр. И ты не знаешь, въ чемъ во время войны мы обвиняемъ другъ друга, что почитаемъ причиною начатія военныхъ дѣйствій и какъ называемъ эту причину?

Алк. Знаю. Мы находимъ, что насъ обманываютъ, при- B.
тѣсняютъ, или лишаютъ чего-нибудь.

Сокр. Постой же; что мы терпимъ въ каждомъ изъ этихъ случаевъ? Постарайся сказать, что̀ бываетъ особеннаго тутъ или тамъ?

Алк. Говоря объ особенномъ тутъ или тамъ, не разумѣешь-ли ты, Сократъ, справедливости, или несправедливости [1]?

Сокр. То-то и есть.

Алк. Да этимъ-то отличается все вообще.

Сокр. Что жъ? противъ кого идти войной посовѣтуешь ты Аѳинянамъ? противъ справедливыхъ, или несправедливыхъ.

Алк. Труденъ вопросъ! Пусть бы кто и подумалъ, что C.
надобно воевать съ справедливыми, все-таки не признался бы въ этомъ.

Сокр. Видно потому, что это незаконно.

Алк. Конечно; да кажется, и нехорошо.

Сокр. Слѣдовательно и твои рѣчи будутъ въ пользу этого—справедливости?

---

[1] *Не разумѣешь ли ты, Сократъ, справедливости и несправедливости?* Этотъ вопросъ, выражающій сомнѣніе Алкивіада, весьма естественно могъ быть предложенъ юношею, который наслушался софистовъ; потому что софисты никакого понятія не извращали столько, сколько понятіе о справедливости, какъ это дѣлаетъ Тразимахъ въ первой книгѣ Государства. Итакъ недоумѣніе Шлейермахера и здѣсь неумѣстно.

Алк. Необходимо.

Сокр. Такъ не справедливое ли будетъ то лучшее, о которомъ я тебя спрашивалъ, — надобно ли то-есть воевать или нѣтъ, съ кѣмъ воевать и съ кѣмъ нѣтъ, когда воевать и когда нѣтъ?

Алк. Да, кажется.

D. *Сокр.* Какъ же такъ, любезный Алкивіадъ? развѣ ты забылъ, что этого не знаешь? Или можетъ быть я и не замѣтилъ, когда ты учился этому и ходилъ къ наставнику, который научилъ тебя различать справедливое отъ несправедливаго? Да кто онъ? скажи и мнѣ, порекомендуй ему въ ученики и меня.

Алк. Ты шутишь, Сократъ.

Сокр. Заклинаю тебя именемъ моего и твоего бога дружбы [1], которымъ я никогда не клянусь по-пусту: если у тебя есть такой учитель, скажи мнѣ, кто онъ.

E. *Алк* Но что, если его нѣтъ? Нельзя ли тебѣ предположить, что справедливое и несправедливое я узналъ какънибудь иначе?

Сокр. Можно, если ты самъ открылъ.

Алк. А что не открылъ, не представишь?

Сокр. И очень, если искалъ.

Алк. А что искалъ, не подумаешь?

Сокр. Пожалуй, еслибы думалъ, что не знаешь.

Алк. Да развѣ не было времени, когда я не зналъ.

Сокр. Ты хорошо говоришь; но можешь ли указать на то время, въ которое не почиталъ себя знающимъ спра-
110. ведливое и несправедливое? Напримѣръ, въ прошедшемъ году испытывалъ ли ты себя и думалъ ли, что не знаешь, или не думалъ? Да отвѣчай вѣрно, чтобы нашъ разговоръ шелъ не по-пусту.

---

[1] ***Именемъ моего и твоего бога дружбы, которымъ я никогда не клянусь.*** Объ этой клятвѣ см. Евтифр. p. 6 B. Форма рѣчи: ***которымъ я никогда не клянусь***, часто повторяема была по подражанію Омиру. Iliad. Θ. 39. *σὺ θ' ἱερὴ κεφαλὴ καὶ νωίτερον λέχος αὐτῶν κουρίδιον, τὸ μὲν οὐκ ἂν ἐγώ ποτε μὰψ ὀμόσαιμι.*

Алк. Думалъ, что знаю.

Сокр. Не такъ же ли въ третьемъ, четвертомъ и пятомъ году назадъ?

Алк. Такъ же.

Сокр. А прежде этого времени ты былъ еще мальчикомъ? не правда ли?

Алк. Да.

Сокр. Тогда-то, разумѣется, ты думалъ, что знаешь.

Алк. Откуда же это разумѣется?

Сокр. Я часто слыхалъ, что во время своего дѣтства, B.
играя въ кости, или въ какую-нибудь иную игру, въ школѣ и въ другихъ мѣстахъ, ты не сомнѣвался въ справедливомъ и несправедливомъ, но громко и смѣло говорилъ, что такой-то мальчикъ золъ и несправедливъ, что онъ обижаетъ [1] тебя. Не правду ли я говорю?

Алк. Да что жъ мнѣ было дѣлать, Сократъ, когда меня обижали?

Сокр. А спрашивалъ ли бы ты, что тебѣ дѣлать, еслибы не зналъ, обижаютъ тебя, или нѣтъ [2]?

Алк. Но клянусь Зевсомъ,—я не то что зналъ, а ясно C.
сознавалъ, что меня обижаютъ.

Сокр. Поэтому, бывъ еще мальчикомъ, ты уже думалъ, какъ видно, что разумѣешь справедливое и несправедливое.

Алк. Конечно, да и въ самомъ дѣлѣ разумѣлъ.

Сокр. Когда же ты это открылъ? Ужъ вѣрно не тогда, когда думалъ, что знаешь?

Алк. Безъ сомнѣнія.

---

[1] *Что онъ обижаетъ тебя*,—*καὶ ὡς ἀδικεῖ*. Если среди игръ одно дитя какъ-нибудь обманывало другое, то обманутое обыкновенно говорило: *ἀδικεῖς*. Это было поговоркою Аѳинянъ въ подобныхъ случаяхъ. Весьма ясный примѣръ читаемъ у Аристофана (Nub. 25): *Φίλων, ἀδικεῖς!* *Faber.* de ludo talorum V. ad. Remp. 1. p. 333 A.

[2] T. е., быть не можетъ, чтобы кто-нибудь сталъ спрашивать, что̀ ему дѣлать, когда его обижаютъ, не узнавши напередъ, что̀ такое—справедливость и несправедливость.

Сокр. Такъ въ какое время ты думалъ, что не знаешь? Смотри, вѣдь такого времени не найдешь.

Алк. Да, клянусь Зевсомъ, Сократъ, я не могу указать на него.

D. *Сокр.* Стало быть, ты узналъ это не чрезъ открытіе.

Алк. Очевидно нѣтъ.

Сокр. А сейчасъ сказалъ, что и не учился знать. Если же и не открылъ и не учился, то какъ и откуда знаешь?

Алк. Но можетъ быть я и неправильно отвѣчалъ тебѣ, что упомянутое знаніе самъ открылъ. Это случилось, вѣроятно, такъ: должно быть и я научился этому, какъ другіе.

Сокр. Значитъ, мы возвращаемся къ прежнему вопросу. Скажи мнѣ, отъ кого научился.

E. *Алк.* Отъ народа.

Сокр. Не къ отличнымъ же учителямъ прибѣгаешь ты, когда ссылаешься на народъ.

Алк. А что? развѣ онъ не въ состояніи научить?

Сокр. Даже и тому, что̀ шашечная игра, и что̀ нѣтъ; хотя это, думаю, гораздо ниже справедливаго. Что? развѣ ты думаешь иначе?

Алк. Да.

Сокр. Значитъ, не имѣя возможности научить худшему, онъ въ состояніи преподать лучшее?

Алк. Я думаю. Да и дѣйствительно, народъ въ состояніи научить многому, что будетъ получше шашечной игры.

111. *Сокр.* Чему жъ это?

Алк. У него, напримѣръ, научился я говорить по-гречески, и въ этомъ отношеніи не могу назвать тебѣ другаго учителя, но чувствую себя обязаннымъ тому самому учителю, котораго ты не считаешь отличнымъ.

Сокр. Да, почтеннѣйшій, въ этомъ-то народъ—хорошій учитель, и науку его по справедливости можно хвалить [1].

---

[1] ***И науку его по справедливости можно хвалить***—*καὶ δικαίως ἐπαινοῖντ' ἂν αὐτῶν εἰς διδασκαλίαν*. Мѣстоименіе *αὐτῶν* въ соединеніи съ словами *εἰς διδασκαλίαν*

Алк. Почему же?

Сокр. Потому что онъ обладаетъ именно тѣмъ, чѣмъ должны обладать хорошіе наставники.

Алк. Что ты разумѣешь?

Сокр. Развѣ не извѣстно тебѣ, что люди, намѣревающіеся учить чему-нибудь, должны напередъ сами знать это? Или нѣтъ?

Алк. Какъ же нѣтъ? B.

Сокр. Но не правда ли, что знающіе должны быть согласны другъ съ другомъ, а не разногласить?

Алк. Да.

Сокр. А скажешь ли, что въ чемъ они разногласятъ, то знаютъ?

Алк. Ну нѣтъ.

Сокр. Такъ какимъ же образомъ быть имъ учителями въ томъ предметѣ?

Алк. Никакъ нельзя.

Сокр. Что жъ? разногласитъ ли, думаешь, народъ, что̀ камень, что̀ дерево? Когда ты спрашиваешь объ этомъ у кого-нибудь,—всѣ не то же ли самое разумѣютъ, не къ тому же ли самому бѣгутъ, съ намѣреніемъ взять камень или C.
дерево? Не такъ ли и прочее въ этомъ родѣ? Эту-то почти мысль я соединяю съ твоими словами о знаніи греческаго языка. Или не такъ?

Алк. Такъ.

Сокр. Не въ томъ же ли, какъ сказано, согласны между собою и города, взятые порознь и вмѣстѣ? Тутъ они не спорятъ другъ съ другомъ и не говорятъ—одинъ одно, другой другое.

Алк. Конечно, нѣтъ.

наводитъ подозрѣніе на неповрежденность этого текста. Проклъ (p. 260) пишетъ его такъ: *καὶ δικαίως ἐπαινοῖτ' ἂν ἡ διδασκαλία.* Въ этой конструкціи умѣстно будетъ и *αὐτῶν*. Если же отдадимъ преимущество спискамъ, въ которыхъ стоитъ *εἰς διδασκαλίαν*, то *αὐτῶν* надобно тогда признать вовсе ненужною вставкою какого-нибудь глоссатора.

Сокр. Слѣдовательно тутъ-то они по справедливости и хорошіе учители?

Алк. Да.

D. *Сокр*. Итакъ, еслибы мы вздумали сообщить кому-нибудь подобное знаніе, то правильно поступили бы, пославъ его въ науку къ народу?

Алк. Конечно.

Сокр. Напротивъ, чтò еслибы намъ захотѣлось знать не только то, чтò люди и чтò лошади, но и то, которые изъ нихъ быстры и которые нѣтъ? Могъ ли бы народъ научить этому?

Алк. Не очень.

Сокр. Такъ не убѣдительное ли для тебя доказатель-
E. ство, что этого онъ не знаетъ, что въ этомъ онъ—плохой учитель, когда тутъ несогласенъ самъ съ собою?

Алк. Я думаю.

Сокр. Равнымъ образомъ, еслибы намъ захотѣлось знать, нетолько то, чтò люди, но и то, которые изъ нихъ здоровы и которые больны: былъ ли бы народъ достаточнымъ для насъ учителемъ?

Алк. Конечно нѣтъ.

Сокр. И не заключилъ ли бы ты, что въ этомъ отношеніи онъ—худой учитель, когда бы замѣтилъ его разногласіе съ самимъ собою?

Алк. Я думаю.

Сокр. Что жъ теперь? кажется ли тебѣ, что въ отношеніи къ справедливымъ и несправедливымъ людямъ и поступ-
112. камъ, народъ согласенъ и въ цѣломъ своемъ составѣ, и другъ съ другомъ [1]?

Алк. Всего менѣе, Сократъ, клянусь Зевсомъ.

Сокр. Что? тутъ онъ особенно разногласитъ?

---

[1] *И въ цѣломъ своемъ составѣ, и другъ съ другомъ*—αὐτοὶ ἑαυτοῖς ἢ ἀλλήλοις. Различаются—общее мнѣніе народа и мнѣнія частныхъ гражданъ о справедливомъ и несправедливомъ. Поэтому тѣ неправильно понимаютъ мысль, которые ἀλλήλοις измѣняютъ на ἄλλοις, и переводятъ: *ни съ самимъ собою, ни съ другими*.

Алк. Да и непрестанно.

Сокр. Ты, думаю, никогда не видывалъ и не слыхивалъ, чтобы разногласіе людей касательно здоровыхъ и нездоровыхъ доходило наконецъ до сраженія и взаимнаго убійства.

Алк. Конечно нѣтъ.

Сокр. Напротивъ, касательно справедливаго и несправедливаго, если не видѣлъ, то, знаю, слышалъ—и отъ Омира, B.
и отъ многихъ другихъ. Вѣдь объ Одиссеѣ и Иліадѣ слыхалъ?

Алк. Безъ сомнѣнія, Сократъ.

Сокр. А эти поэмы — не о разногласіи ли касательно справедливаго и несправедливаго?

Алк. Да.

Сокр. Тутъ вѣдь Ахейцы и Трояне, женихи Пенелопы, и Одиссей вступали въ сраженія-то и подвергались смерти именно за это разногласіе.

Алк. Твоя правда. C.

Сокр. Думаю, что и въ Танагрѣ [1] причиною смертей и сраженій между Аѳинянами, Лакедемонянами и Віотянами, а потомъ въ Херонеѣ, гдѣ палъ и отецъ твой Клиніасъ, было не какое другое разногласіе, какъ вразсужденіи справедливаго и несправедливаго. Не такъ ли?

Алк. Правда.

Сокр. Итакъ эти ли, скажешь, знаютъ то, касательно чего разногласіе доводитъ ихъ самихъ до крайнихъ бѣдствій? D.

Алк. Нѣтъ, не думаю.

Сокр. И не такимъ ли учителямъ приписываешь ты свое знаніе, которые, по твоимъ же словамъ, сами не имѣютъ его?

Алк. Походитъ.

Сокр. Такъ вѣроятно ли, что ты знаешь справедливое и несправедливое, когда касательно его находишься въ та-

[1] Разумѣется сраженіе при Танагрѣ, бывшее 4,89 Олимп. См. *Thucyd*. 1,185 sqq. *Diodor*. XI, 81. Далѣе упоминается о сраженіи при Херонеѣ, случившемся 2,83 Олимп.

комъ заблужденіи, и когда, какъ видно, ты ни у кого не учился этому, и самъ не открылъ?

Алк. Да, судя по твоимъ словамъ, невѣроятно.

E. *Сокр.* А видишь ли, Алкивіадъ, что и это опять ты не хорошо сказалъ [1]?

Алк. Что такое?

Сокр. Что говоришь, судя по моимъ словамъ.

Алк. Отчего же? развѣ не твои слова, что я ничего не знаю о справедливомъ и несправедливомъ?

Сокр. Конечно нѣтъ.

Алк. А мои?

Сокр. Да.

Алк. Какъ же это?

Сокр. Узнаешь вотъ изъ чего. Если я тебя спрошу, что больше, — единица, или два; то не скажешь ли ты, что два?

Алк. Скажу.

Сокр. Чѣмъ больше?

Алк. Единицею.

Сокр. Кто же изъ насъ говоритъ, что два больше одною единицею?

Алк. Я.

Сокр. Не правда ли, что я спрашивалъ, а ты отвѣчалъ?

Алк. Правда.

113. *Сокр.* Такъ я ли говорю объ этомъ, поколику спрашиваю, или ты, поколику отвѣчаешь?

Алк. Я.

Сокр. Положимъ еще, что я спросилъ бы тебя, какія

---

[1] *А видишь ли, Алкивіадъ, что и это опять ты нехорошо сказалъ,* то-есть, *судя по твоимъ словамъ, невѣроятно,* какъ будто эти слова сказаны мною, а не тобою:—оборотъ весьма искусный и прямо сократическій. Но Шлейермахеру онъ почему-то не нравится. Въ словѣ «видишь ли»? замѣтенъ пріятный тонъ нѣсколько насмѣшливой шутки, какимъ оно отзывается въ Symp. p. 202 D. Gorg. 475 E. и у Аристофана Rann. v. 1136 etc.

буквы въ словѣ Сократъ, и ты отвѣчалъ бы мнѣ: кто тогда говорилъ бы?

Алк. Я.

Сокр. Ну такъ скажи мнѣ однимъ словомъ: если предлагается вопросъ и отвѣтъ, то кто говоритъ,—вопрошающій, или отвѣчающій?

Алк. Мнѣ кажется, Сократъ, что отвѣчающій.

Сокр. А не я ли сейчасъ непрерывно спрашивалъ тебя? B.

Алк. Да.

Сокр. И не ты ли отвѣчалъ?

Алк. Конечно.

Сокр. Что жъ? кто изъ насъ сказалъ, что было сказано?

Алк. Изъ допущеннаго видно, Сократъ, что я.

Сокр. И не то ли было сказано, что прекрасный сынъ Клиніаса, Алкивіадъ, не знаетъ о справедливомъ и несправедливомъ, а думаетъ, что знаетъ, и готовится идти въ собраніе Аѳинянъ съ намѣреніемъ подавать имъ совѣты въ томъ, чего вовсе не знаетъ. Не такъ ли было?

Алк. Оказывается такъ.

Сокр. Стало быть, надъ нами, Алкивіадъ, сбылась Еври- C.
пидова поговорка. Ты, видно, слышалъ это отъ себя, а не отъ меня [1]; не я говорилъ, а ты: меня же напрасно обвиняешь. Впрочемъ, и хорошо сказано: вѣдь у тебя въ умѣ, добрякъ, въ самомъ дѣлѣ отчаянное предпріятіе [2],—учить тому, чего не знаешь и чему не думалъ учиться.

Алк. Но я полагаю, Сократъ, что Аѳиняне и прочіе
Эллины рѣдко совѣщаются о томъ, что справедливо, или D.
несправедливо, ибо признаютъ это очевиднымъ для вся-

---

[1] ***Еврипидова поговорка:*** *σοῦ τὰ δὲ κινδυνεύεις, ἀλλ᾽ οὐκ ἐμοῦ.* О ней см. ***Muret.*** Varr. lectt. V. 20 et *Valken.* ad Hippolyt. 352. *σοῦ τάδ᾽, οὐκ ἐμοῦ κλύεις.*

[2] ***Отчаянное предпріятіе***—*μανικὸν γὰρ ἐν νῷ ἔχεις.* Значеніе слова *μανικὸς* въ этомъ мѣстѣ можетъ быть опредѣлено словами Ксенофонта (Mem. 111, 9, 6): *μανίαν γέ μὴν ἐναντίον μὲν ἔφη εἶναι σοφίᾳ, οὐ μέντοι γε τὴν ἀνεπιστημοσύνην μανίαν ἐνόμιζεν, τὸ δὲ ἀγνοεῖν ἑαυτὸν καὶ μὴ ἃ εἶδε δοξάζειν τε καὶ οἴεσθαι γινώσκειν ἐγγυτάτω μανίας ἐλογίζετο εἶναι.* То-есть, *μανία* есть не незнаніе, а увѣренность въ знаніи того, чего не знаешь.

каго. Оставляя подобныя совѣщанія, они изслѣдываютъ, что полезнѣе имъ въ дѣлахъ; потому что справедливое и полезное, по моему мнѣнію,—не одно и то же. Многимъ и величайшія несправедливости доставляли пользу, а инымъ и справедливые поступки, думаю, ни къ чему не послужили.

Сокр. Что жъ? если вовсе иное дѣло—справедливость, и
E. иное—польза, то опять не приписываешь ли ты себѣ знанія, что̀ полезно людямъ, и почему?

Алк. А что же мѣшаетъ, Сократъ, если ты снова не спросишь меня, у кого я научился этому, или какимъ образомъ открылъ самъ?

Сокр. Что ты это дѣлаешь [1]? Если слова твои несправедливы, и несправедливость ихъ можно доказать тѣмъ же способомъ, какъ доказаны прежнія; то надобно, думаешь, слышать что-нибудь новое, какія-нибудь иныя причины, какъ будто высшія походятъ уже на изношенное рубище [2], котораго надѣвать ты болѣе не хочешь, пока не принесутъ
114. тебѣ доказательствъ чистыхъ, безъ пятенъ. Но, оставляя въ покоѣ предостерегательную твою оговорку [3], я все-таки спросилъ бы тебя, гдѣ учился ты узнавать полезное, и кто

---

[1] *Что ты это дѣлаешь*—οἷον τοῦτο ποιεῖς: формула удивленія, встрѣчающаяся также Charm. p. 166 C. Сократъ удивляется тому, что Алкивіадъ, опровергнутый вышеизложеннымъ доказательствомъ, проситъ не подводить подъ то же доказательство новаго его положенія.

[2] *Какъ будто высшія походятъ уже на изношенныя рубища*—ὥς τῶν προτέρων οἷον σκευαρίων κατατετριμμένων... Подъ словами τὰ σκεύη и τὰ σκευάρια разумѣется рухлядь всякаго рода, слѣдовательно и платье. Такъ у Аристофана Ran. 172 σκευάρια суть постельныя принадлежности; а у Персія соотвѣтствующимъ ему словомъ supellex означаются и нравственныя свойства души (Tecum habita, et noris quam sit tibi curta supellex). Здѣсь σκευάριον есть прежнее доказательство, которое Алкивіадъ хотѣлъ бы теперь устранить, какъ старую, наскучившую ему мебель.

[3] *Предостерегательную твою оговорку* — τὰς σὰς προδρομάς. Προδρομή — передовая стража, авангардъ, выдвигаемый впередъ, чтобы безопаснѣе вести войну. Алкивіадъ въ родѣ передовой стражи представилъ оговорку, чтобы Сократъ противъ новаго его положенія не употребилъ прежняго доказательства.

твой учитель; я соединилъ бы всѣ прежніе вопросы въ одинъ: и ты, очевидно, пришелъ бы къ тому же, ты не былъ бы въ состояніи доказать ни того, что самъ открылъ полезное, ни того, что научился узнавать его. Но какъ это тебѣ уже пріѣлось и ты не съ удовольствіемъ принялъ бы ту же самую рѣчь; то я, пожалуй, оставлю вопросъ: знаешь ты, или не знаешь, что полезно Аѳинянамъ? Скажи только, сдѣлай милость, справедливое и полезное — точно B.
ли одно и то же, или не одно [1]. Если угодно, спрашивай меня, какъ я спрашивалъ тебя; а не то, раскрой дѣло самъ по себѣ.

Алк. Не знаю, Сократъ, могъ ли бы я раскрыть это самъ по себѣ.

Сокр. Да вообрази, добрякъ, что я—собраніе, народъ. Тамъ вѣдь понадобится же тебѣ убѣждать каждаго. Не правда ли?

Алк. Да.

Сокр. Такъ не все ли равно — убѣждать людей по-одиночкѣ, или вдругъ многихъ въ этомъ предметѣ, который C.
знаешь, подобно грамматисту, учащему грамотѣ и одного и нѣсколькихъ?

Алк. Все равно.

Сокр. Такимъ же образомъ, и преподающій науку чиселъ не учитъ ли какъ одного, такъ и многихъ?

Алк. Да.

Сокр. И кто знаетъ это, тотъ ариѳметистъ?

Алк. Конечно.

Сокр. Ну а ты, въ чемъ можешь убѣждать многихъ, можешь ли убѣдить и одного?

---

[1] *Точно ли одно и то же, или не одно.* Когда оказалось, что Алкивіадъ не знаетъ, что надобно называть справедливымъ, — Сократъ положилъ доказать, что справедливое и полезное нераздѣльны, и что слѣдовательно, если Алкивіаду неизвѣстно справедливое, то неизвѣстно и полезное. Шлейермахеру не нравится ходъ этого доказательства и даже самое мнѣніе Сократа о нераздѣльности справедливаго и полезнаго. Но это не ученое, а личное его убѣжденіе.

Алк. Вѣроятно.

Сокр. И ужъ очевидно въ томъ, что знаешь?

Алк. Да.

Сокр. И человѣкъ, вступающій въ подобную бесѣду,
D. отличается отъ народнаго оратора только тѣмъ, что послѣдній убѣждаетъ толпу, а первый—одного?

Алк. Должно быть.

Сокр. Ну такъ теперь, если все равно убѣждать многихъ и одного, потрудись надъ однимъ мною [1] и рѣшись доказать, что справедливое иногда бываетъ неполезно.

Алк. Ты досадителенъ, Сократъ.

Сокр. Но, начиная досадительностію, я намѣренъ увѣрить тебя въ противномъ, въ чемъ ты увѣрить меня не хочешь.

Алк. Хорошо, говори.

Сокр. Только отвѣчай на вопросы.

E. *Алк*. Нѣтъ, говори самъ по себѣ.

Сокр. Какъ? развѣ тебѣ не хочется быть убѣжденнымъ?

Алк. Очень хочется.

Сокр. А не тогда ли ты бываешь убѣжденъ, когда говоришь, что это такъ?

Алк. Кажется.

Сокр. Отвѣчай же; а если не послушаешь самого себя, что справедливое—полезно, другому-то не повѣришь.

Алк. Конечно нѣтъ, — надобно отвѣчать; вреда, думаю, не будетъ.

115. *Сокр*. Ты настоящій прорицатель [2]! Говори же, изъ дѣлъ справедливости, одни, по твоему мнѣнію, полезны, другія—нѣтъ?

---

[1] *Потрудись надъ однимъ мною*—ἐν ἐμοὶ ἐμμελέτησον. Это греческое чтеніе, по вѣроятному замѣчанію Бутмана, St. § 147 ann. 11, 12, испорчено. Въ спискахъ кларковомъ, ватиканскомъ и венеціанскомъ стоитъ: ἐν μελέτησον. Поэтому приведенное выраженіе, думаю, надобно читать такъ: ἐν ἐμοὶ μόνῳ μελέτησον. Такое чтеніе будетъ соотвѣтствовать высшему выраженію: πολλούς τε καὶ ἕνα πείθειν.

[2] Μαντικὸς γὰρ εἶ, т. е. ты говоришь справедливо, хотя, подобно провѣщателямъ, и самъ не знаешь, что провѣщаваешь. Шлейермахеръ совсѣмъ иначе и невѣрно понялъ эту эпифонему Сократа.

Алк. Да.

Сокр. Равнымъ образомъ, иныя прекрасны, иныя—нѣтъ?

Алк. Какъ это?

Сокр. Казалось ли тебѣ, что кто-нибудь, совершаетъ хотя и постыдное дѣло, однакожъ справедливое?

Алк. Не казалось.

Сокр. Напротивъ, все справедливое казалось прекраснымъ?

Алк. Да.

Сокр. А что прекрасно опять, то всегда ли добро? или иногда добро, иногда нѣтъ?

Алк. Я думаю, Сократъ, что иное прекрасное есть зло.

Сокр. Напротивъ, постыдное—добро?

Алк. Да. B.

Сокр. Не то ли разумѣешь ты, что напримѣръ на войнѣ многіе, помогая другу или родственнику, получаютъ раны и умираютъ, а тѣ, которые не помогаютъ, хоть и обязаны, остаются здоровыми?

Алк. Конечно.

Сокр. Такую помощь ты называешь прекрасною, смотря на намѣреніе спасти, кого надлежало; а это есть мужество. Не такъ ли?

Алк. Такъ.

Сокр. Напротивъ злою-то ты назовешь ее, смотря на смерть и раны. Не правда ли?

Алк. Правда. C.

Сокр. Но мужество не иное ли дѣло, чѣмъ смерть [1]?

Алк. Конечно.

Сокр. Слѣдовательно помогать друзьямъ есть дѣло прекрасное и злое не по одной и той же причинѣ?

Алк. Явно, что не по одной.

---

[1] *Но мужество—не иное ли дѣло, чѣмъ смерть?* Доказательство идетъ такъ: мужество, разсматриваемое само по себѣ, всегда хорошо и прекрасно. Поэтому преданный добродѣтели не будетъ обращать вниманія ни на какое, соединенное съ нею зло. А отсюда вытекаетъ, что истинно полезное не отдѣлимо отъ прекраснаго.

Сокр. Смотри же, напротивъ, прекрасное и доброе, какъ здѣсь, не по той же ли бываетъ причинѣ? Ты соглашаешься, что помощь есть дѣло прекрасное по причинѣ мужества: такъ мужество само по себѣ и имѣй въ виду, — добро оно, или зло. Изслѣдывай такъ: что избралъ бы ты себѣ,—добро, или зло?

Алк. Добро.

Сокр. И не то ли преимущественно, которое больше?

D. *Алк*. Да.

Сокр. И лишиться его хотѣлъ бы всего менѣе?

Алк. Почему не такъ!

Сокр. Но какъ ты думаешь о мужествѣ? За какую цѣну согласился бы ты лишиться его?

Алк. Да лучше не жить согласился бы я, чѣмъ быть трусомъ.

Сокр. Слѣдовательно трусость кажется тебѣ крайнимъ зломъ.

Алк. По мнѣ,—такъ.

Сокр. Которое, повидимому, тожественно съ смертію.

Алк. Полагаю.

Сокр. Но смерти и трусости не противоположны ли жизнь и мужество?

Алк. Да.

E. *Сокр*. И послѣдняго ты желалъ бы себѣ всего болѣе, а перваго—всего менѣе?

Алк. Да.

Сокр. Не потому ли, что это почитаешь состояніемъ самымъ хорошимъ, а то—самымъ худымъ?

Алк. Конечно.

Сокр Но содѣйствіе друзьямъ на войнѣ, какъ дѣло прекрасное, не за то ли назвалъ ты прекраснымъ, что оно производитъ добро, по причинѣ мужества?

Алк. Разумѣется.

Сокр. И не за то ли — дѣломъ злымъ, что отъ него происходитъ зло, по причинѣ смерти?

Алк. Да.

Сокр. Такъ не въ-правѣ ли мы теперь дать имя каждому дѣйствію? Извѣстнаго дѣйствія не назовешь ли ты злымъ, если оно производитъ зло? и не должно ли назвать его добрымъ, когда оно раждаетъ добро? 116.

Алк. Мнѣ кажется.

Сокр. А поколику добро, оно похвально, поколику зло — постыдно?

Алк. Да.

Сокр. Слѣдовательно, сказавъ, что содѣйствіе друзьямъ на войнѣ есть дѣло хоть и прекрасное, однакожъ злое, ты сказалъ не болѣе того, что оно хоть и добро, однакожъ зло.

Алк. Твои слова, Сократъ, кажется, справедливы.

Сокр. Стало быть, нѣтъ ничего прекраснаго, что, какъ прекрасное, было бы зломъ; и нѣтъ ничего постыднаго, что, какъ постыдное, было бы добромъ. B.

Алк. Видно нѣтъ.

Сокр. Изслѣдуй еще и такъ: кто живетъ прекрасно, тотъ не хорошо ли живетъ?

Алк. Хорошо.

Сокр. А живущіе хорошо не счастливы ли?

Алк. Какъ не счастливы?

Сокр. И счастливы они не чрезъ пріобрѣтеніе ли благъ?

Алк. Преимущественно.

Сокр. Блага же пріобрѣтаются не посредствомъ ли доброй и прекрасной дѣятельности?

Алк. Да.

Сокр. Значитъ, хорошо жить есть дѣло доброе.

Алк. Какъ же.

Сокр. А доброе дѣло прекрасно?

Алк. Да C.

Сокр. Слѣдовательно прекрасное и доброе опять у насъ— одно и то же?

Алк. Видимо.

Сокр. Стало быть, что находимъ мы прекраснымъ, то найдемъ и добрымъ?

Алк. Необходимо.

Сокр. Что жъ? дѣла добрыя полезны, или нѣтъ [1]?

Алк. Полезны.

Сокр. А касательно справедливаго, помнишь ли, въ чемъ мы согласились?

Алк. Кажется, въ томъ, что поступающіе справедливо, по необходимости, поступаютъ прекрасно.

Сокр. А поступающіе прекрасно совершаютъ дѣла добрыя?

Алк. Да.

D. *Сокр.* А дѣла добрыя полезны?

Алк. Да.

Сокр. Слѣдовательно дѣла справедливыя, Алкивіадъ, суть также и дѣла полезныя?

Алк. Вѣроятно.

Сокр. Что жъ? вѣдь это говоришь ты, а я спрашиваю?

Алк. Мнѣ кажется, очевидно.

Сокр. Такъ вотъ, еслибы кто сталъ совѣтовать—Аѳинянамъ ли то, или Пепаритянамъ [2], съ увѣренностію, что онъ знаетъ справедливое и несправедливое, и началъ бы утверждать, что справедливость иногда бываетъ дѣломъ злымъ; то не посмѣялся ли бы ты надъ нимъ, когда держишься той мысли, что справедливое и полезное—одно и то же?

E. *Алк.* Но, клянусь богами, Сократъ, — я и самъ не знаю, что говорю. Я просто похожу на помѣшаннаго. По поводу твоихъ вопросовъ, мнѣ представляется то то, тò другое.

Сокр. Значитъ, такъ и будетъ: кто чего не знаетъ, того душа въ томъ и заблуждается.

---

[1] *Что же? дѣла добрыя полезны или нѣтъ?* Доказательство имѣетъ форму слѣдующаго силлогизма: что хорошо, то полезно; а справедливое хорошо; слѣдовательно справедливое полезно.

[2] *Аѳинянамъ ли то, или Пепаритянамъ.* Пепаритъ—одинъ изъ цикладскихъ острововъ, изобиловавшій виномъ и оливками. См. Shol. ad. h. l. *Stephan. Byzant.* p. 635. *Ovid.* Met. VII, 470. Здѣсь онъ противуполагается Аѳинамъ по своей малозначительности.

Алк. Какъ же иначе?

Сокр. А ты не знаешь, другъ мой, что это за состояніе [1]?

Алк. Конечно не знаю.

Сокр. Но представь, что тебя спрашиваютъ: два у тебя глаза или три, двѣ руки или четыре, и объ иномъ тому подобномъ? Что будешь ты отвѣчать? иногда то, иногда другое, или всегда—одно и то же?

Алк. Хоть я уже и боюсь за себя, однакожъ буду отвѣ- 117.
чать, кажется, одно и то же.

Сокр. Не потому ли, что знешь? Это ли причина?

Алк. Я думаю.

Сокр. Стало быть, на что ты не-хотя даешь отвѣты противорѣчущіе, того не знаешь?

Алк. Вѣроятно.

Сокр. Но не самъ ли ты говоришь, что заблуждаешься, когда даешь отвѣты о справедливомъ и несправедливомъ, о прекрасномъ и постыдномъ, о худомъ и добромъ, о полезномъ и неполезномъ? Не очевидно ли слѣдовательно, что ты заблуждаешься по причинѣ незнанія этихъ предметовъ?

Алк. Мнѣ кажется. B.

Сокр. Но что? знаешь ли ты, какимъ образомъ взойдешь на небо?

Алк. Клянусь Зевсомъ, не знаю.

Сокр. Да не ошибочно ли твое мнѣніе объ этомъ?

---

[1] *А ты не знаешь, что это за состояніе?* Съ этимъ вопросомъ поставляя въ связи отвѣтъ Алкивіада, что онъ дѣйствительно не знаетъ, Шлейермахеръ находитъ разговоръ здѣсь крайне нелѣпымъ. Могъ ли то-есть Алкивіадъ не знать, что настоящее его состояніе есть состояніе незнанія, когда передъ этимъ онъ сказалъ, что походитъ на помѣшаннаго? Но должно замѣтить, что сынъ Клиніаса прежде почиталъ себя знающимъ и могъ придти къ сознанію своего незнанія только тогда, когда увидѣлъ, что его самоувѣренность находится въ противорѣчіи съ его же отвѣтами; да и тутъ не хотѣлъ бы еще думать, что несообразность его отвѣтовъ происходитъ отъ незнанія разсматриваемаго предмета. Посему ходъ бесѣды въ этомъ мѣстѣ, мнѣ кажется, весьма естественъ. Мало ли и нынѣ такихъ занятыхъ собою людей, которые, говоря нелѣпости, отнюдь не полагаютъ, что говорятъ ихъ по незнанію дѣла, и чтобы не сознаться въ незнаніи, начинаютъ спорить, т. е. къ нелѣпостямъ прибавлять новыя нелѣпости.

Алк. Нисколько.

Сокр. А знаешь ли причину, или сказать тебѣ?

Алк. Скажи.

Сокр. Причина—та, другъ мой, что, не зная этого, ты и не почитаешь себя знающимъ.

C. *Алк*. Это что опять?

Сокр. Смотри вмѣстѣ со мною. Чего ты не знаешь, и знаешь, что не знаешь, въ томъ заблуждаешься ли? Напримѣръ, ты вѣроятно знаешь, что не знаешь, какъ приготовить кушанье?

Алк. Конечно.

Сокр. Такъ самъ ли думаешь, какъ приготовить его, и заблуждаешься, или поручаешь знающему?

Алк. Поручаю знающему.

Сокр. Ну, а плывя на кораблѣ, думаешь ли, какъ держать руль—вправо или влѣво—и заблуждаешься, поколику не зна-
D. ешь этого, или поручаешь кормчему, а самъ остаешься въ покоѣ?

Алк. Поручаю кормчему.

Сокр. Значитъ, ты не заблуждаешься въ томъ, чего не знаешь, если знаешь, что не знаешь?

Алк. Кажется, нѣтъ.

Сокр. Такъ понимаешь ли, что заблужденія въ дѣлахъ происходятъ отъ такого незнанія, которое бываетъ у человѣка, поколику онъ приписываетъ себѣ знаніе того, чего не знаетъ?

Алк. Какъ это опять?

Сокр. Вѣдь мы тогда рѣшаемся дѣлать, когда приписываемъ себѣ знаніе того, что дѣлаемъ?

E. *Алк*. Да.

Сокр. А кто уже увѣренъ, что не знаетъ, тотъ поручаетъ дѣла другимъ?

Алк. Какъ же иначе?

Сокр. Поручая же ихъ другимъ, онъ, въ отношеніи къ дѣламъ себѣ неизвѣстнымъ, живетъ безъ ошибокъ?

Алк. Да.

Сокр. Итакъ, кто ошибается? — ужъ, конечно, не тѣ, которые знаютъ?

Алк. Разумѣется.

Сокр. Если же и не тѣ, которые знаютъ, и не тѣ, которые знаютъ, что не знаютъ, чего не знаютъ; то остаются ли еще другіе, кромѣ тѣхъ, которые, не зная, приписываютъ себѣ знаніе?

Алк. Нѣтъ, только эти. 118.

Сокр. Значитъ, это-то незнаніе, это низкое невѣжество и есть причина золъ.

Алк. Да.

Сокр. И не правда ли, что оно особенно тогда гибельно и постыдно, когда имѣетъ отношеніе къ дѣламъ величайшей важности?

Алк. И очень.

Сокр. Но что? можешь ли ты наименовать предметы важнѣе справедливаго, прекраснаго, добраго и полезнаго?

Алк. Не могу.

Сокр. А не въ этомъ ли признаешь ты себя заблуждающимся?

Алк. Въ этомъ.

Сокр. Если же заблуждаешься, то изъ сказаннаго прежде не явно ли, что этихъ важнѣйшихъ предметовъ ты нетолько не знаешь, но еще, не зная ихъ, думаешь, будто знаешь?

Алк. Должно быть. E.

Сокр. Бѣдный Алкивіадъ! какъ жалко твое состояніе! Я не рѣшился бы и назвать его, но такъ какъ мы — одни, скажу. Вѣдь ты находишься въ самомъ постыдномъ невѣжествѣ, мой добрый другъ: въ этомъ обличаетъ тебя и твоя рѣчь, и ты самъ. Потому-то, стало быть, не выучившись, и скачешь [1]

---

[1] ***Потому-то стало быть и скачешь*** — *διὸ καὶ ᾄττεις ἄρα.* Глаголъ *ᾄττεις* употребленъ здѣсь весьма кстати и выражаетъ легкомысліе Алкивіада, съ которымъ онъ стремится къ дѣламъ общественнымъ, не бременѣя запасомъ знанія. Объ употребленіи этого глагола см. ***Valckenar.*** ad. Euripid. Phoeniss. p. 497. ***Boissonad.*** ad. Philostr. Heroic. p. 732.

къ дѣламъ общественнымъ. Впрочемъ, ты не одинъ страдаешь такою болѣзнію; между людьми, несущими гражданскія обязанности, есть много подобныхъ тебѣ: исключить должно развѣ нѣкоторыхъ и, можетъ быть, твоего опекуна Перикла.

Алк. Говорятъ однакожъ, Сократъ, что онъ не самъ со-
C. бою сдѣлался мудрымъ, а обращался со многими мудрецами,— Питокломъ и Анаксагоромъ; да и теперь еще, находясь въ такой старости, для той же цѣли бесѣдуетъ съ Дамономъ [1].

Сокр. Что жъ? развѣ ты видывалъ мудреца, который не могъ бы сдѣлать мудрецомъ и другаго въ томъ, въ чемъ самъ онъ таковъ? Напримѣръ, кто научилъ тебя грамотѣ, тотъ и самъ былъ въ этомъ мудрецъ, и тебя сдѣлалъ мудрецомъ, да могъ бы сдѣлать такимъ и кого угодно. Не правда ли?

Алк. Да.

Сокр. Вѣдь и ты, наученный имъ, былъ бы въ состояніи
D. научить другаго?

Алк. Да.

Сокр. Такимъ же образомъ—и цитристъ и гимнастикъ?

Алк. Конечно.

Сокр. Хорошо, безъ сомнѣнія, доказательство, что люди, знающіе что-нибудь, дѣйствительно знаютъ это, когда они умѣютъ сдѣлать знающимъ и другаго.

Алк. Мнѣ кажется.

Сокр. Что жъ? можешь ли сказать, что Периклъ кого-ни-
E. будь, начиная съ своихъ сыновей, сдѣлалъ мудрецомъ?

Алк. Но что дѣлать, Сократъ, когда сыновья Перикла были глупы [2]?

---

[1] Питоклъ, по схоліасту къ этому мѣсту, былъ музыкантъ, *τῆς σεμνῆς μουσικῆς διδάσκαλος*, Пиѳагореецъ, у котораго учились Агаѳоклъ, Лампроклъ и Дамонъ. О немъ упоминается также въ Протагорѣ, гдѣ онъ называется ὁ Κεῖος. Что Периклъ пользовался уроками Анаксагора, говорятъ *Plut.* vit. Per. init. *Cicer.* Brut. c. 11 *Plat.* Phaedr. p. 270 A.

[2] Сыновей Перикла: Ксантиппа и Паралоса, по схоліасту, называли *βλιττομάμμας: βλίτται γὰρ καὶ βλίττωνες οἱ εὐήθεις, μάμματα δὲ τὰ βρώματα, καὶ τὸ ἐσθίειν Αργεῖοι μαμμιᾶν ἔλεγον. ἐκ τούτων οὖν σύνθετον ὁ βλιττομάμμας, ὁ ἐσθίων εὐήθως, ὡς καὶ συκομάμμας ὁ συκοφάγος.*

Сокр. А твоего брата, Клиніаса?

Алк. О Клиніасѣ, этомъ бѣшеномъ человѣкѣ, зачѣмъ и упоминать.

Сокр. Ну, пусть ужъ Клиніасъ — человѣкъ бѣшеный, а сыновья Перикла были глупы: тебя-то по какой причинѣ оставляетъ онъ въ такомъ состояніи?

Алк. Думаю, я самъ виноватъ; не слушаюсь.

Сокр. Но укажи мнѣ хоть на раба, хоть на свободнаго— 119.
Аѳинянина или иностранца, который имѣлъ бы причину сказать, что, обращаясь съ Перикломъ, онъ сталъ мудрѣе: вотъ какъ я, напримѣръ, укажу тебѣ на Пиѳодора Исолохова и Калліаса Калліадова, изъ которыхъ каждый, заплативъ Зенону сто минъ, сдѣлался и мудрымъ и знаменитымъ [1].

Алк. Клянусь Зевсомъ, что не могу.

Сокр. Пусть такъ. Что же думаешь ты о себѣ [2]? Хочешь ли остаться въ теперешнемъ состояніи, или приложить нѣсколько старанія?

Алк. Посудимъ вмѣстѣ, Сократъ. Впрочемъ, я понимаю B.
твое замѣчаніе и согласенъ съ нимъ. Вѣдь правители города, исключая немногихъ, кажутся и мнѣ людьми необразованными.

Сокр. Такъ что же?

---

[1] О Пиѳодорѣ въ Парменидѣ (p. 126 B) упоминается, какъ о другѣ Зенона; а Калліасъ былъ аѳинскій полководецъ—Ἀθηναίων στρατηγός, по словамъ схоліаста, ἔνδοξός τε καὶ πολιτικὸς αὐτός. См. *Thucyd.* III, 61 sqq. *Groen van Prinsterer* (Prosopogr. Plat. p. 74) говоритъ: Pythodorum fuisse mediocriter σοφὸν καὶ ἐλλόγιμον; quia neque a caeteris scriptoribus multum celebratur neque a Platone, nisi quod in Parmenide dicitur τὶς Ζήνωνος ἑταῖρος. Но и въ этомъ разговорѣ Платона онъ замѣтенъ только по софистическимъ своимъ тонкостямъ и по наклонности выводить изъ нихъ необыкновенныя заключенія. Поэтому свидѣтельство о Пиѳодорѣ и Калліасѣ надобно понимать здѣсь въ смыслѣ ироническомъ, и силу Сократовой рѣчи сосредоточивать особенно на томъ, что эти мудрецы были знамениты только потому, что брали большія деньги за свои уроки.

[2] *Пусть такъ, что же думаешь ты о себѣ?* Это εἶεν—*пусть такъ*, означаетъ, что Сократъ, показавъ Алкивіаду, какъ мало Периклъ заботился о его воспитаніи, вдругъ прерываетъ нить своей рѣчи и переходитъ къ другому предмету. У грамматиковъ такой оборотъ называется συγκατάθεσις μὲν τῶν εἰρημένων, συναφὴ δὲ πρὸς τὰ μέλλοντα.

Алк. Такъ еслибы они были образованы, то намѣревающійся вступить въ состязаніе съ ними, конечно, долженъ бы учиться и упражняться, какъ бы готовясь противъ бойцовъ; а теперь это — люди неученые, и однакожъ принимаютъ участіе въ дѣлахъ гражданскихъ: для чего же упражняться и озабочивать себя наукою? Вѣдь я увѣренъ, что способностями далеко превзойду ихъ [1].

C. *Сокр.* Ахъ, что ты сказалъ, почтеннѣйшій! Это вовсе не достойно ни твоего лица, ни другихъ твоихъ качествъ.

Алк. Что же тутъ особеннаго и на что мѣтишь ты, Сократъ?

Сокр. Досадно мнѣ и за тебя, и за мою любовь.

Алк. Отчего?

Сокр. Пусть бы ты предполагалъ борьбу съ домашними.

Алк. А то съ кѣмъ же?

Сокр. И объ этомъ-то можетъ спрашивать человѣкъ, думающій о себѣ такъ высоко?

D. *Алк.* Что ты говоришь? развѣ не съ ними будетъ у меня борьба?

Сокр. Да представь, что ты управляешь хоть гребнымъ судномъ, имѣющимъ вступить въ сраженіе: довольно ли для тебя быть въ управленіи лучше всѣхъ корабельныхъ твоихъ соратниковъ? Или можетъ быть ты призналъ бы дѣломъ болѣе нужнымъ смотрѣть на истинныхъ своихъ враговъ, чѣмъ, какъ теперь, на сподвижниковъ въ боѣ? Надобно то-есть до

---

[1] *Вѣдь я увѣренъ, что способностями далеко превзойду ихъ.* Это самомнѣніе, опирающееся на естественныхъ способностяхъ и принимающее ихъ вмѣсто познаній, можно почитать существенною и самою замѣтною чертою Алкивіадова характера. Дарованіе его сильное, но юное и, по юности, почти всегда живое, нерѣдко презирало опытность, требующую копотливости. усидчивости, долговременныхъ трудовъ, и только тогда начинало оцѣнивать ее, когда убѣждалось, что отъ легкихъ скачковъ молодаго коня не происходитъ ничего, кромѣ пыли. Такіе Алкивіады были гибельны и для самихъ себя и для другихъ, если не чувствовали надъ собою не только равныхъ имъ дарованій, но и пріобрѣтаемой трудомъ опытности, и почитали себя въ правѣ говорить: «Правители города, исключая немногихъ, мнѣ кажутся людьми необразованными.»

такой степени превосходить ихъ, чтобы они и не думали со- E.
стязаться съ тобою, но презираемые, стали бы въ твои ряды для одолѣнія общаго непріятеля, если ужъ ты въ самомъ дѣлѣ намѣренъ совершить подвигъ прекрасный, достойный тебя и города.

Алк. Да, я и намѣренъ-таки.

Сокр. Такъ куда хорошо—любоваться своимъ превосходствомъ надъ воинами [1], а не смотрѣть на непріятельскихъ полководцевъ, чтобы, смотря на нихъ и состязаясь съ ними, превзойти ихъ!

Алк. Которыхъ же полководцевъ разумѣешь ты, Со- 120.
кратъ?

Сокр. Развѣ не знаешь, что нашъ городъ всякій разъ воюетъ съ Лакедемонянами и съ великимъ царемъ?

Алк. Твоя правда.

Сокр. Итакъ, если думаешь быть полководцемъ своего города; то думая, что тебѣ надобно бороться съ царями лакедемонскимъ и персидскимъ, не правильно ли бы думалъ ты?

Алк. Ты, должно быть, говоришь правду.

Сокр. Такъ нѣтъ, добрякъ, ты вмѣняешь себѣ въ обязанность смотрѣть на воспитывателя перепеловъ Мидіаса [2], и B.

---

[1] ***Куда какъ хорошо—любоваться своимъ превосходствомъ надъ воинами!*** πάνυ σοὶ ἄρα ἄξιον ἀγαπᾶν, εἰ τῶν σρατιωτῶν βελτίων εἶ. Очевидно, что это выраженіе Сократа имѣетъ значеніе ироническое: но Шлейермахеръ, почему-то считая иронію здѣсь неумѣстною, вмѣсто ἄξιον, совѣтуетъ читать ἀνάξιον. Какимъ же образомъ съ прямымъ смысломъ этой рѣчи будутъ вязаться слѣдующія далѣе слова: ἀλλ'οὐ πρὸς τοὺς...?

[2] ***Ты вмѣняешь себѣ въ обязанность смотрѣть на воспитателя перепеловъ Мидіаса.*** Самая колкая насмѣшка надъ личными качествами тогдашнихъ аѳинскихъ правителей. Въ Аѳины въ то время стекались отвсюду искатели счастія и богатства. Случались между ними люди нетолько необразованные и незнавшіе хорошо греческаго языка, но и такіе, которые въ своемъ отечествѣ принадлежали къ сословію мастеровыхъ и рабовъ. Всѣ подобные пришельцы, получая въ Аѳинахъ право гражданства, наравнѣ съ благородными Аѳинянами, втѣснялись въ ряды правителей и, чтобы тверже держаться на своихъ мѣстахъ, старались льстить народу. Такимъ-то необразованнымъ искателемъ счастія, вѣроятно, былъ и упоминаемый здѣсь Мидіасъ. Можетъ быть, онъ же служилъ предметомъ шутки и Аристофану подъ именемъ ὄρτυξ. См. *Aristoph.* Avv. 1297. Cnec. *Athen.* XI p. 506 D., гдѣ объясняется это самое мѣсто Пла-

на другихъ подобныхъ ему, которые принимаютъ участіе въ дѣлахъ гражданскихъ, сохраняя на душѣ, сказали бы женщины, рабскіе волосы, и по необразованности, не снимаютъ [1] ихъ, но съ варварскимъ своимъ нарѣчіемъ выходятъ — не скажу управлять городомъ, а льстить ему. Смотря на этихъ-то описываемыхъ мною людей, предаешься ты нерадѣнію о самомъ себѣ, чтобы, приступая къ столь важному подвигу, и не учиться тому, что пріобрѣтается ученіемъ, и не упражняться въ томъ, что требуетъ упражненія, тогда какъ слѣдовало бы приготовиться всякаго рода приготовленіемъ [2],
C. чтобы вступить на поприще гражданской службы.

Алк. Твои слова, Сократъ, кажутся мнѣ хотя и справедливыми, однакожъ я думаю, что лакедемонскіе полководцы и персидскій царь—не превосходнѣе другихъ.

Сокр. Но разсмотри, почтеннѣйшій, это свое мнѣніе.

Алк. Въ какомъ отношеніи?

Сокр. Во-первыхъ, тогда ли, думаешь, увеличится твоя забота о себѣ, когда будешь почитать ихъ страшными, или не тогда?

D. *Алк.* Явно, что когда буду почитать ихъ страшными.

тонова Алкивіада, и Мидіасъ называется ὀρτυγοκόπος, т. е. птичникъ, учившій перепеловъ—точно такъ же драться между собою, какъ нынѣ въ Англіи учатъ драться пѣтуховъ. См. Schol. ad. Olymp. p. 158. То же говорятъ *Pollux* IX 7. p. 1095. *Svid. Meurs.* De ludis Graecorum. Можетъ быть, примѣромъ Мидіаса Сократъ шутливо намекаетъ и на Алкивіада; ибо, по свидѣтельству Плутарха (T. I, p. 195 E), и Алкивіадъ тоже любилъ заниматься воспитаніемъ перепеловъ.

[1] *Сохраняя рабскіе волосы,.... и не снимаютъ ихъ.* Схоліастъ ad *Aristoph.* Avv. 911: ἦν δὲ τῶν ἐλευθέρων τὸ κομᾶν, т. е. рабы стригли себѣ волосы до самой кожи; а юноши благородные отпускали ихъ и только слегла подстригали съ восемнадцатаго года жизни. См. *Junius* de coma. p. 499 sqq. ed. Hag. Но вольноотпущенники, по замѣчанію Бутмана, не вдругъ могли пользоваться этимъ правомъ. *Tim.* Glossar. s. v. ἀνδραποδώδη τρίχα p. 35 *Svid.* T. I, p. 188 *Eustath.* ad. Iliad. I, p. 79.

[2] *Приготовиться всякаго рода приготовленіемъ*—πᾶσαν παρασκευὴν παρασκευασμένον. Штальбомъ говоритъ, что подъ именемъ παρασκευή здѣсь разумѣются всѣ внѣшнія условія ораторскаго искуства, служащія къ тому, чтобы понравиться народу, хотя бы приготовившійся такимъ образомъ и ничего не зналъ. Но, по моему мнѣнію, Платонъ говоритъ о приготовленіи истинномъ, только связь этого положенія съ предъидущими потеряна.

Сокр. А заботясь о себѣ, чаешь ли получить какой-нибудь вредъ?

Алк. Нисколько; напротивъ, великую пользу.

Сокр. Такъ вотъ въ твоемъ мнѣніи и есть уже одно важное зло.

Алк. Правда.

Сокр. Во-вторыхъ, оно и ложно. Смотри на вѣроятность.

Алк. Какъ это?

Сокр. Благородныя ли поколѣнія, по всему вѣроятію, даютъ бытіе лучшимъ природамъ, или неблагородныя?

Алк. Явно, что благородныя. E.

Сокр. А благородныхъ, если они притомъ и хорошо воспитаны, нельзя ли почитать совершенно способными для добродѣтели?

Алк. Необходимо.

Сокр. Разсмотримъ же сравнительно ихъ и наше происхожденіе. Хуже ли, думаешь, поколѣнія лакедемонскихъ и персидскихъ царей? Развѣ мы не знаемъ, что первые изъ нихъ суть потомки Иракла [1], а послѣдніе — Ахемена [2], и что родъ Иракла и Ахемена возводятъ къ Персею, сыну Зевсову?

Алк. Но вѣдь и нашъ идетъ отъ Эврисака [3], Сократъ, а 121.
Эврисаковъ—отъ Зевса.

Сокр. Да и мой—отъ Дедала [4], благородный Алкивіадъ, а Дедаловъ—отъ Ифеста, сына Зевсова. Однакожъ ихъ-то

---

[1] Спартанцы производили свое племя отъ Эвристена и Прокла, которые своимъ родоначальникомъ признавали Иракла. См. *Manso* Sparta 1, 2 p. p. 60 sqq.

[2] Схоліастъ, объясняя это мѣсто Алкивіада, родоначальникомъ Персовъ почитаетъ Ахемена, и потому персидскихъ царей называли, говоритъ, ахеменидами. Но древніе писатели—Геродотъ (VII, 11—150), и Аполлодоръ (II, 4—5) утверждаютъ, что родоначальникомъ ихъ былъ Персъ, сынъ Персея и Андромахи, и что отъ нихъ уже произошли ахемениды. *Wesseling*. ad. Herodot (1, 25).

[3] То же говоритъ и Плутархъ. См. vit. Alcib. 1.

[4] *Да и мой — отъ Дедала.* Шлейермахеръ сильно порицаетъ писателя Алкивіада между прочимъ и за то, что онъ заставляетъ Сократа производить свой родъ отъ Дедала. Вопросъ, говоритъ онъ, настоитъ о происхожденіи

роды, начинаясь ими, восходятъ до самаго Зевса линіею
царей, изъ которыхъ одни всегда управляли Аргосомъ и
Лакедемономъ, другіе—Персіею, а нерѣдко, какъ и теперь,
Азіею: напротивъ мы и сами-то люди частные, и отцы
B. наши. Еслибы ты счелъ нужнымъ указать Артаксерксу,
сыну Ксеркса, на своихъ предковъ и на Саламинъ, отечество Эврисака, либо на Эгину, родину Эака [1], жившаго
еще прежде; то какой, думаешь, поднялся бы смѣхъ! Между тѣмъ смотри: мы малы нетолько по отношенію къ важности рода тѣхъ мужей, но и по отношенію къ ихъ воспитанію. Развѣ не знаешь, сколь важнымъ преимуществомъ пользуются лакедемонскіе цари? Ихъ жены, по закону, охраняются эфорами, чтобы царь не былъ зачатъ какъ
C. нибудь тайно—отъ другаго, кромѣ иракледовъ. А въ Персіи
онъ такъ высокъ, что никто и не подозрѣваетъ, будто царственное дитя можетъ родиться отъ другаго рода, кромѣ царскаго. Поэтому жена персидскаго царя охраняется однимъ страхомъ. Когда же раждается старшій сынъ, наслѣдникъ власти,—сперва тутъ же празднуютъ всѣ въ предѣлахъ его царства; потомъ этотъ день и въ послѣдующія времена,

---

естественномъ, а Сократъ впутываетъ сюда происхожденіе по художеству его отца. Но генеалогія древнихъ греческихъ фамилій — дѣло запутанное и доселѣ нерѣшенное. Извѣстно, что сословіе аѳинскихъ врачей признаваемо было за потомство Эскулапа: но Асклепіады у Аѳинянъ только ли по искусству были потомки этого корифея медицины, или и по естественному происхожденію? Тотъ же самый вопросъ возможенъ и въ отношеніи къ фамиліи Сократа. Ничто не мѣшаетъ допустить, что въ Аѳинахъ было поколѣніе статуйщиковъ, возводившее свой родъ къ Дедалу, первому изобрѣтателю ваятельнаго искуства. Это даже весьма правдоподобно—потому, что въ аѳинской республикѣ въ числѣ демъ (δῆμος) одна называлась Дедалидою (Steph. Byzant). Правда, Сократова фамилія происходила изъ демы алопекской, а не Дедаловой: но это могло случиться отъ того, что демы впослѣдствіи были раздѣлены на фратріи и, чрезъ это подраздѣленіе, перемѣшались. Что же касается до Дедала, то онъ, по схоліасту, былъ потомокъ Эрехтея, сына Вулканова или Ифестова. Впрочемъ, не входя въ генеалогическія соображенія, можно сказать просто, что Сократъ, называя себя потомкомъ Дедаловымъ, могъ разумѣть это въ смыслѣ ироническомъ (Men. 97 E), чтобы тщеславію Алкивіада противупоставить пріятную шутку.

[1] Эврисакъ, говорятъ, былъ сынъ Эака. *Mülleri* Aeginetica, p. 21 sqq.

въ память царскаго рожденія [1], становится днемъ жертвопри-
ношеній и празднованія для всей Азіи: напротивъ, когда раж-
даемся мы, Алкивіадъ, тогда, по комической пословицѣ, и D.
сосѣди что-то не очень чуютъ [2]. Послѣ того дитя воспиты-
вается не какою-нибудь ничтожною женщиною-кормилицею,
а евнухами, знатнѣйшими особами, окружающими царя. На
нихъ возлагается какъ всякое попеченіе о новорожденномъ,
такъ въ особенности заботливость о его красотѣ, чтобы то-
есть они развивали и выправляли его члены. Такое занятіе
доставляетъ имъ высокія почести. Достигнувъ семилѣтняго E.
возраста, дѣти знакомятся съ лошадьми, ходятъ къ учителямъ
въ верховой ѣздѣ и начинаютъ охотиться за звѣрями. А когда
минетъ дитяти четырнадцать лѣтъ,—берутъ его къ себѣ такъ
называемые царскіе пѣстуны. Они избираются изъ Персовъ и
составляютъ отличнѣйшую четверицу своего времени: это—
самый мудрый, самый справедливый, самый разсудительный и 122.
самый мужественный. Самый мудрый учитъ его магіи [3], на-

---

[1] *Въ память царскаго рожденія—βασιλέως γενέθλια.* Аммоній хорошо различаетъ γενέθλια и γενέσια. γενέθλια учреждается ради живущихъ: это—тотъ день, въ который кто родился, и называется днемъ рожденія. Напротивъ γενέσια учреждается ради умершихъ: это—день, въ который кто скончался. По свидѣтельству Геродота (I, 135) и Атенея (IV, 143), день рожденія у Персовъ праздноемъ былъ неопустительно.

[2] *И сосѣди что-то не очень чуютъ—οὐδ' οἱ γείτονες σφόδρα τι αἰσθάνονται:* пословица, происхожденіе которой Олимпіодоръ (р. 157) и Схоліастъ относятъ къ Платону-комику. Платонъ-философъ имѣлъ ее въ виду также de Rep. VII, p. 531. A. *Lucian.* Charont. § 16. ἣν καὶ πέσῃ, ἀφορητὶ κείσεται μόγις καὶ τοῖς γειτόσιν ἐξακουσθέντος τοῦ πτώματος. *Cicer.* Orat. Cat. 11, 10, 21. Corruant, sed ita, ut non modo civitas, sed ne vicini quidem proximi sentiant. Кромѣ того Муретъ (varr. lectt. VIII, 12) сравниваетъ съ этимъ мѣсто изъ Плутарха (Phoc. 30). Ἐμοῦ μεν, ὦ παῖ, τὴν σὴν μητέρα γαμοῦντος οὐδ' ὁ γείτων ᾔσθετο, τοῖς δὲ σοῖς γάμοις καὶ βασιλεῖς καὶ δυνασταὶ συγχορηγοῦσιν.

[3] *Самый мудрый учитъ его магіи.* Астъ (de vita et script. Plat p. 639), замѣтивъ, что слово μαγεία ни въ какомъ другомъ мѣстѣ Платоновыхъ сочиненій не употребляется, заключаетъ, что весь этотъ разговоръ написанъ не Платономъ: заключеніе удивительное! О магахъ еще задолго до Платона говорилъ Геродотъ и другіе: слѣдовательно не могло не быть въ употребленіи тогда же и слово μαγεία. А если это справедливо, то почему, говоря о магахъ, нельзя было бы Платону употребить его? Такія доказательства подложности сочиненія не заслуживаютъ никакого вниманія. Къ числу словъ неплатоническихъ, Астъ относитъ также κοινῇ βουλῇ (р. 119 B. 124 B), κρίγυος

чертанной Зороастромъ Оромазовымъ [1]: это наука о богопочитаніи, разсуждающая и о дѣлахъ царскихъ. Самый справедливый располагаетъ его слѣдовать во всю жизнь истинѣ. Самый разсудительный наставляетъ его не подчиняться ни одной страсти, чтобы получить навыкъ быть человѣкомъ свободнымъ—дѣйствительно царемъ, не рабствуя, но прежде всего господствуя надъ собою. Самый мужественный развиваетъ въ немъ чувство безбоязненности и неустрашимости, и доказываетъ, что, предаваясь трусости, онъ уже—рабъ. Напро-
B. тивъ тебѣ, Алкивіадъ, Периклъ далъ въ пѣстуны одного изъ домашнихъ слугъ, Зопира [2] Ѳракіянина, по причинѣ старости, человѣка самаго безполезнаго. Я раскрылъ бы предъ тобою и другія черты воспитанія и образованія твоихъ противниковъ, еслибы это дѣло могло быть непродолжительно, и еслибы изъ сказаннаго доселѣ не вытекало все, что за этимъ слѣдуетъ. Что же касается до рожденія, воспитанія и образованія тебя, Алкивіадъ, или всякаго другаго Аѳинянина; то это, смѣю сказать, ни для кого не занимательно, исключая тѣхъ людей, которые тебя любятъ. Взглянешь ли опять на богатство, на пышность, на одеж-
C. ды, на шлейфы плащей, на разліяніе благовоній, на много-

(p. 111, E), δουλοπρέπεια (p. 135 C), основываясь опять на томъ, что они будто бы не встрѣчаются въ другихъ діалогахъ Платона. См. Crit. p. 49 D. Его приводитъ въ недоумѣніе и то, что μαγεία въ Алкивіадѣ называется θεῶν θεραπεία. Но зачѣмъ магію халдейскую, занимавшуюся волхвованіемъ, таинственнымъ исцѣленіемъ болѣзней и другими видами предразсудковъ, сливать въ одно съ магіею Зороастровою, о которой, кромѣ Аристотеля (ap. Diog. L. Proëm. § 8) говоритъ Порфирій (de abstin. IV, p. 165): παρά γε μην τοῖς Πέρσαις οἱ περὶ τὸ θεῖον σοφοὶ καὶ τούτου θεράποντες μάγοι προσαγορεύονται. То же находимъ у Исихія: Μάγον τὸν θεοσεβῆ καὶ θεόλογον καὶ ἱερέα οἱ Πέρσαι οὕτω καλοῦσι. Но лучше всѣхъ изслѣдываетъ это Beckius въ Anleitung zur genauern Kenntniss der allgemeinen Weltgeschichte. T. I, P. 1, p. 646, ed. 2.

[1] Древнѣйшимъ философамъ Грековъ Зороастръ былъ вовсе неизвѣстенъ. Свѣдѣнія о немъ и его ученіи распространились въ Греціи уже во время персидскихъ войнъ и, какъ новыя, были крайне перетолковываемы и обезображиваемы. Вслѣдствіе сего и Платонъ называетъ Зороастра сыномъ Оромазовымъ т. е. Ормуздовымъ, и такимъ образомъ человѣка соединяетъ съ Богомъ узами рожденія.

[2] Объ этомъ изъ современниковъ упоминаетъ одинъ Платонъ. Только на свидѣтельствѣ Платона основывается тотъ же фактъ и у Плутарха (Alc. c. 1)

численыя свиты прислужниковъ, и на другое довольство Пер-
совъ,—тебѣ будетъ стыдно за самого себя, ты увидишь,
какъ далеко отсталъ отъ нихъ. Потомъ, если захочешь обра-
тить вниманіе на разсудительность, благонравіе, ловкость,
ласковость, великодушіе, добропорядочность, мужество,
терпѣливость, трудолюбіе, стремленіе къ добродѣтели и
честолюбіе Лакедемонянъ; то во всемъ этомъ признаешь
себя дитятею. А когда еще остановишься на богатствѣ,
и по богатству будешь придавать себѣ нѣкоторое значе- D.
ніе; то и тутъ мы можемъ сказать, въ какомъ ты най-
дешь себя состояніи. Пожелай только обозрѣть лакедемон-
скія богатства, и узнаешь, что здѣшнее далеко отстало отъ
тамошняго. Никто не будетъ сомнѣваться какъ въ обшир-
ности, такъ и въ добротѣ земли, которою они владѣютъ и
у себя, и въ Мессинѣ; всѣмъ извѣстно, какое множество
у нихъ рабовъ, особенно илотовъ, также лошадей и друга-
го скота на пастбищахъ мессинскихъ [1]. Но я оставляю все
это, говорю только, что золота и серебра нѣтъ столько въ
цѣлой Элладѣ, сколько находится его въ одномъ Лакедемо-
нѣ [2]. Въ продолженіе многихъ поколѣній оно стекается ту-
да отъ всѣхъ Эллиновъ, а нерѣдко и отъ варваровъ, вы-
хода же ему никуда нѣтъ. Это точно какъ въ Езоповой бас-
нѣ лисица говоритъ льву: слѣды денегъ, втекающихъ въ Ла- 123.
кедемонъ, видны, а вытекающихъ изъ него никто и нигдѣ не
видитъ. Отсюда легко понять, что тамошніе жители золо-
томъ и серебромъ богаче всѣхъ Эллиновъ, особенно же царь
ихъ; потому что важнѣйшіе и бо̀льшіе изъ такихъ доходовъ
назначены царямъ. Сверхъ того, не мала и подать, кото-
рую Лакедемоняне платятъ своимъ государямъ. Впрочемъ, B.
какъ ни велики богатства Лакедемонянъ, въ сравненіи съ

---

[1] Олимпіодоръ (p. 162) и Схоліастъ при этомъ приводятъ стихъ Тиртея: Μεσσήνην ἀγαθὸν μὲν ἀροῦν, ἀγαθὸν δὲ φυτεύειν.

[2] О богатствѣ Лакедемона Платонъ упоминаетъ также въ Иппіасѣ большемъ (p. 283 D) Что Лакедемонъ во времена Платона былъ дѣйствительно такъ богатъ и сказаніе Платоново въ этомъ отношеніи не преувеличено, явствуетъ изъ изслѣдованій Бекка (Oecon. Athen. T. I, 32. T. II, p. 138 sq.)

эллинскими, но въ отношеніи къ богатству Персовъ и ихъ царя, они ничего не значатъ. Когда-то я слышалъ отъ человѣка достовѣрнаго [1],—отъ одного изъ тѣхъ, которые сами ѣздили къ царю: онъ разсказывалъ, что проѣзжалъ чрезъ обширную и прекрасную область, простирающуюся почти на цѣлый день пути, и что эту область туземцы называютъ поясомъ царицы. Есть будто бы и другая, называемая
C. опять головнымъ покрываломъ. Есть и нѣсколько столь же обширныхъ и прекрасныхъ мѣстъ, назначенныхъ для украшенія царской жены, и каждое изъ нихъ носитъ названіе особаго ея наряда. Итакъ я думаю, еслибы кто матери царя и женѣ Ксеркса, Аместрисѣ [2], сказалъ, что съ ея сыномъ затѣваетъ состязаться сынъ Димонахи, которой нарядъ стоитъ, можетъ быть, много какъ минъ пятьдесятъ, а у самого сына земли въ Эрхіи не будетъ и трехъ-сотъ плетровъ: то она удивилась бы, на какія же средства полагается этотъ Алки-
D. віадъ, затѣвая вступить въ борьбу съ Артаксерксомъ, и кажется, замѣтила бы, что у него быть не можетъ никакихъ другихъ способовъ, кромѣ старанія и мудрости; потому что у Грековъ только это имѣетъ цѣну. А когда донесли бы ей, что тотъ же самый Алкивіадъ рѣшается на такое предпріятіе, во-первыхъ, не имѣя отъ роду и полныхъ двадцати лѣтъ, во-вторыхъ нисколько не приготовившись къ тому

[1] *Я слышалъ отъ человѣка достовѣрнаго.* Олимпіодоръ (p. 167) полагаетъ, что Сократъ разумѣетъ здѣсь Ксенофонта, который совершилъ походъ въ Персію, чтобы подать помощь Киру младшему противъ брата его Артаксеркса, и могъ узнать о подробностяхъ въ жизни персидскихъ царей. Этого же мнѣнія держатся и другіе писатели, какъ-то Геродотъ (II, 98), Цицеронъ (Verr. III, 33) и проч. Но еслибы Платонъ слышалъ это отъ Ксенофонта, то написаніе Алкивіада надлежало бы отнесть ко времени, послѣдовавшему за смертію Сократа, что невѣроятно.

[2] *Матери царя и женѣ Ксеркса, Аместрисѣ.* Эта Аместриса, жена Ксеркса, не была ли царица Эсѳирь,—ученымъ образомъ изслѣдовалъ Весселингъ. (Observ. II. 24. p. 25). Шестьдесятъ минъ у Грековъ составляли талантъ (τάλαντον); а талантъ на наши деньги равнялся 250 руб. сер.; слѣдовательно нарядъ Димонахи (въ 50 минъ) стоилъ около 208 руб. Плетръ (πλέθρον) у древнихъ Грековъ обнималъ пространство земли 240 футовъ въ длину и 120 въ ширину, т. е. заключалъ въ себѣ 28,800 квадратныхъ футовъ. Ἐρχία было селеніе въ демѣ эгейской, о которомъ см. *Diodor.* у Гарпократіона и *Исихіи.*

ученіемъ, да сверхъ того, если любящій его человѣкъ совѣтуетъ ему напередъ учиться, упражняться, трудиться и потомъ-то уже состязаться съ царемъ,—онъ не хочетъ и E.
утверждаетъ, будто довольно ему быть и такимъ, каковъ есть; тогда она, думаю, изумилась бы и спросила: что же бы такое могло быть, на что этотъ мальчикъ надѣется? и какъ скоро мы сказали бы ей, что на красоту, знаменитость, происхожденіе, богатство и способности души; то, видя у своихъ все такое, она почла бы насъ, Алкивіадъ, сумасшедшими. Да хоть взять Лампиду, дочь Леонтихида, 124.
жену Архидама [1] и мать Агиса (всѣ эти мужи, извѣстно, были царями): вѣдь и она, видя, какъ велики способы ея родныхъ, удивилась бы, кажется, еслибы узнала, что ты, столь худо приготовленный, намѣреваешься состязаться съ ея сыномъ. А не стыдно ли, думаешь, что непріятельскія женщины лучше судятъ о насъ, какими намъ должно быть, возставая противъ ихъ гражданъ, нежели мы—о самихъ себѣ? Такъ повѣрь, почтеннѣйшій, и мнѣ и дельфійской надписи: «познай самого себя»—что это-то наши противники, а B.
не тѣ, которыхъ ты представляешь, и что изъ нихъ ни одного не пересилимъ мы иначе, какъ стараніемъ и искуствомъ. Если въ этомъ будетъ у тебя недостатокъ, то не сдѣлаться тебѣ славнымъ между Эллинами и варварами, къ чему ты, кежется, стремишься, какъ никто ни къ чему не стремился.

Алк. Въ чемъ же должно состоять мое стараніе, Сократъ? Можешь ли сказать это? Вѣдь твои слова болѣе всего походятъ на правду.

Сокр. Пожалуй; однакожъ поразсудимъ вмѣстѣ, какимъ бы образомъ сдѣлаться намъ лучшими. Вѣдь я не говорю, что тебѣ надобно учиться, а мнѣ нѣтъ; потому что между C.
мною и тобою нѣтъ другаго различія, кромѣ одного.

Алк. Какого?

---

[1] Здѣсь говорится о спартанскомъ царѣ Архидамѣ III, товарищѣ Клеомена II. При концѣ его царствованія возгорѣлась пелопонезская война, которая, по его имени, называется также архидамскою. *Herman.* Lex.

Сокр. Того, что мой опекунъ лучше и мудрѣе твоего—Перикла.

Алк. Кто же онъ, Сократъ?

Сокр. Богъ, который до настоящаго дня не позволялъ мнѣ говорить съ тобою, Алкивіадъ. Вѣря ему, я утверждаю, что ты ни чрезъ кого другаго не достигнешь знаменитости [1], кромѣ какъ чрезъ меня.

Алк. Шутишь, Сократъ.

D. *Сокр*. Можетъ быть; однакожъ то справедливо, что намъ нужно стараніе. Нужно оно, лучше сказать, и всѣмъ людямъ, но намъ-то особенно.

Алк. Что нужно мнѣ, такъ это неложно.

Сокр. Да неложно, что и мнѣ.

Алк. Что же мы будемъ дѣлать?

Сокр. Не терять духа и не ослабѣвать, другъ мой.

Алк. Ужъ конечно не годится, Сократъ.

Сокр. Да, не годится; но должно изслѣдывать общими силами. И вотъ скажи мнѣ: вѣдь мы объявляемъ, что хотимъ сдѣлаться наилучшими? Не такъ ли?

E. *Алк*. Да.

Сокр. Въ какой добродѣтели?

Алк. Очевидно — въ той, по которой люди бываютъ добрыми.

Сокр. Въ чемъ же они бываютъ добрыми?

Алк. Явно, что въ совершеніи дѣлъ.

Сокр. Какихъ? тѣхъ ли, которыя касаются лошадей?

Алк. Нѣтъ.

Сокр. Иначе мы пошли бы къ конюхамъ?

Алк. Да.

---

[1] ***Не достигнешь знаменитости***—*ἡ ἐπιφάνεια—σοὶ ἔσται.*—Люди въ обществѣ замѣтные или знаменитые у Платона называются *ἐπιφανεῖς*. Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ этомъ же смыслѣ онъ могъ употребить и *ἐπιφάνεια*, какъ употребляютъ его—Isaeus p. 167 *τὸ μέγεθος τῶν δικῶν ἐπιφάνειάν τινα ἐποίησεν* ***Diodor***. XIX. 1. *διὸ καὶ τῶν πόλεων ἔνιαι τοὺς ἰσχύοντας μάλιστα τῶν πολιτευομένων ὑποπτεύουσαι καθαιροῦσιν αὐτῶν τὰς ἐπιφανείας*. Поэтому Шлейермахеръ и Астъ не имѣли никакой причины почитать это слово не платоническимъ.

Сокр. Такъ скажешь, корабельныхъ?

Алк. Нѣтъ.

Сокр. Потому что тогда мы пошли бы къ корабельщикамъ?

Алк. Да.

Сокр Какихъ же дѣлъ? какія дѣла совершаютъ они?

Алк. Тѣ, которыя свойственны честнымъ и добрымъ Аѳинянамъ.

Сокр. Но честными и добрыми ты называешь умныхъ, 125.
или неумныхъ?

Алк. Умныхъ.

Сокр. Слѣдовательно всякій умный—добръ?

Алк. Да.

Сокр. А кто неуменъ, тотъ золъ?

Алк. Какъ же иначе?

Сокр. Ну вотъ сапожникъ уменъ ли въ шитьѣ обуви?

Алк. Конечно.

Сокр. Стало быть, въ этомъ онъ добръ?

Алк. Добръ.

Сокр. Что жъ? а въ шитьѣ одежды сапожникъ не уменъ?

Алк. Да.

Сокр. Значитъ, въ этомъ онъ золъ?

Алк. Да. B.

Сокр. Такъ изъ нашихъ словъ вытекаетъ, что одинъ и тотъ же—и золъ и добръ.

Алк. Явно.

Сокр. Но неужели ты допустишь, что люди добрые суть также и люди злые?

Алк. Нѣтъ.

Сокр. Кого же ты назовешь добрыми?

Алк. Тѣхъ, которые въ состояніи начальствовать въ городѣ.

Сокр. Вѣрно ужъ не надъ лошадьми?

Алк. Конечно нѣтъ.

Сокр. А надъ людьми?

Алк. Да.

Сокр. Больными?

Алк. Не думаю.

Сокр. Плавающими?

Алк. Нѣтъ.

Сокр. Собирающими жатву?

Алк. Нѣтъ.

Сокр. Такъ они ничего не дѣлаютъ? или что-нибудь дѣлаютъ?

C. *Алк*. Говорю, дѣлаютъ.

Сокр. Что же такое? потрудись открыть мнѣ.

Алк. Они находятся во взаимныхъ сношеніяхъ и пользуются одинъ другимъ, такъ какъ мы живемъ въ городахъ.

Сокр. Значитъ, ты говоришь о начальствованіи надъ тѣми людьми, которые пользуются одинъ другимъ?

Алк. Да.

Сокр. То-есть о начальствованіи надъ вахтенными, которые пользуются матросами?

Алк. Не то.

Сокр. Потому что это—дѣло кормчаго?

Алк. Да.

Сокр. Но, можетъ быть, ты говоришь о начальствованіи надъ флейщиками, которые управляютъ людьми въ пѣніи и пользуются ими въ пляскѣ?

D. *Алк*. Нѣтъ.

Сокр. Потому что это опять есть дѣло хороводителя?

Алк. Конечно.

Сокр. Въ чемъ же бы, по твоему, люди пользуются людьми, когда можно бываетъ начальствовать надъ ними?

Алк. Я разумѣю людей, имѣющихъ участіе въ управленіи и сносящихся другъ съ другомъ; надъ ними-то начальствовать въ городѣ.

Сокр. Какое же это искуство? Еслибы я и теперь опять спросилъ тебя: какое искуство доставляетъ умѣнье начальствовать надъ людьми, участвующими въ мореплаваніи?

Алк. Искуство кормчаго.

Сокр. Потомъ, надъ людьми, участвующими въ пѣніи, E.
какъ сейчасъ говорили, какое знаніе дѣлаетъ начальникомъ?

Алк. То, о которомъ ты недавно упомянулъ, то-есть хороводительство.

Сокр. Что жъ? а надъ людьми, участвующими въ управленіи, какое поставляешь ты знаніе?

Алк. Благосовѣтливость, Сократъ.

Сокр. Какъ? да знаніе кормчихъ развѣ представляется тебѣ злосовѣтливостію?

Алк. Нисколько.

Сокр. Напротивъ, благосовѣтливостію?

Алк. Мнѣ кажется,—по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ 126.
спасенію мореплавателей.

Сокр. Ты хорошо говоришь. Что жъ? а эта твоя благосовѣтливость, въ какомъ отношеніи—благосовѣтливость?

Алк. Въ отношеніи къ управленію городомъ и храненію его.

Сокр. Но что въ немъ бываетъ и чего не бываетъ, когда онъ подчиняется лучшему распорядку и храненію? Еслибы, напримѣръ, ты спросилъ меня: что есть и чего нѣтъ въ тѣлѣ, когда оно подчиняется лучшему распорядку и храненію? Я отвѣчалъ бы, что въ немъ есть здоровье и нѣтъ болѣзни. Не такъ ли и ты думаешь?

Алк. Такъ. B.

Сокр. А еслибы ты опять спросилъ меня: когда глаза лучше? Я тотчасъ отвѣчалъ бы: когда бываетъ въ нихъ зрѣніе и не бываетъ слѣпоты. Тоже и уши бываютъ лучше и служатъ вѣрнѣе, когда въ нихъ нѣтъ глухоты и есть слухъ.

Алк. Правильно.

Сокр. Ну, а городъ? что въ немъ есть и чего нѣтъ, когда онъ бываетъ лучше и вѣрнѣе подчиняется управленію и распоряженіямъ?

Алк. Мнѣ кажется, Сократъ, что въ немъ есть взаим- C.
ная любовь гражданъ и нѣтъ ненависти и раздоровъ.

Сокр. Но любовью ты называешь единомысліе, или разномысліе?

Алк. Единомысліе.

Сокр. Какимъ искуствомъ общества сохраняютъ единомысліе касательно чиселъ?

Алк. Ариѳметикою.

Сокр. Что жъ не имъ ли—и частные люди?

Алк. Да.

Сокр. И каждый съ самимъ собою?

Алк. Да.

Сокр. А чрезъ какое искуство каждый находится въ единомысліи съ самимъ собою касательно того, что̀ болѣе, — пядень, или локоть? не чрезъ искуство ли измѣрять?

D. *Алк*. Ну что жъ?

Сокр. И частные люди—другъ съ другомъ, и города?

Алк. Да.

Сокр. А что о вѣсѣ? не то же ли?

Алк. Полагаю.

Сокр. Но то-то упомянутое тобою единомысліе — что такое, и въ отношеніи къ чему оно? Какимъ оно устрояется искуствомъ? Одинаково ли оно и въ частномъ человѣкѣ—съ самимъ собою и съ другимъ, - и въ городѣ?

Алк. Вѣроятно, одинаково.

Сокр. Такъ что же оно? Не полѣнись отвѣчать, скажи скорѣе.

E. *Алк*. Я думаю, что любовію и единомысліемъ называется то, когда отецъ въ своей любви къ сыну согласенъ съ матерью, братъ—съ братомъ, жена—съ мужемъ.

Сокр. Но думаешь ли ты, Алкивіадъ, что мужъ можетъ быть въ единомысліи съ женою касательно обработыванія шерсти, если онъ не знаетъ этого дѣла, а жена знаетъ?

Алк. Не думаю.

Сокр. Да и нельзя-таки; потому что это вѣдь ремесло женское.

Алк. Да.

Сокр. Что еще? жена можетъ ли одно мыслить съ мужемъ касательно вооруженія, когда она не знаетъ этого?

Алк. Безъ сомнѣнія, нѣтъ. 127.

Сокр. Потому, вѣроятно, скажешь ты опять, что это-то вѣдь дѣло мужчины.

Алк. Конечно.

Сокр. Итакъ, по твоимъ словамъ, есть ремесла женскія и мужскія.

Алк. Какъ не быть?

Сокр. И ужъ по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ нимъ, нѣтъ единомыслія между женами и мужьями.

Алк. Нѣтъ.

Сокр. Слѣдовательно нѣтъ и любви, если только любовь есть единомысліе.

Алк. Кажется.

Сокр. Стало быть, жены, пока дѣлаютъ свое, не бываютъ любимы мужьями.

Алк. Повидимому, не бываютъ.

Сокр. Стало быть, и мужей, пока они дѣлаютъ свое, жены B.
не любятъ.

Алк. Нѣтъ.

Сокр. Поэтому нехорошо живутъ города, когда въ нихъ всѣ дѣлаютъ свое?

Алк. Я думаю, Сократъ.

Сокр. Что ты говоришь? безъ любви, съ которою города, утверждали мы, живутъ хорошо, а не иначе?

Алк. Но мнѣ кажется, что въ нихъ потому-то и есть любовь, что тамъ тотъ и другой дѣлаетъ свое.

Сокр. Однакожъ недавно казалось не то. Какъ! теперь ты уже говоришь, что гдѣ нѣтъ единомыслія, тамъ бываетъ C.
любовь? Развѣ можно имѣть единомысліе касательно того, что̀ одни знаютъ, другіе не знаютъ?

Алк. Нельзя.

Сокр. А справедливо или несправедливо дѣлаютъ, когда всѣ дѣлаютъ свое?

Алк. Справедливо; какъ же иначе?

Сокр. Но если граждане въ городѣ дѣлаютъ справедливо, то любви между ними не бываетъ?

Алк. Мнѣ опять кажется, Сократъ, что она необходимо должна быть.

Сокр. Такъ что же избираешь ты—любовь, или единомысліе? въ первой, или въ послѣднемъ должны мы быть мудры
D. и благосовѣтливы, чтобы сдѣлаться людьми добрыми? Я никакъ не могу понять, чтò и въ комъ надобно предполагать. По твоимъ словамъ, это находится то въ однихъ и тѣхъ же, то не въ однихъ и тѣхъ же.

Алк. Но клянусь богами, Сократъ, что я и самъ не знаю, что говорю. Должно быть, я давно уже, безъ всякаго сознанія, запутался въ нелѣпости.

Сокр. Однакожъ не унывай. Вѣдь еслибы ты началъ замѣчать за собою, имѣя отъ роду лѣтъ пятьдесятъ, то
E съ трудомъ могъ бы заботиться о себѣ; а теперь у тебя тотъ самый возрастъ, въ которомъ надобно замѣчать за собою.

Алк. Что же, Сократъ, долженъ дѣлать человѣкъ, замѣчающій за собою?

Сокр. Отвѣчать на вопросы, Алкивіадъ. И если сколько-нибудь надобно вѣрить даже моему предсказанію, то, исполняя это, мы оба—ты и я, волею Божіею, сдѣлаемся лучшими.

Алк. Сдѣлаемся, если только дѣло-то зависитъ отъ моихъ отвѣтовъ.

128. *Сокр.* Хорошо; что же значитъ заботиться о себѣ? какъ бы намъ, по незаботливости о себѣ, иногда забывшись, не подумать, что заботимся? Когда дѣлаетъ это человѣкъ? тогда ли онъ заботится о себѣ, когда старается о своемъ?

Алк. Мнѣ кажется.

Сокр. Напримѣръ, когда человѣкъ заботится о ногахъ? тогда ли, когда заботится о вещахъ, относящихся къ ногамъ?

Алк. Не понимаю.

Сокр. Но ты называешь что-нибудь относящимся къ рукѣ? Напримѣръ, перстень къ чему бы болѣе могъ относиться въ человѣкѣ, какъ не къ пальцу?

Алк. Ни къ чему конечно.

Сокр. Такимъ же образомъ и обувь—къ ногѣ?

Алк. Да. B.

Сокр. Такъ не заботимся ли мы о ногахъ, когда заботимся объ обуви?

Алк. Несовсѣмъ понимаю, Сократъ.

Сокр. Что же тутъ, Алкивіадъ? ты называешь что-нибудь правильною заботливостію объ извѣстной вещи?

Алк. Называю.

Сокр. И не тогда ли, говоришь, бываетъ правильная заботливость, когда кто дѣлаетъ что-нибудь лучше?

Алк. Да.

Сокр. Но какое искуство лучше дѣлаетъ обувь?

Алк. Сапожническое.

Сокр. Слѣдовательно объ обуви мы заботимся посредствомъ искуства сапожническаго?

Алк. Да. C.

Сокр. Посредствомъ его ли и о ногѣ? имъ ли и ноги дѣлаемъ лучшими?

Алк. Имъ.

Сокр. Однакожъ ноги мы дѣлаемъ лучшими не тѣмъ же ли, чѣмъ и прочее тѣло?

Алк. Мнѣ кажется.

Сокр. И не гимнастика ли это?

Алк. Наиболѣе.

Сокр. Итакъ посредствомъ гимнастики мы заботимся о ногѣ, а посредствомъ сапожническаго мастерства—о томъ, что относится къ ногѣ?

Алк. Конечно. D.

Сокр. Равнымъ образомъ, посредствомъ гимнастики—о рукахъ, а посредствомъ искуства дѣлать рѣзьбу на перстняхъ—о томъ, что относится къ рукѣ?

Алк. Да.

Сокр. То же, посредствомъ гимнастики — о тѣлѣ, а посредствомъ ткацкаго и другихъ ремеслъ—о томъ, что относится къ тѣлу?

Алк. Безъ всякаго сомнѣнія.

Сокр. Слѣдовательно съ помощію одного искуства мы заботимся объ извѣстномъ предметѣ, а съ помощію другаго — о томъ, что относится къ этому предмету.

Алк. Явно.

Сокр. Итакъ, заботясь о своемъ, ты заботишься не о себѣ.

Алк. Вовсе не о себѣ.

Сокр. Потому что не одно и то же искуство, какъ видно, требуется для попеченія о себѣ и о своемъ.

Алк. Очевидно, не одно.

Сокр. Скажи же теперь: посредствомъ какого искуства можно бы намъ позаботиться о самихъ себѣ?

Алк. Не умѣю сказать.

E. *Сокр.* Но въ томъ-то по крайней мѣрѣ мы согласились, что оно должно клониться къ улучшенію не вещей, принадлежащихъ намъ, а насъ самихъ?

Алк. Ты говоришь справедливо.

Сокр. Такъ знали ли бы мы когда-нибудь, какое искуство дѣлаетъ лучшую обувь, не зная обуви?

Алк. Невозможно.

Сокр. Равно какъ и то, какое искуство дѣлаетъ лучшіе перстни, не зная перстня?

Алк. Справедливо.

Сокр. Что жъ? можемъ ли мы узнать, какое искуство дѣлаетъ лучшими насъ, не зная, что такое мы?

129. *Алк.* Не можемъ.

Сокр. А легкое ли дѣло—узнать себя, и глупъ ли былъ тотъ, кто надписалъ это на пиѳійскомъ храмѣ? или оно трудно и не всякому по силамъ?

Алк. Эта надпись казалась мнѣ, Сократъ, иногда легкою для всякаго, а иногда — очень трудною.

Сокр. Легка она, или нѣтъ, Алкивіадъ; но у насъ положено, что, зная предметъ самъ по себѣ, мы тотчасъ узнали бы, какъ позаботиться о насъ самихъ: а не зная перваго, нельзя знать и послѣдняго.

Алк. Правда.

Сокр. Что жъ? какимъ бы образомъ открыть это само по B.
себѣ [1]? Тогда, вѣроятно, открылось бы вѣдь и то, что такое
мы сами по себѣ. Напротивъ теперь, когда мы находимся въ
незнаніи касательно того, намъ не открыть и этого.

Алк. Ты говоришь правильно.

Сокр. Вникни же, ради Зевса, съ кѣмъ ты теперь бесѣдуешь? не со мною ли?

Алк. Да.

Сокр. А я—съ тобою?

Алк. Да.

Сокр. Слѣдовательно лице бесѣдующее есть Сократъ?

Алк. Конечно.

Сокр. А слушающее—Алкивіадъ?

Алк. Да.

Сокр. И Сократъ бесѣдуетъ не посредствомъ ли слова?

Алк. Какъ же иначе?

---

[1] ***Какимъ образомъ открыть это само по себѣ***—*τίν' ἂν τρόπον εὑρεθείη αὐτὸ τὸ αὐτό*. Изъ дальнѣйшаго изслѣдованія видно, что подъ этими словами надо разумѣть идею человѣческой природы, замѣчаемую не въ недѣлимомъ, а въ цѣломъ родѣ человѣчества. Это подтверждается слѣдующими ниже словами Сократа (130 D): *ὃ ἄρτι οὕτω πως ἐῤῥήθη, ὅτι πρῶτον σκεπτέον εἴη αὐτὸ τὸ αὐτό, νῦν δὲ ἀντὶ τοῦ αὐτοῦ αὐτὸ ἕκαστον ἐσκέμμεθα, ὅ τί ἐστι, καὶ ἴσως ἐξαρκέσει. οὐ γὰρ πού κυριώτερόν γε οὐδὲν ἂν ἡμῶν αὐτῶν φήσαιμεν ἢ τὴν ψυχήν*. Здѣсь *ἡμῶν αὐτῶν* очевидно означаетъ насъ, какъ недѣлимыхъ; а подъ именемъ «само по себѣ» Сократъ разумѣетъ душу саму по себѣ, или душу въ абстрактѣ, и это само по себѣ почитаетъ идеею человѣческой природы. Подобнымъ образомъ къ идеѣ человѣка восходитъ и Василій Великій. T. II, p. 18. C. *ἄλλο ἐσμὲν ἡμεῖς αὐτοί, καὶ ἄλλο τὰ περὶ ἡμᾶς. Ἡμεῖς μὲν οὖν ἐσμὲν ἡ ψυχη καὶ ὁ νοῦς, ἡμέτερον δὲ τὸ σῶμα καὶ αἱ δι' αὐτοῦ αἰσθήσεις*. Тоже Макробій (Saturn. 1. 13): Ergo qui videtur, non ipse verus homo est; sed verus ille est, a quo regitur quod videtur. И Цицеронъ (Somn. Scip. c. 8): Nec enim tu es quem forma ista declarat; sed mens cujusque, is est quisque; non ea figura, quae digito demonstrari potest. И Аристотель (Eth. IX, 4. 3): *τὸ νοοῦν ἕκαστος εἶναι δοκεῖ*.

C. *Сокр.* Но бесѣдовать и пользоваться словомъ ты, вѣроятно, считаешь за одно и то же?

Алк. Конечно.

Сокр. Напротивъ, лице пользующееся и то, чѣмъ оно пользуется, не суть ли предметы различные?

Алк. Какъ это?

Сокр. Напримѣръ, сапожникъ рѣжетъ рѣзцомъ, ножемъ и другими орудіями.

Алк. Да.

Сокр. Такъ не правда ли, что иное—тотъ, кто рѣжетъ и пользуется, и иное—то, чѣмъ пользуется тотъ, кто рѣжетъ?

Алк. Какъ не иное?

Сокр. Не такимъ же ли образомъ различаются — самъ цитристъ и то, чѣмъ онъ играетъ на цитрѣ?

Алк. Да.

D. *Сокр.* Вотъ объ этомъ-то я и спрашивалъ тебя сейчасъ; то-есть, кажется ли тебѣ, что лице пользующееся и то, чѣмъ оно пользуется, суть предметы всегда различные?

Алк. Кажется.

Сокр. Но что мы скажемъ о сапожникѣ: орудіями ли только рѣжетъ онъ, или и руками?

Алк. И руками.

Сокр. Слѣдовательно и руками пользуется онъ?

Алк. Да.

Сокр. А не употребляетъ ли за работою и своихъ глазъ?

Алк. Да.

Сокр. Но мы согласились, что лице пользующееся и то, чѣмъ оно пользуется, суть предметы различные?

Алк. Да.

Сокр. Стало быть, сапожникъ и цитристъ—не то, что руки и глаза, которыми они работаютъ?

Алк. Явно.

E. *Сокр.* Не пользуется ли человѣкъ и всѣмъ своимъ тѣломъ?

Алк. Конечно.

Сокр. А лице пользующееся, сказали мы, отлично отъ того, чѣмъ оно пользуется?

Алк. Да.

Сокр. Слѣдовательно человѣкъ отличенъ отъ своего тѣла?

Алк. Вѣроятно.

Сокр. Что же такое человѣкъ?

Алк. Не могу сказать.

Сокр. Но вѣдь можешь сказать, что онъ есть нѣчто пользующееся тѣломъ?

Алк. Да.

Сокр. Что же иное пользуется имъ, кромѣ души? 130.

Алк. Не иное что.

Сокр. Поколику душа управляетъ имъ?

Алк. Да.

Сокр. И я думаю, что этого-то уже никто иначе не понимаетъ.

Алк. Чего то-есть?

Сокр. Того, что человѣкъ есть по крайней мѣрѣ нѣчто одно изъ трехъ.

Алк. Изъ чего именно?

Сокр. Что это цѣлое есть или душа, или тѣло, или то и другое.

Алк. Что же болѣе?

Сокр. А между тѣмъ мы согласились, что управляющее-то тѣломъ есть человѣкъ?

Алк. Согласились. B.

Сокр. Такъ неужели тѣло управляетъ самимъ собою?

Алк. Никакъ.

Сокр. Вѣдь мы сказали, что оно управляется?

Алк. Да.

Сокр. Слѣдовательно искомое-то уже не оно?

Алк. Вѣроятно, не оно.

Сокр. Но, можетъ быть, тѣломъ управляетъ то и другое вмѣстѣ, и это-то есть человѣкъ?

Алк. Да, можетъ быть.

Сокр. Ужъ всего менѣе; потому что если изъ двухъ одно не управляетъ, то управлять обоимъ вмѣстѣ невозможно никакимъ образомъ.

Алк. Правда.

C. *Сокр.* Если же человѣкъ не есть ни тѣло, ни то и другое вмѣстѣ; то остается, думаю, заключить, что или вовсе нѣтъ ничего такого, или, когда есть, то человѣку всего приличнѣе быть душею.

Алк. Безъ всякаго сомнѣнія.

Сокр. Такъ нужно ли еще яснѣе доказывать тебѣ, что человѣкъ есть душа?

Алк. Нѣтъ, для меня и этого, клянусь Зевсомъ, кажется достаточно.

Сокр. Да пусть доказательство и не точно, а только посредственно, все-таки мы можемъ быть довольны; потому что разсматриваемый предметъ съ точностію узнаемъ не прежде, какъ открывъ то, что теперь, для избѣжанія долговременнаго изслѣдованія, пропустили.

D. *Алк.* Что же такое пропустили мы?

Сокр. Пропустили недавно высказанную мысль, что напередъ нужно бы изслѣдовать «само по себѣ». Вѣдь вмѣсто «самого по себѣ» мы теперь изслѣдываемъ «само по себѣ отдѣльное, что такое оно», и этого, вѣроятно, будетъ достаточно; потому что въ насъ владычественнѣе-то души, вѣроятно скажемъ, нѣтъ ничего.

Алк. Конечно нѣтъ.

Сокр. Значитъ, намъ хорошо будетъ думать, что я и ты, бесѣдуя другъ съ другомъ посредствомъ словъ, бесѣдуемъ душа съ душею?

Алк. Безъ сомнѣнія.

E. *Сокр.* Вотъ это-то самое мы недавно и сказали, что, то-есть, Сократъ, при посредствѣ слова, бесѣдуя съ Алкивіадомъ, бесѣдуетъ, видно, не съ лицемъ его, а именно съ Алкивіадомъ, поколику онъ есть душа.

Алк. Мнѣ кажется.

Сокр. Слѣдовательно предписывающій познать самого себя велитъ намъ познать душу?

Алк. Вѣроятно. 131.

Сокр. Стало быть, кто знаетъ что-нибудь принадлежащее тѣлу, тотъ узналъ свое, а не себя.

Алк. Такъ.

Сокр. Поэтому ни одинъ врачь не знаетъ себя, какъ врачь, ни одинъ гимнастикъ,—какъ гимнастикъ.

Алк. Вѣроятно.

Сокр. А земледѣльцы и другіе ремесленники, значитъ, ужъ очень далеки отъ самопознанія; потому что эти-то занимаются, какъ видно, и не своимъ, но такими дѣлами, которыя, по ремеслу, еще далѣе, чѣмъ свое. Они знаютъ вещи, относящіяся только къ служенію тѣлу.

Алк. Ты правду говоришь. B.

Сокр. Итакъ если самопознаніе состоитъ въ разсудительности, то изъ этихъ людей никто не разсудителенъ по ремеслу.

Алк. Мнѣ кажется, нѣтъ.

Сокр. Оттого-то эти ремесла и представляются низкими, несвойственными человѣку порядочному.

Алк. Безъ сомнѣнія.

Сокр. Такъ еще однажды: кто заботится о тѣлѣ, тотъ заботится о своемъ, а не о себѣ?

Алк. Должно быть.

Сокр. А кто—о деньгахъ, тотъ—и не о себѣ, и не о C. своемъ, но о вещи еще болѣе далекой, чѣмъ свое?

Алк. Мнѣ кажется.

Сокр. Значитъ, ростовщикъ заботится даже и не о своемъ.

Алк. Правильно.

Сокр. Стало быть, кто полюбилъ Алкивіадово тѣло, тотъ полюбилъ не Алкивіада, а нѣчто принадлежащее Алкивіаду.

Алк. Ты правду говоришь.

Сокр. Напротивъ, кто любитъ твою душу, тотъ — тебя?

Алк. Изъ сказаннаго необходимо слѣдуетъ.

Сокр. И кто любитъ твое тѣло, тотъ, когда оно перестаетъ цвѣсть, тотчасъ удаляется?

Алк. Очевидно.

D. *Сокр.* Напротивъ, любящій душу-то не удалится, пока ты не устремишься къ лучшему?

Алк. Очень вѣроятно.

Сокр. Вотъ я не удаляюсь, а остаюсь; между тѣмъ какъ другіе, видя, что твое тѣло отцвѣло, удалились.

Алк. Да и хорошо дѣлаешь, Сократъ; и не удаляйся.

Сокр. Старайся же быть, сколько можно, прекраснѣе.

Алк. Непремѣнно буду стараться.

Сокр. Такъ дѣло-то твое вотъ каково: выходитъ, что
E. у Алкивіада, сына Клиніасова, не было, какъ видно, и нѣтъ любителей, кромѣ одного, за то ужъ милаго [1], то-есть кромѣ Сократа, сына Софрониска и Фенареты.

Алк. Правда.

Сокр. А не говорилъ ли ты, что я чуть упредилъ тебя своимъ приходомъ, что ты самъ хотѣлъ придти ко мнѣ и узнать, почему я не отстаю отъ тебя?

Алк. Да, говорилъ.

Сокр. Такъ вотъ и причина: я одинъ любилъ тебя, а всѣ другіе—твое. Но твое отцвѣтаетъ; напротивъ, ты начинаешь
132. расцвѣтать. Поэтому теперь я уже не оставлю тебя, чтобы, подъ вліяніемъ аѳинскаго народа, ты не испортился и не сдѣлался хуже. А я очень боюсь, какъ бы, полюбивъ народъ, ты не испортился; потому что такому несчастію подвергались уже многіе и отличные Аѳиняне. Вѣдь народъ великодушнаго Эрехтея [2] носитъ прекрасную маску, а видѣть

---

[1] *Кромѣ одного, за то уже милаго.* Сократъ весьма кстати пользуется здѣсь выраженіемъ Омира о Телемакѣ (Iliad. β, 365): μοῦνος ἐὼν ἀγαπητός. Снес. *Demosth.* Mid. 43.

[2] *Народъ великодушнаго Эрехтея.* Эрехтея Аѳиняне почитали четвертымъ своимъ царемъ и полагали, что онъ былъ сынъ Земли, а по другимъ,—сынъ

его надобно во всей наготѣ. Смотри же, сохрани осторожность, о которой я говорю.

Алк. Какую?

Сокр. Сначала займись, мой другъ, и узнай все, что B.
нужно знать для вступленія на поприще гражданскихъ дѣлъ; а прежде того—никакъ, чтобы тебѣ вступить съ запасомъ противоядія и не подвергнуться бѣдѣ.

Алк. Ты, Сократъ, кажется, хорошо говоришь; но потрудись объяснить, какимъ бы образомъ намъ позаботиться о себѣ.

Сокр. Да это и прежде уже было много разъ опредѣлено. Мы вполнѣ согласились, чтò такое мы, и только опасались, какъ бы не ошибиться въ этомъ и, мимо сознанія, не направить своего попеченія къ чему другому вмѣсто насъ.

Алк. Такъ.

Сокр. Послѣ этого намъ остается заботиться о душѣ и C.
ее имѣть въ виду.

Алк. Явно.

Сокр. А попеченіе о тѣлѣ и имѣніи предоставить другимъ.

Алк. Почему не такъ.

Сокр. Какъ же бы намъ уразумѣть это со всею ясностію? Вѣдь узнавъ это, мы, какъ видно, узнаемъ и самихъ себя. Скажи, ради боговъ, не понятно ли для насъ, сколь хорошо говоритъ дельфійская надпись, о которой мы только что упоминали?

Алк. Къ чему клонится вопросъ твой, Сократъ?

Сокр. Я скажу тебѣ, какой смыслъ и совѣтъ угадываю въ этой надписи. Подобій тутъ должно быть не много; сужу D.
только по зрѣнію.

Алк. Что хочешь ты сказать?

Сокр. Размысли самъ. Еслибы она совѣтовала глазу, какъ теперь совѣтуетъ человѣку, и сказала: гляди на самого себя; то какъ поняли бы мы ея убѣжденіе? Не на то

Минервы и Вулкана. Bouillet Diction. de l'antiquité. Сократъ говоритъ здѣсь словами Омира (Iliad. β. 547) Δήμος Ἐρεχθῆος μεγαλήτορος, ὅν ποτ' Ἀθήνη θρέψεν.

ли смотрѣть убѣждала бы она его, на что смотря, онъ видѣлъ бы себя?

Алк. Явно.

Сокр. Вникнемъ же, на что въ ряду существъ должны мы глядѣть, чтобы видѣть и это существо, и самихъ себя?

E. *Алк*. Явно, Сократъ, что на зеркало, или на что другое въ томъ же родѣ.

Сокр. Ты говоришь правильно. Но нѣтъ ли чего-нибудь такого и въ глазѣ, которымъ мы смотримъ?

Алк. Конечно есть.

Сокр. Значитъ, ты замѣтилъ, что кто смотритъ на глазъ,
133. того лице въ противуположномъ ему зрѣніи отражается, какъ въ зеркалѣ, которое мы называемъ зрачкомъ, какбы то-есть куколкою лица смотрящаго?

Алк. Твоя правда.

Сокр. Слѣдовательно глазъ можетъ видѣть себя тогда, когда смотритъ на глазъ и видитъ въ немъ самое лучшее, именно—то, чѣмъ онъ смотритъ?

Алк. Ясно.

Сокр. Если же онъ глядитъ на что другое въ человѣкѣ, или на какую-нибудь другую вещь, а не на то, что ему подобно, то не видитъ себя.

Алк. Правда.

B. *Сокр*. Итакъ, желая видѣть себя, глазъ долженъ смотрѣть на глазъ, а въ глазѣ—на то мѣсто, въ которомъ заключается сила глаза, что, вѣроятно, есть зрѣніе.

Алк. Такъ.

Сокр. Подобно тому и душа, любезный Алкивіадъ, если хочетъ знать себя, не должна ли смотрѣть на душу, особенно же на то мѣсто въ душѣ, въ которомъ заключается ея сила (мудрость), и на другое тому подобное?

Алк. Мнѣ кажется, Сократъ.

C. *Сокр*. Но можемъ ли мы найти въ душѣ что-нибудь божественнѣе того, чѣмъ познаемъ и мудрствуемъ?

Алк. Не можемъ.

Сокр. Слѣдственно эта часть ея походитъ на божественную; и кто, смотря на нее, познаетъ все божественное (Бога и разумъ), тотъ-то особенно познаетъ и себя.

Алк. Видимо [1].

Сокр. А познавать себя, сказали мы, есть дѣло разсудительности.

Алк. Конечно.

Сокр. Такъ не зная самихъ себя и не будучи разсудительны, можемъ ли мы знать свое—зло и добро?

Алк. Да какъ же это могло бы быть, Сократъ?

Сокр. Тебѣ, конечно, представляется невозможнымъ — D.
не зная Алкивіада, знать Алкивіадово, то-есть, что оно принадлежитъ Алкивіаду.

Алк. Это, клянусь Зевсомъ, невозможно.

Сокр. Слѣдовательно—и наше, что оно наше, не зная насъ самихъ?

Алк. Да какъ же?

---

[1] *Видимо* — *φαίνεται.* Послѣ этого Алкивіадова отвѣта Евсевій (Praep. Evang. p. 551) вноситъ въ текстъ Платона взятыя изъ Стобея (1. p. 408) слова, влагая ихъ въ уста Сократа:

Socr. *Ἆρα ὥςπερ κάτοπτρα σαφέστερα ἐστι τοῦ ἐν τῷ ὀφθαλμῷ ἐνόπτρου καὶ καθαρώτερά τε καὶ λαμπρότερα. οὕτω καὶ ὁ θεὸς τοῦ ἐν τῇ ἡμετέρα ψυχῇ βελτίστου καθαρώτερόν τε καὶ λαμπρότερον τυγχάνει ὄν.* ***Alc.*** *Ἔοικε γε, ὦ Σώκρατες.* ***Socr.*** *Εἰς τὸν θεὸν ἄρα βλέποντες ἐκείνῳ καλλίστῳ ἐνόπτρῳ χρῴμεθ᾽ ἄν, καὶ τῶν ἀνθρωπίνων εἰς τὴν ψυχῆς ἀρετήν, καὶ οὕτως ἂν μάλλιστα ὁρῶμεν καὶ γιγνώσκωμεν ἡμᾶς αὐτούς.* ***Alc.*** *Ναί.*

Сокр. Слѣдовательно какъ отражающееся въ глазахъ яснѣе, чище и свѣтлѣе, чѣмъ глазное зеркало: такъ и Богъ въ нашей душѣ есть нѣчто чистѣйшее и свѣтлѣйшее передъ самымъ наилучшимъ въ ней. — *Алк.* Да и вѣроятно, Сократъ. — *Сокр.* Итакъ, смотря на Бога, могли бы мы пользоваться тѣмъ прекраснымъ зеркаломъ и въ отношеніи къ добродѣтели души въ дѣлахъ человѣческихъ, и такимъ образомъ особенно видѣли бы и познавали себя самихъ.— *Алк.* Да.

О подлинности этихъ словъ было много споровъ между учеными изслѣдователями Платонова текста въ Алкивіадѣ. Послѣдній, опровергавшій ихъ подлинность, былъ Штальбомъ. Но его доказательства представляются не довольно сильными. Не утверждая рѣшительно, что этотъ отрывокъ написанъ самимъ Платономъ, я нахожу однакожъ, что въ текстѣ онъ былъ бы весьма умѣстенъ, ибо не заключаетъ въ себѣ мыслей, Платону чуждыхъ, и не разрываетъ логическаго хода рѣчи.

Сокр. А если нельзя знать нашего, то нельзя знать и того, что относится къ нашему?

Алк. Очевидно нельзя.

Сокр. Стало быть, мы были не совсѣмъ правы, недавно согласившись, что иные хоть себя-то и не знаютъ, такъ
E. знаютъ свое. Напротивъ, они не знаютъ даже и того, что относится къ своему; потому что знать все это, то-есть, знать себя, свое и относящееся къ своему, есть дѣло, кажется, одного и того же искуства.

Алк. Должно быть.

Сокр. Но кто не знаетъ своего, тотъ, по тѣмъ же причинамъ, не можетъ знать и чужаго.

Алк. Какъ знать?

Сокр. А незнающій чужаго будетъ ли знать и то, что относится къ городамъ?

Алк. Это необходимо.

Сокр. Слѣдовательно такой человѣкъ не сдѣлается политикомъ.

Алк. Конечно не сдѣлается.

Сокр. Даже и экономистомъ.

134. *Алк.* Конечно нѣтъ.

Сокр. Да онъ и не будетъ знать, чтò дѣлаетъ.

Алк. Безъ сомнѣнія, не будетъ знать.

Сокр. Не зная же этого, не станетъ ли погрѣшать?

Алк. Конечно станетъ.

Сокр. А кто погрѣшаетъ, тотъ не станетъ ли дѣлать зло дома и въ обществѣ?

Алк. Какъ не дѣлать?

Сокр. Дѣлающій же зло не жалокъ ли?

Алк. И очень.

Сокр. А чтò тѣ, кому онъ это дѣлаетъ?

Алк. И тѣ также.

Сокр. Слѣдовательно, въ комъ нѣтъ разсудительности и доброты, тотъ не можетъ быть счастливымъ.

Алк. Конечно не можетъ.

Сокр. А потому люди злые суть люди жалкіе. B.

Алк. И очень.

Сокр. Стало быть, избавляется отъ несчастія не разбогатѣвшій, а сдѣлавшійся разсудительнымъ.

Алк. Явно.

Сокр. Поэтому, Алкивіадъ, города, желающіе сдѣлаться счастливыми, не имѣютъ надобности ни въ стѣнахъ, ни въ корабляхъ, ни въ гаваняхъ, ни въ большомъ количествѣ и величіи народа, чуждаго добродѣтели.

Алк. Конечно не имѣютъ.

Сокр. Итакъ, если ты намѣренъ устроить дѣла города правильно и хорошо, то гражданамъ его долженъ передать добродѣтель.

Алк. Что же иное? C.

Сокр. Но можно ли передать то, чего не имѣешь?

Алк. Какъ можно?

Сокр. Стало быть, добродѣтель долженъ ты напередъ пріобрѣсти самъ, или вообще — тотъ, кто намѣренъ принять на себя власть и попеченіе не только частно—о себѣ и о своемъ, но еще и о городѣ и о городскомъ.

Алк. Твоя правда.

Сокр. Слѣдовательно не къ владычеству и начальствованію долженъ ты стремиться, чтобы дѣлать, что захочешь, для себя и для города, а къ справедливости и разсудительности.

Алк. Явно.

Сокр. Потому что, дѣйствуя справедливо и разсудитель- D.
но, какъ ты, такъ и городъ, вы будете дѣйствовать богоугодно.

Алк. Очень вѣроятно.

Сокр. И, какъ мы прежде сказали, будете дѣйствовать, взирая на божественное и свѣтлое.

Алк. Очевидно.

Сокр. А взирая на это, увидите и узнаете какъ себя самихъ, такъ и свои блага.

Алк. Да.

Сокр. Тогда ваши дѣла не будутъ ли правильны и добры?

Алк. Да.

E. *Сокр*. Если же такъ, то я готовъ ручаться, что вы будете счастливы.

Алк. Порука весьма надежная.

Сокр. Напротивъ, дѣйствуя несправедливо, вы будете взирать на безбожное и мрачное [1], а въ такомъ случаѣ, какъ и должно быть, не зная себя, станете совершать подобныя тому дѣла.

Алк. Вѣроятно.

Сокр. Вѣдь кто, любезный Алкивіадъ, имѣетъ власть дѣлать, что хочетъ, а ума не имѣетъ, тотъ—частное ли это лице, или городъ—до чего долженъ дойти? До чего дойдетъ боль-
135. ной, которому дана власть дѣлать, что угодно, а способность врачеванія не дана,—больной, который такъ тиранствуетъ, что никто не можетъ и укорить его? Не разрушится ли, какъ и слѣдуетъ, его тѣло?

Алк. Ты говоришь правду.

Сокр. А что бываетъ на кораблѣ, когда власть дѣлать, что покажется, ввѣрена тому, въ комъ нѣтъ ни ума, ни добродѣтели кормчаго? Знаешь ли, что̀ случилось бы и съ нимъ и съ его спутниками?

Алк. Разумѣется, всѣ погибли бы.

Сокр. Не такое же ли бѣдствіе постигаетъ и города, и всѣ начальства и власти, чуждыя добродѣтели?

B. *Алк*. Необходимо.

Сокр. Итакъ, почтеннѣйшій Алкивіадъ, не тираннію на-

---

[1] ***Будете взирать на безбожное и мрачное.*** Какъ заботящійся о самопознаніи созерцаетъ въ себѣ божественное и свѣтлое—*θεῖον καὶ λαμπρὸν*; такъ и незнающій себя не видитъ ни Бога, ни свѣта, и называется *ἄθεος καὶ σκοτεινός*. Эти послѣднія слова, повидимому, стоятъ въ ближайшей связи съ мыслями вышеприведеннаго Стобеева отрывка и, кажется, достаточно подтверждаютъ его подлинность. Штальбомъ отвергаетъ его, опасаясь навязать Платону мистическое представленіе: но это—обыкновенный недугъ германскихъ взглядовъ.

добно приготовлять себѣ и городу, а добродѣтель, если хотите счастія.

Алк. Ты говоришь справедливо.

Сокр. Но пока добродѣтель еще не пріобрѣтена, гораздо лучше управляться кѣмъ-нибудь добрымъ, нежели управлять—и мужу, нетолько что мальчику.

Алк. Явно.

Сокр. А что лучше-то, то и прекраснѣе?

Алк. Да.

Сокр. А что прекраснѣе, то и приличнѣе?

Алк. Какъ же иначе?

Сокр. Значитъ, злу приличнѣе быть въ рабствѣ; по- C.
тому что для него это лучше.

Алк. Да.

Сокр. Слѣдовательно, зло есть нѣчто, свойственное рабству.

Алк. Явно.

Сокр. Напротивъ, добродѣтель—нѣчто, носящее характеръ свободы.

Алк. Да.

Сокр. Но того, что свойственно рабству, другъ мой, не должно ли избѣгать?

Алк. Всего болѣе, Сократъ.

Сокр. А чувствуешь ли, въ какомъ ты теперь состояніи? въ томъ ли, которое свойственно свободѣ, или нѣтъ?

Алк. Кажется, чувствую,—и очень живо.

Сокр. И знаешь, какъ избѣжать настоящаго своего состоянія?—не хочу назвать его изъ уваженія къ почтенному человѣку.

Алк. Знаю. D.

Сокр. Какъ?

Алк. Если ты захочешь [1], Сократъ.

Сокр. Нехорошо говоришь, Алкивіадъ.

---

[1] Если, т. е., ты захочешь вывесть меня изъ настоящаго моего состоянія.

Алк. Да какъ же надлежало сказать?

Сокр. Если захочетъ Богъ.

Алк. Такъ и говорю,—и прибавляю еще, что мы, должно быть, обмѣнимся ролями, Сократъ: я возьму твою, а ты—мою. Съ этого дня я не могу не ходить за тобою; ты будешь моимъ руководителемъ.

E. *Сокр.* О, благородный человѣкъ! Такъ моя любовь ничѣмъ не будетъ отличаться отъ аистовой, если, воспитавъ въ тебѣ любовь пернатую, она сама станетъ пользоваться ею.

Алк. Точно такъ. Съ этого времени я начну стараться о справедливости.

Сокр. Желаю тебѣ и кончить тѣмъ же; но, не довѣряя твоей натурѣ и видя могущество города, боюсь, какъ бы онъ не пересилилъ и меня и тебя.

АЛКИВІАДЪ ВТОРОЙ.

АЛКИВІАДЪ ВТОРОЙ.

ВВЕДЕНІЕ.

Всѣ новѣйшіе критики, занимавшіеся разборомъ и оцѣнкою сочиненій Платона, какъ-то—Шлейермахеръ, Астъ, Зохеръ, Бутманъ, Штальбомъ и другіе, согласны въ томъ, что «Алкивіадъ второй», находящійся въ сборникѣ Платоновыхъ сочиненій, написанъ не Платономъ. Касательно подлинности этого діалога сомнѣвались уже и древніе филологи. Такъ, Атеней говоритъ (X, p. 506), что въ его время нѣкоторые усвояли этотъ разговоръ не Платону, а Ксенофонту. Очень вѣроятно, что къ такому мнѣнію приведены были они словами Ксенофонта, который свидѣтельствуетъ (Memor. 1, 3, 1), что Сократъ учитъ возносить богамъ молитвы осторожно и благоразумно,—какъ внушается дѣлать то же самое и въ «Алкивіадѣ второмъ». Но и ходъ разсматриваемаго разговора, и образъ выраженія заключающихся въ немъ изслѣдованій ясно показываютъ, что писатель его жилъ гораздо позднѣе Платона и Ксенофонта. Это, думаемъ мы, доказать очень нетрудно.

Нѣтъ ничего страннаго, что Сократъ могъ разсуждать о молитвѣ точно такъ, какъ разсуждаетъ онъ въ «Алкивіадѣ второмъ»,—тѣмъ болѣе, что такой именно взглядъ на молитву приписываетъ ему Ксенофонтъ. Сократъ могъ доказывать, что прежде, чѣмъ вздумаемъ мы просить о чемъ-

нибудь боговъ, надобно намъ стараться стяжать мудрость и добродѣтель, и потомъ уже, хорошо понявъ, въ чемъ именно заключается наша польза, обращаться къ богамъ съ молитвою объ истинно-полезномъ, чтобы чрезъ то сдѣлаться имъ благоугодными. Положивъ въ основаніе эту посылку, онъ могъ далѣе доказывать, что то полезное, въ которомъ, какъ въ полезномъ, нельзя сомнѣваться, есть честное и прекрасное, и отсюда заключать, что молитвы наши несомнѣнно благоугодны богамъ тогда, когда мы молимся о честномъ и похвальномъ; прочее же, для того или другаго признаваемое полезнымъ, надобно предоставить волѣ боговъ. Всему этому Сократъ могъ учить, такъ какъ тему сихъ мыслей повторяли еще Пиѳагорейцы: *οὐκ ἐᾶ εὔχεσθαι ὑπὲρ ἑαυτῶν, διὰ τὸ μὴ εἰδέναι τὸ συμφέρον* (*Diog. Laert.* VIII, 9), или одинъ комикъ: *μή μοι γένοιθ' ἃ βούλομαι, ἀλλ' ἃ συμφέρει.* Но обработка и изложеніе содержанія въ этомъ разговорѣ далеко не платоновскія. Мы видимъ, что «Алкивіадъ» первый и второй во многомъ сходны между собою (сравн. р. 141 А. 148 А. съ Алкив. 1 р. 105 А; 145 В. съ Алк. 1 107 Е. 108 А; 145 D. съ Алк. 1 р. 108 В сля.). Однакожъ во «второмъ Алкивіадѣ» встрѣчается много особенностей и отступленій отъ «Алкивіада перваго», какъ въ языкѣ, такъ и въ мысляхъ. Здѣсь, напримѣръ, Сократъ является уже не такимъ строгимъ и взыскательнымъ учителемъ, какъ тамъ; да и Алкивіадъ говоритъ рѣшительнѣе и даже осмѣливается противорѣчить Сократу, чего тамъ не замѣчается. 143 А. С. 147 В. Лакедемонъ, по «первому Алкивіаду» —122 D—самый богатый городъ въ Элладѣ, а по второму—149 А,—въ отношеніи къ богатству, онъ равняется Аѳинамъ. Въ «первомъ Алкивіадѣ» все направлено къ самопознанію; а во второмъ главное дѣло — познаніе наилучшаго. Притомъ въ этомъ послѣднемъ разговорѣ утверждаются нѣкоторыя мысли, вовсе не платоновскія: напримѣръ, добро и знаніе противуполагаются одно другому такъ, что незнаніе часто бываетъ лучше знанія. Нельзя не замѣтить также, что изслѣдованіе въ «Алки-

віадѣ второмъ» мѣстами запутывается и уклоняется далеко въ сторону: одно и то же мнѣніе Алкивіада опровергается нѣсколько разъ — единственно съ цѣлію исторгнуть у него согласіе въ томъ, что мы не знаемъ, о чемъ надобно молить боговъ; а отсюда происходитъ то, что изъ разговора многія мѣста можно выкинуть, не вредя цѣлому, чего въ подлинныхъ сочиненіяхъ Платона никогда не бываетъ. Кромѣ того, нѣкоторыя мысли этого діалога выражены темно и неопредѣленно; Сократъ вдается въ длинныя декламаціи, обнаруживаетъ вовсе не свойственный себѣ характеръ разсужденій, является какимъ-то хвастливымъ резонеромъ и обширно объясняетъ то, что не требуетъ объясненій. Такіе недостатки видны на стр. 141 B sqq. 147 B sqq. 148 C. до 150 A. Здѣсь напрасно стали бы мы искать искусной и изящной бесѣды, тонкой и пріятной шутливости, ловкой и забавной ироніи, легкаго и мѣткаго очерка характеровъ: напротивъ, здѣсь иногда измышляются выходки грубыя и оскорбительныя, какова, напримѣръ, та, что Сократъ предполагаетъ въ Алкивіадѣ желаніе убить своего опекуна, и т. п. Мѣстами замѣтны также неискусныя заимствованія изъ другихъ, подлинныхъ діалоговъ Платона. Такъ, на стр. 141 A. B видна мысль, занятая изъ «Алкивіада перваго» p. 105 A. Но тамъ честолюбіе Алкивіада представляется до того великимъ, что для чести согласился бы онъ пожертвовать жизнію; а здѣсь, напротивъ, Сократъ приписываетъ ему такое расположеніе, что жизнь почитаетъ онъ выше всякихъ гражданскихъ почестей. Столь же неловко въ этомъ разговорѣ, на стр. 151 A, писатель воспользовался прекраснымъ оборотомъ въ Платоновомъ Симпосіонѣ, p. 213 E, гдѣ Алкивіадъ беретъ вѣнокъ отъ Агатона и возлагаетъ его на голову Сократа. Въ «Алкивіадѣ второмъ» этотъ вѣнокъ представляется весьма непріятною вставкою и внесенъ сюда вовсе не кстати.

Кромѣ этихъ и другихъ многихъ несообразностей, замѣчаемыхъ въ содержаніи и изложеніи разсматриваемаго діалога,

какихъ подлинныя сочиненія Платона нигдѣ не представляютъ, есть много неплатоновскаго и въ самомъ его языкѣ: встрѣчается въ немъ много такихъ выраженій и словъ, которыя ясно доказываютъ, что онъ написанъ далеко позднѣе, чѣмъ когда жилъ Платонъ. Довольно прочитать въ немъ одинъ или два періода, чтобы видѣть, какъ мало правильности и чистоты въ его рѣчи: вездѣ встрѣчаешь то странную безсвязность понятій, то необыкновенную иносказательность выраженія, то небывалое сближеніе реченій, то изысканную кудрявость фразы. Все это внѣшней формѣ разговора сообщаетъ какую-то непріятную пестроту и разнохарактерность; и по всему этому «Алкивіадъ второй» не можетъ быть усвоенъ нетолько Платону, но и никакому другому лучшему и извѣстнѣйшему въ древности писателю, а долженъ быть признаваемъ за произведеніе какого-нибудь Грека, жившаго во времена уже позднѣйшія. Напримѣръ, на страницѣ 148 В, странно читать: *ὡς πάντας αἰσθέσθαι*, гдѣ *ὡς πάντας* очевидно стоитъ вмѣсто *ὡς πλείστους*; потому что предъ *πᾶς* у писателя, говорящаго по-гречески чисто и правильно, никогда не встрѣтишь частицы *ὡς*. Столь же далеко отъ чистоты Платонова языка выраженіе: *ὅ τι ἐν νῷ ἔχεις πρὸς ταῦτα*—150 В, и множество другихъ, о которыхъ мы по мѣстамъ сдѣлали замѣчанія подъ текстомъ перевода.

Вникая теперь во внутреннія и внѣшнія свойства «Алкивіада втораго», нѣтъ ли возможности по крайней мѣрѣ приблизительно опредѣлить время появленія его на свѣтъ? Бэккъ, на основаніи доказываемаго въ «Алкивіадѣ второмъ» положенія, что *πᾶς ἄφρων μαίνεται*,—р. 139 В. С, заключаетъ, что этотъ разговоръ написанъ въ періодъ процвѣтанія стоической школы и вышелъ изъ подъ пера какого-то поверхностнаго мыслителя, любившаго пересказывать и доказывать стоическіе парадоксы, къ которымъ принадлежитъ и приведенное положеніе. Если мы возьмемъ въ разсмотрѣніе образъ выраженія въ «Алкивіадѣ второмъ» и будемъ сравнивать его съ внѣшнимъ характеромъ греческой рѣчи въ ту или другую

эпоху; то подойдемъ еще ближе къ тому времени, въ которое этотъ разговоръ могъ быть написанъ, и выскажемъ, какъ догадку правдоподобную, что его происхожденіе относится къ эпохѣ греческой литературы послѣ Александра Македонскаго; потому что до той эпохи языкъ древнихъ Грековъ сохранялъ правильность аттическаго выраженія и не принималъ въ себя барбаризмовъ. Притомъ извѣстно, что вопросъ о молитвѣ около того времени у Стоиковъ былъ въ большомъ ходу, и они могли разсуждать объ этомъ предметѣ съ свойственными имъ тонкостями. По крайней мѣрѣ многое, что касательно молитвы высказано въ «Алкивіадѣ второмъ», мы находимъ также у Арріана и Эпиктета. Cнес. p. 138 C. *Epict.* Enchirid. XXXI, 4. *Arrian.* II, 22. IV, 5. Но нельзя полагать, что этотъ діалогъ написанъ послѣ Р. Х.; потому что о немъ упоминаютъ *Эліанъ* (Varr. Hist. VIII, 4), *Атеней* (X p. 506 C) и *Діог. Лаэрцій* (III, 59), по свидѣтельству котораго (II, 58) еще Тразиллъ, жившій въ царствованіе Августа и Тиверія, внесъ его въ одну изъ тетралогій, чего никакъ не могло бы быть, еслибы этого діалога тогда не существовало и еслибы не привыкли уже смотрѣть на него, какъ на сочиненіе Платона. Итакъ можно думать, что «Алкивіадъ второй» составленъ во второмъ или третьемъ вѣкѣ предъ Р. Х. и внесенъ въ сборникъ Платоновыхъ сочиненій александрійскими грамматиками; потому что и изъ другихъ примѣровъ довольно извѣстно, что въ тѣ особенно времена было въ обычаѣ дѣлать литературные подлоги. И неудивительно, что это сочиненіе украшено было тогда именемъ Платона. Писатель его выбралъ такой предметъ, о которомъ Сократъ, по свидѣтельству Ксенофонта, дѣйствительно разсуждалъ; въ способѣ изложенія этого предмета слѣдовалъ онъ, по возможности, Сократу, или лучше—Платону; излагая свой взглядъ на молитву, кажется, хотѣлъ къ Платонову «Алкивіаду» придѣлать вторую часть. Въ самомъ дѣлѣ, какъ въ «первомъ Алкивіадѣ» гордый юноша, стремящійся къ владычеству надъ аѳинскою республикою, наконецъ дол-

женъ былъ согласиться, что еще не пріобрѣлъ знанія для наилучшаго управленія ею: такъ въ «Алкивіадѣ второмъ» онъ же, намѣреваясь принести богамъ жертву, приходитъ къ убѣжденію, что ему неизвѣстно еще, какимъ образомъ лучше благоугодить имъ. Такая связь двухъ «Алкивіадовъ» легко могла ввести въ обманъ грамматиковъ, и ради «Алкивіада перваго», написаннаго дѣйствительно Платономъ, внести въ сборникъ Платоновыхъ сочиненій и «Алкивіада втораго». А на различіе языка тогдашніе критики, привыкшіе къ языку современному, и незамѣчавшіе его упадка, вѣроятно не обращали вниманія.

ЛИЦА РАЗГОВАРИВАЮЩІЯ:

СОКРАТЪ И АЛКИВІАДЪ.

Сокр. Не молиться ли Богу [1] идешь, Алкивіадъ?

Алк. Конечно, Сократъ. 138.

Сокр. То-то ты показался мнѣ съ наморщеннымъ челомъ и поникшимъ къ землѣ взоромъ, какъ будто о чемъ-нибудь мыслилъ.

Алк. Но о чемъ тутъ сталъ бы кто-нибудь мыслить, Сократъ?

Сокр. О дѣлѣ величайшемъ, Алкивіадъ, какъ мнѣ по

---

[1] Все, что древніе философы говорили о молитвѣ и религіозныхъ дѣйствіяхъ, описывается и изслѣдывается у Оригена (περὶ εὐχῆς § 11 sqq., ad Celsum II. p. 68), у Климента Александрійскаго (VII. p. 854), у Прокла (in Tim. libr. II p. 64), у Іерокла (in avr. carm. XLIX). Этого предмета касались также Ювеналъ (Satyr. X) и Персій (Satyr. II). Сущность собственно Сократова ученія о молитвѣ излагаютъ Ксенофонтъ (Memor. 1, 3, 1 sqq.) и Валерій Максимъ (VII, 2), который говоритъ такъ: «Сократъ, какбы нѣкоторый оракулъ земной человѣческой мудрости, не полагалъ нужнымъ просить боговъ о чемъ-либо, кромѣ какъ о томъ, чтобы они подавали намъ блага; ибо сами знаютъ, что̀ всякому полезно, а мы по большей части вымаливаемъ то, чего не просить было бы лучше. Ты, покрытый непроницаемымъ мракомъ, человѣческій умъ, въ какой обширной области слѣпыхъ заблужденій разсѣеваешь свои моленія! Ты жаждешь богатства, которое для многихъ было гибельно; желаешь почестей, которыя многихъ унизили; мечтаешь о царствованіи, котораго исходъ часто бываетъ очень жалокъ; опираешься на блистательное супружество, которое иногда дѣйствительно доставляетъ знатность, но въ другое время разрушаетъ семейства. Итакъ перестань безумно жаждать причинъ будущихъ твоихъ бѣдствій, какбы основаній твоего счастія, и всего себя ввѣрь небесному Промыслу; ибо кто, по обычаю, легко подаетъ блага, тотъ удобно можетъ и избирать ихъ.» Мысли Платона о молитвѣ см. Euthyphr.

B. крайней мѣрѣ кажется. Скажи-ка, ради Зевса, не думаешь ли ты, что боги, чего намъ случается просить у нихъ частно или всенародно, иное даютъ, а иного нѣтъ, и однимъ даютъ [1], другимъ нѣтъ?

Алк. Конечно.

Сокр. Такъ не кажется ли тебѣ, что надобно имѣть много благоразумія, чтобы, по незнанію, не просить великихъ золъ, почитая ихъ благомъ, и чтобы боги, находясь въ такомъ расположеніи [2], въ какомъ они даютъ, не дали, чего кто про-
C. ситъ? Вотъ напримѣръ, Эдиппъ, говорятъ, просилъ, чтобы его сыновья отцовское наслѣдство дѣлили желѣзомъ [3]. Можно было ему просить о какомъ-нибудь отвращеніи настоящихъ золъ: напротивъ онъ, кромѣ бывшихъ, напросился еще на другія. Они совершились, а изъ нихъ проистекло много иныхъ и ужасныхъ [4], о которыхъ нужно ли и говорить порознь?

Алк. Но ты, Сократъ, упомянулъ о человѣкѣ сумасшедшемъ; ибо кто бы, будучи здоровымъ, дерзнулъ, кажется, просить этого?

Сокр. А сумасшествіе представляется ли тебѣ противуположнымъ разумности?

Алк. Конечно.

D. *Сокр.* Неразумные же и разумные кажутся тебѣ какиминибудь людьми?

Алк. Кажутся.

Сокр. Давай же разсмотримъ, кто такіе они. Мы уже со-

---

[1] ***И однимъ даютъ, другимъ нѣтъ:*** — *καὶ ἔστιν οἷς μὲν αὐτῶν, ἔστι δὲ οἷς οὔ.* Здѣсь мѣстоимѣніе *αὐτῶν* или вовсе лишнее, потому что выше сказано: *ἃ τυγχάνομεν εὐχόμενοι,* или вмѣсто *αὐτῶν* надобно читать *ἡμῶν.*

[2] ***Находясь въ такомъ расположеніи***, *ἐν ταύτῃ ὄντες τῇ ἕξει,*—выраженіе, относящееся къ позднѣйшему развитію языка и у Платона невстрѣчающееся. Платонъ сказалъ бы: *οἱ δὲ θεοὶ οὕτω διακείμενοι.*

[3] Объ этомъ безумномъ прошеніи Эдиппа см. Eurip. Phoeniss. 66, сн. 625 sqq. 477. На тотъ же примѣръ часто указываютъ въ своемъ ученіи Стоики, См. *Epict.* Enchir. XXXI. 4. *Arrian.* II, 22. IV, 5.

[4] Здѣсь разумѣется война семи вождей противъ Θивянъ и взаимное убійство братьевъ.

гласились, что одни бываютъ неразумные и разумные, а другіе сумасшедшіе.

Алк. Да, согласились.

Сокр. А есть ли иные здравые?

Алк. Есть.

Сокр. Нѣтъ ли и другихъ—больныхъ? 139.

Алк. Конечно.

Сокр. И эти—не тѣ?

Алк. Да, не тѣ.

Сокр. Такъ нѣтъ ли и такихъ еще, о которыхъ нельзя сказать ни того, ни другаго?

Алк. Ну нѣтъ.

Сокр. Потому что человѣку необходимо либо быть, либо не быть больнымъ?

Алк. Мнѣ кажется.

Сокр. Что жъ? то же ли ты имѣешь понятіе о разумности и неразумности?

Алк. Какъ ты говоришь?

Сокр. Кажется ли тебѣ, что можно быть либо разумнымъ, либо неразумнымъ? или есть еще третіе, среднее состояніе, дѣлающее человѣка ни разумнымъ, ни неразумнымъ?

Алк. Ну нѣтъ. B.

Сокр. Стало быть, необходимо имѣть одно изъ этихъ свойствъ.

Алк. Мнѣ кажется.

Сокр. Но помнишь ли, ты согласился, что сумасшествіе противно разумности?

Алк. Да.

Сокр. Не согласился ли также, что нѣтъ никакого третьяго, средняго состоянія, которое дѣлаетъ человѣка ни разумнымъ, ни неразумнымъ?

Алк. Да, согласился.

Сокр. Такъ какимъ же образомъ одной вещи могутъ быть противны двѣ?

Алк. Никакимъ.

Сокр. Стало быть, неразумность и сумасшествіе должны быть однимъ и тѣмъ же [1].

C. *Алк.* Видимо.

Сокр. Итакъ, говоря, что всѣ неразумные—сумасшедшіе, мы говорили бы справедливо, Алкивіадъ. Напримѣръ, мы сказали бы это справедливо о твоихъ сверстникахъ, какъ скоро нѣкоторые изъ нихъ неразумны,—да и есть такіе,—и даже о старикахъ. Скажи ради Зевса, не думаешь ли ты, что въ городѣ людей разумныхъ немного, а неразумныхъ много, и послѣднихъ не сумасшедшими ли называешь ты?

Алк. Да.

Сокр. Такъ подумалъ бы ты,—не давно ли уже были бы
D. мы наказаны, живя безпечно съ столь многими сумасшедшими, не бывъ ни биты, ни мяты ими, и не подвергшись ничему такому, что обыкновенно дѣлаютъ сумасшедшіе? Смотри-ка, добрякъ, такъ ли это въ самомъ дѣлѣ?

Алк. Какъ же иначе могло бы быть, Сократъ? Только вѣроятно не такъ, какъ я думалъ.

Сокр. И мнѣ тоже кажется. Но сообразимъ какъ-нибудь такъ.

Алк. Какимъ образомъ?

Сокр. А вотъ я скажу тебѣ. Предполагаемъ ли мы, что нѣкоторые люди больны, или нѣтъ?

Алк. Конечно.

E. *Сокр.* Но не кажется ли тебѣ, что болящему необходимо страдать либо подагрою, либо горячкою, либо слѣпотою? и не думаешь ли ты, что можно имѣть и другую болѣзнь, не страдая ни которою изъ тѣхъ? Вѣдь ихъ очень много, а не тѣ однѣ.

Алк. Мнѣ такъ и кажется.

Сокр. Такъ всякая слѣпота кажется тебѣ болѣзнію?

Алк. Да.

---

[1] *Стало быть неразумность и сумасшествіе должны быть однимъ и тѣмъ же*—прямое указаніе на одинъ изъ стоическихъ парадоксовъ: *ὅτι πᾶς ἄφρων μαίνεται*. См. *Cicer*. Parad. 4.

Сокр. И болѣзнь есть также всякая слѣпота?

Алк. Нѣтъ, я несогласенъ; только недоумѣваю, какъ сказать.

Сокр. Но если ты къ моимъ словамъ приложишь внима- 140.
ніе; то, изслѣдывая вдвоемъ, мы, можетъ быть, и найдемъ.

Алк. Да по моимъ силамъ, я внимаю.

Сокр. Такъ нами допущено, что всякая слѣпота есть болѣзнь, но болѣзнь уже не есть всякая слѣпота?

Алк. Допущено.

Сокр. Вѣдь и справедливо, кажется, допустили мы; потому что всѣ одержимые горячкою, думаю, болѣютъ, но не всѣ бо-
лящіе одержимы бываютъ горячкою, подагрою и слѣпотою. B.
Все такое конечно есть болѣзнь: однакожъ, по словамъ такъ называемыхъ нами врачей, дѣйствіе ихъ различно; потому что не всѣ онѣ подобны и не всѣ подобнымъ образомъ дѣйствуютъ [1], но каждая по своей силѣ (природѣ), хотя всѣ онѣ — болѣзни. Мы понимаемъ ихъ, какбы какихъ-нибудь мастеровъ, — не такъ ли?

Алк. Конечно.

Сокр. Какъ сапожниковъ, плотниковъ, статуйщиковъ и многихъ другихъ; — но зачѣмъ говорить о нихъ порознь? —
Они раздѣлили между собою части мастерства, и всѣ — ма- C.
стера; однакожъ всѣ эти мастера, взятые вмѣстѣ, и не плотники, и не сапожники, и не статуйщики.

Алк. Конечно нѣтъ.

Сокр. Такъ этимъ же образомъ люди раздѣлили и неразумность, и тѣхъ, которые имѣютъ бо́льшую часть ея, мы называемъ сумасшедшими, а другихъ, имѣющихъ нѣсколько

---

[1] *Не всѣ подобнымъ образомъ дѣйствуютъ* — *οὔτε ὁμοίως διαπράττονται*, т. е. *ἀπεργάζονται*. Это — необыкновенное употребленіе глагола *διαπράττεσθαι*, такъ что другой примѣръ подобнаго его употребленія едва ли можетъ быть отъисканъ у хорошихъ писателей. Даже и въ выраженіи: *различно бываетъ дѣйствіе* — *διαφέρειν τὴν ἀπεργασίαν αὐτῶν*, отрѣшенное значеніе слова *ἀπεργασία* можно допустить только въ языкѣ испорченномъ. У Платона оно употребляется не такъ. См., наприм., Protag. p. 312 D. *πρὸς τὴν ἀπεργασίαν τὴν τῶν εἰκόνων*, Gorg. p. 462 C. *χάριτός τινος καὶ ἡδονῆς ἀπεργασία*, et alib.

меньше,—глупыми и ошеломленными; когда же хотятъ давать имъ имена благовидныя, — однихъ называютъ высокоумными [1], другихъ—простяками, иныхъ—то незлобивы-
D. ми, то неопытными, то нѣмыми. Если будешь искать,—найдешь много и другихъ именъ. Все это неразумность, и различіе тутъ подобно различію между искуствомъ и искуствомъ, болѣзнію и болѣзнію. Или какъ тебѣ кажется?

Алк. Мнѣ такъ.

Сокр. Возвратимся же опять къ прежнему. Можетъ быть, намъ и при началѣ бесѣды надлежало разсмотрѣть, что такое—неразумные и разумные. Вѣдь уже допущено, что они есть. Не такъ ли [2]?

Алк. Да, допущено.

E. *Сокр*. Такъ тѣхъ ли почитаешь ты разумными, которые знаютъ, чтò надобно дѣлать и говорить.

Алк. Да.

Сокр. Кого же неразумными? тѣхъ ли, которые не знаютъ ни того ни другаго?

Алк. Тѣхъ.

Сокр. А незнающіе ни того ни другаго, не правда ли, не знаютъ сами, что говорятъ, и дѣлаютъ, чего не должно?

Алк. Видимо.

Сокр. Къ этимъ-то людямъ, Алкивіадъ, причисляется и
141. Эдиппъ, говорилъ я. Много подобныхъ найдешь ты и теперь, которые водятся не гнѣвомъ, какъ онъ, и думаютъ, что вымаливаютъ себѣ не зло, а добро. Тотъ какбы и не

---

[1] *Высокоумными*—μεγαλοψύχους. Μεγαλόψυχοι причисляются къ неразумнымъ. Но явно, что это слово получило значеніе высокоумія или надменія уже въ позднѣйшія времена греческой словесности. У писателей древнихъ имъ означался не видъ неразумія, а нравственная добродѣтель—великодушіе.

[2] *Не такъ ли*—ἢ γὰρ οὔ; Это—еще одно изъ безчисленныхъ доказательствъ, что Алкивіадъ второй писанъ не Платономъ и даже не важнымъ писателемъ: зачѣмъ здѣсь къ ἢ γὰρ прибавлено еще οὔ? У Платона нигдѣ нѣтъ подобнаго удвоенія; да оно и не нужно, потому что только затемняетъ вопросъ.

молился, и не думалъ; а есть иные противнаго свойства. Въ самомъ дѣлѣ, я думаю о первомъ тебѣ: еслибы Богъ, къ которому теперь идешь, прежде чѣмъ сталъ бы ты молиться ему о чемъ-нибудь, явился тебѣ и спросилъ, — довольно ли для тебя сдѣлаться обладателемъ аѳинской республики, и когда бы ты счелъ это маловажнымъ, а не чѣмъ-нибудь великимъ, прибавилъ: и всей Эллады? но потомъ увидѣлъ бы, что и этого тебѣ мало, пока онъ не пообѣщаетъ всей Европы, и нетолько не пообѣщаетъ, но, по B.
твоему желанію, не заставитъ всѣхъ нынѣ же ощутить, что Алкивіадъ, сынъ Клиніаса,—тираннъ; то ты, думаю, пошелъ бы отъ него очень обрадованнымъ, какъ человѣкъ, получившій величайшія блага.

Алк. Я думаю, Сократъ, что и всякій тоже, кому досталось бы получить это.

Сокр. Однакожъ за свою душу ты не захотѣлъ бы взять C.
даже земли всѣхъ Эллиновъ и варваровъ, и владычества надъ ними.

Алк. Да, не захотѣлъ бы, думаю; потому что какъ я взялъ бы, не могши этимъ пользоваться?

Сокр. А еслибы ты могъ пользоваться этимъ какъ-нибудь худо и вредно? Тогда бы уже не такъ?

Алк. Конечно.

Сокр. Такъ видишь ли, какая опасность — и даваемое принимать [1] легкомысленно, и самому молиться, чтобы что-нибудь дано было, когда чрезъ это молящійся имѣетъ либо получить вредъ, либо вовсе разстаться съ жизнію? Можно D.
бы указать на многихъ, которые, устремившись къ тиранніи и стараясь, чтобы она досталась имъ, какбы дѣлали что-нибудь доброе, — чрезъ тираннію подверглись злоумышленію и лишены были жизни. Я думаю, ты слышалъ о нѣкоторыхъ недавнихъ событіяхъ [2], что македонскаго

[1] *Даваемое принимать легкомысленно.* О пословицѣ *δέχεσθαι τὸ διδόμενον* см. Gorg. p. 498 C. прим.

[2] *О нѣкоторыхъ недавнихъ событіяхъ*—*ἐνιά γε χθιζὰ καὶ πρωϊζὰ γεγενημένα:*

тиранна Архелая убилъ любимый имъ юноша, любив-
Е. шій тираннію не менѣе, чѣмъ тотъ любилъ юношу, — убилъ въ надеждѣ, что онъ будетъ властелиномъ и человѣкомъ счастливымъ. Но, удержавъ власть три или четыре дня, онъ и самъ въ свою очередь подвергся злоумышленію отъ нѣкоторыхъ другихъ и умеръ. То же видишь ты и на нашихъ гражданахъ,—вѣдь это уже мы не отъ другихъ слышали, а знаемъ, какъ очевидные свидѣтели.— Изъ тѣхъ, которые стремились къ званію военачальниковъ
142. и уже достигли его, одни и донынѣ остаются ссылочными внѣ отечественнаго города; другіе потеряли жизнь; а кто находилъ свои обстоятельства повидимому и хорошими,— испыталъ множество опасностей и ужасовъ нетолько во время военачальства, но и послѣ, по возвращеніи домой, и умиралъ, осаждаемый клеветниками нисколько не менѣе, чѣмъ непріятелями; такъ что иные изъ нихъ желали бы
В. лучше никогда не быть военачальниками, чѣмъ испытывать то, что испытали они въ военачальствованіи. Пускай бы уже опасности и труды служили къ пользѣ, — все бы это что-нибудь значило: а то совсѣмъ напротивъ. Такимъ же образомъ найдешь это и относительно дѣтей. Иные ког-

---

подражаніе извѣстному мѣсту въ Горгіасѣ (470 D), но весьма неловкое и невѣрное. Во-первыхъ, вмѣсто Горгіасова *τὰ γεγενημένα*, сказано *ἔνια γεγενημένα*, что синтаксически неправильно; потому что *ἔνια* не имѣетъ силы члена, слѣдовательно причастію *γεγενημένα* не даетъ значенія имени существительнаго. Во-вторыхъ, вмѣсто Горгіасова *ἐχθὲς καὶ πρώην*, употреблено выраженіе поэтическое (омировское) *χθιζὰ καὶ πρωϊζὰ* — единственно для блеска фразы. Сверхъ того, въ приводимомъ здѣсь разсказѣ объ Архелаѣ македонскомъ допущенъ самый грубый анахронизмъ. Именно,—въ Горгіасѣ повѣствуется о томъ, какъ незаконно Архелай завладѣлъ македонскимъ престоломъ; а здѣсь излагается, какъ онъ былъ умерщвленъ. Но смерть Архелая случилась 1, XCV олимп. (*Didor.* XIV, c. 37. *Arist.* Polit. V, 10), то-есть въ одномъ году съ смертью Сократа, о чемъ однакожъ Сократъ говоритъ, какъ о событіи прошедшемъ и ему исторически извѣстномъ. Этотъ анахронизмъ покажется еще нелѣпѣе, когда представимъ, что разговаривающій здѣсь Алкивіадъ является юношею, еще невступившимъ въ кругъ гражданскихъ обязанностей; а это указываетъ на время предшествовавшее, на 4, LXXXIX олимп., слѣдовательно долженствовало быть тридцатью годами раньше смерти Архелая. Впрочемъ объ этомъ мѣстѣ разговора упоминаетъ и Эліанъ V, 11, VIII, 9).

да-то молились, чтобы у нихъ были дѣти; но родившіе ихъ
подверглись несчастіямъ и величайшимъ скорбямъ: потому
что одни всю свою жизнь провели скорбно,—такъ какъ дѣ-
ти у нихъ всегда были негодныя; а у другихъ хотя были
и добрыя, но они, по несчастію, лишились ихъ, и оттого
испытали не меньше горя, какъ и первые, и лучше хотѣли C.
бы остаться бездѣтными, нежели раждать. Впрочемъ хотя и
эти, и другіе многіе, подобные случаи весьма явны; одна-
кожъ рѣдко найдешь, чтобы кто-нибудь либо отказывался
отъ того, что дается ему, либо, имѣя получить это чрезъ мо-
литву, пересталъ молиться. Многіе не отказались бы ни отъ
тиранніи, когда бы она давалась, ни отъ военачальства,
ни отъ другихъ вещей, которыя болѣе вредны имъ, чѣмъ по- D.
лезны: напротивъ даже молились бы о полученіи ихъ, если-
бы онѣ не представлялись сами собою; вскорѣ же по получе-
ніи, иногда они поютъ другое и отмаливаются отъ того, чего
прежде просили. Итакъ я недоумѣваю, не вовсе ли напрас-
но люди винятъ боговъ, говоря, что отъ нихъ посылается
имъ зло, тогда какъ надлежало бы сказать, что они, сверхъ
своего жребія, *навлекаютъ скорби сами на себя дерзостію* [1], E.
либо неразуміемъ. Поэтому, Алкивіадъ, должно быть, уменъ
былъ тотъ поэтъ, который, имѣя у себя, видно, какихъ-ни-
будь неразумныхъ друзей, и замѣчая, что они дѣлаютъ то, и
молятся о томъ, что хотя и нравилось имъ, а было нехоро-
шо, вознесъ молитву за всѣхъ ихъ вообще и говорилъ такъ:

Царь Зевсъ! молимъ тебя мы, или не молимъ, — даруй намъ 143.
Доброе только, зло жъ удержи, хотя бъ и молились [2].

---

[1] *Навлекаютъ скорби сами на себя дерзостію.* Говоря такъ, писатель имѣетъ въ виду стихи изъ Одиссеи (1, 32 сл.): *ὢ πόποι, οἷον δή νυ θεοὺς βροτοὶ αἰτιόωνται. Ἐξ ἡμέων γάρ φασι κακ᾽ ἔμμεναι· οἱ δὲ καὶ αὐτοὶ σφῇσιν ἀτασθαλίῃσιν ὑπὲρ μόρον ἄλγε᾽ ἔχουσιν.*

[2] Эти стихи встрѣчаются въ Anthol. 1, 31. Adespot. 466. *Brunck.* Къ нимъ писатель прибавилъ отъ себя *κελεύει*, которое здѣсь вовсе не кстати. Въ подлинномъ текстѣ, вмѣсто *ἀπαλέξειν*, читается *ἀπερύκοις*, а вмѣсто *δεινὰ—λυγρά*.

Мнѣ кажется, поэтъ говоритъ хорошо и осторожно; а если ты можешь сказать что-нибудь напротивъ,—не умолчи.

Алк. Трудно, Сократъ, противорѣчить тому, что сказано хорошо. Нѣтъ, я размышляю о томъ, сколькихъ золъ причиною бываетъ человѣческое невѣденіе, когда мы отъ этого
B. невѣденія, повидимому, мимо собственнаго сознанія, и дѣлаемъ, и—что всего хуже—вымаливаемъ самимъ себѣ величайшее зло. Между тѣмъ никто не думаетъ объ этомъ; напротивъ, въ отношеніи къ этому-то—вымолить самому себѣ наилучшее, а не наихудшее — всякій почитаетъ себя способнымъ. Это, по правдѣ сказать, болѣе походитъ на заклинаніе, чѣмъ на молитву.

Сокр. Но, можетъ быть, какой-нибудь человѣкъ помудрѣе меня и тебя, почтеннѣйшій, скажетъ, что мы несправедливо говоримъ, безъ причины порицая невѣденіе, если
C. не прибавимъ, что оно въ отношеніи къ нѣкоторымъ вещамъ и къ состоянію нѣкоторыхъ людей есть добро, а въ отношеніи къ другимъ—зло.

Алк. Какъ ты говоришь? не такъ ли, что иной вещи иному человѣку, въ извѣстномъ состояніи находящемуся, лучше не знать, чѣмъ знать?

Сокр. Мнѣ кажется. А тебѣ нѣтъ?

Алк. Да, клянусь Зевсомъ, нѣтъ.

Сокр. Впрочемъ я не представляю, что ты захочешь то же сдѣлать въ отношеніи къ своей матери, что сдѣлали, говорятъ, Орестъ, Алкмеонъ, и другіе подобные имъ.

D. *Алк.* Говори лучше, ради Зевса, Сократъ.

Сокр. Не тому, Алкивіадъ, кто сказалъ, что ты не захочешь сдѣлать себѣ этого, надобно приказывать говорить лучше, а гораздо скорѣе—тому, кто говоритъ противное. Если это дѣло кажется тебѣ столь ужаснымъ, что и говорить о немъ такъ не годится; то думаешь ли, что Орестъ, еслибы онъ былъ уменъ и зналъ, что̀ лучше дѣлать ему, дерзнулъ сдѣлать нѣчто такое?

E. *Алк.* Нѣтъ.

Сокр. Да и никто, думаю, другой.

Алк. Конечно нѣтъ.

Сокр. Слѣдовательно незнаніе наилучшаго и не знать, что̀ есть наилучшее, какъ видно, будетъ зломъ.

Алк. Мнѣ кажется.

Сокр. Значитъ, зломъ и Оресту и всѣмъ другимъ?

Алк. Полагаю.

Сокр. Разсмотримъ еще и слѣдующее. Еслибы, напримѣръ, тебѣ живо представилась мысль, что будетъ лучше, взявъ кинжалъ, пойти къ дверямъ твоего опекуна и друга
Перикла и, спросивъ, у себя ли онъ, убить его самого, а 144.
не кого другаго [1]: пусть люди даже сказали бы, что онъ дома,—я не говорю однакожъ, что ты захотѣлъ бы сдѣлать что-нибудь такое; но, думаю, помыслилъ бы, что человѣку, незнающему наилучшаго, ничто не мѣшаетъ поддаться мнѣнію и принять самое худое за самое хорошее. Или тебѣ не кажется?

Алк. Конечно.

Сокр. Итакъ, еслибы ты вошелъ и увидѣлъ его, но не
узналъ и подумалъ, что это кто-нибудь другой, — отва- B.
жился ли бы и при этомъ убить его?

Алк. Нѣтъ, клянусь Зевсомъ, мнѣ это не кажется.

Сокр. Вѣроятно потому, что увидѣлъ случайно встрѣтившагося, а не того, кого хотѣлъ. Не правда ли?

---

[1] Сократъ здѣсь намѣренъ доказать, что незнаніе иногда бываетъ хорошо и полезно. А это очевидно не гармонируетъ съ тѣмъ, что выше сказано было *περὶ τῆς τοῦ βελτίστου ἀγνοίας*, о чемъ теперь и рѣчи нѣтъ. Итакъ писатель, показывая, что незнаніе иногда избавляетъ насъ отъ бѣдъ, явно потерялъ нить разсужденія. Притомъ, примѣръ здѣсь избранъ такой, что вовсе не свойственъ гуманному духу Сократа и обыкновенной мягкости и деликатности его выраженія. Таково ли, напримѣръ, подобное мѣсто въ Горгіасѣ (p. 469 D. E)? «вѣдь покажись мнѣ, что изъ видимыхъ тобою здѣсь людей кто-нибудь сейчасъ долженъ умереть, — и тотъ, на кого пало бы это мнѣніе, умретъ... Такъ велика моя сила въ этомъ городѣ! А еслибы тебѣ не вѣрилось,—я показалъ бы кинжалъ», и т. д. Здѣсь—то же содержаніе, но выраженіе пріятно, мягко и не заключаетъ въ себѣ ничего жесткаго, отталкивающаго.

Алк. Да.

Сокр. Поэтому еслибы ты и часто рѣшался, но всякій разъ, когда намѣревался бы сдѣлать это, не узнавалъ бы Перикла; то не напалъ бы на него.

Алк. Нѣтъ.

Сокр. Что же? думаешь ли, что Орестъ когда-нибудь напалъ бы на свою мать, еслибы такимъ образомъ не узналъ ея?

Алк. Не думаю.

C. *Сокр.* Вѣдь и онъ располагался умертвить, вѣроятно, не встрѣчную женщину и не чью-нибудь мать, но именно свою.

Алк. Правда.

Сокр. Стало-быть, людямъ съ такимъ расположеніемъ и съ такими мнѣніями лучше не знать подобныхъ вещей.

Алк. Видимо.

Сокр. Такъ видишь ли, что незнаніе нѣкоторыхъ вещей и для нѣкоторыхъ, извѣстнымъ образомъ расположенныхъ людей, есть добро, а не зло, какъ недавно казалось тебѣ?

Алк. Вѣроятно.

D. *Сокр.* Сверхъ того, разсмотри, если хочешь, и то, что слѣдуетъ за этимъ;—тебѣ покажется, можетъ быть, и нелѣпымъ.

Алк. Что такое особенно, Сократъ?

Сокр. То, что, должно быть, относится, такъ сказать, къ пріобрѣтенію другихъ знаній. Кто пріобрѣлъ ихъ безъ наилучшаго, тому стяжателю приносятъ они мало пользы, а больше вредятъ. Смотри на это: не необходимо ли тебѣ кажется, что, намѣреваясь что-нибудь или дѣлать или говорить, мы сперва должны подумать, знаемъ ли и дѣйствительно ли знаемъ то, что намѣрены успѣшнѣе или говорить или дѣлать?

E. *Алк.* Мнѣ кажется.

Сокр. Не правда ли, что риторы, напримѣръ, или имѣя знаніе, или думая, что знаютъ, всякій разъ совѣтуютъ намъ—одни касательно войны и мира, другіе касательно созиданія стѣнъ и постройки гаваней? Однимъ словомъ: что

ни дѣлаетъ когда-нибудь городъ для другаго города, или самъ 145.
для себя,—все бываетъ по совѣту риторовъ.

Алк. Ты правду говоришь.

Сокр. Такъ смотри и слѣдующее за этимъ: съумѣю ли разобрать дѣло [1]? Ты, вѣроятно, называешь людей разумными и неразумными?

Алк. Называю.

Сокр. И не многихъ ли — неразумными, а немногихъ разумными?

Алк. Такъ.

Сокр. И смотря на что-нибудь, называешь тѣми и другими?

Алк. Да.

Сокр. А назовешь ли ты разумнымъ того, кто умѣетъ B.
совѣтовать, не зная, почему что-нибудь лучше и когда лучше?

Алк. Нѣтъ.

Сокр. Думаю,—и того, кто самую войну-то знаетъ, не зная, когда она лучше, и (во столько) во сколько времени лучше. Не правда ли?

Алк. Да.

Сокр. Не правда ли, что—и того, кто умѣетъ убить, отнять деньги, изгнать изъ отечества, не зная, когда лучше и кого лучше?

Алк. Конечно нѣтъ.

Сокр. Слѣдовательно, кто знаетъ что-либо такое, и его C.
знаніе сопровождается знаніемъ наилучшаго, тотъ почерпаетъ пользу, вѣроятно, въ этомъ самомъ знаніи. Не правда ли?

Алк. Да.

Сокр. И мы назовемъ его человѣкомъ разумнымъ и

[1] *Съумѣю ли разобрать дѣло* — ἂν δυνηθῶ. Это выраженіе вовсе не платоновское, но скорѣе походитъ на буквальный переводъ латинской фразы: num potis fuerim. Сократъ хотѣлъ сказать: въ состояніи ли буду я разсмотрѣть дѣло, εἰ ἱκανός εἰμι, или, εἰ οἷος τ' εἰμι.

удовлетворительнымъ совѣтникомъ какъ городу, такъ и самому себѣ; а дѣлающаго [1] противное этому не назовемъ. Или тебѣ не кажется?

Алк. По мнѣ такъ.

Сокр. Что же? изъ тѣхъ, которые умѣютъ ѣздить верхомъ, стрѣлять изъ лука, или опять—биться на кулакахъ, либо бороться, также вступать въ другіе подвиги и дѣлать
D. въ томъ же родѣ все иное, относящееся къ искуству, кто, скажешь ты, въ этомъ искуствѣ [2] бываетъ лучшимъ? Напримѣръ, въ верховой ѣздѣ—не тотъ ли, кто искусно ѣздитъ верхомъ?

Алк. Тотъ.

Сокр. А въ борьбѣ, думаю, тотъ, кто искусно борется; въ игрѣ на флейтѣ — тотъ, кто искусно играетъ; вѣроятно, и другое подобно этому [3]. Или какъ иначе?

Алк. Не иначе, а такъ.

Сокр. Но кажется ли тебѣ, что знатоку въ этихъ дѣлахъ необходимо быть также и человѣкомъ разумнымъ [4]? Или скажемъ, что далеко до этого?

E. *Алк.* Конечно далеко, клянусь Зевсомъ.

Сокр. Каково же, будетъ, думаешь, общество хорошихъ стрѣлковъ и флейщиковъ, также борцовъ и другихъ искусниковъ, перемѣшанныхъ съ людьми, о которыхъ мы сейчасъ говорили, которые то-есть знаютъ это самое — вести

---

[1] *А дѣлающаго противное этому не назовемъ.* Здѣсь τὸν δὲ μὴ ποιοῦντα крайне неумѣстно; ибо состоянію разумности должно противуполагаться состояніе, а не дѣйствіе. Платонъ сказалъ бы: τὸν δ' ἐναντίον ἔχοντα.

[2] *Кто—въ этомъ искуствѣ бываетъ лучшимъ.* Здѣсь въ выраженіи κατὰ ταύτην τὴν τέχνην мѣстоимѣніе ταύτην, по какой-то странной нерадивости писателя, стоитъ вмѣсто ἑκάστην τούτων.

[3] *И другое, подобное этому*—καὶ τἄλλα ἀνὰ λόγον τούτοις. Платонъ никогда такъ не говорилъ. Въ этомъ случаѣ онъ сказалъ бы: καὶ τἄλλα δὴ ὡσαύτως. Дѣло, конечно, неважное; но оно указываетъ на оттѣнокъ языка, привычный извѣстному писателю, и помогаетъ отличать подложное сочиненіе отъ подлиннаго.

[4] *Необходимо быть также человѣкомъ разумнымъ* — ἀναγκαῖον εἶναι — ἄρα καὶ ἄνδρα φρόνιμον. Частица ἄρα здѣсь не имѣетъ никакого значенія. Мнѣ кажется, вмѣсто ἄρα надобно читать ἅμα.

войну и умерщвлять,—и сверхъ того съ риторами, дышущими вѣтромъ политики, — когда всѣ эти люди не имѣютъ знанія о наилучшемъ, и о томъ человѣкѣ, который знаетъ, когда лучше пользоваться каждымъ изъ нихъ и для кого 146.
лучше?

Алк. Мнѣ кажется, худое, Сократъ.

Сокр. Ты сказалъ бы это тѣмъ болѣе, когда увидѣлъ бы, что каждый изъ нихъ тщеславится, и въ своемъ занятіи *поставляетъ важнѣйшую часть дѣлъ общественныхъ,*

Чтобы быть самого себя превосходнѣй [1]

(разумѣю въ самомъ искуствѣ наилучшее); а въ наилучшемъ для города и для него самого большею частію погрѣшаетъ— потому, думаю, что вѣритъ мнѣнію безъ размышленія [2].
Когда же все это идетъ такъ,—не справедливо ли сказали бы B.
мы, что такое общество исполнено великихъ тревогъ и несообразностей съ законами?

Алк. Конечно справедливо, клянусь Зевсомъ.

Сокр. Такъ не казалось ли намъ по необходимости, что напередъ мы должны либо думать, что знаемъ, либо въ самомъ дѣлѣ знать то, что намѣрены съ готовностію или дѣлать или говорить?

Алк. Казалось.

Сокр. Но пусть кто-нибудь дѣлалъ бы, что̀ знаетъ, или думаетъ, что знаетъ, и его дѣятельность сопровождалась бы знаніемъ наилучшаго:—полезна ли и выгодна ли она была бы для города и для него самого?

Алк. Почему же не такъ? C.

Сокр. Вѣдь еслибы, думаю, было противное этому; то не было бы пользы ни городу, ни ему самому.

Алк. Конечно нѣтъ.

---

[1] Писатель беретъ эти слова изъ Еврипидовой Антіопы, по подражанію извѣстному мѣсту въ Платоновомъ Горгіасѣ (p. 484 E), гдѣ тѣ же стихи приводятся гораздо приличнѣе.

[2] *Вѣритъ мнѣнію безъ размышленія,* или безъ ума, ἄνευ νοῦ. Эта мысль прекрасно раскрыта Платономъ въ Менонѣ (p. 99 B. C).

Сокр. Что же? и теперь еще это кажется тебѣ такъ, или какъ иначе?

Алк. Нѣтъ не иначе, а такъ.

Сокр. Но не сказалъ ли ты, что неразумными называешь многихъ, а разумными немногихъ?

D. *Алк.* Сказалъ.

Сокр. И не скажемъ ли опять, что многіе погрѣшаютъ противъ наилучшаго, такъ что большею-таки частію вѣрятъ, думаю, мнѣнію безъ ума?

Алк. Конечно говорилъ.

Сокр. Стало-быть, многимъ полезно и не знать ничего, и не думать, что знаютъ, если только они будутъ усиливаться дѣлать то, чтȯ знаютъ, или думаютъ, что знаютъ, и дѣлая, станутъ больше приносить вреда, чѣмъ пользы.

Алк. Весьма справедливо.

Сокр. Итакъ видишь, не правильно ли я въ самомъ дѣлѣ, по твоему мнѣнію, говорилъ, утверждая, что стяжаніе-
E. то всѣхъ частныхъ знаній, если оно имѣется у кого-нибудь безъ знанія о наилучшемъ, должно быть, мало пользуетъ, а больше вредитъ тому, кто его имѣетъ?

Алк. Если не тогда, Сократъ, то теперь мнѣ это кажется.

Сокр. Слѣдовательно и городъ и душа, если они намѣрены жить правильно, должны держаться этого знанія — точно такъ, какъ больной держится врача, или желающій
147. безопасно плавать — кормчаго, чтобы заранѣе не овладѣло душою дыханіе вѣтра [1]; ибо безъ этого знанія, при стяжаніи ли денегъ, при крѣпости ли тѣла, или при другихъ подобныхъ благахъ, необходимы бываютъ, повидимому, тѣмъ

---

[1] *Чтобы заранѣе не овладѣло душою дыханіе вѣтра* — ὥσῳ περ ἂν μὴ πρότερον ἐπουρίσῃ τὸ τῆς ψυχῆς. Это мѣсто критики всегда находили почему-то весьма темнымъ и оттого, думая, что оно испорчено, предполагали разныя исправленія. Но я не вижу никакой нужды исправлять его. Надобно только замѣтить, что глаголъ ἐπουρίζειν нерѣдко употребляется отрѣшенно, а μὴ πρότερον здѣсь должно управлять подразумѣвающимися словами: τοῦ ἀντέχεσθαι κυβερνήτου τινός.

бóльшія отъ всего этого погрѣшности. Въ самомъ дѣлѣ, кто пріобрѣлъ такъ называемое многознаніе и многонаучность, и увлекается каждою изъ наукъ, а бѣденъ этимъ знаніемъ; тотъ, по всей справедливости, не подвергается ли сильной бурѣ и, проводя время на морѣ безъ кормчаго [1], надолго ли, B.
думаю, сохраняетъ жизнь? Такъ-то и здѣсь, по моему мнѣнію, сбывается изреченіе поэта, который, укоряя кого-то, говоритъ:

Много узналъ онъ вещей, но узналъ все это худо [2].

Алк. Да какимъ же образомъ, Сократъ, идетъ сюда это изреченіе поэта? Вѣдь оно, мнѣ кажется, здѣсь вовсе не кстати.

Сокр. Напротивъ, очень кстати; только оно сказано загадочно, почтеннѣйшій, какъ говорятъ — и этотъ, и почти всѣ поэты. Вѣдь всякая поэзія по природѣ загадочна, и не каждому встрѣчному понять ее. Да и кромѣ того, что поэзія по природѣ такова,—она, прививаясь къ человѣку завист- C.
ливому, который хочетъ не выказывать намъ, а сколько можно болѣе скрывать свою мудрость, является дѣломъ уже чрезвычайно неразгаданнымъ,—что такое разумѣется у

---

[1] *Проводя время на морѣ безъ кормчаго, надолго ли, думаю, сохраняетъ жизнь?* Въ подлинникѣ эти слова стоятъ съ иною интерпункціею: ἄνευ κυβερνήτου διατελῶν ἐν πελάγει, χρόνον οὐ μακρὸν βίον ϑέων. По этой интерпункціи, съ одной стороны, къ глаголу ϑέων относятся два различныхъ винительныхъ, что заставило Стефана βίον измѣнить въ βιοῦ, а съ другой—причастіе διατελῶν остается безъ сказуемаго, что придаетъ ему значеніе крайне неопредѣленное. Чтобы затемненный этимъ смыслъ рѣчи представить съ надлежащею ясностію, я слово χρόνον отношу къ причастію διατελῶν и отдѣляю его запятою.

[2] Этотъ стихъ взятъ изъ Омирова Маргиса и, по мнѣнію Васенберга (ad vitam Homeri p. 11), читаемъ былъ такъ: πολλά μὲν ᾔδεεν ἔργα, κακῶς δὲ μάλ' ᾔδεε πάντα. Но такъ какъ ясный смыслъ этого стиха не подтверждалъ мысли Сократа, что науки часто бываютъ безполезны, даже вредны; то онъ слова поэта лукаво извращаетъ и полагаетъ, что подъ словомъ *худо* (κακῶς) поэтъ разумѣлъ *худое*, а подъ словомъ *узналъ—знать;* какъ будто бы, то-есть, значеніе стиха было таково: πολλὰ μὲν ἠπίστατο ἔργα, κακὸν δὲ ἐπίστασϑαι πάντα (αὐτῷ ἦν),—

Много зналъ онъ вещей, но вещи все были худыя.

каждаго изъ поэтовъ. Вѣдь и Омиръ-то, божественнѣйшій и мудрѣйшій поэтъ, понималъ, кажется, что невозможно знать худо, когда говорилъ, что *Маргисъ хотя и много зналъ, но*
D. *все зналъ худо;* только онъ говоритъ, думаю, загадочно, употребляя слово *худо* вмѣсто *худое,* и *зналъ* вмѣсто *знать.* Въ такомъ соединеніи слова его не входили въ метръ; однакожъ видно, чего онъ хотѣлъ: (онъ понималъ такъ, что Маргита) зналъ много вещей, но худо было ему знать всѣ ихъ. Итакъ явно, что если худо было ему знать многое; то онъ, когда надобно вѣрить вышесказанному, былъ человѣкъ плохой.

E. *Алк.* Да, мнѣ кажется, Сократъ. Съ трудомъ повѣрилъ бы я какимъ-нибудь инымъ словамъ, еслибы не повѣрилъ этимъ.

Сокр. И правильно кажется тебѣ [1]. Но вотъ, ради Зевса:— ты видишь, конечно, каково и сколь велико мое недоумѣніе, въ которомъ, кажется мнѣ, и самъ принимаешь участіе,—нисколько не перестаешь бросаться туда и сюда; но что очень
148. казалось тебѣ и что одобрялъ, то самое теперь уже не кажется такимъ. Итакъ, если и сегодня еще явится тебѣ Богъ, къ которому идешь, и прежде чѣмъ будешь молить его о чемъ-либо, спроситъ тебя: — удовлетворишься ли ты, ставъ тѣмъ-то, о чемъ вначалѣ говорено было? а потомъ позволитъ самому тебѣ просить (чего хочешь); то скорѣе ли согласишься взять себѣ то, что дастъ тебѣ онъ самъ, или то, о чемъ думаешь молиться ты?

Алк. Но клянусь богами, Сократъ, я не могу ничего сказать на это. Дѣло-то, мнѣ кажется, глупое [2] и по истинѣ

---

[1] *И правильно кажется тебѣ.* По подлинному тексту, вслѣдъ за этимъ Алкивіадъ говоритъ: πάλιν αὖ μοι δοκεῖ. Но такой повторительный отвѣтъ Алкивіада нетолько не по характеру Платоновой рѣчи, но и не требуется по самому логическому ходу разговора. Это походитъ на что-то внесенное случайно и притомъ рукою невѣжественною. Трудно вообразить, чтобы порядочный писатель непосредственно соединилъ въ одной фразѣ πάλιν αὖ. Посему, слѣдуя Асту, я позволилъ себѣ счесть это выраженіе излишнимъ и оставить его безъ перевода.

[2] *Дѣло-то, мнѣ кажется, глупое* — ἀλλὰ μάργον τί μοι δοκεῖ. Здѣсь слово μάργος едва ли не аллюзія на Маргиса, изъ котораго взятъ вышеприведен-

требующее великой осторожности, какъ бы, по незнанію, не B.
попросить его о чемъ-нибудь худомъ, почитая это хорошимъ, а потомъ немного спустя, какъ и ты говорилъ, пѣть иную пѣсню и отмаливаться отъ того самаго, о чемъ прежде молился.

Сокр. Такъ не больше ли насъ зналъ тотъ поэтъ, объ изреченіи котораго я упомянулъ вначалѣ, который, то-есть, просилъ, чтобы Богъ отвратилъ отъ насъ бѣдствія, хотя бы, мы и молились о нихъ?

Алк. Мнѣ кажется.

Сокр. Подражая ли этому-то поэту, Алкивіадъ, или такъ
сами размысливши, и Лакедемоняне всегда, какъ частно, C.
такъ и всенародно совершаютъ подобную же молитву, чтобы, то-есть, боги даровали имъ, кромѣ добраго, прекрасное,—и никогда не слышно, чтобы кто изъ нихъ просилъ чего-нибудь бóльшаго. Поэтому-то они и до настоящаго времени счастливы никого не менѣе. Если же и случается у нихъ, что не все бываетъ благополучно, то это не отъ молитвы ихъ: у боговъ, я думаю, есть опредѣленіе—давать и то, о чемъ кто
молится, и противное тому. Хочу разсказать тебѣ и нѣчто D.
другое, что я слышалъ отъ нѣкоторыхъ стариковъ. Когда между Аѳинянами и Лакедемонянами происходила вражда,—всегда случалось такъ, что нашъ городъ, сражаясь съ ними на сушѣ и на морѣ, терпѣлъ неудачи и никогда не могъ одолѣть ихъ. Досадуя на это и недоумѣвая, какое бы от-
крыть средство для отвращенія настоящихъ бѣдствій, Аѳиня- E.
не посовѣтовались между собою и признали наилучшимъ дѣломъ послать къ Аммону и спросить его между прочимъ о томъ, за что боги даруютъ побѣду скорѣе Лакедемонянамъ, нежели имъ, тогда какъ мы, говорили они, въ сравненіи съ прочими Эллинами, приносимъ богамъ самыя большія и прекраснѣйшія жертвы, украсили вкладами храмы ихъ, какъ ни-

---

ный стихъ Омира. Если моя догадка справедлива, то въ этой аллюзіи далеко нѣтъ той аттической соли, которою такъ украшается рѣчь Платона.

кто другой, ежегодно давали имъ многостоющіе и благоговѣй-
149. нѣйшіе праздники, и вносили деньги, сколько не вносили ихъ всѣ прочіе Греки. Лакедемоняне же, продолжали они, никогда не заботятся ни о чемъ этомъ, но такъ невнимательны къ богамъ, что каждый разъ приносятъ имъ въ жертву животныхъ увѣчныхъ, да и во всемъ прочемъ оказываютъ гораздо менѣе богопочтенія, чѣмъ мы, хотя нажили они денегъ не менѣе, чѣмъ нашъ городъ. Когда Аѳиняне высказали это
B. и спросили, что надобно дѣлать имъ, чтобы найти средство избавиться отъ настоящихъ золъ, пророкъ не отвѣчалъ [1] ничего — (явно, что богъ не позволялъ), — но, призвавши Аѳинянъ, сказалъ: вотъ что говоритъ Аммонъ. Ему гораздо угоднѣе, говоритъ, благоглаголаніе Лакедемонянъ, нежели всѣ жертвоприношенія Эллиновъ. Только это сказалъ онъ, и далѣе—ни слова. А подъ благоглаголаніемъ [2] богъ разумѣлъ, кажется, не иное что, какъ молитву ихъ; ибо она въ самомъ дѣлѣ весьма отлична отъ молитвъ другихъ городовъ. Прочіе Эллины, либо представляя златоро-
C. гаго вола, либо одаряя боговъ вкладами, просятъ ихъ, о чемъ случится,—то о добрѣ, то о злѣ. Посему боги, слыша худо выражаемыя молитвы ихъ, не принимаютъ многостоющихъ торжествъ и жертвъ. Да; мнѣ кажется, нужна

---

[1] *Пророкъ не отвѣчалъ ничего* — ἄλλο μὲν οὐδὲν ἀποκριθῆναι τὸν προφήτην. Въ этомъ выраженіи, какъ и во множествѣ другихъ, мы замѣчаемъ новый слѣдъ позднѣйшаго происхожденія разговора. Форма глагола ἀποκριθῆναι, вмѣсто ἀποκρίνασθαι, относится уже къ позднѣйшему развитію языка; потому что въ языкѣ древнѣйшемъ ἀποκριθῆναι значило отступать, а не отвѣчать. Это подтверждаетъ и Аммоній (p. 21): ἀποκριθῆναι καὶ ἀποκρίνασθαι διαφέρει, говоритъ онъ. Ἀποκριθῆναι μὲν γάρ ἐστι τὸ ἀποχωρισθῆναι· ἀποκρίνασθαι δὲ τὸ ἐρωτηθέντα λόγον δοῦναι. О такомъ различіи этихъ формъ говорятъ также *Phrynichus* p. 108. *Eustath.* ad Iliad. E. 12. *Sturzius* de Dialecto Alex. p. 148.

[2] *А подъ благоглаголаніемъ богъ — разумѣетъ...* τὴν γοῦν εὐφημίαν. Считаю небезполезнымъ обратить вниманіе молодыхъ филологовъ на неумѣстное употребленіе здѣсь союза γοῦν вмѣсто οὖν. Явно, что въ этомъ выраженіи нѣтъ никакой причины ограничивать значеніе частицы οὖν; ибо по ограниченіи, она соотвѣтствовала бы уже русскому слову—*такъ-то*, чего настоящая мысль не допускаетъ.

великая осторожность и вникательность,—что̀ надобно говорить и что̀ нѣтъ. Ты найдешь другія, подобныя этимъ слова и у Омира. Онъ говоритъ, что Трояне [1], строя лагерь,

Полную тамъ принесли гекатомбу безсмертнымъ, D.
Запахъ же вѣтры съ поля того уносили на небо
Сладостный. Но не склонились къ нему блаженные боги,
Не восхотѣли они; досадилъ имъ священный Иліонъ,
Досадилъ и Пріамъ, и народъ броненосца Пріама;

такъ что, досадивши богамъ, безполезно закалали они жерт- E.
вы, и напрасны были дары ихъ. Вѣдь свойство боговъ, думаю, не таково, чтобы они привлекались дарами, какъ злой ростовщикъ, и мы глупо говоримъ, утверждая, будто этимъ превосходимъ Лакедемонянъ. Да и бѣдственно было бы, еслибы наши боги смотрѣли на дары и жертвы, а не на душу,
благочестива ли она и праведна. На нее смотрятъ они, 150.
думаю, гораздо болѣе, чѣмъ на эти многостоющія торжества и жертвы, которыя ничто не мѣшаетъ ежегодно совершать и частному человѣку, и цѣлому городу, хотя бы онъ сдѣлалъ много преступленій противъ боговъ и человѣковъ. Они, не привлекаясь дарами, презираютъ все это, какъ говоритъ богъ и пророкъ божій. Слѣдовательно и у боговъ, и у человѣковъ, если они имѣютъ умъ, особенно уважаются,
должно быть, справедливость и разумность. Разумны же и B.
справедливы—только тѣ, которые знаютъ [2], что̀ должно дѣлать и говорить въ отношеніи къ богамъ и людямъ. Хотѣлъ бы я слышать и отъ тебя, что̀ ты думаешь объ этомъ.

Алк. Но мнѣ, Сократъ, не иначе кажется, какъ тебѣ и

---

[1] Этихъ стиховъ ни въ кодексахъ Омировыхъ сочиненій, ни въ древнихъ изданіяхъ ихъ не находится. Они первоначально взяты были изъ настоящаго мѣста въ Алкивіадѣ и Барнезіемъ внесены въ Иліаду. См. VIII, 548. То же, по примѣру Барнезія, сдѣлалъ и Вольфій. См. *Wolf.* Prolegg. p. XXXVII. Снес. *Heyn.* ad Iliad. T. V. p. 511 seqq.

[2] Οὐκ ἄλλοι τινὲς εἰσὶν ἢ τῶν εἰδότων. Надлежало бы сказать или: οὐκ ἄλλοι τινὲς ἢ οἱ εἰδότες, или: οὐκ ἄλλοι τινὲς τῶν εἰδότων. Обѣ конструкціи здѣсь слиты въ одну. Впрочемъ снес. *Matthiae* Gr. § 450. 2.

богу. Да и не шло бы мнѣ подавать мнѣніе, противное божественному.

Сокр. А не помнишь ли, ты говорилъ, что весьма опасаешься, какъ бы, по незнанію, не попросить себѣ зла, почитая его добромъ?

C. *Алк.* Помню.

Сокр. Такъ видишь, что не безопасно тебѣ идти къ богу съ молитвою, чтобы онъ,—вѣдь можетъ и такъ случиться,—внимая худо выражаемой молитвѣ твоей, не отвергъ этой жертвы, и чтобы тебѣ не пришлось получить что-нибудь другое. Поэтому, я думаю, всего лучше молчать; ибо молитвою Лакедемонянъ, которая почитается наилучшею рѣчью при неразуміи, ты, по высокоумію, воспользоваться, ду-
D. маю, не захочешь. Итакъ необходимо ждать, пока кто не научитъ, какъ должно располагаться въ отношеніи къ Богу и къ людямъ.

Алк. Когда же наступитъ это время, Сократъ? и кто будетъ наставникомъ? Кажется, съ особеннымъ удовольствіемъ поглядѣлъ бы на этого человѣка, кто онъ.

Сокр. Это—тотъ, который печется о тебѣ [1]. Но мнѣ кажется, что какъ, по сказанію Омира, Аѳина прогнала мракъ отъ очей Діомида [2],

Чтобъ хорошо могъ знать онъ и Бога, и человѣка:

E. такъ и у тебя—сперва надобно прогнать мракъ отъ души,

---

[1] *Который печется о тебѣ* — ᾧ μέλει. По мнѣнію Штальбома, Сократъ разумѣетъ здѣсь самого себя: но это, очевидно, несправедливо; потому что требуемый въ этомъ мѣстѣ наставникъ долженъ прежде разогнать мракъ души, чтобы она поняла и приняла его ученіе, да и потому, что этого наставника, какъ говоритъ Сократъ, надобно ожидать. Тонъ и выраженіе въ настоящемъ заключеніи бесѣды ощутительно возбуждаетъ мысль къ чаянію наставника божественнаго. Умы, настроенные раціоналистически, чрезвычайно боятся, какъ бы языческому міру не приписать чувства потребности въ высшей помощи и не замѣтить въ немъ чаянія, что долженъ придти Учитель съ неба.

[2] *Какъ Аѳина прогнала мракъ отъ очей Діомида.* Указывается на мѣсто въ Иліадѣ V, 127 слл.

которымъ она покрыта, а потомъ уже показать ей то, чрезъ что имѣешь познать зло и добро; ибо теперь, мнѣ кажется, ты къ этому неспособенъ.

Алк. Пусть прогонитъ,—мракъ ли то будетъ, или что другое: я готовъ, и никакъ не убѣгу отъ его повелѣній, кто бы ни былъ тотъ человѣкъ, — лишь бы мнѣ сдѣлаться лучшимъ.

Сокр. Да и онъ дивное какое-то имѣетъ о тебѣ по- 151.
печеніе.

Алк. Тогда-то, мнѣ кажется, всего лучше будетъ и принесть жертву.

Сокр. И правильно кажется тебѣ; потому что это вѣрнѣе, чѣмъ неблагоразумно подвергаться столь великой опасности.

Алк. Но какъ же, Сократъ?—въ такомъ случаѣ этотъ вѣнокъ,—за то, что ты прекрасно, повидимому, посовѣтовалъ мнѣ,—я возложу на тебя: а богамъ и вѣнки, и все B.
прочее обычное поднесемъ тогда, когда увижу наступленіе того дня; наступитъ же онъ не чрезъ долгое время, если это будетъ угодно имъ.

Сокр. Принимаю и это, и принялъ бы съ удовольствіемъ все, что ни было бы дано тобою [1]. Какъ Креонъ, по разсказу Еврипида, видя увѣнчаннаго Тиресіаса [2] и услышавъ, что онъ получилъ эту первую награду отъ непріятелей за свое искуство, сказалъ: побѣдный твой вѣнокъ почитаю счастливымъ предзнаменованіемъ; ибо мы, какъ ты знаешь, обуреваемся: такъ и я эту честь отъ тебя почитаю C.
счастливымъ предвѣщаніемъ; ибо выдерживаю бурю, кажется, не меньшую, чѣмъ Креонова, и хотѣлъ бы быть побѣдителемъ твоихъ любителей.

---

[1] *Принялъ бы съ удовольствіемъ*—ἡδέως ἴδοιμι δεξάμενον ἐμαυτόν: выраженіе чрезвычайно странное и какъ-то неловко изысканное. Платонъ сказалъ бы просто: ἡδέως ἂν δεξαίμην.

[2] Разсказъ о Креонѣ и Тиресіасѣ см. Eurip. Phoeniss. 865 слл.

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ

ко 2-й части соч. Платона.

'Αγαθός стран. 266.
Аглаофонъ — 239.
'Αδικεῖν — 399.
'Αδόξαστον — 97.
'Αειδὴς = Αΐδου — 93.
'Ακκὼ — γυνή τις μωρὰ καὶ ἀνόητος — 318.
Алевады — 156.
Алкивіадъ — много думалъ о себѣ — 418; не любилъ флейты—392; былъ легкомысленъ — 294.
Алкивіадъ старшій (παλαιός) — 387.
Алкивіадъ I (діалогъ). Мнѣніе критиковъ объ этомъ діалогѣ — 369; его содержаніе — 370; метода его изложенія и широта взгляда на предметъ — 377; его цѣль — 378; время его написанія — 384.
Алкивіадъ II (діалогъ), его неподлинность—453; содержаніе—453; время появленія его въ свѣтъ — 456.
'Αλλὰ, употребляющееся въ смыслѣ одобренія — 24.
'Αμαθία и ἀλογία — 193.
Аместриса, жена Ксеркса — 426.
Анаксагорово ученіе — 81.
Анитъ — 192.
Антисѳенъ — 62.
Анѳеміонъ — 192.
'Απιστεῖν μὴ οὐκ — 191.
'Αποκριθῆναι и ἀποκρίνασθαι — 478.
Аполлодоръ — 61.
Аргивяне — 104.
Аристиппъ — 62.
Аристократъ — 277.
Аристофонъ—277. 239.
Архелай — 274. 466.
Архидамъ III. — 427.
Асклепіады — 422.
"Αττειν — 415.
Αὐτὸ τὸ αὐτό — 437.
Афидны — 303.
Ахемениды — 421.
Аѳинская республика при Периклѣ — 353.
Аѳинскія стѣны — 251.
Безсмертіе души—69. 77. 81. 88. 93. 107. 112. 114. 130. 185.
Блага — ихъ виды — 188. 245.
Вакхи — 76.
Варвары — 387.
Война семи вождей — 460. 353.
Врачи избирались и нанимаемы были публично — 250.
Гармонія души — 112.
Гармонія ѳивская — 112.
Γενέθλια, γενέσια — 423.
Геометрическія фигуры—символы стихій — 134.
Геометрическое и ариѳметическое уравненіе — 337.
Гермогенъ — 62.
Глаголы, требующіе различныхъ падежей — 167.
Горгіасъ—риторъ—211. 236. 240. 311.
Горгіасъ (діалогъ): главная его мысль и содержаніе—212; его цѣли—главная и второстепенныя — 231; время изданія его въ свѣтъ — 234.

Дедалида — 422.
Δῆλον = δηλοῖ — 17.
Димонаха—мать Алкивіада—426
Δῆτα въ соединеніи съ μὴ и οὐ — 25.
Диѳирамвы — 327.
Діалектическій разговоръ — 164.
Δι' ὄχλου γενέσθαί τινι — 385.
Длиннословіе — 390.
Δοκιμασία εἰς ἄνδρας — 29.
Духи (δαίμονες) — хранители — 131.
Душа: до-мірное существованіе душъ—79; переселеніе душъ—174; судьба душъ по смерти — 359. Одежда души — 360; несоразмѣрности и срамота души — 362.
Εἰς ἀποικίαν ἰέναι и μετοικεῖν — 29.
Εἶτα и ἔπειτα въ рѣчи вопросительной — 18.
Ἔμποροι и κάπηλοι — 351.
Ἐπάδειν — 89.
Ἐπιδείκνυσθαι — 237.
Ἐπουρίζειν — 474.
Εὐεργέτης — 334.
Ἔχθες καὶ πρώην — 274.
Законъ, боящемуся суда позволявшій бѣжать — 19.
Зиѳъ и Амѳіонъ — 334. 300.
Зороастръ — 424.
Ἦ γὰρ οὔ — 464.
Идеи не принимаютъ въ себя противнаго — 124.
Иродикъ Леонтинскій и Силимврійскій — 238.
Кадмъ — 113.
Καὶ послѣ ἵνα и предъ глаголомъ — 391.
Калликлъ — 237.
Калліасъ — 417.
Καταπιττοῦσθαι — 279.
Кинисіасъ — 327.
Клеомвротъ — 62.
Клиніасъ, отецъ Алкивіада — 387.
Κολάζεσθαι — 333.
Κόλασις и τιμωρία — 333.
Кориванты — 34.
Космосъ — 337.
Критонъ — слушатель Сократа — 62.
Критонъ (діалогъ): его задача—7; содержаніе — 9; цѣль — 11; вопросъ о подлинности лица, бесѣдующаго съ Сократомъ — 12.
Ксантиппа и Миртона — 142.
Ктизиппъ пэанійскій — 62.
Лакедемонское богатство — 425.
Λειμῶν (лугъ)—мѣсто сходки душъ за гробомъ — 361.
Λόγοι — въ значеніи идей — 119.
Магія халдейская и персидская — 423.
Μακάριος — 157.
Μανικὸς и σοφός — 405.
Μαντικός — 408.
Μὰ τόν — 268.
Μεγαλοπρέπεια — 161.
Μεγαλόψυχος — 464.
Мелодія — 328.
Μὲν въ рѣчи вопросительной — 176.
Менексенъ — 62.
Менонъ (діалогъ): его мѣсто между діалогами — 147; содержаніе четырехъ его частей — 149; его подлинность — 151; его цѣль, время написанія — 155.
Μετρίως σκοπεῖσθαι — 20.
Мидіасъ—воспитыватель перепеловъ—419.
Мидяне — 357.
Миносъ — 361.
Мистеріи—132; малыя и великія—318.
Мнѣніе и знаніе — 204.
Молитва: ученіе философовъ и Сократа о молитвѣ — 459.
Музыка, по разуму Платона — 64.
Μυθολογεῖν — 66.
Μῦθος — 66.
Νεανικός — 386.
Νεκυίαι — рапсодіи изъ XI-й кн. Иліады — 131.
Никіасъ — 277.
Общественное безчестіе — 337 сл.
Одиннадцать Архонтовъ — 16.
Οἷον τοῦτο ποιεῖς — 406.
Операціи и прижиганія — 252.
Ὄρθρος βαθύς, πρῴ — 14.

'Ορτυγοκόπος — 420.
Отечественный чужестранецъ — 170.
Ὅτι μή, εἰ μή — 30.
Οὐδὲν ποικίλον — 165.
Οὐδὲν οἷον τὸ αὐτὸν ἐρωτᾶν — 293.
Очищеніе съ пятью его степенями—76.
Παιδοτρίβης — 245.
Πάντα χρήματα — 175.
Пенелопа — 97.
Пепаритъ — 412.
Периклъ—развратилъ Аѳинянъ—347; ввелъ награды и жалованье за службу — 348; утаилъ часть общественнаго капитала — 348.
Персъ, родоначальникъ Персовъ—421.
Питоклъ — 416.
Пиѳодоръ — 417.
Платоново ученіе—о мірѣ ноуменальномъ и феноменальномъ — 83; объ идеяхъ ума—85; о состояніи души, привязывающейся къ тѣлу—96.
Плетръ—мѣра протяженій—426.
Πολλὰ ποιῶν ἐξ ἑνός — шуточная поговорка — 167.
Полосъ — 238. 239. 266.
Пословицы: πολέμου καὶ μάχης χρῆναι οὕτω μεταλαγχάνειν; οὐ πόλεμον γε ἀγγέλλεις; κατόπιν οἑρτῆς ἥκομεν καὶ ὑστεροῦμεν—236. Πάντως, οὐ δὴ αὕτη ἡ τιμή—318. Οὐδ' οἱ γείτονες σφόδρα τι αἰσθάνονται—423. Μυσῶν ὁ ἔσχατος; Μυσῶν λεία—357. Δεύτερος πλοῦς—119. Γλαύκου τέχνη—132. Καὶ δὶς γάρ, ὃ δεῖ, καλὸν ἐστιν ἐνίσπειν—322. 'Επὶ σαυτῷ τὴν σελήνην κατέλκεις—343. Παρὸν εὖ ποιεῖν 323. Δέχεσθαι τὸ διδόμενον 323.
Править городомъ и городскимъ—351.
Πράγματα προστάττειν—165.
Праздникъ Тезея—15. 60.
Предсѣдатель Пританіона — 350.
Прекрасное, по понятіямъ Сократа и софистовъ — 282.
Припоминаніе — 175.
Προδρομή — 406.
Происхожденіе противнаго отъ противнаго — 78.
Προσπαλαίειν и ἀκροχειρίζεσθαι — 394.
Πρὸς φιλίου — 324. 398.
Рабскіе волосы — 420.
Радамантъ — 361.
Риторика—263. 250. 291. 267.
Риѳмъ — 328.
Симміасъ и Кевисъ—18. 62.
Σκεύη, σκευάρια — 406.
Сны по-полуночи — 16.
Слово Божіе и человѣческое—99.
Собираніе голосовъ — 244.
Сократъ — отказывается отъ приглашеній ко дворамъ — 31; высказываетъ свое понятіе о тѣлѣ, какъ объ источникѣ зла — 72; о присутствіи въ душѣ чего-то такого, что нудитъ насъ познавать истину — 72; замѣтки о времени перваго знакомства съ Алкивіадомъ—385; о взглядѣ его на философію—74, на ея цѣль —181; на счастіе — 310.
Софизмы — 173. 253.
Софистическое ученіе — о доброхотствованіи друзьямъ и дѣланіи зла врагамъ — 25. О философіи — 298.
Софисты и риторы — 265.
Спартанцы — происходили отъ Эвристена—421; сохраняли скромность въ одеждѣ и образѣ жизни — 348.
Сражснія при Танагрѣ и Херонеѣ — 403.
Сыновья Перикла — 416.
Συγραφικῶς — 123.
Талантъ — мѣра нумизм. —426.
Τί δὲ δή — 25.
Торпиль — 172.
Трагедія и трагики — 328.
Τραγικὴ ἀπόκρισις — 166.
Τύχῃ ἀγαθῇ — 16.
Турухтанъ — 313.
Федонъ (діалогъ): его идея — 37; содержаніе—38; пиѳагорейскій характеръ ученія — 55; время написанія — 56.
Φυτᾶν — 392.
Χθιζὰ καὶ πρωϊζά — 465.

Холаргисъ — 303.
Эакъ — 361.
Эвинъ—65.
Эвклидъ—62.
Эврипъ—проливъ—106.
Эврисакъ—422.
Эмпедоклъ—311.
Эндиміонъ—81.
Эпигенъ—62.
Эрехтей—442.
Эрхія—селеніе—426.
Эсхинъ—62.
Ядъ—69. 142.
Ѳессаліянки свели луну—343.
Θεωρίαι—30.
Ὡις δή—271.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.				
20	Напечатано:	λυαρεῖν	Читай:	φλυαρεῖν
23	»	выйти	»	выдти
28	»	получивъ бытiе	»	поличивъ отъ насъ бытiе
56	»	источннкъ	»	источникъ
57	»	книгѣ	»	книгѣ
»	»	путешеттвiя	»	путешествiя
118	»	божественваго	»	божественнаго
—	»	докнзывать	»	доказывать
119	»	взысказать	»	высказать
»	»	ἰν	»	ἐν
127	»	на приметъ	»	не приметъ
»	»	противво	»	противно
142	»	растиались	»	растирались
187	»	εἱ	»	εἰ
193	»	'Αμαθία	»	'Αμαθία
236	»	αγγέλεις	»	ἀγγέλλεις
»	»	ἐπὶ	»	ἐπί.
241	»	141	»	241
250	»	прибивамъ	»	прибавимъ
271	»	Въ подлиникѣ	»	Въ подлинникѣ
297	»	481	»	484
298	»	сроднитъ	»	сроднить
305	»	лучшими, двухъ	»	лучшими двухъ,
314	»	какбы	»	какъ бы
357	»	злонанамѣреннымъ	»	злонамѣреннымъ